#5/5:A

Н. Р. ГАЙСТЕРЪ
УЧИТЕЛЬСКАЯ БИБЛІОТЕКА
1 УЧАСТКА КУРГАНСКАГО УѢЗДА
Тобольской губерніи
ОТДѢЛЪ V № 32

Коллекция
Н. Гапонюка

№ 15
БИБЛИОТЕКА
Отд. 9/3а № 323

ПО СѢВЕРУ РОССІИ.

Томъ III.

Балтійская сторона.

К. Случевскій — По Сѣверу Россіи. Т. III.

БАЛТІЙСКАЯ СТОРОНА.

ПУТЕШЕСТВІЯ

Ихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ Высочествъ

Великаго Князя

Владиміра Александровича

и Великой Княгини

Маріи Павловны

въ 1886 и 1887 гг.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА № 1
№ 6658 Шифр 91 (47)
С. 48.

Съ картою пути.

УЧИТЕЛЬСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ПУЧАСТКА КУРГАНСКАГО УѢЗДА
Тобольской губерніи
ОТДѢЛЪ ____ № ____

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Эдуарда Гоппе.
1888.

26.89(21)

Съ соизволенія Его ИМПЕРАТОРСКАГО Высочества
Великаго Князя ВЛАДИМІРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ОТДѢЛЪ №

Типографія Эдуарда Гонне, Вознесенскій пр., № 53.

-0154878-

Государственная библиотека Югры | РФ

УЧИТЕЛЬСКАЯ БИБЛІОТЕКА
1 УЧАСТКА КУРГАНСКАГО УѢЗДА
Тобольской губерніи
ОТДѢЛЪ. № .

Издавая III томъ путешествій Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Владиміра Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны, подъ заглавіемъ »Балтійская сторона«, составляющій продолженіе томовъ I и II »По сѣверу Россіи«, авторъ считаетъ своею непремѣнною обязанностью сказать нѣсколько предварительныхъ словъ.

Со времени печатанія корреспонденцій о путешествіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ прибалтійскомъ краѣ, лѣтомъ 1886 года, появились за-границею анонимныя брошюрки, далеко не щадящія самолюбія автора; его простой разсказъ о томъ, что было видимо и замѣчаемо въ пути, что подсказало ознакомленіе съ исторіею, — названъ »поэмою« о прибалтійскомъ краѣ, т. е. вымысломъ.

Имѣвъ счастіе сопутствовать Ихъ Императорскимъ Высочествамъ въ теченіе послѣдовательныхъ путешествій въ годахъ 1884, 1885, 1886 и 1887, авторъ всегда задавался мыслію быть вполнѣ безпристрастнымъ. Если относительно прибалтійскаго края его обвиняютъ въ противномъ, если находятъ, что онъ за время самаго путешествія измѣнилъ характеръ корреспонденцій — что справедливо и не могло быть инымъ при ознакомленіи съ краемъ не по книгамъ, а на мѣстѣ — то единственною защитою его, но безконечно достаточною, должны служить двѣ рѣчи, сказанныя въ краѣ этомъ: одна— въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ II, другая — Августѣйшимъ сыномъ Его, Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ.

Между обѣими этими рѣчами прошло цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ. Если-бы вслѣдъ за первою было исполнено, съ подобающею точностью, то, что высказано въ ней въ качествѣ Императорскихъ пожеланій, то вторая рѣчь — рѣчь Великаго Князя — вовсе не имѣла-бы мѣста. Такъ какъ она была, однако, сказана, то никто не имѣетъ права усомниться въ томъ, что этому имѣлись вполнѣ достаточныя основанія, и что далеко не все совершалось и совершается въ прибалтійскомъ краѣ такъ, какъ подобаетъ, согласно двумъ мощнымъ основаніямъ Россійской Имперіи — Самодержавію и Православію.

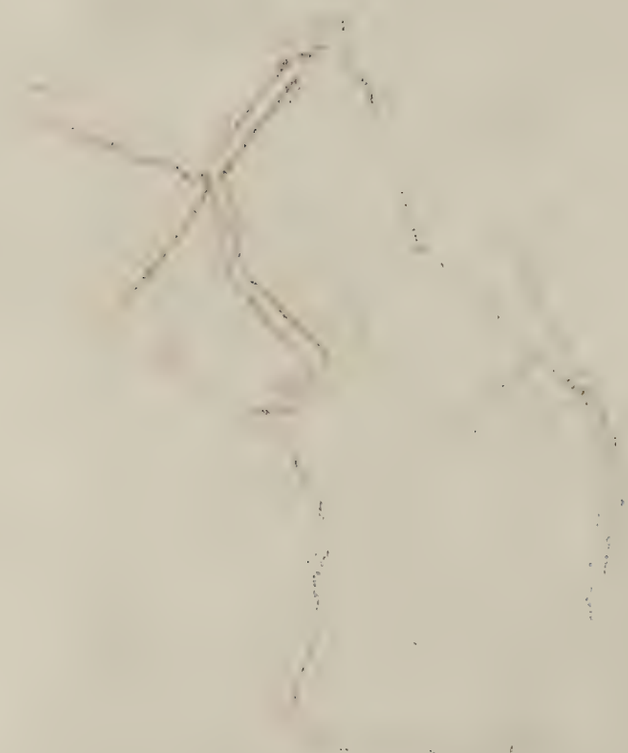
Въ этомъ сопоставленіи, раздѣленныхъ двадцатью пятью годами, обѣихъ рѣчей, приведенныхъ вполнѣ на страницахъ 259—261, единственная защита, единственное оправданіе автора. Если въ письма его, за спѣшностью ихъ печатанія вкрались нѣкоторыя ошибки, то онѣ, по мѣрѣ силъ, исправлены, но уголъ зрѣнія, подъ которымъ письма писаны, измѣниться не могъ, по той простой причинѣ, что прямыя линіи, его составляющія — это двѣ высокознаменательныя рѣчи, сказанныя на почтенномъ промежуткѣ цѣлыхъ—двадцати-пяти лѣтъ.

Къ III тому „Балтійская сторона“ рисунковъ не прилагается, потому что мѣстности, въ немъ описанныя, неоднократно иллюстрированы и, вслѣдствіе этого, очертаніями своими въ значительной степени знакомы.

УЧИТЕЛЬСКАЯ БИБЛІОТЕКА
1 УЧАСТКА КУРГАНСКАГО УѢЗДА
Тоболькой губ.
ОТДѢЛЪ ____ № ____

1886

УЧИТЕЛЬСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ПУЧАСТКА КУРГАНСКАГО УѢЗДА
Тобольской губерніи
ОТДѢЛ. _____ № _____



КАРТА

БАЛТІЙСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ

СЪ ОБОЗНАЧЕНІЕМЪ МАРШРУТА СЛЬДОВАНІЯ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ

въ 1886 и 1887 годахъ

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА. С.П.Б.

Путь слѣдованія Его Императорскаго Высочества въ 1886 году

Путь слѣдованія Его Императорскаго Высочества въ 1887 году

Путь слѣдованія Ея Императорскаго Высочества въ 1887 году

УЧИТЕЛЬСКАЯ БИБЛІОТЕКА
1 УЧАСТКА КУРГАНСКАГО УѢЗДА
Тобольской губерніи.
ОТДѢЛЪ № .

ОЧЕРКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.

Предстоявшее въ іюнѣ 1886 года путешествіе Великаго Князя Владиміра Александровича и Его Августѣйшей Супруги продолжило личное ознакомленіе Его Высочества съ тѣми частями петербургскаго военнаго округа, Высочайше ему ввѣреннаго, которыя еще не были посѣщены въ путешествіяхъ 1884 и 1885 годовъ, въ обширномъ сѣверномъ районѣ, обнимающемъ почти четверть европейской Россіи, и которыя стояли теперь на очереди. Кромѣ того, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, Великій Князь посѣтилъ и нѣкоторыя части виленскаго военнаго округа, такъ что наша военная морская граница, отъ Выборга до Либавы и прибалтійскій край, были осмотрѣны цѣлостно. Его Высочество изучилъ съ достаточною подробностью только что названную границу, имѣющую громадную стратегическую важность, и личный осмотръ только довершилъ то, что было подготовлено путемъ теоретическаго ознакомленія. Съ послѣднею цѣлью былъ произведенъ въ 1885 году рядъ частныхъ рекогносцировокъ и выяснены всѣ условія обороны во время бывшихъ въ штабѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, въ теченіе двухъ предшествовавшихъ зимъ, весьма поучительныхъ и интересныхъ сообщеній. Теперь оставалось повѣнчать дѣло и сдѣлать общую сводку, конечные результаты которой зависѣли отъ личнаго Его Высочества впечатлѣнія и оцѣнки на мѣстѣ научнаго матеріала.

Согласно утвержденному маршруту путешествіе длилось съ 8 іюня по 4 іюля, и сдѣлано всего около 3.000 верстъ.

Надо было полагать, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, что Великій Князь, посвящая большинство времени военному дѣлу, не преминетъ обратить свое вниманіе и на другія, самыя разнообразныя стороны жизни тѣхъ мѣстностей которыя предстояло посѣтить. А мѣстности эти были чрезвычайно разнообразны, какъ въ историческомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи.

Какъ художественное противуположеніе прибалтійскому краю, посѣщенному почти на всемъ его протяженіи, будто для сравненія, Августѣйшіе Путешественники видѣли небольшой уголокъ скалистой Финляндіи, Выборгъ, который, по взятіи крѣпости въ іюнѣ 1710 года, императоръ Петръ, въ письмѣ къ императрицѣ, назвалъ „крѣпкою подушкой С.-Петербургу, устроенною чрезъ помощь Божію“. Они посѣтили Транзундскій рейдъ, бывшій свидѣтелемъ знаменитой побѣды адмирала Чичагова надъ шведскимъ флотомъ, побѣды обусловившей заключеніе мира и давшей Чичагову: Георгія первой степени, похвальную грамоту, шпагу съ алмазами и 2.417 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Посѣщены были: Вильманстрандъ, могучій водоскатъ Иматры и извѣстный паркъ Монрепо. Финляндія очень характерная страна распредѣленія поземельной собственности, въ особенности по сравненію съ прибалтійскимъ краемъ. Въ прибалтійскомъ краѣ нѣмецкое дворянство окончательно облагодѣтельствовано майскимъ указомъ 1783 года, даннымъ императрицею Екатериною II, повелѣвшимъ: „отъ нынѣ на всегда въ губерніяхъ рижской и ревельской почитать одинъ родъ недвижимыхъ имѣній подъ именемъ вотчинъ.“ Въ Финляндіи, напротивъ того, землевладѣніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Дворянъ	46
Не-дворянъ	305
Крестьянъ	25.000
Разночинцевъ	117

Другимъ противуположеніемъ прибалтійскому краю были: Динабургъ и Псковъ. Въ глубокой древности, въ IX вѣкѣ, теплилось здѣсь имя Св. Великой Княгини Ольги; это коренная русская земля, лежавшая бокъ-о-бокъ съ меченосцами прибалтійскаго края; здѣсь тоже былъ свой мечъ, мечъ князя псковскаго Довмонта; тутъ совершилась побѣда Св. Александра Невскаго, тутъ шумѣло вѣче и сидѣли посадники и, какъ память былаго величія и

богатства, сохранилось краснорѣчивое свѣдѣніе о томъ, что и Псковъ былъ членомъ гордаго Ганзейскаго союза. Но сюда, на Псковъ, съ полною силой опустилась своевременно мощная рука объединявшей Русь Москвы. Тихо и безлюдно Псковское озеро теперь, а въ срединѣ XIII вѣка, въ одномъ изъ походовъ своихъ на Псковъ, рыцари направлялись по озеру на флотиліи, имѣвшей до 9.000 человѣкъ однихъ только матросовъ; сколько же было у нихъ воиновъ? одна изъ эстонскихъ легендъ гласитъ, что озеро это находилось когда-то въ прибалтійскомъ краѣ, но, недовольное людьми, перенеслось сюда по небу облакомъ и, вполнѣ удовлетворенное перемѣной, покоится на новомъ мѣстѣ который уже вѣкъ

Но цѣлостнымъ предметомъ посѣщенія Его Высочества были, какъ сказано, прибалтійскія губерніи.

Историческая жизнь прибалтійскихъ губерній, какъ сложилась дробною, самостоятельною по мѣстностямъ, по преданіямъ, такою осталась она и сегодня, и только мѣропріятія самаго послѣдняго времени вносятъ въ эту жизнь объединеніе правительственное. Каждая изъ губерній, каждый изъ городовъ имѣетъ тутъ свои историческія особенности, и студентамъ юридическаго факультета въ Дерптѣ должно-быть чрезвычайно трудно изученіе всякихъ готскихъ, гамбургскихъ, любекскихъ и мѣстныхъ правъ, имѣющихъ и по-сегодня свое примѣненіе. Если не ошибаемся, тутъ дѣйствуютъ въ настоящее время 10 частныхъ правъ, 3 рыцарскія, 3 городскія, 4 крестьянскія и, какъ помощь имъ, римское право; различныхъ формъ присяги имѣется не менѣе 10. Насколько мозаичны были условія мѣстной жизни еще не очень давно видно изъ того, что на ландтагѣ 1780 подвергалось серіозному обсужденію, и принято рыцарствомъ, постановленіе „о платьяхъ“ (Kleiderordnung), въ силу котораго: возбранялось носить иностранныя кружева и блонды, дѣвушкамъ-дворянкамъ, ранѣе 12 лѣтъ, не позволялось одѣвать шелковыхъ платьевъ, а мальчикамъ, того же сословія, раньше 15 лѣтъ, шелковыхъ панталонъ. Задумано было это постановленіе въ Эстляндіи, а затѣмъ взято и въ сосѣднюю съ нею Лифляндію. Оно является какъ бы продолженіемъ того длиннаго ряда споровъ объ одеждѣ, который вызвалъ требованія орденскаго великаго магистра Книпроде, въ XII вѣкѣ, чтобы бороды были обязательны для всѣхъ, а золотыя кольца на пальцахъ для купцовъ. Кни-

проде имѣлъ въ то время дѣло съ такими рыцарями, которые едва двигались, вслѣдствіе всякихъ обвязывавшихъ ихъ, то и дѣло лопавшихся, ремешковъ, съ рыцарями, которые красились, носили фальшивые волосы и щедро наматывались ватой, для приданія очертаніямъ тѣла красоты. О точномъ опредѣленіи формы одежды ордена и духовенства мѣстные нѣмцы обращались даже къ папѣ и въ 1431, и нѣсколько раньше и позже, и много спорили. Постановленіе 1780 года было, слѣдовательно, блѣднымъ откликомъ на ту же тему, но на новый ладъ.

Особенности городовъ предстоявшихъ Великокняжескому посѣщенію представлялись дѣйствительно очень характерными. При описаніи посѣщеній ихъ необходимо было дать мѣсто, какъ историческимъ воспоминаніямъ, такъ и даннымъ настоящаго времени.

Раньше другихъ посѣщенъ Ревель, главный городъ древней Эстляндіи и губернскій городъ нынѣшней эстляндской губерніи. Здѣсь починъ исторической жизни принадлежитъ датчанамъ, сокрушившимъ эстонскій замокъ Линданиссе. Датскій орденъ Данеброга, часто встрѣчающійся въ числѣ другихъ знаковъ отличій и орденовъ и до сихъ поръ, иногда на груди русскихъ офицеровъ, основанъ въ память одной изъ датскихъ побѣдъ одержанныхъ подъ Ревелемъ. Ослабленіе датской королевской власти обусловило то, что эстляндское рыцарство, откупившись деньгами отъ короля раньше другихъ въ прибалтійскомъ краѣ, стало самостоятельнымъ. Хотя изъ пяти епископствъ края ревельское считалось слабѣйшимъ, но это не мѣшало епископамъ, дѣлая визитаціи церквей, принимать широкія угощенія, длинныя меню которыхъ, какъ мясныя, такъ и рыбныя, еще имѣются налицо въ древнихъ церковныхъ книгахъ. О богатствѣ Ревеля, какъ одного изъ видныхъ членовъ Ганзейскаго союза, свидѣтельствуютъ его глубоко древнія, характерныя церкви; въ одной изъ нихъ имѣется даже „Пляска Смерти“; первый суперъ-интендентъ этой же церкви поступилъ въ нее проповѣдникомъ по непосредственной рекомендаціи Лютера и Меланхтона, письма которыхъ, равно какъ и многія хартіи королей, бережно хранятся въ магистратскомъ архивѣ и музеѣ. Тутъ, въ Ревелѣ, существовалъ и красуется развалинами своими характерный, двуполый монастырь Св. Бригитты, о которомъ придется сказать нѣсколько словъ позднѣе. Кто не слыхалъ, что въ Ревелѣ долгое время показывался публикѣ несхороненный

за долги Дюкъ-де-Кроа; кто не знаетъ, наконецъ, ревельскихъ килекъ? тамъ и у килекъ существуетъ нѣкоторымъ образомъ исторія и даже очень любопытная: кильки остались почти единственнымъ продуктомъ рыбной ловли, составляющимъ предметъ отпускной торговли, тогда какъ до 1313—1315 годовъ по всему балтійскому побережью обильно плавала сельдь, съ той поры Богъ вѣсть куда и почему исчезнувшая.

За Ревелемъ слѣдовали: Гапсаль, извѣстный своими морскими купаніями, дважды подвергавшійся въ XVI и XVII столѣтіяхъ продажѣ и однажды залогу, довольно обычнымъ въ тѣ дни меркантильнымъ особенностямъ въ этомъ характерномъ краѣ, и Перновъ, тоже не менѣе насиженное, старое мѣсто. Изъ сосѣднихъ песковъ послѣдняго выдвигается въ туманѣ обликъ другаго, несуществующаго города, стараго Пернова, который, чтобы не было новому Пернову praejudicio, по его настояніямъ, благодаря шведскимъ и польскимъ королямъ, погибъ, затравленный новымъ Перновымъ, оставивъ за собою чуть ли не единственнымъ слѣдомъ существованія старую и новую городскія печати, изъ которыхъ юнѣйшей 450 лѣтъ; отъ самаго города нѣтъ и слѣда.

Не вдали отъ Пернова на островѣ Эзелѣ лежитъ Аренсбургъ, извѣстный своими грязями. Островъ этотъ во времена доисторическія, равно какъ и сосѣдніе съ нимъ острова, былъ центромъ таинственныхъ людей, называемыхъ обыкновенно морскими разбойниками; едва ли это вѣрно, это было скорѣе самостоятельно развивавшееся морское государство, не менѣе грабительское чѣмъ всѣ ему современныя; едва ли можно считать простыми разбойниками, людей которые въ XIII столѣтіи, въ теченіе 24 лѣтъ, произвели 17 воинственныхъ нападеній и выдержали цѣлыхъ три; только въ 1343 году, орденскія силы, воспользовавшись льдомъ, сковавшимъ въ холодную зиму Балтійское море, окончательно овладѣли островомъ и обязали эзельцевъ, въ наказаніе и искупленіе, построить замки Аренсбурга и Зюнебурга. Съ того времени островъ раздѣляетъ общую судьбу края. Существуетъ преданіе, что рыцари-владѣтели побережій острововъ Эзеля и Даго содержали въ древности фальшивые маяки и грабили терпѣвшіе чрезъ это купеческіе корабли. Въ настоящее время помѣщики этихъ прибрежій пользуются до сихъ поръ „бере-

говымъ правомъ", т. е. получаютъ извѣстную часть съ товара, который будетъ спасенъ при ихъ помощи съ разбитыхъ судовъ?

Дальнѣйшій путь Ихъ Высочествъ шелъ на Виндаву и Либаву, на тѣ два города, въ которыхъ, въ связи съ другими стратегическими пунктами побережья, назрѣваетъ въ настоящую минуту, и близокъ къ разрѣшенію, вопросъ государственной важности: сдѣлать тотъ или иной пунктъ портомъ коммерческимъ и военнымъ одновременно, или же, предоставивъ одинъ изъ нихъ торговлѣ, устроить въ другомъ военную стоянку? Виндава и Либава мѣста не менѣе древнія, не менѣе насиженныя, тоже семисотлѣтнія существованія. Слѣдовала Митава съ бироновскимъ замкомъ, построеннымъ Растрелли. Здѣсь центръ курляндскаго рыцарства, центръ той малой частицы орденскихъ земель, которая, было такое время, жила почти самостоятельною жизнью при своихъ собственныхъ герцогахъ, въ склепѣ которыхъ занято 30 мѣстъ. Въ небольшой губерніи этой, кажется, 77 майоратовъ; въ Митавѣ дважды жилъ герцогъ Прованскій, впослѣдствіи король Людовикъ XVIII; тутъ же разыгралась исторія двухъ претендентовъ на герцогскую корону: знаменитаго тюильрійскаго героя, красавца, графа Морица Саксонскаго, и старика, любимца Петрова, Меншикова; въ іюлѣ 1727 года произошла ночная уличная схватка между солдатами обоихъ претендентовъ; въ августѣ мѣсяцѣ Морицъ бѣжалъ, а въ декабрѣ Меншиковъ находился на пути въ Березовъ. Еще недавно существовалъ въ Митавѣ мостъ, называвшійся Kriwebrücke, отъ имени представителя языческаго богослуженія, верховнаго жреца Криве; не далѣе какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія по Курляндіи, странѣ особенной стойкости древнихъ обычаевъ, высились „святыя деревья" слѣды до-христіанскаго культа, и даже до сегодня, такъ увѣряютъ, въ окрестностяхъ города женихъ выходитъ въ поле и трубитъ въ „тауре", испрашивая у добрыхъ духовъ благословенія на бракъ. Митава столица латышей, какъ Ревель столица эстовъ. Первыхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ немного болѣе, чѣмъ вторыхъ.

По послѣдней переписи (1881) населеніе всего края состоитъ:

Латышей	970.000
Эстовъ	840.000
Ливовъ	2.500

Русскихъ	62.000
Нѣмцевъ	200.000 *).
Евреевъ	55.000
Литовцевъ	15.000
Поляковъ	10.000
Шведовъ	5.600
Всего . . .	2.160.500

Первымъ по времени (въ XIII вѣкѣ) хроникеромъ края и, надо сказать, самымъ добросовѣстнымъ, былъ, какъ извѣстно, Генрихъ Латышъ, и не далѣе какъ въ 1880 году умеръ нѣкто Шличъ, латышъ, учитель, оставившій накопленныя имъ за трудовую жизнь нѣсколько тысячъ рублей на учрежденіе въ Венденѣ чрезъ 150 лѣтъ „крестьянскаго университета“. На этотъ предметъ заведено и имѣется на лицо, въ подлежащемъ вѣдомствѣ — Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, особое „дѣло“, и капиталъ достигнетъ внушительной суммы 3-хъ милліон. рублей.

Если Митава городъ дворянъ, безъ торговли и безъ капиталовъ, то это прямая противоположность, посѣщенной вслѣдъ за тѣмъ, Ригѣ. Рига самый богатый городъ Россіи, имѣющій 3.374.618 р. капитала (Петербургъ 2.543.593 р., Иркутскъ 2.006.133 р., Москва 1.616.726 р., Варшава 1.048.516 р., Одесса 951.390 р.), въ которомъ живетъ ровно $^1/_3$ всѣхъ нѣмцевъ прибалтійскихъ губерній, изъ таможни котораго за послѣднее трехлѣтіе вывезено товаровъ на 166.763.838 руб., привезено на 90.632.832 р. и поступило одной пошлины золотомъ съ привоза 8.465.999 р. съ копѣйками, тогда какъ весь ввозъ по западной европейской границѣ нашей, въ 1880 году, не превышалъ 297.793.806 р.; кромѣ того, Рига богатѣйшій собственникъ въ Лифляндіи; она, отдѣльно отъ Лифляндіи, сдалась Петру I; ея земли имѣютъ свою консисторію и своего городскаго суперъинтенданта; въ Ревелѣ есть также особый городской суперъинтендентъ; на коронацію въ Москву, говорятъ, Рига посылала отъ себя бюргермейстера, отъ прибалтійской страны ѣздило другое лицо.

*) Сюда попало вѣроятно много туземцевъ, потому что они показали себя говорящими по нѣмецки.

Первая искра нѣмецкой образованности, въ самомъ концѣ XII вѣка, была заброшена именно въ Ригу. Здѣсь сѣлъ первый епископъ, тутъ укрѣпился орденъ Меченосцевъ, здѣсь впервые, какъ противовѣсъ рыцарству, окрѣпло бюргерство. Здѣсь, на Двинѣ, вдоль рѣки, до моря, издревле столкнулись два культурныя вліянія: нѣмецкое съ запада и русское съ востока. Большая часть этихъ земель, до прихода нѣмцевъ, были русскими, платили полоцкимъ князьямъ дань, и старѣйшая хроника Генриха Латыша подтверждаетъ это.

Selhen, Liven, Letten lant
Waren in der Rusen hant.

Генрихъ Латышъ писалъ по латыни прозою; приведенное мѣсто взято изъ нѣмецкой риѳмованной лѣтописи неизвѣстнаго автора, жившаго нѣсколько позднѣе Генриха Латыша. Имѣлась еще и другая, болѣе поздняя, риѳмованная лѣтопись, но въ ней описываются преимущественно исторіи возстаній эстовъ противъ нѣмцевъ, и самая лѣтопись, нигдѣ до сихъ поръ не отысканная, сохранилась лишь въ цитатахъ, приводимыхъ нѣкоторыми историками края.

Что наши поселенія, до прихода нѣмцевъ, придвигались къ самому морю, документально свидѣтельствуетъ, на ряду съ другими, Бѣляевъ въ „Исторіи Полотска“, и только значительная безхарактерность личностей полоцкихъ князей, съ одной стороны, и великая энергія первыхъ нѣмецкихъ епископовъ, съ другой, рѣшили за подчиненіе западу всего побережья, на которое впослѣдствіи цари московскіе смотрѣли совершенно правильно какъ на „свою“ землю.

Въ Ригѣ, полнѣе чѣмъ гдѣ-либо, обрисовались въ своихъ очертаніяхъ орденъ, епископство и бюргерство. Длинною мартирологіей тянутся хроники о враждѣ этихъ трехъ элементовъ. Одинъ изъ процессовъ ордена съ архіепископомъ, разбиравшійся въ Римѣ, хранится въ архивѣ Кенигсберга и имѣетъ 51 рижскую эллю длины, несмотря на то, что начало и конецъ этого чудовищнаго документа объѣдены крысами. Когда, въ одно изъ возстаній города противъ ордена, въ 1319 году, орденъ осилилъ, то, помимо болѣе непосредственной расправы, за убійство 18 человѣкъ, городъ былъ вынужденъ: отслужить во всѣхъ монастыряхъ между Двиной и Нарвой и въ 9 ганзейскихъ городахъ по

1.000 литургій и 1.000 панихидъ, основать въ 3 церквахъ по 3 алтаря съ ежедневною при нихъ службой, а въ Ивановъ день. во всѣхъ церквахъ Риги, ставить по 18 гробовъ, со всѣми принадлежностями, какъ бы въ нихъ дѣйствительно лежали покойники, съ покровами, молитвословіемъ и звономъ колоколовъ. Этихъ гробовъ теперь конечно не ставятъ, этихъ панихидъ не служатъ. Надо замѣтить, что съ XIV вѣка въ Ригѣ существовало три отдѣльныхъ по характеру похоронныхъ пѣсни — для ратсгеровъ, бюргеровъ и купцовъ.

Только въ 1491 году Рига, въ лицѣ своихъ бюргерства и епископства, окончательно подчинилась ордену и этимъ заканчивается тройственная жизнь Лифляндіи того времени; съ той поры царитъ одинъ только орденъ; все поземельное владѣніе шло отъ него и дробилось между вассалами его, изъ которыхъ и возникли новѣйшія мѣстныя сословія и, главнымъ образомъ, могущественное сословіе дворянства-рыцарства. Орденскія и епископскія земли отошли въ казну и состоятъ сегодня въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, значительно, впрочемъ, сокращенныя. Историкъ-юристъ прибалтійскаго края Бунге особенно настойчиво выдѣляетъ фактъ происхожденія нынѣшняго дворянства именно отъ позднѣйшихъ вассаловъ ордена въ XIV вѣкѣ, а не отъ рыцарей прежняго времени. Желаніе Бунге и справедливо, и понятно, потому что никому не охота родниться со страшными дѣятелями орденскаго житья-бытья, начиная отъ времени знаменитой папской буллы 1258 года, отпускавшей всѣ грѣхи и преступленія рыцарямъ западной Европы, одѣвавшимъ орденское платье съ краснымъ крестомъ и мечомъ на бѣломъ плащѣ, буллы, обратившей по словамъ Рутенберга древнюю Fraternitas militae Christi балтійскаго края, въ отборную колонію преступниковъ.

Въ древнихъ храмахъ рижскихъ, какъ въ храмахъ ревельскихъ. живописана исторія этого характернаго, удивительнаго края. Мирно покоятся въ соборѣ его первый и послѣдній епископы: Мейнгардъ † 1196 и Вильгельмъ † 1563 года. Католическіе монахи были изгнаны изъ Риги реформаціей еще въ 1523 году, въ память чего поставлена небольшая статуэтка монаха на одномъ изъ домовъ, въ улицѣ, ведущей отъ Гердеровой площадки къ Двинѣ. Католическій архіепископъ Вильгельмъ, благоразумно уступая

знаменіямъ времени, удаляясь отъ паствы, продалъ, принявшему протестанство городу, соборъ за 18.000 марокъ, и съ тѣхъ поръ сталъ этотъ проданный соборъ протестантскимъ. Надъ воротами замка, разрушеннаго бюргерами въ 1484 году и вновь отстроеннаго магистромъ ордена Плетенбергомъ въ 1515, красуется въ полномъ орденскомъ орнатѣ самъ строитель, когда-то доходившій со своими рыцарями до Пскова. Въ домѣ Черноголовыхъ, сохранившемся какъ учрежденіе только въ Ревелѣ и Ригѣ, имѣется часть исторіи края, въ портретахъ бывшихъ властителей; въ Ригѣ же существуетъ „городское войско“, численностью по штату сто человѣкъ, на лицо гораздо меньше, составленное изъ добровольцевъ, штандарты которому даны императрицей Анной Іоанновною; подобныя „гвардіи“ имѣются еще въ Либавѣ и Митавѣ; въ Ревелѣ тоже до сихъ поръ существуетъ, подобная рижской, гвардія со своимъ ритмейстеромъ; она состоитъ изъ мѣстныхъ бюргеровъ, членовъ клуба Черноголовыхъ. Форма всѣхъ здѣшнихъ гвардій, какая теперь у нихъ, установлена при Императорѣ Николаѣ I. Въ 1852 г. упразднена конная команда въ Ригѣ, тогда какъ прежде рижская гвардія состояла изъ 2-хъ отрядовъ, пѣшаго и коннаго; имѣлась прежде подобная-же гвардія въ Гольдингенѣ, упразднилась сама собой, но учредительный актъ 1794 года и штандартъ, подаренный ей курляндскою герцогиней Доротеей, хранятся и сегодня, переживъ самое учрежденіе, которое, при существованіи общей воинской повинности, не имѣло бы и смысла. Всѣ особенности Риги находили себѣ фактическое воплощеніе въ существованіи здѣсь въ теченіе 165 лѣтъ, до смерти князя Багратіона въ 1876 году, особаго генералъ-губернаторства.

Вслѣдъ за Ригой посѣщенъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ уголковъ края, такъ-называемыя Польскія Инфланты. Это уѣзды фридрихштатскій и иллуктскій. Когда курляндскій ландтагъ 1795 года вотировалъ безусловное присоединеніе къ Россіи, депутатъ отъ Иллукста не нашелъ ничего лучшаго какъ уѣхать съ ландтага и по пути оскорбить нашего русскаго посланника, закричавъ ему на улицѣ „ein Haful“ — на охотничьемъ жаргонѣ: „волкъ идетъ“! Здѣсь значительная часть старыхъ протестантскихъ семействъ давно уже приняли католичество; сюда же, во время послѣдняго польскаго возстанія, убѣгали многіе изъ крупныхъ его дѣятелей,

скрываясь такимъ образомъ изъ областей подвластныхъ умѣлымъ распоряженіямъ Муравьева и все-таки оставаясь подлѣ нихъ; здѣсь, наконецъ, долгое время сидѣли іезуиты и страна полна такъ-называемыхъ „церковищъ“, слѣдовъ кладбищъ обнимавшаго когда-то весь край православія. Въ сосѣднемъ съ этими мѣстами Динабургѣ Ихъ Высочества посѣтили крѣпость и направились въ древній Псковъ, о теперешнемъ житьѣ-бытьѣ котораго и историческихъ данныхъ придется въ своемъ мѣстѣ сказать нѣсколько словъ; чрезъ Гдовъ по Псковскому озеру Великій Князь проѣхалъ въ Дерптъ, то-есть снова въ прибалтійскій край.

Если Рига торгово-промышленный и административный центръ края, то Дерптъ его умственно-научный центръ. Любопытную исторію университета вкратцѣ изложимъ мы впослѣдствіи. Скажемъ только, что Александръ I, возобновляя 12-го декабря 1802 года старое дѣтище Густава-Адольфа шведскаго, предназначалъ его „на пользу всего Россійскаго государства“, „на распространеніе человѣческихъ познаній въ Русскомъ государствѣ и купно образованіе юношества на службу отечества“. Судьбы Дерпта, древняго Юрьева, отъ временъ основателя его Ярослава, сквозь всю неоглядную историческую даль власти орденской, епископской и чужеземныхъ королей, чрезвычайно пестры. Дерптъ въ 1472 году, проѣздомъ на Москву, былъ посѣщенъ невѣстой царя Іоанна III, Софіею Палеологъ, сопутствуемою послами и приставами, съ царскими почестями; съ нею вмѣстѣ направлялись на Русь мечты римскаго двора о присоединеніи восточной церкви къ западной. Въ Дерптѣ же, въ январѣ того же года, схвачены были, на одномъ изъ православныхъ крестныхъ ходовъ, латинянами пресвитеръ Исидоръ и съ нимъ 72 человѣка и, послѣ суда и пытки, пущены подъ ледъ рѣки Амовжи, нынѣшняго Эмбаха; позже сопричислены они къ лику святыхъ и были одною изъ причинъ основанія порубежной обители нашей — монастыря Печерскаго. Было въ Дерптѣ и такое время, когда, въ теченіе шести лѣтъ, по улицамъ обезлюдѣвшаго города „жили гады и хищные звѣри“. Петръ I, недовольный симпатіями горожанъ къ шведамъ, взявъ городъ, отправилъ весь магистратъ и бюргеровъ въ Вологду; любопытныя свѣдѣнія объ этомъ переданы пасторомъ Гротіаномъ, тоже отбывшимъ ссылку; въ 1714 году Петръ I дозволилъ имъ возвратиться. Теперь это красивый городокъ, пол-

ный жизни и довольства, будущія судьбы котораго въ его собственныхъ рукахъ.

Чрезъ Вейсенштейнъ, Везенбергъ, Нарву, полную историческихъ воспоминаній, не заглушаемыхъ шумомъ ея замѣчательнаго водопада и стукомъ двухъ гигантскихъ мануфактуръ, пользующихся его силой, чрезъ Ямбургъ Ихъ Высочества къ 4-му іюля возвратились въ Царское Село, сдѣлавъ, какъ сказано, всего около 3.000 верстъ.

Множество хорошихъ сторонъ нѣмецкой жизни пришлось помянуть добрымъ словомъ, и читатели далекой русской земли, привыкшіе зорко слѣдить за путями Особъ Царствующаго Дома, обозрѣвающихъ тотъ или другой уголъ Имперіи, конечно чутко прислушивались къ нему. Несомнѣнное радушіе встрѣчъ Августѣйшаго Гостя, брата Государева, и его Супруги откликнулись и на Москвѣ-рѣкѣ, и на Невѣ, и на Волгѣ.

Хорошею, яркою чертой Нѣмцевъ является ихъ умѣнье устроиться, ихъ заботливость о своей собственности. Рѣзко, очень рѣзко обозначаются границы балтійскихъ губерній отъ смежныхъ съ ними русско-польскихъ земель. Живя постоянно въ своихъ помѣстьяхъ, помѣщики умѣло воспользовались трудомъ своихъ безземельныхъ крестьянъ и обратили болота въ луга и нивы; при взаимной поддержкѣ балтійскіе нѣмцы всегда умѣютъ какъ въ природѣ, такъ и въ жизни, достигать того, что имъ желательно.

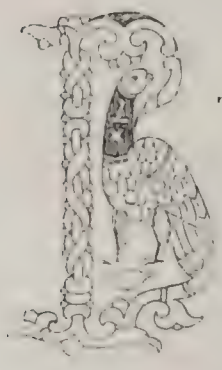
Если въ 1885 году, въ пути Его Высочества на сѣверъ, на Мурманъ, трудно было добраться до скудныхъ историческихъ матеріаловъ, приходилось ихъ ловить и подбирать, тутъ, въ прибалтійскомъ краѣ, обиліе всякихъ книжныхъ источниковъ безконечно. Тутъ являются древнія хроники Генриха-Латыша, Альнпеке, Луки Давида, Рюссова и другія позднѣйшія; тутъ, съ добросовѣстностью чисто нѣмецкою, съ полнымъ знаніемъ дѣла, разработаны мѣстными людьми самыя дробныя свѣдѣнія исторіи, этнографіи, статистики, разработаны такъ, какъ и подобаетъ родинѣ такихъ первоклассныхъ ученыхъ, какъ Беръ, которому въ Дерптѣ, вполнѣ по праву, вмѣсто снятой статуи Рейна, воздвигнутъ памятникъ. Цѣльны и характерны полныя исторіи края, писанныя Рихтеромъ, Крёгеромъ, Рутенбергомъ, Фогтомъ, каждая со своей точки зрѣнія, конечно, съ большими или меньшими

симпатіями къ тому или другому сословію, къ той или другой народности, но отлично пополняющія одна другую; чрезвычайно любопытны и богаты, какъ справочный матеріалъ, писанія Ширрена и Эккарта, отличающіяся, чего не слѣдуетъ забывать, крайне враждебнымъ по отношенію къ Россіи направленіемъ, и потому не всегда заслуживающія вѣры; изслѣдованія мѣстныхъ ученыхъ обществъ, статистическія изданія ландратской коллегіи; обширные труды по спеціальностямъ, напримѣръ, юридическіе Бунге, монографіи по самымъ разнообразнымъ предметамъ вѣдѣнія, все это даетъ обильный матеріалъ для исторіи края. Еслибы, хотя малая толика подобной разработки для изученія нашихъ широкихъ палестинъ могла имѣть мѣсто у насъ, то писать о нихъ не представляло бы тѣхъ трудностей, съ которыми приходится встрѣчаться на каждомъ шагу. Замѣтимъ, что есть и русскія работы о балтійскомъ краѣ. Помимо Карамзина, С. Соловьева. Костомарова, Иловайскаго, насколько касались они его въ своихъ общихъ исторіяхъ и изслѣдованіяхъ, поучительны труды: Погодина, Аксакова, Каткова, Самарина, Чешихина, М. Соловьева и, наконецъ, попадавшіе своевременно въ печать матеріалы и замѣтки за время послѣдней сенаторской ревизіи. Требуетъ еще особаго упоминанія работа автора, скрывшаго свое имя, а именно — обстоятельная статья о прибалтійскомъ краѣ, помѣщенная во II томѣ „Живописной Россіи“.

Должно надѣяться, что посѣщеніе этого края земли Русской Ихъ Высочествами, принесетъ великую пользу. Оно не можетъ не отразиться и на отношеніяхъ его къ тому народу, во главѣ котораго Императорскій Домъ сталъ Императорскимъ, и напрасно желали бы люди возбуждать недоразумѣнія тамъ, гдѣ есть и должны быть только благорасположеніе и довѣріе.

Транзундъ. Вильманстрандъ. Иматра.

Портретъ „Олафа“. Посѣщеніе Бьерке. Транзундскій архипелагъ и рейдъ. Двѣ Чичаговскія побѣды. Практическая эскадра. Путь къ Вильманстранду. Сайменское озеро. Харрака. Истокъ Вуоксы. Рыбная ловля. Путь къ Иматрѣ. Сравненіе ея съ другими водопадами. Фантазія финляндскаго поэта Топеліуса. Отъѣздъ въ Выборгъ.



ъ 11 часовъ вечера, 8 іюня, съ малаго рейда въ Кронштадтѣ, Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь съ Августѣйшею супругою и сыновьями, на пароходо-фрегатѣ „Олафъ“, конвоируемые „Азіей“, двинулись въ путь. Вечеръ былъ душный, солнце садилось въ сѣрой мглѣ, барометръ падалъ, и очертанія Кронштадта, съ остріями мачтъ, съ длиннолинейными складами и гигантскими бѣлыми буквами, написанными вдоль берега, для опредѣленія девіаціи. скрылись незамѣтно. Предстояло ознакомиться съ „Олафомъ“.

Колесный пароходо-фрегатъ „Олафъ“, на которомъ мы направлялись къ Выборгу, построенъ въ 1852 году въ Гельсингфорсѣ, изъ дерева, а машина привезена изъ Англіи; онъ, собственно говоря, старичекъ. Въ 1873 году, вслѣдствіе гнилости корпуса, старичекъ поюнѣлъ, такъ какъ перестроенъ въ Або. причемъ машина и вся внутренняя отдѣлка остались все-таки старыя. Слѣдовательно „Олафъ“ произведенъ на свѣтъ какъ бы дважды. Водоизмѣщеніе его 1,856 тонъ, длина 198 ф., ширина безъ колесъ 35 фут. 9 д., углубленіе 16½ фут.; машина его въ 400 номинальныхъ силъ и развиваетъ до 900 силъ индикатор-

ныхъ, котловъ четыре, даетъ хода до десяти узловъ. Артиллерія „Олафа“ состоитъ изъ десяти орудій стальныхъ и нарѣзныхъ: на время кампаніи на немъ полагается 14 офицеровъ и 207 человѣкъ нижнихъ чиновъ, угля беретъ онъ собою, на девять сутокъ полнаго хода, 23,000 пудовъ, воды на немъ на двѣ недѣли, а провизіи на два мѣсяца.

„Олафъ“ вооружается обыкновенно для Кронштадскаго порта и назначеніе его — служить для переѣздовъ Августѣйшихъ Членовъ Императорской Семьи и другихъ высокопоставленныхъ особъ. Кромѣ того, назначается онъ для буксированія и для оказанія помощи при снятіи судовъ съ мели, такъ какъ при этихъ работахъ колесные пароходы имѣютъ преимущества предъ винтовыми. Въ продолженіе своей долговременной службы „Олафъ“, еще въ пятидесятыхъ годахъ, ходилъ два раза въ Средиземное море; въ Копенгагенъ ходилъ онъ много разъ, гдѣ, однажды, въ 1875 году, на немъ приключился пожаръ, для тушенія котораго его должны были отвести на болѣе мелкое мѣсто и затопить; недолгое время спустя, воду откачали, фрегатъ поднялся и благополучно отведенъ въ Кронштадтъ. Это было какъ-бы третьимъ рожденіемъ его на свѣтъ. Въ 1860 году ходилъ онъ въ Гавръ, во Францію, съ Великою Княгинею Александрою Петровной, въ 1884 съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ въ Стокгольмъ и, наконецъ, въ 1885 году въ Финляндію съ Великимъ Княземъ Генералъ-Адмираломъ. Вся кормовая часть парохода назначена для помѣщенія пассажировъ; тутъ имѣются: гостиная, столовая, четыре большія каюты и, кромѣ того, большая рубка на верху. Всѣ помѣщенія такъ широки, свѣтлы, удобны, что лучшаго и желать нельзя, хотя до роскоши далеко; очень велики окна.

Нельзя было, двигаясь на „Олафѣ“, не вспомнить того быстроходнаго, смѣлаго „Забіяку“, на которомъ въ прошедшемъ году Великій Князь объѣхалъ Бѣлое Море, Мурманъ и часть Ледовитаго Океана. „Забіяка“ на 31 ф. длиннѣе, и только на 5 ф. уже; онъ можетъ дѣлать по 15½ миль въ часъ. „Олафъ“ дѣлаетъ до 10.

Утромъ, 9 іюня, при яркомъ солнцѣ, въ восьмомъ часу, когда Великая Княгиня еще почивала, Его Высочество съ сыновьями сошелъ съ „Олафа“ на шлюпку, для переѣзда саженъ во сто

на островъ Бьерке. Влѣво виднѣлась кирка Койвиста, было разбросано нѣсколько строеній по скалистому пологому берегу и стоялъ лоцманскій домъ. Отсюда до Петербурга 100 верстъ. до Выборга — 45. Здѣсь Великому Князю представились: руководитель полевой поѣздки офицеровъ генеральнаго штаба, артиллерійскихъ и инженерныхъ, свиты Его Величества генералъ-майоръ Бобриковъ, равно какъ по представителю отъ вѣдомствъ интендантскаго и военно-медицинскаго. Всѣ чины эти принадлежатъ къ составу военныхъ округовъ петербургскаго и финляндскаго, въ данномъ случаѣ совмѣстно работающихъ въ одинаково важномъ для нихъ, и близкомъ имъ, дѣлѣ. Руководитель доложилъ Великому Князю общую задачу и принятый имъ способъ къ возможно успѣшному ея разрѣшенію.

Островъ Бьерке, должно быть, тотъ самый, что посѣщался людьми, какъ гласятъ хроники, еще въ X вѣкѣ. Длина его 20 верстъ, ширина 3—4, и въ срединѣ только $1^1/_2$ версты. Глубина воды между нимъ и материкомъ отъ 8 до 15 саж., такъ что это отличнѣйшая стоянка для цѣлаго флота, приготовленная самою природой. Великій Князь сдѣлалъ обходъ, начавъ его отъ небольшаго укрѣпленія, Богъ вѣсть кѣмъ построеннаго, но не очень молодаго: пятидесятилѣтняя сосна, выросшая на валу, является доказательствомъ этого. Принявъ вслѣдъ затѣмъ доклады офицеровъ, по свѣжему планшету, Его Высочество возвратился на пароходъ, и „Олафъ“ немедленно снялся съ якоря.

Августѣйшіе Путешественники покинули стоянку, чтобы слѣдовать неширокимъ Транзундскимъ плесомъ на Транзундскій рейдъ, къ Выборгу. По картѣ судя, это мѣсто побережья кишмя кишитъ островами, и всѣ они, какъ озера и горы Олонецкаго края, тянутся отъ Ю.-В. къ С.-З; видимо что тутъ работали тѣ же геологическія силы.

Выборгскій заливъ вдается въ материкъ отъ Транзундскаго архипелага на 25 верстъ; въ шести верстахъ отъ Выборга, на половинномъ разстояніи между нимъ и Транзундомъ, заливъ съуживается на 600 саж. и тутъ, посрединѣ. лежитъ островокъ Харкисари съ остаткомъ петровскаго редута. Онъ сохранился хорошо, кладка камней совершенно ясна и густая трава покрываетъ его бархатною подушкой. Транзундскіе острова, съ ихъ тремя главными проливами, защищенными рядомъ укрѣпленій.

составляющихъ позицію въ 12 верстъ, находятся отъ Выборгъ въ 12 верстахъ. Къ югу, къ морю, Транзундскій рейдъ одинъ изъ лучшихъ въ Балтійскомъ морѣ, имѣетъ глубины 6—10 саж., скрытъ отъ вѣтровъ и способенъ пріютить въ себѣ весь балтійскій флотъ. Недалеко отъ Харкисари, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ фарфатеръ дѣлаетъ крутой оборотный сгибъ, на двухъ островахъ, Уранъ-Сари и Равенъ-Сари, высятся очень почтенныя земляныя укрѣпленія, по зелени травы чернѣютъ пушки, а вытянутые по нимъ вереницами солдаты, встрѣчая Великаго Князя задушевнымъ ура! придавали иллюстраціи хорошую, пріятную русскому сердцу музыку. Немного далѣе слѣва виднѣлся островокъ съ укрѣпленіемъ, заложеннымъ собственноручно Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ.

Одинъ изъ проходовъ между островами навѣки памятенъ, морскою побѣдой нашею въ 1790 году. Знаменитый Чичаговъ, умершій въ 1809 году и покоящійся въ Александро-Невской Лаврѣ, начальствовалъ тогда надъ флотомъ. Еще въ 1789 удачно сразился онъ со шведами близъ Эланда, и 2 мая 1790 года вторично одержалъ на Ревельскомъ рейдѣ верхъ надъ шведскимъ флотомъ, находившимся подъ начальствомъ герцога Зюдерманландскаго; орденъ Андрея Первозваннаго и 1,388 душъ крестьянъ въ могилевской губерніи послужили ему наградой за эту побѣду. Испытавъ пораженіе, шведскій флотъ поспѣшилъ укрыться къ Выборгу; не давъ ему времени опомниться, Чичаговъ, уже научившійся побѣждать шведовъ, соединясь съ эскадрой Крузе, заперъ шведовъ, 20 мая, подъ начальствомъ самого короля, въ выборгскомъ заливѣ. 21 и 22 іюня пытались шведы прорваться; нѣсколько фрегатовъ, кораблей и другихъ судовъ, съ 5,000 команды и 200 офицеровъ взяты Чичаговымъ. Шведы должны были заключить миръ, а побѣдителю даны за побѣду: Георгій 1-й степени, 2,417 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, похвальная грамота, шпага съ алмазами и серебряный сервизъ. Отъ мѣста Чичаговской побѣды до Выборга, какъ сказано, всего 12 верстъ.

На большомъ Транзундскомъ рейдѣ, прибывъ къ „Олафу“ на катерахъ, представились Его Высочеству: генералъ-губернаторъ Финляндіи графъ Гейденъ съ начальникомъ штаба и командиръ практической эскадры вице-адмиралъ Пилкинъ; на

-0154878-
Государственная библиотека Югры
РФ

чальникъ выборгской губерніи флигель-адъютантъ Тудеръ представился раньше, у Бьерке. Въ виду „Олафа“ по рейду вытянуты были въ двѣ линіи суда практической эскадры. Послѣ завѣтныхъ словъ, сказанныхъ недавно Государемъ надъ Чернымъ Моремъ, было какъ-то особенно пріятно любоваться нашимъ стройнымъ балтійскимъ флотомъ. „Олафъ“, послушный рулю, идя тихимъ ходомъ, едва не касался богатырей-броненосцевъ, а ихъ команды на Великокняжескій привѣтъ дружно отвѣчали: „здравія желаемъ Ваше Императорское Высочество!“ И вѣдь отъ сердца говорили они это, чувствуя подъ ногами своими плавучія твердыни, имѣющія громкія имена — „Пожарскій“. „Лазаревъ“. „Грейгъ“, „Петръ Великій“. Послѣдній, носящій по рангу имя корабль, великанскою, темною массой своею рѣзко выдѣлялся между другими гигантами. Миноноски, словно пигмеи, виднѣлись тутъ и тамъ. На нихъ, съ высоты башенъ броненосцевъ, умильно поглядывали маленькія орудія Экстрема и Гочкиса, назначенныя какъ разъ противъ миноносокъ, не противъ своихъ конечно; видѣлись сѣти для вылавливанія минъ. видѣлись орудія, назначенныя для выбрасыванія самодвижущихся минъ, видѣлось и чувствовалось многое, многое. Могучіе броненосцы стояли широко разставленными одинъ отъ другаго, будто для того, чтобы не стукаться имъ плечами, и чтобы вольнѣе было дышать ихъ чернымъ, металлическимъ грудямъ.

Вслѣдъ за объѣздомъ, „Олафъ“ бросилъ якорь, такъ какъ дальнѣйшій путь для него не достаточно глубокъ, и Августѣйшимъ Путешественникамъ пришлось пересѣсть на судно болѣе мелко сидящее, на пароходъ „Онегу“. Въ Выборгѣ находились мы въ третьемъ часу дня и пристали къ берегу въ виду древняго Шлосса. Его Высочество принялъ на пристани почетный караулъ со знаменемъ отъ 94-го пѣхотнаго Енисейскаго полка; на пристани же представились Ихъ Высочествамъ дамы, и во главѣ ихъ супруга генералъ-губернатора; тутъ же находился министръ, статсъ-секретарь Финляндіи Бруннъ. Сойдя на берегъ, привѣтствуемые народомъ. Ихъ Высочества прослѣдовали прямо въ православный соборъ, гдѣ прослушали молитвословіе и приложились ко кресту. У губернаторскаго дома, къ прибытію Августѣйшихъ Путешественниковъ стоялъ почетный

караулъ отъ 8-го Финскаго Выборгскаго батальона. Въ самомъ домѣ послѣдовало представленіе властей и поднесеніе хлѣба-соли горожанами, а затѣмъ Ихъ Высочества направились къ вокзалу желѣзной дороги, для проѣзда въ Вильманстрандъ.

Ровно въ 5 часовъ пополудни Великокняжескій поѣздъ прибылъ въ Вильманстрандъ къ пристани, для слѣдованія Ихъ Высочествъ далѣе Сайменскимъ озеромъ на пароходѣ. При роскошномъ солнечномъ освѣщеніи городокъ и высившіеся, справа отъ пути, высокіе, обросшіе травой валы укрѣпленій съ шеренгами солдатъ и вереницей публики, смотрѣли очень красиво прихотливые берега Сайменскаго озера, всѣ поросшіе густою, темною хвоей, обрисовывались надъ синевой воды великолѣпно.

Основанъ Вильманстрандъ въ 1451 году шведами съ прямою цѣлью помѣшать русскимъ войскамъ обходу Выборга. Много нашей крови обсохло въ этихъ мѣстахъ. По Фридрихсгамскому миру перешелъ онъ къ намъ. Подлѣ него расположенъ лагерь финскихъ войскъ. Жителей въ немъ 1.324 человѣка, имѣется православная церковь съ 1785 года и, что радостно, русская первоначальная школа. Бывалъ здѣсь не долгое время Суворовъ; въ 1771, когда, получивъ повелѣніе возобновить наши укрѣпленія на шведской границѣ, онъ принялъ начальство надъ финскими войсками, то очаровалъ, согласно легендѣ, мѣстное населеніе тѣмъ, что посѣтилъ крѣпость Нейшлотъ, одѣвъ чухонское одѣяніе поверхъ мундира, съ Георгіевскою лентой черезъ плечо.

Отъ Вильманстранда до слѣдующаго пункта Великокняжескаго посѣщенія, до дачи В. И. Асташева, слѣдуя Сайменскимъ озеромъ пароходомъ, $2^1/_2$ часа пути. Ихъ Высочества взошли на одинъ изъ трехъ предложенныхъ къ ихъ услугамъ пароходовъ и двинулись въ путь немедленно. Сайменское озеро, соединяющееся каналомъ съ Выборгскимъ заливомъ, занимаетъ пространство въ 600 верстъ и разными водяными путями связано на огромныя пространства со внутренними частями Финляндіи, что, при существованіи въ княжествѣ, по свѣденіямъ 1883 года, 7.080 верстъ безупречныхъ дорогъ, очень важно.

Начало канала виднѣлось съ палубы парохода. Самое озеро, изрѣзанное множествомъ бухтъ, обильно снабженное островами

и отдѣльными скалами, представляетъ массу художественныхъ мотивовъ и какъ двѣ капли воды напоминаетъ шхеры, опоясывающія сѣверный берегъ Финскаго залива. Мы подвигались быстро и къ 8 час. вечера завидѣли съ парохода красивыя строенія, балконы и веранды дачи В. И. Асташева, высящіяся подлѣ самаго истока изъ озера рѣки Вуоксы, направляющейся отсюда, чтобъ образовать Иматру, сбѣжать въ Ладожское озеро и направить воды свои къ гранитнымъ набережнымъ Петербурга. Ихъ Высочества, при звукахъ музыки, встрѣчены хозяиномъ у пристани и прослѣдовали въ экипажѣ въ очень близкій, на возвышеніи лежащій, главный домъ.

До 1882 года мѣста эти были совершенно безлюдны. Владѣлецъ Харраки есть и ея создатель. Будучи рьянымъ, и знающимъ дѣло рыболовомъ, онъ не могъ не прельститься тѣмъ, что у самаго истока Вуоксы, по заливу озера, въ вечерній часъ плещутся десятками аршинные лососки, поблескиваетъ форель и юлятъ харіусъ и окунь. Располагая крупными средствами, еще большимъ вкусомъ и не меньшею настойчивостью, В. И. Асташевъ гдѣ вынулъ, гдѣ присыпалъ земли, снесъ булыжники, разбилъ садъ, устроилъ длинную гранитную набережную, имѣющую для мѣстной рыбной ловли особое значеніе, воздвигъ пристань и поставилъ надъ этимъ нѣсколько жилыхъ помѣщеній, изъ которыхъ два назначены собственно для хозяина и его гостей. Эти два очень красивы, а видъ съ ихъ балконовъ на широкое озеро, на многіе острова и убѣгающіе въ даль берега, на клокочущую подлѣ своего истока Вуоксу, относится безспорно къ лучшимъ, типическимъ, финляндскимъ видамъ. Это русскій поселокъ съ его радушіемъ и гостепріимствомъ.

Въ томъ, что лососки здѣсь и обильны, и сильны, имѣли мы возможность убѣдиться послѣ роскошнаго обѣда, предложеннаго гостепріимнымъ хозяиномъ Августѣйшимъ Гостямъ. Когда стемнѣло, стало накрапывать, но этотъ мелкій дождь тотчасъ прекратился, и предсказаніе о томъ, что ловъ будетъ удаченъ, подтвердилось. Первымъ выѣхалъ на маленькой, красивой, двухвесельной лодочкѣ Великій Князь; вслѣдъ за нимъ на другой, совершенно съ нею схожей, Великая Княгиня. Ловили на удочку, двигаясь то въ ту, то въ другую сторону поперекъ залива;

видно было съ берега, какъ, отъ поры до времени, выскакивая изъ воды на полъ-длины и мощно всплескивая, игралъ лосось. Ея Высочество была счастливѣе Великаго Князя, и очень любопытно было наблюдать со стороны, какъ вызывалось на берегу сочувствіе къ судьбамъ ловли. Въ полусвѣтѣ ночи видѣлось очень четко, какъ гнулось, чернѣя надъ водой удилище той лодочки, наживка съ которой, мѣстная салакушка, приманила лосося. Попавшая на наживку лососка еще не поймана, это только начало лова; рыбу надо утомить прежде чѣмъ подвести къ берегу; тутъ начинаетъ поскрипывать колесико съ лесой, то выпускаемою, то сокращаемою. Лодка движется къ берегу и ловецъ чувствуетъ въ рукѣ какъ, мало-по-малу, слабѣетъ рыба; наконецъ лодка, подгоняемая отчасти теченіемъ, находится у набережной, притягиваемая лесой подведена и рыба и тутъ-то, съ удивительною ловкостію хватаютъ ее острымъ ручнымъ крючкомъ и вытаскиваютъ на гранитъ. Слѣдуетъ убіеніе ея пестомъ по головѣ, причемъ, по обычаю, при каждомъ ударѣ, мѣстный человѣкъ приговариваетъ по-фински: „здравствуй! здравствуй!“

Одинъ изъ лососей, пойманныхъ въ этой ловлѣ, былъ въ 15 фунтовъ вѣсу, другой въ 11; харіусъ и окунь оказались тоже крупными. Вся гранитная набережная полна рисованныхъ изображеній рыбъ пойманныхъ въ Харракѣ. Тѣ, что достались въ этотъ вечеръ, согласно правилу, были тотчасъ же, но только на особомъ, почетномъ мѣстѣ, положены на гранитъ, очертанія ихъ обведены черною краской и написана начальная буква имени ловца, годъ и число. Этихъ молчаливыхъ рыбьихъ портретовъ, съ открытыми ртами, вдоль гранитной набережной уже очень много, и впечатлѣніе производимое этою странною портретною галлереей, довольно оригинально.

Утромъ, часу въ девятомъ, ловили рыбу съ берега маленькіе Великіе Князья въ ожиданіи отъѣзда на Иматру, который и послѣдовалъ ровно въ 9 часовъ; до дороги ведущей къ Иматрѣ, ѣхали Ихъ Высочества на пароходѣ, а затѣмъ пять верстъ пути сдѣлано въ экипажѣ.

Иматра была извѣстна издревле, и еще пѣвецъ „Калевалы“ говоритъ о Финляндіи: „Въ моемъ отечествѣ три водопада, но ни одинъ изъ нихъ не сравнится съ Иматрою, образуемою Вуок-

сой". Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Иматра отнюдь не водопадъ, а водоскатъ, быстрина, пучина, имѣющая много грандіознаго и совершенно исключительная для Европы, если не считать нѣкоторыхъ финляндскихъ и олонецкихъ собратьевъ ея, много слабѣйшихъ. Названіе водопада во всякомъ случаѣ не удачное, которымъ могутъ обидѣться, не говоря уже о Шаффгаузенскомъ, недалекіе отсюда настоящіе водопады Нарвскій и Кивачъ. Нѣтъ города на свѣтѣ, который имѣлъ бы по сосѣдству столько водяныхъ чудесъ, какъ Петербургъ: Иматра, Нарва и Кивачъ близки къ нему.

За долго до того мѣста, гдѣ волны Вуоксы, весьма быстрыя и пирокія, спираются въ узкое, съ пологими боками ущелье водоската Иматры. уже бурлятъ онѣ и клокочутъ, какъ бы подготовляясь къ тѣмъ адскимъ терзаніямъ, которымъ подвергнутся въ самой стремнинѣ. Здѣсь, при ширинѣ потока во 139 футовъ, на протяженіи 2.950 футовъ по наклонной плоскости скатываются онѣ, а отнюдь не падаютъ, на 63 фута вышины, съ тѣмъ, чтобы временно успокоиться и въ трехъ верстахъ ниже, у такъ-называемаго Валенъ-Коски, образовать нѣчто менѣе грандіозное, въ смыслѣ водяной картины, но болѣе живописное по общей рамѣ и ширинѣ пейзажа.

Если въ Нарвскомъ водопадѣ и Кивачѣ громадныя массы воды, падая съ утесовъ въ глубь, ломаются, дробятся, крошатся, въ Иматрѣ онѣ распластываются, мнутся, рѣжутся, четвертуются. Тамъ и здѣсь мученія, пытки; тамъ и здѣсь ни одно живое существо, даже смѣлый и могучій здѣшній лосось, не проходитъ стремнины живымъ, не отваживается пускаться въ нее и развѣ только попадаетъ случайно, чтобъ исчезнуть безъ слѣда. Нѣкоторые хитроумные врачи говорятъ, будто различныя страданія людскія вызываютъ различнаго рода крики, тоже и здѣсь: Нарва и Кивачъ ревутъ, гремятъ, грохочутъ, гудятъ; Иматра стонетъ, свищетъ, визжитъ и неистово плачетъ. Гранвилль рисовалъ животныхъ людьми и людей животными; если позволено обратиться къ подобной же перефразировкѣ природы, то Нарва и Кивачъ — львы, Иматра — чудовищная, безумная, страдающая змѣя.

Сохраняя за собою полную самостоятельность, не будучи водопадомъ, Иматра, по массѣ воды ея составляющей, величественнѣе

даже Ніагары, не говоря уже о Кивачѣ и Нарвѣ. Вотъ любопытная сравнительная табличка въ футахъ:

	Ніагара.	Иматра.
Ширина	720	139
Вышина	160	63
Кубическихъ футовъ воды въ 1 часъ	42,000,000	64,764,000

то есть Иматра низвергаетъ въ часъ на 23 милліона кубическихъ футовъ воды болѣе, чѣмъ Ніагара; можно представить себѣ размѣры свиста, визга и стоновъ Иматры.

Стенанія Иматры слышны за шесть верстъ. Извѣстны всѣмъ камни, обточенные водоскатомъ и увозимые отсюда путешественниками. По мнѣнію естествоиспытателя Паррота, это окаменѣлыя ракушки; другія мнѣнія, болѣе правдоподобныя, видятъ въ нихъ окаменѣлыя глины; это послѣднее подтверждается еще и тѣмъ, что встрѣчаются катышки, окаменѣлые только на половину.

Надъ самою Иматрой имѣется довольно хорошая и не особенно дорогая гостиница, и посѣщаютъ ее изъ Петербурга очень многіе. Это дѣло моды, потому что Нарвскій водопадъ, находящійся гораздо ближе, съ сообщеніемъ самымъ удобнымъ по желѣзной дорогѣ и безъ всякихъ пересадокъ, не менѣе живописный, остается для петербургскихъ жителей какъ бы terra incognita.

Финляндскій поэтъ Топеліусъ, описывая Иматру, говоритъ, что въ ней имѣются всѣ три момента драмы: борьба, паденіе и примиреніе; что, до вступленія въ жерло пучины, вода Вуоксы обуревается тѣми же предчувствіями, какія посѣщали въ великіе моменты жизни Александра Македонскаго, Цезаря, Наполеона; Иматра, говоритъ Топеліусъ, это настоящая революція природы, низвергающая первобытныя силы, заброшенныя въ полузамерзшую страну, посреди спокойнѣйшаго народа, чтобы пробудить ихъ обоихъ изъ забытья. „Эти воды, продолжаетъ онъ, часто уподобляются покореннымъ націямъ, пробивающимъ себѣ дорогу къ свободѣ“. Не смотря на свою сѣверность, фантазія Топеліуса достаточно сильна, такъ какъ онъ видитъ даже въ очертаніяхъ Балтійскаго моря какую-то сирену, голова которой расположена у Торнео и разсматриваетъ Финляндію, на спинѣ ея Скандинавія, края одежды сирены составляютъ Эстляндія и Лифляндія,

а „руки протянуты къ Россіи, съ угрозою или ласкою неизвѣстно“.

Покинувъ Иматру, Ихъ Высочества прослѣдовали до Валенъ-Коски, откуда, тѣмъ же путемъ, возвратились въ Харраку. Отъѣздъ въ Выборгъ на пароходѣ послѣдовалъ ровно въ 2 часа В. И. Асташевъ былъ почтенъ за свое гостепріимство благодарностью своихъ Августѣйшихъ Гостей. Берега Сайменскаго озера встрѣтили путешествовавшихъ роскошнымъ лѣтнимъ днемъ; ландышъ и сирень отцвѣли, но колокольчикъ, мальва и гвоздика чуть не глушили собою сочной травы не великихъ, но тщательно охраняемыхъ, между голыми скалами. луговъ.

ВЫБОРГЪ.

Древность Выборга. Взятіе его Петромъ I. Нынѣшнее его торговое значеніе. Паркъ Монрепо и его исторія. Поэтическія арабески. Казармы 8-го финскаго батальона. Осмотръ крѣпостныхъ верковъ. Древній Шлоссъ. Отъѣздъ въ Ревель.

Отъ Вильманстранда, на Сайменскомъ озерѣ, 10-го іюня, по желѣзному пути, Ихъ Высочества прибыли въ Выборгъ къ 5½ часамъ пополудни и остановились въ губернаторскомъ домѣ. Видъ изъ оконъ Великокняжескаго помѣщенія былъ красивъ, и оживленъ, такъ какъ онъ обнималъ собою, начиная отъ самаго замка „Шлосса“ съ лѣвой стороны, значительное водное пространство одного изъ развѣтвленій, которымъ нѣтъ числа, такъ-называемаго Выборгскаго залива. По берегу стояла толпа, по водѣ скользили лодочки; подальше въ глубь, за полотномъ желѣзной дороги, другой водный бассейнъ, а за нимъ широкимъ бордюромъ тянулись ряды дачъ, потонувшихъ въ зелени: многія изъ этихъ дачъ занимаются петербуржцами.

Тихъ и свѣтелъ былъ день пріѣзда Ихъ Высочествъ, а ровно 196 лѣтъ тому назадъ, за два дня до посѣщенія Выборга Великимъ Княземъ и Великою Княгиней, а именно 12-го іюня, сдававшаяся русскимъ шведская крѣпость была изрыта и прострѣлена дѣйствіемъ нашихъ 98 пушекъ и 28 мортиръ, а 15-го іюня Петръ I, во главѣ Преображенцевъ, вступилъ въ городъ. Этимъ, пока-что, окончилась длинная боевая судьба Выборга — одного изъ мѣстъ, особенно щедро и многократно политыхъ

русскою кровью. Рано, очень рано, проснулись гранитныя пажити окружающія Выборгъ для исторіи. Недалекое отъ Выборга, рекогносцированное Великимъ Княземъ Бьерке, было посѣщаемо судами еще въ X вѣкѣ, а основаніе города Выборга, называвшагося тогда Суоме-Линна, состоялось въ 1118 году; это было, вѣроятно, нѣчто вродѣ приморской столицы карелъ и финновъ; о шведахъ въ то время не было здѣсь еще и помину, о нихъ услыхали только въ 1157 году, когда Эрикъ IX Святой, въ сопровожденіи епископа Генриха, первымъ прибылъ изъ Швеціи въ нынѣшнюю Финляндію, частью подчинилъ ее и частью окрестилъ; епископъ не могъ возвратиться со своимъ королемъ: онъ убитъ туземцами во славу мѣстныхъ боговъ, на озерѣ Кіуло.

Важность Выборга, какъ оплота Швеціи противъ востока, то-есть противъ будущихъ — насъ, понята шведскимъ государственнымъ министромъ Торкелемъ Кнутсономъ въ 1293 году, и Выборгъ обращенъ въ крѣпость. Не менѣе 9 разъ приступали русскіе къ Выборгу, начиная съ 1332 года по 1710 годъ. Въ 1339 году, согласно изслѣдованію Божерянова, при Іоаннѣ Калитѣ „ходила молодцы новгородскіе и съ воеводами и воевала городецкую (выборгскую) карелу нѣмецкую". Въ 1495, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, стояли подъ Выборгомъ 60.000 русскихъ, сдѣланъ приступъ, наши виднѣлись уже на стѣнахъ, когда взорвана пороховая башня, и много русскихъ погибло; это такъ-называемый „Выборгскій трескъ". Въ 1706 году Петръ I, съ 20.000 войска и морскими судами, окружилъ городъ и крѣпость; комендантомъ былъ тогда Майдель съ 6.000 человѣкъ гарнизона; пущено нами, но безполезно, 1.067 бомбъ, и царь, боясь быть отрѣзаннымъ, удалился.

Послѣдній, завершительный, актъ имѣлъ мѣсто въ 1710 году. Шведскій гарнизонъ, съ комендантомъ Шернстроле, состоялъ изъ 4,000 человѣкъ; наши, въ числѣ 18,000, подъ начальствомъ Апраксина, осаждали крѣпость и долгое время сильно нуждались въ припасахъ; только 28 апрѣля флотъ нашъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Крюйса, направился къ Выборгу, но долженъ былъ остановиться у Березовыхъ Острововъ и припасовъ доставить не могъ. Контръ-адмираломъ этого флота значился никто иной какъ царь Петръ Алексѣевичъ, и писалъ онъ тогда

Апраксину: „истинно всѣмъ бы сердцемъ рады, да натуральная невозможность не допускаетъ“. Осаждающимъ пришлось ожидать. Бомбардировка крѣпости началась 1-го іюня и Петръ разсчитывалъ на содѣйствіе флота, такъ какъ предполагалось одинъ бастіонъ „брандеромъ сжечь“ а другой „машиною инфернализъ подорвать“.

Въ ожиданіи послѣдствій бомбардировки Петръ уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда по поводу предстоявшаго штурма писалъ Апраксину характерныя наставленія: 1) помолиться; 2) добрую диспозицію учинить; 3) „понежѣ всѣ дѣла человѣческія отъ сердца происходятъ, того ради солдатское сердце Давидовымъ весельемъ увеселить“. Орудія тѣмъ временемъ сдѣлали свое дѣло и открыли широчайшую брешь. 10-го іюня пришло заявленіе отъ коменданта, желавшаго сдаться на условіяхъ; 11 іюня прибылъ Петръ къ Выборгу, условій не принялъ, и 12 іюня гарнизонъ сдался военноплѣннымъ и отведенъ въ Россію. Извѣщая о взятіи крѣпости императрицу, государь называлъ Выборгъ „крѣпкою подушкой С.-Петербургу, устроенною чрезъ помощь Божію“. Первымъ русскимъ комендантомъ назначенъ бригадиръ Чернышевъ; онъ же озаботился объ устройствѣ первыхъ русскихъ поселковъ между Петербургомъ и Выборгомъ.

Не великимъ, но многозначительнымъ памятникомъ пребыванія здѣсь Петра I является Казакъ-Камень, за желѣзнодорожнымъ мостомъ: донской казакъ, говоритъ преданіе, завидѣвъ (?) ядро. направлявшееся къ царю, задвинулъ его своею грудью и палъ. А имя этого казака? Другое историческое мѣсто, то на которомъ стояла ставка императора въ кронверкѣ Св. Анны, обнесено рѣшеткой и разсчитываютъ современемъ построить тутъ часовню.

Хотя, по словамъ Петра, занятіе Выборга „доставило городу С.-Петербургу конечное безопасеніе“, и онъ находилъ что Выборгъ „гораздо крѣпить надлежитъ“, но только въ 1737 году стали мы усиливать выборгскія укрѣпленія и обороняли ихъ отъ шведовъ въ 1741, 1788 и 1790 годахъ; въ 1808 году Выборгъ служилъ операціоннымъ базисомъ для завоеванія Финляндіи Александромъ I; съ 1811 онъ губернскій городъ, въ 1812 первоклассная крѣпость; теперь это скорѣе укрѣпленный лагерь.

Есть охотники производить имя Выборга (по-фински Вупури) отъ Viehburg, вслѣдствіе того, будто-бы, что здѣсь издавна по-

купали нѣмцы скотъ. Въ настоящее время въ немъ 14,668 жителей, изъ нихъ только 6,504 женщины; по національностямъ жители распредѣляются такъ:

Финновъ	7.440
Русскихъ	3,881
Шведовъ	2,237
Нѣмцевъ	520

Торговое значеніе Выборга съ проведеніемъ Сайменскаго канала и финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ, то и дѣло возрастала и выражается теперь въ слѣдующихъ цифрахъ, въ маркахъ:

	За границу.	Внутренній.
Вывозъ	7,500,000	1,700,000
Привозъ	6,500,000	2,000,000

Есть впрочемъ мнѣніе будто ближайшее будущее откроетъ, помимо Выборга, другіе пути; такъ указываютъ на Роченсальмъ-Котку, которая въ короткое время развилась очень сильно. Пріѣздъ Его Высочества долженъ разрѣшить существенный вопросъ о значеніи Выборга какъ пункта обороны: усиливать или не усиливать его крѣпостные верки, а это для мѣстныхъ людей дѣло по меньшей мѣрѣ любопытное.

Обѣдъ отъ города, принятый Ихъ Высочествами, состоялся въ такъ называемомъ Хуснеми, лежащемъ по ту сторону воды. противъ города. Тутъ имѣлось очень недавно одно изъ любимыхъ мѣстъ прогулки горожанъ, и переѣздъ къ нему на небольшомъ пароходикѣ отъ губернаторскаго дома длился не болѣе четверти часа. Тутъ-же, подлѣ самаго Хуснеми, идетъ фарватеръ, которымъ слѣдуютъ суда, направляющіяся въ Сайменскій каналъ. и мѣсто это было уставлено не однимъ десяткомъ лодочекъ съ публикой, желавшею видѣть Ихъ Высочества, что и удалось имъ по окончаніи обѣда, при сходѣ Августѣйшихъ-Гостей на пароходъ, для обратнаго слѣдованія въ городъ; группы людей на лодочкахъ, несмотря на полнѣйшій штиль, то и дѣло покачивались, но тѣ любопытствовавшіе, что расположились по мшистымъ гранитамъ, во множествѣ торчащимъ изъ воды, имѣли подъ собою болѣе прочныя основанія.

Для завершенія этого дня, липеннаго, въ видѣ исключенія. всякихъ военныхъ осмотровъ и посвященнаго, такъ-сказать.

финляндскому ландшафту, назначено было ѣхать въ паркъ Монрепо, въ главномъ домѣ котораго, на этотъ разъ, хозяйкой явилась супруга генералъ-губернатора графиня Гейденъ, и приглашены къ чаю представители администраціи, горожанъ и купечества съ ихъ дамами. До того Ихъ Высочества обходили паркъ, несомнѣнно прелестный и для Финляндіи единственный.

Въ 1725 году выборгскій военный губернаторъ Ступишинъ устроилъ нѣчто въ родѣ парка, близехонько отъ города, на берегу залива. Онъ расширенъ бывшимъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи принцемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ Карломъ, отцомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, впослѣдствіи, съ 1805 года, королемъ Виртембергскимъ. Мѣсто, занимаемое паркомъ, народъ называетъ иногда и до сегодня Старымъ Выборгомъ; не стоялъ ли на этомъ мѣстѣ предшественникъ города, его родоначальникъ? Петръ I подарилъ Выборгу находившіеся здѣсь источники Лилла-Ладугардъ, и ихъ, говоритъ легенда, сторожилъ, будто бы, нѣкій старикъ, называвшійся тоже Выборгомъ.

Съ конца прошлаго столѣтія паркъ Монрепо принадлежитъ баронамъ Николаи. Первымъ собственникомъ его былъ Людвигъ Николаи, впослѣдствіи баронъ, призванный изъ страсбургскаго университета, гдѣ онъ читалъ логику, быть воспитателемъ цесаревича Павла Петровича; отъ него получилъ онъ въ даръ это Монрепо, гдѣ и умеръ въ 1820 году. Сынъ его, Павелъ, былъ русскимъ посланникомъ въ Даніи и умеръ здѣсь, въ Монрепо, въ 1866 году; майоратъ перешелъ къ его сыну Николаю, бывшему тоже нашимъ посланникомъ въ Даніи и умершему въ Баденъ-Баденѣ въ 1869; затѣмъ собственникомъ Монрепо является баронъ Павелъ Николаи. Сорокъ пенни сбору съ гуляющихъ назначаются въ пользу сиротъ, и это очень хорошо.

Паркъ, разбитый по финляндскимъ гранитамъ, отѣненный сѣверною хвоей и богатымъ лиственнымъ насажденіемъ, составляетъ одну изъ любимѣйшихъ прогулокъ горожанъ. Подробно описаны въ небольшой книжечкѣ всѣ замѣчательности парка: посредственная статуя Вейнемейнена, финскаго Аполлона, изобрѣтателя музыки, цитры, духовнаго развитія вообще, пѣвшаго такъ сладко, что птицы и звѣри слушали его, а самъ онъ плакалъ; описаны въ книжечкѣ павильоны, памятники и источникъ Сильміи. Источникъ этотъ воспѣтъ, между прочимъ, и первымъ вла-

дѣльцемъ Монрепо въ очень типичной идилліи; въ ней разсказано, будто король Эрикъ XIV со своею любовницей, впослѣдствіи женой, Катериной Мансдотеръ, проводилъ счастливые часы любви именно здѣсь, что нимфа Сильмія (сильми по-фински глаза), вѣроятно самая сѣверная изо всѣхъ немерзнущихъ нимфъ, вызвала здѣсь изъ земли ключъ, носящій и по-сегодня ея имя, съ тѣмъ, чтобы возвратить зрѣніе исплакавшемуся, влюбленному въ нея, пастушку; авторъ вспоминаетъ въ стихахъ и благодѣянія Августѣйшаго своего ученика, причемъ, какъ значится въ подстрочномъ примѣчаніи къ идилліи, подъ ласкательнымъ и уменьшительнымъ именемъ „пампушинька“, значащемся въ стихахъ, слѣдуетъ разумѣть цесаревича Павла.

Утромъ слѣдующаго дня, 11-го іюня, въ восемь часовъ утра, въ помѣщеніи Его Высочества собраны офицеры, участвующіе въ полевой поѣздкѣ, для представленія Его Высочеству сдѣланныхъ ими работъ; съ частію этихъ работъ Великій Князь ознакомился вчера въ Бьеркѣ, на мѣстѣ; здѣсь же, въ нѣсколькихъ докладахъ, какъ руководителя поѣздки, такъ и другихъ чиновъ ея, просмотрѣнъ общій планъ, чертежныя работы и описанія, исполненныя каждымъ изъ участниковъ, выслушаны доклады и даны указанія для продолженія работъ.

По выѣздѣ изъ дома, осмотрѣвъ по пути вольную пожарную команду, Его Высочество посѣтилъ казармы: 8-го Финскаго Выборгскаго баталіона, 94-го Енисейскаго пѣхотнаго полка и крѣпостной артиллеріи. Послѣднія двѣ каменныя, но старыя, Его Высочество хотя и нашелъ въ порядкѣ, но онѣ положительно не выдерживаютъ никакого сравненія съ казармами, построенными финляндскимъ правительствомъ для финскаго баталіона. Это въ полномъ смыслѣ слова идеалъ казарменнаго расположенія, состоящаго изъ цѣлаго ряда деревянныхъ, изъ массивнаго проконопаченнаго лѣса, строеній, назначенныхъ для офицеровъ, для ихъ собранія, для рота, больницы и прочихъ хозяйственныхъ учрежденій; корридоры ротныхъ помѣщеній такъ широки, что въ нихъ производятся ученія; всѣ рѣшительно офицеры имѣютъ хорошенькія, элегантныя квартиры. Великій Князь обошелъ казармы, по своему обыкновенію, всѣ и посѣтилъ квартиры баталіоннаго и ротнаго командира, субалтернъ-офицера и одного фельдфебеля. Его Высочество выразилъ, садясь въ ко-

ляску, сожалѣніе, близкое, какъ онъ сказалъ, къ зависти, что подобнымъ же расположеніемъ не пользуются другія мѣстныя войска. Говорятъ, что казармы эти обошлись финляндскому правительству свыше полумилліона марокъ.

Довольно длиненъ былъ переѣздъ къ восточнымъ укрѣпленіямъ, подлежавшимъ осмотру. Очень возможно, что видъ съ высшей точки ихъ, гдѣ красовался павильонъ, на городъ, раскинутый далеко внизу, съ его древнимъ замкомъ, на далекіе извивы водныхъ пространствъ, обрамленныхъ зеленью, съ колоссальными, обнаженными гранитами на первомъ планѣ, одинъ изъ лучшихъ во всей Финляндіи. На этомъ именно мѣстѣ стояли батареи, съ которыхъ войска Петровы громили Выборгъ. Старѣйшіе крѣпостные верки Выборга XIII вѣка; въ 1477 году началъ устраивать ихъ Эрикъ Тоттъ. Улучшали ихъ Густавъ Ваза, Петръ I и Анна Іоанновна, слѣдуя проектамъ Декулона (1726 года), графа Миниха (1729) и барона Любераса (1741). Въ составъ ихъ входили башни, изъ которыхъ одна еще имѣется на базарной площади. Въ настоящее время, какъ сказано, разрѣшеніе вопроса о значеніи Выборга, какъ крѣпости, будетъ много зависѣть отъ результатовъ производящейся рекогносцировки. Страннымъ можетъ показаться, что мѣста подлѣ самой крѣпости продолжаютъ заселяться; въ военное время это едва-ли доставитъ какія-либо удобства. Штатскимъ людямъ, которые конечно ничего не понимаютъ, кажется страннымъ также и то, что къ Петербургу обращено въ Выборгѣ 7 укрѣпленій, а въ сторону Гельсингфорса только 3? Благодаря голому граниту, работы по возведенію укрѣпленій здѣсь таковы, что еслибы предположить, — что невозможно, — недобросовѣстность со стороны инженернаго вѣдомства, то именно здѣсь контроль почти безсиленъ: не угодно-ли вычислить сколько вылущено гранита, сколько принесено земли, когда граниты вездѣ, а земли подлѣ нѣтъ вовсе? Его Высочество выслушалъ доклады начальствующихъ лицъ и прослѣдовалъ въ зданіе реальнаго училища, куда къ назначенному времени имѣла прибыть Великая Княгиня, что и совершилось минута въ минуту.

Въ залѣ русскаго реальнаго училища имѣлись на лицо воспитанники, какъ этого училища, такъ и женскаго и народнаго, обоихъ половъ. Милостиво поздоровавшись съ дѣтьми, Ихъ Вы-

сочества, въ сопровожденіи попечителя Петербургскаго учебнаго округа, генералъ-лейтенанта Новикова, обошли помѣщеніе и прямо отсюда, отъ разсадника молодости и, будемъ думать, хорошей русской силы, прослѣдовали въ древнѣйшее обиталище города, служащее нынѣ складомъ, въ замокъ „Шлоссъ“. Замѣтимъ, что народное училище состоитъ въ вѣдѣніи „финляндскаго школьнаго правленія“, а оба другія вѣдаются „совѣщательнымъ комитетомъ по дѣламъ русскихъ училищъ въ Финляндіи“. Реальное училище находится вблизи вновь создаваемой русской женской гимназіи, одного изъ лучшихъ зданій города; гимназія еще не открыта, починъ созданія ея принадлежитъ генералъ-губернатору графу Гейдену.

Свидѣтель 1293 года, замокъ „Шлоссъ“ расположенъ на островкѣ, надъ южнымъ устьемъ Сайменскаго канала, и еслибы въ немъ жило древнее рыцарство, оно не преминуло бы взимать съ грузовъ на 4 милліона марокъ, проходящихъ подъ стѣнами замка, соотвѣтствующій процентъ. Богато жили тутъ когда-то шведскіе коменданты; когда Карлъ Кнутсонъ шелъ отсюда на коронацію въ Стокгольмъ, 800 нарядныхъ рыцарей, изъ которыхъ каждый представлялъ изъ себя капиталъ, съ многочисленными рейткнехтами, подъ вѣяніемъ значковъ, украшенныхъ леопардами, орлами и грифами, окружали его. Замокъ сохранился очень не дурно, но внутренній дворъ все-таки—груда мусора и не совсѣмъ безопасно ходить по немъ, въ виду нависающихъ безъ опоръ камней, и даже цѣлыхъ частей зданія. Въ настоящее время замокъ думаютъ реставрировать, и лицо близкое къ этому дѣлу давало Ихъ Высочествамъ подходящія объясненія.

Около 11 часовъ, на пароходѣ „Онега“, при кликахъ толпы, Ихъ Высочества покинули Выборгъ; на пароходѣ „Elias Lonrot“, имя мѣстнаго поэта, сопровождали отбывавшихъ представители властей и дамы. На „Олафѣ“, на который Ихъ Высочества пересѣли, состоялся завтракъ, къ которому провожавшіе были приглашены. Около 3 часовъ пополудни, Августѣйшіе Путешественники пересѣли, для слѣдованія до Тупорансари, на ходкую и граціозную яхточку „Орелъ“, принадлежащую сопровождавшему Его Высочество адъютанту графу Штакельбергу. Отнынѣ яхточка эта будетъ называться „Великая Княгиня Марія Павловна“. Вплоть до Тупорансари рядомъ съ нею

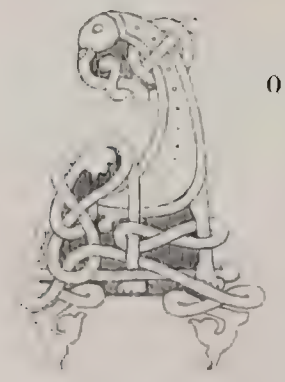
бѣжалъ, то отставая, то перегоняя, „Elias-Lonrot“, на которомъ предстояло возвратиться въ Выборгъ обществу, выѣхавшему для проводовъ Ихъ Высочествъ далеко въ море. Слѣдовала пересадка на „Олафа“ и послѣдніе клики напутствовавшіе Ихъ Высочества на дальнѣйшее плаваніе.

Не мало времени удѣлено Выборгскому заливу; Его Высочество интересовался всѣми мѣрами, высказанными людьми, хорошо знающими дѣло, по усовершенствованію береговой обороны. Едва-ли и тутъ Петръ Великій не провидѣлъ того, до чего договариваются теперь.

12-го іюня, около 9 часовъ утра, медленно приближался „Олафъ“ къ чудесной декораціи Ревеля. Утро было восхитительное.

РЕВЕЛЬ.

Красивая панорама Ревеля. Прибытіе и посѣщеніе Преображенскаго собора и эстонской церкви. Вышгородскій замокъ. Выставка лошадей. Историческое. Орденъ Данеброга. Возстанія эстовъ. Встрѣча русскаго и нѣмецкаго вліяній. Зависимость отъ датчанъ и шведовъ. Покупка дворянскихъ привилегій. Борьба рыцарей и бюргеровъ. Монастырь Св. Бригитты. Его особенности. Взятіе Ревеля русскими. Позднѣйшая судьба. Типичность Ревеля. Посѣщеніе Домкирхе. Екатеринентальскій дворецъ. Его исторія. Различныя народности. Обѣдъ въ риттергаузѣ. Что такое матрикулованное дворянство. Факельное шествіе. Служебныя посѣщенія. Представленіе эстонскаго общества. Лотусъ и Гусли. Училища. Церкви Олая и Николая и ихъ замѣчательности. Дюкъ-де Кроа. Гильдія св. Канута. Странности присяги. Черноголовые и ихъ особенности Что такое городскія гвардіи? Храмъ св. Николая. Скачка на Лаксбергѣ. Нахтвехтеры. Цифровыя данныя.



о Ревеля отъ Выборга 157 миль. 12-го іюня утромъ, около 8 часовъ, вырисовалась передъ „Олафомъ“ одна изъ красивѣйшихъ декорацій, какія можно себѣ представить, — древній городъ Ревель съ его башнями и шпилями, взбѣгающій въ розовомъ свѣтѣ утра отъ голубой волны моря на соборную гору, Домбергъ. Вышгородъ, взбѣгающій могучею каменною волной, застывшею въ своей вѣковой неподвижности. Вправо, вдали, виднѣлся островъ Наргенъ, лѣвѣе—Суропскій маякъ, еще лѣвѣе — острова Карлосы, одинъ изъ нихъ, простѣленный вдоль и поперекъ выстрѣлами артиллерійской практической эскадры, дѣлающей это который уже годъ; почти бокъ-о-бокъ съ ними поднимался надъ гладью горизонта Домбергъ, и на одной изъ

старыхъ башенъ его, на такъ-называемомъ Длинномъ Германѣ. виднѣлся нашъ національный флагъ, которому только очень недавно, а именно съ послѣдняго дня тезоименитства Государя Императора, дано это подобающее ему у входа въ Финскій заливъ мѣсто. Еще лѣвѣе обозначалась густая листва Екатерингальскаго парка, поднимались песчаные откосы Лаксберга, виднѣлись его маяки и, наконецъ, острымъ треугольникомъ фронтона проступали развалины монастыря Св. Бригитты. Маяковъ въ этомъ мѣстѣ много: два Суропскихъ, Наргенскій, Ревельштейнскій пловучій и Кокшерскій, что ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣсто это не особенно безопасно, что тутъ много камней, а вѣтеръ зачастую шутитъ совершенно неожиданно. Такъ и вчера: тогда какъ подлѣ „Олафа", во все время нашего пути, было тихо, здѣсь шелъ сильный дождь, стояла свѣжая погода, послѣ которой ходила неуложившаяся зыбь и „Олафъ" чуть-чуть покачивался своимъ тяжелымъ тѣломъ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ берегу совершенно ясно очертились профили судовъ практической эскадры стоявшей недалеко отъ входа въ гавань; съ экипажами ближайшихъ изъ нихъ Великій Князь имѣлъ возможность поздороваться. Съ „Первенца" показали „призывные", то-есть выкинули флагъ находившагося на немъ начальника. Мы, со своей стороны, дали флагомъ сигналъ слѣдовавшей за нами „Азіи" „стать на якорь по способности" и она отвѣтила намъ „да". Все дробнѣе и яснѣе очерчивались отдѣльные предметы на берегу: массивная старая батарея, обращенная теперь въ казармы, узкій входъ въ гавань, по которому надлежало намъ войти въ нее между двухъ старыхъ моловъ, съ ихъ разбитою и полуразвалившеюся деревянною обшивкой, множество шлюпокъ, катеровъ и судовъ покрупнѣе, разцвѣченныхъ флагами и унизанныхъ народомъ. Декорація берега будто двигалась передъ нами, будто перестанавливалась; пока мы шли вдали, высокія шпили обозначались, считая слѣва, такъ: Олаикирхе, Николаикирхе, Домкирхе и наконецъ башня Длинный Германъ, но, по мѣрѣ приближенія они забѣгали, словно засуетились, и когда „Олафъ" остановился и Ихъ Высочества стали пересаживаться на катеръ, чтобы переѣхать къ пристани шаговъ на 300 разстоянія, Домкирхе и Длинный Германъ очутились въ срединѣ. Начальникъ губерніи. князь Шаховской, пред-

ставился Ихъ Высочествамъ еще до съѣзда Ихъ на берегъ, на пароходѣ; съ нимъ одновременно представились: командиръ порта и маяковъ контръ-адмиралъ Шефнеръ, а также инспекторъ пограничной стражи генералъ-лейтенантъ Ганъ.

На пристани разукрашенной гирляндами и флагами, на ступеняхъ, помостѣ, трибунѣ, на ближнихъ судахъ, на лодченкахъ, всюду виднѣлись люди махавшіе шапками, платками, гудѣло „ура“, „hoch“, слышалась музыка. По сходѣ на пристань, Ихъ Высочества привѣтствованы, съ поднесеніемъ хлѣба-соли, городскимъ головой, барономъ Майделемъ, рѣчью сказанною на русскомъ языкѣ; Великій Князь принялъ почетный караулъ отъ 89-го Бѣломорскаго пѣхотнаго полка; затѣмъ слѣдовало представленіе властей, дворянства, города и дамъ. Послѣ этого Августѣйшіе Путешественники, сѣвъ въ коляску, направились немедленно въ соборъ къ молитвословію. Нашъ православный Преображенскій соборъ очень не великъ, можетъ-быть не крупнѣе хорошей сельской церкви; онъ о двухъ алтаряхъ, приземистъ и достаточнымъ благолѣпіемъ не отличается, что не помѣшало намъ, конечно, съ привычнымъ благоговѣніемъ отслушать многолѣтіе. Это былъ когда-то католическій во имя св. Михаила монастырь цистерціанокъ, которому, до 1346 года принадлежала и высящаяся гордо надъ Ревелемъ лютеранская церковь Св. Олая. О русской церкви, какъ о „старой церкви“, упоминается уже въ 1413 году; въ 1437 она не имѣла выхода на улицу, на устройство котораго нѣмцы согласились лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ Новгородѣ въ нѣмецкій дворъ дозволено было провести водопроводъ. По повелѣнію Петра, послѣ долгихъ споровъ и сопротивленія, церковь, тогда уже лютеранская, сдана православнымъ. Затѣмъ она передѣлана на сумму 84.000 руб., отпущенныхъ императоромъ Николаемъ I, причемъ навсегда исчезли массы надгробныхъ плитъ, ее наполнявшихъ. Цѣлыхъ 294 года шло здѣсь католическое богослуженіе, 173 лютеранское, и вотъ уже 173-й годъ совершается православное. Лучшимъ украшеніемъ, хотя и не по значенію собора первенствующей въ имперіи вѣры для такого порубежнаго города какъ Ревель, является иконостасъ. Онъ былъ заказанъ въ Италіи и подаренъ собору, если не ошибаемся, Екатериною II. Безконечно бѣднѣе, даже не вы-

держиваетъ сравненія съ бѣдною сельскою церковью, православная эстонская церковь, стоящая бокъ-о-бокъ съ соборомъ; въ нее, непосредственно изъ него, прослѣдовали Ихъ Высочества; въ ней иконъ мало, совсѣмъ мало, а на священникѣ, несмотря на безконечно важное для церкви Великокняжеское посѣщеніе, виднѣлась старенькая, помятая риза, которая, несомнѣнно, была когда-то новою, но богатою— никогда; и тутъ помолились мы съ неменьшимъ усердіемъ, слѣдя за ходомъ молитвословія не по смыслу словъ, которыхъ мы не понимали, но будучи пріучены съ дѣтства знать какія слова за какими слѣдуютъ, причемъ нѣкоторою направляющею служили четко произносимыя священникомъ собственныя имена Особъ Царствующаго Дома. Ихъ Высочества приложились ко кресту и въ этомъ храмѣ.

Отсюда путь лежалъ въ гору, на Домбергъ, въ губернаторскій домъ, въ замокъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ роздыха, Ихъ Высочества прослѣдовали въ находящуюся подлѣ вышгородскую тюрьму, соединенную съ помѣщеніемъ губернатора цѣлымъ рядомъ лѣстницъ и переходовъ, свидѣтельствующихъ о древности замка. Замокъ отстроенъ въ 1237 году но много разъ горѣлъ, перестраивался, и только старая башня Длинный Германъ, да остатки другихъ и нѣкоторыя части стѣнъ, напоминаютъ о тѣхъ временахъ, когда здѣсь сидѣли и правили рыцари. Близъ помѣщенія людей, лишенныхъ свободы, прямымъ противуположеніемъ ему служила устроенная мѣстнымъ скаковымъ обществомъ во дворѣ замка выставка крестьянскихъ лошадей; лошадей выводили длинноволосые эсты и многіе изъ подведенныхъ Его Высочеству коней, совершенно по праву, заслужили похвалу Великаго Князя: порода не крупна, но жилиста, рѣзва, несомнѣнно выносliва и сильна. Въ южной части эстляндской губерніи эта мѣстная порода лошадей, извѣстная подъ названіемъ клиперовъ, сохранилась въ первоначальной чистотѣ; въ остальной части она представляетъ помѣсь съ допель-клиперами, отличающуюся большимъ ростомъ. большею силою, быстротою на ходу и свѣтло-рыжею мастью. Любо было смотрѣть на нѣкоторыхъ изъ нихъ, насилу удерживаемыхъ въ два повода, такъ хотѣлось имъ поиграть на широкомъ дворѣ, на свободѣ. Вслѣдъ за выводкой 69 лошадей, Его Высочество собственноручно роздалъ награды, за нихъ назна-

ченныя, причемъ, кажется послѣднюю, получила пожилая эстонка въ характерной пузатой мютцъ (конечно, отъ нѣмецкаго — Mütze) на головѣ.

Въ типахъ бѣлокурыхъ, длинноволосыхъ эстонцевъ на дворѣ замка представились Ихъ Высочествамъ аборигены края, съ которыхъ, собственно говоря и началось его бытіе, какъ только оно перестало быть легендарнымъ. Нѣкоторыя черты былаго необходимо возобновить въ памяти, такъ какъ Ихъ Высочества прибыли въ Ревель, и будутъ въ Гапсалѣ, въ одну изъ очень важныхъ годовщинъ.

Ровно шестьсотъ шестьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ, 15-го іюня 1219 года, кипѣлъ подъ Ревелемъ великій бой или, правильнѣе, шла бойня; это проявлялся одинъ изъ тѣхъ многихъ порывовъ мести и желанія освободиться отъ гнета иностранцевъ, со стороны порабощенныхъ эстовъ, которыми полна исторія первыхъ вѣковъ этого уголка нѣмецкой власти. На этотъ разъ епископъ Альбертъ призвалъ на помощь нѣмцамъ противъ эстовъ короля датскаго Вальдемара. Въ этомъ бою, гласитъ преданіе, упало къ датчанамъ съ неба бѣлое знамя съ краснымъ крестомъ, они побѣдили, и въ память этого основанъ датскій орденъ Даннеброга, который существуетъ и до сегодня; этотъ же орденскій знакъ имѣется и въ маленькомъ гербѣ города Ревеля, напоминая о давнишней, долголѣтней связи его съ короною датскою; вѣдь и построенъ-то Ревель датчанами. Послѣ кроваваго усмиренія эстовъ, 15-го іюня, король Вальдемаръ оставался здѣсь до окончанія постройки замка, начатой гораздо ранѣе, при взятіи датчанами стоявшаго тутъ же эстонскаго замка Линданиссе. Подъ замкомъ, построеннымъ Вальдемаромъ, надобно разумѣть весь Вышгородъ съ его укрѣпленіями и башнями, а тотъ замокъ, въ которомъ живетъ начальникъ губерніи, построенъ магистромъ Волквиномъ.

Строителями Ревеля, какъ сказано, считаютъ датчанъ, но это было старое эстонское мѣсто. Эсты толкуютъ, что подъ ревельскимъ Вышгородомъ, Домбергомъ, покоится легендарный великанъ ихъ, Калевъ. Заболѣлъ Калевъ, и жена его Линда послала ольховаго жука къ сѣвернымъ знахарямъ за помощью. Полетѣлъ жукъ черезъ лѣса и моря, распрашивалъ встрѣчныя солнце, луну и звѣзды, но они прошли мимо него безотвѣтныя, молчаливыя;

найдя знахарей жукъ услышалъ ихъ отвѣтъ: то, что блѣднѣетъ въ свѣтѣ мѣсячномъ, сказали знахари, что блекнетъ въ сіяніи звѣздъ и отгараетъ въ солнечномъ лучѣ, тому не судьба позеленѣть вторично. Когда жукъ вернулся съ отвѣтомъ Калевъ былъ мертвъ, и Линда, похоронивъ его, насыпала надъ нимъ изъ камней Вышгородскую гору, нынѣшній Домбергъ. Не отсюда-ли, отъ имени Калева, старорусское названіе Ревеля Колывань? Revel по-датски означаетъ рифы: эстонское названіе Ревеля — Tallina идетъ, вѣроятно, отъ Deni-lina и означаетъ городъ датчанъ.

Возстаніе эстовъ въ 1219 году имѣло свои упорныя повторенія; въ 1221 много было развѣшено эстовъ по густымъ лѣсамъ, окружавшимъ въ тѣ дни Ревель; въ 1223 снова обложили они городъ и имѣли даже свои стѣнобитныя орудія; въ 1343, въ ночь на Юрьевъ день, 22—23 апрѣля, поднялись они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, и опять обложили Ревель и Гапсаль, и страхъ наведенъ былъ ими великій. Но что могли сдѣлать эсты, молодыя поколѣнія которыхъ не успѣвали подростать отъ возстанія къ возстанію, что могли они сдѣлать, для пополненія людской убыли, противъ вѣчнаго и постояннаго наплыва свирѣпыхъ и совершеннолѣтнихъ рыцарскихъ силъ съ запада и сѣвера, подъ знаменами орденскими, епископскими, шведскими или датскими? еще въ первой четверти XIII вѣка, отыскивая за кого придержаться, къ кому прислониться, зовутъ эсты на помощь русскаго князя Ярослава; русская сила въ тѣ дни была еще очень слаба, тѣмъ не менѣе она идетъ на помощь, но ничего сдѣлать не можетъ. И, словно мало было всѣхъ рыцарскихъ силъ направленныхъ противъ эстовъ, судьба призываетъ на нихъ еще и новую — Ганзейскій союзъ городовъ, видное мѣсто въ которомъ, съ 1285 года, занимаетъ Ревель.

Подъ страхомъ смертной казни и отобранія товаровъ объявлено было въ 1346 году, что торговый путь на Новгородъ идетъ только черезъ Ревель, Перновъ и Ригу. Стальною стѣной латниковъ и каменными твердынями замковъ, развалины которыхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ поражаютъ своею численностью и дѣлаютъ, напримѣръ изъ долины Аа, нѣчто вродѣ маленкаго Рейна, отгораживалась возникавшая тогда Россія отъ естественнаго тяготѣнія своего къ Балтійскому морю, къ которому при-

зывали ее и эсты. Рано, рано двинулась Русь къ этому морю, шла придерживаясь теченія Двины и уживаяся съ эстами, ливами и латышами. Другая, совсѣмъ иная культура шла сюда съ востока; та же самая культурная черта, которая поражаетъ насъ сегодня на Уралѣ, гдѣ черемисы, мордва и татары мирно уживаются съ русскими, имѣлась налицо и здѣсь. Полоцкія колоніи, говоритъ Бѣляевъ, шли по Двинѣ вплоть до Балтійскаго моря и русскіе собирали здѣсь дани гораздо ранѣе прибытія нѣмцевъ. Объ этомъ сообщаетъ даже Генрихъ Латышъ; позволеніе на проповѣдь получено было первымъ нѣмецкимъ епископомъ Мейнгардомъ отъ князя полоцкаго, которому языческіе ливы платили дань.

Но судьбѣ было угодно иначе и теченіе шедшее съ запада одолѣло въ тѣ дни теченіе шедшее съ востока.

До XV вѣка ясно намѣчено поступательное движеніе нѣмецкаго элемента и отступленіе русскаго: городъ Юрьевъ, основанный Ярославомъ, сталъ Дерптомъ; лицомъ къ лицу съ Ивангородомъ на Наровѣ поднялись твердыни Нарвы; исчезла въ Ревелѣ существовавшая здѣсь съ 1371 года древняя православная церковь. Съ конца XV вѣка, съ Іоанна III, чувствуется возникновеніе обратнаго теченія; 5-го ноября 1494 года повелѣваетъ царь закрыть полновластный, весь обвѣшенный хартіями и привилегіями, нѣмецкій дворъ въ Новѣгородѣ, а 49 купцовъ отвозитъ въ Москву; слѣдуетъ рядъ неудачныхъ войнъ нашихъ съ Плеттенбергомъ, великимъ магистромъ ордена, который, по словамъ Рутенберга, въ длинномъ, болѣе чѣмъ 300-лѣтнемъ ряду орденскихъ властителей, послѣ Зальцы и Книпроде, является только третьею и послѣднею свѣтлою личностью. Но кульминаціонный пунктъ историческаго развитія былъ достигнутъ. Если въ XIII столѣтіи нѣмецкій орденъ то и дѣло обновлялся притокомъ новыхъ силъ съ запада, а эсты постоянно рѣдѣли, то теперь, наоборотъ, предоставленный самому себѣ, орденъ чахъ и хилѣлъ въ глубочайшемъ развратѣ и ростовщичествѣ, а съ востока, что ни годъ, то настоятельнѣе и сильнѣе, напирали молодыя русскія силы, на которыхъ давно уже возлагали свои упованія эсты.

Въ 1558 берутъ русскіе Дерптъ, Нарву, Везенбергъ, Вейсенштейнъ и др. и подходятъ въ 1560 къ Ревелю. Если Юрьева ночь 1343 года послужила причиной того, что датскій король,

желая избавиться отъ населенныхъ бунтующими эстами провинцій, продалъ ихъ великому магистру тевтонскаго ордена за сумму равную, по Рихтеру, 250,000 руб., благоразумно оговоривъ въ условіи, чтобъ „излишекъ“ уступленный имъ при этомъ торгѣ „шелъ на спасеніе душъ короля, королевы и ихъ предковъ“, то приближеніе русскихъ къ Ревелю въ 1560 году вызвало другое, не менѣе важное историческое событіе: такъ какъ зачахнувшій орденъ не могъ болѣе защитить страны отъ русскихъ, то Ревель присягнулъ на вѣрность Эрику XIV королю шведскому. Замѣчательно, что въ латинскомъ текстѣ условій подчиненія нѣтъ того что имѣется въ нѣмецкомъ, а именно: обѣщанія шведскаго короля сохранить странѣ—свободу аугсбургскаго исповѣданія, а дворянству—его привилегіи? Какъ бы то ни было но въ добровольномъ подчиненіи Ревеля шведамъ заключалось, какъ въ зернѣ, все, что имѣло совершиться въ ближайшемъ будущемъ, включительно до великой сѣверной войны, этимъ путемъ какъ-бы предопредѣленной и вызванной дворянствомъ и бюргерствомъ Ревеля.

Еще въ 1329 году „купили“ здѣшніе, эстляндскіе вассалы отъ датскаго короля обязательство никогда и никому не уступать Эстляндіи; семь недѣль спустя, король, получивъ деньги, отдаетъ Эстляндію въ ленъ герцогу галландскому и Кануту Порсе. Но дворяне, окрѣпшіе въ Эстляндіи, благодаря слабости Даніи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ балтійскомъ краѣ, не допустили обоихъ претендентовъ и стали заправлять страной самостоятельно. Съ другой стороны богатѣло и ревельское бюргерство. Дворянство и бюргерство, какъ вездѣ въ Европѣ, враждовали не на жизнь, а на смерть и въ орденскихъ земляхъ и не менѣе сильно чѣмъ гдѣлибо, въ Ревелѣ. Вышгородъ — „Dom“ и Городъ — „Stadt“, мѣстопребыванія того и другого, то и дѣло боролись, и еще очень, очень недавно, до введенія городоваго положенія, собственно городомъ заправлялъ совѣтъ—Rath, руководствуясь „любекскимъ правомъ“, кодексъ котораго въ 103 параграфа, писанный на пергаментѣ въ 1257 году, хранится въ архивѣ магистрата, а на Вышгородѣ правилъ фохтъ—„Schlossvogt“, руководствуясь мѣстными узаконеніями Landrecht'a.

Эта двойственность управленія приводитъ на память очень характерную картинку имѣвшую мѣсто въ Ревелѣ въ 1535 году.

Одинъ изъ рыцарей, Икскюль, убилъ въ городѣ своего крестьянина. Родственники и друзья убитаго запретили рыцарю въѣздъ въ городъ. Храбрый рыцарь въѣхалъ однако, былъ схваченъ, судимъ, осужденъ и 7-го мая, сквозь желѣзную рѣшетку городскихъ воротъ видѣли рыцари, собравшіеся на помощь своему собрату, какъ совершались долгія, траурныя подробности средневѣковой казни, видѣли — и ничего сдѣлать не могли. Казнь произошла въ воротахъ именно потому, что бюргеры, замѣтивъ собравшихся рыцарей, остановили процессію въ воротахъ, приказавъ запереть ихъ. Крѣпки должны были быть въ тѣ дни городскія ворота. Не очень давно эти ворота (Schmiede-Pforte) снесены.

Особенно богатъ сталъ Ревель въ качествѣ члена Ганзейскаго союза въ концѣ XIII вѣка. Съ 1305 года, когда орденъ, послѣ долгой, упорной вражды съ гражданами Риги, окончательно закабалилъ ихъ и обезсилилъ себѣ въ ущербъ всю рижскую торговлю, Ревель чрезвычайно удачно воспользовался этимъ, ставъ временно главнымъ складочнымъ мѣстомъ для транзита на русскій востокъ. Богатѣлъ городъ, богатѣло и рыцарское дворянство. и, пользуясь тѣмъ что датскіе короли, ихъ ленные властители. вѣчно нуждались въ деньгахъ, постоянно откупалось отъ нихъ, и стало управляться самостоятельно. Эти купленныя за деньги права и предпочтеніе ленной зависимости прямому подчиненію были одною изъ причинъ того, что Ревель, боясь русскихъ, надвигавшихся особенно упорно, билъ челомъ и присягнулъ на вѣрность королю шведскому въ 1561 году.

Не смотря на это, уже въ 1579 году пришлось Ревелю снова защищаться отъ русскихъ, и тогда-то былъ сожженъ нами монастырь Св. Бригитты, развалины котораго находятся близехонько отъ Ревеля и были видны съ подходившаго къ нему „Олафа“ и составляютъ, какъ таковые, одно изъ лучшихъ украшеній окрестностей. Характерность этого монастыря вызываетъ перечень нѣкоторыхъ любопытныхъ, малоизвѣстныхъ подробностей.

Три богатые ревельскіе „кауфгера“, съ десятью другими согражданами, согласились пожертвовать все свое имущество на постройку монастыря Св. Бригитты и въ 1436 богатыя зданія монастырскія освящены епископомъ Икскюлемъ, а сами строители поступили въ монастырь монахами;

одновременно съ ними поступили 16 ревельскихъ дѣвушекъ и 6 пресвитеровъ.

Монастыри Св. Бригитты чрезвычайно типичны; это такъ-называемые dublica или mixta. въ которыхъ живутъ оба пола, разъединенные стѣной на два конвента. Сама Бригитта шведка. дочь королевскаго совѣтника и королевской совѣтницы. вдова шведскаго сенатора, много странствовала по свѣту, творила чудеса, умерла въ 1373 году и канонизована Бонифаціемъ IX въ въ 1391. Много было въ ходу въ свое время звучныхъ разсказовъ о подобныхъ монастыряхъ. Сестры должны были приготовлять кушанье и стирать бѣлье братьямъ; то и другое просовывалось сквозь стѣну въ валькахъ и, говорили, будто эти вальки постоянно выростая въ объемѣ, способны были продвигать цѣлаго монаха; говорили, что при упраздненіи того или другаго монастыря Св. Бригитты, въ подземельяхъ монастырскихъ находили цѣлые вороха дѣтскихъ скелетовъ и череповъ.

Само собою разумѣется что все это до ревельскаго монастыря конечно не относится, какъ замѣчаетъ, вѣроятно справедливо, Ганзенъ; обычаи Данцига и Стральзунда сюда не достигали. Въ окончательной постройкѣ и содержаніи монастыря участвовало дворянство всѣхъ трехъ балтійскихъ провинцій граждане города Ревеля и шведская корона. Братья-монахи жили внизу, сестры наверху и ходили отдѣльно одни отъ другихъ въ верхнюю и нижнюю церкви. Fratres и Sorores никогда не сообщались и хотя каждая половина монастыря имѣла своего главаря, но общее верховенство надъ обоими принадлежало женщинѣ. Послѣ года испытанія, дѣвушка или вдова, предшествуемая краснымъ знаменемъ съ изображеніемъ Богоматери. шла въ церковь, но стояла внѣ ея пока святили обручальное кольцо; введенная въ церковь она выходила снова чтобы дать возможность освятить ея платье, опять-таки безъ нея; введенная вторично она переодѣвалась въ одномъ изъ угловъ алтаря, на нее насаживали корону, и епископъ самъ прикалывалъ черный Velum булавкой. Послѣ принятія причастія новопосвященную уносили въ монастырь на катафалкѣ. Посрединѣ монастыря всегда зіяла открытая могила, у входа въ церковь всегда стоялъ гробъ; на головномъ платкѣ сестеръ, и на капюшонахъ братьевъ, нашивалось по пяти красныхъ точекъ —

эмблематическое изображеніе пяти ранъ Спасителя; на діаконахъ красовался красный крестъ съ четырьмя точками — изображеніе четырехъ огней.

Ревельскій монастырь Бригитты былъ очень богатъ: въ хроникѣ Руссова (замѣтимъ: лютеранина) есть описанія оргій имѣвшихъ въ немъ мѣсто; они были „хуже чѣмъ въ Венериной горѣ“, но участвовали въ нихъ, конечно, не постриженные, а только посѣтители. Монастырь существовалъ еще полвѣка послѣ введенія въ Ревелѣ реформаціи и, какъ мы сказали, разрушенъ русскими, „Татарвой“. Можно себѣ представить, что подумали наши бородатые латники, когда, 1-го февраля 1577 года, при вторичной семинедѣльной осадѣ Ревеля, монастырскія стѣны наконецъ осилены и латники увидѣли сестеръ и братьевъ съ красными точками, жившихъ вмѣстѣ, и зіяющую могилу, и открытый гробъ!

Мы владѣемъ Ревелемъ съ 1710 года. Городъ взятъ былъ Бауэромъ, послѣ шестинедѣльной осады, при участіи значительной болѣзненности и голода. Въ 1721 году находился тутъ Петръ I по пути изъ-за границы, въ 1746 императрица Анна; въ 1790, 1-го мая, въ виду Ревеля произошло знаменитое морское сраженіе, окончившееся побѣдой Чичагова надъ шведскимъ флотомъ; въ 1800, послѣ того какъ едва не дошло у насъ до разрыва съ Англіей, знаменитый Нельсонъ, являлся гостемъ Ревеля. Въ 1854 году здѣсь объявлено военное положеніе; сначала командовалъ Бергъ, по приказанію котораго снесено цѣлое предмѣстье между городомъ и моремъ, нынѣ снова отстраиваемое, затѣмъ Граббе, а по заключеніи мира Ревель пересталъ быть крѣпостью. Въ 1870 году открыта Балтійская желѣзная дорога, и она дала Ревелю новые, широкіе пути къ обогащенію.

Ни одинъ изъ городовъ балтійскихъ губерній не сохранилъ такъ настойчиво своей средневѣковой физіономіи какъ Ревель, главнымъ образомъ въ Вышгородѣ, въ чемъ можно было наглядно убѣдиться слѣдуя за Ихъ Высочествами во время многочисленныхъ переѣздовъ вдоль и поперекъ города. Какъ во времена Плеттенберга высятся и теперь, вдоль неширокихъ, ломаныхъ и гнутыхъ улицъ, узкіе многоэтажные дома, съ высокими фронтончиками подъ крышей, гдѣ помѣщаются склады, съ ба-

шенками, вьющимися лѣстницами, кольцами для постукиванія, вмѣсто колокольчиковъ у воротъ, съ окнами во дворъ, фонтанами на улицахъ, небольшими площадями со шведскими и русскими трофеями надъ воротами и дверьми. Тѣ же почти церкви высятся въ городѣ, что и въ 1524 году, когда реформація смѣнила здѣсь католичество и довольно спокойно изгнала доминиканцевъ. Здѣшнимъ Лютеромъ былъ Ланге. Тѣ же большая и малая гильди, тѣ же Шварцгауптеры (Черноголовые) смотрятъ на васъ, какъ и бывало, только что одѣянія ихъ измѣнились.

Вслѣдъ за осмотромъ выставки крестьянскихъ лошадей во дворѣ замка. Ихъ Высочества направились въ Екатериненталь-скій дворецъ долженствовавшій служить имъ мѣстопребываніемъ, и, проѣзжая туда по городу, ярко и красиво расцвѣченному флагами и унизанному гирляндами, остановились для посѣщенія лютеранскаго собора, Домкирхе, упоминаемаго уже въ 1240 году; главный проповѣдникъ его, если не ошибаемся, есть въ то же время генералъ-суперъ-интендентъ эстляндской губерніи. Въ 1684 году, при пожарѣ, сгорѣло все, даже покойники въ своихъ гробницахъ, и вѣроятно пожаръ этотъ причина того, что красивыя готическія основы церкви, ея три нефа, хоръ, арки и гладкіе столбы, поддерживающіе ихъ, тщательно выбѣленные, кажутся совершенно мертвенными. Эти бѣлыя стѣны не расчленяемыя пажилинами и гуртами, существенно важными въ готической архитектурѣ, освѣщаемыя большими окнами съ простыми, а не цвѣтными стеклами, что не менѣе существенно, смотрятъ безусловно пустыми, не смотря на присутствіе нѣсколькихъ памятниковъ и гербовъ. Той прелести полусвѣта и задумчивости, которыя навѣваются хорошею готическою церковью, совершенно нѣтъ въ соборѣ. Въ ней покоятся нѣсколько замѣчательныхъ людей: графъ Понтусъ-де-ла-Гарди, не разъ встрѣчавшійся съ русскими войсками и утонувшій передъ Нарвой въ Наровѣ, потому что древнее судно на которомъ онъ находился, разсѣлось отъ выстрѣловъ нашей Ивангородской крѣпости; тутъ же и его жена, дочь шведскаго короля Іоанна XI; адмиралъ Грейгъ, англичанинъ родомъ, участникъ Чесменскаго боя, нанесшій пораженіе шведскому флоту при Гохландѣ въ 1780 и вслѣдъ затѣмъ скончавшійся; адмиралъ Крузенштернъ, знаменитый кругосвѣтный плаватель, умершій директоромъ морскаго корпуса въ

1832 году, памятникъ которому имѣется на Васильевскомъ Островѣ въ Петербургѣ. Лежатъ тутъ и многіе другіе, въ томъ числѣ сестра Густава Вазы графиня Маргарита Гойа, но плиты поистерлись, да и пожары, и люди не пощадили ихъ.

Изъ собора Ихъ Высочества прибыли въ Екатеринентальскій дворецъ.

Паркъ, въ которомъ находится дворецъ, вытягивается за городомъ къ Лаксбергу, начинаясь вплотную отъ крайнихъ строеній, почти вдоль морскаго берега. Въ 1714 году тутъ, кромѣ песковъ и суглинка, не было ничего, но когда, повелѣніемъ Петровымъ, начата была постройка ревельской гавани, царь поставилъ здѣсь для себя, чтобы слѣдить за работами, деревянный домикъ сохранившійся и по нынѣ въ томъ видѣ, въ какомъ его оставилъ великій Императоръ. Въ 1718 приступлено было къ постройкѣ дворца, и дѣло это поручено итальянцу Микетти. Насажены деревья, кусты, опредѣлены аллеи, и степное пространство стало садомъ; много играло здѣсь водометовъ, но впослѣдствіи чугунными трубами ихъ воспользовались для усиленія гидравлическихъ сооруженій Петергофа. По окончаніи постройки и послѣ покупки значительныхъ сосѣднихъ помѣстій, все это, вмѣстѣ взятое, цѣной въ 3½ милліона рублей, подарено Императрицѣ Екатеринѣ I. По смерти Императора Августѣйшая Владѣлица ни разу не посѣтила Екатеринеталя носящаго ея имя; водометы со временемъ погибли, а помѣстья раздарены. Здѣсь, въ этомъ дворцѣ, подписанъ Императрицей Елизаветой оборонительный договоръ съ Маріей Терезіей, послужившій поводомъ къ семилѣтней войнѣ.

Зданіе дворца очень не велико; воздвигнутое на террасѣ, оно имѣетъ съ одной стороны три этажа, съ другой два и отѣнено громадными липами и каштанами; оконъ въ рядъ одиннадцать; со стороны подъѣзда надъ балкономъ фронтончикъ, на которомъ, Богъ вѣсть почему, государственнаго герба нѣтъ, а имѣются только три кольца когда-то державшія его, или вензель. Внутри дворецъ очень простъ но сохранился во всей своей цѣльности; главный залъ въ два свѣта имѣетъ типичный бѣлый каминъ съ четырьмя лиственными вазами и на потолкѣ громадную картину, изображающую Діану обращающую Актеона въ оленя; на изображеніе наготы художникъ не поскупился, а опре-

дѣлить имя его, при полномъ отсутствіи инвентарныхъ свѣдѣній на мѣстѣ, по одному виду и характеру картины — невозможно, что не мѣшаетъ картинѣ быть характерною по времени отъ котораго она идетъ. Если неприглядны крючья на фронтонѣ, свидѣтельствующіе о томъ что на дворцѣ былъ когда-то гербъ, то еще неприглядиѣе простыя, новенькія, тюлевыя занавѣски, украшающія окна залы и производящія въ общемъ характерѣ обстановки впечатлѣніе фальшивой ноты. Въ наружной стѣнѣ замка можно видѣть нѣсколько кирпичей, положенныхъ самимъ Петромъ Великимъ; ихъ никогда не заштукатуриваютъ.

Съ двухъ до трехъ часовъ пополудни, помѣщенія дворца, обыкновенно молчаливыя, оживились необычайно такъ какъ у Ихъ Высочествъ назначенъ былъ пріемъ властей, дворянства, гласныхъ городской думы и депутацій отъ сословій и обществъ, а вслѣдъ затѣмъ состоялся пріемъ Ея Высочествомъ дамъ. Ровно въ 3 часа Великій Князь направился въ управленіе воинскаго начальника, гдѣ ознакомился съ веденіемъ книгъ и работами исполненными по переходу къ недавно установленному порядку карточной по призыву отчетности, и произвелъ смотръ 4-й и 5-й ротамъ 4-го резервнаго пѣхотнаго баталіона. Затѣмъ обойдены казармы и посѣщены срочная тюрьма и мѣстный лазаретъ.

Къ 5½ час. дня Ихъ Высочества съѣхались въ Казанской Рождества Богородицы церкви гдѣ прослушали краткое молитвословіе и посѣтили школу для солдатскихъ дѣтей, существующую уже 22 года; въ этой школѣ 50 мальчиковъ, изъ нихъ православныхъ 24, лютеранъ 26. Вслѣдъ затѣмъ посѣщены: пріютъ Благотворительнаго Общества, состоящій подъ высокимъ покровительствомъ Государыни Императрицы и учрежденіе Діакониссъ, которому еще недавно по одному изъ завѣщаній пожертвовано 100.000 руб.

Обѣдъ отъ дворянства, принятый Ихъ Высочествами, состоялся въ 7 часовъ вечера въ риттергаузѣ, въ главномъ залѣ его, представляющемъ нѣчто вполнѣ своеобразное, такъ какъ онъ сверху до низу по стѣнамъ увѣшанъ изображеніями гербовъ матрикулованнаго эстляндскаго дворянства; нѣкоторыя изъ мѣстъ еще не заняты; попадаются подъ гербами и русскія имена. Матрикулы — это записи древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ.

составленные въ прошломъ столѣтіи и предоставляющіе здѣсь, въ краѣ, совершенно исключительныя права; если не ошибаемся. въ эстляндской губерніи въ настоящую минуту потомственныхъ дворянъ 3.211 человѣкъ, изъ нихъ право голоса на ландтагахъ имѣютъ только 594. Въ распоряженіи матрикулованнаго дворянства находятся всѣ важнѣйшія должности по выборамъ, судейская, полицейская власть и раскладка повинностей, иными словами говоря — все, если вспомнить, что и въ земельномъ владѣніи они первый голосъ. Въ составъ матрикулованнаго дворянства, кромѣ рѣдкаго случая Высочайшаго пожалованія въ краѣ имѣнія, входятъ не иначе какъ по согласію матрикулованныхъ. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что исключительно въ одной только эстляндской губерніи, выбранный предводитель дворянства, „Риттершафтсгауптманъ“, Высочайшею Государя Императора властью не утверждается. Нѣчто совсѣмъ исключительное для всей Россійской Имперіи.

Въ залѣ риттергауза, въ которой состоялся обѣдъ, глядѣли со стѣнъ гербы и имена, намъ русскимъ большею частію хорошо знакомыя, часто очень древнія. За быстротой времени трудно было разглядѣть всѣ имена но нельзя было не припомнить, если вѣрить одной изъ мѣстныхъ легендъ, что въ одномъ изъ гербовъ имѣется изображеніе даже виолеемской звѣзды. Обѣдъ былъ роскошный. Тосты, на русскомъ языкѣ, провозглашены предводителемъ дворянства графомъ Тизенгаузеномъ. За обѣдомъ слѣдовало прекрасное хоровое пѣніе. Въ 10-мъ часу вечера Ихъ Высочества, милостиво поблагодаривъ хозяевъ въ лицѣ ихъ представителя, отбыли въ Екатеринентальскій дворецъ, чтобы присутствовать при завершеніи перваго дня пребыванія въ Ревелѣ большою факельною процессіей.

Эта заключительная картина дня была въ полномъ смыслѣ слова великолѣпна. Когда полупрозрачныя тѣни свѣтлой ночи залегли въ густотѣ парка, съ балкона, на которомъ помѣстились Ихъ Высочества, видно было какъ въ глубинѣ главной аллеи затеплился сначала одинъ огонекъ, потомъ два, три, потомъ много. и всѣ они, вмѣстѣ взятые, глядѣли издали какимъ-то большимъ сплошнымъ огнемъ; на этомъ яркомъ пламени оттѣнялись впереди высокіе значки и знамена. При первыхъ звукахъ марша эта огненная, сплошная масса, пошевеливаясь въ тактъ, поплыла по направленію ко дворцу и, дойдя до куртины, стала раздѣляться на два огненные ручья, которые обогнули ее, замкнулись предъ

Ихъ Высочествами и остановились. Горѣли не факелы, а пестрые фонарики въ рукахъ 600 человѣкъ вольной пожарной команды, играла ихъ музыка. Едва остановилась процессія, какъ послѣдовало разрѣшеніе Ихъ Высочествъ допустить къ нимъ представителя пожарныхъ и представителей трехъ нѣмецкихъ пѣвческихъ обществъ: „Ревельскаго Собранія для мужскаго пѣнія“ „Ревельской Лидертафель“ и „Гармоніи“. Двое изъ представителей обратились къ Августѣйшимъ Гостямъ города съ привѣтствіемъ на русскомъ языкѣ. По возвращеніи ихъ къ участникамъ шествія и послѣ объявленія имъ, однимъ изъ представителей, о милостивомъ пріемѣ оказанномъ Ихъ Высочествами, безусловная тишина смѣнилась кликами ура! слѣдовало превосходное пѣніе трехъ пѣсень, изъ которыхъ послѣдняя, „Міръ такъ прекрасенъ“ Фишера, дѣйствительно великолѣпна и, какъ говорятъ здѣсь, чрезвычайно нравится Государынѣ Императрицѣ. По окончаніи пѣнія, назначеннаго по программѣ, раздались завѣтные звуки „Боже, Царя Храни“ и долго не умолкавшее ура, а затѣмъ, пройдя мимо балкона, съ помахиваніемъ знаменъ и возгласами, подъ звуки марша, процессія стала удаляться; два огненные ручья слились опять въ огненную массу, которая втянулась въ аллею, быстро уменьшалась, блекла, стала снова маленькою точкой и сгинула, но не такъ, какъ первый день пребыванія въ Ревелѣ, оставившій за собою много яркихъ слѣдовъ.

На второй день пребыванія, 13-го іюня, въ девятомъ часу утра, Его Высочество направился въ бригадную церковь, гдѣ встрѣченъ духовенствомъ Бѣломорскаго и Онежскаго полковъ; скромная и небольшая церковь примыкаетъ къ манежу, благодаря чему во время богослуженій помѣстительность ея много увеличивается. Вслѣдъ за тѣмъ обойдены батарейныя казармы, называемыя такъ, потому что онѣ образованы изъ бывшей оборонительной казармы; особое вниманіе Великаго Князя обратило на себя умѣніе размѣщаться, чистота и порядокъ. Осмотрѣвъ пріемные покои двухъ названныхъ полковъ, Великій Князь встрѣтился на пути съ Великою Княгиней, и затѣмъ Ихъ Высочества посѣтили полковыя офицерскія собранія. Оба собранія помѣщены въ довольно обширныхъ частныхъ домахъ и вполнѣ прилично обставлены; офицеры проводятъ въ нихъ большую часть внѣслужебнаго времени, имѣютъ хорошій столъ и библіотеки. Въ собраніи

одного изъ полковъ Августѣйшій Главнокомандующій выслушалъ докладъ завѣдующаго хозяйствомъ въ полку о результатахъ примѣненія, испытаннаго въ теченіе одного года проекта новаго упрощеннаго положенія о хозяйственной части въ полкахъ. Въ собраніи другаго Великій Князь повѣрилъ мобилизаціонный планъ полка. Въ собраніи Бѣломорскаго полка Ихъ Высочества встрѣчены хоромъ музыки, составленнымъ исключительно изъ однихъ офицеровъ полка; такое явленіе, сколько помнится, при объѣздахъ Его Высочества встрѣчено впервые; развитію среди офицеровъ музыки, какъ пріятнаго препровожденія времени, нельзя не сочувствовать, въ особенности если оно идетъ не въ ущербъ обязательнымъ отдѣламъ обученія: Бѣломорскій полкъ по всѣмъ частямъ имѣетъ славу образцоваго полка. Въ обоихъ собраніяхъ находились жены офицеровъ, удостоившіяся представленія Высокимъ Гостямъ и милостиваго съ ихъ стороны разговора, въ особенности о домашнемъ и ревельскомъ житьѣ-бытьѣ.

По возвращеніи Ихъ Высочествъ во дворецъ, слѣдовало представленіе депутатовъ, въ числѣ 250 человѣкъ отъ 18 эстонскихъ пѣвческихъ обществъ, разсѣянныхъ по всей губерніи. Здѣсь можно было видѣть въ длинномъ ряду характерность, пестроту и дробность какъ мужскихъ, такъ, въ особенности, женскихъ одѣяній, отличающихся, тѣмъ или другимъ, чуть ли не въ каждомъ церковномъ приходѣ. Болѣе другихъ бросались въ глаза безусловно бѣлые холщевые халаты, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, хора Изакъ, вирляндскаго уѣзда, при чемъ, на головахъ мужчинъ имѣлись черныя шляпы; у хора Тудолинъ — бѣлые колпачки; мужчины хора Мяръяма, викскаго уѣзда, имѣли на себѣ черные халаты и желтыя шляпы; надобно замѣтить, что черная одежда была искони особенностью эстовъ и отсюда произошло и названіе ихъ чернокафтанниками; на головахъ женщинъ виднѣлись мютцы, вѣнчики, кокошники; полосатыя юбки, яркоцвѣтные корсажи, множество бусъ, монетъ и бляхъ на груди; коса у женщинъ не въ ходу — волосы предпочитаютъ носить распущенными; попадаются недурныя блондинки. Во главѣ всѣхъ этихъ обществъ, имѣвшихъ музыку и свои знамена, стояло ревельское общество „Лотусъ“, основанное въ 1877 году, и одинъ изъ представителей эстовъ, поднося Ея Высочеству букетъ, выразился очень удачно: „какъ въ букетѣ этомъ, сказалъ онъ,

расположены цвѣты, такъ размѣщены народы въ великомъ русскомъ государствѣ; эстонскій народъ можетъ быть сравненъ съ незабудочкой, не очаровывающею видомъ и запахомъ, но обозначающею синимъ своимъ цвѣтомъ — вѣрность". Вслѣдъ за завтракомъ всѣ эти общества въ дворцовомъ саду пѣли хоровыя пѣсни, пѣли хорошо, но и самыя веселыя изъ нихъ какъ-то тягучи, можно даже сказать, заунывны. Другихъ пѣсней и не могло, впрочемъ, сложиться у народа, имѣвшаго такую скорбную историческую судьбу.

Около двухъ часовъ дня, Ихъ Высочества находились уже въ русскомъ общественномъ собраніи „Гусли", основанномъ еще въ 1864 году исключительно для развитія духовнаго и свѣтскаго хороваго пѣнія, но преобразившагося въ 1885 году въ общественное собраніе. Въ настоящее время въ немъ 270 членовъ. Ихъ Высочества прослушали прекрасный хоръ, исполнившій въ заключеніе „Боже, Царя храни". Губернаторъ, какъ почетный членъ общества, ходатайствовалъ, чтобы Ихъ Высочества милостиво приняли общество подъ свое Высокое Покровительство, на что и послѣдовало согласіе, выраженное въ очень лестныхъ словахъ. „Гусли", вслѣдствіе этого, зазвучатъ здѣсь, гдѣ такъ разнообразно поютъ столь многіе, гораздо сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, и памятью этого важнаго въ существованіи русскаго общества дня остались въ его книгѣ собственноручныя подписи Великаго Князя и Великой Княгини. Вслѣдъ за принятіемъ Великокняжескаго покровительства, лица, сопровождавшія Ихъ Высочества, тоже сдѣлались вкладчиками „Гуслей".

Послѣ посѣщенія женской гимназіи, Августѣйшіе Гости Ревеля направились въ реальное училище, гдѣ собраны ученики его, равно какъ рыцарскаго вышгородскаго, губернской и Александровской гимназій, училищъ городскаго и уѣзднаго и гимназій женской и городской женской. Попечитель Дерптскаго учебнаго округа М. Н. Капустинъ представилъ Ихъ Высочествамъ начальствующихъ лицъ. Реальное училище именуется Петровскимъ, потому что основано въ день двухсотлѣтней годовщины рожденія Петра Великаго и открыто въ 1881 году: зданіе очень изящно и въ общей планировкѣ распредѣлено, конечно въ меньшихъ размѣрахъ, по образцу извѣстнаго Лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ опыт-

ною рукой глубокочтимаго попечителя, въ дѣятельности балтійскихъ учебныхъ заведеній замѣтно будетъ гораздо больше единенія, чѣмъ было; недостатокъ послѣдняго свидѣтельствуется недавнимъ циркуляромъ о необходимости преподаванія русской исторіи на русскомъ языкѣ, чего до сихъ поръ не дѣлали и преподаваніе этого предмета происходило по нѣмецкимъ учебникамъ, Богъ вѣсть какъ и кѣмъ составленнымъ.

Вслѣдъ за пѣніемъ и музыкой, вслѣдъ за посѣщеніемъ разсадниковъ юношества, предстояло Ихъ Высочествамъ посѣщеніе древнихъ лютеранскихъ церквей.

Выше другихъ ревельскихъ церквей поднимается своимъ остроконечнымъ шпилемъ въ 455′ вышины церковь св. Олая. Король шведскій Олай (умеръ въ 1033 году) былъ, какъ сообщаютъ древнія хроники, главнымъ сокрушителемъ культа языческаго Тора и впослѣдствіи канонизованъ. Въ 1270 году королева датская Маргарита приписала церковь къ несуществующему нынѣ женскому монастырю Св. Михаила, церковь котораго преобразилась въ Преображенскій православный соборъ. Эта приписка послужила поводомъ къ долгимъ, любопытнымъ спорамъ.

Около 1549 года городъ забралъ церковь въ свое распоряженіе; когда монастырская „Domina“ пожелала воспользоваться своимъ старымъ правомъ, своею привилегіей, замѣщать вакансію проповѣдника и таковая открылась, то представители городскаго управленія дали слѣдующій многозначительный отвѣтъ: „что касается до ленной зависимости Св. Олая отъ монастыря, то мы ушли уже отъ старыхъ церемоній и обычаевъ; еслибы намъ вернуться къ старому опять, чего не дай Богъ, ну тогда пускай монахини воспользуются своимъ правомъ снова“. Въ этомъ случаѣ, говоритъ добросовѣстный изслѣдователь ревельской старины Ганзенъ, „произошло то, что всегда имѣло мѣсто въ Германіи: свѣтская власть, то-есть городъ, не стѣснялсь, забрала церковь себѣ“. Это примѣръ для тѣхъ, кто желалъбы ему слѣдовать. Въ 1625 году Олай попалъ въ знаменитую „редукцію“, то-есть взятъ шведскою короной, въ силу того что онъ принадлежалъ когда-то монастырю, построенному датскимъ королемъ. Петръ I возвратилъ церковь городу. Очень важнымъ днемъ для края было 12-го мая 1736 года, когда въ храмѣ Олая въ первый разъ проповѣдалъ графъ Цинцен-

дорфъ гернгутерство; отсюда оно пошло было по странѣ, но какъ извѣстно, впослѣдствіи запрещено, и это запрещеніе, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, способствовало, быть можетъ болѣе всего, сильному движенію эстовъ въ православіе. Въ 1820 году, счетомъ въ восьмой разъ, ударила въ церковь Олая молнія и произвела пожаръ; въ 1825 году, при посѣщеніи Ревеля Александромъ I, дано было обѣщаніе отстроить церковь, обѣщаніе, исполненное Николаемъ I, повелѣвшимъ выдать на этотъ предметъ полмиліона рублей; строили въ теченіе 12 лѣтъ, и первымъ строителемъ былъ полковникъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ Фельдманъ. Главный лютеранскій храмъ Ревеля отстроенъ на русскія деньги.

Церковь Св. Олая, посѣщенная Ихъ Высочествами, кажется еще болѣе пустою, еще менѣе готическою, чѣмъ Домкирхе: то же отсутствіе полусвѣта, тѣ же громадныя окна безъ цвѣтныхъ стеколъ, тотъ же недостатокъ расчлененія стѣнъ всѣхъ трехъ нефовъ, отдѣляемыхъ одинъ отъ другаго шестью столбами. Если угодно, это готика по общему плану, по острымъ сводамъ, по красотѣ основныхъ линій, гармонично стремящихся вверхъ, но вотъ и все, что имѣется въ ней отъ готики.

Третья большая лютеранская церковь, посѣщенная Августѣйшими Путешественниками, это Николайкирхе. Общею чертой какъ русскихъ, такъ и нѣмецкихъ мореходовъ являлось всегда высокое почитаніе Св. Николая Чудотворца. Ганзейскій союзъ, виднымъ членомъ котораго былъ Ревель, существовалъ такъ-сказать на морѣ, на водѣ, и не удивительно что и Ревель, подобно Гамбургу, Любеку, Стральзунду, Ростоку и Грейфсвальде, имѣетъ свою церковь Николая. Ганзенъ, говоря о Николайкирхе, свидѣтельствуетъ въ очень характерной исторійкѣ о томъ, какъ силенъ былъ внутренній разладъ въ средневѣковомъ быту балтійскаго края. Въ 1426 произошло въ церкви побоище, вслѣдствіе того, что монахи, заодно съ бюргерами, дѣйствовали противъ церковнаго духовенства; это побоище являлось отвѣтомъ на скандалъ, учиненный за годъ до того духовенствомъ въ монастырской церкви Катерины, духовенствомъ, прибывшимъ въ нее въ маскахъ. Причиной вражды являлись, конечно, денежные интересы, всегда игравшіе здѣсь первенствующую роль: папа позволилъ монахамъ служить на улицахъ, на переносныхъ алтаряхъ, а это сильно уменьшило

доходы городскаго духовенства; отсюда драки и вражда. Николайкирхе имѣетъ болѣе внушительный, болѣе древній обликъ, чѣмъ Домкирхе и Олай, и хотя иконоборцы реформаціи лишили и ее многихъ украшеній, тѣмъ не менѣе она полна видимыхъ воспоминаній. Безконечно много въ ней гербовъ эстляндскихъ рыцарскихъ фамилій; „очень нужны“, говоритъ съ ироніею одно духовное лицо 1603 года, „ихъ гербы церкви, если она ничего отъ этого не получила; гербы не красивое украшеніе“. Едва ли, однако, можно согласится съ этимъ духовнымъ лицомъ: гербы красивы своими воспоминаніями, своею типичностью, и для потомковъ, несомнѣнно, имѣютъ значеніе. Одни изъ гербовъ, и именно Тизенгаузеновъ сдѣланы изъ литаго серебра. Достойна въ церкви вниманія „Пляска смерти“ XV вѣка, на полотнѣ въ восемь метровъ длины и 1,$_{75}$ ширины; изо всѣхъ циклическихъ изображеній эта „Пляска смерти“ безспорно самое восточное; въ православной церкви изображеніе смерти, подшучивающей надъ королемъ, папою, нищимъ, красавицею-женщиной, было бы немыслимо; для появленія ея на свѣтъ изъ головы художника нужны были цѣлые вѣка страданій и ужасовъ, выдержанныхъ готическою Европой. Замѣчательными гробницами Николайкирхе не богата, но за то одинъ изъ почивающихъ пріобрѣлъ широкую извѣстность. Это Дюкъ де-Кроа. Этотъ де-Кроа, родомъ бельгіецъ, служилъ когда-то въ австрійской службѣ, затѣмъ перешелъ въ русскую, взятъ шведами въ плѣнъ подъ Нарвою, гдѣ начальствовалъ нашими войсками, отвезенъ въ Ревель и умеръ въ 1702 году. Толкуютъ будто его не хоронили въ силу закона возбранявшаго спокойствіе могилы людямъ умершимъ въ долгахъ, а у де-Кроа долговъ было много. 23-го января 1759 года составленъ по какому-то поводу очень любопытный счетъ за храненіе его тѣла: считая 1 руб. въ недѣлю, хранители требовали 2.964 руб. Печатные источники сообщаютъ, что высохшаго Дюка нынѣ не показываютъ и что онъ опущенъ въ землю. Это и правда, и неправда, потому что, хотя въ склепъ онъ и былъ опущенъ, но Высокимъ Путешественникамъ, а слѣдовательно и намъ, показанъ. Онъ лежалъ въ массивномъ гробу, въ особой капеллѣ, вправо отъ входа въ церковь, вмѣстѣ со всякою рухлядью. Это мужчина высокаго роста, черты лица котораго сохранились; довольно глубокія морщины видны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нижняя часть

щекъ переходитъ въ шею; на немъ длинное бархатное одѣяніе, вѣроятно темнолиловаго цвѣта. Его Высочество, видѣвшій Дюка много лѣтъ тому назадъ, замѣтилъ, что его вѣроятно сохраняютъ дурно, потому что исчезъ парикъ покрывавшій его черепъ; небольшая бородка цѣлѣе усовъ; цвѣтъ тѣла — цвѣтъ стручковъ, продаваемыхъ у насъ на лоткахъ въ видѣ лакомства, любимаго народомъ. Въ числѣ другихъ замѣчательностей Николайкирхе слѣдуетъ упомянуть о древнемъ алтарѣ ея, замѣчательномъ какъ въ археологическомъ, такъ и въ художественномъ отношеніяхъ и помѣщенномъ нынѣ въ боковой капеллѣ, и, во-вторыхъ, о нишѣ съ рѣшетчатою дверью, въ которую во время католичества сажали большихъ грѣшниковъ на покаяніе.

Отъ Николайкирхе очень близко до помѣщенія гильдіи Св. Канута. Встрѣченные у порога старшинами, Ихъ Высочества поднялись въ залу, гдѣ привѣтствованы на русскомъ языкѣ небольшою рѣчью. Вокругъ залы стояли сочлены этого очень древняго, но совершенно утратившаго свой характеръ, учрежденія. 600 лѣтъ тому назадъ, это былъ союзъ ремесленниковъ и мастеровыхъ. Во времена орденскія гильдія являлась однимъ изъ шумныхъ сочленовъ въ разрѣшеніи всякихъ политическихъ вопросовъ. Гильдіи принадлежала тогда Николайкирхе и цѣхи имѣли въ ней свои алтари, обезпеченные богатыми вкладами, но, во времена торжества реформаціи, проценты съ этихъ вкладовъ обращены на содержаніе лютеранскихъ проповѣдниковъ и школьныхъ лютеранскихъ учителей. Стараго дома не существуетъ а на постройку новаго, посѣщеннаго Августѣйшими Путешественниками, никѣмъ другимъ какъ нашею русскою казной, выдано 20,000 руб.? кромѣ того домъ и участокъ земли для призрѣваемыхъ гильдіей двадцати вдовъ, подарены Императоромъ Александромъ II. Хотя городовое положеніе 26-го марта 1877 года, учредивъ думу, отчасти парализовало участіе въ городскихъ дѣлахъ магистратовъ и гильдій, тѣмъ не менѣе они составляютъ и по нынѣ особое „гражданство“, отдѣльное отъ „городскаго общества“, гражданство въ которое можно поступить не иначе какъ съ согласія магистрата и гильдій и съ принесеніемъ „присяги на послушаніе благородному магистрату“. Присяги такого рода въ этомъ краю, повидимому, въ обычаѣ. Намъ, русскимъ, присягающимъ только Царю

и кресту, это явленіе непонятно и дико. Въ гильдіи Св. Канута сохраняется очень много цѣнныхъ кубковъ старыхъ временъ; древнѣйшему серебряному около 300 лѣтъ и онъ обвѣшенъ 56 бляхами, что означаетъ память такого же числа старѣйшинъ; характеренъ не то жезлъ, не то булава, длиной около фута, съ массивною головкой: старѣйшина, альдерманъ, постукивая имъ открываетъ и закрываетъ собранія; на случай призыва къ порядку онъ имѣетъ серебряный колокольчикъ.

Очень любопытны „Черноголовые“ (Шварцгауптеры) посѣщенные Ихъ Высочествами вслѣдъ затѣмъ. Это, вѣроятно, отпрыскъ большой гильдіи; его составили въ XIV вѣкѣ неженатые купцы, какъ свои, такъ и чужіе, и избрали своимъ гербомъ черную голову Св. Маврикія, красующуюся и по сегодня надъ входною дверью. Въ 1407 году установленъ статутъ; только четыре старшины, въ видѣ пріятнаго исключенія, могли быть женатыми, остальные, поженившись, тотчасъ уходили; двое изъ Шварцгауптеровъ, вѣроятно не попавшіе въ старшины, являются, какъ мы упомянули, въ числѣ основателей двуполаго женскаго монастыря Св. Бригитты. Въ настоящее время изъ братьевъ, которыхъ 126, избираются 12 старшинъ и 4 почетныхъ старшины; изъ числа послѣднихъ одинъ ротмистръ считается главою братства. Безбрачіе перестало быть условіемъ для вступленія въ братство. Въ силу грамоты Екатерины II ротмистру Черноголовыхъ присвоенъ чинъ ротмистра россійской арміи. Еще вчера, при съѣздѣ съ „Олафа“, когда Его Высочество принималъ почетный караулъ, можно было замѣтить въ сторонѣ, на одной изъ шпалеръ, какъ бы возставшій изъ гроба взводъ Преображенцевъ въ тѣхъ мундирахъ, которые носили они въ началѣ царствованія Александра II, по отмѣнѣ фалдъ: на груди красные отвороты, на каскахъ тогдашняго образца черные султаны, на брюкахъ широкіе красные лампасы, при бедрѣ звенящая бѣлая сабля: воротникъ на ротмистрѣ преображенскаго шитья. У себя дома въ главной залѣ взводъ Черноголовыхъ стоялъ правильнымъ строемъ въ двѣ шеренги и сдѣлалъ по командѣ саблями „на караулъ“, причемъ ротмистръ, совсѣмъ по-офицерски, опустилъ саблю; „здравія желаемъ, Ваше Высочество“, отвѣтили строевики на привѣтствіе Великаго Князя. И здѣсь сказано было ротмистромъ привѣтствіе на русскомъ языкѣ. Надобно думать, что нынѣ въ

званіе ротмистра не будутъ избирать прусскихъ подданныхъ, ни слова не знающихъ порусски, какимъ былъ предшественникъ нынѣшняго ротмистра, рапортовавшаго Великому Князю. Ихъ Высочества осмотрѣли многіе любопытные кубки, начавъ съ того изъ нихъ который былъ подаренъ Петромъ I, въ видѣ оленьей вытянутой ноги, болѣе аршина вышиной; въ книгѣ для записыванія именъ посѣтителей, на верху первой страницы красуется знакомое намъ всѣмъ по почерку: „Петръ“. Достаточно богата и любопытна коллекція портретовъ бывшихъ властителей датскихъ, шведскихъ, русскихъ, между которыми очень хорошъ портретъ Іоанна Грознаго, гохмейстеровъ, курфюрстовъ; замѣчателенъ громадный створень, Altarbild, съ четырьмя дверцами и центральною частью, который, по преданію, спасенъ Черноголовыми изъ монастыря Бригитты, при взятіи его русскими: монахи хотѣли купить его на вѣсъ серебра; есть тутъ и модели старыхъ ганзейскихъ судовъ. Домъ Черноголовыхъ старъ и характеренъ, XVI вѣка, но внутри многократно передѣланъ. Строго говоря, трудно представить: что такое изображаютъ изъ себя въ настоящее время Черноголовые? что изображаютъ имѣющіяся въ Ригѣ, Либавѣ и Митавѣ „городскія войска“ или „гвардіи“?

Посѣщеніемъ православной церкви Св. Николая окончилось въ Ревелѣ обозрѣніе Ихъ Высочествами церквей: начали съ православной, кончили православною, и въ ней помолились. Уже въ XIII вѣкѣ упоминается объ этой церкви. Вѣроятно даже, что и она была не самою древнею, потому что въ одномъ изъ отвѣтовъ Іоанна Грознаго датскимъ посламъ, въ 1559 году, вспоминается о церквахъ, стоявшихъ въ Юрьевѣ, Ригѣ и Ревелѣ „тому уже 600 лѣтъ“. Нынѣ существующій храмъ освященъ въ 1827 году; въ немъ отъ стариннаго не осталось ничего, кромѣ стѣнъ малаго алтаря; сохранился также иконостасъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей; подъ амвономъ главнаго алтаря погребенъ бывшій митрополитъ ростовскій Арсеній Маціевичъ, лишенный сана за противодѣйствіе отчужденію монастырскихъ и церковныхъ имуществъ Екатериною II.

Въ 4 часа пополудни осмотрѣна на русскомъ рынкѣ вольная пожарная команда; для этого смотра составленъ былъ цѣлый планъ: якобы загорѣлось строеніе, изъ башни, путемъ спасательнаго рукава, спасалось цѣлое семейство, загорѣлись

отъ огня противолежащіе торговые ряды, прыгали на парусины съ четвертаго этажа, якобы опоздавшіе уйти во-время отъ огня пожарные; смотръ завершился церемоніальнымъ маршемъ и Его Высочество поблагодарилъ ловкихъ гимнастовъ. Съ этого смотра Ихъ Высочества направились на Лаксбергъ, лежащій за Екатериненталемъ, на скачку устроенную ревельскимъ скаковымъ обществомъ, на которой имѣлась возможность видѣть кровныхъ и полукровныхъ коней принадлежащихъ мѣстному рыцарству, между которыми красовались представители арабской, англійской и венгерской крови; скакали также и крестьяне и пришедшему изъ нихъ первымъ Его Высочество лично вручилъ часы, причемъ, согласно мѣстному обычаю, крестьянинъ, наклонившись, сдѣлалъ видъ, будто обнимаетъ ноги Великаго Князя.

Обѣдъ состоялся въ биржевой залѣ въ 7 часовъ вечера, при чемъ тосты произнесены городскимъ головой на русскомъ языкѣ и вызвали громкія „ура“! въ началѣ девятаго, въ Фалькъ-паркѣ, имѣло мѣсто народное гулянье, устроенное эстонцами, причемъ пѣлись эстонскія пѣсни и очень мило разыграна эстонцами на русскомъ языкѣ піеса „Прежде маменька“; одна изъ пѣсень, „Сердце матери“, была такъ хороша, что Ихъ Высочества, собиравшіеся уйти, остановились и прослушали ее всю до конца. Къ 10-ти часамъ Августѣйшіе Путешественники находились уже на блестящемъ балу, устроенномъ дворянствомъ въ риттергаузѣ, и лишь далеко за полночь возвратились во дворецъ. По пути къ нему можно было замѣтить, что въ отправленіе своихъ обязанностей, вмѣсто полиціи, вступили „нахтвехтеры“, ночные сторожа, содержимые и управляемые городскимъ управленіемъ и, къ удивленію, правительственной администраціи не подчиненные. Это тоже одинъ изъ остатковъ древностей, который, не можетъ не ставить въ затрудненіе мѣстную, правительственную прокуратуру и, вѣроятно, скоро будетъ уничтоженъ.

На утро слѣдующаго дня 14-го іюня Ихъ Высочествамъ предстояло выѣхать въ дальнѣйшій путь и слѣдовать моремъ въ Балтійскій Портъ и Гапсаль.

Въ заключеніе письма нѣсколько статистическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что неволикость ревельской гавани и раз-

рушенность ея дамбъ, вовсе не доказательства бездоходности Ревеля. За послѣднее трехлѣтіе въ ревельскій портъ приходило судовъ:

Иностранныхъ	535
Каботажныхъ	1.053
Прибрежнаго плаванія . . .	645

Привозилось товаровъ на сумму 60.310.000 руб. Вывозилось на 17.491.000 рублей. Пошлины получалось золотомъ 4.627.000 руб., причемъ стоимость содержанія таможни 81.000 р.

БАЛТІЙСКІЙ ПОРТЪ. ГАПСАЛЬ.

Пакерортскій маякъ. Апельсинный портъ и апельсинная желѣзная дорога. Обрусѣніе этихъ мѣсть. Попытки устройства порта. Петровскія укрѣпленія. Проливы Моонзунда. Прибытіе въ Гапсаль. Историческое. Грабежъ по довѣренности. Крещеніе страны съ двухъ сторонъ. Древній замокъ. Легенды. Петръ I, дворянинъ Раммъ, баронесса Унгернъ-Штернбергъ. Русская церковь. Общее о купаньи.

Утро 14-го Іюня смотрѣло ясно и тепло когда Ихъ Высочества, около 11-ти часовъ, простившись съ многочисленными представителями военныхъ и гражданскихъ властей и сословій, съ городскими дамами, при звукахъ музыки, съѣзжали съ ревельской пристани на „Олафа“, находившагося отъ нея въ двухстахъ саженяхъ. Всѣ выдающіяся части дамбы, всѣ борта многихъ пароходовъ, шхунъ, катеровъ и яликовъ пестрѣли людьми; гудѣли возгласы, мелькали платки, слышалось пѣніе. Море смотрѣло ласково, очертанія дальнихъ и ближнихъ островивъ и побережій были очень ясны. „Олафъ“, послѣ обычныхъ при подъемѣ якоря: „пошелъ шпиль! бѣгомъ шпили! стопъ шпили! чистъ якорь!“ двинулся, направляясь къ нешироκому выходу изъ гавани, самымъ тихимъ ходомъ. Намъ предстояли два небольшіе переѣзда: до Балтійскаго Порта 31 миля, и оттуда до Гапсаля 60.

Юго-западный уголъ Финскаго залива, на которомъ высится Пакерортскій маякъ, состоитъ сплошь изъ глинистыхъ известняковъ, обманывающихъ глазъ своими очертаніями, кажущимися издали чѣмъ-то въ родѣ нормандскихъ. гранитныхъ фалезъ. На

самомъ дѣлѣ гранита вовсе нѣтъ, и берегъ, подмываемый безпокойною волной Балтики, то и дѣло разрушается, осыпается; съ мостика на „Олафѣ“ ясно было видно какъ много уже осыпалось этихъ известняковъ, и они, въ видѣ длинныхъ, плоскихъ отмелей и косъ, присыпаны снизу къ отвѣсному, саженъ въ 10 вышины, берегу; очень можетъ быть, что Пакеpортскому маяку современемъ грозитъ опасность висѣть на воздухѣ.

Къ Балтійскому Порту приблизились мы около двухъ часовъ пополудни и остановились отъ пристани очень недалеко, саженяхъ въ 300. Ихъ Высочества немедленно пересѣли на катеръ и, прибывъ на пристань, встрѣчены очень небольшимъ персоналомъ представителей администраціи, причемъ городской голова, русскій родомъ, чуть ли не единственный случай и примѣръ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, произнесъ на своемъ родномъ языкѣ, хотя съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, коротенькую привѣтственную рѣчь. Сѣвъ въ экипажъ Ихъ Высочества прослѣдовали въ русскую церковь, очень небольшую, съ малымъ числомъ образовъ, лучшимъ украшеніемъ которой были свѣжіе цвѣты, устилавшіе ея полъ живымъ ковромъ.

Балтійскій Портъ называется также, какъ мы узнали, и апельсиннымъ портомъ потому, что когда многія гавани побережья въ мартѣ мѣсяцѣ еще скованы льдомъ, тѣ именно злыя волны которыя собираются сбросить въ море Пакеpортскій маякъ, разбиваютъ здѣсь ледъ и даютъ возможность привезти въ Петербургъ, по Балтійской дорогѣ, самые ранніе апельсины; самая желѣзная дорога слыветъ подъ названіемъ апельсинной. Но если въ торговомъ отношеніи она заслужила такую фруктовую славу, то въ другомъ, въ государственномъ смыслѣ, оказала эстляндской губерніи великую услугу: болѣе чѣмъ что либо другое способствовала она обрусѣнію лежащихъ по ней мѣстъ, и въ особенности Ревеля, что можетъ подтвердить всякій безпристрастный тамошній старожилъ; далеко не всякому старожилу сказанное нравится.

Та же свирѣпость волны, которая обусловила за дорогой и портомъ клички—апельсинные, была причиной того, что цѣлый рядъ царственныхъ попытокъ Петра I, Елисаветы и Екатерины II на устройство здѣсь гавани остался напраснымъ трудомъ: камни сносились, сваи вымывались, дамбы исчезали подъ водой; послѣд-

нія изъ работъ, миниховскія, сгинули въ 1767 году окончательно и образуютъ теперь подводный рифъ, простирающійся на полверсты отъ берега. Петръ I задумывалъ даже устроить здѣсь крѣпость, остатки которой въ тѣхъ широкихъ, могучихъ размѣрахъ которые придавалъ всему Великій Императоръ, еще видны и нынѣ, и по валамъ ея обильно поростаетъ особый видъ низкорослой, бѣлой гвоздики, у насъ кажется вовсе неизвѣстной и отличающейся удивительно пріятнымъ запахомъ. Въ 1715 году былъ здѣсь Петръ I, въ 1764 году Екатерина II. До 1762 года Балтійскій Портъ назывался мѣстечкомъ Рогервикъ, съ 1786 сдѣланъ городомъ уѣзднымъ, съ 1844 переименованъ въ заштатный. Движеніе торговли въ немъ въ послѣднее трехлѣтіе таково что привозилось ежегодно на 1.043.000 р., вывозилось на 470.000 р.; пошлинъ, золотомъ, около 111.000 р.

Замѣчательностей городъ конечно никакихъ не имѣетъ, если не считать непомѣрно широкихъ улицъ, составляющихъ какъ бы продолженіе пустырей его окружающихъ. Въ немъ всего только 933 человѣка жителей, что не мѣшаетъ имъ надѣяться и ходатайствовать объ устройствѣ тутъ не только коммерческой гавани, но и военной. Это желаніе, хотя и крупное по своимъ размѣрамъ, напоминаетъ тѣ платоническія надежды, съ какими у насъ чуть ли не большинство городовъ, надѣется на проведеніе къ нимъ желѣзной дороги. Замѣтимъ также, что лютеранская церковь города построена, какъ и нѣкоторыя изъ другихъ лютеранскихъ церквей прибалтійскихъ губерній, на русскія деньги. повелѣніемъ Николая I, въ 1842 году. Она имѣетъ еще ту особенность, для края очень характерную, что также бѣдна и невзрачна какъ и церковь православная. Относясь скептически къ возможности и необходимости устройства здѣсь порта, слѣдуетъ сказать, однако, что, рейдъ его будучи далеко не вполнѣ спокойнымъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ ширины 3 версты, длины 10 и глубины 16 саженъ, при хорошемъ глинистомъ грунтѣ.

До завтрака Ихъ Высочества обошли ряды вольной пожарной команды. Замѣчено какъ много въ краѣ этихъ командъ, обученныхъ носить каски, ходить въ ногу, дѣлать построенія, слушать приказанія. Такой городокъ какъ Балтійскій Портъ, въ которомъ и горѣть-то нечему, а еслибы что и загорѣлось, то, при широтѣ улицъ, не представляло опасности, и тотъ имѣетъ,

свою пожарную команду со знаменемъ; стоитъ дать имъ ружья и немного подучить, и значительная воинская сила готова. Понятно, что сила эта, назначаемая на тушеніе пожаровъ, очень полезна и въ этомъ смыслѣ нельзя не похвалить предусмотрительности мѣстнаго населенія.

Направляясь къ завтраку, Ихъ Высочества посѣтили казармы поста пограничной стражи, люди которой, одни верхомъ, другіе пѣшкомъ, были выстроены передъ ними и привѣтствованы Его Высочествомъ. Самый завтракъ, очень небольшой, холодный, на скорую руку, предложенъ отъ города на высшей точкѣ, въ древнемъ бастіонѣ петровскихъ укрѣпленій, причемъ прислуживали Ихъ Высочествамъ городскія дѣвицы, всѣ въ бѣломъ. Вслѣдъ за этимъ состоялось немедленное отправленіе въ дальнѣйшій путь — въ Гапсаль, отстоящій отсюда моремъ на 60 миль.

Переходъ этотъ представлялъ особый интересъ въ виду важности ознакомленія съ сѣверными проливами Монзунда, идущими между островами, настолько же изломанными въ своихъ очертаніяхъ, какъ и характерными по особенностямъ своихъ обитателей. „Олафъ“ шелъ проливомъ Вормскимъ, и, по мѣрѣ приближенія къ протоку омывающему западный берегъ Вормса и восточный Даго, все болѣе уменьшалъ ходъ. Его Высочество слѣдилъ за очертаніями береговъ, свѣряя ихъ съ картой, и знакомился съ островомъ Харри находящимся какъ разъ посреди пролива и очевидно могущимъ имѣть не малое вліяніе при оборонѣ.

Къ вечеру, отнюдь не менѣе чѣмъ въ 10 миляхъ отъ Гапсаля, „Олафъ“ бросилъ якорь, за невозможностью идти дальше по мелководію и Ихъ Высочества пересѣли, для немедленнаго переѣзда къ городу, на небольшой паровой баркасъ таможенной крейсерской флотиліи „Кончикъ“; многія изъ судовъ этой дѣятельной флотиліи несутъ птичьи имена: „Нырокъ“, „Гагара“, „Лебедь“, во вниманіе къ той быстротѣ съ которою должны они перелетать, несмотря на погоду, съ одного мѣста на другое. Гапсаль, въ полумракѣ ночи глянулъ на совершенно плоскомъ берегу не особенно красиво и даже трудно было человѣку незнакомому съ мѣстностью, отличить стѣны и башни развалинъ древняго рыцарскаго замка, котораго касаются многія легенды, замуровывающія въ стѣны его женщинъ, клады и. т. п. Чѣмъ-то очень схожимъ съ легендой былъ разсказъ сообщенный

намъ о томъ, будто нѣмецкій пароходикъ „Progress“, мимо котораго мы проходили, содержащій почтовое сообщеніе съ островомъ Даго, въ прошломъ году нашелъ затруднительнымъ перевезти туда нашу военно-походную церковь, несомнѣнно православную, и она перевезена по назначенію на судахъ таможенной крейсерской флотиліи?

Встрѣченные съ берега шумными кликами и маханіемъ шапокъ Ихъ Высочества сошли на пристань и, принявъ властей, направились въ экипажахъ, немедленно, по очень длинному деревянному помосту, къ самому городу и поперекъ его къ мѣсту ночлега, въ усадьбу генералъ-адъютанта графа Бревернъ-де-ла-Гарди, усадьбу, садъ которой расположенъ вдоль стѣны развалинъ древняго рыцарскаго замка, въ самомъ Гапсалѣ.

Въ Гапсалѣ всего 2,800 жителей, но. на лѣтній сезонъ, благодаря значительному притоку гостей на морскія купанья, населеніе это возрастаетъ. Въ 1279 году основанъ городокъ эзельскимъ епископомъ Германомъ; позже епископы острова Эзеля переселились сюда совсѣмъ и такъ какъ представители духовной власти въ тѣ дни жили пышно, и имѣли нѣчто въ родѣ своего двора, то и маленькій Гапсаль изображалъ духовную столицу въ миніатюрѣ. Многіе изъ балтійскихъ городковъ, современныхъ Гапсалю, одновременно съ гибелью ордена, слабѣли, чахли, обращались въ деревеньки или даже исчезали совсѣмъ, несмотря на то, что имѣли всякія права, ратуши и гильдіи. Въ 1343 году, 23-го апрѣля, въ знаменитую Юрьеву ночь возстанія эстовъ, толпы ихъ обложили одновременно съ Ревелемъ и Гапсаль. Магистръ ордена Дрейлевенъ, только что воевавшій счастливо съ русскими и находившійся въ Изенбургѣ, не замедлилъ явиться со своими всадниками на помощь; послѣ совершенія всевозможныхъ казней и исключительно жестокихъ пытокъ (exquisitis tormentis), въ который уже разъ обезлюдилъ нѣмецкій рыцарь на долгое время ближнюю эстонскую землю.

Очень характерно по своей, если можно такъ выразиться, юридической окраскѣ, одно изъ нападеній, выдержанныхъ Гапсалемъ „по довѣренности“. Это случилось въ 1383 году. Когда неистовства, разбои и прочія качества необузданныхъ рыцарей, вассаловъ эзельскаго епископа, вызвали наконецъ съѣздъ въ Вольмарѣ, на которомъ рѣшено установить миръ и покой, глав-

ные вожаки рыцарской самодѣятельности, Шаренбекъ и Дитрихъ Икскюль, согласились на это предложеніе и благодарили за него; не успѣли разъѣхаться члены вольмарскаго съѣзда, какъ этотъ самый Икскюль, за себя и „по довѣренности“ Шаренбека, съ толпами всякихъ разночинцевъ, напалъ на Гапсаль. Ночью по лѣстницамъ влѣзли они въ замокъ, прошли оттуда въ церковь, многихъ убили, другихъ изувѣчили, обокрали церковь и библіотеку и что могли пожгли. Хроники не говорятъ о томъ, что слѣдовало за этимъ преступленіемъ, но орденскія власти обѣщали крутыя мѣры противъ разбойниковъ опустошавшихъ край. Сдѣлать это оказалось, однако, труднѣе чѣмъ сказать, труднѣе потому, что грабительство рыцарей было настолько прирождено имъ, что почти одновременно съ этимъ, епископъ курляндскій Оттонъ самъ являлся чѣмъ-то въ родѣ атамана разбойничьей шайки орденскихъ рыцарей, и ему помогали комтуры, то есть рыцарскіе военноначальники Гольдингена и Виндавы, и фохтъ замка Кандау, устроивъ сообща систематическій повсемѣстный разбой.

Если характерно было нападеніе „по довѣренности“, то не менѣе любопытны тѣ способы какими была окрещена вся близлежащая страна. Когда епископъ Альбертъ, въ началѣ XIII вѣка, испуганный тѣмъ, что какіе-то неизвѣстные тогда варвары-русскіе взяли одинъ изъ рыцарскихъ замковъ Оденпе, призвалъ на помощь себѣ короля датскаго, и онъ дѣйствительно явился и помогъ, тогда началось оригинальное крещеніе страны сразу съ двухъ сторонъ; по обезлюдѣвшимъ, погорѣлымъ деревнямъ ходили одновременно нѣмецкіе и датскіе крестители, для того чтобы захватить себѣ возможно скоро какъ можно большіе области, причемъ датчане разсылали святую воду даже съ недуховными людьми. Генрихъ Латышъ, древнѣйшій и достовѣрнѣйшій бытописатель тѣхъ дней (хроника его кончается 1227 годомъ), разсказываетъ смѣшную исторію о томъ, какъ, придя въ одну деревню, собралъ онъ людей и хотѣлъ было окропить ихъ святою водой: „да вѣдь насъ обливали вчера датчане“, отвѣтили ему наивные эсты, и Генрихъ не могъ не улыбнуться и ушелъ. Въ другой деревнѣ, войдя въ нее съ одного конца, встрѣтилъ онъ датскаго крестителя, вошедшаго съ другаго; встрѣтившись поглядѣли они другъ на друга и разошлись. Трагикомизмъ этихъ положеній

вызываетъ на память исторійку о томъ, что изъ Даніи былъ присланъ сюда, приблизительно въ эти же годы, фальшивый гоголевскій ревизоръ, исполнявшій якобы роль папскаго легата, что придаетъ красивую окраску людямъ и дѣяніямъ тѣхъ далекихъ дней именно въ посѣщаемой нами странѣ. Когда въ 1237 году послѣдовало гибельное для края соединеніе ордена меченосцевъ съ орденомъ тевтонскимъ, то папская булла, объявившая объ этомъ, начиналась слѣдующими словами: „послѣ того какъ пріятный запахъ нашего сына Великаго Магистра, распространенный по странамъ земнымъ“ и т. д. Пріятный запахъ этотъ дѣйствительно уже обнималъ въ тѣ дни нашу прибалтійскую окраину, и выраженіемъ этого запаха была другая папская булла 1258 года, дававшая прощеніе всякимъ преступникамъ, одѣвавшимъ рыцарское платье и шедшимъ въ балтику для проповѣди слова Божія!! Многозначительны слова прибалтійскаго историка Рутенберга, гласящія такъ: „сила. только одна сила рѣшила здѣсь за нѣмцевъ, и они должны бы были хорошо помнить, какимъ путемъ овладѣли ихъ прадѣды страной и какой святой долгъ несутъ они предъ мѣстными народностями.“

Гапсаль, подобно другимъ здѣшнимъ городамъ, жилъ орденскою и епископскою жизнію и имѣетъ тоже свою развалину — древній замокъ. Онъ долго держался цѣлъ и невредимъ, переживъ епископовъ и рыцарей, и только буря 1726 года, сорвавъ крышу съ николаевской замковой церкви, положила начало его разрушенію. Говорятъ, что подземные ходы подъ нимъ, содержащіе по народному повѣрью кладъ, къ отысканію котораго дѣлались попытки еще въ 1843 г., тянутся на пять верстъ, а такъ какъ никакія бури подъ землей не проходятъ, то и стоятъ они цѣлы и невредимы. Лучшая, наиболѣе сохранившаяся часть замка — капелла, очень хорошихъ готическихъ очертаній; но, къ несчастію. какъ говорятъ, въ ней хотятъ устроить лютеранскую церковь, что, конечно, прибыльно для развалинъ не будетъ, и объ этомъ жалѣютъ даже сами лютеране. Съ замковою капеллою соединена легенда о томъ, какъ одинъ отцеубійца, произнеся въ церкви ложную присягу въ своей невинности, упалъ мертвымъ, едва переступивъ за двери церкви. Есть хорошенькая легенда объ одной изъ древнихъ осадъ Гапсаля; защитникамъ его на седьмой годъ не хватило припасовъ, а между тѣмъ осаждавшіе послали шпіона справиться именно объ

этомъ любопытномъ вопросѣ. Гапсальцы, провѣдавъ о шпіонѣ, сварили съ остатками хмѣля пиво и напоили имъ послѣдняго сохранившагося быка. Пьяный быкъ, обводимый по городу, мычалъ въ разныхъ мѣстахъ, свидѣтельствуя о томъ, будто бы, быковъ много, мяса достаточно, да еще и пиво варятъ. Осада, говоритъ легенда, была снята.

Въ 1576 году взяли Гапсаль русскіе, владѣли имъ до 1581 года и сдали городъ на капитуляцію шведамъ; въ 1628 году городъ проданъ былъ шведскою короной де-ла-Гарди за 66.830 шведскихъ талеровъ, но по смерти его возвращенъ казнѣ. Не продажею и куплею, обычными здѣсь способами, а политый русскою кровью взятъ онъ въ 1710 году генераломъ Бауэромъ и Ништадскимъ миромъ присоединенъ къ Россіи навсегда.

Согласно нѣкоторымъ источникамъ, подлѣ Гапсаля имѣла мѣсто очень характерная собственноручная расправа Петра Великаго. 22-го Іюня 1715 года прибылъ онъ на галерахъ въ Гапсаль и, осмотрѣвъ городъ, черезъ Линденъ и Падисъ, направился въ Ревель. По пути объявилъ онъ дворянину Рамму что будетъ обѣдать у него; дворянинъ отвѣтилъ, что не желаетъ этого царскаго посѣщенія, но государь тѣмъ не менѣе прибылъ къ нему, собственноручно наказалъ его своею тростью и очень вкусно пообѣдалъ. За ѣдой и питьемъ царь очаровалъ приглашеннаго имъ къ столу побитаго хозяина, очаровалъ настолько, что, при прощаніи, Раммъ просилъ подарить ему бившую его царскую трость. Говорятъ, что вещественный документъ этотъ и по сегодня хранится у его потомковъ. Сохранился также и разсказъ о посѣщеніи царемъ въ эту же поѣздку мѣстечка Линденъ, принадлежавшаго вдовѣ барона Унгернъ-Штернберга, служившаго когда-то въ шведскихъ войскахъ. Молодая вдова, осчастливленная посѣщеніемъ, то и дѣло прятала портреты Карла XII и его монограммы, находившіеся въ дому на разныхъ мѣстахъ и предметахъ. Петръ I самъ отыскалъ одинъ изъ портретовъ за печкой, взялъ его въ руки, любовался и проговорилъ: „здорово, братецъ Карлъ! теперь швырнули за печку тебя, но достаточно будетъ, можетъ быть, одного сраженія, чтобъ отправить и меня за тобою туда же!“ Вдова была глубоко опечалена этимъ случаемъ; царь думалъ было сосватать ее за Ягужинскаго, но сердце ея принадлежало уже барону

Розену, и она вышла за него. По отъѣздѣ отсюда, царя Петра чуть-чуть не разнесли лошади, которыя, къ слову сказать, и по сегодня здѣсь очень хороши, и, запряженныя въ дышло или оглобли, играютъ и любятъ подниматься на дыбки.

Служебныя посѣщенія Его Высочества состояли изъ обхода казармъ, управленія уѣзднаго воинскаго начальника и Великій Князь особенно интересовался данными по отношенію къ острову Даго, сообщеніе съ которымъ нерѣдко прерывается въ періодъ призыва новобранцевъ. Помимо сказаннаго, Его Высочествомъ посѣщены тюрьма, больница и постъ пограничной стражи.

Въ одиннадцатомъ часу Августѣйшіе Путешественники направились въ мѣстную церковь къ началу обѣдни. Хотя съѣздъ лицъ желавшихъ пользоваться гапсальскими грязями еще не достигъ своей высшей цифры, тѣмъ не менѣе русскій храмъ былъ полонъ молящихся. Церковь не велика, но вполнѣ благообразна; при незначительной вышинѣ подъ цилиндрическимъ сводомъ, она продолговата по плану, имѣетъ не дурной, въ римскомъ стилѣ, золоченый иконостасъ и красивую люстру. По окончаніи обѣдни и по провозглашеніи многолѣтія, Ихъ Высочества приложились ко кресту, по древне-православному обычаю, поцѣловали у священника руку и приняли отъ него по просфорѣ.

Во второмъ часу пополудни въ зданіи приходской школы собраны воспитанники и воспитанницы двухъ заведеній, имѣя во главѣ двухъ законоучителей и всѣхъ преподавателей. Ознакомясь съ обстановкой училища, Ихъ Высочества прослушали стройное пѣніе хора и выразили училищамъ пожеланіе дальнѣйшаго преуспѣянія для упроченія и развитія въ краѣ русскаго дѣла. Совмѣстно съ Великою Княгинею зашелъ Великій князь въ помѣщеніе временно отведенное для прибывшихъ въ Гапсаль больныхъ воспитанницъ институтовъ; милостиво отнесясь къ больнымъ Ихъ Высочества интересовались успѣхами лѣченія. Извѣстно что этимъ благодѣяніемъ пользуются воспитанницы благодаря постоянной заботливости о нихъ Государыни Императрицы. Въ завершеніе всѣхъ осмотровъ Ихъ Высочества направились къ берегу моря, гдѣ устроены были регаты. Четырнадцать шлюбокъ подъ бѣлыми парусами быстро и плавно скользили по

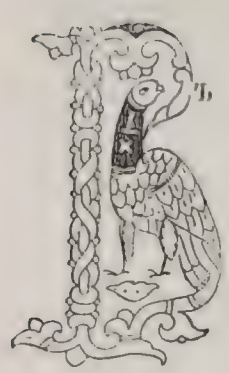
синевѣ ярко освѣщеннаго моря, и побѣдители получили имъ назначенные призы изъ рукъ Августѣйшихъ Гостей.

Изъ всѣхъ морскихъ купаній балтійскаго побережья Гапсаль теплѣе другихъ, что не мѣшаетъ ему, расположенному на мѣстности совершенно ровной, каменистой, частью болотной, поростающей мелкимъ кустарникомъ и сосною, быть совершенно открытою сѣверо-западнымъ вѣтрамъ; климатическія условія его не дурны — но прогулокъ мало, садовъ нѣтъ, а имѣются променады. Повидимому задуманы нѣкоторыя приспособленія, чтобы воспользоваться руиною замка и сдѣлать изъ нея центральное гульбище; можно только пожелать исполненія этого.

Проводы Августѣйшихъ Путешественниковъ изъ Гапсаля, были не менѣе шумны и торжественны, чѣмъ встрѣча; въ шестомъ часу вечера „Олафъ“ снялся съ якоря и направился къ Пернову.

ПЕРНОВЪ,

Общій видъ города. Шествіе обществъ. Исторія вражды Стараго и Новаго Пернова. Нынѣшнее значеніе магистратовъ и гильдій. Граница между эстами и латышами; возможность раздѣленія эпархіи.



Въ десятомъ часу утра, 15-го іюня, „Олафъ“ бросилъ якорь въ $4^1/_2$ миляхъ отъ Пернова, т. е. не такъ далеко какъ отъ Гапсаля, и Ихъ Высочества пересѣли на паровую шхуну „Стражъ“, входящую въ составъ таможенной крейсерской флотиліи. На мостикѣ шхуны появился человѣкъ, во фракѣ и цилиндрѣ, съ бѣлымъ знакомъ на немъ — P. L., что означаетъ Pilot, Lothse, лоцманъ. Это былъ одинъ изъ представителей лоцманскихъ обществъ, имѣющихся, къ счастію, на всемъ балтійскомъ побережьѣ, весьма своенравномъ не только въ смыслѣ атмосферическихъ явленій, но и по характеру дна моря: много новыхъ вешекъ ставится и понынѣ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ неожиданно застряло то или другое судно. День былъ очень хорошъ, море спокойно; мы быстро подвигались къ городку лежащему на плоскомъ, песчаномъ берегу, и скоро въѣхали въ довольно узкій проходъ, тянущійся между двухъ низкихъ каменныхъ моловъ. Поверхъ множества крутыхъ. старообразныхъ, черепичныхъ крышъ городка, продвигались въ воздухѣ шпили двухъ церквей; много мельницъ виднѣлось по сторонамъ, много зелени; въ одномъ мѣстѣ обозначались лѣса новой постройки лютеранской церкви, спаленной, кажется въ 1883 году, октябрьскою молніей. Вправо виднѣлась спасательная станція, по сторонамъ пароходы, ялики, черпальная машина, всѣ

разукрашенные флагами; слышалась иногда, покрывавшая клики народа, пальба изъ какихъ-то хлопушекъ, напоминавшая отчасти выстрѣлы изъ небольшой пушки. На возвышеніи поднималась лоцманская станція, находящаяся въ связи со всѣми остальными, имѣвшая, какъ намъ сообщили, свѣдѣніе, что въ настоящую минуту у береговъ Норвегіи хозяйничаютъ штормы; это открывало намъ непріятную перспективу. Еще нѣсколько минутъ, и Ихъ Высочества сходили на берегъ подъ очень красивымъ и громаднымъ павильономъ въ три арки, крытымъ вплотную, будто бронею, еловыми вѣтками; подъ ними было прохладно, и смолистый запахъ силенъ. На пристани послѣдовало представленіе: начальника Лифляндской губерніи генералъ-маіора Зиновьева, властей, дворянъ и дамъ, и городской голова произнесъ привѣтствіе, конечно, на русскомъ языкѣ. Какъ и вездѣ, первою посѣщена мѣстная православная церковь. Она невелика, крыта небольшимъ куполомъ, подъ которымъ, непонятно для чего, положена стекляная рама; иконостасъ углубленною аркой покоится на небольшихъ витыхъ колонкахъ; высоко надъ нимъ поднимается рельефное распятіе, составляющее, вѣроятно, часть висящаго за нимъ образа, изображающаго, такъ надо думать, хотя разобрать трудно, скалистыя окрестности Іерусалима, съ солнцемъ и луной на верху; въ приходѣ числится около 2,500 душъ.

Отслушавъ молитвословіе и приложившись ко кресту, Ихъ Высочества прослѣдовали въ помѣщеніе, имъ назначенное. У входа стоялъ почетный караулъ, который Его Высочество и пропустилъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. Слѣдовало шествіе передъ балкономъ дома многихъ обществъ: пожарныхъ, гребнаго клуба, цѣховъ, гильдій, евреевъ и проч. Звучала музыка, „ура“, рѣяли знамена съ пестрыми надписями, съ изображеніями сапоговъ, кренделей и т. п.; тутъ же шли и воспитанники учебныхъ заведеній. При яркомъ солнечномъ освѣщеніи, шествіе вышло очень эффектно и выражало радость мѣстныхъ жителей, счастливыхъ тѣмъ, что въ этотъ забытый, лежащій въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, уголокъ, пожаловали Высочайшіе Гости. Когда замолкли клики и музыка, Ихъ Высочества, войдя въ залу, приняли представителей администраціи, дворянства, сословій и дамъ. Немедленно по окончаніи пріема Великій Князь направился къ резервной ротѣ, выстроенной на ея квартирномъ

плацу. Произведя строевое ученіе и обойдя казармы, Его Высочество посѣтилъ управленіе мѣстнаго уѣзднаго воинскаго начальника, но повѣрку дѣлопроизводства не призналъ возможною, потому что начальникъ, замѣстившій своего недавно умершаго предшественника, еще не прибылъ сюда, къ мѣсту назначенія.

Городокъ Перновъ очень опрятенъ, вымощенъ и былъ обильно украшенъ гирляндами и флагами; въ немъ около 12,000 жителей; главный предметъ экспорта ленъ; немного лѣтъ тому назадъ оборотъ достигалъ 10 милліоновъ рублей, теперь онъ не переходитъ $4^1/_2$.

Подобно тому какъ есть въ прибалтійскомъ краѣ своя „лифляндская Швейцарія“, такъ въ Перновѣ своя „лифляндская Помпея“. Это старый, несуществующій нынѣ, Перновъ, лежащій своими основаніями въ пескахъ побережья, городъ котораго приблизительное мѣстонахожденіе и очертаніе извѣстны, но слѣда имъ нѣтъ. На поверхности земли, надъ поверхностью моря виденъ только новый Перновъ, тотъ который не далъ жить старому, лежащему подъ песками. Старый Перновъ былъ также однимъ изъ членовъ Ганзы и велъ въ древности значительную торговлю съ Россіей черезъ Дерптъ. Лучшимъ его временемъ было то, которое предшествовало ливонской войнѣ.

Вражда этихъ двухъ городковъ составляетъ одну изъ типичныхъ страничекъ здѣшней средневѣковой жизни, когда сословія, касты, гильдіи и цехи, во взаимной враждѣ, служили такимъ отличнымъ доказательствомъ несуществовавшей еще въ тѣ дни пресловутой дарвиновской теоріи борьбы за жизнь. Новый Перновъ восторжествовалъ, старый покоится въ пескахъ.

Въ 1234 году епископъ эзельскій избралъ мѣсто стараго Пернова для постройки церкви; по мѣрѣ постройки селились подлѣ нея и люди, и, вѣроятно такъ, по словамъ Русвурма, возникъ Старый Перновъ. Въ 1251 году церковь его сдѣлана соборною, и до насъ дошелъ любопытный документъ о порядкахъ, которымъ должны были подчиняться причтъ и клиръ. Изъ числа 300 гакеновъ земли назначенной собору, 42 шли пробсту, 32 декану, 30 схоластику, 10 звонарямъ, 6 на свѣчи, книги и масло. Всѣ домгерры, числомъ 12, должны были спать въ общей спальнѣ и ложиться одновременно, безъ шума и упрямства, безъ „insolentia et strepitu“, а кто не ночевалъ дома, тотъ привле-

кался къ отвѣту, причемъ прочитывалъ 50 молитвъ и двигалъ по 50 шариковъ четокъ.

Въ 1263 году пришедшіе сюда литовцы сожгли старый городъ и церковь; въ 1533 году епископъ Буксгевденъ, въ войнѣ со своимъ анти-епископомъ Вильгельмомъ, снова сжегъ отстроившійся заново городъ и выкинулъ изъ церковнаго склепа останки перваго епископа эзельскаго, Германа; въ 1576 году церковь сожжена русскими.

До насъ дошли любопытные документы, такъ-называемые „Burspraken“, то есть „Bürgersprachen“, civiloquia, бюргерскія права, ежегодно измѣнявшіяся; ихъ четыре раза въ годъ публично прочитывали, чтобы бюргеры могли вполнѣ хорошо знать ихъ. Такіе документы сохранились въ Ревелѣ, Ригѣ и Новомъ Перновѣ. Въ нихъ характерны нѣсколько параграфовъ, направленныхъ противъ эстовъ и вообще противъ всѣхъ ненѣмцевъ. Не только при покупкѣ хлѣба нѣмцамъ предоставлялось первенство, но всѣмъ не-нѣмцамъ не полагалось даже какихъ-либо орудій для взвѣшиванія и мѣры. Не менѣе ревниво относились старо-перновцы, соединившіеся съ 1456 года въ гильдію, къ торговлѣ иностранцевъ: ни одинъ иностранецъ не смѣлъ жить здѣсь, не сдѣлавшись бюргеромъ; но главныя усилія ихъ были направлены противъ возникавшаго рядомъ Новаго Пернова.

Запрещено было, напримѣръ, кому бы то ни было покупать въ Новомъ Перновѣ продукты и товары съ тѣмъ, чтобы перепродавать ихъ въ Старомъ. Непримиримыми врагами стояли одинъ противъ другаго оба города. Въ 1568 году, король польскій, вѣроятно вслѣдствіе особаго ходатайства ново-перновцевъ, велѣлъ снести Старый Перновъ и далъ имъ привилегію слѣдить за тѣмъ, чтобы на мѣстѣ сносимаго города никто наново не строился. Не могло быть сомнѣнія въ зоркости, съ какою слѣдили за этимъ торжествовавшіе ново-перновцы; тѣмъ не менѣе старое, насиженное мѣсто никакъ не хотѣло умирать, потому что уже въ 1599 году Новый Перновъ просилъ польскихъ комисаровъ ни болѣе, ни менѣе какъ о томъ, чтобы срыть старый городъ. И на этотъ разъ исполненіе ходатайства фактически не удалось, такъ что при перемѣнѣ властителя, при Густавѣ Адольфѣ шведскомъ, ходатайство возобновлено и послѣдовало

сходное съ прежними королевское подтвержденіе о томъ, чтобы не смѣли строиться на старомъ мѣстѣ, чтобы разрушенной церкви не возобновлять, дабы не было предосужденія новому Пернову. Остатки церкви снесены окончательно въ 1660 году и вражда, длившаяся не одно столѣтіе, погасла за насильственною смертью одной изъ сторонъ. Старый городъ и даже имя его исчезли почти безслѣдно; онъ находился противъ нынѣшняго Пернова, подлѣ рѣчки Заукъ, или Перона. Остались отъ него, будто въ насмѣшку, всего только двѣ печати: старая 1427 года, съ изображеніемъ полуепископа и полуорла, и новая, 1445 года, съ рукой, держащею крестъ подлѣ ключа. Единственный подлинный документъ, дошедшій до насъ отъ Стараго Пернова,—такъ чисто стерто съ лица земли его бытіе,—это отношеніе его магистрата къ магистрату ревельскому отъ 21-го января 1427 года, съ просьбою объ оказаніи защиты нѣкоему Гансу Омунду.

Самое названіе Перновъ перешло къ нынѣшнему городу отъ Стараго Пернова, потому что первоначальное названіе Новаго Пернова было Эмбеке. Не одни эсты, слѣдовательно, склонили свои головы: тутъ не давали пощады никому. Издавна существовали въ прибалтійскомъ краѣ гильдіи и цехи; уставы ихъ, или праги. имѣются, напримѣръ, въ Ригѣ, съ XIV вѣка. Хотя многое прекратилось, и городовое положеніе 26-го марта 1877 года достаточно основательно тронуло вопросъ, но въ общихъ чертахъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ все-таки существуетъ три городскія сословія: магистратъ, какъ высшее городское управленіе, и двѣ гильдіи. Въ болѣе мелкихъ городахъ граждане дѣлятся на купцовъ и мѣщанъ, а въ самыхъ маленькихъ дѣленія не существуетъ вовсе. Магистраты и гильдіи составляютъ и по нынѣ то, что называется „гражданствомъ“, какъ нѣчто противополагаемое „городскому обществу“. Чтобы стать бюргеромъ, нужно согласіе гильдій и магистрата, и поступающимъ приносится присяга „на послушаніе благородному магистрату“, или въ малыхъ городахъ—фохтейскому суду. Совершенно явственная несогласованность между думой и магистратомъ бросается въ глаза. Магистратъ въ настоящее время: не органъ городскаго управленія, не представитель городскаго общества, а Богъ знаетъ что; онъ представляетъ изъ себя, отчасти, судебное и

полицейское мѣсто, съ участіемъ въ церковномъ управленіи, въ надзорѣ за гильдіями, въ завѣдываніи за благотворительными учрежденіями и капиталами, но все это обязанности, которыя повсюду въ Россіи распредѣлены между особыми, четко обозначенными органами.

Завтракъ принятый Ихъ Высочествами въ „Mussegesellschaft", удался вполнѣ. До него состоялось тутъ представленіе выборныхъ отъ эстонскаго землевладѣльческаго общества, предсѣдателемъ котораго состоитъ нашъ мѣстный протоіерей. Одному изъ старшинъ, получившему отъ священника наилучшую аттестацію, даны были Его Высочествомъ часы, а на память о посѣщеніи Общества Ихъ Высочества благоволили посадить, подъ звуки музыки и пѣнія, два рослые молодые дубка, какъ видимое изображеніе прочности тѣхъ отношеній, которыя должны связывать балтику съ остальною Россіей.

По окончаніи завтрака посѣщенъ дѣтскій пріютъ, основанный дамскимъ обществомъ, и гимнастическій залъ, гдѣ очень красиво и очень отчетливо продѣланы были дѣвочками Töchterschule, числомъ болѣе полусотни, въ бѣлыхъ платьицахъ, въ косахъ и безъ косъ, въ локончикахъ и безъ оныхъ, очень плавныя и граціозныя гимнастическія упражненія; онѣ исполняли все по командѣ, такъ что значеніе дисциплины проявилось даже тутъ; очень удачно вышло завершеніе движеній съ пестрыми палочками въ рукахъ, изъ которыхъ, совершенно неожиданно, сложились передъ глазами Ихъ Высочествъ вензеля: W и M. Многія изъ движеній исполнены одновременно съ размѣреннымъ пѣніемъ, всѣ остальныя въ тактъ фортепіано.

Слѣдовали: осмотръ пожарной команды (180 человѣкъ собственно пожарныхъ и 60 человѣкъ состоящихъ при нихъ полицейскихъ), казармъ, таможеннаго отряда, городской больницы и тюрьмы. Въ началѣ 5 часа состоялось отбытіе изъ Пернова въ Аренсбургъ, лежащій на островѣ Эзелѣ. Ихъ Высочества отбыли на „Стражѣ", на которомъ прибыли вчера; вѣтеръ замѣтно крѣпчалъ, такъ что можно было опасаться, что свѣдѣнія лоцманской станціи о норвежскихъ штормахъ могутъ, пожалуй, найти неожиданное подтвержденіе, хотя небо было ясно и бѣлыя, перистыя облака поддерживали надежду на хорошее. Впрочемъ здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, вѣтеръ такъ перемѣнчивъ,

что уже на нашей памяти, за нѣсколько дней, обѣжалъ онъ всю звѣзду вѣтровъ, со всѣми ея подраздѣленіями. Покидая Перновъ нельзя было не вспомнить о томъ, что немного южнѣе отсюда, выходитъ къ морю та пограничная черта между эстами и латышами, которая дѣлитъ всѣ три прибалтійскія губерніи на двѣ, приблизительно равныя, части. Послѣ посѣщенія острова Эзеля, населеннаго исключительно эстонцами, съ тѣмъ чтобы въ концѣ путешествія опять возвратиться къ нимъ, Ихъ Высочества направлялись теперь посѣтить латышскую половину края. Существуетъ, говорятъ, предположеніе, въ случаѣ развитія движенія къ православію, вмѣсто одной рижской православной епархіи образовать двѣ — сѣверную или эстонскую, и южную или латышскую. Именно объ этомъ, если не ошибаемся, ходатайствовали мѣстные крестьяне еще въ минувшее царствованіе, и нельзя сказать, чтобы и съ точки зрѣнія государственной, подобное измѣненіе не имѣло своихъ очень хорошихъ, вѣрныхъ сторонъ.

АРЕНСБУРГЪ.

Островъ Эзель. Убранство города. Риттергаузъ. Грязелѣчебныя заведенія. Нѣчто объ островахъ. Исторія, легенды, геологія. Замокъ. Крестьянскія горы. Замѣчательныя женскія одѣянія. Пѣсни эстовъ. Легенды о лѣнивомъ Яковѣ и Виѳлеемской звѣздѣ. Подвижность земельной мѣры. Газетныя мнѣнія.

овольно яснымъ утромъ, 17-го іюня, съ „Олафа“ сдѣлавшаго отъ Пернова сюда 30 миль и бросившаго якорь въ 5 миляхъ отъ Аренсбурга. видны были на плоскомъ, низкомъ берегу чуть-чуть поднимавшіяся розовою полоской надъ синимъ моремъ очертанія города. Громадный островъ Эзель, на которомъ имѣется около 52,000 жителей, насколько могъ видѣть глазъ, насколько уясняла подзорная труба, лежалъ плоскимъ, лѣсистымъ пространствомъ, надъ которымъ не обозначалось ни одного холмика; ближе другихъ виднѣлась пристань Лоде, къ которой пристаютъ пассажирскіе пароходы; надъ самымъ городомъ не замѣчалось ни одного высокаго церковнаго шпиля, не замѣтенъ былъ и историческій замокъ; городокъ словно притаился и не смѣлъ выглянуть изъ волны морской. Все это, и замокъ, и шпили церковные, выясняются только при приближеніи къ городу.

„Первый нумеръ катера къ спуску!“ раздалась команда на „Олафѣ“ въ десятомъ часу, а невдали отъ него уже покачивались на якоряхъ паровые баркасы таможенной крейсерской фло-

тиліи. Одному изъ нихъ, „Лебедю“, предстояло доставить Ихъ Высочества къ берегу, и къ нему-то направился съ Августѣйшими Путешественниками спущенный съ „Олафа“ катеръ. Эти тройныя пересадки надъ пучиною морскою, при значительномъ разнообразіи и степени удобства траповъ, въ сильную волну, въ особенности дамамъ, болѣе чѣмъ затруднительны; въ Аренсбургѣ, благодаря ясной, тихой погодѣ, все это совершено благополучно, и Ихъ Высочества сошли на берегъ подъ звуки военной музыки, хороваго пѣнія, при кликахъ толпы и рѣяніи множества флаговъ. На пристани ожидали прибытія представители мѣстныхъ властей и сословій. Принявъ привѣтствія, сказанныя на русскомъ языкѣ, Ихъ Высочества прослѣдовали въ православную церковь, небольшую, но очень миловидную, покоющуюся на 6 столбахъ, подъ небольшимъ куполочкомъ, въ которой прослушали молитвословіе и приложились ко кресту; въ церкви пѣли кадеты, находящіеся здѣсь на излѣченіи, числомъ 50 человѣкъ, и Ихъ Высочества, по окончаніи богослуженія, подошли къ нимъ и сказали нѣсколько милостивыхъ словъ благодарности.

Аренсбургъ такъ не великъ, что переѣзды по городу, всѣ рѣшительно, очень коротки. По пути къ дому, назначенному для остановки Ихъ Высочествъ, можно было видѣть, насколько постарались люди и здѣсь принять Высокихъ Гостей всѣми возможными убранствами стѣнъ, оконъ, арокъ; одна изъ особенностей этого убранства, надо сказать очень удачная, состояла въ расположеніи вдоль улицъ цѣлыхъ рядовъ пальмъ, составленныхъ не хитро, но очень красиво: воспользовались длинными стеблями осоки и, связавъ ихъ ввидѣ толстыхъ стволовъ, оставили вершинкамъ полную свободу распахнуться и развѣситься высоко, что образовало пальмы.

Передъ домомъ Великій Князь принялъ почетный караулъ отъ мѣстной команды и пропустилъ его церемоніальнымъ маршемъ; въ самомъ домѣ послѣдовало представленіе властей, духовенства, дворянства, сословій и дамъ, послѣ чего Ихъ Высочества направились въ риттергаузъ, на завтракъ, предложенный отъ дворянства. Залъ этого риттергауза очень не великъ, не богатъ, но украшенъ гербами мѣстнаго, эзельскаго дворянства, матрикулованныхъ родовъ его, числомъ, если не ошибаемся, 56.

Въ одной изъ комнатъ имѣется портретъ ландмаршала Буксгевдена. За завтракомъ слѣдовали служебныя посѣщенія; Его Высочество обошелъ, на казарменномъ плацу, ряды мѣстной команды, произвелъ ей ученіе и посѣтилъ ея казармы; эти послѣднія найдены въ неудовлетворительномъ видѣ, что и сознано мѣстнымъ начальствомъ, принимающимъ мѣры къ созданію лучшихъ вновь. Послѣ того Великій Князь обошелъ городскую больницу, тюрьму и осмотрѣлъ команду поста пограничной стражи. Совмѣстно съ Великою Княгиней, Его Высочество посѣтилъ древній епископскій замокъ и грязелѣчебныя заведенія. Перечень нѣкоторыхъ геологическихъ и историческихъ данныхъ объ островѣ Эзелѣ и Аренсбургѣ будутъ здѣсь у мѣста.

Что острова Даго, Эзель и Монъ поднялись со дна моря доказательство тому въ мелкихъ зоофитахъ и кораллахъ, встрѣчающихся на ихъ поверхности; что поднятіе это продолжается и теперь — доказательство въ томъ, что землевладѣніе по берегу моря, какъ на островахъ, такъ и на материкѣ, на памяти старожиловъ много увеличилось, потому что море отступило. Даго и до сегодня островъ, но останется ли онъ таковымъ неизвѣстно; „Дагъ“ значитъ утро, „о“ значитъ островъ, то есть утренній островъ, если смотрѣть на него отъ Гапсаля; но тамъ же существовалъ и другой островъ „Нуко“ — названіе, означающее ночной островъ, „нукъ“ ночь; въ настоящее время это уже полуостровъ, часть материка, и названіе его не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Слѣдомъ древнихъ геологическихъ переворотовъ является на Эзелѣ погасшій кратеръ на Гуте Саль, въ 18 верстахъ отъ Аренсбурга, въ имѣніи, принадлежавшемъ когда-то профессору живописи Мѳллеру, извѣстному автору картины, повторенной въ огромномъ числѣ копій, „Поцѣлуй“. Къ числу ископаемыхъ Эзеля, интересующихъ геологовъ, нужно отнести нѣкоторыхъ рыбъ. Отсюда, съ Эзеля, вывозятъ много песчаника, служащаго для колоннъ, памятниковъ, вазъ и проч., красующихся въ Ригѣ, а по западной и южной окраинамъ острова находятъ еще и теперь янтарь, за которымъ ѣздили сюда въ глубокой древности финикіянѣ. Этимъ открывается длиннѣйшая вереница всякихъ историческихъ соображеній. На островѣ Эзелѣ имѣли мѣстопребываніе тѣ, не то миѳическіе не то историческіе, морскіе разбойники, которые, по завѣреніямъ хроникъ,

въ 1211 году, пройдя на 300 судахъ до Трейдера по рѣкѣ Аа. лишились всѣхъ судовъ, а уже въ 1215 году, съ 200-ми новыхъ судовъ, запираютъ въ одной изъ сѣверныхъ гаваней рижскаго епископа на его пути въ Германію. Въ теченіе 24 лѣтъ сдѣлали они 17 воинственныхъ нападеній и выдержали 3. Въ 1227 году покоряютъ островъ нѣмцы, орденъ ставитъ въ Пеуде замокъ, образуетъ эзельское епископство съ резиденціей въ Гапсалѣ. 1343 годъ знаменитаго возстанія эстовъ, обложившихъ Ревель и Гапсаль, не прошелъ даромъ и здѣсь: эзельцы, т. е. эсты, взяли замокъ Пеуде и, обѣщавъ рыцарямъ свободный выходъ, тѣмъ не менѣе всѣхъ ихъ перебили. Гапсаль и Ревель освобождены орденскими войсками, имѣвшими цѣлію усмирить и Эзель, но тонкость льда тою зимой помѣшала ихъ переходу. На слѣдующую зиму ледъ былъ къ несчастію толстъ и наступила кровавая расправа. Рыцари взяли замокъ Каррисъ, въ которомъ укрѣпились эсты, полонили ихъ князька Вессе, изрубили 9,000 человѣкъ и заставили побѣжденныхъ выстроить, имъ же на страхъ, замки аренсбургскій и зюнебургскій; имя послѣдняго означаетъ „замокъ искупленія“. Эзельскіе епископы имѣли столицами своими Аренсбургъ и Гапсаль поперемѣнно, и всѣхъ епископовъ было 26. Со времени послѣдней расправы, островъ опустѣлъ надолго. Съ 1543 года епископства курляндское и эзельское соединены воедино, а въ 1559 году оба они проданы орденомъ за 30,000 талеровъ датскому королю Фридриху II; это опять обращикъ купли и продажи, являющейся здѣсь, о чемъ уже мы упоминали и раньше, довольно обыкновенною историческою сдѣлкою. Съ 1645—1710 годы островомъ владѣютъ шведы; затѣмъ пришли сюда „казаки“, то есть мы, и островъ, и крѣпость съ 66 пушками и 4 мортирами уступлены русскимъ. Въ 1804 году посѣщенъ Аренсбургъ императоромъ Александромъ I; въ 1836 году крѣпость упразднена.

Крѣпость эта построена королевою Христиной въ 1645 году. Замокъ относится къ числу лучшихъ изъ сохранившихся въ балтійскомъ краѣ и напоминаетъ одинъ изъ послѣднихъ актовъ самозащиты эзельцевъ. Ихъ Высочества обошли главныя его помѣщенія; очень хорошо сохранилась капелла со стрѣльчатыми сводами на пяти столбахъ; ребра сводовъ обозначены крупными пажилинами; передняя часть капеллы вдвое выше задней, въ которой имѣется старый каминъ. Подлѣ капеллы

хорошо сохранилась часть крестнаго хода, Kreuzgang. Башня массивная, четырехъугольная, какъ въ Выборгѣ и Гапсалѣ, и вовсе не походитъ на тѣхъ стройныхъ сестрицъ своихъ, которыя торчатъ еще повсюду на берегахъ Рейна. Аренсбургскій замокъ, какъ и большинство замковъ, имѣетъ за собой цѣлую массу легендъ. Сообщаютъ, что въ стѣнахъ его найденъ замурованный рыцарь, понесшій эту кару за склонность къ возникавшему лютеранству; вѣрно то, что въ 1785 году отыскана въ одной изъ стѣнъ сидѣвшая на креслѣ, одѣтая фигура рыцаря, вѣроятно посаженная такимъ образомъ уже послѣ смерти. Другими историческими памятниками острова Эзеля являются такъ-называемыя „крестьянскія горы“ (Bauerberge), имѣющія нѣкоторое сходство, по своему происхожденію, съ вологодскими чудскими могилами. По кругу или овалу, до 33 ф. вышины, окопанные рвами, замѣтны и сегодня полуразрушенные валы; въ серединѣ обозначаются мѣста старыхъ колодцевъ. Такихъ „крестьянскихъ горъ“ на Эзелѣ шесть, самая большая у Кергеля, 525 ф. длины и 350 ф. ширины. Въ эти земляные огороды, такъ слѣдуетъ думать, укрывали эзельцы на время войны своихъ женъ, дѣтей и имущества и тутъ же погибали.

Въ настоящее время на Эзелѣ 11 лютеранскихъ приходовъ, съ 35.000 народа, и 11 православныхъ съ 16.240. Зимнее сообщеніе съ материкомъ идетъ по льду, до острова Мона три версты, а отъ Мона до материка 10 верстъ. Вѣроятно, благодаря отрѣзанности отъ материка, на Эзелѣ особенно хорошо сохранились характерные мѣстные костюмы, отличающіеся чуть ли не въ каждомъ приходѣ. Представители разныхъ церковныхъ приходовъ были выстроены длинною вереницею передъ риттергаузомъ, и Ихъ Высочествамъ представлены дѣйствительно замѣчательные образцы женскихъ одѣяній и, въ особенности, головныхъ уборовъ. Между ними не могли не бросаться въ глаза два: одного изъ приходовъ острова Мона, настоящая католическая епископская шапка, обшитая стеклярусомъ разныхъ цвѣтовъ, и прихода Шворбе — съ угловатымъ краснымъ днищемъ и двумя черными, крѣпкими рогами, носимыми съ боковъ, или такъ, что одинъ приходится на лбу, а другой на затылкѣ. Большей оригинальности женскихъ шапокъ, чѣмъ здѣсь, поискать во всей Европѣ. Множество эстон-

скихъ легендъ имѣютъ мѣстомъ дѣйствія именно Эзель; множество пѣсень народныхъ тоже; однимъ изъ главныхъ языческихъ боговъ является Толль. Предразсудки и всякія причитанія держатся здѣсь не менѣе стойко, чѣмъ одѣяніе; сообщаютъ о двухъ выдающихся способностяхъ эстовъ: одна — это умѣнье подражать, актерствовать, другая это ловкость, отличающая нашихъ поволжскихъ кустарей дѣлать всякія замысловатыя работы какимъ-либо первобытнымъ инструментомъ. Эзельскіе православные эстонцы отличаются твердостью въ своей вѣрѣ.

Легенды и пѣсни эстовъ не лишены значительной своеобразности; въ нихъ, что очень характерно, много юмора, и какъ прямой слѣдъ геологическаго характера страны, обильно снабженной валунами, камни играютъ въ нихъ значительную роль; христіанство и язычество смѣшаны иногда очень своеобразно. Такъ, напримѣръ, говоритъ одна изъ легендъ, когда Богъ-Отецъ пожелалъ создать на Эзелѣ, въ Каррисѣ, церковь то и Богъ-Сынъ, не спросивъ позволенія, построилъ другую въ Кармелѣ; Богъ-Отецъ разгнѣвался и, поднявъ небесный молотъ, готовился раздробить послѣднюю, но божественный сынъ сохранилъ церковь отъ погибели тѣмъ, что воздвигъ наружные контрфорсы; Святой Духъ, по той же легендѣ, построилъ себѣ церковь въ Пигѣ. Другая легенда сообщаетъ о томъ, что зданіе церкви въ Рэтелѣ построено во времена язычества гигантскою дѣвицей, но обращено въ церковь впослѣдствіи. Есть очень нравственныя легенды, напримѣръ о Бюсби, на островѣ Вормсѣ; тутъ кутили и весело жили и поживали пятнадцать паръ безъ благословенія на бракъ; на одинъ изъ пировъ явился таинственный волынщикъ, и подъ его веселую музыку пошли всѣ пирующіе плясомъ въ море и потонули.

Значительный циклъ легендъ имѣетъ чисто историческую подкладку и касается той или другой личности. Такъ сохранился въ нихъ слѣдъ объ одномъ изъ шведскихъ полководцевъ, Яковѣ де-ла Гарди — „лѣнивомъ Яковѣ“, лѣнивомъ настолько, что онъ, даже при приближеніи непріятеля, сидя въ банѣ, лѣниво одѣвался; однажды, когда не хватило ему войскъ для сраженія, вступилъ онъ въ сдѣлку съ дьяволомъ, и когда тотъ, въ назначенный срокъ, пришелъ за его душой, Яковъ, лежавшій въ кровати, попросилъ согласія сатаны на то, чтобы дать ему время вполнѣ

одѣться; согласіе было дано, но за то де-ла-Гарди никогда вполнѣ одѣтъ не былъ и ему вѣчно не доставало чего-нибудь въ одѣяніи для того, чтобы не отдаться въ руки дьяволу. Характеренъ во многихъ отношеніяхъ разсказъ о рыцарскомъ родѣ Штернберговъ: когда короли шли на поклоненіе въ Виѳлеемъ, Богородица милостиво приняла ихъ и сказала одному изъ нихъ, колѣнопреклонному: „Levez-vous, mon cousin“; отъ этого-то, юнѣйшаго изъ королей происходитъ родъ графовъ Штернберговъ, имѣющихъ въ своемъ гербѣ виѳлеемскую звѣзду надъ горой. Въ другой легендѣ о мужикѣ съ вышибленными зубами сказано, что зубовъ этихъ онъ лишился когда посѣтилъ на Блоксбергѣ шабашъ колдуновъ и вѣдьмъ и видѣлъ между ними много нѣмцевъ, для которыхъ въ особыхъ котлахъ варилось что-то особое; онъ взглянулъ въ котелъ и зубы его были вышиблены.

Городокъ Аренсбургъ очень миловидный и опрятный, имѣющій около 3.000 жителей, пользуется извѣстностью своего ила, привлекающаго довольно много больныхъ даже изъ Петербурга. Собственно лѣченіе иломъ открыто съ 1826 года, слѣдовательно польза лѣченія должна быть ощутительная, если люди въ теченіе 60 лѣтъ ѣздятъ туда. Въ настоящую минуту здѣсь три илолѣчебныя заведенія и всѣ онѣ обойдены Ихъ Высочествами, причемъ выслушаны доклады врачей и осмотрѣны въ подробности самыя зданія; всѣ онѣ деревянныя, равно какъ и ванны назначенныя для больныхъ. Въ одномъ изъ заведеній виситъ отлично сохранившійся, найденный на Эзелѣ, древній мечъ совершенно невѣроятныхъ размѣровъ — болѣе двухъ аршинъ длины; если дѣйствительно живали люди справлявшіеся подобными мечами, то это несомнѣнные потомки тѣхъ великановъ которыми изобилуетъ мѣстная сказка.

Послѣднею осмотрѣна земская больница, и Ихъ Высочества выѣхали изъ Аренсбурга около 4 часовъ пополудни тѣмъ же путемъ какъ и прибыли, при безконечныхъ кликахъ, маханіи шапокъ и искреннѣйшихъ пожеланіяхъ хорошаго пути. Эти пожеланія были тѣмъ благовременнѣе, что вѣтеръ сильно тянулъ съ запада, самый неудобный для насъ; онъ былъ настолько силенъ, что волна не разъ хлестала на невысокую палубу „Лебедя“, на которой Ихъ Высочества сидѣли. Думалось, что круто-

бокій „Олафъ“ качаться не будетъ, что его почтенный грузъ не поддастся жидкой, хотя и очень высокой волнѣ. Очень велико и непріятно оказалось неудобство при двойномъ пересаживаніи съ „Лебедя“ на катеръ и съ катера на „Олафа“: бортъ катера то поднимался, то опускался подлѣ трапа по крайней мѣрѣ на два аршина, и, чтобы перейти съ катера на трапъ, каждый изъ сидѣвшихъ въ немъ, одинъ за другимъ, долженъ былъ выждать минуту, когда волна достигала наибольшей высоты, для того чтобы перешагнуть, не теряя малѣйшаго времени. При первыхъ же шагахъ на палубѣ „Олафа“ нельзя было не замѣтить, что и онъ ходилъ ходенемъ и не могло быть сомнѣнія въ томъ, что качка будетъ сильна и ночь обычнаго успокоенія не принесетъ.

При томъ условіи, что подвижность вѣтровъ на Балтійскомъ морѣ достигаетъ, какъ мы въ этомъ убѣдились, очень быстро крайнихъ предѣловъ движенія магнитной стрѣлки, то, подъ тактъ могучей качкѣ, невольно приходило въ голову нѣчто совсѣмъ другое а именно подвижность мѣры земли, существующей въ лифляндской губерніи; она раздѣляется на такъ называемые гаки; по гакамъ производится раскладка повинностей, гаками продается земля, а переводя гакъ на нашу мѣру, онъ имѣетъ отъ 37 до 600 десятинъ? Нѣчто вродѣ подобной-же неопредѣленности и качки въ мнѣніяхъ долженъ чувствовать каждый прибалтійскій эстонецъ читая свои эстонскіе газеты. Если „Sakala“ умершаго Якобсона говорила: „только подъ сѣнью русскаго орла могутъ развиваться эстонцы“, и что задача его газеты — соединять „эстонское сердце и русскую душу, эстонскій духъ съ русскимъ духомъ, эстонскій языкъ съ языкомъ русскимъ“, то аренсбургскій „Saarlane“ объявлялъ, передъ подпискою, совсѣмъ другую родственность, доказывая, что „трудно даже сказать, гдѣ проходитъ граница между нѣмцемъ и эстомъ, гдѣ начинается нѣмецъ и оканчивается эстъ“? Подобныя противорѣчія эстонскихъ газетъ имѣютъ мѣсто и въ газетахъ латышскихъ и сбиваютъ съ толку простодушныхъ сельчанъ, но всѣ они растерялись окончательно когда, очень немного лѣтъ назадъ, газета стоявшая за „русскаго орла“ — на восемь мѣсяцевъ пріостановлена?

ВИНДАВА.

Островъ Руно. Видъ на Виндаву. Неудобство балтійскихъ гаваней. Ливень. Молы. Неточность нѣмецкихъ мѣстныхъ газетъ. Православная церковь. Ознакомленіе съ рѣкою Виндавою. О возможности значенія Виндавы, какъ порта, по сравненію съ Либавою. Мнѣнія нашихъ министерствъ. Цифровыя данныя.

На пути отъ Аренсбурга къ Виндавѣ, ночь на 18-е іюня, была безпокойна, хотя вѣтеръ и не достигалъ той силы, которой можно было опасаться, какъ по свѣдѣніямъ отъ лоцмановъ, такъ и по состоянію барометра. Мы быстро удалялись отъ группы острововъ, могущихъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, играть значительную роль въ военномъ отношеніи, острововъ полныхъ патріархальныхъ особенностей. Влѣво отъ насъ, въ полномъ одиночествѣ среди Рижскаго залива, лежалъ, гдѣ то недалеко, маленькій островокъ Руно, съ 27 дворами, населенный всего 330 шведами, представителями далекихъ дней, гдѣ, въ одномъ и томъ-же домѣ, живутъ по двѣ и по три семьи, гдѣ браки, заключаются только между собою, гдѣ главное и исключительное занятіе — бой тюленей, и гдѣ при томъ условіи, что сообщеніе съ материкомъ, трудное всегда, совершенно прекращается на цѣлыхъ полъ-года, сохранились, во множествѣ обычаи удивительные. Весело, должно быть, жить тамъ нашему отставному моряку, смотрителю маяка. Этотъ островокъ, какъ говорятъ шутливо нѣмцы — „Freistaat en miniature".

Въ пятомъ часу утра держали мы курсъ на Виндаву и скоро отличили на горизонтѣ практическую эскадру нашу, уже встрѣчавшую Ихъ Высочества на Транзундскомъ рейдѣ

и въ Ревелѣ; въ девятомъ часу „Олафъ“ пріостановилъ ходъ, чтобы дать возможность сойти на него начальнику эскадры. для представленія Его Высочеству. За ночь, отъ Аренсбурга до Виндавы, сдѣлали мы 65 миль; остается еще 60 до Либавы и мы простимся тогда съ Балтійскимъ моремъ, къ великому удовольствію, потому, что продолженіе знакомства съ нимъ представлялось не особенно пріятнымъ. Множество чаекъ носилось надъ „Олафомъ“ и подлѣ него и, какъ бы ложась распластанными крыльями на вѣтеръ, не двигая ими, скользили словно съ горъ до самой волны, съ тѣмъ чтобы подняться вверхъ и продѣлать опять то же самое. Виндава съ моря представляется гораздо лучше, чѣмъ Гапсаль и Аренсбургъ: берегъ возвышеннѣе, отчасти волнистъ, покрытъ зеленью; выше другихъ поднималась лоцманская башня надъ старымъ замкомъ, служащимъ ей основаніемъ; влѣво обозначался шпиль лютеранской церкви, вправо — темная профиль старой мельницы. „Олафъ“, чтобы подойти къ берегу возможно ближе и тѣмъ сократить Ихъ Высочествамъ переѣздъ на катерѣ, шелъ самымъ тихимъ ходомъ, и лотовый, то и дѣло забрасывая лотъ, монотонно выкрикивалъ: „семь, семь съ половиной, восемь, семь“! и т. д. Когда мы отдали якорь, Ихъ Высочества пересѣли на катеръ, и, буксируемые городскимъ пароходомъ, направились къ гавани. Эта пересадка была одною изъ самыхъ трудныхъ, такъ какъ зыбь ходила могучая и требовалось большихъ усилій, чтобы катеръ подтянутый къ трапу, не поломалъ борта. Волны были такъ велики и длинны, что длинный катеръ то уходилъ въ воронку, то перекачивался на гребнѣ волны, обнажая поперемѣнно носъ и корму. Освѣщеніе моря было эффектно и подвижно: иногда проглядывало солнце, иногда вдругъ значительно темнѣло, и сбитыя съ толку облака не знали, гдѣ и какъ имъ размѣститься. Въ довершеніе, на полъ-пути къ берегу, разразился ливень, до такой степени сильный, что на короткое время скрылись изъ виду какъ темныя очертанія „Олафа“, такъ и свѣтлая Виндава съ ея лоцманскою башней. Громаднымъ столбомъ, шедшимъ по морю. обозначился этотъ ливень, когда онъ миновалъ и потянулъ моремъ дальше; можно было бы обрисовать по водѣ основаніе этого летучаго столба — такъ четко обозначались его границы. Непосредственно вслѣдъ за нимъ, когда катеръ подходилъ ко входу въ га-

вань, глянуло солнце. Картинка была очень красива: по продолженію двухъ невысокихъ, выдвигавшихся въ море, моловъ, вытянуты были въ рядъ рыбачьи лодки, разукрашенныя березками, и весело качались на якоряхъ; на каждой изъ нихъ сидѣло по два рыбака, и, отъ передовой лодочки начиная, понеслось на встрѣчу Ихъ Высочествамъ „ура!“, которое болѣе не замолкало. Чудеснымъ синезеленымъ цвѣтомъ горѣло море, отъ волнъ котораго мы уходили; надъ бѣлыми зайчиками волнъ поднимались, одинъ чернѣе другаго, „Олафъ“ и „Азія“, а вдали обозначалась, образуя задній планъ, практическая эскадра. Особенно красиво было смотрѣть на то, какъ, едва только втянулся Великокняжескій катеръ между обѣихъ дамбъ, рыбачьи лодочки, быстро снимаясь съ якорей, одна за другою потянулись въ гавань цѣлымъ лѣсомъ березокъ. Рѣка Виндава, въ которую мы вошли, по берегамъ своимъ пестрѣла народомъ и флагами; справа обозначился на спасательной станціи типичный красный крестъ, а на лоцманской башнѣ, какъ она ни толста, оказался наверху широкій зеленый вѣнокъ, изъ котораго, будто днище колоссальной шапки, выдвигался шпиль. Почти вплотную тянулись вдоль обоихъ береговъ сохнувшія рыбачьи сѣти и виднѣлись такъ-называемые „ковши“, искусственные бассейники, всего въ нѣсколько саженъ, въ которые прячутся рыбачьи лодки, когда, что нерѣдко, рѣка Виндава волнуется съ моря.

Любопытно было, ожидая со стороны мѣстныхъ представителей привѣтственнаго слова Ихъ Высочествамъ, провѣрить свой собственный слухъ: по нѣмецки или по русски сказаны будутъ эти привѣтствія? эта провѣрка была необходима, потому что мѣстныя нѣмецкія газеты, случайно попавшіяся намъ въ руки и сообщавшія своимъ читателямъ описаніе пути Ихъ Высочествъ, забывали объ этой характерной чертѣ. Любопытно было также увидѣть на мѣстѣ и провѣрить правильность своихъ глазъ: кто представляется Ихъ Высочествамъ прежде — мѣстныя власти или мѣстное дворянство? На утвержденныхъ программахъ значилось вездѣ, что власти предшествуютъ; въ нѣмецкихъ переводахъ выходило немного иначе: — Vorstellung des Adels, der Beamten“ и т. д. Хотя, повидимому, сказанное и не особенно вѣско, но въ этомъ краѣ, гдѣ все такъ законно и точно, нужно, повидимому, быть очень чуткимъ даже къ мелочамъ.

Едва только присталъ катеръ къ пристани и далеко по берегу гудѣло „ура“, вблизи, подлѣ Ихъ Высочествъ зазвучало привѣтствіе на русскомъ языкѣ, и первымъ представился начальникъ курляндской губерніи Пацепко и начальникъ гарнизона, а затѣмъ предводитель дворянства и городской голова. Послѣ того, что убѣжденіе въ правильности слуха и зрѣнія оказалось несомнѣннымъ, можно было продолжать слѣдить совершенно добросовѣстно за радушіемъ пріема Августѣйшихъ Гостей въ городѣ Виндавѣ.

Прежде другихъ посѣщена православная церковка, довольно скромно приткнувшаяся въ одномъ изъ помѣщеній древняго замка, покрытаго лоцманскою башней; иконостасъ ея очень бѣденъ и риза священника, осѣнившаго Высокихъ Гостей крестнымъ знаменіемъ, не изъ новыхъ; въ этомъ же зданіи помѣщается, между прочимъ, и квартира гауптмана; если онъ человѣкъ семейный, то, должно полагать, что квартира его гораздо помѣстительнѣе и лучше, чѣмъ православная церковь. Изъ церкви Высокіе Путешественники прослѣдовали въ домъ купечества, передъ которымъ Великій Князь принялъ и пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ караулъ. Въ самомъ домѣ, непосредственно при входѣ въ него, представилась Ихъ Высочествамъ депутація волостныхъ старшинъ Виндавскаго уѣзда, латышей, съ хлѣбомъ-солью; нѣсколько милостивыхъ словъ, сказанныхъ имъ Великимъ Княземъ, тотчасъ же переведены имъ, а одному изъ старшинъ подарены часы. Слѣдовало представленіе властей дворянства и другихъ сословій; уже въ 10 часовъ утра Великій Князь находился на пути служебныхъ посѣщеній и, совмѣстно съ Ея Высочествомъ, обозрѣлъ казармы мѣстной команды и пограничной стражи, управленіе воинскаго начальника, городскую больницу, тюрьму и выстроенную передъ ратушей вольную пожарную команду, числомъ около ста человѣкъ.

Около полудня Ихъ Высочества сѣли на небольшой городской пароходъ „Reindeer“ для ознакомленія, насколько то было возможно, съ рѣкою Виндавой, играющею очень видную роль въ важномъ вопросѣ объ образованіи тутъ военной или коммерческой гавани. Этотъ вопросъ стоитъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько подробнѣе.

Положеніе Виндавы, какъ оно создано природой, и во вниманіе къ тому, что можетъ быть тутъ сдѣлано искусствомъ, во вниманіе къ политическимъ и торговымъ интересамъ Россіи, давно уже, такъ или иначе, по той или другой причинѣ, подвергалось обсужденію. Въ настоящее время Виндава городокъ небольшой съ 6.000 жителей (1.500 евреевъ, 2000 латышей, 150 русскихъ, прочее нѣмцы), расположенный отъ ближайшей желѣзной дороги въ 140 верстахъ, и поэтому на зиму обмирающій. При герцогѣ Іаковѣ († въ 1681 году) въ немъ было до 30.000 жителей, и герцогъ, занимавшійся даже колоніальною политикой, — ему принадлежалъ островъ Табаго, — сдѣлалъ изъ Виндавы военный портъ, въ которомъ содержалъ свой флотъ. Сущность всѣхъ достоинствъ Виндавы въ томъ, что портъ ея замерзаетъ не долѣе какъ на три недѣли и что отъ него, въ глубь страны, водный путь открытъ рѣкою Виндавой на протяженіи 20 верстъ отъ устья потому, что въ ней свыше 20—22 ф. глубины, если не считать трехъ небольшихъ перекатовъ. Еще во времена Императора Александра I состоялся проектъ канала между рѣкою Виндавой и Дубиссой и начаты работы; путемъ этого канала суда изъ рѣки Нѣмана могли бы направляться, обходя Пруссію, прямо въ русскій портъ; но политическія обстоятельства тѣхъ дней пріостановили работы и самый вопросъ заглохъ. Цѣль работъ предвидѣлась чисто коммерческая. Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ и о Виндавѣ заговорили снова, но подъ инымъ угломъ зрѣнія. Еще въ 1867—1868 годахъ управлявшій морскимъ министерствомъ Краббе высказался въ томъ смыслѣ, что устройство въ Виндавѣ стоянки для нашихъ русскихъ судовъ очень важно. Въ 1881 году, въ октябрѣ, собралась особая коммиссія изъ представителей трехъ министерствъ, въ которой выражено мнѣніе о необходимости стремиться къ тому, чтобы флотъ нашъ не былъ прикованъ большую часть года къ Кронштадту, а располагалъ бы стоянкой въ одной изъ наименѣе замерзающихъ гаваней, напримѣръ въ Виндавѣ. Членомъ названной коммиссіи состоялъ и управлявшій тогда морскимъ министерствомъ Пещуровъ. Не далѣе какъ въ 1882 году его преемникъ, нынѣ управляющій морскимъ министерствомъ Шестаковъ, высказался тоже за Виндаву въ томъ же смыслѣ, такъ какъ это единственный

портъ Балтійскаго моря, остающійся открытымъ, когда всѣ остальные закрыты, и поэтому очень удобенъ для обезпеченія стоянки нашего флота и что необходимо осуществленіе одного изъ возникшихъ проектовъ по устройству виндавскаго порта и къ нему, отъ Тукума, желѣзной дороги.

Проектъ разсмотрѣнъ въ министерствѣ путей сообщенія, при представителѣ морскаго министерства, и тогда же рѣшено довести глубину виндавскаго бара до 22 ф., съ устройствомъ набережной въ 300 погонныхъ саженъ, все это стоимостью около 8 милліоновъ рублей. При углубленіи бара до 22 ф. и во вниманіе къ тому, что рѣка Виндава на протяженіи $3^1/_2$ верстъ имѣетъ глубины свыше 22 ф., въ нее могли бы входить суда съ такою осадкой, какая не можетъ имѣть мѣста, ни въ Ригѣ (18 ф.), ни въ Либавѣ (16—17 ф.). При проектированіи виндавскаго порта имѣлось также въ виду и то, что при небольшихъ затратахъ по углубленію рѣки Виндавы, флотъ нашъ, уходя въ глубь страны на цѣлыхъ 20 верстъ, могъ бы быть обезпеченъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. При постоянномъ возрастаніи тоннажа и осадки вообще всѣхъ морскихъ судовъ, какъ военныхъ, такъ и коммерческихъ, легкость и дешевизна работъ по углубленію порта въ Виндавѣ, сравнительно съ Ригой и Либавой, составляетъ дѣйствительно условіе огромной важности. Замерзаніе устья рѣки Виндавы на короткій срокъ трехъ недѣль, при помощи пароходовъ-ледоколовъ можетъ быть устранено даже совершенно; весеннимъ ледоходамъ рѣки Виндавы, благодаря усовершенствованіямъ ледорѣзовъ, паловъ и проч., особаго значенія придавать не слѣдуетъ; наконецъ, не надо забывать того преимущества Виндавы передъ Ригой, что подходъ къ послѣдней задерживается на нѣсколько недѣль въ зимнее и бурное время у мыса Домеснеса скопленіями льдовъ и опасностію плаванія, тогда какъ для Виндавы Домеснеса, такъ сказать, не существуетъ.

Въ настоящее время вопросъ о балтійскихъ портахъ, кажется, вступаетъ въ третій фазисъ. Военное и морское министерства склоняются къ устройству военно-морской станціи не въ Виндавѣ, а въ Либавѣ, и вслѣдствіе этого, въ виду неудобствъ соединенія военнаго и коммерческаго портовъ въ одномъ мѣстѣ, составлено предположеніе о перенесеніи

коммерческаго порта изъ Либавы въ Виндаву, съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ къ ней отъ станціи Батенъ, либаво-роменской дороги, и отъ Тукума. Предстоитъ, слѣдовательно, рѣшить: необходимо ли въ Либавѣ устройство военной станціи, такъ какъ устройство таковой въ Виндавѣ имѣетъ много преимуществъ? если остановиться на устройствѣ ея въ Либавѣ, то можно ли оставить тутъ же портъ? не лучше ли перенести его въ Виндаву? не лучше ли избрать какой-нибудь иной пунктъ?

Маленькая Виндава, поддержка портовыхъ сооруженій которой не превышаетъ 18 тысячъ рублей, насколько есть у нея слуха, прислушивается ко всѣмъ этимъ вопросамъ общей государственной важности, способнымъ двинуть многіе десятки милліоновъ, изъ которыхъ не одинъ досятокъ процентовъ попадетъ, конечно, и на ея долю. Но какъ бы рѣшено ни было, теперь много хлопочутъ о продолженіи тукумской дороги на Виндаву, которой она такъ жаждетъ; Виндава передовой зимній портъ для Риги, и проведеніе этой желѣзной дороги, такъ думаютъ рижане, никакъ не болѣе какъ вопросъ времени. Гдѣ и какъ быть военной стоянкѣ флота, это предоставляется тому же всеразрѣшающему времени, но далеко не невозможно, что ошибутся въ своихъ разсчетахъ и Либава, и Виндава, и совсѣмъ другія стратегическія соображенія опредѣлятъ и совсѣмъ другой, еще не имѣющій имени пунктъ. Намъ, не военнымъ людямъ, не понимающимъ ничего въ вопросахъ стратегической важности, трудно высказывать сколько-нибудь вѣскія заключенія по такимъ непомѣрно труднымъ государственнымъ задачамъ какъ тѣ, о которыхъ мы только-что упомянули.

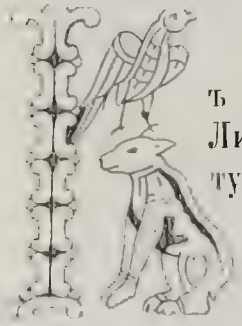
Пароходъ на которомъ слѣдовали Ихъ Высочества, медленно подвигался вверхъ, противъ теченія Виндавы, и по планамъ и картамъ разложеннымъ передъ Великимъ Княземъ, по объясненіямъ знающихъ людей, имѣя передъ собою, въ качествѣ иллюстраціи, самую рѣку Виндаву, Его Высочество могъ прійти, по меньшей мѣрѣ, къ выясненію обстановки. По берегамъ набросано много лѣсныхъ складовъ, виднѣется верфь, есть плотовый мостъ подлѣ города; берега эти песчаны, лѣсисты; говорятъ, что лѣса тянутся отсюда мимо Домеснеса вплоть до самой Риги. По возвращеніи Ихъ Высочествъ съ парохода, около полудня, въ домѣ купечества отъ представителей города

былъ предложенъ Высокимъ Гостямъ завтракъ, послѣ котораго Ихъ Высочества покинули Виндаву, разцвѣченную флагами и полную радостныхъ кликовъ. Вѣтеръ перемѣнился, подулъ съ юго-запада, что было пріятно, потому что разгулявшаяся зыбь неминуемо должна была ослабѣть. Къ вечеру должны мы быть въ Либавѣ. Отсюда до нея только шесть часовъ пути.

За послѣднее трехлѣтіе изъ Виндавы вывезено товаровъ на 2.665.000 р., привезено на 215.000 руб., пошлинъ золотомъ собрано 24.240 руб. Либава даетъ пошлинъ 5.175.000 руб. золотомъ же; слѣдовательно, она почти въ 22 раза интереснѣе Виндавы. и мы направлялись къ ней.

ЛИБАВА.

Прибытіе въ Либаву. Прощаніе съ „Олафомъ“ и практическою эскадрою. Входъ въ гавань. Газетная вѣсть объ усиленіи прокурорскаго надзора. Нѣкоторыя особенности мѣстной юрисдикціи. Либава какъ гавань. Историческое. Курляндскіе пироги. Посѣщенія и осмотры. Цифровыя данныя. Либава какъ мѣсто купанія. Отношеніе городской думы къ русскому училищу.



ъ вечеру 17-го іюня „Олафъ“ приближался къ Либавѣ и заканчивалъ шестьсотъ тридцать четвертую милю пути по Балтійскому морю, когда, совершенно неожиданно, по желанію Великаго Князя, ему пришлось сдѣлать еще одну милю: дано приказаніе подойти къ практической эскадрѣ, стоявшей и тутъ, какъ въ Выборгѣ, Ревелѣ и Виндавѣ, будто на часахъ, въ ожиданіи прибытія „Олафа“. Великій Князь соизволилъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, отдать визитъ нашимъ балтійскимъ морякамъ. Въ яркомъ вечернемъ освѣщеніи, на почтенныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, чтобы не толкаться, держась подъ парами, чуть двигалась эскадра; ближе всѣхъ высился „Чичаговъ“ со своими двумя башнями. Золоченый обликъ почтеннаго адмирала, утвержденный на носу броненосца, откинувъ голову и выставивъ грудь полную орденовъ, въ сіяніи опускавшагося солнца чуть-чуть покачнулся, заколебался, когда „Олафъ“, едва

не тронувъ кожухомъ колеса лѣваго борта броненосца, медленно прошелъ мимо, и Великій Князь поздоровался съ командой. За „Чичаговымъ“ слѣдовали: „Грейгъ“, „Пожарскій“, „Лазаревъ“ — все славныя имена; послѣднимъ виднѣлся „Петръ Великій“ отличить котораго между другими всегда возможно.

Въ послѣдній разъ перемѣнилъ „Олафъ“ курсъ и направился отъ эскадры прямо къ Либавѣ. Берега здѣсь такъ же низки, какъ и вездѣ. но зелени много, и при первомъ взглядѣ на панораму Либавы съ моря видно, что это городъ большой, гораздо больше чѣмъ тѣ, которые мы за послѣднее время посѣтили. Маякъ съ проблесками, замѣченный нами за много миль, поднимался какъ разъ посрединѣ; вправо виднѣлись бѣлая лоцманская башня и лютеранская церковь, расположенная въ такъ-называемой Старой Либавѣ; влѣво, въ Новой Либавѣ, торчали дымившіяся трубы фабрикъ мукомольной, проволочной и другія. На „Олафѣ“ офицеры и команда приготовлялись къ съѣзду Ихъ Высочествъ на берегъ, что всегда соединено съ нѣкоторою суетой, которая, надо замѣтить, была здѣсь мало замѣтна: такъ ловко, правильно, безъ шума и толкотни исполнялись одновременно многія распоряженія; наконецъ брошенъ якорь, спущенъ катеръ, и Августѣйшіе Путешественники милостиво простились какъ съ офицерами, такъ и людьми. Переѣздъ къ городу съ очень недалекаго разстоянія, верстъ пять, совершился на небольшомъ городскомъ пароходѣ. Тутъ, какъ и въ Виндавѣ, втянулись мы между двухъ каменныхъ моловъ, гораздо болѣе внушительныхъ и длинныхъ, чѣмъ въ Виндавѣ; камни, изъ которыхъ они сложены, крупнѣе; на обоихъ выдающихся въ морѣ концахъ моловъ и по наружнымъ краямъ, во всю длину, положены внушительные массивы, искусственные камни, которые въ вечернемъ освѣщеніи. унизанные народомъ. казались еще больше. Ура! доносилось съ обѣихъ сторонъ, съ яликовъ, шхунъ, пароходовъ; окна лоцманской башни съ поставленными въ нихъ свѣчами глядѣли въ сумерки какъ ярко свѣтившія очи; влѣво отъ насъ остался ковшъ, вырытый для зимней стоянки судовъ и обошедшійся казнѣ свыше $1^1/_2$ милліона.

На пристани Августѣйшіе Гости встрѣчены военными и гражданскими властями, представителями сословій, города и выслушали краткія привѣтствія на русскомъ языкѣ; здѣсь находи-

лись и дамы. Сѣвъ въ экипажъ, Ихъ Высочества прослѣдовали въ православную церковь, небольшую, но благообразную, съ однимъ куполомъ, безъ колоннъ или столбовъ, съ иконостасомъ, обрисовывавшимся на сѣромъ фонѣ. Отъ церкви путь лежалъ къ дому назначенному для Высокихъ Путешественниковъ, куда они и прослѣдовали, конвоируемые офицерами Елисаветградскаго драгунскаго полка; въ дому принятъ предъ входомъ почетный караулъ и вслѣдъ затѣмъ, въ самомъ помѣщеніи, начальники военныхъ частей и четыре волостные старшины гробинскаго уѣзда. Въ числѣ военныхъ находились полковой командиръ и офицеры Новоторжскаго драгунскаго полка имени Великаго Князя, прибывшіе сюда изъ Россіенъ депутатами. Вечеръ окончился факельнымъ ходомъ вольной пожарной команды и иллюминаціей города.

Петербургскія и московскія газеты и письма приходятъ сюда на четвертый день и требуютъ, по соображеніямъ мѣстныхъ людей, ровно вдвое больше времени, чѣмъ прибытіе пассажира; отъ чего это такъ, неизвѣстно. Быстрѣе писемъ идутъ, конечно, телеграммы, и ко времени нашего пріѣзда въ Либаву, сюда дошли частныя свѣдѣнія о только-что опубликованномъ правительственномъ распоряженіи, усиливающемъ значеніе прибалтійскаго прокурорскаго надзора, придачей прокурорамъ товарищей. Это распоряженіе относится къ числу тѣхъ мѣръ, которыя назначены къ объединенію нашей прибалтійской окраины съ остальною Имперіей. Слѣдствіемъ этой мѣры будетъ, между прочимъ, то, что исчезнутъ съ лица земли два стародавнія, ветхія званія „офиціала“ и „помощника фискала“. Судебная реформа, совершаемая здѣсь, какъ видно съ большою послѣдовательностью, удалитъ тѣ „невозможности“, которыя здѣсь „возможны“. При существующихъ порядкахъ тутъ, въ Балтикѣ, могутъ имѣть мѣсто великія странности. Допустимъ, напримѣръ, чего не было, что мѣстный землевладѣлецъ, онъ же начальникъ мѣстной вотчинной полиціи, служитъ по выбору секретаремъ высшаго судебнаго мѣста губерніи Oberhofgericht'a и имѣетъ крупный винокуренный заводъ; допустимъ, что мѣстное акцизное управленіе, въ предупрежденіе замѣченныхъ злоупотребленій, налагаетъ свои печати, но землевладѣлецъ, какъ начальникъ вотчинной полиціи въ своемъ собственномъ имѣніи, дѣлаетъ

распоряженіе о снятіи ихъ. Можно представить себѣ затрудненіе чиновниковъ, при составленіи акта, для чего нужно присутствіе полиціи, а начальникъ полиціи — землевладѣлецъ? Другой куріозъ слѣдующій: ассессоръ суда 1-й степени Landgericht'а совершаетъ, какъ это и случилось, покушеніе на убійство; онъ долженъ производить слѣдствіе самъ о себѣ, а высшее судебное мѣсто не находитъ нужнымъ согласиться съ мнѣніемъ прокурора о необходимости отстранить его отъ должности, хотя бы на время производства слѣдствія! проволочки суда здѣсь таковы, что лица, подлежавшія наказанію подвергались ему только на 17 годъ, потому, между прочимъ, что допросъ свидѣтелей производился только на 9 годъ! всѣ судебныя инстанціи здѣсь дворянскія, выборныя. Вѣсть объ усиленіи значенія прокурорскаго надзора, встрѣтившая насъ въ Либавѣ, была вѣсточкой хорошею, и исчезновеніе „офиціаловъ“ и „фискаловъ“, вѣроятно, только начальныя слова довольно длинной и очень вѣской фразы.

Историческая судьба Либавы, лежащей въ уголку, такъ-сказать, блѣднѣетъ предъ ея сегодняшнимъ значеніемъ, хотя и тутъ совершился фактъ, служащій прелестною иллюстраціей къ тѣмъ пріемамъ, къ какимъ прибѣгалъ рыцарскій орденъ во время своего могущества. Зимой 1426—1427 года отправлено было въ Римъ, отъ рижскаго архіепископа, посольство съ жалобой на орденъ; рыцари знали это и, подтащивъ посольство къ проруби лежащаго подлѣ города озера, одного за другимъ пустили подъ ледъ. Совершилось безслѣдное исчезновеніе нежелательныхъ рыцарству личностей, практиковавшееся неоднократно, и прибавилась біографическая черточка, нелишенная своеобразной красоты. Какъ морская гавань Либава существуетъ съ весьма отдаленныхъ временъ: это, вѣроятно, древняя Portas Liva. Нынѣшняя гавань устроена при герцогѣ Курляндскомъ Фридрихѣ Казимірѣ въ 1697, а прежняя находилась въ 3-хъ верстахъ къ югу отъ города, гдѣ либавское озеро имѣло прежде истокъ въ море. Она была неудобна потому, что постоянно заносилась пескомъ. Торговля Либавы въ древнія времена никогда не принимала большихъ размѣровъ, и этимъ можно объяснить себѣ почему этотъ городъ не значился въ числѣ Ганзейскихъ. Начало процвѣтанія торговли Либавы относится къ эпохѣ герцога Іакова.

Мы уже сообщили о томъ, что либавскій портъ въ 22 раза интереснѣе виндавскаго по количеству своихъ оборотовъ. За послѣднее трехлѣтіе по приходу значилось судовъ:

Иностранныхъ паровыхъ	3.538
„ парусныхъ	713
Каботажныхъ паровыхъ	202
„ парусныхъ	378
Прибрежнаго плаванія	413
Вывезено на сумму	118.711.831 руб.
Привезено	42.950.062 „
Пошлинъ золотомъ	5.175.180 „

При взглядѣ на планъ либавскаго порта видно, что песчаная полоса тянется отъ берега въ море на одну версту, за которою слѣдуетъ твердый грунтъ; на половину этой полосы молы уже вытянуты въ море и, чтобы быть вполнѣ обезпеченнымъ, надо достроить еще около 400 саженъ. Молы строились съ 1863 года, и всего затрачено нашей казной около 4½ милліоновъ рублей; толкуютъ о томъ, что если остановиться на устройствѣ только коммерческой гавани, то предстоитъ затратить еще около 4 милліоновъ рублей. Его Высочество, совмѣстно съ Великою Княгиней, на второй день пребыванія въ Либавѣ, объѣзжая портъ на пароходѣ „Concordia“, подробно ознакомился съ планами работъ, по докладамъ вѣдающихъ ихъ лицъ, и осмотрѣлъ портовыя сооруженія.

Второй день пребыванія начатъ со смотра 2-й роты 16-го резервнаго баталіона и Елисаветградскаго драгунскаго, королевы Виртембергской полка; затѣмъ посѣщены казармы, лазаретъ и тюрьма. Съ большимъ интересомъ обходили Ихъ Высочества, посѣщенную вслѣдъ за тѣмъ, проволочную фабрику Беккера, доведенную съ технической стороны до большаго совершенства. Въ приходскомъ православномъ училищѣ (89 мальчиковъ, изъ которыхъ большая половина лютеранъ, 37 дѣвочекъ всѣ православныя, кромѣ одной католички) Великій Князь обратился къ одному изъ мальчиковъ съ вопросомъ о Полтавской битвѣ: мальчикъ — латышъ, перепуталъ, русскій тотчасъ поправилъ его. Около полудня, въ залѣ ратуши, состоялся пріемъ консуловъ, представителей мѣстныхъ учрежденій и общества, а вслѣдъ затѣмъ завтракъ предложен-

ный городскимъ купечествомъ въ городскомъ саду. причемъ на столѣ, въ видѣ украшеній, стояли высокіе башенные пироги, составляющіе, повидимому, особенность курляндской губерніи, построенные изъ миндальнаго, очень вкуснаго тѣста, обвѣшенные конфектами, аршина въ полтора и болѣе вышиной, разрушеніе которыхъ, очень возможное, по срединѣ стола или при обнесеніи по гостямъ, можетъ имѣть и, дѣйствительно, имѣетъ иногда мѣсто. Вслѣдъ за завтракомъ посѣщенія продолжались; осмотрѣна маріинская богадѣльня, больница, при входѣ въ которую, съ лѣвой стороны, на дверяхъ значится надпись: „квартира отца дома“, Wohnung des Hausvaters, т.-е. лица завѣдующаго учрежденіемъ, причемъ помощницей ему служитъ „Hausmutter“; оба они имѣютъ на своемъ попеченіи 35 мужчинъ и 38 женщинъ. Посѣщенъ сиротскій домъ съ 32 мальчиками, съ безусловно необходимымъ здѣсь во всѣхъ школахъ органомъ. Въ шестомъ часу Ихъ Высочества прибыли въ лютеранскую церковь, гдѣ состоялся концертъ на замѣчательномъ органѣ, превышающемъ по величинѣ своей всѣ существующіе въ Европѣ; онъ состоитъ изъ трехъ частей, въ немъ 131 регистръ и одна только поправка его стоила 60.000 р. Сама церковь относится къ числу очень красивыхъ: три нефа, въ два свѣта, подъ круглыми сводами, отдѣлены одинъ отъ другаго 12 колоннами; по яркой бѣлизнѣ стѣнъ очень гармонично выдѣляется обильная позолота; вмѣсто запрестольнаго образа виднѣется тоже бѣлое, съ позолотой, Распятіе. Органъ чрезвычайно могучъ, громовыя ноты его потрясаютъ, но мягкія, voces angelicae, не достаточно нѣжны.

Объ объѣздѣ Ихъ Высочествами портовыхъ сооруженій мы уже сказали; смотръ вольной пожарной команды состоялся подлѣ желѣзнодорожнаго моста, тамъ гдѣ начинается каналъ или прокопъ, соединяющій Либавское озеро, въ прорубь котораго, во время оно, принято было посольство архіепископа, съ моремъ. Здѣшніе пожарные отличаются совершенно прусскимъ военнымъ одѣяніемъ: тотъ же покрой военнаго сюртука, совершенно та же каска, и на правомъ флангѣ, на конѣ, высился даже свой пожарный конный жандармъ, совершенно въ родѣ тѣхъ, какіе стоятъ въ Берлинѣ на перекресткахъ улицъ и можно было подумать, что мы въ Пруссіи; пожарныхъ съ небольшимъ 50 человѣкъ и двигаются они военнымъ строемъ. Вечеромъ въ залѣ кургауза, на берегу моря, состоялся данный отъ города обѣдъ, а

за нимъ маневры шлюпокъ, пѣніе и фейерверкъ. Послѣдній, благодаря обилію свѣта надвигавшейся ночи, особеннаго блеска имѣть не могъ; за то ослѣпительно ярко горѣли на броненосцахъ нашей практической эскадры, прощавшейся съ Ихъ Высочествами, электрическія солнца; такое солнце, на Петрѣ, силою въ 40.000 свѣчей, поразительно; одно стекло къ нему стоитъ около 1.000 р. и устроено по системѣ Монжена.

При громкихъ кликахъ, не сходившей во весь день съ улицы толпы народа, Ихъ Высочества направились къ дому. Медленно темнѣлъ ясный безвѣтренный день, и портовые склады, стоявшіе подлѣ воды, во многихъ мѣстахъ города, казались еще внушительнѣе, чѣмъ въ полномъ солнечномъ свѣтѣ. Для складовъ, равно какъ и для жилья, здѣсь еще въ ходу фахверковая, смѣсь дерева съ кирпичемъ, постройка и, въ значительной степени, крутыя черепичныя крыши.

По домовымъ книгамъ, въ декабрѣ 1885 года, жителей въ Либавѣ значилось 40.467 душъ; изъ нихъ:

Русскихъ	1.110
Поляковъ	1.130
Литовцевъ	1.945
Латышей	11.000
Нѣмцевъ	15.828
Евреевъ	8.685

Послѣднихъ, то-есть Евреевъ, кажется всегда больше, чѣмъ ихъ есть на самомъ дѣлѣ, потому что они цѣлыми группами, гроздьями, какъ-то умѣютъ торчать на виду, а типичности имъ не занимать. Къ числу жителей слѣдуетъ прибавить еще и пріѣзжихъ на купанье, количество которыхъ, впрочемъ, что ни годъ, то уменьшается съ замѣчательною послѣдовательностью:

1879	1.203	человѣкъ.
1880	951	„
1881	816	„
1882	790	„
1883	754	„
1884	767	„
1885	539	„

Чему приписать это уменьшеніе? волна въ морѣ умѣренна. plage хороша, помѣщенія удобны, кургаузъ недуренъ и имѣетъ

УЧИТЕЛЬСКАЯ БИБЛІОТЕКА
I УЧАСТКА ВУТРАНСКАГО УѢЗДА
Тоновскія Губерніи
ОТДѢЛЪ №

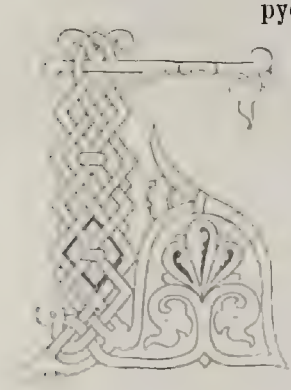
развлеченія. Очень можетъ быть что причина — въ усиленіи торговыхъ и портовыхъ особенностей Либавы, а это, во всякомъ случаѣ, необходимымъ при леченіи покою и тишинѣ, не способствуетъ.

Въ завершеніе замѣтокъ о Либавѣ слѣдуетъ вспомнить, что здѣшняя городская дума отказываетъ въ пособіи русскому училищу, объясняя свой отказъ невообразимо страннымъ образомъ: безполезностью для Либавы русскаго учебнаго заведенія! не говоря уже о томъ, что казна наша выдаетъ значительное пособіе на либавскую гимназію, но она не останавливается и въ выдачахъ болѣе крупныхъ суммъ на сооруженіе либавскаго порта, что повидимому могло бы измѣнить объясненіе городской думы, лежащей къ этому порту всею душой, и должно бы было уничтожить въ корнѣ вопросъ о безполезности для города — русскаго учебнаго заведенія?

20-го іюня, въ 9 часовъ утра, предстоялъ Ихъ Высочествамъ выѣздъ по желѣзной дорогѣ въ Митаву и начало знакомства съ прибалтійскою окраиной съ сухопутной ея стороны.

Отъ Либавы до Митавы. Рингенъ.

Особенности курляндскаго пейзажа. Воспоминаніе о знаменитомъ Дурбенскомъ сраженіи. Станція Рингенъ. Депутація отъ училища. Значеніе этого дѣла. Особенности школъ въ губерніи. Гривка. Исключительность нѣмецкаго вліянія. Передача лютеранскихъ школъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Противорѣчіе въ ландратской коллегіи. Невниманіе къ русскому языку. Пріѣздъ въ Митаву.



ерегъ моря, Либаву, покинули Ихъ Высочества съ экстреннымъ поѣздомъ, 20-го іюня, въ 9 часовъ утра, и направились въ Митаву. Въ каждомъ изъ купе поѣзда лежала маленькая книжечка, въ которой, по часамъ и минутамъ, разсчитанъ былъ весь путь до Царскаго-Села, причемъ первая продолжительная остановка предполагалась на маленькой станціи Рингенъ. Она представляла большой интересъ: Ихъ Высочествамъ имѣла представиться депутація отъ розенъ-рингенскаго министерскаго двухкласснаго училища, перваго въ краѣ съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ, открытаго осенью прошлаго года исключительно на средства крестьянъ.

Мирный сельскій пейзажъ скользившій передъ окнами вагоновъ, густая зелень луговъ и отдѣльно стоявшіе крестьянскіе дворы, далеко не всегда монументальнаго характера, роскошное солнечное освѣщеніе, ударявшее по листвѣ серебрившейся росою и слѣдами вчерашняго ливня, вовсе не сходились съ мыслію о томъ, что мы движемся подлѣ одного изъ мѣстъ, важнаго историческаго значенія, подлѣ Дурбена, гдѣ произошла 13-го іюля 1260 года, шестьсотъ двадцать шесть лѣтъ назадъ, самая кро-

вавая, самая важная битва въ исторіи порабощенія края нѣмецкими рыцарями. То, что передъ глазами нашими мелькали не деревни, а отдѣльные крестьянскіе дворы, это тоже одинъ изъ слѣдовъ Дурбенскаго и другихъ сраженій: деревни, вѣчно возмущавшіяся, еще въ тѣ дни были уничтожены и народъ разселенъ по отдѣльнымъ дворамъ, что, въ смыслѣ полицейскаго наблюденія за покоренными было тактически и стратегически очень правильно. Деревень въ томъ смыслѣ какъ понимаемъ ихъ мы, то есть общежитій значительнаго количества народа, нѣтъ въ латышской части прибалтійскаго края и по сей день, а имѣются фермерскія хозяйства, отдѣльные дворы, полное разъединеніе. Это же придаетъ пейзажу совсѣмъ особый видъ, и вотъ какими эстетическими послѣдствіями сказываются сотни лѣтъ спустя чисто административныя мѣропріятія.

Къ роковому дню Дурбенскаго боя рѣшено было нѣмецкими рыцарями положить конецъ всякимъ мыслямъ о свободѣ со стороны порабощенныхъ народностей, роившихся особенно сильно именно въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ шелъ Великокняжескій поѣздъ. Къ ландмейстерскимъ знаменамъ собрались рыцари изъ Пруссіи, Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи, собрались и другіе охочіе крестоносцы и повели съ собою, въ качествѣ вспомогательнаго войска, порабощенныхъ ими куроновъ, которыхъ въ настоящее время нѣтъ и слѣда, такъ основательно счищены они съ лица земли. Воинская сила собралась могущественная и весь цвѣтъ рыцарства находился налицо. Дикари-мятежники расположились пестрыми полчищами близъ Дурбенскаго замка, одноименнаго съ нимъ озера и окаймляющихъ его болотъ. Болота разстилались въ тѣ дни такъ внушительно, что на военномъ совѣтѣ рыцарей тотчасъ же возникъ вопросъ: не лучше ли имъ спѣшиться и привязать коней гдѣ-либо за боевою линіей? большинство рыцарей высказалось противъ этого, обиднаго для ихъ гордости, маневра, равно какъ и противъ того, чтобъ удовлетворить очень справедливому желанію куроновъ, помогавшихъ имъ, получить обратно,въ случаѣ побѣды, своихъ женъ и дѣтей, захваченныхъ непріятелемъ и находившихся въ его лагерѣ. Рыцари желали, оставаясь вѣрными своимъ меркантильнымъ обычаямъ, чтобы куроны, ихъ союзники, „выкупили“ у нихъ этихъ женъ и дѣтей, которыя еще не были отобраны, а только имѣли быть отобранными! не

трудно, казалось бы, предвидѣть будущее, но рыцарей, какъ говорится, Богъ попуталъ, а куроны вошли въ тайное соглашеніе съ непріятелемъ и поняли очень хорошо, что значитъ стоять въ тылу своихъ собственныхъ войскъ.

Когда начался знаменитый бой и грузные рыцарскіе кони подъ грузными сѣдоками вязли въ трясинахъ, въ самый разгаръ сѣчи, кинулись на рыцарей съ тылу оскорбленные отказомъ ихъ куроны, и цѣлыхъ восемь часовъ длилось поголовное избіеніе попавшаго въ западню рыцарства; полегли всѣ рѣшительно военачальники, поникли долу ихъ красивые оруженосцы и пажи, фохты и комтуры, а большинство взятыхъ въ плѣнъ сожжено и четвертовано. Конечно хранятъ и до сегодня тинистые берега Дурбенскаго озера не одну броню, не одинъ чеканный шлемъ нѣмецкой силы, почти поголовно истребленной. Не будь у нея тогда въ запасѣ безъ малаго всей католической Европы, движимой папой и немедленно замѣстившей съ избыткомъ вакансіи убитыхъ, будь тогда чуть-чуть посильнѣе и посвободнѣе Русская земля, и судьбы Балтики вышли бы совсѣмъ другими, и цѣлая четвертъ вѣка рыцарскаго хозяйничанья сгинула бы безслѣдно и навсегда. Этого не случилось. но память Дурбенской битвы живетъ и будетъ жить въ преданіяхъ и легендахъ мѣстныхъ людей, ожидая художника исторической живописи для ея воспроизведенія.

Ровно въ полдень, Ихъ Высочества, сойдя съ поѣзда на станціи Рингенъ и пересѣвъ въ экипажъ, прослѣдовали въ очень недалекую отсюда усадьбу барона Нолькена. Имѣніе это, какъ и многія въ прибалтійскомъ краѣ, свидѣтельствуетъ очень наглядно о прочности и преемственности дворянскаго землевладѣнія: съ 1561 по 1835 годъ оставалось оно собственностью въ герцогской семьѣ Кетлера, позже владѣлъ имъ Штиглицъ, а съ 1871 года куплена эта земля барономъ Нолькеномъ и раздѣлена между сыновьями на три майората. Въ одномъ изъ нихъ, довольно красивомъ и недавно построенномъ каменномъ домѣ, окруженномъ молодымъ хорошо планированнымъ садомъ, Ихъ Высочествамъ предложенъ былъ завтракъ, а въ $1^{3}/_{4}$ пополудни Высокіе Путешественники уже принимали на станціи Рингенъ, предъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь, депутаціи отъ волостныхъ старшинъ гольдингенскаго уѣзда и отъ розенъ-рингенскаго министерскаго двухкласснаго сельскаго училища.

Училище это, какъ сказано, является первымъ въ краѣ и возникло только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ послѣ довольно долгихъ задержекъ, слѣдъ которыхъ имѣется въ одномъ изъ очень любопытныхъ, имѣющихъ свой нумеръ, дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія. Этому первенцу посвящено было вниманіе Его Высочества. Училище открытое 1-го сентября минувшаго года, благополучно помѣщается въ прочномъ каменномъ домѣ, цѣной около 70.000 руб., и имѣло уже прошлою зимой 270 учениковъ, тогда какъ въ мѣстномъ евангелическо-лютеранскомъ значилось только 9. Такой быстрый успѣхъ училища съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ среди латышей обратилъ на себя, еще въ Петербургѣ, вниманіе Великаго Князя, знакомившагося заранѣе съ особенностями края, подлежавшаго посѣщенію, и Его Высочеству угодно было выразить желаніе посѣтить школу. Посѣщенія этого, въ виду отдаленности ея и недостатка времени, состояться не могло, но рѣшено, взамѣнъ этого, принять депутацію на станціи Рингенъ.

Во главѣ депутаціи находился окружной инспекторъ Спѣшковъ, а хлѣбъ-соль подносилъ волостной старшина Зенинъ, тотъ именно, далеко не старый латышъ, подписи котораго имѣются на всѣхъ ходатайствахъ объ устройствѣ школы, въ дѣлѣ хранящемся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Воспитанники вслѣдъ за ними стояли плотною стѣной, и небольшое зданіе станціи огласилось стройнымъ пѣніемъ народнаго гимна. Окружной инспекторъ выразилъ въ немногихъ словахъ то глубокое сожалѣніе крестьянъ-учредителей школы, которое они испытываютъ, не умѣя высказать свои чувства на русскомъ языкѣ, „незнаніе котораго держитъ ихъ какъ бы въ обособленіи отъ общаго отечества, Россіи“, и что, съ учрежденіемъ школы подрастающее поколѣніе, дастъ Богъ, не будетъ испытывать этого горькаго чувства; депутація ходатайствовала также о дозволеніи наименовать школу Владимірскою и о постановкѣ въ ней портрета Его Высочества. Принявъ хлѣбъ-соль, Великій Князь пожелалъ молодой школѣ всякаго успѣха въ интересахъ русскаго дѣла въ краѣ и выразилъ предварительное согласіе свое, вполнѣ зависящее отъ Высочайшаго разрѣшенія, на наименованіе школы Владимірскою, а относительно портрета сказалъ, что ходатайство это вполнѣ совпадаетъ съ его личнымъ

намѣреніемъ, и приказалъ немедленно передать училищу одинъ изъ портретовъ, находившихся съ нимъ въ пути. Волостной старшина Зенинъ, такъ много потрудившійся для школы, получилъ часы съ портретомъ Великаго Князя и порть-сигаръ. Слезы прошибли изъ глазъ его при милостивыхъ словахъ Его Высочества, къ нему обращенныхъ и ему переведенныхъ. Позже, черезъ сутки, сообщили намъ какъ шествовалъ портретъ Его Высочества по назначенію, какъ встрѣтили его на мѣстѣ съ великимъ торжествомъ, какъ толпились подлѣ него люди до глубокой ночи, и какъ просіяла рингенскаго школа, храня въ стѣнахъ своихъ черты лица Августѣйшаго Брата Государева.

Отъ Рингена до Митавы около двухъ часовъ пути. Ясному дню вторило ясное настроеніе послѣ пріема рингенской депутаціи. Съ легкой руки этой школы, уже возникло другое, совершенно сходное съ нею училище, въ эстляндской губерніи, везенбергскаго уѣзда, катентакской волости и готовятся къ открытію двѣ въ лифляндской губерніи. Дай Богъ имъ всевозможнаго преуспѣянія, всѣ они будутъ на мѣстѣ, и въ курляндской губерніи въ особенности. Много любопытнаго пришлось услышать отъ мѣстныхъ людей. При отсутствіи правительственной полиціи въ прибалтійскомъ краѣ, такъ какъ вся она, кромѣ немногихъ городовъ, выборная отъ дворянства, слѣдить нашей администраціи за школами и затѣмъ, что въ нихъ преподается и какъ преподается, положительно невозможно и безполезно. Курляндская губернія, такъ сказать, покрыта явными и неявными школами, что, при смѣшанномъ населеніи губерніи, представляется особенно неудобнымъ; евреевъ въ губерніи 60.000 человѣкъ, католиковъ около 57.000. Кромѣ того, за послѣднее время географическое положеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ губерніи, вдающихся клиномъ въ польско-литовскія земли, и, рядомъ съ этимъ, распоряженія тайнаго совѣтника Сабурова, стоявшаго еще не очень давно во главѣ учебнаго дѣла въ Россіи, вызвали явленіе совсѣмъ исключительное, а именно: громадный наплывъ сюда учащихся изъ Бѣлорусіи и Литвы; такъ какъ съ 1881 года разрѣшено было учреждать уѣздныя училища, то и возникли многія, прежде не существовавшія, и они, при своемъ рожденіи на свѣтъ, будучи избавлены отъ правительственнаго контроля, находились и, отчасти, находятся подъ наблюденіемъ не пра-

вительственнымъ, а нѣсколькихъ выборныхъ нѣмецко-дворянскихъ коллегій. Самыя видныя мѣста среди такихъ, не то училищъ, не то гимназій занимаютъ основанныя въ Гривкѣ подлѣ Динабурга гофмейстеромъ, нынѣ городскимъ головой Риги, бывшимъ до того лифляндскимъ губернаторомъ, Эттингеномъ. Мужское училище открыто въ 1871 году и подарено основателемъ его курляндскому дворянству; позже оно преобразовано въ семиклассное, съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ, причемъ большинство преподавателей не знаютъ вовсе русскаго языка, а нѣкоторые не подвергались испытанію въ Россіи и, кажется, не принимали даже русскаго подданства. То же самое должно сказать и о гривскомъ женскомъ училищѣ, основанномъ тѣмъ-же гофмейстеромъ Эттингеномъ въ 1873 году и преобразованномъ въ шестиклассное. Эти и другія училища въ курляндской губерніи при томъ условіи, что здѣсь, на всемъ протяженіи отъ Риги до Ковны, ни одного русскаго училища, дающаго какія-либо права, не существуетъ, обусловливаютъ то, что поляки, литовцы и евреи, въ огромномъ количествѣ, направляются въ Курляндію и этимъ самымъ поступаютъ въ кругъ вѣдѣнія выборной отъ нѣмецкихъ дворянъ „высшей коммиссіи школъ“, въ которой представителемъ нашего правительства является одинъ только человѣкъ, членъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а не народнаго просвѣщенія. Каковы должны быть послѣдствія такихъ порядковъ довольно ясно само собою.

Еще въ 1838 году министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ обратилъ вниманіе именно на Курляндію, но всѣ его добрыя начинанія быстро перешли въ архивъ. Только въ самое недавнее время новый законъ передалъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія около 2.000 лютеранскихъ школъ въ прибалтійскомъ краѣ и положилъ основаніе совершенно новой системѣ. Это вѣское правительственное мѣропріятіе находится въ прямомъ противорѣчіи съ „Матеріалами къ изученію положенія крестьянъ въ Лифляндіи“, изданія высшаго мѣстнаго административно-дворянскаго нѣмецкаго учрежденія, ландратской коллегіи. Въ изданіи этомъ, очень не задолго до утвержденія названнаго закона, изображено было слово въ слово слѣдующее: „для борьбы противъ существующей по закону организаціи народныхъ школъ, національная агитація избрала лозунгомъ, чтобы школы

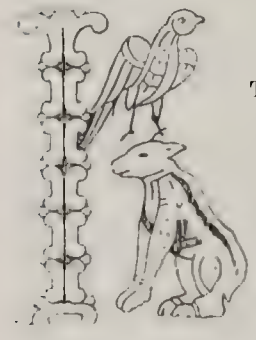
въ Лифляндіи были изъяты изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ и подчинены министерству народнаго просвѣщенія; въ дѣйствительности цѣль заключается въ томъ, чтобы лишить народныя школы ихъ церковнаго характера. Это явленіе, заключаетъ коллегія, представляется въ одинаковомъ смыслѣ и печальнымъ, и опаснымъ". Если вѣрить этому заключенію. то правительственное мѣропріятіе передачи школъ, уже совершившееся, пошло само на встрѣчу мнимой опасности, а открытіе новыхъ русскихъ училищъ свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ печаляхъ бываютъ проблески счастья, при которыхъ возглашается благодареніе Господу и многолѣтіе Царю.

Должно надѣяться, что окончательно прошло то неурожайное время, когда за 90 лѣтъ сожительства Курляндіи и Россіи, въ экс-герцогствѣ заведено было нами не болѣе двухъ училищъ, а Высочайше утвержденный уставъ 4-го іюля 1820 года, сдѣлавшій обязательнымъ въ краѣ для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній русскій языкъ, какъ бы свѣялся, улетучился, и количество часовъ преподаванія русскаго языка, въ началѣ очень достаточное, мало-по-малу уменьшаясь во всѣхъ школахъ, сошло на нѣтъ. Вѣдь было такое время, что и для дерптскаго университета русскій языкъ, какъ и слѣдуетъ, былъ обязательнымъ, и студенты пользовались имъ; но и это свѣялось.

Къ 4-мъ часамъ пополудни Великокняжескій поѣздъ подошелъ къ Митавѣ, потонувшей въ зелени своихъ садовъ. Луга окружаютъ городокъ и до сегодня и оправдываютъ происхожденіе его имени: „Mitte in der Aue", посреди луга. Другіе полагаютъ, что это названіе произошло отъ того, что митавскій замокъ, давшій имя всему городу, стоитъ посреди р. Аа; а еще вѣрнѣе, происходитъ оно отъ латышскаго слова Mihtava, т. е. мѣсто обмѣна: здѣсь на пограничной рѣкѣ Аа, въ древніе времена, рижскіе купцы и пріѣзжіе литовцы обмѣнивали свои товары на туземные. Выше другихъ поднимается надъ городомъ подъ шапкой каланча-башня губернской гимназіи, одного изъ лучшихъ зданій. когда-то Academia-Petrina. Въ ней изъ числа 588 учениковъ, только 11 русскихъ, но тѣмъ не менѣе она содержится совсѣмъ и вполнѣ на казенный счетъ.

МИТАВА.

Видъ на Митаву. Захудалость православной церкви. Пріемъ въ замкѣ. Обѣдъ въ риттергаузѣ. Предводители дворянства. Историческое. Евреи. Замокъ. Кто жилъ въ немъ? Герцогскій склепъ. Тѣло Бирона. Борьба двухъ претендентовъ, Морица Саксонскаго и Меншикова. Почная свалка. Оперетточный конецъ. Различныя посѣщенія. Діаконисссы. Митавская гимназія. Тюрьма. Катерининскій пріютъ благородныхъ дѣвицъ и вдовъ. Латышское общество. Отсутствіе нѣмцевъ. Выставка и ея замѣчательности. Грамоты. Исторія дворянскихъ привилегій. Грамота Петра I и ея подтвержденія. Поѣздка въ Тетельмюнде. Обезличеніе латышей. Праздникъ. Враждебныя русскимъ брошюрки. Отъѣздъ въ Ригу.



ъ четыремъ часамъ пополудни, 20-го іюня, Великокняжескій поѣздъ подходилъ къ Митавѣ, столицѣ бывшаго Курляндскаго герцогства, а нынѣ губернскому городу. Мѣсто ровное, гладкое; множество луговъ окаймляетъ городокъ; надъ красными черепичными и желѣзными крышами высоко въ воздухѣ поднимаются: башня, съ шапкой, на губернской гимназіи и острые шпили лютеранскихъ церквей: Троицкой нѣмецкой и Аннинской латышской; православной церкви не видно, а между тѣмъ она есть. Кое-гдѣ вдали проблескиваютъ излучины рѣки Аа, уходя въ синюю даль, по которой какъ-будто оттѣняются холмы, обозначаются лѣса. На вокзалѣ Ихъ Высочества привѣтствованы начальникомъ гарнизона и представителями гражданскихъ властей и дворянства; по пути къ православной церкви, у тріумфальной арки, Высокіе Гости встрѣчены членами городскаго управленія, магистрата, купечества и корпораціями.

Неудивительно, что православная церковь во имя Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, церковь единственная въ городѣ, если не считать кладбищенской, помѣщающейся въ убогой часовенькѣ, не видна отъ желѣзной дороги. Она устроена въ 1778 году повелѣніемъ Екатерины II, на казенныя средства, очень мала размѣрами, безъ купола, безъ алтарной и боковыхъ входныхъ дверей, безъ соотвѣтствующей утвари, и существуетъ безъ всякаго капитальнаго ремонта; кровля надъ нею обветшала и даетъ течь, слѣды двухъ пожаровъ еще имѣются на иконостасѣ и его разновременныхъ иконахъ, ризница совершенно бѣдна; колокольный звонъ не великой колокольни едва ли способенъ донестись до ближайшей улицы и напомнить проходящему о домѣ молитвы. Это положеніе митавской православной церкви тѣмъ болѣе грустно, что стоитъ она чуть не на рубежѣ Россіи, и что съ недавняго времени, именно въ курляндской губерніи по примѣру эстляндской, вновь замѣчаются сочувственныя проявленія къ православію со стороны простаго иновѣрнаго народа. Кромѣ того церковь въ Митавѣ есть въ то же время каоедральный соборъ, такъ какъ здѣсь епископъ именуется рижскимъ и митавскимъ. Приходъ — до 500 человѣкъ (кромѣ того военныхъ около 1.300) — поправить дѣло своими силами не можетъ и совершенно необходимо прійти къ нему на помощь; эта помощь будетъ тѣмъ вліятельнѣе, что сама ветхая церковь какъ бы озаботилась о преемницѣ себѣ и десятками лѣтъ скопила запаснаго капитала 14.000 р. Согласно смѣтамъ, на полное обновленіе требуется всего до 35.000 руб., и неужели никто въ Россіи на эту настоятельную нужду не откликнется? Вѣдь будетъ не хорошо, если мѣстные лютеране, вспоминая милліонныя пожертвованія русскихъ царей на постройку въ балтійскомъ краѣ храмовъ лютеранскихъ, задумаютъ отъ себя дополнить эти недостающіе 20.000 рублей! А вѣдь это было бы не невозможно и свидѣтельствовало бы о большомъ политическомъ смыслѣ. Какъ не имѣетъ наша православная церковь подобающаго ей въ губернскомъ городѣ благолѣпія, такъ не существуетъ въ Митавѣ и русскаго благотворительнаго учрежденія; въ православномъ приходѣ имѣются двѣ начальныя школы съ 84 дѣтьми на обученіи, изъ нихъ лютеранъ 43. Согласно показанію лица, вполнѣ знающаго, мѣстныя условія, „взрослые

православные латыши понимаютъ русскую рѣчь, а о дѣтяхъ сказать этого невозможно"; это показаніе очень вѣско и служитъ хорошею иллюстраціей къ тому, что было сказано нами, по поводу хроническаго исчезновенія русскаго языка и какъ настойчиво и старательно этого достигали.

Отслушавъ молитвословіе и приложившись ко кресту, Ихъ Высочества отбыли въ замокъ. Великій Князь принялъ передъ нимъ почетный караулъ, начальниковъ воинскихъ частей, а въ самомъ замкѣ — четырехъ волостныхъ старшинъ добленскаго уѣзда съ хлѣбомъ-солью. Августѣйшіе Гости помѣстились въ царскихъ покояхъ. Къ пяти часамъ обширная зала замка наполнилась имѣвшими представиться Ихъ Высочествамъ лицами. число которыхъ, благодаря огромному числу представителей нѣмецкаго дворянства, было внушительно велико. Нигдѣ до сихъ поръ, да вѣроятно нигдѣ впослѣдствіи, не вытянутся въ рядъ столько красныхъ воротниковъ, шитыхъ золотомъ, столько отставныхъ мундировъ безъ погонъ, но съ лентами, столько фраковъ и бѣлыхъ галстуховъ. Здѣсь, какъ и раньше, приходилось увидѣть снова нѣкоторыхъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ въ свое время можно было встрѣтить въ Петербургѣ, когда они состояли еще на дѣйствительной службѣ и на видныхъ мѣстахъ; трудно было не замѣтить, какъ, нѣкоторые изъ нихъ, бывшіе гвардейскіе офицеры, отлично говорившіе по русски, значительно раззнакомились съ этимъ языкомъ, вслѣдствіе положительнаго недостатка практики. Здѣсь имѣлись на лицо, въ качествѣ мѣстныхъ нѣмцевъ-дворянъ, многіе изъ служащихъ въ Петербургѣ и въ настоящее время и занимающихъ очень значительныя положенія. Ихъ Высочества обходили длинные ряды представлявшихся и со многими милостиво разговаривали. Пріемъ дамъ состоялся въ другой, смежной залѣ.

Къ 8-ми часамъ вечера дворянскій домъ, риттергаузъ, оживился небывалымъ образомъ, когда начался съѣздъ къ обѣду, принятому Ихъ Высочествами отъ мѣстнаго дворянства. Зала здѣшняго риттергауза меньше ревельской. больше эзельской, но, какъ и тѣ двѣ, увѣшана гербами матрикулованныхъ дворянъ, въ нѣсколько ярусовъ; на стѣнахъ одной изъ комнатъ повѣшены портреты трехъ предводителей дворянства и бывшаго генералъ-губернатора князя Суворова, память котораго очень высоко цѣ-

нится нѣмецкимъ населеніемъ прибалтійскихъ губерній. Гербы въ главной залѣ, подъ перьями, шлемами, сѣкирами и коронами, являютъ чудную радугу цвѣтовъ и обширную коллекцію изображеній животнаго и растительнаго царствъ. Громкими „ура“ были встрѣчены тосты за Государя, Государыню, Наслѣдника и Августѣйшихъ Гостей, произнесенные на русскомъ языкѣ губернскимъ предводителемъ дворянства барономъ Гейкингомъ. Если не ошибаемся, русскій языкъ мало когда до сихъ поръ раздавался въ риттергаузахъ и тѣмъ пріятнѣе звучалъ онъ, на этотъ разъ, изъ устъ радушныхъ хозяевъ. Замѣтимъ, что здѣшній предводитель дворянства называется „Landesbevollmächtigter“, въ эстляндской губерніи его прозваніе „Ritterschaftshauptmann“, въ лифляндской и на островѣ Эзелѣ, имѣющихъ своихъ особыхъ предводителей „Landmarschal“. Эта пестрота наименованій, систематически проводимая по всѣмъ инстанціямъ внизъ, рѣшительно сбиваетъ съ толку въ прибалтійскихъ губерніяхъ и, должно полагать, въ скоромъ времени отойдетъ въ былое, наравнѣ со многимъ другимъ.

Первый день пребыванія Ихъ Высочествъ въ Митавѣ завершился факельнымъ шествіемъ передъ замкомъ и пѣніемъ въ самомъ замкѣ трехъ соединенныхъ пѣвческихъ нѣмецкихъ обществъ. Сильный дождь прошелъ надъ Митавой, и можно было разсчитывать на то, что при посѣщеніяхъ слѣдующаго дня будетъ и не пыльно, и не жарко.

„Mitte in der Aue“ — Митава, по-латышски Елгава, на столѣтіе моложе Риги и почти столѣтіемъ позже другихъ прибалтійскихъ городовъ, какъ столица отдѣльнаго герцогства, въ 1795 году, подчинилась Россіи.

Когда въ 1561 году, 28-го ноября, Лифляндія кончила свое отдѣльное существованіе, ставъ польскою провинціей, Курляндія является леннымъ герцогствомъ Польши и герцогомъ ея сдѣланъ бывшій гермейстеръ ордена Кетлеръ. За все время своего существованія маленькая Митава занималась различными войсками нѣсколько разъ; наши войска заняли ее въ 1705 году, съ княземъ Рѣпнинымъ во главѣ; въ 1812 году занятъ городъ союзниками. Этого же времени и мѣста касается высокая милость Императора Александра I, слѣдъ который имѣется въ Полномъ Собраніи Законовъ 1812 года, декабря 31, № 25308, въ именномъ указѣ данномъ на имя рижскаго военнаго губернатора маркиза

Паулуччи. Указъ этотъ, повторяемъ, гласитъ о высокой, очень высокой милости.

Митава, столица латышей, капиталами бѣдна, земли и торговли не имѣетъ; она не имѣла до 1831 года даже хорошей воды, такъ какъ каналъ герцога Іакова грязенъ, и только водопроводъ изъ рѣки Шведа, пять лѣтъ тому назадъ, помогъ общественному горю. Есть еще одно отличіе Митавы отъ большинства другихъ прибалтійскихъ городовъ, это — обиліе евреевъ; Эккартъ, высказывавшій много занимательнаго, находилъ присутствіе ихъ здѣсь положительно вреднымъ и любезно совѣтуетъ переселить „въ малонаселенныя мѣста центральной (?) Россіи“, гдѣ они, по его словамъ, „найдутъ соотвѣтствующія своимъ способностямъ занятія и будутъ положительно полезны“, а курляндская земля избавится отъ еврейскаго „пролетаріата, отягчающаго, какъ свинецъ“ свободное движеніе мѣстной нѣмецкой жизни.

Замокъ, въ которомъ, въ царскихъ покояхъ, помѣстились Ихъ Высочества, отдѣленный отъ города рѣкой Дриксой, счетомъ второй, построенъ на мѣстѣ стараго, воздвигнутаго въ 1265 году гросмейстеромъ Конрадомъ Медемомъ; подлѣ этого, не существующаго сегодня замка, уже въ 1345 году, разселилось предмѣстье. Нынѣшній замокъ-дворецъ былъ задуманъ герцогомъ Эрнстомъ Бирономъ, и для того, чтобы очистить ему мѣсто, старый взорванъ порохомъ. Бироновскій дворецъ былъ разсчитанъ не по размѣрамъ значенія Бирона, на 300 комнатъ, построенъ по плану Растрелли и работы начаты въ 1736 году скоро вслѣдъ за этимъ онѣ пріостановлены, Биронъ отправился въ Сибирь и хотя вернулся въ замокъ обратно и прожилъ въ немъ, уже послѣ отреченія въ пользу сына (1769), въ теченіе двадцати дней, но, тѣмъ не менѣе, планъ дворца остался невыполненнымъ и по сегодня. Замокъ построенъ въ сторонѣ отъ города, на островку, и окруженъ тѣнистыми деревьями; онъ имѣетъ главный корпусъ и два флигеля, расположенные покоемъ; всѣ они въ два этажа, съ мезониномъ; общая длина 186 саженъ, ширина 11, вышина 7; планъ послѣдней перестройки въ 1844 г. подписанъ графомъ Клейнмихелемъ. Названіе замокъ — конечно, неправильно, это скорѣе дворецъ, обращенный главнымъ фасадомъ на востокъ, къ рѣкѣ Аа, и вынесенный, если можно такъ выразиться, изъ города въ поле. Въ настоящую минуту въ немъ

живутъ: начальникъ губерніи, губернскій прокуроръ, митавскій оберъ-гауптманъ, добленскій гауптманъ и другія лица, помѣщаются нѣкоторыя присутственныя мѣста и имѣются, на случай Высочайшихъ пріѣздовъ, „Царскіе покои“. Какъ и всѣ постройки Растрелли, замокъ по соразмѣрности хорошъ и, несмотря на длину основныхъ линій, монотонности впечатлѣнія не причиняетъ. Съ 1798 по 1800 годъ жилъ здѣсь герцогъ Прованскій, впослѣдствіи король Людовикъ XVIII; въ 1805 году жилъ онъ вторично съ тѣмъ, чтобы переселиться отсюда въ Англію, и во время этого втораго пребыванія здѣсь былъ посѣщенъ Императоромъ Александромъ I. Тутъ же, въ этомъ дворцѣ, жилъ и умеръ маститый аббатъ Эджевортъ, давшій послѣднее напутствіе Людовику XVI; онъ похороненъ на митавскомъ католическомъ кладбищѣ, и памятникъ надъ нимъ поставленъ Людовикомъ XVIII, а украшенъ графомъ Шамборомъ. Въ этомъ же замкѣ былъ заключенъ бракъ дочери Людовика XVI, Маріи Терезіи, съ герцогомъ Ангулемскимъ. Въ 1812 году пруссаки обратили этотъ замокъ въ госпиталь.

Не лишенъ интереса герцогскій склепъ замка, находящійся въ подвальномъ этажѣ одного изъ флигелей; вы входите въ него прямо, непосредственно отъ зеленѣющихъ куртинъ свѣтлаго двора, высокая, грузная дверь распахивается передъ вами и открываетъ жилище смерти курляндскаго герцогскаго дома, длинное, высокое, снабженное свѣтомъ помѣщеніе; въ печатномъ спискѣ, вамъ предлагаемомъ для соображеній, перечислено 30 тѣлъ, большихъ и малыхъ. Наиболѣе замѣчательны четверо: занимающій первое мѣсто Готгардъ Кетлеръ, послѣдній гермейстеръ ливонскаго ордена, первый курляндскій герцогъ († 1587); занимающій десятое мѣсто герцогъ Іаковъ († 1681), создатель города Якобштадта, предстоящаго Великокняжескому посѣщенію ровно черезъ недѣлю, не стѣснявшій православія, любившій, несмотря на незначительность герцогства, широкую колоніальную политику и оставившій послѣ себя видимый и не безполезный слѣдъ въ каналѣ, несущемъ его имя; герцогъ Іаковъ заключилъ даже торговое и мореплавательное условіе съ Кромвелемъ, думалъ купить у Испаніи островъ Тринидадъ и владѣлъ въ Вестъ-Индіи островомъ Табаго, а у береговъ Гамбіи фортомъ св. Андрея. Нумера 21 и 22 заняты знаменитымъ герцогомъ Эрнстомъ

Бирономъ († 1772) и его женою Бенигною Готлибъ († 1782). Эти два гроба подлежатъ открыванію для публики. Черты лица Бирона сохранились очень хорошо и легко узнаваемы по портретамъ; толкуютъ, будто носъ его былъ когда-то сломанъ и замѣненъ деревяннымъ; на головѣ герцога обильный бѣлыми волосами парикъ; на побурѣвшемъ черномъ бархатномъ плащѣ вышита андреевская звѣзда; бѣлые, шелковые чулки тоже побурѣли и ерзаютъ складками по высохшимъ костямъ; на ногахъ кожаные башмаки, изъ-подъ рукавовъ виднѣются пожелтѣвшія кружева. Лицо герцога, на которомъ видны червоточины, сохранилось лучше лица герцогини, одѣтой въ длинный, бѣлый шелковый балахонъ, обшитый кружевами. Такъ какъ оба они лежатъ подлѣ самой двери, то, при открываніи гробовъ, обильно заливаются дневнымъ свѣтомъ. Подлѣ нѣкоторыхъ изъ гробовъ, большею частію вычурныхъ, металлическихъ, красуются старыя китайскія вазы, сохраняющія внутренности усопшихъ.

Одна изъ любопытнѣйшихъ страничекъ исторіи Митавы подробно разработана покойнымъ Щебальскимъ и стоитъ того, чтобы быть приведенною на память. Она разыгралась здѣсь въ 1726 и 1727 годахъ и главными лицами въ ней являются два видные дѣятеля конца прошлаго вѣка, люди до такой степени противоположные по внѣшности, обстановкѣ, взглядамъ, до такой степени особняки, каждый въ своемъ родѣ, какъ цвѣтки особыхъ культурыхъ развитій, что лучшей темы для литературнаго произведенія, какъ описаніе этой ихъ встрѣчи, найти невозможно. Дѣло шло о коронѣ маленькаго герцогства Курляндскаго и претендентами на нее явились графъ Морицъ Саксонскій, незаконный сынъ короля польскаго Августа Саксонскаго и Авроры Кенигсмаркъ, и нашъ, маститый въ тѣ дни, любимецъ усопшаго уже Петра I, Меншиковъ. Морицъ, юный красавецъ, тюильрійскій герой, дуэлистъ, полководецъ, танцоръ, волокита, авантюристъ, игрокъ и спортсмэнъ одновременно, являлся воплощеніемъ идеала двора Лудовика XIV и шашней Сенъ-Клу и Тріанона; нашъ Александръ Даниловичъ, въ то время уже на склонѣ лѣтъ, пережившій съ Петромъ I все его царствованіе, схоронившій Петра, стоялъ безусловнымъ почти повелителемъ судебъ Имперіи Русской, — Имперіи, чувствовавшей себя не особенно прочно въ слабыхъ женскихъ рукахъ. Судьбѣ

угодно было свести этихъ двухъ людей, поставить лицомъ къ лицу въ погонѣ за однимъ и тѣмъ же лакомымъ предметомъ — за курляндской короной, Морица Саксонскаго, окруженнаго кучкой солдатъ-наемниковъ, собранныхъ отовсюду, и Меншикова съ усачами солдатами, видавшими Петра Великаго, слышавшими его голосъ, людьми изъ-подъ Лѣсной и Полтавы, назначенными продѣлать французскую авантюру, не вѣдая сами того, что творятъ. Сцена разыгралась въ Митавѣ.

Завязалось это дѣло еще при Петрѣ. Лютеранская Курляндія имѣла въ началѣ XVIII вѣка герцога номинальнаго, назначеннаго ей католическою Польшей, католика по вѣроисповѣданію, человѣка сомнительной храбрости, убѣжавшаго изъ подъ Нарвы прямо въ Данцигъ и не показывавшагося въ свое герцогство; это былъ Фердинандъ. Когда, послѣ подчиненія Шлиссельбурга, Нарвы, Ревеля и Риги, Петръ I прибылъ въ Митаву, то объявилъ рыцарству-дворянству, искавшему герцога, что уже условился съ королемъ прусскимъ женить его племянника Фридриха-Вильгельма на русской принцессѣ, чѣмъ обрисовалась для Курляндіи возможность болѣе прочнаго герцога въ будущемъ.

Курляндское рыцарство, ненавидѣвшее обрѣтавшагося въ Данцигѣ Фердинанда, отправило въ Петербургъ посольство для переговоровъ о бракѣ принцессы Анны Іоанновны; выговорено 200.000 рублей денегъ приданаго и по 40.000 рублей въ годъ принцессѣ, въ случаѣ смерти мужа. Слѣдовала, какъ извѣстно, свадьба, а затѣмъ быстрая смерть отъ оспы ея молодаго супруга.

Курляндское рыцарство просило тогда вдовствующую Анну Іоанновну жить въ Курляндіи и самой управлять своими имѣніями, что она и исполнила, и находилась поперемѣнно то въ Митавѣ, то въ Анненгофѣ. Открывшаяся снова герцогская вакансія подала мысль депутату отъ Курляндіи въ Варшавѣ, Бракелю, устроить бракосочетаніе вдовствующей русской принцессы со знаменитымъ Морицемъ Саксонскимъ, незаконнымъ сыномъ короля польскаго Августа, того именно, въ столицѣ котораго состоялъ депутатомъ отъ Курляндіи Бракель. Морицъ былъ смѣлъ, красивъ, ловокъ, славенъ въ стилѣ тюильрійскаго героизма, съ фантастическимъ и пикантнымъ прошедшимъ; кромѣ того, онъ былъ сыномъ Августа польскаго, въ ленной зависимости отъ котораго находилась Курляндія; чѣмъ не женихъ для вдовствующей

и скучающей молодой принцессы? король Августъ высказался, конечно, за это предпріятіе въ пользу сына; онъ оказался даже настолько заинтересованнымъ, что, не имѣя возможности получить государственную печать Польши для приложенія ея къ документу, писанному съ этою цѣлію курляндскому ландтагу, — документу, не соотвѣтствовавшему взглядамъ польскихъ католическихъ магнатовъ, воспользовался существованіемъ другой государственной печати — литовской и нарочно съ этою цѣлью ѣздилъ въ Вильну, гдѣ дѣйствительно печать эту получилъ и къ документу приложилъ. Согласіе короля на этотъ бракъ, устроенное депутатомъ Бракелемъ и вполнѣ любезное курляндскому рыцарству, обусловило то, что въ Митавѣ 28-го іюня 1726 года собрались 40 депутатовъ и порѣшили выбрать Морица Саксонскаго герцогомъ и ходатайствовать о совершеніи предположеннаго бракосочетанія.

Когда, казалось, всѣ итоги были близки къ общему своду, когда появленіе красавца Морица въ Митавѣ и впечатлѣніе имъ произведенное на скучающую вдовствующую принцессу только усилило надежды на свадьбу, неожиданно сильные размѣры стало пріобрѣтать то, что, въ качествѣ болѣе или менѣе прочныхъ слуховъ и таинственныхъ дипломатическихъ депешъ, давно уже носилось въ воздухѣ, — а именно возникновеніе чисто русскаго кандидата. Слухъ этотъ получилъ неожиданное подкрѣпленіе въ очень рѣзкомъ фактѣ прибытія Меншикова въ Ригу. Меншиковъ въ тѣ дни былъ всесиленъ, и кандидатура его оказывалась далеко не шуточною, тѣмъ болѣе, что, благодаря именно этому всесилію его, многіе изъ дипломатическихъ подходовъ могли быть подтасованы и дѣйствительно подтасовывались по его изволенію.

Принцесса Анна не замедлила пріѣхать къ Меншикову въ Ригу, и между ними произошелъ какой-то разговоръ, въ которомъ, будто бы, такъ гласитъ по крайней мѣрѣ письмо Меншикова къ Императрицѣ въ Петербургъ, принцесса отказалась отъ свадьбы съ „сыномъ метрессы“ и желала, чтобъ онъ, Меншиковъ, ѣхалъ въ Митаву. Это было писано въ томъ же духѣ и съ тою же цѣлью, съ которою раньше того подстроено было Меншиковымъ сообщеніе изъ Митавы въ Петербургъ о томъ, „что сословія герцогства не только склонны къ кандидатурѣ его,

Меншикова, но и прямо высказываютъ желаніе имѣть герцогомъ именно его".

Не дождавшись положительныхъ указаній изъ Петербурга или, правильнѣе, продолжая дѣйствовать на свой страхъ, Меншиковъ, закусивъ удила, является вдругъ въ Митавѣ, собираетъ, почти насильно, депутатовъ, говоритъ съ ними, съ геральдическимъ и гордымъ рыцарствомъ, дерзко, грубо и угрожаетъ имъ, при нежеланіи ихъ согласиться, ссылкой въ Сибирь и занятіемъ края русскими экзекуціонными войсками.

Если характерно все сказанное, то еще болѣе картиннымъ является свиданіе, состоявшееся между Меншиковымъ и Морицемъ, посѣтившимъ своего старческаго конкуррента на герцогскую корону, по пріѣздѣ его въ Митаву. Что они говорили? какъ говорили? документовъ нѣтъ, но извѣстно, что Морицъ вызывалъ Меншикова на поединокъ и что отъ герцогскаго трона онъ не отказался. Юный графъ догадался также сообщить въ Петербургъ Остерману, между прочимъ, объ угрозахъ Меншикова депутатамъ, и тогда-то, рескриптомъ 10-го іюля, повелѣно Меншикову вернуться на берега Невы. Это ускорило развязку и пущены въ дѣйствіе войска.

Морицъ Саксонскій вербовалъ свои „войска" въ западной Европѣ и на это давали ему деньги многіе, очень многіе, а актриса Андріенна Лекувреръ заложила даже свое ожерелье! „войска" эти, собранныя въ Люттихѣ, въ числѣ 1.800 человѣкъ, прибыли наконецъ въ Митаву, лишившись по пути тысячи человѣкъ, но смѣлому маршалу, въ любой рукѣ котораго сидѣла цѣлая армія, оказывалось достаточно и этой кучки — онъ былъ окруженъ своими людьми. Меншиковъ, переѣхавшій обратно въ Ригу, тоже рѣшился на крайнюю мѣру и послалъ въ Митаву 800 человѣкъ солдатъ съ приказаніемъ полонить Морица Саксонскаго въ домѣ, имъ занимаемомъ. Нападеніе послѣдовало въ глубокую ночь, и мирный сонъ жителей Митавы нарушенъ ружейными выстрѣлами; изъ „войскъ" Морица при немъ находилось тогда только 60 человѣкъ, но бой тѣмъ не менѣе состоялся, такъ какъ Морицъ былъ далеко не изъ робкихъ. Свалка длилась не долго; оказалось однако 16 убитыхъ и 60 раненыхъ, и прекращена она только появленіемъ лейбъ-гвардейцевъ принцессы Анны, разогнавшихъ сражавшихся. 17-го іюля Меншиковъ отпра-

вился въ Петербургѣ, а въ декабрѣ шествовалъ далѣе, по пути въ Березовъ. Немного болѣе года оставался Морицъ въ Митавѣ. Послѣдній актъ его пребыванія здѣсь носитъ на себѣ, въ полномъ смыслѣ этого слова, характеръ оперетки. Имѣя по сосѣдству внушительныя военныя русскія силы, собранныя подлѣ Риги подъ начальствомъ Ласси, онъ укрѣпляется на близкомъ къ Виндавѣ Усмайтенскомъ озерѣ, на островкѣ его. Ласси былъ человѣкомъ вполнѣ подходившимъ къ той роли, которая ему предстояла: онъ обошелся привѣтливо и умѣло съ курляндскимъ рыцарствомъ и 17-го августа 1727 года обложилъ воинственное озеро. Морицъ имѣлъ тогда до 3.000 солдатъ; въ ночь на 19-е августа, на лодочкѣ, тайкомъ съѣхалъ онъ на берегъ и бѣжалъ къ себѣ, въ ту западную Европу откуда пришелъ. Послѣ не особенно долгихъ мѣропріятій, въ 1795 году, Курляндія, какъ извѣстно, подчинилась Россіи вполнѣ и безусловно.

Утромъ слѣдующаго по прибытіи въ Митаву дня, 21-го іюня, Его Высочество, на такъ-называемомъ лагерномъ мѣстѣ, за городомъ, не вдали отъ франмасонскаго дома съ грибообразною крышей, произвелъ смотръ расположеннымъ въ Митавѣ войскамъ: баталіону 114-го пѣхотнаго Новоторжскаго полка и 5-й ротѣ 16-го резервнаго баталіона, посѣтилъ лагерь и пробовалъ въ баталіонныхъ кухняхъ пищу, хлѣбъ и квасъ. Лагерь былъ расцвѣченъ флагами и гирляндами, и народъ, разсыпанный по полю, принималъ живое участіе въ судьбахъ ученія съ пальбою. Войскамъ было сказано: „спасибо", а губернатору выражено Его Высочествомъ желаніе отвода войскамъ постояннаго лагернаго мѣста, не мѣняющагося изъ года въ годъ, для того, чтобы войска могли быть въ своемъ лагерѣ хозяевами и устраивались, по примѣру другихъ постоянныхъ лагерей, съ наибольшими для себя удобствами. Сопровождаемый бѣгущею толпой, Его Высочество направился отъ лагеря въ городъ къ Новоторжскимъ казармамъ; казармы эти, очень хорошія, съ широкими дворами, просторными постройками, перешли къ войскамъ лѣтъ пять тому назадъ и напоминаютъ, отчасти, отличныя казармы финскаго баталіона въ Выборгѣ, но, какъ говорятъ, не особенно теплы зимой; часть построекъ фахверковая, а офицерскихъ квартиръ нѣтъ совсѣмъ.

Совмѣстно съ Ея Высочествомъ осмотрѣнъ длинный рядъ раз-

личныхъ учрежденій. Предъ входомъ въ одно изъ нихъ произошла характерная сценка. Такъ какъ къ пріѣзду Высокихъ Гостей срублено было для украшенія много березокъ и елочекъ, то разорено гнѣздо какой-то маленькой птички, съ тоскливымъ пискомъ метавшейся вокругъ; причина писка объяснилась очень скоро: по травѣ въ разныхъ мѣстахъ давали знать о себѣ еле оброставшіе перышками птенчики. Предупреждая желаніе Великой Княгини, многіе изъ народа пустились подбирать птенчиковъ, и, ко времени отбытія отъ казармы, всѣ птенчики сидѣли на елочкѣ рядкомъ, крылышкомъ къ крылышку, а мать успокоилась, расположившись повыше ихъ на самой вершинкѣ, имѣя всѣхъ дѣтей подъ собой.

На берегу канала Іакова, совсѣмъ за городомъ, находится учрежденіе глухонѣмыхъ, пріютившее 40 человѣкъ дѣтей и содержимое на счетъ дворянства и земства. Глухіе отъ рожденія, обученные разговору по движенію губъ, произнесли небольшія привѣтственныя рѣчи и удостоились ласковаго слова Ихъ Высочествъ. Съ неменьшимъ вниманіемъ осмотрѣно учрежденіе діаконисъ, сестеръ милосердія, при которомъ имѣются больница и школа, основанное, кажется, въ 1865 году на капиталъ въ 35.000 руб., пожертвованный графинею Медемъ; здѣсь же, за взносъ 200—300 руб. въ годъ, находятъ помѣщеніе и содержаніе неимущіе и больные изъ образованныхъ классовъ.

Въ посѣщенномъ вслѣдъ затѣмъ Александровскомъ городскомъ училищѣ (127 учениковъ — 19 русскихъ, 80 лютеранъ и 28 евреевъ), основанномъ въ 1841 году въ память бракосочетанія Цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи Императора Александра II; изъ отвѣтовъ на вопросы, предложенные Великимъ Княземъ, оказалось, что обученіе русскому языку идетъ настолько успѣшно, что при переходѣ во второй классъ всѣ дѣти уже говорятъ по-русски; это училище преобразовано въ двухклассное въ 1867 году, а въ трехклассное — въ 1885.

Цифровыя данныя, очень характерныя, о посѣщенной Ихъ Высочествами Митавской мужской гимназіи, слѣдующія: учениковъ 588, изъ нихъ:

Русскихъ	11
Нѣмцевъ	315
Поляковъ	64

Литовцевъ 32
Латышей 66
Евреевъ 100

Это оригинальнѣйшая, по составу учениковъ, гимназія; слѣдуетъ замѣтить, что изъ числа показанныхъ 315 нѣмцевъ, болѣе половины латышей, причисленныхъ къ нѣмцамъ, или потому, что они онѣмечены, или потому только, что говорятъ по-нѣмецки. Гимназія эта содержится исключительно на наши русскія деньги. Она учреждена въ 1775 году подъ названіемъ „Academia Petrina“, преобразована въ 1804 году въ такъ называемый „Gymnasium illustre“ о трехъ классахъ, въ 1820 году въ гимназію съ 5, а въ 1860 году съ 7 классами. Теперь въ ней 7 основныхъ и 7 параллельныхъ классовъ и два приготовительные. Русскіе мундиры синяго сукна на начальствующихъ лицахъ несомнѣнно свидѣтельствовали о томъ, что эта гимназія правительственная, а число русскихъ учениковъ, 11 мальчиковъ на 588. доказываетъ совершенно наглядно, что о какой-либо исключительности тутъ не можетъ быть и рѣчи. Зданіе въ полномъ смыслѣ роскошно; не много такихъ гимназическихъ зданій въ Россіи. Но и тюрьмою своею можетъ Митава по справедливости гордиться; между тѣмъ, какъ въ великой Россіи множество тюремныхъ замковъ ветшаетъ и кубическое содержаніе въ нихъ воздуха, по количеству заключенныхъ, не удовлетворяетъ самымъ основнымъ гигіеническимъ условіямъ — митавская тюрьма, построенная на казенныя русскія деньги, является настоящимъ palazzo съ роскошными корридорами, чугунными лѣстницами. особымъ рабочимъ домомъ. Нельзя было отклонить отъ себя докучливую мысль о томъ: почему же именно на долю прибалтійскаго края выпадали такіе лакомые кусочки государственной смѣты? тюрьма построена 9 лѣтъ назадъ и стоила около 100.000 руб.; помѣщенія въ ней на 200 человѣкъ арестантовъ; зимою помѣщается и больше.

Невольно вызывалъ на подобное же сравненіе и лютеранскій соборъ, посвященный Ихъ Высочествами; тогда какъ православнаго храма, дома молитвы первенствующей въ Россіи, а слѣдовательно и здѣсь, церкви — надобно поискать, прежде чѣмъ найти: лютеранскій храмъ о трехъ нефахъ на круглыхъ столбахъ, подъ круглыми арками, изъ которыхъ средній нефъ значительно выше.

съ высокимъ шпицемъ, виденъ отовсюду издали; алтарь расположенъ въ углубленіи и освѣщенъ цвѣтными стеклами; въ церкви есть и скульптура, и живопись; много фигурокъ, совершенно бѣлыхъ, разбросано по бѣлому канцелю, а органъ хорошъ и силенъ.

Никакому сравненію не подлежитъ, внѣ сравненія, внѣ конкурренціи по своей характерности, осмотрѣнный Ихъ Высочествами „Adelige St. Catharinen-Stift“, нѣчто въ родѣ пріюта (иначе не перевести) благородныхъ престарѣлыхъ дѣвицъ и вдовъ, основанный въ 1775 году, какъ гласитъ объ этомъ старая надпись на старомъ домѣ, вдовою бывшаго лифляндскаго губернатора, Катериною фонъ Бисмаркъ. Пріютъ былъ разсчитанъ сначала на помѣщеніе 8 женщинъ, курляндскихъ дворянокъ „безъ различія вѣроисповѣданія“, причемъ дѣвицамъ отдавалось предпочтеніе предъ вдовами, но съ теченіемъ времени, вслѣдствіе новыхъ вкладовъ, изъ которыхъ послѣдній внесенъ графинею Ливенъ въ 1880 году, явилась возможность прибавить еще восемь вакансій. Всѣ эти 16 дамъ подчинены настоятельницѣ „Aebtissin“ и куратору, т. е. двумъ начальствующимъ лицамъ изъ курляндскаго дворянства. При самомъ началѣ учрежденія, имѣющаго несомнѣнно добрую сторону, оно было утверждено королемъ польскимъ Станиславомъ Августомъ въ 1788 году; король далъ всѣмъ дамамъ и обоимъ лицамъ, завѣдывающимъ учрежденіемъ, для ношенія на шеѣ особый крестъ, голубой, подъ золотою короной, на голубой лентѣ съ бѣлымъ кантомъ, напоминающій очертаніемъ прусскій „pour le mérite“. Дамы получаютъ, помимо помѣщенія и стола, ежегодную пенсію въ 125 р. Капиталъ учрежденія 100.000 рублей, отъ поры до времени увеличивается пожертвованіями; кое-что даетъ отъ себя курляндское дворянство и благотворители. При входѣ Ихъ Высочествъ въ залу, они привѣтствованы настоятельницею и куратором; дамы, большею частью пожилыя, были въ черныхъ шелковыхъ платьяхъ, на грудяхъ ихъ красовались на голубыхъ лентахъ красивые голубые кресты. Со стѣны глядѣлъ портретъ основательницы, госпожи Бисмаркъ, писанный масляными красками живописцемъ весьма посредственной руки. Нѣсколько милостивыхъ словъ Ихъ Высочествъ, обращенныхъ къ дамамъ, вызывали болѣе или менѣе глубокіе реверансы и отвѣты на заданные вопросы. Мужъ

основательницы учрежденія, лифляндскій губернаторъ Лудольфъ Бисмаркъ, одновременно съ Биромомъ сосланъ въ Сибирь, помилованъ въ 1750 году и умеръ въ Полтавѣ. Къ столѣтію учрежденія, въ 1875 году, пріютъ получилъ поздравительную телеграмму отъ германскаго канцлера.

Вольная пожарная команда Митавы, представившаяся Ихъ Высочествамъ на площади противъ ратуши, очень многочисленна, въ ней около 400 человѣкъ, но на смотру было не болѣе 250; та же военная выправка, тѣ же командныя слова, что и вездѣ.

Въ тотъ же самый день, оставаясь вѣрными однажды утвержденной программѣ — оказывать равное вниманіе всѣмъ народностямъ, обитающимъ въ балтійскихъ губерніяхъ, Ихъ Высочества посѣтили такъ называемый Медемскій садъ, принадлежащій латышскому обществу, гдѣ прослушали исполненіе нѣсколькихъ хоровыхъ пѣсенъ. И тутъ, какъ при многихъ посѣщеніяхъ не нѣмецкихъ учрежденій, отсутствовалъ, напримѣръ, городской голова, который, въ силу значенія той цѣпи, которую носитъ, обязательно долженъ бы былъ находиться на лицо. Это отсутствіе нѣмецкаго элемента въ средѣ латышскаго общества, удостоеннаго Высокаго посѣщенія, не могло быть не замѣчено и должно было неминуемо войти въ число тѣхъ впечатлѣній, которымъ предстояло опредѣлиться и обусловить нѣкоторые общіе выводы за все время пути. Это „отсутствіе по народностямъ“, свидѣтельствовало несомнѣнно о существованіи въ краѣ глубокой, укоренившейся и вовсе нежелательной розни.

Много любопытнаго, рѣдкаго и получительнаго представляла устроенная въ Митавѣ, еще за мѣсяцъ до прибытія Ихъ Высочествъ, культурно-историческая выставка. Мы уже упоминали о томъ похвальномъ уваженіи, которое питаютъ нѣмцы къ своему прошедшему; это уваженіе сказывается, между прочимъ, и въ томъ, какъ бережно сохраняютъ они всякія семейныя реликвіи, всякія бездѣлушки, такъ или иначе попавшія въ семью. Такъ какъ судьбы прибалтійскаго дворянства были таковы, что, съ одной стороны, оно находилось въ прямыхъ сношеніяхъ еще съ крестоносцами, съ императорами священной римской имперіи, съ корифеями католичества и протестанства, а, съ другой — съ развитіемъ русской земли, въ особенности съ петровскаго времени; такъ какъ судьбѣ угодно было, чтобы сыновья балтійскихъ

губерній занимали въ Россіи множество высшихъ постовъ, военныхъ и гражданскихъ (въ XVIII вѣкѣ было изъ нихъ, въ разныхъ странахъ, не исключая, конечно, Россіи, по словамъ Эккарта, 21 фельдмаршалъ и множество генераловъ), то понятно, что и вещественныхъ воспоминаній хранится у нихъ видимо-невидимо. Предполагали устроить выставку отъ всѣхъ трехъ губерній, но состоялась отдѣльно курляндская и Его Высочество, относящійся несомнѣнно къ числу знатоковъ въ дѣлѣ археологіи и художествъ, почтилъ выставку, совмѣстно съ Великою Княгиней, подробнымъ осмотромъ; надо сказать, что она стоила этого, въ особенности потому, что люди, спеціально знакомые съ отдѣлами, находились тутъ же и давали объясненія.

Въ 1.400 нумеровъ каталога, распредѣленныхъ очень систематически по отдѣламъ, пришлось видѣть предметы дѣйствительно любопытные. Старѣйшій отдѣлъ — это языческое время края, металлическіе и каменные слѣды раскопокъ, причемъ, какъ въ Египтѣ находили сѣмена и остатки кухонныхъ приготовленій, такъ и здѣсь, въ Терветенѣ, найденъ доисторическій ячмень. Особенно интересны ожерелья и браслеты, извѣстныя здѣсь подъ именемъ Варенброкскихъ и Анненбургскихъ, и модели такъ-называемыхъ „крестьянскихъ горъ“, о которыхъ мы говорили въ письмѣ изъ Аренсбурга; послѣднія, числомъ около 200, изслѣдованы пасторомъ Биленштейномъ, находившимся на выставкѣ и составившимъ своимъ раскопкамъ подробныя карты. Трудно перечислить все наиболѣе замѣчательное въ длинныхъ рядахъ всякихъ фарфоровъ, табакерокъ, кубковъ, рѣзьбы изъ дерева и слоновой кости, всякихъ инкрустацій, медальоновъ, оружія, монетъ, одѣяній, миніатюръ, рисунковъ, образчиковъ печатнаго дѣла. Упомянемъ только о нѣсколькихъ, замѣчательныхъ, вслѣдствіе той или другой причины. Курляндія имѣла свой собственный орденъ „de la reconnaissance“ –„Благодарности“, бѣлый мальтійскій крестъ, на серебряной, краснымъ окаймленной, лентѣ, носившій надпись „pour les honnêtes gens“, разсчитанный на 12 курляндскихъ и 12 иностранныхъ кавалеровъ ордена и основанный, между прочимъ, для усиленія связи между герцогомъ и дворянствомъ; орденъ этотъ не пережилъ своего основателя, герцога Фридриха Вильгельма, супруга принцессы Анны Іоанновны. Исключительно нѣмецкаго характера имѣвшіеся на лицо „вѣер-

ные альбомы", въ которыхъ на складкахъ вѣеровъ написаны автографы болѣе или менѣе замѣчательныхъ людей, знакомыхъ когда-то владѣлицѣ вѣера; наиболѣе замѣчателенъ тотъ, что принадлежалъ г-жѣ фонъ-Рекке, съ автографами Гёте, Клопштока, Гердера и др.; еще болѣе надписей въ настоящихъ альбомахъ, на которые въ XVIII вѣкѣ былъ великій урожай, и которыхъ на выставкѣ имѣлось нѣсколько. Не лишенъ былъ интереса генеалогическій рядъ портретовъ, писанныхъ масляными красками на холстѣ, съ изображеніями всѣхъ герцоговъ изъ дома Кетлера: это цвѣтныя иллюстраціи къ тѣмъ темнымъ, холоднымъ гробамъ которые сохраняются въ подвальномъ этажѣ одного изъ флигелей митавскаго замка; хороши портреты Паткуля и Бирона. Слѣдуетъ помянуть о „первой латышской книгѣ", напечатаной ровно 300 лѣтъ назадъ, не столько во вниманіе къ ней самой, сколько по отношенію къ недавнему отзыву о ней „Rigasche Zeitung": газета видитъ въ книгѣ „фундаментъ того памятника, который воздвигло себѣ лютеранское духовенство своими не эгоистическими заботами о латышскомъ народѣ", а нѣсколько строкъ спустя совѣтуетъ торопиться „собирать исчезающіе остатки національныхъ особенностей латышскаго народа"; это почти иронія: выходитъ что „заботы" лютеранскаго духовенства о латышахъ направлены были на „уничтоженіе" этого народа? такъ-ли это и не рано-ли? въ числѣ предметовъ церковнаго характера надо вспомнить о старой гробовой доскѣ съ изображеніемъ страшнаго суда; купель 1704 года, подарокъ баусской церкви отъ нѣкоей госпожи Шультъ, во вниманіе къ тому, что ей довелось видѣть 300 человѣкъ своего прямаго потомства. О добросовѣстности храненія вообще свидѣтельствуетъ собраніе митавскихъ афишъ съ конца XVII по начало XIX вѣка: надобно же было имѣть терпѣніе и послѣдовательность, чтобы собирать афиши въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія? любопытенъ кубокъ, вмѣщающій 8 бутылокъ, который нѣкто Офенбергъ осушалъ сразу; любопытна небольшая фотографія остатковъ перваго епископа Мейнгарда († 1196): при передѣлкѣ рижскаго собора въ 1883 году ихъ вскрывали и нашли, что кости сложены въ небольшой четырехъугольный ящикъ, а не во всю длину человѣка. Наглядным свидѣтельствомъ того, какъ свѣваются временемъ старые рыцарскіе замки,

служили рисунки двадцатыхъ годовъ: развалины, которыя имѣлись тогда налицо, теперь не существуютъ.

Совершенно самостоятеленъ былъ отдѣлъ грамотъ и хартій, которыя находятся здѣсь въ великомъ почетѣ, далеко не всѣ по праву и значенію. Старѣйшая 1245 года; тутъ же имѣлись налицо копія знаменитой Pacta Subjectionis 1561 Сигизмунда, о которой упоминается въ грамотѣ Петра I, Formula regiminis 1617 и всякія подтвержденія правъ и привилегій курляндскаго дворянства. Къ числу способовъ, способствовавшихъ сохраненію грамотъ въ балтійской странѣ, должно отнести напримѣръ и слѣдующій: когда шведское правительство потребовало отъ лифляндскаго дворянства подлинной грамоты Сигизмунда, оно представило только копію съ нея, объяснивъ что подлинная затерялась; нѣчто сходное имѣло мѣсто и съ былыми требованіями нашего правительства. Вообще всякимъ грамотамъ въ этомъ краѣ нѣтъ числа и митавская выставка доказывала это. Не виднѣлось между ними только основнаго документа „Грамоты Петра I“ и по причинамъ весьма существеннымъ. Вотъ онѣ, въ нѣсколькихъ словахъ.

Когда, въ концѣ 1709 года, Петръ I завоевалъ прибалтійскую страну и желалъ избѣгнуть лишняго кровопролитія при взятіи городовъ Риги, Ревеля и Пернова, то обнародовалъ „Универсалъ“— воззваніе, обѣщавшее сохранить евангелическое вѣроисповѣданіе и дворянству его привилегіи. На это воззваніе отвѣта не послѣдовало, и тогда приступили къ осадѣ Риги и Пернова, и они сдались на капитуляцію въ 1710 году, Рига Шереметеву 4-го іюля, Перновъ Бауэру 12-го августа. При сдачѣ имъ были предложены такъ называемые „Аккордные пункты“, частью утвержденные генералами, частью отложенные до утвержденія царемъ. Въ Эстляндіи Петръ I тоже обнародовалъ воззваніе 16-го августа 1710 года, и, вслѣдствіе неполученія отвѣта, начата вторая осада Ревеля, сдавшагося Бауэру на капитуляцію 29-го сентября 1710 года, утвердившему тоже часть аккордныхъ пунктовъ. Затѣмъ дворянство и гражданство, до утвержденія Высочайшею властію аккордныхъ пунктовъ, присягнули на подданство Россіи. Заключенныя капитуляціи были большею частью утверждены Петромъ I, и дворянству Лифляндіи и Эстляндіи, и городамъ Ригѣ и Ревелю выданы жалованныя гра-

моты. О маленькой Курляндіи, составлявшей въ то время особое герцогство, въ грамотахъ не могло быть и помину.

Вотъ дословно содержаніе основной грамоты Петра I:

„Черезъ сіе вѣрному нашему рыцарству и земству въ Лифляндіи и ихъ наслѣдникамъ всѣ ихъ напредь сего благопріобрѣтенныя привилегіи, съ которыми намъ уже поддались, а особливо привилегію Сигизмунда-Августа, данную въ Вильнѣ 1561 года, статуты, рыцарскія права вольности, принадлежности (елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются), праведныя владѣнія и собственности, какъ тѣ, которыми они дѣйствительно владѣютъ и пользуются, такъ и тѣ, которые они отъ своихъ предковъ по своимъ правамъ и принадлежностямъ притязаніе имѣютъ; за насъ, и за нашихъ законныхъ наслѣдниковъ, симъ и силою сего милостивѣйше подтверждаемъ и укрѣпляемъ и обѣщаемъ, что они и ихъ наслѣдники какъ прямо и справедливо есть при всемъ томъ совершенно и непрестанно содержаны и охранны будутъ, однакожъ наше и нашихъ государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда“.

Смыслъ этой грамоты, во вниманіе къ оговоркамъ, начинающимся словами „елико“ и „однакожъ“, совершенно ясенъ: привилегіи дворянству были даны условно и на время. Никакими силлогизмами, никакою схоластикою, изъ этой грамоты „вѣчности“ привилегій не вывести и признать ее за „договоръ“ между двухъ сторонъ нельзя. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что, совершенно основательно сомнѣваясь въ непоколебимости своихъ привилегій, прибалтійское дворянство, при каждомъ новомъ царствованіи, всегда испрашивало ихъ подтвержденія. Права эти дѣйствительно подтверждались, чѣмъ не устранялось „елико“ и „однакожъ“ грамоты. При Петрѣ II, Елисаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II, сдѣланы прямыя ссылки на конфирмацію Петра I, а въ позднѣйшихъ грамотахъ, начиная отъ Александра I, при Императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II, говорится о подтвержденіи привилегій „елико онѣ сообразны съ общими государства нашего постановленіями и законами“. Нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ привилегіи эти пока еще не подтверждены.

Нельзя не замѣтить, говоря объ этомъ любопытномъ пред-

метѣ, что одна изъ ссылокъ, которыя дѣлаются защитниками „неизмѣнности“ привилегій, а именно ссылка на Ништадтскій миръ 1721 года, якобы подтвердившій ихъ, — совершенно невѣрна: миръ этотъ заключенъ былъ не съ дворянскими обществами, уже находившимися въ подданствѣ Россіи, а со шведскимъ правительствомъ. Любопытно и то, что впослѣдствіи постоянно просило о подтвержденіи своихъ правъ и эзельское дворянство, не имѣвшее ничего общаго ни съ жалованною грамотой Петра, ни съ подтвержденіями. Еще любопытнѣе отношеніе къ этимъ подтвержденіямъ курляндскаго дворянства: отрекшись ленной зависимости отъ Польши, на ландтагахъ 6-го и 16 марта 1795 года, дворянство это рѣшило подчиниться Россіи безусловно и непосредственно, что не помѣшало ему впослѣдствіи тоже ходатайствовать о подтвержденіи правъ, которыхъ оно не получало, что и исполнялось, но всегда съ оговоркою „елико“ и т. д.

Вотъ основныя причины вслѣдствіе которыхъ, можно думать, на митавской культурно-исторической выставкѣ грамоты Петра I, на которой нѣмецкое дворянство основываетъ гораздо больше правъ, чѣмъ слѣдуетъ, не было.

Около шести часовъ вечера втораго дня пребыванія въ Митавѣ Ихъ Высочества отбыли на небольшомъ пароходѣ „Аа“, принадлежащемъ городу Ригѣ, въ Тетельмюнде, имѣніе барона Бера, находящееся на берегу рѣки, давшей имя пароходу; около часу пути до имѣнія двигались мы между низменныхъ береговъ Аа, отличающихся своими поемными роскошнѣйшими лугами. Въ Тетельмюнде былъ устроенъ народный праздникъ и собраны латыши отъ 89 обществъ митавскаго уѣзда. Огромное количество дворянъ, въ мундирахъ съ красными воротниками и во фракахъ, множество отставныхъ, прежде служившихъ въ русской службѣ, и тутъ привѣтствовали Августѣйшихъ Гостей при сходѣ ихъ съ парохода и при подъемѣ на довольно крутой берегъ. Роль нашихъ становыхъ исполняли выборные отъ дворянства, въ дворянскихъ мундирахъ, ассесоры гауптманскаго суда; гауптманъ, по нашему исправникъ, тоже выборный, въ мундирѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ револьверомъ и шашкою черезъ плечо, какъ и исправники, находился при исполненіи своихъ обязанностей.

Самый праздникъ состоялъ изъ танцевъ и угощенія для на-

рода. Народное латышское одѣяніе, какъ на женщинахъ такъ и на мужчинахъ, исчезло совершенно, равно какъ и пляска. Плясали кадрили и польки; на рукахъ деревенскихъ дамъ виднѣлись, гдѣ сомнительно бѣлыя лайковыя, гдѣ вязаныя, бурыя, шерстяныя перчатки; кавалеры плясали какъ-то съ кандачка, съ выверткой, нерѣдко придерживая руку дамы на сердцѣ и устремляя глаза куда-то въ неопредѣленную даль. Мало-мальски красивыхъ женщинъ не было; а такъ какъ митавская окрестность, какъ говорили, славится красавицами, то отсутствіе таковыхъ было, конечно, случайно. Народное только и слышалось иногда въ очень хорошихъ пѣсняхъ хора ирмлауской семинаріи (о которой слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ...), въ особенности въ старинномъ языческомъ припѣвѣ, то и дѣло повторяемомъ „Лиго!“ (Lihgoi!). А между тѣмъ близехонько отсюда, не далѣе 10 верстъ, шла когда-то граница воинственной героической Семигаліи, долѣе другихъ отстаивавшей свою независимость? замѣтимъ кстати, что отзывы мѣстнаго военнаго начальства сообщаютъ о томъ что, латыши отличные солдаты, такъ что въ этой военной жилкѣ, хотя безсознательно, продолжаетъ жить въ нихъ историческое воспоминаніе, преемственность давно забытыхъ, героическихъ дней.

Къ десяти часамъ вечера Ихъ Высочества возвратились тѣмъ же путемъ, которымъ и прибыли въ Митаву; изъ рѣчныхъ тростниковъ то и дѣло выскакивали разцвѣченныя флагами лодочки и неслись клики; порою виднѣлись и собственно-русскіе рабочіе, и тогда „ура“! становилось внушительнѣе, задушевнѣе, напоминая клики Волги и Сѣверной Двины. Вечеръ опускался настолько свѣтлый, что бенгальскіе огни на желѣзнодорожномъ мосту, подъ которымъ проходилъ пароходъ, едва, едва замѣчались; подлѣ замка взвились въ воздухъ ракеты, но и тѣ были блѣдны, слабы, можетъ быть слабѣе, чѣмъ воспоминанія о быломъ въ памяти мѣстныхъ народностей. Если въ этомъ намѣчалась задача нѣмецкой культуры, то она, надо сказать правду, была очень близка къ завершенію.

На утро слѣдующаго дня, 22 іюня, назначенъ былъ отъѣздъ въ Ригу, до которой отъ Митавы всего только часъ пути. Хотя этихъ шестидесяти минутъ и немного, но все-таки за это время удалось ознакомиться съ двумя небольшими брошюрками попав-

шими подъ руку и недавно изданными за границей. Не только ихъ содержаніе, но и самыя заглавія бросали удивительно яркій свѣтъ на наши отношенія къ прибалтійскимъ губерніямъ, какъ понимаются они нѣкоторыми людьми. Одна брошюра озаглавлена такъ: Одна изъ нѣмецкихъ земель въ опасности (Ein deutsches Land in Gefahr), безъ имени автора, другая, съ именемъ, носитъ названіе „Потерянный постъ нѣмецкаго духа, нравовъ и культуры“ (Ein verlorener Posten deutschen Geistes, deutscher Sitte und Kultur). Понятно, что этотъ „постъ“ или, правильнѣе, „форпостъ“, эта „страна“ — ничто иное какъ прибалтійскія губерніи. Не въ томъ дѣло, что ложью и бранью, и всѣми пріемами памфлета встрѣчаются въ этихъ брошюрахъ правительственныя мѣропріятія послѣдняго времени, но отчего бы, такъ думалось, въ отвѣтъ на нихъ не подняться какому-либо почтенному нѣмецкому голосу изъ самихъ прибалтійскихъ губерній, съ подписаніемъ имени, хотя бы изъ дерптскаго университета, и не сказать открыто, что хотя здѣсь и живутъ люди нѣмецкаго племени, но что все-таки это не нѣмецкая, а русская земля и что сами они въ политическомъ отношеніи не нѣмцы, не германцы. Выраженія преданности Императорскому Дому встрѣчали и провожали Ихъ Высочества вездѣ. Это были выраженія шумныя, блестящія. Отчего бы не испытать другихъ, болѣе тихихъ, блистающихъ только типографскою краской и глянцемъ бумаги, для того, что бы поставить обсуждаемый предметъ на правдивыя основанія. Это было бы гражданскою смѣлостью и полнѣйшимъ доказательствомъ того, что говорилось въ десяткахъ привѣтствій, не исключая и тѣхъ, что произносились подъ тихіе звуки органовъ при широко раскрытыхъ дверяхъ лютеранскихъ церквей.

РИГА.

Прибытіе. Соборъ. Кѣмъ и какъ онъ посѣщается. Служебные осмотры. О вольной пожарной командѣ. Посѣщеніе преосвященнаго Доната. Портреты его предшественниковъ. Печальная судьба преосвященнаго Ириларха. Первое движеніе въ православіе въ 40-хъ годахъ. Историческія его причины. Обѣдъ и тосты въ домѣ Стрѣлковаго общества. Вечерняя прогулка по Двинѣ. Нѣсколько историческихъ картинокъ нѣсколькихъ вѣковъ. Воспоминаніе о „редукціяхъ“. Кирхгольмскій лагерь. Обликъ Риги по сравненію съ Ревелемъ. Домкирхе и Петрикирхе. Обѣдъ въ риттергаузѣ. Домъ Черноголовыхъ. Городская ратуша. Замокъ и его исторія. Зданія большой и малой гильдіи. „Литераты“ и ихъ значеніе. Петровская и нѣмецкая элементарныя школы. Александровская и Ломоносовская гимназіи. Политехническое училище, его особенности, права и корпораціи. Рижско-русскія общественныя учрежденія. Садовниковская богадѣльня. Маріинскій пріютъ и Александровское училище. Общества „Баянъ“ и „Ладо“. „Улей“. Общество отставныхъ воинскихъ чиновъ. Латышское общество. Домъ моряковъ.

Ровно въ 10 часовъ утра, 22-го іюня, Великокняжескій поѣздъ подходилъ къ Ригѣ. Пройдя мостъ чрезъ Двину, поѣздъ двигался по высокой насыпи, и далеко внизу, въ городскихъ улицахъ, подходящихъ къ вокзалу самыми людными частями своими, виднѣлись плотныя толпы народа; съ улицъ протянулась толпа къ вокзалу, разлилась по обѣимъ сторонамъ рельсоваго пути, по длинному перону и встрѣчала Августѣйшихъ Гостей радостными кликами. По выходѣ изъ вагона, Его Высочество принялъ почетный караулъ, а также хлѣбъ-соль и привѣтствія отъ представителей русскихъ православныхъ, старообрядцевъ, латышей и евреевъ, и русская рѣчь говорившихъ была полна счастливѣйшихъ пожеланій. День былъ воскресный, и раньше всего посѣщенъ

православный соборъ. Роскошный солнечный свѣтъ и необозримыя толпы народа придавали зрѣлищу яркія краски жизни. Отрадно было подъѣзжать къ величавому православному храму нашему, вполнѣ достойному представителю русской церкви къ космополитической Ригѣ, отрадно именно потому, что мы наглядѣлись вволю на маленькія и утлыя русскія церковки наши въ краѣ, съ ихъ алтариками, ветхими ризами духовенства и пѣвчими, взятыми съ бору да съ сосенки. Соборъ въ Ригѣ красуется на широкой площади, которую, какъ мы слышали, городъ домогался не разъ застроить, но всегда терпѣлъ неудачу, такъ какъ имѣется Высочайше утвержденный планъ, по которому частныя постройки на этой площади допускаемы быть не могутъ; соборъ играетъ красотою пестрой кладки и музыкою линій. Постройка начата въ маѣ 1876 года и сдана въ духовное вѣдомство въ апрѣлѣ 1884 года. Стоимость, по первоначальной смѣтѣ, предполагалась въ 240.000 р., а обошлась въ дѣйствительности въ 531.745 р. 11 к.; трудно сказать, что именно изъ роскоши отдѣлки приходится на долю послѣднихъ 11 копѣекъ? строителемъ былъ академикъ Чагинъ. Оффиціальная депеша, своевременно сообщавшая объ освященіи собора, кончалась слѣдующими, многознаменательными словами: „всѣ русскія общественныя и частныя зданія днемъ были украшены флагами, а вечеромъ блистательно иллюминованы“. Это значило, что освященіе собора первенствующей въ Россіи церкви, часть которой составляютъ прибалтійскія губерніи, не было праздникомъ для всѣхъ горожанъ, а только для русскихъ и, значитъ, та рознь, о которой мы вспоминали, сказывалась и въ этомъ. Существованіе ея нашло неожиданное и вѣское подтвержденіе въ томъ, что, даже въ день прибытія Ихъ Высочествъ, въ соборѣ не было видно ни городскаго головы, ни представителей дворянства, которые въ такомъ обильномъ количествѣ имѣлись вездѣ. Какъ же это бываетъ въ высокоторжественные дни, когда посѣщеніе православнаго собора обязательно для всѣхъ служащихъ? Не забываютъ ли мѣстные люди, что ихъ соотчичи, лютеранскаго исповѣданія, не однажды занимавшіе министерскіе посты, всегда появлялись и появляются въ Казанскомъ или Исаакіевскомъ соборахъ и не нарушаютъ своимъ отсутствіемъ стройнаго чина того общественнаго молитвословія, которое обязательно для всѣхъ вѣрноподданныхъ; эти высшіе представители

администраціи не отговариваются тѣмъ, что для принесенія молитвы за Царя и Царствующій Домъ имъ нужна не православная, а лютеранская церковь. И такъ какъ мы коснулись этого вопроса, то не дозволено ли будетъ сообщить и еще объ одномъ наблюденіи, невольно навязывающемся на мысль при посѣщеніи края: въ православныхъ церквахъ лица Царствующаго Дома поминаются въ молитвахъ поименно, въ лютеранскихъ же слышатся отнюдь не имена собственныя, а нарицательныя: Kaiser! Kaiserin! Отчего бы не обязать произносить имена, и отъ кого зависитъ это не великое, но очень существенное измѣненіе лютеранскаго молитвословія въ Россіи? прежде, какъ мы слышали, такъ и было, но нынѣ почему то измѣнено. Такъ ли это?

Великолѣпный храмъ во имя Рождества Христа Спасителя о пяти полукруглыхъ куполахъ, въ византійско-русскомъ стилѣ, пестрой кладки. Внутрь церкви свѣтитъ только главный куполъ, подъ прочими просвѣтовъ нѣтъ; онъ покоится на четырехъ круглыхъ аркахъ; храмъ въ два свѣта, причемъ въ окнахъ круглыя стекла, глядящія множествомъ свѣтлыхъ глазъ; въ немъ три придѣла, средній, главный, расположенъ глубже другихъ; съ боковъ и сзади хоры на отдѣльныхъ столбахъ, причемъ пѣвчіе располагаются не у алтаря, а надъ входомъ въ церковь, противъ него: надъ алтаремъ крашеный въ голубое сводъ со звѣздами, и свѣтовое впечатлѣніе писанныхъ по стѣнамъ внутри храма орнаментовъ чрезвычайно удачно; иконы всѣ безусловно новыя, хорошія, колерами своими совершенно согласованы съ общимъ тономъ свѣтоваго впечатлѣнія. Входъ въ церковь сквозь передовую пристройку; иконостасъ трехъ-ярусный, подъ тремя арочками. Есть снаружи храма невысокая звонница; говорятъ, что она въ основный проэктъ не входила, а пристроена позже, во вниманіе къ размѣрамъ одного изъ колоколовъ, пожертвованныхъ храму въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ II.

Торжественно и стройно совершилась литургія въ которой, соборнѣ съ городскимъ духовенствомъ, священнодѣйствовалъ преосвященный Донатъ, епископъ рижскій и митавскій, встрѣтившій Августѣйшихъ Гостей при входѣ ихъ въ соборъ подобающимъ словомъ, благословившій крестомъ и окропившій святою водой. По окончаніи литургіи, Ихъ Высочества приложились вторично ко кресту, послѣ чего преосвященный представилъ

имъ поименно находившихся налицо священнослужителей; вслѣдъ за тѣмъ Ихъ Высочества отбыли въ замокъ.

По прибытіи въ замокъ, послѣдовало представленіе властей, сословій, горожанъ и дамъ. Еще многочисленнѣе чѣмъ въ Митавѣ, было это представленіе, по той причинѣ, что многіе изъ представлявшихся Ихъ Высочествамъ, по долгу службы или мѣсту жительства въ маленькихъ городахъ, явились здѣсь вторично и даже въ третій разъ. И тутъ, какъ въ Митавѣ, при встрѣчѣ съ прежними петербургскими и московскими жителями сказывалось то же забвеніе русскаго языка; и тутъ большое количество отставныхъ, далеко не старыхъ, говорило о томъ, что, по ихъ мнѣнію, занятія у прибалтійскаго очага и привольнѣе, и гораздо болѣе съ руки, чѣмъ „въ остальной Россіи“.

Первый день пребыванія Ихъ Высочествъ въ Ригѣ относился къ числу наиболѣе утомительныхъ по количеству посѣщеній, въ особенности при сильномъ жарѣ іюньскаго солнца. Вслѣдъ за завтракомъ въ домѣ губернатора осмотрѣны казармы 15-го резервнаго кадроваго баталіона и телеграфнаго парка, военная тюрьма, военный госпиталь, городская больница, таможня; состоялись маневры вольнаго пожарнаго общества, по случаю съѣзда представителей прибалтійскихъ вольныхъ пожарныхъ обществъ. Согласно статистическимъ таблицамъ, только-что изданнымъ по поводу съѣзда пожарныхъ, число ихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ 40 пунктахъ (изъ нихъ три внѣ прибалтійскихъ губерній: Нарва, Порховъ и Динабургъ, имѣютъ тоже знамена съ нѣмецкими надписями), значительно:

Гасильщиковъ	3.312
Полицейскихъ	1.303
Пассивныхъ	2.571
	7.186

Что такое „пассивные“, это опредѣлить довольно трудно: они платятъ ежегодный взносъ, но на пожары не выходятъ и должностей въ командѣ не принимаютъ; какіе же это пожарные?

Рѣзко, по существу и внѣшности, отличалось отъ всѣхъ другихъ посѣщеніе Ихъ Высочествами преосвященнаго Доната. Насколько имѣлось блеска, шума и пестроты на улицахъ и въ

зданіяхъ, посѣщенныхъ Августѣйшими Гостями, настолько же тихо, скромно и сосредоточенно глядѣло жилище преосвященнаго. Множество воспоминаній вызывалось цѣлымъ рядомъ портретовъ предшественниковъ его по рижской каѳедрѣ. Въ святительскихъ одѣяніяхъ, съ панагіями и свѣтскими орденскими знаками на груди, каждый съ тѣмъ выраженіемъ лица, которое хорошо могъ объяснить себѣ всякій, знакомый съ исторіей епископской каѳедры въ Ригѣ, глядѣли со стѣны одинъ подлѣ другаго: Иринархъ, Филаретъ, Платонъ, Веніаминъ, Серафимъ, Филаретъ. Каѳедра эта устроена въ Ригѣ въ 1836 году какъ викаріатъ псковской эпархіи для борьбы съ ѳеодосѣевскимъ толкомъ, и Иринархъ былъ первымъ, занявшимъ ее. Извѣстно, какъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ тягость положенія мѣстныхъ крестьянъ, которая только въ то время обратила на себя доброе вниманіе такихъ хорошихъ мѣстныхъ людей, какъ Гиммельшіернъ и Фелькерзамъ, неурожай и голодъ 1839—1840 годовъ и запрещеніе вступать въ гернгутерскія братства, котораго добилось дворянство въ 1839 году, всѣмъ этимъ, вмѣстѣ взятымъ, обусловилось первое движеніе къ православію, задержанное такъ печально вслѣдъ за командировками князя Урусова и Бутурлина. Въ другомъ мѣстѣ припомнимъ мы съ большею опредѣленностью все это движеніе, однимъ изъ фазисовъ котораго въ шестидесятыхъ годахъ была, если не ошибаемся, командировка графа Бобринскаго, назвавшаго второе движеніе народа въ православіе „оффиціальнымъ обманомъ“! Въ тихомъ обиталищѣ преосвященнаго съ особенною ясностію проступали на память самые тяжкіе дни православія, когда, во что бы то ни стало, его хотѣли „изубожить“... Генералъ-губернаторъ Паленъ серіозно ходатайствовалъ о томъ чтобы въ Венденъ, гдѣ тогда движеніе сосредоточивалось, былъ вызванъ самъ преосвященный Иринархъ, „чтобы разъяснить крестьянамъ, въ присутствіи члена губернскаго правленія, ихъ заблужденіе“. Это ходатайство исполнено не было, но за то въ въ 1841 году преосвященный Иринахъ самъ отозванъ изъ Риги и увезенъ въ Псковъ подъ присмотромъ особаго чиновника, командированнаго оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, смотрѣвшаго въ тѣ дни совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь. И сегодня, почти полъ вѣка спустя, глядятъ изъ грузной золоченой рамы, какъ бы желая говорить, сосредоточенныя черты лица почтеннаго свяги-

теля, въ лицѣ котораго православная церковь понесла въ тѣ дни глубочайшее, неудобно забываемое оскорбленіе.

Намъ пришлось вызвать мрачное воспоминаніе это не для того, чтобы пробуждать какое-либо чувство отмести. Что главныя причины тогдашняго перваго движенія въ православіе не были дѣломъ агитаціи нашего духовенства, въ которой его обвиняли, а послѣдствіемъ вѣками сложившагося невыносимаго быта крестьянъ, мы приведемъ только два свидѣтельства двухъ коронованныхъ лицъ. Въ 1586 году король польскій Стефанъ Баторій, предлагая ландтагу тэмы для занятій, выразилъ, что „утѣсненія которымъ подвергаются лифляндскіе крестьяне со стороны помѣщиковъ, столь жестоки и безчеловѣчны, что во всемъ мірѣ, даже между язычниками и варварами, не встрѣчается ничего подобнаго“. Когда, въ 1764 году, лѣтомъ, проѣзжала по Лифляндіи Екатерина II, то, согласно ея изволенію, ландтагу 1765 года предложено было генералъ-губернаторомъ Броуномъ, въ § 3, обсудить „нищету крестьянъ, которую Ея Величество при проѣздѣ по провинціи Лифляндіи собственными глазами узрѣла“. Вотъ въ чемъ, а ни въ чемъ другомъ заключались въ сороковыхъ годахъ причины движенія къ православію; причины новѣйшаго движенія другія, и о нихъ мы своевременно сообщимъ.

Богатъ былъ обѣдъ, предложенный Ихъ Высочествамъ отъ города, въ домѣ „Стрѣлковаго общества“. Роскошный паркъ, окружающій домъ, раскинутый широко и красиво въ лучшей части города, опять-таки императорскій подарокъ огромной цѣнности Императора Александра II. Тосты къ концу обѣда встрѣчены съ восторгомъ, что не помѣшало, однако, обратить вниманіе или, лучше сказать, задать себѣ вопросъ: почему городской голова, гофмейстеръ Высочайшаго Двора Этингенъ, бывшій долгое время лифляндскимъ губернаторомъ, произнесъ тосты, держа передъ собою карточку, какъ бы затрудняясь въ русскомъ языкѣ и, дѣйствительно, сдѣлалъ ошибки? это можно было объяснить себѣ не иначе, какъ нѣкоторою робостью, потому, что городской голова имѣлъ счастіе сидѣть рядомъ съ Его Высочествомъ, по другую сторону котораго помѣщался преосвященный Донатъ; ничѣмъ инымъ объяснить себѣ этого нельзя.

Вечеръ этого дня окончился одною изъ замѣчательнѣйшихъ картинъ, какую только можно себѣ представить: гуляніемъ по

Двинѣ. Роскоши картины очень много способствовало то, что вечеръ этого дня былъ такъ-называемый „KrautaAbend“, празднуемый здѣсь отъ стародавнихъ, языческихъ дней, какъ предшественникъ вечера на Ивановъ день. Наплывъ народа состоялся громадный, и если въ это время вообще много поютъ и ликуютъ по всѣмъ прибалтійскимъ губерніямъ, то, казалось, все ликованье, всѣ огни, всѣ пѣсни этой окраины нашей сосредоточились здѣсь, чтобъ окружить собою пароходъ „Simson“, на которомъ находились Ихъ Высочества. Въ ясномъ полумракѣ ночи нависала надъ берегомъ, изъ-за ближайшихъ строеній, неуклюжая громада замка; глубоко въ воздухъ, въ сине-зеленую высь, врѣзывались шпили Домкирхе, Англиканской и другіе; вытянутымъ въ прямую линію ожерельемъ неподвижныхъ огней обозначался длинный желѣзнодорожный мостъ; на другомъ берегу, тоже весь въ огняхъ, пущенныхъ по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ, сіялъ „домъ моряковъ“. Набережная, вплотную къ которой жались массивные пароходы, была будто вымощена головами людскими, и не было на судахъ, зданіяхъ, на заборахъ безконечныхъ пакгаузовъ, такого мѣста, гдѣ бы не виднѣлось, такъ или иначе, пристроившагося человѣчка, составлявшаго, безъ всякаго сомнѣнія, $^1/_{100.000}$ часть этой трепетавшей толпы. Пока берегъ, казалось, осѣдалъ подъ грузомъ этихъ безсчетныхъ людей, поверхность Двины спокойно серебрилась не великими проблесками, остававшимися свободными между лодокъ, шлюпокъ, пароходовъ, гичекъ и нарочно сколоченныхъ для публики паромовъ. Много приходилось лицамъ, сопутствовавшимъ Ихъ Высочествамъ въ ихъ далекихъ путешествіяхъ, видѣть красивыхъ картинъ, но эта прогулка по Двинѣ должна занять, конечно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. И не молчала же эта сплоченная, колыхавшаяся масса! по мѣрѣ медленнаго движенія парохода, между раздававшагося передъ нимъ вправо и влѣво помоста судовъ, отягченныхъ людьми, мы, то и дѣло, входили въ районы пѣнія или музыки того или другаго общества и почти касались пестрыхъ, огромныхъ знаменъ ихъ. Съ ловкостью изумительною проводилъ рулевой нашъ пароходъ; дерзко и красиво, но съ полною увѣренностью въ достиженіи цѣли, проскальзывали гички и душегубки подлѣ кожуховъ, подъ носомъ и кормой парохода; со всѣхъ сторонъ сыпались цвѣты и уносились Дви-

ной; повсюду взвивались ракеты и падали на воду малиновыя, голубыя и зеленыя слезы бенгальскихъ огней; какъ бы со всего прибалтійскаго края, сказали мы, слетѣлись сюда звуки и свѣтъ праздничнаго вечера, чтобы привѣтствовать Августѣйшихъ Гостей, и ярко горѣли щиты съ вензелевыми изображеніями Государя и Государыни, Великаго Князя и Великой Княгини. Если при этомъ грохотѣ звуковъ, при этомъ калейдоскопѣ огней, еще предстояла возможность не только глядѣть и слушать, но и думать, то можно было подмѣтить въ себѣ желаніе наслаждаться въ волю всею искренностью и задушевностью, всею правдой того восторга, которыя окружали Ихъ Высочества въ этотъ знаменательный вечеръ — гулянія по Двинѣ, и которымъ нельзя было не вѣрить.

Блестящею, богатою, радушною явилась Рига въ этотъ вечеръ, и невольно напрашивалась мысль о томъ: насколько обусловлено это богатство Риги, не говоря о трудѣ мѣстнаго населенія, тѣмъ, что подъ скипетромъ русской державы впервые, безусловно впервые, если не считать короткаго времени Плеттенберга, послѣ почти шестисотлѣтняго существованія, вступила Рига въ періодъ мирнаго благоденствія. Необходимы нѣкоторыя историческія воспоминанія, которымъ мы тутъ же и дадимъ мѣсто.

До семисотлѣтія Риги остается пятнадцать лѣтъ. Чего, чего ни видалъ городъ за это время, какимъ вліяніямъ не подвергался, какихъ разнообразныхъ положеній и противоположеній не испыталъ? мало городовъ, имѣющихъ такую великолѣпную даль въ глубь вѣковъ, съ точки зрѣнія чисто художественной. Вотъ нѣсколько картинокъ, на выдержку, взятыхъ изъ длиннаго ряда столѣтій; это будетъ лучшимъ способомъ при томъ условіи, что полная историческая характеристика здѣсь не у мѣста.

XIII вѣкъ, 1201 годъ; по устью Двины еще дремлютъ вѣковые лѣса, полные святыхъ деревьевъ язычества; обитатели безмолвныхъ сосѣднихъ странъ — длиннокудрые эсты, латыши, куроны и ливы. Къ холму, называвшемуся Риге, подплываютъ суда съ военною силой, позваниваютъ на ней доспѣхи, высятся копья и бердыши; воздвигается замокъ, стѣны готовы, но обитателей еще нѣтъ, ихъ привезутъ изъ чужихъ краевъ, изъ католическихъ странъ, на самую грань православія. Это—основаніе города епископомъ Альбертомъ. Только восемь лѣтъ спустя уже

совершается въ Ригѣ первая казнь, со всѣми мрачными подробностями средневѣковой юстиціи: казнятъ рыцаря Соеста, убившаго орденсмейстера Винно; это начало, это фронтиспись ко всѣмъ пестрымъ ужасамъ междоусобій, имѣющихъ явиться въ только-что образованномъ рыцарскомъ орденѣ.

XIV и XV вѣка время той же безконечной вражды рыцарскаго ордена съ рижскимъ архіепископомъ, за котораго стоитъ городъ Рига. 13 мѣсяцевъ продолжается одна изъ многочисленныхъ осадъ его; въ городѣ голодъ и болѣзни со всѣми ихъ принадлежностями. Часть городской стѣны разрушена. Рыцарство, сквозь это отверстіе, втягивается въ городъ, осѣненное своими штандартами и хоругвями, окруженное рейткнехтами и пажами, и колѣнопреклонный, приниженный, плачущій магистратъ встрѣчаетъ его. Есть и другія картинки того же времени. Торжественная встрѣча въ Ригѣ папскаго легата, пріѣхавшаго разбирать распрю ордена съ архіепископомъ, по 230 пунктамъ обвиненій, что и совершается въ процессѣ такой длины, что одни документы измѣряются десятками аршинъ; орденъ „покупаетъ“ выгодное ему рѣшеніе папы, и всѣ разбои рыцарей признаются ничѣмъ инымъ, какъ христіанскими подвигами. Это 1312 и 1319 годы. Проходитъ пять лѣтъ, и, въ той же Ригѣ, другой папскій легатъ, при погашенныхъ свѣчахъ и глухомъ колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, проклинаетъ орденъ и отлучаетъ его отъ церкви. Орденъ, владѣющій огромными богатствами и вооруженный до зубовъ, въ отвѣтъ на это смѣется.

XVI вѣкъ имѣетъ свои три картинки. Бѣгутъ изъ Риги, забравъ свои пожитки, католическіе монахи, предъ лицомъ реформаціи, проповѣдуемой Кнёпке; бѣгство совершается довольно мирно, хотя и не безъ иконоборства; вѣрный преданіямъ, самъ архіепископъ предпочитаетъ „продать“ рижскій соборъ за 18.000 марокъ и удаляется въ Кокенхузенъ; остался въ городѣ только одинъ католическій монашекъ, это безмолвная фигурка на одномъ изъ частныхъ домовъ Риги, красующаяся въ качествѣ воспоминанія и понынѣ. Другая картинка: апоѳеозъ счастливыхъ годовъ ордена, послѣднихъ годовъ его, подъ управленіемъ Плеттенберга, каменный обликъ котораго, какъ окаменѣлое осажденіе времени, во всѣхъ орнатахъ и регаліяхъ имперскаго князя и властителя ордена, избраннаго также всѣми сословіями Лифлян-

дiи протекторомъ, безмолвно красуется и по сей день во внутреннемъ дворѣ рижскаго замка, рядомъ съ изображеніемъ Богоматери, въ одну съ нею величину, будто pendant ей!

Третья картинка имѣетъ мѣсто въ томъ же XVI вѣкѣ: могучаго ордена нѣтъ больше, онъ свѣялся. Въ Ригѣ властвуетъ король польскій, Сигизмундъ Августъ, давшій дворянству привиллегіи; но онъ же, а еще болѣе Стефанъ Баторій, ихъ и нарушилъ. Польскіе законы замѣняютъ старые мѣстные, уничтожаются ландтаги и вводятся сеймики; лучшія староства раздаются полякамъ и литовцамъ, а изъ лифляндскихъ дворянъ только тѣмъ, кто оказалъ польскому правительству значительныя услуги; являются іезуиты, является снова католическій епископъ въ Ригѣ, многія лютеранскія церкви, какъ здѣсь, такъ и въ Венденѣ и Дерптѣ, обращены снова въ костелы, и лютеранство становится вѣроисповѣданіемъ „терпимымъ“; такъ называемые „календарные безпорядки“, за которыми слѣдуютъ казни, совершаются тутъ въ совершенно польской обстановкѣ.

Другая картина: XVII вѣкъ — первая его половина; поляковъ нѣтъ больше; въ Ригѣ новый властитель — это король шведскій, Густавъ Адольфъ; красуются въ Ригѣ шведскіе ратники, шведскія эмблемы; и опять лютеранство; впервые обращено вниманіе на крестьянина, производится кадастръ и ограничивается, на время только, патримоніальная юстиція. Мало-по-малу подмѣшиваются къ картинкѣ тѣ краски, на которыхъ способна будетъ выясниться характерная и мрачная личность Паткуля. Рижское бюргерство прочно заняло упразднившееся за орденомъ и архіепископомъ мѣсто, и регентша, Гедвига Элеонора, въ благодарность за вѣрность, даетъ членамъ городскаго совѣта дворянство, а на гербъ города надѣваетъ корону, которая красуется на немъ и до сихъ поръ.

Во второй половинѣ XVII вѣка слѣдуетъ очень быстрая и полная перемѣна декораціи: отъ дворянства отнимается всякое право вмѣшиваться въ дѣла правительства; ландратская коллегія, учрежденная въ началѣ шведскаго владычества, уничтожается за злоупотребленіе ландратами своей властью; вводится правительственный контроль за ландтагами, и, наконецъ, Карлъ XI шведскій отбираетъ въ казну всѣ дворянскія и другія имѣнія „когда-либо коронѣ принадлежавшія“. Что же не принадлежало

когда-то коронѣ? пять шестыхъ дворянскаго имущества переходитъ такимъ образомъ къ казнѣ. Это знаменитыя „редукціи“, явленіе совсѣмъ исключительное. Дворянство на столько обѣднѣло, что, по свидѣтельству Эккарта, ко времени ландтага 1714 года, доходы рыцарства достигали 200 талеровъ и оно просило отсрочить ему недоимку въ 15 талеровъ!? какъ-бы въ насмѣшку обобранному королемъ дворянству, ему одному, позволено „держать борзыхъ собакъ“. Отчасти, на эти громадныя деньги, ведется сыномъ Карла XI, Карломъ XII, война противъ насъ. Въ самой Ригѣ, во время редукцій, хозяйничаетъ заклятый врагъ дворянства, суровый королевскій намѣстникъ Гастферъ. Испуганное и обѣднѣвшее рыцарство уходитъ на службу къ чуждымъ властителямъ, и нѣтъ европейской арміи, говоритъ Эккартъ, въ которой бы въ половинѣ XVIII вѣка не служили прибалтійскіе нѣмцы: они дали 21 фельдмаршала и, безъ счета, генераловъ.

Въ началѣ XVIII вѣка опять, и въ который разъ, совершается полное преображеніе. 10-го іюня 1710 года войска Петра I входятъ въ Ригу вслѣдъ за долгою осадой, девятою по счету всѣхъ осадъ, выдержанныхъ городомъ за всю исторію; дѣйствію „редукцій“, благодаря царской милости, только милости, данъ обратный ходъ, дворянство опять начинаетъ богатѣть, и Рига, во главѣ всего балтійскаго побережья, впервые вступаетъ въ долгій періодъ почти 200-лѣтняго мира, подъ русскою державой.

Лѣтомъ 1764 посѣщаетъ Ригу императрица Екатерина II. На слѣдующемъ за этимъ ландтагѣ 1765 года генералъ-губернаторомъ Брауномъ, отъ императорскаго имени, дѣлаются различные „Propositionen“ въ пользу крестьянъ, тягость быта которыхъ государыня „видѣла своими очами“; ландмаршалъ Будбергъ произноситъ свою „Harangue“. Это засѣданіе ландтага чрезвычайно бурно, и фрейгерра Шульца фонъ-Ашерадена, стоявшаго за крестьянъ, дворяне собираются выкинуть въ окно „въ наказаніе ему и въ подобающій примѣръ другимъ“. Голоса за крестьянъ поднимутъ въ 1796 году Меркель, въ 1849 — Фелькерзамъ и вмѣстѣ съ ними наше правительство, какъ крупнѣйшій собственникъ прибалтійскихъ губерній, унаслѣдовавшій значительную часть земель принадлежавшихъ ордену и архіепископу. Не слѣдуетъ забывать, ни въ какомъ случаѣ, что, помимо безраздѣльной принадлежности прибалтійскаго края Россіи,

правительство наше является въ немъ дѣйствительно крупнѣйшимъ собственникомъ, крупнѣйшимъ настолько, что самые колоссальные майораты края вмѣстѣ взятые предъ этою собственностью ничто. Въ этомъ смыслѣ нашъ управляющій государственными имуществами въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ нѣкоторомъ смыслѣ прямой наслѣдникъ и архіепископа, и гермейстера.

1783 годъ видитъ въ Ригѣ опять-таки новую картину. Много молятся, много звонятъ, много стрѣляютъ: это вводятъ новое городовое положеніе. До этого собирался „рыцарскій конвентъ“ въ Ригѣ, просившій императрицу одновременно съ „ревельскимъ конвентомъ“, остаться при старыхъ порядкахъ; свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, имя котораго многіе переводятъ здѣсь „князь мрака“, этого ходатайства до Ея Величества не допустилъ. Новые губернскіе порядки существовали только до 1796 года, до императора Павла.

Пестрота, эффектъ и быстрая смѣна перечисленныхъ набросковъ, выхваченныхъ нами изъ долгой, самостоятельной исторіи Риги, остается, собственно говоря, тою же самою и за все время управленія краемъ нашими генералъ-губернаторами, — управленія, длившагося до 1876 года, до смерти князя Багратіона; перемѣнялись только имена, размѣры пожеланій и отдѣльныхъ стремленій были сокращаемы, но традиціонныя противоположности оставались. Отошедшія нынѣ въ былое генералъ-губернаторскія управленія, имѣющія каждое собственное имя, очень рѣзко отдѣлялись одно отъ другаго и имѣли каждое свои очень хорошо сохранившіяся черты. Во многихъ изъ нихъ неузнаваемы были Высочайшія предначертанія, но судъ потомства еще не наступилъ. Въ замкѣ, въ помѣщеніи начальника губерніи, имѣются портреты многихъ изъ генералъ-губернаторовъ и тутъ, какъ въ помѣщеніи преосвященнаго, можно читать по писанымъ кистью лицамъ исторію долгихъ, долгихъ лѣтъ этого своеобразнаго уголка нашей русской земли.

Второй день пребыванія Ихъ Высочествъ въ Ригѣ начался съ того, что въ 9 часовъ утра экстренный поѣздъ доставилъ Августѣйшихъ Путешественниковъ въ недалекій отсюда лагерь 29-й пѣхотной дивизіи, расположенный въ Кирхгольмѣ, именно тамъ, гдѣ Двина развѣтвляется на два рукава и образуетъ до-

вольно значительный островъ. Лагерь этотъ еще только создается и совершенствуется ежегодно; земля пріобрѣтена казной за деньги. Берегъ возвышенъ и мѣстность очень живописна, особенно со стороны, обращенной къ рѣкѣ. Послѣ смотра полки направились въ свои лагерные районы; непосредственно за четвертымъ полкомъ прослѣдовали Ихъ Высочества и, остановясь по срединѣ лагернаго расположенія, присутствовали при относѣ знаменъ и роспускѣ нижнихъ чиновъ по палаткамъ. Лагерь пестрѣлъ колыхавшимися флагами и цвѣтами, и Ихъ Высочества посѣтили офицерское собраніе и обошли сосѣдніе полковые лазареты. Въ домѣ начальника лагеря, въ рощѣ, на самомъ берегу Двины, данъ былъ завтракъ отъ войскъ, послѣ котораго пріятно слушалась музыка двухъ полковъ и чередовавшееся съ нею пѣніе пѣсенниковъ. При отъѣздѣ Ихъ Высочествъ, вдоль рельсоваго пути, въ разсыпную, бѣжали тысячи солдатъ, провожая Августѣйшихъ Гостей; быстро поднимались на ноги споткнувшіеся, обгоняли другихъ, летѣли шапки, и ясно чувствовалась радость солдатскаго сердца и кликамъ не было конца; поѣздъ ускорялъ свой ходъ какъ бы нехотя. Къ 2 часамъ Ихъ Высочества были въ Ригѣ. Еще въ лагерѣ милостиво согласились Ихъ Высочества на просьбу депутаціи отъ „Общества отставныхъ воинскихъ чиновъ“, имѣвшей во главѣ своей командира 3-го армейскаго корпуса, генерала Алхазова, и принявъ званіе почетныхъ членовъ общества, разрѣшили также представить себѣ нѣкоторыхъ участниковъ его, при первой возможности.

Во внѣшнемъ обликѣ Рига, помимо размѣровъ и богатства, бьющихъ въ глаза въ ея монументальныхъ сооруженіяхъ новѣйшаго времени, отличается отъ Ревеля, полнаго и до сихъ поръ многими архитектурными памятниками среднихъ вѣковъ, тѣмъ, что она „поюнѣла“. Имѣетъ и Рига древніе памятники, въ ряду которыхъ стоитъ назвать, напримѣръ, домъ Черноголовыхъ, соборную церковь, замокъ, церковь Св. Петра; но они какъ бы теряются въ обступившей ихъ отовсюду поросли новаго, заглушающей архитектурное представительство прежнихъ дней. Въ Ревелѣ, въ его очертаніяхъ, во многихъ, сравнительно съ народонаселеніемъ, церквахъ, въ частныхъ домахъ, въ направленіяхъ и размѣрахъ улицъ вы не чувствуете руки инженера, направлявшаго ихъ; они шли, тянулись, развѣтвлялись, какъ Богъ послалъ;

въ Ригѣ, въ особенности въ новыхъ частяхъ ея, а они почти всѣ новыя, замѣчается общая планировка и древніе памятники ея все болѣе и болѣе сиротѣютъ, хилѣя въ постоянно сильнѣющемъ потокѣ новой торговой жизни. Трактирная и ресторанная жизнь въ Ригѣ тоже очень развиты, и пивныя являются, какъ и во всѣхъ торговыхъ центрахъ, продолженіемъ биржи. Относительно газетъ — это чуть ли не самый пестрый городъ, потому что тутъ дома нѣмецкія, эстонскія и латышскія, каждая со своими взглядами на рѣшеніе несуществующаго „балтійскаго вопроса“. Въ нѣмецкихъ и въ тѣхъ, что находятся подъ ихъ вліяніемъ, особенно щедро подбираются всѣ дурныя и некрасивыя вещи изъ русской жизни, о хорошихъ говорится вскользь. Наша русская газета „Рижскій Вѣстникъ“, къ несчастью — „одинъ въ полѣ воинъ“, но издается добросовѣстно и въ подобающемъ направленіи.

Лютеранскій соборъ, посѣщенный Ихъ Высочествами на второй день пребыванія, Маріенкирхе, болѣе извѣстный подъ именемъ Домкирхе, былъ построенъ въ 1215 году и, какъ мы сказали, въ 1551, во времена введенія реформаціи, совершенно „мирнымъ путемъ“, „денежною сдѣлкой“, перешелъ отъ послѣдняго архіепископа Вильгельма за 18.000 марокъ въ пользованіе лютеранъ; некрасивый чепчикъ на колокольнѣ помѣщенъ на нее въ 1776 году и только еще недавно освобождены боковые нефы храма, служившіе складами соли и льна. Храмъ этотъ о трехъ нефахъ, изъ которыхъ средній значительно выше. Четыре массивные столба составляютъ главную внутреннюю опору; готическіе мотивы сказываются здѣсь гораздо полнѣе, чѣмъ въ ревельскихъ церквахъ, красивыми стрѣльчатыми сводами, окнами съ цвѣтными стеклами и расчлененіями верхнихъ частей столбовъ на пятигранныя колонки; алтарь подъ готическимъ верхомъ; на канцелѣ маленькія фигурки апостоловъ. Въ соборѣ покоятся первый по времени епископъ Мейнгардъ († 1196), первый проповѣдникъ католичества, прибывшій на пустынные берега Двины, въ струяхъ которой до того не отражались облики мечеиосцевъ, и послѣдній, продавецъ собора, Вильгельмъ († 1563), видѣвшій своими глазами обмираніе орденской силы, безвозвратно затмившейся. Здѣсь же покоится знаменитый архіепископъ Стодевешеръ, самое ехидное, самое лживое воплощеніе католиче-

скаго духовнаго лица средневѣковаго типа, настолько же обманный и лицепріятный при жизни, насколько молчаливый и поучительный собесѣдникъ въ качествѣ одного изъ характернѣйшихъ покойниковъ почтеннаго собора; Стодевешеръ руководилъ судьбами архіепископіи тридцать лѣтъ и назначенъ папскою буллой 1448 года. Всякихъ гробницъ, какъ и подобаетъ, въ соборѣ очень много и на значительномъ числѣ ихъ читаются сразу нѣсколько надписей, потому, что вслѣдъ за торжествомъ реформаціи, лютеране начали пользоваться готовыми католическими могилами, удвояя въ натурѣ и надписями безмолвное населеніе собора. Одна изъ эпитафій гласитъ, что тутъ покоится Магдалина Рейнъ († 1688), 120 лѣтъ отъ роду, видѣвшая 76 человѣкъ своихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ; „ступай, смертный, и постарайся сподобиться такого же долголѣтія“, гласитъ эпитафія, скромно умалчивая о пожеланіи такой же плодовитости; въ Митавѣ видѣли мы плодовитость еще большую, достигавшую цифры 300. Надъ людскимъ царствомъ мертвыхъ Домкирхе зачастую поднимается голосъ самаго большаго органа въ свѣтѣ, поставленнаго въ 1883 г.; газовый двигатель его въ четыре лошадиныя силы, съ него звучитъ 6.800 трубъ, изъ которыхъ наибольшая, самая густая, имѣетъ 30 футовъ вышины; регистровъ 125; Либава оспариваетъ, какъ мы видѣли, первенство своего органа, но въ ангельскихъ голосахъ, vox celestis, поспорить съ нимъ не можетъ. Рига, какъ извѣстно, имѣетъ своего суперъ-интенданта, не зависящаго отъ лифляндскаго генералъ-суперъ-интенданта; ему подчинены: въ городѣ 3 церкви съ 3 пасторами, въ пригородахъ 5 церквей съ 6 пасторами и внѣ города 4 прихода съ 6 церквами и 4 пасторами.

Церковь св. Петра, Петрикирхе, существуетъ съ XV вѣка; древняя колокольня ея рухнула въ 1666 году; въ 1677 году хозяйничалъ пожаръ; въ 1721 году слѣдовало почти полное разрушеніе молніей, и Петръ I повелѣлъ возстановить ее по древнему образцу, на русскія деньги, что и было исполнено къ 1746 году. Мы говорили при описаніи Ревеля о возрожденіи церкви Олая, великодушіемъ Императора Александра I, и о многихъ другихъ подаркахъ державныхъ властителей нашихъ различнымъ городамъ и учрежденіямъ прибалтійскихъ губерній, не изъ желанія какой-либо отплаты, а съ тѣмъ, чтобы,

какъ выраженіе чувства взаимности, желательно было отмѣтить что-либо подобное со стороны лютеранъ прибалтійскаго края въ пользу православныхъ церквей, которыя, мало-по-малу, возникаютъ и требуютъ только немного земли для построенія дома молитвы, скромнаго жилища причту и уголка кладбищу съ православными крестами въ память почившихъ. Въ алтарѣ Петрикирхе покоится Кнопке, первый проповѣдникъ здѣсь лютеранства. Множество гробницъ и легіонъ эпитафій свидѣтельствуютъ о далекихъ годахъ и пестромъ прошедшемъ. Шпицъ этой церкви, вмѣстѣ съ пѣтухомъ, достигаетъ 440 ф. высоты.

Наиболѣе выдающіеся изъ старыхъ памятниковъ свѣтскаго характера, осмотрѣнныхъ Ихъ Высочествами—риттергаузъ, замокъ, ратуша и домъ Черноголовыхъ.

Въ риттергаузѣ, изъ нишп надъ входною дверью, глядитъ изображеніе Плеттенберга; это послѣднее имя того длиннаго ряда именъ всѣхъ мейстеровъ ордена, которыя значатся въ одной изъ залъ риттергауза. Въ роскошныхъ и типичныхъ портретахъ имѣется тутъ, въ большой залѣ и малой готической, цѣлая галерея властителей Риги: Плеттенберга, Сигизмунда-Августа, Петра I, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II и благополучно царствующаго Государя Императора Александра III. Въ большой залѣ смотрятъ на васъ гербы матрикулованныхъ дворянскихъ родовъ лифляндской губерніи, фигурныя изображенія которыхъ имѣютъ каждое, что поразсказать, и разсказы нѣкоторыхъ изъ нихъ ведутъ назадъ не ближе, чѣмъ къ крестовымъ походамъ. На второй день пребыванія въ залѣ риттергауза состоялся обѣдъ, принятый Ихъ Высочествами отъ дворянства, причемъ тосты на русскомъ языкѣ были произнесены резидирующимъ ландратомъ Рихтеромъ и предводителемъ дворянства барономъ Мейндорфомъ. Въ числѣ характерныхъ украшеній главной залы слѣдуетъ упомянуть о бюстахъ Паткуля и Кетлера и о 12 прелестныхъ венеціанскихъ видахъ Каналетто, висящихъ въ сосѣднихъ помѣщеніяхъ.

Домъ Черноголовыхъ, отличающійся отъ всѣхъ домовъ Риги самымъ типичнымъ, фигурчатымъ, остроконечнымъ, цвѣтистымъ фасадомъ, существуетъ съ XIV вѣка. Шварцгэйптеры, Черноголовые, о которыхъ мы уже упоминали, какъ корпорація, пережили много вѣковъ и были чѣмъ то совершенно противополож-

нымъ рыцарскимъ союзамъ, составленнымъ для грабежа и носившимъ различныя мѣстныя названія: „общество ящерицъ“ въ Лифляндіи (съ 1397 года), „подорожники“ въ Бранденбургѣ и многія другія. Черноголовые въ Ригѣ не разъ проливали кровь въ защиту своего очага, и вотъ причина того глубокаго уваженія, которымъ они пользовались. Въ городскомъ соборѣ имѣли они свои почетныя мѣста съ ратсгерами рядомъ и имена ихъ виднѣются на сѣдалищахъ и до сегодня. Въ настоящее время Черноголовые имѣются только въ Ригѣ и Ревелѣ; тутъ, какъ и тамъ, въ старинномъ зданіи, виднѣется цѣлый рядъ изображеній былыхъ властителей Риги, есть картина побѣды Петра I надъ шведами и хранится очень цѣнное собраніе всякихъ средневѣковыхъ кубковъ, блюдъ, канделябровъ и пр. хорошей нѣмецкой работы. Ихъ Высочества были встрѣчены старѣйшинами у порога дома, несущаго, на себѣ и въ себѣ, многія несомнѣнныя черты долголѣтія. Если въ Ревелѣ Черноголовые, въ каскахъ и красныхъ отворотахъ, напомнили собою взводъ преображенцевъ начала царствованія Александра II, здѣсь было нѣчто совсѣмъ другое: черные фраки, при черныхъ штиблетахъ, складная треуголка подъ мышкой и шпага въ стальной оправѣ при бедрѣ, называемая „Galanteriedegen“, одѣянія, напоминавшія, вообще, кромѣ париковъ, салонныхъ кавалеровъ времени круглыхъ фижмъ и черныхъ мушекъ. И тутъ возникалъ вопросъ: что такое „Черноголовые?“ это не клубъ, не ученое учрежденіе, скорѣе всего благотворительное, но во всякомъ случаѣ какой-то центръ. Ихъ въ настоящую минуту 25 человѣкъ, обязательно холостыхъ и не дворянъ; они имѣютъ капиталу около 250.000 руб., платятъ пенсіи, достигающія, какъ говорили, до 3.000 руб.; взносы при поступленіи мѣняются отъ 600 до 800 руб., но что такое „Черноголовые“ — непостижимо.

Городская ратуша, тоже посѣщенная Ихъ Высочествами, построена въ 1765 году на мѣстѣ прежде бывшей, воздвигнутой въ 1595 году; въ 1847 подверглась она значительной перестройкѣ и утратила, отчасти, типичность, не утративъ, конечно, дорогихъ для города цѣлыхъ сонмовъ воспоминаній. Тутъ, въ тяжелые годы безконечно долгой борьбы между орденомъ, архіепископомъ и бюргерами шли совѣщанія, тутъ толковали граждане съ представителями королей польскихъ и шведскихъ, тутъ рѣшено

было, когда пришла пора, подчиненіе Россіи. Именно въ стѣнахъ ратуши обсуждались въ осажденной нашими войсками Ригѣ и Универсалъ, и Аккордные пункты, и въ ратушѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, чувствуются плоды 180-лѣтняго мирнаго существованія Риги подъ скипетромъ нашей державы. Теперь помѣщается здѣсь же управленіе городской думы, и это, въ историческомъ развитіи, послѣдній по времени фазисъ жизни богатой, идущей еще къ большему богатству, Риги. На площади противъ ратуши графъ Шереметевъ въ 1710 г. принималъ присягу гражданъ на подданство Россіи.

Какъ было во времена рыцарства, такъ, отчасти, и теперь, ратушѣ долженъ быть противопоставленъ замокъ, въ которомъ Ихъ Высочества остановились, мѣстопребываніе губернатора, съ тою разницей, конечно, что изъ оконъ замка не стрѣляютъ нынче въ народъ, какъ это бывало прежде очень часто. Замокъ этотъ живое воспоминаніе одного изъ порабощеній города орденомъ, находившимся тогда подъ верховенствомъ Моренгейма. Это было въ мартѣ 1330 года. На Мюльграбенѣ собраны были ратсгерами горожане, послѣ долгой защиты, когда и голодъ, и болѣзни, и измѣна духовныхъ лицъ привели ихъ въ невозможность защищаться. Со слезами на глазахъ повѣдали старѣйшины о необходимости подчиниться; униженно обращались мы, говорили они, о помощи къ папѣ, кардиналамъ, къ морскимъ и сухопутнымъ городамъ, къ разнымъ властителямъ—и не было намъ помощи. Рѣшено было сдаться. Повелѣвъ снести 30 эллей городской стѣны, сквозь эти широкія ворота, чрезъ засыпанный ровъ, втягивался въ торжественномъ шествіи въ городъ Моренгеймъ со своими рыцарями. Въ хроникѣ Луки Давида разсказаны тяжелыя повѣсти о тогдашнихъ жестокостяхъ рыцарей. На страхъ городу, разумно предвидя непрочность его покорности, Моренгеймъ построилъ замокъ. Зубчатыя твердыни этого прежняго замка царили до 1484 года, до времени отмѣстки, расплаты. Рыцари снова были вынуждены уступить его горожанамъ и, быстрѣе чѣмъ созидался замокъ, разнесенъ онъ на части: магистратъ объявилъ стѣны его даровою каменоломней для желавшихъ строиться. Недовольный тѣмъ, что съ мая по іюнь, могучія стѣны еще держались, магистратъ распорядился о скорѣйшемъ разрушеніи, и тогда-то обусловилась одна изъ удивительнѣй-

шихъ, когда-либо и гдѣ-либо, имѣвшихъ мѣсто картинъ. Вынуты были изъ подъ стѣнъ каменныя основанія, подведены балки, пустота наполнена хворостомъ и соломой и пущенъ огонь. Когда все было объято пламенемъ, рухнула моренгеймовская громада, подобно гигантской декораціи, со всей вышины своей, при великомъ ликованіи народа. Прошелъ послѣ этого только 31 годъ; сыновьямъ и внукамъ людей, сокрушавшихъ замокъ, пришлось, по повелѣнію ордена, создавать новый. Это случилось за время управленія Плеттенберга въ 1515 году, и безмолвный обликъ магистра-строителя еще виднѣется надъ воротами замка во второмъ дворѣ его. Этотъ новый замокъ подвергался тоже перестройкамъ въ 1783 и 1843—1844 годахъ, и въ настоящее время только одною изъ сторонъ своихъ, и то изъ-за другихъ строеній, смотритъ на Двину съ вершины своего холма. Въ немъ помѣщаются, кромѣ губернатора, замковая церковь съ квартирою для священника, губернское правленіе, казенная палата, камера прокурора, губернское казначейство, Hofgericht, канцелярія губернатора, чертежная, консисторія, Landgericht, Ordnungsgericht, врачебная управа, землеустроительное отдѣленіе, архивъ, приказъ общественнаго призрѣнія и много частныхъ квартиръ. Этотъ перечень свидѣтельствуетъ о громадности замка, но отнюдь не о его красотѣ.

Что касается зданій большой и малой гильдій, то они, какъ произведенія новѣйшаго времени не относятся къ числу исторически характерныхъ построекъ и входятъ въ ряды тѣхъ, которыя, подобно театру, политехническому училищу и многимъ другимъ, свидѣтельствуя о богатствѣ города, лишили его той типичности, которая такъ хороша въ Ревелѣ и утрачена здѣсь навсегда. Большая гильдія или гильдія Св. Маріи, — это собраніе купцовъ и литераторъ; малая или Іоанновская состоитъ изъ ремесленниковъ и цеховыхъ. Зданія обѣихъ гильдій совершенно новыя, но очень характерны старые портреты и картины, сюда перенесенные; на лѣстницѣ изображенія альдермановъ и виды прежнихъ, не существующихъ болѣе зданій, стѣнъ и крѣпостныхъ воротъ Риги. Есть нѣкая типичная легенда о значеніи, какое имѣла въ прежнее время одна изъ залъ, такъ-называемая „Brautkammer“, комната невѣстъ.

Только-что названные нами участники большой гильдіи „ли-

тераты“ составляютъ явленіе до такой степени исключительно балтійское, и въ то же время не балтійское, въ такой мѣрѣ характерное и обильное послѣдствіями что на нихъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько дольше. Это явленіе совсѣмъ балтійское, потому, что оно также оригинально какъ Катеринйнское женское учрежденіе съ голубыми крестами на шеѣ въ Митавѣ, какъ красные и черные Шварцгэйптеры въ Ригѣ и Ревелѣ; не балтійскимъ является оно въ смыслѣ своей сравнительной новизны. потому, что историки края, безъ различія оттѣнковъ, объ историческомъ возникновеніи литератовъ, кажется, не говорятъ вовсе. Не только понятіе, но и самое слово литератъ (не литераторъ) такъ ново и туманно, что людямъ, желающимъ разъяснить себѣ его смыслъ и незнакомымъ съ путанными мѣстными законоположеніями, необходимо обращаться за разъясненіемъ къ юристамъ края. Юристы объясняютъ, что „литератъ“ долженъ обозначать человѣка образованнаго и что таковые „литераты“ установлены правилами 26 марта 1877 года, въ которыхъ объяснено, что это тѣ образованныя лица, которыя могутъ участвовать въ выборной дѣятельности городскаго самоуправленія, внѣ общихъ условій ценза, внося отъ 3—6 рублей въ годъ. Далѣе юристы объяснятъ, что статья 17 названныхъ правилъ относитъ къ литератамъ „всѣхъ именуемыхъ по мѣстнымъ обычаямъ таковыми“, а въ числѣ „мѣстныхъ обычаевъ“, поименованныхъ въ сводѣ „мѣстныхъ узаконеній“, имѣется, въ двухъ какихъ-то статьяхъ, весьма и весьма растяжимое опредѣленіе, что литераты суть лица, „имѣющія какое-либо ученое званіе“. Далѣе будетъ объяснено что губернскія присутствія обыкновенно предоставляютъ опредѣленіе этой учености думамъ, а думы признаютъ литератами всѣхъ лицъ „посѣщавшихъ“ высшія учебныя заведенія, въ предѣлахъ Россіи или за границей, съ окончаніемъ или безъ окончанія курса—безразлично. Такимъ образомъ „ученое званіе“ свода мѣстныхъ узаконеній преобразовывается на практикѣ въ „посѣщеніе“ высшаго учебнаго заведенія, хотя-бы безъ окончанія курса и даже только за-границей и это служитъ аттестатомъ или свидѣтельствомъ зрѣлости? дальнѣйшее развитіе идеи литератства спутываетъ дѣло еще больше: въ курляндской губерніи литераты дѣйствуютъ въ томъ разрядѣ думы. въ которомъ они пожелаютъ; въ лифляндской они идутъ по III разряду, по размѣру сбора со свидѣ-

тельствъ на мелочной торгъ. Въ настоящую минуту дѣло находится въ томъ положеніи, что мѣстныя думы, или правильнѣе управы, могутъ составить себѣ при выборахъ какое угодно большинство, напустивъ литератовъ, и дать этимъ собранію горожанъ любую, удобную или неудобную правительству, окраску.

На второй и третій день пребыванія Ихъ Высочествъ въ Ригѣ посѣщенъ и осмотрѣнъ цѣлый рядъ воспитательныхъ учрежденій, изъ которыхъ каждое по очереди оглашалось пѣніемъ и усыпалось цвѣтами.

Довольно назидательна была параллель между нѣмецкою и русскою элементарными школами, возникшая предъ Ихъ Высочествами къ значительной невыгодѣ русской школы, хотя, надобно замѣтить, что обѣщано въ скоромъ времени болѣе подходящее для нея помѣщеніе; оно и слѣдуетъ, потому что крупное названіе школы „Петровскою“ далеко не соотвѣтствуетъ имени. Вѣроятно городское управленіе оцѣнило правильнѣе, чѣмъ оцѣняло прежде, ту несообразность, что въ самой Ригѣ на 52.000 нѣмцевъ имѣлось вообще 42 заведенія, а на 32,000 коренныхъ русскихъ только 9, повидимому въ разсчетѣ на особенно быстрыя способности какъ учителей, такъ и учениковъ этихъ девяти русскихъ школъ.

Одна вслѣдъ за другою посѣщены, осмотрѣны и осчастливлены привѣтомъ Ихъ Высочествъ обѣ русскія правительственныя гимназіи: Александровская мужская съ 479 учениками и Ломоносовская женская съ 266 ученицами. Оба зданія довольно помѣстительны, и сопровождавшій Ихъ Высочества глубокоуважаемый здѣсь попечитель дерптскаго учебнаго округа, Капустинъ, представилъ Августѣйшимъ Посѣтителямъ служащихъ и давалъ самыя обстоятельныя и полныя объясненія. Можно быть вполнѣ убѣжденнымъ въ томъ, что въ русской правительственной гимназіи между юношами нѣтъ ни одного члена „союза германскихъ гимназистовъ“, и, что одна изъ прописей, глядящихъ со стѣнъ залы: „всякая душа властямъ предержащимъ да повинуется“, понимается ими въ русскомъ духѣ, такъ какъ понимаема быть должна. Слѣдуетъ вспомнить, что, тогда какъ правительственная русская женская гимназія Риги не выдавала дипломовъ, на званіе домашнихъ учительницъ, за неимѣніемъ права, правами этими, исходатайствованными въ 1880 году управлявшимъ

министерствомъ народнаго просвѣщенія, Сабуровымъ, пользуется въ Дерптѣ частное женское заведеніе Муйшель, такъ называемое „Mellinsche Anstalt“. Это одна изъ тѣхъ несообразностей, которыя рѣжутъ глаза.

Несравненно роскошнѣе, внушительнѣе зданіе Политехническаго училища. Съ обѣихъ сторонъ лѣстницы, отъ самаго входа начиная, тянулись ряды политехниковъ, расположенныхъ по корпораціямъ съ ихъ знаменами; широкіе, пестрые, шелковые шарфы черезъ плечо, маленькія шитыя золотомъ и серебромъ шапочки на головахъ, длинныя, съ невѣроятно широкими пугающими рукоятками шпаги („Schläger'ы“) въ рукахъ, наклоненіе знаменъ и салюты шлегерами напоминали какъ двѣ капли воды обстановку германскихъ университетовъ и, если бы не синіе мундиры министерства народнаго просвѣщенія на начальствующихъ лицахъ, можно бы было думать, что мы находимся не въ Россіи. Корпораціи дозволены закономъ 18-го февраля 1871 года, причемъ сказано, что корпораціи имѣютъ цѣлью подготовку къ полезной дѣятельности въ „отечествѣ“. Въ какомъ: большомъ или маломъ? корпорацій въ училищѣ шесть: три нѣмецкія, одна русская и двѣ польскія. Несмотря на неоднократныя домогательства латышей учредить свою корпорацію, имъ этого до сихъ поръ не удается достигнуть, такъ какъ учрежденіе новыхъ корпорацій зависитъ отъ согласія существующихъ а этого согласія нѣмецкія корпораціи не даютъ на томъ, какъ надо полагать, основаніи, что многіе латыши, за неимѣніемъ своей корпораціи, будутъ поступать къ нимъ и тамъ онѣмечиваться. Разсчетъ, быть можетъ, очень вѣрный. Рижскій Политехникумъ, какъ это видно было по одной изъ таблицъ, выставленныхъ въ залахъ, по количеству учащихся, первый въ свѣтѣ: Рига — 856 человѣкъ, Берлинъ — 600, Цюрихъ — 400, Мюнхенъ 400, Ганноверъ — 250.

Наиболѣе посѣщаемые факультеты — химическій, механико-инженерный и сельско-хозяйственный. Портретъ одного изъ бывшихъ воспитанниковъ, извѣстнаго африканскаго путешественника, считающагося вездѣ „нѣмецкимъ“ путешественникомъ, Швейнфурта, бывшаго политехника, въ жилеткѣ и съ ружьемъ въ рукѣ, красуется на одной изъ стѣнъ, дѣлая честь всѣмъ факультетамъ Политехникума одинаково. Согласно положенію 16-го мая 1861 года, Политехникумъ содержится на средства сословій

безъ „всякаго“ участія казны, тѣмъ не менѣе казна даетъ 10.000 р. ежегодно и, кромѣ того, предоставила ему на 24 года, съ 1877, казенное имѣніе Петергофъ и выдала при этомъ 10.000 р. на постройки въ имѣніи. Управляется Политехникумъ совѣтомъ, въ которомъ членами состоятъ: директоръ, депутаты отъ четырехъ дворянствъ, отъ города Риги и рижскаго купечества. Все преподаваніе нѣмецкое, но большинство воспитанниковъ поляки, литовцы, евреи и латыши. При окончаніи курса ученики получаютъ похвальный аттестатъ, носятъ на правой сторонѣ груди особый знакъ и по воинской повинности причислены къ первому разряду, то есть къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ.

Мы сказали, что въ Ригѣ слишкомъ 32.000 русскихъ (по послѣдней однодневной переписи 1881 года на 170.000 человѣкъ 32.094 русскихъ кореннаго происхожденія), и отрадно заявить тутъ же, что, согласно небольшой книжечкѣ, только что изданной и озаглавленной „Рижскія русскія общественныя учрежденія“, русскіе времени не теряютъ и примѣниваютъ къ нѣмецкой окраскѣ Риги очень существенные, самостоятельные колера. Всѣхъ такихъ учрежденій въ настоящую минуту 19, они имѣютъ до ½ милліона рублей капиталовъ и слишкомъ настолько же собственнаго, общественнаго имущества. Посѣщеніе и вниманіе Ихъ Высочествъ было обращено на шесть изъ нихъ: богадѣльню Садовникова, русское благотворительное общество, вспомогательное общество отставныхъ воинскихъ чиновъ, мужское общество пѣнія „Баянъ“, литературно-музыкальное общество „Ладо“ и „Улей“.

Садовниковская богадѣльня основана по духовному завѣщанію умершаго въ 1853 году купца 1-й гильдіи, рижскаго уроженца, Ѳирса Садовникова, на капиталъ въ 125.000 руб., достигающій въ настоящее время 198.000 руб. При богадѣльнѣ очень хорошенькая небольшая церковь во имя Св. Ѳирса; она вся въ образахъ, значительная часть стѣнъ облицована деревомъ; Ихъ Высочества прослушали въ ней краткое молитвословіе. Зданія освящены въ 1876 году; призрѣвается изъ обѣднѣвшихъ православныхъ гражданъ Риги 52 лица, большинство женщинъ; по волѣ завѣщателя богадѣльня содержитъ также двѣ безплатныя школы, для 40 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ. Ежегодный расходъ на все 9.500 руб. Капиталъ хранится почему то въ рижской

городской думѣ, выбирающей для завѣдыванія комитетъ изъ четырехъ человѣкъ. Въ одной изъ комнатъ имѣется портретъ завѣщателя: черты лица его видимо болѣзненны, но преисполнены доброты.

Ихъ Высочества посѣтили принадлежащій „Рижскому русскому благотворительному обществу“ Маріинскій дѣтскій пріютъ и при немъ Александровское училище для приходящихъ дѣтей, съ сапожнымъ классомъ. Общество учреждено въ 1862 году и имѣетъ теперь капитала до 65.000 руб. и два собственные дома, въ которыхъ помѣщаются пріютъ и училище; въ первомъ 50 дѣтей пансіонеровъ и 50 приходящихъ, въ училищѣ 26 учениковъ. Ежегодные расходы до 13.000 руб.; общество пользуется, по пріюту, пособіями Ихъ Величествъ и устраиваетъ лотереи и базары. Внѣшній видъ и внутренніе распорядки были удостоены милостивыхъ словъ Августѣйшихъ Гостей.

Общества „Баянъ“ и „Ладо“, мужское и женское, ко времени прибытія Ихъ Высочествъ, собрались въ роскошной залѣ дома, принадлежащаго русскому акціонерному обществу „Улей“. Зала въ два свѣта, съ хорами, была густо убрана зеленью, а на сценѣ, въ виду знаменъ, принесенныхъ отъ нѣсколькихъ русскихъ обществъ, помѣщались пѣвческія силы „Баяна“ и „Ладо“. Снисходя на просьбу представителей обществъ, оба они были приняты подъ покровительство Августѣйшихъ Гостей: „Баянъ“ Великимъ Княземъ, а „Ладо“ Великою Княгиней. Хорошо была исполнена обоими хорами „Слава“. Затѣмъ осмотрѣно помѣщеніе русскаго клуба. Не забудутъ въ Ригѣ „Улей“, „Баянъ“ и „Ладо“, какъ не забудутъ „Гусли“ въ Ревелѣ, завѣтныхъ дней пребыванія Ихъ Высочествъ, оставившихъ за собою глубоко замѣтные на балтійской окраинѣ нашей слѣды.

Проходя изъ большой въ меньшую залу „Улья“, Его Высочество не могъ не замѣтить довольно старенькихъ сѣренькихъ людей, вовсе не согласовавшихся внѣшностью своею съ бѣлыми шелковыми платьями „Ладо“ и фраками „Баяна“, но за то на грудяхъ ихъ виднѣлись знаки отличія военной службы. Этого было достаточно для того, чтобъ Его Высочество остановился для распросовъ, тѣмъ болѣе, что Великій Князь помнилъ и о данномъ Имъ наканунѣ въ лагерѣ разрѣшеніи представить Ему

членовъ существующаго въ Ригѣ. единственнаго въ Россіи. „Общества отставныхъ воинскихъ чиновъ“. Предсѣдатель Общества тутъ же ходатайствовалъ, поднося Великому Князю адресъ, о разрѣшеніи, которое и послѣдовало, на принятіе Ихъ Высочествами званія почетныхъ членовъ. Радость, просіявшая на лицѣ ветерановъ, была продолженіемъ той музыки, того пѣнія и на тотъ же самый мотивъ Славы, который мы только-что слышали. Въ настоящее время въ обществѣ 72 почетныхъ члена, 92 дѣйствительныхъ и капитала 6.722 руб. Въ прошломъ году выдано пособій 192 р., на погребеніе умершихъ членовъ 215 р, и на лѣкарства больнымъ 86 руб. Основано общество семь лѣтъ тому назадъ по почину одного изъ отставныхъ воинскихъ чиновъ Ивана Петрова Петрова. Сообщеніе краткихъ свѣдѣній объ этомъ хорошемъ учрежденіи въ Москву, и оттуда всей матушкѣ Россіи, легко можетъ вызвать подражанія, потому, что основная мысль правильна, да и притокъ членовъ обезпеченъ.

Близкимъ по характеру посѣщенія русскихъ общественныхъ учрежденій было посѣщеніе Ихъ Высочествами „Рижскаго Латышскаго Общества“, въ домѣ ему принадлежащемъ. Тутъ были тоже знамена, тоже пѣніе, тоже привѣтственная рѣчь, сказанная на русскомъ языкѣ. Народный гимнъ пропѣтъ по-латышски; спѣты были хорошенькія пѣсни: „ну лошадушка, ну, ну!“ и „дубъ приземистый, кудрявый“. Милостивыя слова Великаго Князя, обращенныя къ обществу, конечно давно уже разнеслись среди латышей, и это тѣмъ болѣе естественно, что рижское латышское общество, возникшее еще въ 1868 году, стоитъ какъ бы во главѣ прочихъ латышскихъ обществъ, разсыпанныхъ по городу и краю. У него двѣ цѣли: благотворительная и распространеніе образованія между латышами, но никакъ не въ нѣмецкомъ смыслѣ, а въ смыслѣ сближенія съ русскимъ народомъ, съ русскою жизнью. Общество обладаетъ довольно значительными средствами, составившимися изъ разныхъ вкладовъ; одинъ человѣкъ завѣщалъ свой домъ, другой 16.000 руб. деньгами и т. д. Однимъ изъ способовъ благотворенія является раздача стипендій латышамъ въ петербургскій, московскій и дерптскій университеты. Во время самарскаго голода въ 1873 году русскія и латышскія общества собрали до 40.000 руб.; въ 1877, во время войны, латышскія общества отправили нашимъ солдатамъ много вещей и 12.000 руб.

деньгами; на 25-лѣтіе минувшаго царствованія и на коронацію царствующаго Императора рижское латышское общество стояло во главѣ латышей для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ. При учрежденіи общества выдающимися дѣятелями были православные латыши—протоіерей Дрекслеръ и священникъ Крауклисъ. Много нареканій вызвано было здѣсь на общество, когда оно, несмотря на то, что между латышами много лютеранъ, стало во главѣ выраженія своего сердечнаго сочувствія празднованію тысячелѣтія Св. Кирилла и Меѳодія, празднованію которое обошло всю Россію.

При посѣщеніи латышскаго общества Ихъ Высочествами сказалось то, что имѣло мѣсто въ эстонскомъ обществѣ въ Ревелѣ, и при посѣщеніи всѣхъ русскихъ церквей и собраній: изъ нѣмецкихъ людей не явилось рѣшительно никого, точно будто отрѣзаны они отъ всѣхъ остальныхъ и не нуждаются, не хотятъ общенія. Только при посѣщеніи Риги эта упорная обособленность нѣмцевъ, возведенная, видимо, въ цѣлую систему, сказалась съ полною ясностію. Насколько, въ случаѣ пробужденія самыхъ завѣтныхъ порывовъ государственнаго бытія, которое всегда возможно, это олимпійское особничество можетъ быть полезно обще-русскимъ интересамъ, сказывается само собою и съ достаточною наглядностью. Эта обособленность печальный фактъ и отрицать его нельзя.

Осмотру воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій Риги была посвящена первая половина третьяго дня пребыванія Ихъ Высочествъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы вторую половину его посвятить поѣздкѣ въ Динаминдъ для осмотра крѣпости и присутствованія при открытіи училища. Во вниманіе къ этому, передъ тѣмъ, чтобы сѣсть на пароходъ и спуститься къ морю по Двинѣ, назначено было осмотрѣть стоящій на берегу рѣки „домъ моряковъ“, сіявшій такъ четко своими огнями во время описаннаго нами вечерняго гулянья.

„Seemannshaus Peters des Grossen“ учрежденіе очень полезное и очень разнообразное. Зданіе построено въ 1884 году за счетъ рижскаго купечества и имѣетъ капитала 196.000 рублей. Въ немъ помѣщаются: навигаціонная школа, имѣются помѣщенія для 12 инвалидныхъ моряковъ, морское бюро и помѣщенія для матросовъ, гдѣ за 50 к. въ сутки человѣкъ имѣетъ квартиру и столъ. Въ школѣ, на курсѣ 1884—1885 годовъ, было въ штурманскихъ

классахъ 14 учениковъ, въ приготовительномъ 12, въ отдѣленіи машинистовъ и кочегаровъ 44 человѣка; курсовъ, кажется, два: для капитановъ и для рулевыхъ. Типичны во второмъ этажѣ комнатки въ видѣ каютъ числомъ 38, устроенныя для интерновъ; нѣкоторыя воспоминанія вызывались моделями двухъ, будто бы, первыхъ русскихъ военныхъ кораблей, пришедшихъ въ Ригу, „Das Rigsche Wapent“ и „Comandor“. Видъ съ высокаго балкона, обращеннаго къ Двинѣ, на весь городъ, раскинутый на противоположномъ берегу, со всѣми его шпилями, со всѣми судами на рѣкѣ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ. Для увѣковѣченія дней проведенныхъ Ихъ Высочествами въ Ригѣ, рижское купечество постановило пожертвовать капиталъ въ 10.000 рублей для содержанія на проценты съ него дряхлыхъ моряковъ въ пріютѣ „дома моряковъ“. Ходатайство это было уважено, и милостивыя слова благодарности, сказанныя въ отвѣтъ на него, засвидѣтельствовали рижскому купечеству, какъ близко къ сердцу принимаютъ всякое благотвореніе Августѣйшіе Посѣтители „Seemannshaus'a“. Осмотрѣвъ подробно весь домъ, Ихъ Высочества спустились къ пароходу, долженствовавшему доставить ихъ въ Динаминдъ.

Хотя намъ предстояло въ тотъ же вечеръ Иванова дня вернуться въ Ригу, имѣть счастіе быть приглашенными Ихъ Высочествами къ обѣду, Ими данному представителямъ властей, сословій, города и дамамъ, и, тотчасъ вслѣдъ за обѣдомъ, прослѣдовать въ Дуббельнъ, чтобы къ полночи быть снова въ Ригѣ, но посѣщенія въ самомъ городѣ завершились осмотромъ „дома моряковъ“, несущаго громкое имя Петра Великаго.

Пароходъ „Simson“, на которомъ Ихъ Высочества совершили гулянье въ первый вечеръ пребыванія, отошелъ въ Динаминдъ около двухъ часовъ дня. Очень любопытно было ознакомиться по пути съ работами, производимыми министерствомъ путей сообщенія по расчисткѣ и укрѣпленію обильно посѣщаемой Двины, съ Динамидскою крѣпостью и присутствовать при открытіи въ Больдераа новой русской школы.

Устье Западной Двины. Динаминдъ. Дуббельнъ.

Сравненіе Западной Двины съ Сѣверною. Гидротехническія работы. Шаланда Видъ Больдераа и Динаминда. Историческое. Покупка и битва. Развитіе нашего торговаго флота. Значеніе въ немъ эстовъ и латышей. Морскія школы. Остатки ликовъ. Стрѣльба изъ пушекъ и вооруженіе верка. Открытіе новаго русскаго училища. Поѣздка въ Дуббельнъ. Балтійскія морскія купанія. Ихъ общій характеръ. Дуббельнскій вокзалъ. Возвращеніе въ Ригу.

Іюнь день, 24 іюня, былъ достойнымъ продолжателемъ тѣхъ роскошныхъ лѣтнихъ дней, которые тянулись вереницей въ путешествіи Ихъ Высочествъ. Внизъ по теченію Двины маленькій „Simson“ двигался очень быстро, конвоируемый многими пароходиками; много гичекъ, не безъ надежды на успѣхъ обогнать его, стрѣлами скользили подлѣ, едва-едва бороздя воду, слегка вспѣнивавшуюся подъ ловкими ударами распашныхъ веселъ. Передъ глазами нашими высилась та же блестящая декорація Риги, которую видѣли мы въ первый день гулянія по Двинѣ, съ тою только разницей, что вечернее освѣщеніе замѣнилось дневнымъ и болѣе точно опредѣлились, какъ-бы съузились, колоссальныя очертанія замка, церквей и пакгаузовъ, расплывавшіяся въ ночи. Средняя быстрота Двины, по словамъ свѣдущихъ людей, 0,7[1], весной же достигаетъ она колоссальныхъ размѣровъ 6[1] въ секунду и поэтому напоминаетъ устье своей сѣверной одноименной сестрицы, по которому ровно годъ тому назадъ Его Высочество на полярномъ „Норден-

шильдѣ“ направлялся въ Бѣлое Море и Ледовитый Океанъ. Сама собою напрашивалась паралель между обѣими устьями, и радостно было вспомнить, насколько, вслѣдъ за путемъ Великаго Князя, за послѣдній годъ, положеніе нашего сѣвернаго, угрюмаго, величественнаго поморья, съ его безусловно русскимъ православнымъ населеніемъ, улучшилось вслѣдствіе цѣлаго ряда правительственныхъ мѣропріятій. Вспоминалось, глядя на наши крупныя работы по упорядоченію Двины подлѣ Риги, о тѣхъ двухъ несчастныхъ барахъ, которые мѣшаютъ другой Двинѣ, подлѣ Архангельска, и, думалось, что если здѣсь, главнымъ образомъ для нѣмцевъ, литвы, поляковъ, эстовъ и латышей, дѣлается такъ много, то будетъ же сдѣлано что-нибудь и для кореннаго населенія русскихъ, тяготѣющаго со всего обширнаго бассейна Волги, Камы, и зауральской Сибири къ далекому Архангельску.

Быстрота весеннихъ водъ здѣшней Двины служитъ прямымъ доказательствомъ трудности тѣхъ гидротехническихъ работъ, опытъ которыхъ, на протяженіи 23 верстъ, отъ Риги до Динаминда произведенъ удачно. Работы исполнялись по двумъ проектамъ, что обусловило, такъ сказать, два періода: съ 1875 по 1883 и второй съ 1885 года, продолжающійся и сегодня. Ежегодно производилось до 15.000 куб. саж. выемки для возстановленія необходимой въ фарватерѣ 18′ глубины, которая, до поднятія боковыхъ дамбъ, уменьшалась лѣтомъ до 12′ и не годилась морскому судоходству. Со времени возобновленія работъ въ 1885 г., съ разсчетомъ на восемь лѣтъ, истрачено будетъ еще 1.430.000 р., свыше истраченныхъ уже 2.600.000 р., и все это на казенный счетъ и нашими инженерами. Эти четыре милліона рублей, положенные на протяженіи 23 верстъ, могутъ дать приблизительное понятіе о томъ, сколько же надо потратить на матушку Волгу, чтобы поставить ее на ту высоту совершенства, до котораго доведено устье Западной Двины? виноваты ли мы въ томъ, что всѣ трудности, противопоставленныя намъ природой, такъ колоссальны? только мощно-терпѣливому духу народа нашего по плечу онѣ, и, дастъ Богъ, всѣ будутъ современемъ осилены.

Съ нашего парохода отлично видны были многія поперечныя дамбы, возстановившія берегъ; указано мѣстечко Подерааа, гдѣ пришлось укрѣпить берегъ, и его, съ 1875 года, не рвало;

противъ селенія Риношъ должна находиться фашинная дамба въ 51' вышины, тогда какъ, слышно, ближайшая къ ней по размѣрамъ находится въ Америкѣ и не превышаетъ 30'; видѣли мы и небольшой островокъ Фогельгольмъ, къ которому передвинутъ фарватеръ, что обусловило то, что вода сама передвигаетъ самый островокъ, толкая его къ морю со скоростью 5—6° въ годъ, а рукавъ подлѣ него, имѣвшій всего 90° ширины, имѣетъ теперь цѣлыхъ 140. Сколько же островковъ пришлось бы передвинуть этимъ путемъ къ устью Волги, и какая обширная губернія, по направленію къ Персіи, возникла бы въ Каспійскомъ морѣ?

Видѣли мы также за работой пароходъ-шаландъ, землечерпательный, самоотвозный, имѣющій за себя много выгодъ, сравнительно съ тѣми собратьями своими, которые выкидываютъ вынутую землю въ особыя барки; во-первыхъ, кубическая сажень съ самоотвозкой обходится по одному рублю, тогда какъ иначе она требуетъ затраты 4 рублей; во-вторыхъ, рабочихъ меньше; въ третьихъ, такой пароходъ можетъ работать при волненіи, тогда какъ простая землечерпательная машина должна уходить. Планы всѣхъ работъ были представлены Его Высочеству. Слѣдуетъ замѣтить, что и пароходъ, на которомъ мы двигались, нѣкоторымъ образомъ участвуетъ въ поддержкѣ добраго имени Риги, какъ гавани: это одинъ изъ трехъ, принадлежащихъ городу, пароходовъ-ледоколовъ, способныхъ взламывать 18' ледъ. У такихъ пароходовъ носы острые, въ родѣ тарановъ, колеса зубчатыя въ чугунныхъ лопастяхъ; въ случаѣ надобности, подобный ледоколъ какъ бы вскакиваетъ на ледъ, продавливаетъ его свою тяжестью, а затѣмъ крошитъ колесами и очищаетъ путь.

Берега Двины, близъ устья, очень низменны, но хорошо заселены; имѣются фабрики, напримѣръ цементная Шмидта, съ девятью оригинальными коническими трубами, лѣсопильня Тальгейма. Не прошло и часу времени, какъ стали видны бѣлопесчаныя дюны, кое-гдѣ поросшія мелкимъ ивнякомъ и ельникомъ, и встрѣтили мы на якорѣ старыхъ знакомыхъ своихъ „Олафа“ и „Азію“, съ командами которыхъ Его Высочество поздоровался. Больдераа и крѣпость Динаминдъ обозначаются низехонько на уровнѣ моря влѣво, выдвинувшись изъ-за цѣлаго лѣса

мачтъ разнообразныхъ судовъ, стоявшихъ у берега и на якорѣ. Пристань, суда, строенія, все это пестрѣло флагами. Сойдя на берегъ, Его Высочество принялъ рапорты отъ военнаго начальства и почетный караулъ отъ 113-го Старорусскаго полка; въ тридцати шагахъ сзади стояла рота крѣпостной артиллеріи. Объ роты прошли церемоніальнымъ маршемъ. Совмѣстно съ Великою Княгиней, Его Высочество, въ экипажѣ, послѣдовалъ въ крѣпость.

Крѣпостная артиллерія была выстроена вдоль праваго фаса приморскихъ ретраншаментовъ; поздоровавшись съ людьми, Великій Князь съ Великою Княгиней вошелъ въ хорошенькій павильонъ, устроенный на одномъ изъ траверзовъ форта „Каминскій“, для того, чтобы присутствовать при стрѣльбѣ въ цѣль по подвижной и неподвижной мишенямъ, которая немедленно вслѣдъ за этимъ и началась, по командѣ: „батарея, орудія заряжай бомбами обыкновеннаго чугуна!“ Картина была хороша. Вдали, въ морѣ, виднѣлась, опять таки, наша практическая эскадра, уже столько разъ составлявшая задній планъ морскаго пейзажа, разстилавшагося передъ глазами Ихъ Высочествъ.

Низменные берега Динаминда, покоившіеся передъ нами въ яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца надъ безмятежнымъ моремъ, имѣли многое, что поразсказать въ дополненіе къ исторіи сосѣдней съ нею Риги, которой, искони вѣковъ, служили они жизненною артеріей, входомъ въ гавань. Одновременно съ Ригой, построенъ здѣсь епископомъ Альбертомъ уединенный цистерціенскій монастырь; впослѣдствіи онъ укрѣпленъ, и, во время вражды ордена съ архіепископомъ и городомъ, нерѣдко переходилъ изъ рукъ въ руки. Доказательствомъ того, что Динаминдъ имѣлъ изстари большое значеніе, служитъ то, что въ одно изъ нападеній языческой Литвы, подъ предводительствомъ князя Троніата, здѣсь имѣлъ мѣсто въ XIII вѣкѣ характерный бой въ глубокую полночь, при мѣсячномъ свѣтѣ; ночныхъ боевъ въ исторіи вообще немного; къ утру Литва уступила, и заревые лучи солнца зарумянили тѣ обильныя лужи крови, которыя покрывали истоптанную мѣстность, а ночью напрасно порывалась зарумянить луна; мотивъ для художника.

Очень важнымъ фактомъ по своимъ послѣдствіямъ было то, что орденъ, въ 1305 году, слѣдуя своей политикѣ — гдѣ похищать, а гдѣ и покупать, купилъ Динаминдъ у аббата, управлявшаго

монастыремъ. Этотъ торгъ былъ впослѣдствіи однимъ изъ важнѣйшихъ доводовъ епископскихъ адвокатовъ противъ орденскаго прокурора, постоянно обрѣтавшагося въ Римѣ и ловко покрывавшаго, гдѣ звонкою монетой, а гдѣ и рогатымъ силлогизмомъ, черныя дѣянія бѣлыхъ ливонскихъ рыцарей. Въ концѣ XV вѣка, во время полнаго развитія борьбы, не на жизнь — а на смерть, между городомъ Ригой и рыцарствомъ, здѣсь едва не совершился одинъ изъ очень дѣйствительныхъ, но гибельныхъ замысловъ орденской тактики; глава ордена, Лорингтофенъ, задумалъ было подсѣчь боевую артерію рижской жизни — завалить камнями его гавань, устье Двины. Едва только провѣдали объ этомъ рижане, какъ, все что могло выйти въ бой — ратсгеры, черноголовые, гильдейцы, даже дворяне — вышли по направленію къ Динаминду, гдѣ ожидало ихъ, у капеллы Св. Николая, подъ всякими значками и знаменами, имѣя во главѣ комтуровъ и фохтовъ, рыцарское войско. На этотъ разъ рыцари были побиты нещадно, и орденъ спасся только тѣмъ, какъ это часто бывало, что побѣдители преслѣдовать и довершать какъ слѣдуетъ не умѣли.

Исключительно приморское значеніе Динаминда вызываетъ, на этомъ именно мѣстѣ, вспомнить о фактѣ уже не историческомъ, а вполнѣ современномъ: о замѣчательно быстромъ развитіи мореплаванія, какъ каботажнаго, такъ и дальняго, между нынѣшними латышами и эстами всего балтійскаго побережья. Не находя достаточно прочности на сушѣ, гдѣ громадное большинство ихъ лишено права владѣнія землей, аборигены обратились къ другой стихіи, къ морю, и любятъ и знаютъ его. Подобно тому, какъ по Бѣлому морю и Мурману русская земля имѣетъ прирожденныхъ смѣлыхъ моряковъ въ тамошнихъ поморахъ, такъ и здѣсь, отъ временъ эзельскихъ разбойниковъ и по сей день, эстъ и латышъ превосходный живой матеріалъ для нашего флота. По свѣдѣніямъ министерства финансовъ, въ 1883 г., весь торговый флотъ балтійскаго побережья, кромѣ Финляндіи, имѣлъ 778 судовъ (изъ нихъ паровыхъ 92), тогда какъ въ 1858 году ихъ было только 273. Третье мѣсто по числу судовъ какъ каботажныхъ, такъ и дальнаго плаванія, вслѣдъ за Ригой, занимающею первое мѣсто, и Петербургомъ, занимающимъ второе, принадлежитъ здѣшнему мѣстечку Гайнажъ, владѣющему

83 парусными судами. Цѣлыхъ $^{2}/_{3}$ судовъ, приписанныхъ къ Ригѣ, собственность латышей; по числу ластовъ, латышско-эстонскій торговый флотъ далеко превосходитъ всѣ прочія балтійскія морскія суда, и по списку рижскихъ судовъ торговаго флота для дальняго плаванія, къ 1 января 1884 года первое мѣсто, а именно пять судовъ, показаны принадлежащими латышскому судовладѣльческому обществу „Аустра“.

Много пользы приносятъ этому дѣлу морскія школы, обильно разсыпанныя по балтійскому побережью. Въ эстляндской губерніи мореходный классъ Балтійскаго порта, въ лифляндской— школы въ Магнусгофѣ и Ригѣ и классъ въ Гайнажѣ, въ курляндской — морскіе классы: ангернскій, лубъ-эзернскій, донданген-скій, виндавскіе, базаусскіе, феликсбергскій, либавскій и поланген-скій. На курсѣ 1883—1884 годовъ во всѣхъ ихъ было 379 учениковъ, болѣе половины изъ которыхъ — латыши, около одной трети эстовъ. Самая большая школа, это гайнажская, 72 ученика (27 эстовъ и 45 латышей) и при ней классъ штурмановъ для дальняго плаванія съ 27 учениками, и шкиперовъ для дальняго плаванія съ 9 учениками; между послѣдними одинъ только нѣмецъ. Слѣдуетъ замѣтить что въ донданген-скомъ классѣ имѣются 13 ливовъ, остатки того племени, которое дало свое имя Лифляндіи и, какъ и куроны, почти поголовно было избито рыцарями, пришедшими въ глубокую старь занять ихъ мѣста. Небольшая горсть ливовъ живетъ близь Донгангена, на небольшой рѣчкѣ Райя; но и ихъ дни сочтены, такъ какъ, за неимѣніемъ эстонскихъ школъ, молодыя поколѣнія посѣщаютъ латышскія народныя школы и постепенно забываютъ свой языкъ и свою національность; ливы, жившіе въ Лифляндіи у р. Салиса уже олатышились.

Всѣ эти, какъ историческія воспоминанія, такъ и мысли о современности, возникали само собой при взглядѣ на глубокую синь Балтійскаго моря и его необыкновенную тишину, нарушавшуюся паденіемъ снарядовъ во время стрѣльбы, открывшейся вслѣдъ за прибытіемъ въ павильонъ Ихъ Высочествъ.

Стрѣльба изъ колоссальныхъ 9″, 11″ и болѣе, пушекъ и мортиръ причиняетъ могучее содроганіе воздуха, которое подъ стать только самымъ крѣпкимъ нервамъ. Огромные клубы дыма

становясь при яркомъ солнечномъ освѣщеніе гигантскими опалами всѣхъ колеровъ, тихо плыли и относились, мѣняя краски, въ сторону, такъ какъ вѣтеръ былъ западный и направлялся вдоль побережья. Совсѣмъ особаго рода свистъ причинялся невидимыми, буравившими воздухъ снарядами; видимыми становились только мѣста соприкосновенія съ голубою поверхностью моря тѣхъ, что пущены были изъ пушекъ. Море взрывалось рикошетами, разстоянія между которыми, постепенно умалялись, пока, наконецъ, безконечная гладь воды не умиротворяла снарядъ окончательно, принявъ его въ себя. Снаряды изъ мортиръ, пущенные навѣсно, не рикошетировали, но, падая въ воду, вызывали цѣлые столпы пѣны и струй, образовывавшіе великолѣпные краткосрочные фонтаны. Стрѣляли на 800, 1.200° и болѣе, опредѣляя разстоянія до мишеней гальваническимъ дальномѣромъ Петрушевскаго; стрѣляли чугунными снарядами, стоившими каждый около 150 рублей; еслибы снаряды были стальные, стоимость ихъ возрасла бы до 225 рублей. Между производствомъ выстрѣла и достиженіемъ цѣли проходило, по крайней-мѣрѣ, 20 секундъ времени, и Его Высочество наблюдалъ за дѣйствіемъ снарядовъ въ зрительную трубу.

Пока совершалась стрѣльба и мишени крошились въ щепы, не вдали отъ Ихъ Высочествъ происходила другая трудная, но совершенно молчаливая работа: 40 человѣкъ солдатиковъ вооружали веркъ и устанавливали 8″ пушку, вѣсомъ въ 500 пудовъ; между тѣмъ временемъ, какъ пушка валялась на землѣ и лафета не было видно вовсе, и тѣмъ, когда она, поднятая домкратами, покоилась на немъ, готовая къ стрѣльбѣ, прошло не болѣе 34 минутъ; ясна была, всѣмъ и каждому, трудность вооруженія крѣпости и достиженія такого порядка, чтобы эта существенно важная работа исполнялась безъ суеты и съ полнымъ знаніемъ каждымъ человѣкомъ своего дѣла.

Сказавъ солдатикамъ за стрѣльбу и вооруженіе „спасибо“, Его Высочество, совмѣстно съ Великою Княгиней, прослѣдовалъ къ небольшому крѣпостному собору, гдѣ прослушали молитвословіе и приложились ко кресту. Великій Князь сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ священнику, человѣку еще молодому, бывшему прежде офицеромъ. Осмотрѣвъ лазаретъ, Ихъ Высочества проѣхали по длиннымъ дамбамъ въ Больдераа, гдѣ въ зданіи вновь

открываемаго училища уже ожидалъ Ихъ прибытія преосвященный Донатъ. Насилу проѣхавъ по узкимъ уличкамъ, слишкомъ щедро усыпаннымъ пескомъ и запруженнымъ народомъ, Ихъ Высочества встрѣчены были у дома попечителемъ дерптскаго учебнаго округа, Капустинымъ, тщаніемъ и попеченіемъ котораго русское дѣло въ краѣ строится настойчиво и послѣдовательно съ самаго его основанія, т. е. со школы. Вновь открывшаяся школа помѣщается въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, съ маленькимъ палисадничкомъ; въ нея записалось 60 учениковъ (28 дѣвочекъ и 32 мальчика), изъ нихъ 29 лютеранъ, 24 православныхъ, четыре католика и три еврея. По совершеніи молебствія и окропленіи святою водой всего зданія, Ихъ Высочества соизволили милостиво принять учрежденіе двухъ стипендій Ихъ имени: одну отъ преподавателей русскихъ учебныхъ заведеній, другую отъ русскихъ общественныхъ учрежденій; кромѣ того, купецъ первой гильдіи Клейнбергъ, православный, сынъ таможеннаго досмотрщика, пожертвовалъ, въ память присутствія Ихъ Высочествъ при открытіи училища, 3.000 рублей на постройку дома.

Вслѣдъ за тѣмъ состоялось возвращеніе, пароходомъ же, въ Ригу, гдѣ, какъ мы уже сказали, въ 7 час. вечера, въ замкѣ былъ данъ Ихъ Высочествами обѣдъ властямъ и представителямъ сословій и общества, самый людный изъ всѣхъ, потому, что никого не забыли въ приглашеніяхъ, не старались устранить то или другое лицо, во имя того или другаго, невозможнаго соображенія. Приборовъ было до 150.

Слѣдуя въ свитѣ Ихъ Высочествъ, приходилось иногда удивляться быстротѣ и точности посѣщеній: около 9 часовъ вечера, того же дня, экстренный поѣздъ уже отвозилъ насъ изъ Риги въ Дуббельнъ.

Повидимому изъ всѣхъ морскихъ купаній міра, наиболѣе посѣщаемыя—это Дуббельнъ-Маіоренгофъ, находящіяся въ $1'_2$ часѣ желѣзнодорожнаго сообщенія отъ Риги. Болѣе 50.000 человѣкъ, иногда слишкомъ, пріѣзжаютъ сюда, при чемъ главный контингентъ даютъ, конечно, балтійскія губерніи, но очень многіе ѣдутъ изъ Петербурга и даже изъ Москвы. Дуббельнъ населяется, главнымъ образомъ, еврейскимъ элементомъ, Майоренгофъ — остальными.

Собственно говоря, линія морскихъ купаній, разсыпанныхъ по южному берегу Финскаго залива, тѣснящихся одно къ другому, иногда вплотную, непрерывна, очень длинна. Она начинается отъ Усть-Наровы или Гунгербурга, гдѣ мы будемъ чрезъ нѣсколько дней, затѣмъ слѣдуютъ: Меррекюль, Силламеги съ перерывомъ до Ревеля, за которымъ. уже въ Балтійскомъ морѣ, идутъ: Гапсаль, Аренсбургъ, отчасти Перновъ, Нейбадъ, посѣщаемый почти исключительно здѣшнимъ дворянствомъ, потомъ на рижскомъ побережьѣ Бильдерингсгофъ, Эдинбургъ, Майоренгофъ, Старый и Новый Дуббельнъ, Карлсбадъ и Ассернъ. Всѣ названныя купанья по Финскому заливу и Балтійскому морю, по внѣшности своей, достаточно однообразны; плоская, мелко-песчаная plage, ширина которой измѣняется не особенно сильными приливами и отливами, причиняемыми вѣтрами потому, что собственно приливовъ и отливовъ, въ настоящемъ значеніи этихъ словъ, въ Балтійскомъ морѣ нѣтъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговой черты тянутся плоскіе невысокіе холмы песковъ, дюны, перестраивающіяся ежегодно по фантазіи вѣтра, поросшія довольно крупною сосной по вершинкамъ, а за ними, будто въ защитѣ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, растетъ вдоль всего побережья хвойный лѣсъ, иногда чернолѣсье, между стволами котораго настроено видимо-невидимо дачъ. Дачи эти, по большей части, щелеваты, съ просвѣтами для солнечныхъ и лунныхъ лучей, въ стѣнахъ и въ полу. Жить въ нихъ въ августѣ уже затруднительно, въ маѣ почти невозможно, и только два лѣтніе мѣсяца служатъ, благодаря громадному наплыву пріѣзжихъ, источникомъ очень и очень крупныхъ доходовъ для мѣстнаго населенія. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстностей, благодаря массамъ построекъ, сплоченныхъ такъ, что кухня сосѣда и его домашній обиходъ вполнѣ доступны для наблюденія, а разговоръ можетъ быть слышанъ отъ слова до слова, какъ напримѣръ въ Меррекюлѣ, Дуббельнѣ и Маіоренгофѣ, напоминаютъ, какъ двѣ капли воды, расположеніе Черной Рѣчки и Новой Деревни. Болѣе широко, болѣе пріятно разбросаны постройки въ Силламегахъ, гдѣ берегъ выше и поднимается тремя террасами или „глиндами“, но, если количество дачъ будетъ расти здѣсь такъ, какъ выросло оно въ другихъ мѣстахъ, на что имѣются данныя, то и тутъ въ скоромъ времени послѣдуетъ то же засореніе атмосферы. Содержа-

ніе соли во всѣхъ купаніяхъ одинаково слабо, причемъ наиболѣе соленое, Либава, что ни годъ теряетъ въ количествѣ пріѣзжихъ. Берегъ моря, сравнительно, вездѣ одинаково безжизненъ, ракушки мелки и сѣры, водоросли бѣдны видами и болѣе всего замѣчается оторванныхъ поплавковъ рыбачьихъ сѣтей и каменныхъ и кирпичныхъ грузилъ ихъ.

Наиболѣе типичны, и во многомъ лучше другихъ, Дуббельнъ, Майоренгофъ и Бильдерлингсгофъ, слитые воедино и тянущіеся нескончаемою вереницей на многія версты. Во-первыхъ, у нихъ подъ бокомъ Рига, что, съ ея магазинами и концертами, является великимъ подспорьемъ; во-вторыхъ, сравнительно, постройки здѣсь лучше; въ третьихъ, оба вокзала, какъ дуббельнскій, такъ и майоренгофскій, въ особенности первый, отстроенный послѣ недавняго пожара и составляющій собственность акціонернаго общества, положительно хорошъ. Но, кромѣ названныхъ, здѣсь есть еще и четвертое преимущество, — это близость рѣки Аа, съ которою за время пути Ихъ Высочествъ намъ пришлось встрѣтиться нѣсколько разъ. Подлѣ Дуббельна рѣка Аа выкидываетъ гидрографическій фокусъ: когда-то вливалась она въ море старымъ русломъ, такъ сказать прямо, теперь же, недовольная этимъ, она, подбѣжавъ къ самому побережью, вдругъ повернула къ востоку и на протяженіи многихъ верстъ, течетъ паралельно берегу, образуя такимъ образомъ очень длинный перешеекъ, на которомъ и расположены Дуббельнъ и Майоренгофъ. Есть несомнѣнные слѣды того, что Карлъ XII, двигаясь вдоль берега моря къ Нарвѣ, шелъ тѣми мѣстами гдѣ теперь выросли приморскія купанья по Финскому заливу; найдены шведскія могилы, кости, вооруженія, напримѣръ, подлѣ Силламеги, въ Петгофѣ; вѣроятно тутъ были расположены госпитали. Въ госпиталяхъ лѣтнее населеніе здѣсь не нуждается, потому, что воздухъ дѣйствительно хорошъ; онъ растворенъ смолистою хвоей, не лишенъ запаха морской волны, а, въ случаѣ дождя, грунтовые пески вбираютъ въ себя воду такъ быстро, что лужи составляютъ особенности только немногихъ, избранныхъ мѣстъ.

Все, что было цвѣтовъ въ окрестныхъ садахъ и поляхъ, оказалось, конечно, сорваннымъ къ пріѣзду Ихъ Высочествъ, потому, что гирляндамъ и вѣнкамъ не было счета по всему

пути, отъ самой Риги начиная. Въ полномъ блескѣ колеровъ мы ихъ не видѣли, потому, что темнѣло, да и небо подернулось тучами; но въ придачу къ нимъ затепливались, мало-по-малу, иллюминаціонные огни, въ разноцвѣтныхъ стеклышкахъ шкаликовъ, въ пестрыхъ бумажкахъ фонарей. Поѣздъ Ихъ Высочествъ остановился у бильдерлингсгофской станціи, съ тѣмъ чтобы Августѣйшимъ Гостямъ прослѣдовать въ экипажѣ къ дуббельнскому вокзалу вдоль всѣхъ трехъ мѣстъ купаній, расположенныхъ одно подлѣ другаго, и ознакомиться съ общимъ ихъ характеромъ. Такъ какъ лицъ, сопровождавшихъ Ихъ Высочества въ эту поѣздку изъ Риги было очень много, то вслѣдъ за Ихъ коляской направилось цѣлое шествіе разнообразнѣйшихъ экипажей и упряжей, изъ которыхъ многіе были очень нарядны. Аркамъ, поставленнымъ вдоль пути, не было числа, равно какъ и вензелямъ. Сталъ накрапывать небольшой дождь и сквозь глубокія сумерки обрисовывались причудливые балкончики и веранды дачъ самыми яркими красками бенгальскихъ огней. На пути стояли дачники, и ясно можно было различать на которой изъ дачъ живутъ русскіе, потому, что отъ нихъ особенно громко и задушевно неслось „ура“. Всякіе маленькіе Сонички, Асички, Коленьки, Машеньки, Ванички и Оленьки изъ себя выходили, чтобъ ихъ было слышно какъ можно дальше и, надо отдать справедливость, вполнѣ достигали цѣли, привѣтствуя — „нашего Великаго Князя“, „нашу Великую Княгиню“.

Дуббельнскій вокзалъ и садъ, его окружающій, расположены на одной изъ самыхъ высокихъ кучекъ дюнъ. Ихъ Высочества въ экипажѣ поднялись къ вокзалу отъ берега моря по вьющейся, глубоко песчаной дорожкѣ, вдоль которой съ обѣихъ сторонъ стояли люди съ палочками бенгальскихъ огней въ рукахъ, такъ что путь шелъ въ огненной радужной лентѣ. Въ самомъ вокзалѣ хозяевами, при угощеніи чаемъ и фруктами, были представители и представительницы акціонернаго общества; въ центрѣ сада, въ павильонѣ, игралъ очень хорошій оркестръ, зачастую прерываемый кликами „ура“ многотысячной толпы, разсыпанной по темени ночи, по неровностямъ дюнъ, между пылавшею въ бенгальскихъ огняхъ хвоей.

Обратный путь въ Ригу совершенъ былъ Ихъ Высочествами съ экстреннымъ поѣздомъ прямо отъ дуббельнской станціи, находящейся въ сотнѣ шаговъ отъ вокзала. Было далеко за полночь когда, въ виду предстоявшаго на утро выѣзда изъ Риги, можно было отдохнуть, вслѣдъ за впечатлѣніями одного изъ самыхъ трудныхъ и разнообразныхъ по количеству осмотрѣннаго дней.

ИКСКЮЛЬ. ШТОКМАНСГОФЪ.

Древнѣйшія пажити нѣмецкаго водворенія на прежней русской землѣ. Несостоятельность Полоцкого княжества. Икскюль. Кокенхузенъ. Рѣчь протоіерея. Штокмансгофъ. Развалины Зельбурга. Дворянскія имѣнія — особый видъ сообственности. Временныя уничтоженія ландратовъ. Положеніе въ какое можетъ быть поставлено нравительство. Прибытіе въ Якобштадтъ.

Ѣнко, вплотную одни подлѣ другихъ стояли толпы народа, высились знамена гильдій, цеховъ, политехническихъ корпорацій, пожарныхъ и вытянуты были шпалерами солдаты, когда, 25 Іюня, въ 9 часовъ утра Ихъ Высочества направились къ вокзалу, чтобы отбыть изъ Риги; повсюду гудѣла музыка и раздавалось пѣніе.

День былъ ясный, жаркій, и отъ множества букетовъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ салонномъ вагонѣ Ея Высочества, пестрѣло въ глазахъ и разносилось благоуханіе. Всѣ власти, представители сословій и города, а также дамы, находились на лицо и со многими изъ нихъ, на прощаніе, Ихъ Высочества милостиво разговаривали.

Когда тронулся поѣздъ и пошелъ самымъ медленнымъ ходомъ, населеніе Риги, будто не нашедшее себѣ мѣста въ городѣ, продвигалось далеко въ пригородъ, въ поля, вдоль пути, и послѣдніе звуки „ура!“ шли отъ солдатъ, забѣжавшихъ впередъ далѣе другихъ.

Поѣздъ двигался по тѣмъ именно мѣстамъ Двины, отъ древняго холма „Риге“, на которомъ возникъ первый рыцарскій замокъ, до древняго Икскюля (финское слово, означающее деревню), гдѣ основана была первая католическая церковь. Уже

тогда, во второй половинѣ XII вѣка, если бы зачатки будущей ливонской жизни могли подлежать обслѣдованію, можно бы было, такъ-сказать, провидѣть главныя основныя линіи ея развитія: кусочекъ Двины, вдоль которой мы двигались, имѣлъ на протяженіи одного часу желѣзнодорожнаго пути, на одномъ концѣ рыцарскій замокъ, на другомъ католическую церковь, то-есть, тѣ два могучіе опорные пункта, на которыхъ предстояло вертѣться всей будущей мѣстной исторіи.

Если идти въ изслѣдованіи зачатковъ этой жизни далѣе, то можно бы было замѣтить и третьяго участника будущихъ судебъ Ливоніи, а именно Россію, въ представительствѣ, правда, довольно неудачномъ, Полоцкаго княженія. Одна изъ древнѣйшихъ ливонскихъ лѣтописей „риѳмованная“, говоритъ, какъ мы уже упомянули выше, что земли эстовъ, ливовъ и латышей, до прихода нѣмцевъ, принадлежали русскимъ; что августинскій монахъ Мейнгардтъ, гробницу котораго мы видѣли въ Рижской Domkirche, придя на берега Двины, какъ истый нѣмецъ, счелъ нужнымъ соблюсти форму испрошеніемъ „позволенія“ у владѣтеля страны, князя полоцкаго Владиміра, на проповѣдь между язычниками; что добродушный русскій далъ на это свое согласіе за что потомъ дорого и поплатился. Другое подтвержденіе въ томъ, что папа Климентъ III, въ концѣ XII вѣка, въ одной изъ буллъ своихъ говоритъ, что епископство икскюльское было основано „въ Россіи“ Ruthenia т. е., что наиболѣе глубоко залегшія въ этихъ мѣстахъ людскія кости, давно истлѣвшія, принадлежали русскимъ передовымъ колонизаторамъ.

Кромѣ того, стоитъ открыть „Исторію Полоцка“ Бѣляева, стоитъ возобновить въ памяти первыя книги Карамзина, Соловьева и другихъ изслѣдователей, прочно стоящихъ на современныхъ лѣтописяхъ, чтобы не сомнѣваться ни одного мгновенія въ томъ, о чемъ не любятъ говорить источники нѣмецкіе, объ исконной принадлежности этихъ земель Россіи. Отъ Припети до Нарвы и Балтійскаго побережья шла въ тѣ дни Полоцкая земля; по свидѣтельству Генриха Латыша полочане имѣли на Двинѣ за долго до прихода нѣмцевъ два укрѣпленные города: Кукенойсъ, нынѣшній Кокенхузенъ, русскаго священника котораго намъ предстоитъ скоро увидѣть, и Герсикъ, отъ котораго нѣтъ и помину; мѣстонахожденія послѣдняго ищутъ

подлѣ Динабурга или на мѣстѣ нынѣшнихъ желѣзнодорожныхъ станцій Крейцбургъ и Штокманегофъ, на которыхъ, на обѣихъ, будто во вниманіе къ исторіи, послѣдуютъ двѣ Великокняжескія остановки. Скорѣе всего Герсикъ находился около нынѣшняго Штокманегофа, такъ какъ до сихъ поръ невдалекѣ отъ развалинъ Зельбурга, находятся остатки развалинъ, называемыхъ развалинами Герсика. Въ 1030 году Ярославъ Владиміровичъ основалъ, какъ извѣстно, Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ. Бунге въ „Urkundenbuch“ вспоминаетъ о нѣсколькихъ другихъ до-нѣмецкихъ русскихъ селахъ и деревняхъ. Если основываться на очень почтенномъ изданіи „Витебской Старины“, то православіе въ краѣ утвердилось еще въ концѣ X вѣка, и, какъ справедливо замѣчаетъ Иловайскій, подвигалось оно безъ переворотовъ, безъ истребленія и обнищанія туземныхъ племенъ. Не такъ ли движемся мы и теперь на дальнемъ востокѣ, не въ томъ ли причина сочувствія къ намъ бывшихъ эстовъ и латышей здѣсь, въ прибалтійской странѣ?

Полоцкое княженіе, по древнимъ стогнамъ котораго мы двигались, пошло съ Изяслава Владиміровича, сына Рогнѣды, и лучшимъ временемъ его было время внука Изяславова — князя-чародѣя Всеслава, о которомъ: „Слово о Полку Игоревѣ“, гласитъ что онъ:

„Судъ давалъ и рядилъ князьямъ города; а самъ волкомъ
„Рыскалъ въ ночи. Кидался изъ Кіева къ Тьмутаракани..
„Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ заутреннѣ рано
„Въ колокола у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ слышалъ
„Благовѣстъ тотъ...“

Вслѣдъ за смертью Всеслава, въ 1101 году, Полоцкое княженіе хилѣетъ, на престолѣ его не появляется ни одной выдающейся личности, и нѣмецкое вліяніе можетъ устанавливаться вволю, что и совершается. Полоцкое княженіе было придушено Литвой, погибъ въ бою князь Изяславъ Васильковичъ, —

„....Дружину его удалую
„Крыльями птицы одѣли, а звѣри кровь полизали!“

И затуманилась тогда же вся исторія всей Русской земли до временъ Іоанновыхъ. Когда Іоаннъ III въ 1463 году заключилъ съ епископомъ дерптскимъ договоръ, то послѣдній обязался,

между прочимъ, оказывать въ Дерптѣ покровительство православнымъ и „то держать по старинѣ и по стариннымъ грамотамъ“; когда Іоаннъ III заключилъ съ орденомъ въ 1502 году мирный договоръ, то епископъ дерптскій обязался, за ручательствомъ магистра, платить Россіи старинную поголовную дань; съ полнымъ созданіемъ своего „юридическаго“ права, права которое здѣсь такъ любятъ по сегодня, вспомнилъ Іоаннъ Грозный такъ-называемый „Glaubenszins“, дань которую выговорилъ себѣ и своимъ преемникамъ Ярославъ съ Дерпта, о которой вспоминаетъ и Соловьевъ, какъ о „дани вѣры“, взимавшейся неоднократно русскими князьями. Когда, еще ранѣе этого, пришло время реформаціи и вызвало въ Дерптѣ кровопролитіе, отразившееся и на тамошней православной церкви, Василій III. Великій Князь Московскій, произнесъ знаменитыя слова: „Я не папа и не императоръ, которые не умѣютъ защитить своихъ храмовъ“. Іоаннъ Грозный понималъ эту святую преемственность не иначе и, какъ извѣстно, покончилъ съ орденомъ, взявъ себѣ, какъ и подобало, „отчину князей московскихъ“.

По этой именно „отчинѣ“ двигался Великокняжескій поѣздъ; во время пути мимо Кренгольмскаго лагеря Его Высочество здоровался съ людьми 29 дивизіи, со всѣми четырьмя полками, вытянутыми по-баталіонно съ правой стороны полотна. Около 10 часовъ утра остановился поѣздъ у станціи Икскюль. и Ихъ Высочества, сѣвъ въ экипажъ, прослѣдовали въ недалекій отсюда лагерь 2-й саперной бригады. Вслѣдъ за смотромъ, когда люди были распущены по палаткамъ, Его Высочество на конѣ, а Великая Княгиня въ колескѣ, направились къ берегу Двины. Красивы и холмисты здѣсь берега Двины. Влѣво отъ павильона, построеннаго для Ея Высочества на самомъ высокомъ мѣстѣ для того, чтобъ удобнѣе было смотрѣть на наводку моста и цѣлый рядъ взрывовъ, изъ-за невысокаго косогора обозначался шпиль бѣлой икскюльской церкви, родоначальницы всѣхъ католическихъ, а потомъ и протестантскихъ церквей края. Конечно, это не та церковка, что была воздвигнута Мейнгардомъ въ XII вѣкѣ, но мѣстонахожденіе то же самое, только нѣтъ болѣе и слѣда тѣхъ дремучихъ лѣсовъ, которые высились нѣкогда въ этомъ мѣстѣ и служили единственною защитой подлежавшаго уничтоженію населенія. Что касается до лагеря, находящагося на этомъ

историческомъ мѣстѣ, то это безспорно одинъ изъ лучшихъ; онъ обязанъ этимъ не только красотѣ Двины, но и тому искусству въ землекопныхъ и строительныхъ работахъ, на которыя тамъ способны наши саперныя войска.

Наводка моста понтоновъ Бираго, при ширинѣ рѣки въ 118° и довольно быстромъ теченіи, продолжалась отнюдь не долѣе 20 минутъ и участвовало въ ней 260 человѣкъ саперовъ; разводка продолжалась 4 минуты. Его Высочество прошелъ по мосту. Одинъ изъ понтоновъ — почетный, съ 29-ю пробоинами, принесенными съ Дуная; почетныя весла, участницы славнаго похода, входили въ составъ декораціи Великокняжескаго павильона; одинъ изъ командировъ былъ тоже представителемъ перехода черезъ Дунай. Всѣ фугасы, всѣ каменометы сдѣлали свое дѣло, поднялись столбами, опрокинулись пылью, разсыпались каменною сыпью, взбаломутили воду, взрыли землю и разнеслись мужественными голосами своими далеко, далеко. Всѣ они, поочереди, слушались невидимой руки, прикасавшейся къ проводникамъ электрической батареи. Вѣтеръ на этотъ разъ былъ не такъ любезенъ, какъ вчера въ Динаминде: дымъ и цѣлая атмосфера, насыщеннаго запахомъ пороха, какъ бы тумана, образовавшагося отъ массъ поднятой въ воздухъ воды, наваливала на Великокняжескій павильонъ.

Великокняжеское „спасибо“ завершило смотръ саперовъ, и послѣ завтрака, даннаго отъ войскъ въ офицерской столовой 2-й саперной бригады, Ихъ Высочества отправились въ экипажѣ къ станціи желѣзной дороги. По пути къ станціи, Его Высочество смотрѣлъ на вытянутыя по сторонамъ дороги отчетливыя и красивыя работы, исполненныя какъ саперами, такъ и прикомандированными къ нимъ людьми. Подлѣ станціи обратилъ на себя вниманіе своимъ убранствомъ лагерь юнкеровъ, расположенный въ рощѣ.

Поѣздъ тронулся въ дальнѣйшій путь немедленно, имѣя въ виду, на этотъ разъ, еще цѣлыя три остановки до прибытія къ ночи въ Динабургъ. Ближайшая состоялась на станціи Кокенхузенъ, около 3 часовъ пополудни. Хорошо слышится въ нѣмецкомъ имени станціи старое имя Кукенойса, древне-русскаго города, о которомъ мы вспоминали. Здѣсь, во главѣ учениковъ православныхъ училищъ, ожидалъ мѣстный благочинный про-

тоіерей; далѣе, но совершенно отдѣльно, помѣщались ученики лютеранскихъ народныхъ училищъ. Вокзалъ былъ убранъ гирляндами и флагами; при выходѣ изъ него была устроена арка, слышались пѣніе и музыка. Кокенхузенскій протоіерей взволнованнымъ голосомъ произнесъ коротенькую привѣтственную рѣчь, въ которой очень характерно изобразилъ значеніе въ мѣстной жизни Царственныхъ посѣщеній; четверть вѣка назадъ, сказалъ онъ, кокенхузенскіе прихожане, православные латыши, были осчастливлены посѣщеніемъ Августѣйшихъ Родителей Его Высочества; цѣлыхъ четверть вѣка, при тѣхъ невзгодахъ, которыя пришлось имъ испытать, утѣшались они воспоминаніемъ этихъ счастливыхъ минутъ, испытавъ счастіе, хотя на мгновеніе, взглянуть на помазанниковъ Божіихъ; далѣе, сказалъ онъ, что, узнавъ о близости проѣзда Ихъ Высочествъ въ границахъ древнеправославнаго Кукенойса, олатышившіеся потомки русскихъ полочанъ не могли отказатся, „не могли быть удержаны“ отъ счастья увидать и привѣтствовать Ихъ Высочества. Милостиво было принято это горячее привѣтствіе и выражено желаніе успѣха русскому дѣлу, русскому языку и преуспѣянію православной церкви. Какъ сказано, нельзя было не замѣтить особенно сильнаго волненія въ голосѣ православнаго священника и словъ его, выразившихъ мысль, что олатышившіеся полочане „не могли быть удержаны“ отъ лицезрѣнія своего Великаго Князя и своей Великой Княгини. Неужели же думалъ кто-либо удержать? неужели же, думалось невольно, что то, что замѣчалось неоднократно въ качествѣ розни между сословіями и вѣроисповѣданіями въ городахъ, проникло и въ мирную деревню и дробитъ прибалтійскія губерніи на какіе то отдѣльные слои, напластованія, кружки? эта, если можно такъ выразиться, шкатулочная система, эта игра въ прятки, какъ и всѣ противоположныя этому, хорошія стороны страны, едва ли не должна быть отнесена цѣликомъ къ первенствующему сословію—дворянству, вліяніе котораго всюду проникаетъ, вездѣ всемогуще и которое очень легко могло бы устранить эту рознь, еслибы пожелало. Дрожалъ голосъ священника — значитъ дрожало и его сердце, вспоминая о „цѣлой четверти вѣка невзгодъ“.

На слѣдующей станціи Штокмансгофъ, Ихъ Высочества, принявъ представившагося имъ начальника витебской губерніи,

князя Долгорукова, прослѣдовали въ экипажѣ въ недалекую усадьбу графа Медема, давшую станціи свое имя и извѣстную водочнымъ заводомъ, производящимъ многіе отличные сорта штокмансгофскихъ кюммелей. Усадьба эта, какъ и всѣ большія усадьбы въ краѣ, имѣетъ въ центрѣ своемъ прочный, каменный, барскій домъ, отъ котораго, далеко кругомъ, разбѣгаются хозяйственныя постройки, качеству и порядку которыхъ можно только позавидовать. Паркъ, расчищенный лѣсъ, заборчики, лѣсная стража, конторы, запасные магазины, многія фермы — все это сви дѣтельствуетъ о большой культурности и давнишнемъ вниманіи къ дѣлу. Здѣсь въ почетѣ все давнишнее и, какъ бы въ доказательство этого, передъ лѣстницей барскаго дома въ саду высятся, чуть ли не выше крыши дома, пущенныя оригинальнѣйшимъ образомъ въ столбы двѣ очень старыя аристолохіи, широкій, изумрудный листъ которыхъ одѣваетъ эти змѣиные столбы крупною, шевелящеюся на вѣтрѣ чешуей. Совершенно незаконнымъ образомъ выросла между ступенями крыльца березка. вполнѣ крѣпкая, питающаяся Богъ знаетъ чѣмъ и какъ. Радушіе хозяевъ, какъ и подобало при встрѣчѣ Ихъ Высочествъ, было самое полное, и самые жаркіе часы жаркаго дня въ мѣру отѣнялись прочными стѣнами барскаго дома и густою зеленью, окружающею ихъ.

Пребываніе Ихъ Высочествъ въ Штокмансгофѣ завершилось очень красивою прогулкой по Двинѣ. По хвойному лѣсу, хорошо содержанному, по узкимъ дорожкамъ, мимо многихъ вооруженныхъ лѣсныхъ сторожей, пѣшихъ и конныхъ, съ бляхами на груди, свидѣтельствовавшими о строгости надзора за лѣсомъ, спустились мы въ экипажахъ къ берегу рѣки. Тутъ стояли у пристани двѣ большія лодки, прочно связанныя и накрытыя помостомъ, и на нихъ-то Августѣйшіе Гости, въ сопровожденіи очень многихъ представителей дворянства, приглашенныхъ хозяевами, спустились внизъ по теченію верстъ на пять. Двина въ этомъ мѣстѣ очень порожиста, быстра и будто завита по всей поверхности кудрями вьющихся струй; отвѣсно поднимаются надъ нею подмытыя снизу, изглоданныя сверху, скалы известняковъ, проступающихъ наружу слоями большей или меньшей мощи. Лѣвый отъ насъ берегъ была курляндская губернія, правый — лифляндская; мы спускались мимо скалъ, названныхъ именами

Андрея и Анны; на курляндскомъ берегу, на высшемъ мѣстѣ, виднѣлись еле замѣтные остатки стараго замка Зельбургъ, одного изъ мѣстъ, намѣченныхъ когда-то, до появленія Москвы, поступательнымъ движеніемъ русскихъ. Повидимому даже самый планъ его и тотъ свѣянъ временемъ, и только небольшія части стѣнъ, какъ искрошившіеся зубы чудовищной челюсти, вырѣзывались на глубоко ясной лазури неба. Внизу, подъ развалиной — перевозъ черезъ Двину и, одна противъ другой, красуются двѣ корчмы надъ розсыпью камней, подъ защитой отвѣсныхъ скалъ. Приставъ къ берегу и пересѣвъ въ прибывшіе сюда экипажи, Ихъ Высочества отправились къ вокзалу желѣзной дороги, и около 7 часовъ вечера экстренный поѣздъ Ихъ Высочествъ уже подъѣзжалъ къ станціи Крейцбургъ.

Принявъ почетный карауль, властей, представителей сословій и депутаціи отъ сѣверныхъ волостей динабургскаго уѣзда и крейцбургскаго мѣщанскаго общества, Великій Князь и Великая Княгиня проѣхали въ экипажѣ не болѣе версты разстоянія, мимо усадьбы барона Корфа, къ пристани на Двинѣ, гдѣ, спустившись съ высокаго берега по нарочно устроенной, разукрашенной лѣстницѣ, пересѣли въ катеръ и направились немедленно къ Якобштадту, лежащему наискосокъ, напротивъ. Вечеръ былъ восхитительно хорошъ, и флотилія лодокъ, шествовавшая вслѣдъ за Ихъ Высочествами, прибавляла красоты картинѣ, имѣвшей съ одной стороны Двины высокія, массивныя зданія мызы барона Корфа и разсыпанныя подлѣ нея прочныя постройки Крейцбурга а съ правой, немного подальше, сѣренькіе, невзрачные, приземистые домики Якобштадта. Желтовато-золотистое небо отражалось въ тихой, еле струившейся Двинѣ, и яркіе колера солнечнаго заката покоились на глубокой зелени людныхъ береговъ и небольшаго острова, мимо котораго наши лодки тихо проплывали. Очень гармонично звучалъ на встрѣчу Ихъ Высочествамъ небольшой колоколъ православной якобштадтской церкви, возраждающейся изъ праха, вслѣдъ за таинственнымъ недавнимъ преступленіемъ взорвавшимъ и сжегшимъ ее.

Такъ какъ Ихъ Высочества только-что посѣтили въ пути двѣ крупныя дворянскія усадьбы, и предстояло, послѣ посѣщенія Якобштадта, быть въ третьей, еще болѣе крупной, то, пользуясь случаемъ и отмѣчая особенности прибалтійскаго края.

мы должны вспомнить о томъ, что, въ силу разныхъ историческихъ обстоятельствъ, помимо той собственности дворянскихъ имѣній, какая есть вездѣ, здѣсь существуютъ и совершенно исключительныя, коллективныя собственности разныхъ имѣній; это такъ-называемыя имѣнія „на особомъ положеніи“ состоящія, судейскія или пасторатскія видмы или собственности, приписанныя къ тому или другому мѣсту, занимаемому тѣмъ или другимъ, конечно, выборнымъ отъ дворянства, лицомъ. Это нѣчто до такой степени своеобразное, что требуетъ особаго поминанія и должно быть причтено къ разряду такихъ же особенностей какъ голубые орденскіе знаки на дамахъ Катериненштифта, какъ Шварцгауптеры, какъ „литераты“.

Имѣній особаго вида три разряда:

1) имѣнія, Высочайше пожалованныя въ безсрочное арендное содержаніе частнымъ лицамъ; такихъ только три и пожалованы они въ прошломъ столѣтіи: Еркюль, Паббатъ-Пемперпъ и Тайферъ; ихъ немного, и особаго интереса они не представляютъ до тѣхъ поръ, конечно, пока не перейдутъ въ разрядъ вымороченыхъ. Гораздо интереснѣе категорія:

2) два имѣнія, пожалованныя въ 1797 году на содержаніе феллинскаго общества благородныхъ дѣвицъ, съ которымъ, къ несчастію, въ предстоящемъ путешествіи познакомиться намъ не придется. Въ 1870 году лифляндская ландратская коллегія, завѣдующая феллинскимъ обществомъ, ходатайствовала у своего мѣстнаго гофгерихта объ укрѣпленіи общества въ „полной собственности“, что и было любезно исполнено коллегіей, но Сенатъ взглянулъ немного иначе и указомъ 7 февраля 1881 года призналъ, какъ и слѣдовало, право собственности за казной. Существуютъ на подобномъ же положеніи, какъ и названныя два имѣнія, пять другихъ имѣній на островѣ Эзелѣ; но самая любопытная категорія — это:

3) двадцать четыре имѣнія, пожалованныя: въ лифляндской губерніи на содержаніе ландратовъ — числомъ шесть, для той же цѣли на островѣ Эзелѣ — пять; въ эстляндской губерніи на содержаніе канцеляріи оберъ-ландгерихта, ландратовъ и мангерихта — три, и наконецъ въ курляндской „на общественныя потребности“ — десять.

Имѣнія эти по юридическому своему положенію чрезвычайно

любопытны, такъ какъ они представляютъ совсѣмъ особый видъ владѣнія или пользованія, но отнюдь не собственности. Грамоты имѣвшія предметомъ эти имѣнія говорятъ различно: въ 1798 году имѣнія эти названы „отданными въ безсрочное арендное содержаніе“; въ 1839 они оставлены „въ содержаніи“ дворянства; указъ Сената 1813 года разъяснилъ, что эти имѣнія „не должны исключаться изъ списковъ казенныхъ имѣній“; въ сводѣ мѣстныхъ узаконеній (II, 45) сказано что они „должны находиться въ вѣчномъ пользованіи дворянскихъ обществъ“.

Люди юридическіе объясняютъ, что есть дѣйствительно нѣкій способъ раздѣленія или такъ-называемой неполной собственности, причемъ, въ данномъ случаѣ, право пользованія можетъ считаться предоставленнымъ дворянству, а владѣніе остается все-таки за государствомъ. Фактическія судьбы этихъ имѣній гласятъ слѣдующее: отнятыя отъ дворянъ королемъ шведскимъ Карломъ XI при уничтоженіи имъ ландратовъ „за возбужденіе ими безпорядковъ и превышеніе власти“, они возвращены дворянамъ Петромъ I, число ихъ увеличено при Екатеринѣ I, но Екатерина II, вводя въ 1783 году вмѣстѣ съ намѣстничествомъ и общія дворянскія учрежденія, вторично уничтожила ландратовъ и отняла имѣнія; Павелъ I возстановилъ прежнее. Изъ этихъ фактовъ ясно, что правительство, когда оно находило нужнымъ упразднить учрежденія, уничтожало оба раза, вовсе не стѣсняясь, и самый фактъ владѣнія; припоминаются тутъ, на этомъ мѣстѣ и по этому именно вопросу, сходныя съ этимъ мнѣнія Троцинскаго, графа Блудова и другихъ. Съ теченіемъ времени, и за недостаткомъ надзора, часть имѣній этихъ, „данныхъ въ пользованіе“, была „продана“, и только недавній указъ, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, 3-го марта 1886 года, показалъ наглядно, что правительство вовсе не находитъ достаточной причины махнуть рукой на двухмилліонный капиталъ стоимости этого имущества, собственникомъ котораго является все-таки казна. Не безъинтересно было бы узнать, куда и на что пошли деньги уже вырученныя за проданные участки и какимъ образомъ право пользованія само собою переродилось въ право владѣнія?

Кромѣ того, и объ этомъ тоже нельзя не подумать, какую странную, совсѣмъ страдательную роль должно бы играть нра-

вительство въ случаѣ нѣкоторыхъ, всегда возможныхъ осложненій. Допустимъ, напримѣръ, чего нѣтъ, что феллинское общество благородныхъ дѣвицъ получитъ направленіе вовсе нежелательное русскому правительству, или что ландраты, чего опять-таки нѣтъ, будутъ дѣйствовать вовсе не такъ, какъ подобаетъ лицу служащему въ русской землѣ? неужели и въ такомъ случаѣ правительство, сложа руки, можетъ допустить, чтобъ это учрежденіе и эти лица содержались на средства отъ правительства, но дѣйствовали противъ него?!

Идя дальше въ тѣхъ же невозможныхъ предположеніяхъ, допустимъ, что на одномъ изъ ландтаговъ дворянскіе выборы будутъ несогласны съ пожеланіями правительства. Такъ какъ отъ дворянства находится въ прямой зависимости вся волостная и вотчинная полиція, вся судебная власть (кромѣ новѣйшихъ благодѣтельныхъ измѣненій въ прокуратурѣ), все назначеніе въ суды, пасторатъ и пр., то всѣ они получатъ ту же самую нежелательную окраску, но жаловать ихъ за это не только жалованіемъ, но и имѣніями должно, опять-таки, то же страдательное правительство? можетъ ли какой-нибудь ордингсрихтеръ или гауптманъ, получающій въ жалованье отъ казны десятки рублей, а отъ дворянства многія сотни съ названныхъ имѣній и вполнѣ зависящій отъ выборовъ дворянства, пойти противъ него? конечно нѣтъ. Можетъ-ли сравниться положеніе русскаго священника не имѣющаго видмы, съ положеніемъ лютеранскаго пастора имѣющаго таковую? конечно нѣтъ. Путемъ раздачи этихъ видмъ, имѣній и содержаній съ нихъ мѣстное дворянство пріобрѣтаетъ надъ правительствомъ на его же средства верхъ. Съ чѣмъ же это сообразно?

Это маленькое отступленіе, вызванное разговоромъ съ нѣсколькими мѣстными людьми нисколько не мѣшало слѣдить за исполненіемъ дальнѣйшаго маршрута Ихъ Высочествъ, а именно: за выходомъ ихъ на берегъ въ Якобштадтѣ и непосредственнымъ переходомъ въ православную церковь, стоящую почти-что подлѣ воды. Былая исторія этого уголка земли русской, исторія довершившаяся, такъ-сказать, на дняхъ, требуетъ возобновленія въ памяти нѣкоторыхъ фактовъ, что мы и постараемся сдѣлать. Она очень ясно вырисовывалась подъ мелодичные звуки небольшаго колокола временной православной церковки, когда Ихъ Высочества вступали въ нее.

ЯКОБШТАДТЪ. КРЕЙЦБУРГЪ.

Возникающая церковь. Особенности края. Дальнѣйшіе форпосты нѣмцевъ. Они отодвинуты. Герцогъ Іаковъ и его мировая политика. Ополяченіе края. Судьба Иллукста. Возстанія 1831 и 1863 годовъ. Іезуиты и унія и что они дѣлали? недавнее положеніе православія. Прибалтійское братство. Пожаръ церкви въ 1884 году. Посѣщеніе храма и школы. Крейцбургъ.

ркимъ золотомъ заката освѣщалась роскошная картина Двины, съ Якобштадтомъ и Крейцбургомъ на двухъ противоположныхъ берегахъ, когда, вслѣдъ за выходомъ изъ катера на берегъ у Якобштадта, вилотную установленный народомъ и украшенный гирляндами и флагами, проступавшими повсюду, Ихъ Высочества приняли представителей мѣстныхъ властей, равно какъ начальника курляндской губерніи Пащенко, откланявшагося въ Митавѣ и представлявшагося здѣсь вторично, но на краткій срокъ, такъ какъ Якобштадтъ находится въ губерніи, ему ввѣренной. Здѣсь же, подлѣ возникающей вторично, по почину прибалтійскаго православнаго братства, якобштадтской церкви, представился Ихъ Высочествамъ предсѣдатель братства, тайный совѣтникъ Галкинъ-Враскій. Возникающая церковь расположена почти на самомъ берегу, и подъемъ къ ней не великъ. Ихъ Высочества направились во временную церковь и прослушали въ ней молебенъ.

Исторія Якобштадта и его православной церкви настолько любопытна, такъ рѣзко отличается отъ тѣхъ бытописаній прибалтійской земли, съ которыми мы до сихъ поръ имѣли дѣло, что она достойна того, чтобы на ней остановиться.

Та узкая полоса земли, вдоль которой, покинувъ Ригу, съ утра до вечера двигался Великокняжескій поѣздъ, часть курляндской губерніи, уѣзды иллукстскій и якобштадтскій, замѣтна на всякой картѣ и врѣзается между привислянскими губерніями и губерніей витебскою. Это одинъ изъ тѣхъ многострадальныхъ уголковъ земли который, какъ знаменитый четыреугольникъ крѣпостей сѣверной Италіи, какъ центральныя части Рейна, какъ нижняя половина Дуная, лежитъ на дорогѣ большихъ историческихъ столкновеній. Тутъ, говорятъ, мѣстное дворянство не подписывало, а пострѣливало оффиціальную бумагу, въ доказательство ея прочтенія; тутъ никогда не хотѣли подчиненія Россіи, и когда ландтагъ въ 1795 года, собравшійся въ Митавѣ, вотировалъ это подчиненіе, „безусловное и полное“, депутатъ отъ Иллукста оскорбилъ непристойными словами русскаго посла; здѣсь въ этихъ мѣстахъ, въ XII вѣкѣ стояли русскіе города и вполнѣ царило православіе. Но въ какомъ видѣ вернулись эти исконнорусскія, полоцкія земли подъ родное крылышко, и что сдѣлали съ ними орденъ, поляки, іезуиты, унія?! Это возвращеніе къ Россіи началось со времени разложенія Польши, съ 1772 года, сто пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Что же сдѣлали мы для края въ эти 115 лѣтъ? чѣмъ помянуть ихъ?

Вдоль этихъ именно мѣстъ, было такое время, словно по шахматной доскѣ, выдвигались другъ противъ друга рыцарскіе замки, съ одной стороны, и русскіе укрѣпленные пункты, съ другой. Къ 1277 году русскіе отодвинуты, а нѣмцы поставили свои каменные оплоты въ Динабургѣ, Люценѣ и Маріенгаузенѣ; развалины двухъ послѣднихъ еще существуютъ. Уничтоженіе русскихъ боевыхъ форпостовъ не значило еще уничтоженіе русскихъ поселковъ; есть свѣдѣніе, что послѣ разрушенія Герсика, русскіе продвинулись впередъ, за Двину, и доходили въ 1561 году до Зельбурга, мимо развалинъ котораго Ихъ Высочества плыли нѣсколько часовъ тому назадъ, и что мы имѣли тутъ свои церкви и своихъ священниковъ. Очень важенъ тотъ фактъ, что еще въ 1588 году, т. е. когда Москва стояла уже во всеоружіи собиранія русской земли и знаменитый іезуитъ Антонъ Поссевинъ возвращался изъ нея въ Ригу и остановился по пути въ Иллукстѣ, въ первый день Пасхи, то въ городкѣ этомъ не было „ни одной католической церкви“ и царило одно православіе.

Слѣдовавшій за этимъ XVII вѣкъ являлся временемъ долгихъ, упорныхъ войнъ Швеціи, Польши и Россіи, разыгравшихся именно въ этихъ мѣстахъ; онъ перепуталъ историческія теченія, смыслъ людскія наслоенія, и значительное количество жителей разбѣжалось. Послѣ Оливскаго договора 1660 года, фохтейства Динабургъ, Розиттенъ, Люценъ и Маріенгаузенъ, нынѣшніе уѣзды динабургскій, рѣжицкій и люценскій, подъ именемъ „Польскихъ Ифлантовъ“, были уступлены нами Польшѣ, а лѣвый берегъ Западной Двины отошелъ къ герцогству курляндскому, подъ протекторатъ Польши. Тогда представилась людямъ снова возможность вернуться на старыя мѣста. Образовался противъ нѣмецкаго Крейцбурга русскій поселокъ, развившійся въ теченіе десяти лѣтъ въ городъ, названный въ честь Іакова, герцога курляндскаго, Якобштадтомъ. Герцогъ Іаковъ, о которомъ мы уже нѣсколько разъ вспоминали, далъ городу въ 1670 году грамоту, снабдилъ его магдебургскимъ правомъ, обезпечилъ существованіе русскихъ церквей, священниковъ и училищъ и отпустилъ имъ на постройки своего собственнаго лѣса. Такъ возникли между 1670 и 1675 годами церковь Св. Николая и монастырь Св. Духа, съ чудотворною иконой Якобштадтской Божіей Матери.

Но несмотря на доброе вниманіе герцога Іакова, самыя печальныя времена для этого уголка земли только наступали. Унія, какъ извѣстно, началась 8—10 октября 1596 года, съ измѣны православію восьми южно-русскихъ архіереевъ, за которыми послѣдовали и ближайшіе къ нимъ владыки полоцкіе, унаслѣдовавъ, какъ видно, непрочность и безличность древлеполоцкихъ князей. Многія православныя епархіи западной Россіи остались тогда сразу безъ архіереевъ, и Рѣчь Посполитая не замедлила воспользоваться этимъ безначаліемъ нашей церкви, чтобы вводить унію и ополячивать край. Князья, потомки Рюриковичей и Гедиминовичей, поддались этому вѣянію; ополячивались прежде другихъ богатые мѣстные землевладѣльцы, графы Зиберы, Плятеры, Борхи, Розеншильдъ-Паулинъ и другіе, чему немало способствовалъ успѣхъ реформаціи въ орденскихъ земляхъ, изъ которыхъ эти семьи вышли: оставаясь, въ противность своимъ соотчичамъ, вѣрными католичеству, они этимъ доказывали полякамъ свою несомнѣнную солидарность съ ними.

Тяжело поддавался ополяченію и измѣнѣ православію только простой народъ, и противъ него-то направлены были дружныя усилія какъ Рѣчи Посполитой, такъ и мѣстныхъ главарей. Въ 1607 году основанъ тутъ уніятскій монашескій орденъ, незамедливній раскинуться по всей западной Руси; вслѣдъ за нимъ явились іезуиты. Въ Якобштадтѣ и Иллукстѣ, въ началѣ XVIII вѣка, основаны, съ цѣлію обращенія, уніятскіе монастыри; графы Зиберы „фундовали“, одарили здѣшній монастырь и устроили большой іезуитскій костелъ; такіе же монастыри и костелы выросли въ Динабургѣ, гдѣ тоже прочно сѣли іезуиты, завели школы и часовни и учредили крестные ходы. Православіе не могло не угасать при такомъ дружномъ на него напорѣ со всѣхъ сторонъ, и цѣль достигалась такъ успѣшно, что въ этомъ, искони православномъ краѣ, уже ко времени основанія города Якобштадта, о которомъ мы упомянули, въ самомъ Иллукстѣ, когда-то совсѣмъ православномъ, о чемъ свидѣтельствовалъ іезуитъ Антонъ Поссевинъ, не имѣлось православныхъ людей ни одного. Къ концу XVIII вѣка, во всей лифляндской мѣстности, въ прежней старой вѣрѣ, въ полномъ одиночествѣ, пребывалъ только Якобштадтъ, городъ съ нѣмецкимъ именемъ, и, кромѣ него, очень малое число приходовъ. Въ этомъ многострадальномъ уголкѣ имѣло мѣсто, въ видѣ совершеннаго исключенія изъ общихъ историческихъ законовъ, то обстоятельство, что поляки и нѣмцы дѣйствовали заодно противъ общаго врага, православія. Здѣсь же и во имя того же самаго, при польскихъ возстаніяхъ 1831 и 1863 годовъ, мѣстное лютеранство брало подъ свое покровительство укрывавшееся польское католичество, что еще болѣе несообразно съ историческими преданіями. На памяти всѣхъ смута 1863 года и пребываніе здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, близкихъ къ главному очагу, многихъ главарей возстанія; здѣсь задумывали они планъ взятія Динабурга; здѣсь снабжались люди заграничными паспортами и другими документами на незаконную покупку въ Польшѣ имѣній; сюда, несмотря на непосредственную близость, не проникали мощныя распоряженія Муравьева. Здѣсь еще очень, очень недавно, такъ сказать на-дняхъ, проживали скопомъ люди, не имѣвшіе права на жительство даже въ одиночку, такъ называемые „гости изъ Польши и Литвы“.

Мы сказали, что было такое время, что православнымъ въ краѣ оставался одинъ только Якобштадтъ. Іезуитамъ удалось, однако, совратить бурмистра Зуркевича и настоятеля Николаевской церкви Боровскаго, и 8-го іюня 1721 года именемъ города приглашены были въ Якобштадтъ монахи базиліане, немедленно построившіе монастырь Покрова Богородицы (сгорѣлъ въ 1773 г., замѣненъ въ 1783 каменнымъ, переданъ въ православное вѣдомство въ 1839 году). Тогда-то и тутъ, какъ это было вездѣ, тотъ, кто былъ въ городѣ побогаче, да познатнѣе, билъ челомъ базиліанамъ, но все бѣдное, работящее населеніе оставалось вѣрнымъ своему православному Богу. И тутъ, какъ это было вездѣ, расплодились подлоги, къ числу которыхъ должно быть отнесено подтвержденіе королемъ Августомъ III въ пользу уніатовъ тѣхъ правъ, которыя даны были герцогомъ Іаковомъ въ 1744 году православнымъ; король подтвердилъ права, данныя православнымъ, какъ бы данныя католическимъ базиліанамъ, и на основаніи этого-то, „подтасованнаго документа“, уніаты не замедлили отнять земли у Святодуховскаго монастыря и открыли непріязненныя дѣйствія уже съ полною надеждой на успѣхъ.

Исторія гласитъ, что средствами борьбы, не лишенными значительной силы въ католическомъ мірѣ, не исключая самого Рима, нерѣдко являлись пасквили. Явились они и здѣсь на православныхъ стѣнахъ монастырскихъ; одинъ изъ такихъ пасквилей представленъ бургомистру-уніату іеромонахомъ Пахоміемъ Бенкевичемъ. Городскія ратушныя книги Якобштадта 1753 года разсказываютъ, что этотъ монахъ Пахомій, вслѣдъ затѣмъ, подкарауленъ на улицѣ игумномъ и монахами уніатскаго монастыря, что его сволокли въ монастырь, нещадно избили и приговаривали: „вотъ тебѣ Императрица! вотъ тебѣ Петербургъ и Москва! вотъ тебѣ генералы и оберраты! поди теперь, жалуйся!“.

Жаловаться было некому: герцогъ курляндскій оказывался безсильнымъ сдѣлать что-либо, а Польша только радовалась; одна изъ жалобъ нашему посланнику въ Митавѣ, въ 1760 году, не привела ни къ какимъ результатамъ. Съ присоединеніемъ Польскихъ Ифлантовъ къ Россіи, въ 1773 году, іезуитамъ стало не совсѣмъ ловко, и Святодуховскій монастырь оставленъ ими въ покоѣ; въ 1795, по присоединеніи къ Россіи герцогства курляндскаго, Святодуховскій монастырь переданъ въ вѣдѣніе псков-

ской епархіи; въ 1817 году онъ, выдержавшій долгую и трудную борьбу, упраздненъ, и обѣ церкви его обращены въ приходскія. Поникли тогда долу ихъ кресты, но за то захилѣла и враждовавшая съ ними унія. Она обмирала что ни день; послѣдовали отпаденія отъ нея въ католичество и, наконецъ, наступилъ 1839 годъ, время присоединенія уніи къ православію.

До самыхъ послѣднихъ, современныхъ намъ дней, положеніе православія въ обоихъ уѣздахъ курляндской губерніи, тянущихся вдоль Двины, почти совершенно соотвѣтствовало тѣмъ грустнымъ картинамъ, которыя мы очертили относительно Якобштадта. Въ зельбургскомъ округѣ или благочиніи, такъ зовется эта духовно-административная единица Россійской Имперіи (имя ея отъ помѣщичьей мызы, Зельбургъ), въ настоящее время представителями православія являются иллукстскій женскій монастырь, преобразованный въ 1881 году изъ мужскаго, и приходы бывшаго уніатскаго деканата, къ которому присоединенъ приходъ въ мѣстечкѣ Гривка, лежащемъ противъ самаго Динабурга, учрежденный тоже въ 1881 году.

По ходатайству генералъ-губернатора, князя Суворова, въ 1849 году зельбургскій округъ, въ противность дѣйствительной потребности, присоединенъ къ рижской епархіи. Этимъ онъ выдѣленъ изъ-подъ епархіальной власти, вѣдавшей остатки уніи въ Царствѣ Польскомъ, очень хорошо знакомой съ традиціонными пріемами католичества, и былъ, такъ сказать, изъятъ изъ-подъ общаго опытнаго надзора и ввѣренъ, съ совершенно яснымъ разсчетомъ, еще очень молодому въ тѣ дни и не привыкшему къ этимъ пріемамъ, епископству рижскому. Только въ самое недавнее время Святѣйшему Синоду, послѣ многихъ усилій и всякихъ противодѣйствій, удалось ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ православія въ зельбургскомъ округѣ и принять нужныя мѣры къ возстановленію того значенія господствующей въ Россіи церкви, которое она должна имѣть.

Тутъ оказались, что невѣроятно, православными священниками люди, говорящіе дома по-польски, дочери которыхъ—католички; оказалась существующею такая церковь, изъ которой давно уже украдена утварь, и служенія въ ней не бываетъ вовсе; оказалось до 30 школъ при католической церкви, будто бы для приготовленія дѣтей къ первой исповѣди, съ польскимъ языкомъ

обученія; оказались въ католическихъ волостяхъ малоизвѣстныя школы, почему-то подчиненныя курляндской дворянской коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ; оказались православные ученики, не умѣющіе творить крестное знаменіе, не знающіе молитвы Господней; оказались школы безъ славянскихъ азбукъ, Евангелій и молитвенниковъ.

Это ли не ясная картина? и сколько нужно было настояній и умѣнья, чтобы только ознакомиться съ нею и этимъ сдѣлать добрую половину дѣла! вотъ характерная статистическая табличка, служащая отличнымъ противоположеніемъ тому, что видѣлъ въ Иллукстѣ іезуитъ Поссевинъ, когда царило одно православіе: населеніе въ иллукстскомъ уѣздѣ въ 1883 году распредѣлялось такъ:

Католиковъ	37.680
Лютеранъ	10.180
Евреевъ	6.710
Православныхъ	5.720
Раскольниковъ	4.000

Три вѣка безусловныхъ гоненій сдѣлали, значитъ, свое дѣло, и повсюдные католическіе, съ ex voto, кресты при дорогахъ, частые крестные ходы, постановка временныхъ алтарей у крылецъ наиболѣе щедрыхъ радѣтелей католической церкви, свидѣтельствуютъ о томъ, что инспекція Святѣйшаго Синода появилась очень своевременно для поданія помощи тѣмъ православнымъ людямъ господствующей въ Имперіи церкви, верховенство которой никакими привилегіями, никакимъ большинствомъ другихъ вѣроисповѣданій по окраинамъ не отмѣняется. Вполнѣ своевременно было поддержать этихъ православныхъ и дать имъ то, что имѣютъ церкви, не господствующія, а именно: домъ молитвы съ приличною утварью и школу съ букваремъ и дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ мѣсторасположеніемъ. Доказательствомъ тому, что климатическія или другія условія въ этомъ краѣ вовсе не-смертельны для православія, служитъ благолѣпіе женскаго монастыря въ Иллукстѣ, являющееся прямою противоположностью къ картинамъ нашихъ православныхъ школъ и нашихъ молитвенныхъ домовъ.

Несомнѣнно что историческое развитіе совершило свой полный кругъ, и для этого края настаютъ другія времена. Уже лѣтъ

двадцать пять назадъ стали мы приглядываться къ судьбамъ православія въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ 1869 году образовалось для поддержки православія „Братство Гольдингенское Покровское“, имѣвшее дѣло только съ однимъ уѣздомъ, а въ 1870 — „Прибалтійское Православное Христа Спасителя“, распространявшее свою дѣятельность на всѣ три прибалтійскія губерніи, съ цѣлью поддержанія въ нихъ православія. Оба братства эти находились подъ Высокимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Въ 1881—1882 годахъ Ея Величество изъявила желаніе слить оба эти учрежденія въ одно, что и исполнено. Новый уставъ утвержденъ Святѣйшимъ Синодомъ въ 1882 году для „Прибалтійскаго Православнаго Братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери“. Въ 1884 году Общество обладало капиталомъ въ 201.000 руб. и имѣло обширный кругъ дѣятельности по школамъ, раздачѣ книгъ, устройству и благолѣпію церквей; оно выдаетъ также стипендіи учащимся латышамъ. Когда въ 1883 году обнаружилось вторично обращеніе въ православіе въ Леалѣ, Братство не замедлило устроить тамъ молитвенный домъ. Благодаря сильнымъ ходатайствамъ и высокой милости Государыни Императрицы, Братство обусловило крупную денежную помощь на православныя школы; находясь въ ближайшей связи съ духовенствомъ великороссійскимъ, оно привлекаетъ къ вещевымъ и денежнымъ пожертвованіямъ на прибалтійскій край и наши древнія, высокопочитаемыя лавры.

Едва только вступивъ въ дѣятельность, Братство не могло не обратить вниманія на запущенную, поникшую долу Святодуховскую церковь въ Якобштадтѣ. Почти все, что было сказано нами о судьбахъ православія въ этомъ краѣ, такъ или иначе касалось этой древнерусской святыни, служившей долгое время единственнымъ свѣточемъ его въ средѣ уніи и іезуитизма. Судьбѣ угодно было, чтобъ именно въ этой церкви совершено было, въ присутствіи графа Бориса Шереметева, молитвословіе, когда исконно-русскій край этотъ снова возвратился къ Россіи. Словно отвыкшія отъ побѣднаго славословія стѣны, по уходѣ нашихъ войскъ, продолжали разрушаться; безпомощными и хилыми глядѣли остатки церкви, когда Православное Братство задумало отстроить ее. Послѣ долгихъ усилій и большихъ затратъ, 1 ноября 1884 года вновь отстроенный храмъ торжественно освященъ, но

уже 16 января 1885 года, въ глубокую зимнюю темень, около 6 часовъ вечера, часть его взорвана на воздухъ, а другая часть сгорѣла; священнику Пойшу удалось спасти чудотворную икону. Страшенъ былъ звукъ взрыва; видѣли люди какъ бы огненный шаръ; на льдинѣ нашли убитую птицу,—самое же преступленіе осталось нераскрытымъ, но по мотивамъ своимъ вызвало многіе толки. Кто посѣщаетъ Якобштадтъ сегодня и видитъ эту церковь, поднимающеюся вторично, тотъ непремѣнно скажетъ Православному Братству свое глубокое спасибо.

Прослушавъ молитвословіе во временной церкви, приложившись ко кресту и чудотворной иконѣ Якобштадтской Божіей Матери, очень невеликой, вдѣланной въ иконостасъ, Ихъ Высочества прошли немедленно къ воздвигаемой заново Святодуховской церкви. Фундаментъ готовъ весь; стѣны подняты болѣе чѣмъ въ ростъ человѣка, кладка каменная, хорошая. Весь храмъ будетъ не особенно великъ, и такъ какъ его возсоздадутъ по образцу сгорѣвшаго, то фотографіи, снятыя съ его предшественника, такъ безвременно погибшаго, даютъ полное понятіе о томъ, чѣмъ онъ будетъ. Вслѣдъ за строящимся храмомъ Ихъ Высочества посѣтили одноклассную съ двумя отдѣленіями школу, число учениковъ которой въ зимнее время достигаетъ 150 мальчиковъ и дѣвочекъ. Милостиво снизойдя къ просьбѣ начальствующихъ лицъ, Ихъ Высочества приняли почетное членство Православнаго Братства и изъявили предварительное согласіе, зависящее отъ Высочайшаго соизволенія, на наименованіе школы Владиміро-Маріинскою.

Переѣхавъ на катерѣ на другую сторону Двины обратно, Ихъ Высочества прослѣдовали въ экипажѣ въ усадьбу барона Корфа — Крейцбургъ, мимо которой Они уже проѣзжали. Недалеко отсюда находятся самые опасные на Двинѣ пороги, тянущіеся на пять верстъ, числомъ девять, подъ общимъ названіемъ „Перекоришъ“. Самую усадьбу можно, пожалуй, назвать замкомъ; надъ воротами виднѣлась надпись „добро пожаловать“, на башнѣ развѣвался флагъ въ 33 аршина длины съ гербомъ барона Корфа; при въѣздѣ Ихъ Высочествъ во дворъ, заиграла музыка. Это одно изъ самыхъ богатыхъ помѣстій въ краѣ: говорили, будто оно тянется на цѣлыя три станціи желѣзной дороги, и будто нынѣшній владѣлецъ его, баронъ Николай Корфъ, сче-

томъ пятнадцатый Николай въ длинномъ ряду предшествовавшихъ ему владѣльцевъ Крейцбурга. Усадьба высится надъ одноименнымъ мѣстечкомъ своею массивною башней и цѣлымъ сонмомъ монументальныхъ построекъ и обставлена зеленью стародавнихъ кленовъ, липъ и дубовъ. Внутреннее убранство вполнѣ соотвѣтствуетъ богатой внѣшности; если судить по количеству оленьихъ роговъ и тетеревиныхъ хвостовъ, красующихся на лѣстницѣ, охота въ этихъ мѣстахъ должна быть великолѣпна и зорко наблюдаема. Здѣсь, окруженные многочисленными представителями балтійскаго дворянства, хотя на витебскомъ берегу, чествуемые тѣмъ же глубоко преданнымъ радушіемъ хозяевъ, которое встрѣчало Августѣйшихъ Гостей и въ другихъ посѣщенныхъ усадьбахъ, Ихъ Высочества пили чай, послѣ чего вернулись къ вокзалу желѣзной дороги. Поѣздъ тронулся немедленно и около полуночи подъѣзжалъ къ освѣщенному иллюминаціонными огнями Динабургу.

ДИНАБУРГЪ,

Общее впечатлѣніе города. Исторія города при полякахъ. Воспоминанія о 1812 годѣ. Улановъ и Кульневъ. Соборъ. Оффиціальныя посѣщенія. Николаевская дамба. Раскольники. Крѣпость. Ея соборъ и его католическое былое. Видъ на Гривку. Обѣдъ въ Погулянкѣ.

Встренный Великокняжескій поѣздъ подходилъ къ Динабургу въ глубокую темень. Вотъ основныя статистическія очертанія населенія и внѣшности Динабурга, которыя, при приближеніи поѣзда. могли, хотя отчасти, возсоздать его физіогномію, скрывавшуюся отъ насъ во мракѣ ночи на 26-е іюня и проступавшую только мѣстами въ иллюминаціонныхъ огняхъ:

Домовъ каменныхъ	473
Домовъ деревянныхъ . . .	2.924
Жителей.	60.296. въ томъ числѣ:
Евреевъ.	26.540
Православныхъ	16.690
Католиковъ	10.611
Лютеранъ	4.470
Раскольниковъ	1.986

Все это, вмѣстѣ взятое, люди и дома, то, что называется Динабургомъ, разбросано по песчанымъ, совершенно безлѣснымъ берегамъ Двины, черезъ которую перекинутъ желѣзнодорожный мостъ. Говорятъ, будто Динабургъ, благодаря своему пестрому населенію и расположенію при рѣкѣ и желѣзныхъ дорогахъ, между русско-польско-литовско-эсто-латышско-нѣмецкими землями, издавна почитаемъ, какъ пристанище, всякими темными без-

паспортными людьми, причемъ составъ полиціи, 55 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 11 начальствующихъ надъ ними лицъ, далеко не удовлетворителенъ. Говорятъ также, будто количество пьяныхъ замѣчательно мало — не болѣе 30 человѣкъ въ годъ; чѣмъ объяснить это? само собою разумѣется, что первоклассная динабургская крѣпость, которая, согласно основнымъ правиламъ фортификаціи, должна быть возможно мало замѣтна даже днемъ, объятая ночью, притаилась отъ насъ совершенно. На станціи Ихъ Высочества встрѣчены динабургскимъ комендантомъ, другими воинскими начальниками, а равно городскимъ головой съ хлѣбомъ-солью, и прослѣдовали немедленно въ домъ, занимаемый послѣднимъ; въ домѣ этомъ отведено было Августѣйшимъ Путешественникамъ помѣщеніе. Рижская и Владимірская улицы, равно какъ Соборная площадь, по которымъ лежалъ путь, были запружены народомъ, и только головы этихъ людей, между которыхъ оставалось нѣкоторое свободное пространство, — между плечъ не было никакого, — ярко очерчивались въ бенгальскихъ и смоляныхъ огняхъ. Во время ужина, передъ окнами играла музыка и тянулось факельное шествіе, какъ продолженіе шествій прибалтійскихъ губерній, съ которыми Динабургъ близко связанъ. Характерно, что въ спискѣ лицъ, сопровождавшихъ 25-го іюня экстренный поѣздъ № 9, на которомъ слѣдовали Ихъ Высочества, въ спискѣ поименномъ, отъ инспектора и управляющаго—до смазчиковъ включительно, въ числѣ 33 именъ значилось только три славянскихъ.

Нынѣшній Динабургъ основанъ въ 1582 году королемъ польскимъ Стефаномъ Баторіемъ, но, какъ и многіе города, не сразу нашелъ свое теперешнее мѣсто, а испыталъ сперва другое, въ 17 верстахъ отсюда, подлѣ селенія Старый Замокъ: тутъ, въ 1278 году высился одинъ изъ самыхъ восточныхъ нѣмецкихъ бурговъ, построенный магистромъ Ратцебургомъ, противъ Литвы; здѣсь сидѣлъ орденскій комтуръ. Много разъ раззоряли и воздвигали замокъ этотъ; Іоаннъ III взялъ его въ 1481 году; въ XVI вѣкѣ замокъ, одновременно съ другими, отданъ рыцарями „въ залогъ“ королю польскому Сигизмунду Августу; послѣ гибели ордена онъ остался за Польшей и сдѣланъ главнымъ городомъ воеводства ифлантскаго. Въ 1577 году Іоаннъ Грозный взялъ Динабургъ и нѣкоторое время жилъ въ немъ. Поляки за-

няли Динабургъ обратно, благодаря измѣнѣ коменданта Плятера, напоившаго русскихъ и впустившаго ночью поляковъ. Въ 1582, какъ мы сказали, Стефанъ Баторій (по другимъ источникамъ — шведы, по третьимъ — Іоаннъ Грозный) перенесъ замокъ на мѣсто нынѣшняго Динабурга, а послѣдніе остатки стараго замка, еще виднѣвшіеся въ началѣ нынѣшняго вѣка, снесены крестьянами на постройку крѣпости и окончательно проданы витебскою палатой государственныхъ имуществъ въ 1861 г., вопреки Высочайшему повелѣнію 31-го декабря 1826 года объ охраненіи остатковъ старины. Въ XVII вѣкѣ спорили о Динабургѣ шведы съ поляками; въ 1656 году царя Алексѣя Михаиловича „государевы ратные люди городъ Динабургъ взяли и дворы и костелы выжгли, а нѣмецкихъ людей высѣкли и нарядъ и всякіе пушечные заряды поймали“. Временно уступленный Польшѣ, Динабургъ присоединенъ къ Россіи окончательно въ 1772 году и служилъ въ 1812 однимъ изъ главныхъ пунктовъ нашихъ военныхъ заготовленій. Оборонялъ Двину отъ французовъ, отъ маршаловъ Удино и Макдональда графъ Витгенштейнъ, но при общемъ отступленіи Динабургъ сданъ непріятелю безъ боя, такъ, что молодецкая, лихая защита крѣпостнаго тетъ-де-пона генераломъ Улановымъ не привела ни къ чему, а неоконченныя укрѣпленія крѣпости срыты французами; къ постройкѣ новой крѣпости приступили въ 1825 году. Недалеко отсюда, въ рѣжицкомъ уѣздѣ, существуетъ село Ильзенбергъ, сохраняющее въ церкви Скорбящей Божіей Матери останки другаго героя 1812 года Кульнева; по разсказамъ очевидцевъ, Кульневъ, огорченный неудачей, переправляясь черезъ Дриссу подъ непріятельскими выстрѣлами, снялъ съ себя мундиръ и уходилъ позади всѣхъ съ поникшею головою, когда непріятельское ядро оторвало ему обѣ ноги; чрезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ, не произнеся ни слова; ядро находится при могилѣ. Въ 1868 году, по распоряженію главноначальствующаго въ витебской губерніи, мѣстное волостное правленіе названо Кульневскимъ; не дурно было бы послѣдовать этому примѣру и въ другихъ мѣстахъ и поискать воспоминаній, чтобы, такъ сказать, добрыми именами пестрѣла поверхность русской земли.

На утро, 26-го іюня, Ихъ Высочества, прежде всего, направились въ соборъ, у входа въ который преосвященный Мар-

келлъ, епископъ полоцкій и витебскій, встрѣтилъ Ихъ Высочества привѣтственнымъ словомъ и осѣнилъ крестомъ, а затѣмъ отслужилъ молебствіе и представилъ священнослужителей. Соборъ, во имя св. князя Александра Невскаго, воздвигнутъ въ 1864 г. на сумму, отпущенную казной, на частныя пожертвованія и средства, назначенныя графомъ М. Н. Муравьевымъ. Онъ объ одномъ куполѣ, покоящемся на четырехъ столбахъ, и, благодаря несоразмѣрности его съ общимъ основаніемъ, кажетъ снаружи меньше, чѣмъ есть; въ немъ все убранство новенькое; иконостасъ, бѣлый съ золотомъ, выдѣляется хорошо въ голубыхъ тонахъ окраски.

Далекъ былъ переѣздъ отъ собора къ мѣсту лагернаго расположенія войскъ. На обширной песчаной равнинѣ, въ линіи колоннъ стояла 25-я пѣхотная дивизія, имѣя на лѣвомъ флангѣ динабургскіе крѣпостные баталіоны, двѣ запасныя и двѣ вылазочныя батареи. Объѣхавъ молодцоватые ряды представлявшихся и милостиво здороваясь особо съ каждою частью, Его Высочество приказалъ начать церемоніальный маршъ. Быстро составилась одна общая колонна, и не замедлилось постоянное отдѣленіе отъ нея, подъ музыку, составныхъ частей, стоявшихъ во главѣ и направлявшихся по математически правильной линіи жолнеровъ. Влѣдъ за этимъ посѣщенъ лагерь, который, несмотря на невыгодныя условія, заботливостью начальства и трудами солдатскихъ рукъ, приведенъ, однако, въ то, сравнительно, удовлетворительное состояніе, какого возможно достигнуть. За посѣщеніемъ лагеря, въ одномъ изъ офицерскихъ полковыхъ собраній былъ предложенъ завтракъ, во время котораго очень искусно и стройно игралъ хоръ, составленный исключительно изъ офицеровъ дивизіи. Не можетъ не производить отраднаго впечатлѣнія составленіе подобныхъ хоровъ, которые встрѣчались по пути слѣдованія Его Высочества не одинъ разъ. При отъѣздѣ изъ лагеря, по сторонамъ дороги вытянулись шпалерами участники парада, слѣдуя мимо которыхъ Великій Князь еще разъ высказалъ имъ свое сердечное спасибо.

Обратный путь изъ лагеря въ городъ шелъ тѣми же улицами и тою же безконечно-длинною дамбой, которая составляетъ одну изъ основныхъ отличительныхъ чертъ Динабурга. Она тя-

нется по берегу Двины на шесть верстъ и дѣйствительно защищаетъ городъ отъ затопленія: вода въ рѣкѣ, несмотря на очень большую вышину дамбы, не доходитъ, иногда, до ея поверхности только фута на три: не будь дамбы, судьбы деревяннаго Динабурга оказались бы плачевны. По этой дамбѣ пролегаетъ петербургское шоссе, ѣзда по которому здѣсь открыта въ 1826 году, и все это сооруженіе, въ своей колоссальной простотѣ, несомнѣнно помѣчено общимъ характеромъ времени Императора Николая I: по краямъ, на дистанціяхъ, посажены деревья, на рѣшоткахъ классическіе, съ опущенными крыльями николаевскіе орлы, мѣстами еще видны мраморные верстовые столбы, на подобіе египетскихъ обелисковъ; николаевскія шоссе, прямолинейныя, неуклоняющіяся, съ могучими профилями и прочными мостами, вызываютъ воспоминанія о характерѣ ихъ создателя съ его желѣзною волей и глубокорусскою прямотой и рѣшимостью. Динабургская дамба — одинъ изъ характерныхъ слѣдовъ. Съ высоты дамбы, по которой, такъ или иначе, надобно ѣхать, видите вы, съ одной стороны, городъ, съ другой — рѣку Двину, постоянно ополаскивающую низменные песчаные берега, но не шевелящую дамбы.

По возвращеніи въ домъ, въ два часа пополудни, Ихъ Высочества приняли представленіе гражданскихъ властей и депутацій отъ крестьянъ сѣверныхъ волостей динабургскаго уѣзда и мѣщанъ города. Въ числѣ депутацій находились представители витебскаго общества сельскихъ хозяевъ, которое, ровно десять лѣтъ тому назадъ, принято было Великимъ Княземъ подъ покровительство; тутъ же находились депутаты отъ раскольниковъ. Послѣднихъ въ динабургскомъ уѣздѣ достаточное количество, а именно, изъ числа 145.570 душъ обоего пола — раскольниковъ 20.926 человѣкъ, ровно на половину женщинъ и мущинъ. Поселеніе ихъ здѣсь началось съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія, когда участіе въ стрѣлецкихъ бунтахъ, нежеланіе брить бороду, носить нѣмецкое платье и страхъ рекрутчины, погнали людей въ лѣса и дебри; часть направилась въ могилевскую губернію, гдѣ имѣла центромъ знаменитую „Вѣтку“, на островѣ рѣки Сожи. а другая часть въ губернію витебскую и далѣе въ Ригу; принадлежатъ они къ безпоповщинской ѳедосѣевской сектѣ и, по отзывамъ мѣстныхъ людей, работящи, опрятны, лю-

бятъ рядиться и въ торговыхъ дѣлахъ, пожалуй, ловчѣе любаго еврея.

По окончаніи пріема. Его Высочество направился въ казармы 98-го пѣхотнаго Дерптскаго полка и 27-й артиллерійской бригады и посѣтилъ преосвященнаго Маркелла. Совмѣстно съ Ея Высочествомъ осмотрѣны: городская больница, существующая съ прошлаго года, отличающаяся довольно оригинальными полосатыми, красное съ бѣлымъ, халатами и такими же колпаками на больныхъ; тюремный замокъ, представляющійся дѣйствительнымъ замкомъ съ четырьмя наугольными башнями (заключавшій въ день посѣщенія 305 человѣкъ арестантовъ) и городскую еврейскую больницу на 28 человѣкъ. Въ 5 часовъ состоялся смотръ двумъ пожарнымъ командамъ: городской и вольной; на знамени послѣдней красуются надписи нѣмецкая и русская, и первая свидѣтельствуетъ о томъ, что команда эта состоитъ въ прямой связи съ прибалтійскими вольными пожарными обществами, о чемъ мы уже упоминали. За все время переѣздовъ Ихъ Высочествъ, толпа народа, сильно еврейской окраски, не сходила съ улицъ; эта окраска не удивительна, потому, что вся торговля Динабурга находится въ рукахъ евреевъ и она довольно значительна: на льнѣ, льняномъ сѣмени и лѣсѣ достигаетъ десятимилліоннаго оборота.

Наибольшій интересъ дня представляло посѣщеніе крѣпости, куда Ихъ Высочества и направились въ экипажѣ около пяти часовъ пополудни, прослѣдовавъ, который уже разъ, по классической дамбѣ, между окаймляющихъ ее березъ. Какъ расположена крѣпость, гдѣ ея сильныя части, въ чемъ сюрпризы и сюрпризики, какъ великъ гарнизонъ и сильно вооруженіе, сообщать, конечно, не намъ; собираніе этихъ свѣдѣній можетъ быть предоставлено всякимъ охочимъ людямъ, съ полною возможностью быть обманутыми и обмануть другихъ, а для насъ достаточно сказать, что Динабургская крѣпость едва ли, въ случаѣ чего, будетъ покинута, какъ въ 1812 году, и нѣкоторыя великія непріятности всякимъ непрошеннымъ гостямъ конечно доставитъ, въ этомъ можно быть увѣреннымъ.

Въ крѣпость или, лучше сказать, въ часть крѣпости Ихъ Высочества въѣхали черезъ Михайловскія ворота и по многимъ мостамъ, сквозь многія ворота, направились прямо къ собору, уже

издали, съ разныхъ мѣстъ города поражавшему своею католической физіогноміей. Это такъ и есть, и объясненіе было дано священникомъ, привѣтствовавшимъ Августѣйшихъ Посѣтителей у входа въ соборъ. Изъ его словъ явствовало, что прадѣдъ Его Высочества, Александръ I, пріобрѣлъ соборъ въ 1811 году покупкой у іезуитовъ, въ тѣ дни изгонявшихся, и повелѣлъ открыть въ немъ православное служеніе; дѣдъ Его Высочества, Николай I, въ 1828 году, изъ собственныхъ средствъ, соорудилъ иконостасъ, а въ 1833 году, изъ отобранныхъ у польскихъ мятежниковъ колоколовъ, повелѣлъ отлить для собора шесть новыхъ колоколовъ и далъ ему православный видъ. Это послѣднее, не совсѣмъ вѣрно, и еслибы было вѣрно, то изгладило бы главную черту исторіи собора: преображеніе его изъ іезуитскаго въ православный. Наша православная церковь на вершинахъ храмовъ своихъ имѣетъ крестъ и подъ нимъ луну, изображеніе ислама, такъ, что, судя по этому, церковь желала сохранить и сохраняетъ вещественное изображеніе совершающихся судебъ. Совершенно на томъ же основаніи едва ли нужно лишать динабургскій крѣпостной соборъ его традиціоннаго вида: достаточно осѣненъ онъ нашимъ православнымъ крестомъ, нашими иконостасами и иконами, духомъ нашего богослуженія, и очень хороша и многозначительна та надпись которая читается приходящими въ храмъ и писана крупными буквами: Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененіи и Азъ упокою вы. Именно здѣсь, въ краѣ уніи и іезуитизма, гласитъ эта надпись то, что должна гласить наша церковь, и этимъ вызываетъ тысячи полезнѣйшихъ воспоминаній. Да еслибъ и явилось желаніе полнаго преображенія собора, осуществленіе этого представилось бы невозможнымъ: это все-таки костелъ въ два свѣта, о трехъ нефахъ-корабляхъ, покоящихся на шести столбахъ съ колонками, съ круглыми арками, со многими католическими эмблемами и съ двумя типичными, остроконечными башнями по фасаду; о центральности, о крестѣ въ планѣ церкви, какъ это принято у насъ, нѣтъ и помину.

Отъ собора путь Ихъ Высочествъ лежалъ къ дѣтскому пріюту имени Наслѣдника Цесаревича, открытому въ 1869 году. Сборъ денегъ на пріютъ для солдатскихъ дѣтей начатъ въ 1844 году бывшимъ въ крѣпости дворянскимъ собраніемъ и

прекращенъ „по неизвѣстнымъ причинамъ“ въ 1854 году; затѣмъ появились болѣе космополитическія, не русскія, ходатайства объ устройствѣ пріюта уже для всѣхъ сословій и для всѣхъ вѣроисповѣданій; въ немъ въ настоящее время около 30 дѣтей. что для населенія крѣпости, представляющаго изъ себя цѣлый городъ, не безполезно; въ пріютѣ образцовый порядокъ, дѣти очень мило поютъ, и все это, говорятъ, было подготовлено трудами и добрымъ участіемъ бывшаго коменданта крѣпости Воронова. Что населеніе въ крѣпости велико, видно было не только по количеству женскаго и дѣтскаго персонала, встрѣчавшаго Ихъ Высочества повсюду, но и по количеству и монументальности построекъ. Прямымъ свидѣтельствомъ того, какъ давно пользуется крѣпость мирнымъ житьемъ-бытьемъ, служитъ то, что предложенный Ихъ Высочествамъ чай сервированъ былъ на гласисѣ крѣпости, а гласисъ этотъ — тѣнистый садъ. который, когда понадобится, можетъ быть снесенъ мгновенно, и тогда оголится чисто военная сторона крѣпости. Также точно откроется она и со стороны форштатовъ, которые, нѣтъ-нѣтъ, да и ползутъ къ ней ближе чѣмъ слѣдуетъ, своими невзрачными. жиденькими домишками. Если не ошибаемся, въ 1831 году. 13 октября, къ вѣдомству динабургскаго коменданта, по части полицейской, причислено находящееся на лѣвомъ берегу Двины курляндское мѣстечко Гривка, жителямъ котораго оставлены. однакоже, всѣ тѣ права, которыми пользовались они на основаніи положенія курляндской губерніи, то-есть, слишкомъ многія права. На эту Гривку, во время многократныхъ переѣздовъ Ихъ Высочествъ по городу. можно была любоваться издали; тамъ, въ Гривкѣ, имѣются на лицо уже упомянутыя нами не нормально существующія два училища, основанныя нынѣшнимъ рижскимъ городскимъ головой, бывшимъ лифляндскимъ губернаторомъ, Эттингеномъ, на преуспѣяніе которыхъ, если не ошибаемся. вносятъ свою лепту и смѣты ближайшихъ желѣзныхъ дорогъ.

Сквозь цѣлый рядъ воротъ, по нѣсколькимъ мостамъ, перекинутымъ надъ рвами, въ виду длинныхъ рядовъ зеленыхъ валовъ и черныхъ амбразуръ, Ихъ Высочества выѣхали изъ крѣпости къ расположенному за крѣпостью, въ полѣ, лагерю крѣпостной артиллеріи и летучихъ парковъ, устроенному тоже вполнѣ соот-

вѣтственнымъ образомъ, что свидѣтельствуетъ о заботливости начальства о благосостояніи ввѣренныхъ ему чиновъ. По безконечной дамбѣ возвратились Ихъ Высочества домой, откуда, опять-таки по той же дамбѣ, къ восьми часамъ вечера прибыли на берегъ Двины къ пристани, что-бы слѣдовать на пароходѣ къ мѣсту обѣда, предложеннаго отъ витебскаго дворянства въ такъ-называемой Погулянкѣ. Погулянка — это имѣніе графа Плятеръ-Зиберга, на берегу Двины, въ семи верстахъ отъ Динабурга; здѣсь, на высокомъ берегу, въ сосновомъ насажденіи построено до семидесяти дачъ, которыя, какъ говорятъ, благодаря хорошимъ санитарнымъ условіямъ, въ лѣтнее время всегда обитаемы. Пароходъ „Прогрессъ“, отчаливъ отъ пристани, убранной съ большимъ вкусомъ снопами ржи, доспѣхами земледѣлія и, главнымъ образомъ, васильками, не замедлилъ, спускаясь внизъ по теченію Двины, пройти подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ и доставить Августѣйшихъ Путешественниковъ къ пристани у Погулянки. Здѣсь Они встрѣчены представителями дворянства; многіе сопровождали Ихъ Высочества отъ Динабурга. Поднявшись на берегъ по очень высокой лѣстницѣ, Ихъ Высочества прослѣдовали въ близкій вокзалъ, въ одной изъ комнатъ котораго приняли остальныхъ дворянъ и дворянокъ губерніи, а затѣмъ прослѣдовали къ обѣду въ особо устроенный павильонъ. Это былъ, безспорно, лучшій изъ множества разнообразнѣйшихъ павильоновъ, встрѣчавшихся въ пути Ихъ Высочествъ: временныя стѣны его состояли изъ тщательно подобранныхъ мозаикой разноцвѣтныхъ мховъ, отдѣлявшихся одни отъ другихъ шишками елей и сосенъ, а люстры и бра сдѣланы были изъ оленьихъ роговъ. Эта зеленая лѣсная обстановка павильона была хорошенькимъ продолженіемъ желтаго сельскохозяйственнаго впечатлѣнія пристани въ Динабургѣ. Приглашенныхъ къ обѣду было много, и значительное число состояло изъ дворянъ мѣстныхъ и дворянъ прибалтійскихъ губерній. Слышались обильно польскій и нѣмецкій языки. Радушіе было полное, и обстановка хороша. Совсѣмъ стемнѣло, когда, послѣ обѣда, Ихъ Высочества спустились къ пристани, озаряемые потоками не ровнаго свѣта очень хорошаго фейерверка, сожженнаго на противоположномъ берегу Двины.

Къ 11 часамъ вечера Августѣйшіе Путешественники нахо-

дились на вокзалѣ желѣзной дороги для слѣдованія въ древле-русскій Псковъ и отбыли при шумныхъ кликахъ огромной толпы. Имѣется свѣдѣніе, сообщающее, что, за время пребыванія Высокихъ Гостей въ Динабургѣ, населеніе его достигало до 100,000 человѣкъ, въ Крейцбургѣ до 50,000, но порядокъ былъ полный.

ПСКОВЪ.

Общій видъ Пскова. Два историческихъ женскихъ облика. Начало Пскова. Несходства съ Новгородомъ. Каменныя стѣны. Тяготѣніе къ Москвѣ. Кремль. Дѣтинецъ. Основаніе собора. Св. Довмонтъ и Гавріилъ. Ризница. Гробницы. Открытіе памятника Александру II. Служебныя посѣщенія. Довмонтова стѣна. Выставки. Значеніе льна. Полувѣры. Рисовальная школа. Кадетскій лагерь. Отъѣздъ.

Недро блистало солнце, когда, къ 9 часамъ утра, 27-го іюня, замѣтны стали съ Великокняжескаго поѣзда ясныя, почтенныя очертанія Пскова, съ его высокимъ соборомъ. вѣнчающимъ историческій дѣтинецъ, и цѣлымъ ожерельемъ церквей. Есть нѣчто общее между Псковомъ и другимъ далекимъ древнимъ городомъ русскимъ, посѣщеннымъ Его Высочествомъ въ прошломъ году, Устюгомъ-Великимъ, только что тутъ Великая, а тамъ несравненно болѣе могучая Сухона, тутъ — край земли русской, тамъ — мѣста, близкія къ сердцу. На вокзалѣ Ихъ Высочества встрѣчены были начальникомъ губерніи, барономъ Икскюлемъ, начальникомъ дивизіи и городскою думой въ полномъ составѣ, причемъ городской голова поднесъ хлѣбъ-соль и привѣтствовалъ отъ имени города, и вслѣдъ затѣмъ прослѣдовали по длинному шоссе въ самый городъ, сквозь множество арокъ, изъ которыхъ на одной, стоявшей противъ казармъ, значилось: „Августѣйшему Главнокомандующему отъ Царицынскаго полка“.

Почему не прошла желѣзная дорога подлѣ самаго города? нѣчто совершенно сходное имѣется также въ Курскѣ и въ другихъ городахъ нашихъ. Не есть ли это слѣдъ какихъ-либо, современныхъ постройкѣ дороги, мелкихъ завистей, интригъ, какоенибудь послѣдствіе давно забытыхъ, смолкнувшихъ самолюбій, темныхъ, безымянныхъ, сгибнувшихъ въ ничтожествѣ людей? самые люди пропали, а путешественникамъ, на многіе годы, приходится тащиться по пыльному шоссе и удивляться тому — почему дѣлаетъ онъ это?

Съ вокзала путь лежалъ прямо въ соборъ, въ центръ Пскова. Преосвященный Гермогенъ, выѣзжавшій въ прошломъ году для привѣтствованія Великаго Князя въ Островъ, встрѣтилъ, во главѣ соборнаго и городскаго духовенства, Августѣйшихъ Путешественниковъ у входа во храмъ, привѣтствовалъ словомъ, осѣнилъ крестомъ и окропилъ святою водой. Вслѣдъ за молитвословіемъ и многая лѣта, Ихъ Высочества приложились ко святымъ мощамъ, почивающимъ въ соборѣ, осмотрѣли высокодревній храмъ и предметы ризницы. Такъ какъ мало гдѣ, подобно Пскову, историческія воспоминанія тѣснятся съ такою настойчивостью и послѣдовательностью, а самый день прибытія совпадалъ съ годовщиной Полтавскаго боя, и предстояло присутствовать при открытіи памятника въ Бозѣ почивающему родителю Великаго Князя, Императору Александру II, то значеніе исторіи роднаго края вообще и непрерывная связь ея отдѣльныхъ моментовъ, нанизываемыхъ временемъ, представлялась въ этотъ день особенно наглядною. Слѣдовательно, прежде всего, къ нѣкоторымъ воспоминаніямъ.

„А о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспомянуто отъ кого созданъ бысть и которыми людьми“ — такъ повѣствуетъ составитель псковской лѣтописи XIII—XIV вѣка. Онъ же сообщаетъ, что князь Игорь „поятъ себѣ жену Ольгу отъ Плескова“. Очень характерно то, что два самые ранніе женскіе облика русской исторіи смотрятъ на насъ именно отсюда, изъ этихъ мѣстъ: св. Великая Княгиня Ольга была псковитянкой; Рогнѣда — супруга Володиміра Красное Солнышко, была уроженкой недалекой отсюда, древней полоцкой земли, настолько недалекой, что, при одномъ изъ позднѣйшихъ административныхъ дѣленій, псковская губернія была переименована въ полоцкую.

Псковъ окруженъ памятью св. Ольги: въ двѣнадцати верстахъ отсюда село Выбута — ея родина; тамъ же, какъ повѣствуетъ Степенная Книга, перевозила она черезъ Великую — Игоря, онъ узналъ и полюбилъ ее; близехонько оттуда есть мѣсто, называемое Буденикъ, а, по преданію, въ селѣ Будятинѣ родился внукъ ея, св. Владиміръ; есть тутъ Ольгины слуды — или подводные камни, есть деревни Ольгинъ городокъ — Перино и Ольгинъ дворецъ-житникъ, есть рукавъ рѣки, называемый Ольгиными воротами. И недалеко отсюда, какъ мы сказали, до рогнѣдиной земли. Это сближеніе двухъ женскихъ именъ—одна изъ тѣхъ странныхъ игръ случая, которыя для историческаго изслѣдованія не говорятъ, пожалуй, ничего, но для путешествующихъ составляютъ какъ бы беллетристическую окраску историческаго разсказа и поэтому вовсе не лишены значенія: исторія къ исторіи. беллетристика къ беллетристикѣ.

Въ XII вѣкѣ Псковъ уже относится къ числу значительныхъ городовъ русскихъ; будучи въ началѣ только пригородомъ Новгорода, онъ, мало-по-малу, становится самостоятельнымъ и переживаетъ самый Новгородъ. Исторія его отношеній къ Новгороду, путанныя сумятицы князей, посадниковъ и вѣча еще дадутъ впослѣдствіи не одну тему, какъ для исторической разработки, такъ и для художественныхъ и литературныхъ произведеній. Исторія Пскова полна не только исключительной своеобразности мотивовъ, но и глубоко симпатична, въ особенности. если сопоставить ее съ исторіей Новгорода. Новгородъ, при всемъ своемъ могуществѣ, при всемъ богатствѣ, ослѣпляющемъ глаза, по сравненію съ бревенчатыми, лубочными городами тогдашней Руси, при всемъ физическомъ ростѣ его пятинъ, смѣло забѣгавшихъ къ Бѣлому морю, Мурману и Выборгу, Новгородъ былъ, прежде всего, все-таки городомъ людей торговыхъ, ставившихъ рубль выше всего. Понятны слова псковичей новгородскому князю Ярославу въ 1228 году, когда онъ заявилъ имъ желаніе идти на рижанъ, съ которыми Псковъ замирился, идти на нихъ чрезъ Псковъ: „Кланяемся тебѣ, князь, и новгородцамъ, сказали они, но мы на войну не пойдемъ; мы съ рижаны миръ учинили, въ этомъ вамъ нѣтъ порока, всѣ бо мы вѣрніи и невѣрніи человѣки отъ единаго Адама дѣти... вы же насъ много обидѣли... вы, токмо начавъ войну и получа добычу, отходите, а мы

всегда остаемся съ ними во враждѣ". Космополитическое воззрѣніе на доброе согласіе съ нѣмцами, на общее происхожденіе отъ Адама конечно достаточно объясняется торговымъ характеромъ Пскова, но географическое положеніе его, по сравненію съ Новгородомъ, даетъ ему еще другую, болѣе симпатичную окраску. Близкій къ нѣмцамъ, воздвигнутый на самой окраинѣ, отдѣленный отъ нихъ только водой Талабскаго озера, Псковъ не былъ окруженъ, подобно Новгороду, кольцомъ отдѣльныхъ оборонительныхъ пунктовъ, не стоялъ въ нѣкоторомъ удаленіи отъ границы. Это обусловило гораздо большую воинственность, если можно такъ выразиться, большую рыцарственность псковичей, поставленныхъ въ необходимость постоянно отбиваться отъ сосѣдей. Цѣлыя три кольца каменныхъ стѣнъ обводили центръ города, въ который иностранцы не допускались: стѣна князя Довмонта, поднятая въ серединѣ XIII вѣка, окружавшая ее стѣна средняя и, наконецъ, третья стѣна, обѣгавшая городъ на протяженіи семи верстъ, построенная въ XV вѣкѣ, вся изрѣзанная, словно кружевомъ, бойницами, вышками и башнями или кострами; подъ землей, параллельно внѣшней стѣнѣ, шли потаенные ходы, одинъ изъ нихъ у Свиной башни сохранился на древнемъ рисункѣ, изображающемъ осаду Баторія; башень высилось 37, и въ одномъ современномъ документѣ написано: „мы любуемся Псковомъ. О Боже! это нѣчто величественное, какъ бы другой Парижъ"... „городъ чрезвычайно большой, въ Польшѣ нѣтъ ему равнаго", а между тѣмъ, предъ приходомъ Баторія, выжжено въ посадахъ болѣе 1.500 домовъ. Военныхъ запасовъ хранилось столько, будто весь городъ состоялъ изъ ядеръ и пороха; клѣти ломились отъ хлѣбовъ.

Подобной воинственности обличья Новгородъ не имѣлъ никогда, какъ не имѣло его и настроеніе духа новгородцевъ. Не слилась съ исторіей Новгорода на вѣки вѣчные свѣтлая память героическихъ защитниковъ русской земли отъ чужеземцевъ въ родѣ мудраго князя Довмонта или такого земнаго архистратига, какъ Св. Благовѣрный Александръ Невскій. Не испыталъ Новгородъ и нѣмецкаго плѣненія, какъ Псковъ въ 1240 году, когда, благодаря измѣнѣ знатнаго псковича Твердыни Иваньковича, рыцари нѣмецкіе были впущены въ городъ. Это краткое плѣненіе, повлекшее за собою побѣду Александра Невскаго,

окончательно укрѣпило въ псковичахъ убѣжденіе въ необходимости умѣть постоять за себя, за Россію. Всѣхъ нападеній выдержалъ Псковъ 26, и взятъ только однажды и то, какъ сказано, измѣной.

Когда въ 1347 году шведскій король Магнусъ напалъ на сѣверныя новгородскія крѣпости. новгородцы обратились за помощью къ псковичамъ, которая и была дана имъ, но съ условіемъ: считать отнынѣ Псковъ не подчиненнымъ ему городомъ, а меньшимъ братомъ. не сажать имъ своихъ новгородскихъ посадниковъ, а духовному владыкѣ новгородскому, хотя и держать во Псковѣ своего намѣстника, но назначать его не изъ новгородцевъ, а изъ псковичей. Отъ времени заключенія этого договора, на цѣлыя полтора столѣтія, вступаетъ Псковъ въ лучшее, блестящее время своего существованія и становится самостоятельнымъ членомъ Ганзейскаго союза, а полное подчиненіе Новгорода великому княженію Московскому обусловливаетъ, наконецъ, переходъ ко Пскову и всей заграничной торговли.

Если во многомъ отличается Псковъ отъ Новгорода, начиная съ обличья, то иначе, чѣмъ Новгородъ, покончилъ онъ и со своими вольностями. Издавна не нравилось псковскимъ князьямъ быть выборными и не смотрѣть на свое княженіе, какъ на наслѣдственное; отсюда многія насилія, неурядицы, междуусобія. Испытавъ разныхъ князей, псковичи обратились, наконецъ, и къ Москвѣ, и въ 1399 году былъ у нихъ князь „отъ руки великаго князя Василія Дмитріевича“, князь Иванъ Холмскій. Это было первымъ шагомъ на пути сліянія съ Москвой, завершившагося вполнѣ снятіемъ вѣчеваго колокола въ 1510 году, когда рыданій объ этомъ было такъ много во Псковѣ, что лѣтописецъ удивляется: „какъ зѣницы не упали со слезами въ купѣ, како ли не урвалося сердце отъ корени?“ для тѣхъ, кто желаетъ видѣть въ объединеніи Руси Москвою только схидство, предательство, отношенія Москвы ко Пскову даютъ дѣйствительно обильную пищу; ясно. какъ, мало-по-малу. ограничивались права мѣстнаго вѣча, какъ усиливалась власть великокняжескихъ намѣстниковъ, какъ сдѣлался городъ подсуднымъ Москвѣ, какъ пользовалась она междуусобицами для утвержденія своей власти, какъ напрасно ссылались псковичи на всякія грамоты, имъ данныя. все это. съ различныхъ узкихъ точекъ

зрѣнія, можетъ подлежать осужденію, и дѣйствительно неоднократно осуждено. Уже современныя лѣтописи, смотрѣвшія на единеніе недружелюбно, гласятъ о томъ, что у московскихъ судей правда улетѣла на небо и одна кривда осталась на судѣ, что всѣ хорошіе псковичи и иностранцы разбѣжались, а остались только дурные люди, такіе подъ которыми „земли не разступится, которымъ и на верхъ не взлетѣть", что только при установленіи господства москвичей ввелись во Псковѣ „развращенные московскіе обычаи", но все это вмѣстѣ взятое отступаетъ передъ могучею идеей московскаго единенія мощной Руси. Если псковичи справедливо укоряли новгородцевъ въ томъ, что отъ нихъ на непріятеля помощь плохая, то Москва, наоборотъ, никогда не оставляла Пскова въ обидѣ и вѣрно держала за своихъ, и не допускала того, чтобы русское „сердце урвалося отъ корени".

Эта мысль общности интересовъ Пскова съ Москвой была такъ сильна, что Псковъ, въ XVI столѣтіи, легко могъ бы отдаться въ руки полякамъ, при Стефанѣ Баторіи, но онъ, лишенный всѣхъ своихъ правъ, обиженный Москвой въ конецъ въ торговыхъ интересахъ, обнищалый и пригорюнившійся, поневолѣ оставленный Царемъ, занятымъ въ то время другимъ дѣломъ, онъ въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ, выдерживаетъ осаду поляковъ и доказываетъ правду своего цѣлованія Московскому государству. Не присягнулъ онъ и позже польскому Владиславу, несмотря на гермогеновскую грамоту. А что не стѣснялась Москва со Псковомъ, такъ это вѣрно. Тутъ происходило даже нѣчто въ родѣ фактическаго переливанія крови, потому, что дважды выведены были изъ Пскова по 300 семействъ, однажды 500 и замѣщены другими, болѣе покорными, московскими, менѣе вѣчевыми. Было даже и такъ, что при принесеніи одной изъ жалобъ на намѣстника, Царь, пребывавшій въ то время въ Новгородѣ, питая въ умѣ своемъ заднюю, заповѣдную мысль, находя, что, будто бы, количество жалобщиковъ все еще недостаточно, требовалъ бо́льшаго ихъ количества, и когда всѣ самые значительные люди Пскова, чуть не поголовно, дѣйствительно отправились бить Царю челомъ и во Псковѣ мало кто остался, тогда объявлены были всѣ челобитчики арестованными и принуждены поклясться за себя и за своихъ, что они уничто-

жать вѣче и не будутъ имѣть болѣе посадниковъ. Пойманные псковичи потребовали одной ночи на раздумье, это была знаменитая ночь на 13 января 1510 года, ночь стенаній и плача въ городѣ, ночь, предшествовавшая, снятію и посылкѣ вѣчеваго колокола въ Москву.

Блестящее положеніе Пскова въ его хорошіе дни было такъ исключительно, что дальнѣйшія судьбы его могли быть ничѣмъ инымъ, какъ долгимъ, постояннымъ паденіемъ. Значительная часть войнъ нашихъ на западномъ порубежьѣ происходила на псковскихъ земляхъ, и Псковъ былъ граневою крѣпостью; при Петрѣ Великомъ, исправившемъ стѣны, во Псковѣ находилась главная квартира, стояло много войска и строились суда для военной флотиліи, бѣгавшей по рѣкѣ Великой.

Крупнѣе всѣхъ ударовъ для Пскова (какъ и для Архангельска) было основаніе Петербурга, притянувшаго къ себѣ всю иностранную торговлю, и въ настоящую минуту Псковъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ, постоявшихъ за Русь, городовъ нашихъ, совершенно обойденный новою жизнью, фактически не тронутъ и почти не оживленъ близостью желѣзнаго пути.

Центромъ всѣхъ святыхъ воспоминаній является конечно кремль, кромъ, дѣтинецъ, холмъ, отчасти искусственный, длиною въ 200 саженъ, шириною въ 30, въ отвѣсѣ около 10, омываемый рѣками Псковою и Великою. Видъ отъ остраго угла дѣтинца, остававшагося до сего дня въ мусорѣ и, только благодаря нынѣшнему начальнику губерніи, обращаемому въ садъ — превосходенъ. Цѣпью тянутся по берегу Ивановскій монастырь, Мироносицкая церковь, Параменская, Николаевская, Клементьевская и замыкаются Мирожскимъ монастыремъ; кругомъ, какъ широкій пьедесталъ незримаго, но существующаго былаго, высятся остатки громоздскихъ стѣнъ, и сквозь одну изъ нихъ, сбѣгающую внизъ, тихо двигаетъ свои невеликія струи, сливаясь съ Великою, рѣка Пскова. Ихъ Высочества собственноручно посадили въ дѣтинцѣ два молодые кедра, и немного, конечно, пройдетъ времени, какъ зазеленѣетъ кругомъ нихъ на святомъ русскомъ мѣстѣ молодая зелень. Въ концѣ X вѣка, когда здѣсь была зелень, шумѣлъ „великъ лѣсъ и многія дубравы“. Св. Ольга, возвратившись изъ Царьграда и задумывая обра-

щеніе къ христіанству народа, имѣла именно на этомъ мѣстѣ видѣніе трехъ свѣтоносныхъ лучей озарявшихъ окрестность тройственнымъ свѣтомъ. Видѣніе это имѣла она, стоя на другомъ берегу Великой, тамъ, гдѣ воздвигнута у источника часовня Св. Ольги.

„Разумно да будетъ вамъ“, сказала послѣ этого окружавшему ее синклиту княгиня: „яко на семъ мѣстѣ церковь имѣть быти во имя Нераздѣльныя Троицы, еще же и градъ здѣ великъ будетъ и славенъ, и изобиленъ“. На этомъ мѣстѣ водрузила Св. Ольга крестъ, перенесенный впослѣдствіи въ соборъ, а затѣмъ воздвигла и деревянный храмъ Св. Троицы, наслѣдникъ котораго занимаетъ и нынѣ значительную долю поверхности кремля. Одновременно съ храмомъ сталъ возрастать и самый городъ Исковъ. Совершенно справедливо замѣчаніе Князева, что было такое время, когда Исковъ и его Св. Троица были словами тождественными и псковичи благодарили Великаго Князя „за то, что прислалъ въ домъ Св. Троицы воеводу своего съ людьми на оборону противъ нѣмцевъ“.

Въ храмѣ этомъ сажали у себя псковичи князей на княженіе, подлѣ него находился княжескій домъ и тутъ же рядомъ помѣщались и вѣче, и казна; вѣчевые документы хранились въ особомъ ларѣ въ соборѣ. Соборъ, видимый въ настоящую минуту, счетомъ четвертый и строился въ 1682 году, по указу Іоанна, Софіи и Петра Алексѣевичей, а освященъ въ 1703 году; онъ не великъ (въ вышину съ крестомъ 36 саженъ 2 аршина, въ длину съ папертью 24 сажени 2 аршина, въ ширину съ придѣлами 13), простое кубическое основаніе осѣнено пятью главами и окружено полукружіями придѣльныхъ церквей и алтарей но высокое и одинокое расположеніе представляетъ его гораздо большимъ, чѣмъ онъ есть. Видѣнъ соборъ за 57 верстъ, и городъ ластится къ нему, какъ бы признавая въ немъ причину своего рожд_нія и своего былаго величія. Бросается въ глаза полное отсутствіе въ соборѣ какой-либо стѣнной живописи, и это обусловливаетъ то, что семіярусный иконостасъ въ 27 аршинъ вышины, со всѣми его иконами, какъ-то не роднится съ бѣлыми стѣнами и стоитъ особнякомъ. Если судить по изображеніямъ храмовъ 1138 и 1366 годовъ, предшествовавшихъ этому и дошедшихъ до насъ на двухъ иконахъ, то они были еще меньше

и имѣли только по одной главкѣ на цѣлой системѣ мелкихъ арочекъ, высившихся одна поверхъ другой. Соборъ въ два свѣта, куполъ покоится на четырехъ столбахъ, въ задней части храма хоры. Всѣ пять куполовъ свѣтятъ внутрь и напоминаютъ обиліемъ свѣта, сіяющаго на богослуженіе, тотъ же мотивъ, который сказался такъ ясно въ прошломъ году въ другой древлерусской святынѣ, посѣщенной Ихъ Высочествами, въ соборѣ Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ. Основные столбы разрисованы зелеными столбами съ капителями и низъ ихъ вплотную обставленъ вѣнцами древнихъ иконъ. Звѣзды сіяютъ на сѣрыхъ куполахъ снаружи, звѣзды сіяютъ по голубому фону внутри.

Трое святыхъ мощей имѣются въ храмѣ: строителя втораго храма Св. кн. Гавріила, Св. князя Довмонта и блаженнаго Николая Юродиваго. Надъ могилами князей висятъ заржавленные мечи ихъ. Молчаливы они какъ и гробницы, но сдѣлали свое дѣло. Когда-то Довмонтъ, поднимая мечъ на Литву и Ливонію, говаривалъ: „братья муже Псковичи, кто старъ, то отецъ мнѣ, а кто младъ, то братъ“, — и псковичи, отвѣчая воззванію, шли за нимъ; эти слова передаетъ намъ лѣтопись; мечъ Гавріила несетъ на себѣ латинскую легенду, гласящую: „чести моей никому не отдамъ“. Вѣсъ Довмонтова меча $3^1/_2$ фунта, а Гавріилова $7^1/_2$. Новгородцы думали, было, однажды перенести мощи Гавріиловы къ себѣ, такъ какъ княжилъ онъ и у нихъ, но рака съ мощами съ мѣста не двинулась, и только по молитвѣ ихъ отпалъ самъ собою ноготь отъ руки блаженнаго князя и отнесенъ въ Новгородъ. Святые князья чествуются каждый въ свой день, но блаженному Николаю Юродивому особаго дня не назначено, и онъ поминается церковью нашею когда поминаются и всѣ юродивые, вмѣстѣ взятые. Хорошо извѣстно преданіе о томъ какъ говорилъ преподобный Николай съ Іоанномъ Грознымъ, какъ озлобилъ его словами „Иванушко, Иванушко, хлѣба-соли, а не христіанской крови“, какъ сталъ невидимъ послѣ приказанія схватить его, какъ испугалъ этимъ царя и тѣмъ спасъ жителей города отъ безконечныхъ казней.

Святѣйшимъ воспоминаніемъ собора былъ крестъ Св. Ольги, поставленный ею надъ рѣкой Великой еще до основанія собора, позже внесенный въ него и сгорѣвшій въ 1509 году; въ воспоминаніе этого креста устроенъ въ 1623 году другой, дубовый.

по образцу старѣйшаго, виднѣющійся и донынѣ. Крестами и иконами соборъ очень богатъ, и многіе изъ предметовъ его ризницы имѣютъ большую археологическую и художественную цѣнность. Одинъ изъ воздуховъ съ жемчугами вышитъ великою княгиней Елизаветой Алексѣевной; хороши многія панагіи и кресты; Евангеліе Апракосъ, то-есть писанное не по порядку зачалъ, а по чтеніямъ въ продолженіе года—1532 года и многое другое. Подъ соборомъ находится нѣсколько гробницъ князей и архіереевъ, причемъ первыя безыменны. Архіепископъ Симонъ Тодорскій † 1754, какъ гласитъ надпись, былъ большимъ лингвистомъ, такъ какъ зналъ языки: латинскій, греческій, еврейскій, сирійскій, аравійскій, халдейскій и, „въ удивленіе всѣмъ“, нѣмецкій; въ эпитафіи надъ епископомъ Гедеономъ день его смерти опредѣляется такъ:

По лѣтѣхъ же егда Христосъ воплотися.
Какъ седмь сотъ 62 къ тысячи свершися.
Третьяго жъ лѣта мало полъ не достизаше,
Іюнія день тогда двадцать второй бяше.

Различныя событія городской жизни писаны на многихъ колоколахъ собора и той или другой церкви, пожертвованныхъ разными лицами. На многихъ изъ нихъ событія излагаются чрезвычайно подробно, причемъ поименованы и участники въ постройкѣ колокола — „Рыбникъ Чухна“, да „всѣ сусѣди“, да „при священникѣ Миките Козлѣ“. Въ звонахъ этихъ колоколовъ, при всякой молитвѣ церковной, для всякаго знающаго исторію своей родины, гармонично глаголетъ былое, и нельзя не признать, что это фантастическое сочетаніе звука и историческаго дѣянія, разносимое музыкой православнаго церковнаго звона, должно трогать душу того человѣка, который знаетъ и любитъ, и продолжаетъ исторію своего народа, какъ исполнена она предками и какъ намѣчена Богомъ для всѣхъ и для каждаго въ особенности.

По осмотрѣ соборнаго храма и его достопримѣчательностей, послѣ посадки кедровъ въ дѣтинцѣ, Ихъ Высочества направились въ губернаторскій домъ, гдѣ послѣдовало представленіе служащихъ, сословій и дамъ. Къ половинѣ двѣнадцатаго Августѣйшіе Гости Пскова уже находились въ павильонѣ, поставленномъ на площади противъ присутственныхъ мѣстъ, въ виду

имѣвшаго быть открытымъ и завѣшеннаго холстомъ памятника Александру II. Преосвященный Гермогенъ, прибывшій сюда съ духовенствомъ крестнымъ ходомъ изъ собора еще раньше, уже ожидалъ Ихъ Высочества. Войска, Псковскій кадетскій корпусъ, баталіонъ 87-го Нейшлотскаго полка и резервная рота были выстроены покоемъ на три фаса. Полукружіемъ близъ памятника, противъ аналоя, виднѣлись, блистая золотомъ, серебромъ и каменьями, принесенныя къ торжеству святыя иконы Чирской Богородицы, Святыхъ Александра Невскаго и Гавріила, знамя псковскаго каѳедральнаго собора, значки уѣздовъ; влѣво отъ павильона стояло псковское купечество, соорудившее памятникъ, вправо — должностныя липа, дворянство, депутаціи, воспитанники заведеній; множество народа опоясывало площадь и виднѣлось по крышамъ, окнамъ, балконамъ и въ устьяхъ улицъ.

Его Высочество обошелъ войска, здороваясь съ каждою частью отдѣльно, послѣ чего началось молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ всей многотысячной толпы и, при пѣніи „Спаси Господи люди Твоя“, обнажился памятникъ Царя-Освободителя, въ присутствіи втораго изъ сыновей Его и Августѣйшей Его Супруги. Памятникъ изображаетъ покойнаго Государя стоящимъ въ порфирѣ, на четырехгранномъ пьедесталѣ сѣраго мрамора, по угламъ котораго расположены орлы и повѣшена цѣпь. Онъ обошелся псковскому купечеству, поднесшему Великому Князю адресъ, около 15.000 рублей, сдѣланъ Опекушинымъ и возсоздаетъ обликъ Государя хорошо. Множество вѣнковъ лежало на пьедесталѣ и подлѣ него; изъ нихъ многіе были серебряные. Слѣдовало окропленіе святою водой войскъ, исполненное подъ завѣтные звуки народнаго гимна, многолѣтіе Царствующему Дому и вѣчная память усопшему Государю. Торжество завершилось церемоніальнымъ маршемъ, по старшинству частей, и на правомъ флангѣ головной части сталъ Великій Князь и прошелъ, отдавая честь, мимо памятника своего Родителя; сколько разъ дѣлалъ это Его Высочество при жизни покойнаго, съ тою разницей, что тогда правая рука Императора оставалась не неподвижною, а теперь, отлитая изъ бронзы, она не шевельнулась, за то будетъ видима на многіе вѣка.

Ясное утро къ концу церемоніи не выдержало своего характера, и когда Ихъ Высочества направились въ недалекій скверъ

присутственныхъ мѣстъ, гдѣ накрыты были столы для угощенія войскъ отъ города завтракомъ, дождь и молнія появились довольно неожиданно и на цѣлые два часа. За это время, въ зданіи городской думы, предложенъ былъ Ихъ Высочествамъ, тоже отъ города, завтракъ, послѣ котораго Августѣйшіе Гости присутствовали близъ Богоявленской церкви, съ ея древнею колокольней, на смотру вольнаго пожарнаго общества.

Отдѣльно отъ Великой Княгини посѣщены были Его Высочествомъ военныя учрежденія. Зданіе, въ которомъ расположена рота мѣстнаго резервнаго баталіона, носитъ характерное названіе „мѣшка“, и преданіе приводитъ его въ связь съ Іоанномъ Грознымъ. Казармы 146-го Царицынскаго полка, мимо которыхъ идетъ шоссе къ вокзалу желѣзной дороги, построены въ 1839 г. и несутъ на себѣ четкій характеръ николаевскихъ монументальныхъ сооруженій. Великій Князь обошелъ казармы, лагерное расположеніе Нейшлотскаго баталіона и посѣтилъ лазаретъ и церковь, временно помѣщающіеся въ большомъ каменномъ полковомъ манежѣ. Найдя повсюду полный порядокъ, Его Высочество благодарилъ находившагося тутъ командира полка, высказывая ему особое спасибо за тѣ тактическія работы офицеровъ, которыя онъ разсмотрѣлъ при посѣщеніи въ казармахъ офицерскаго собранія

Совмѣстно съ Великою Княгиней осмотрѣны: дѣтскій пріютъ св. Ольги (основанъ въ 1844 году, имѣетъ капиталу 30.000 р., 60 приходящихъ и 40 постоянныхъ дѣвочекъ); Маріинская женская гимназія (328 воспитанницъ, на лицо было 120); домъ призрѣнія бѣдныхъ благотворительнаго общества св. Маріи (существуетъ 21-й годъ, капиталу 6.000 р., призрѣваемыхъ 13 старухъ и 26 дѣтей). Всегдашнее вниманіе и ласковыя слова Ихъ Высочествъ видѣлись и слышались вездѣ, и хорошее состояніе перечисленныхъ учрежденій было почтено благодарностью Августѣйшихъ Посѣтителей. Согласно обычаю, посѣщенъ былъ преосвященный Гермогенъ, а въ восемь часовъ вечера состоялся обѣдъ, предложенный отъ дворянства.

Утро втораго дня пребыванія во Псковѣ, назначенное на выѣздъ, 28-го іюня, было занято осмотромъ разнообразныхъ предметовъ. Раньше другихъ обойденъ ботаническій садъ, переданный городомъ реальному училищу, разбитый вдоль древней

Довмонтовой стѣны; известняки, изъ которыхъ сложена ветхая стѣна, до такой степени вывѣтрились, что достаточно весьма небольшаго усилія, чтобъ отковырнуть значительную часть камня, но стѣна такъ толста и настолько уже осыпалась, что стала какъ-бы произведеніемъ природы; молодая поросль ботаническаго сада жмется къ каменному дѣлу рукъ Довмонтовыхъ, и разнообразныя деревца, цвѣты и кустики чудесно оттѣняются бѣлою блѣдностью вывѣтривающихся известняковъ.

Много поучительнаго представляла выставка мѣстныхъ произведеній и кустарной промышленности псковскаго уѣзда, устроенная въ саду и зданіяхъ учительской семинаріи, противъ древняго Мирожскаго монастыря, на берегу Великой. Ленъ, холсты, личники (длинныя полотенца съ вышитыми концами, которыя носятся на головѣ какъ украшенія), салфетки, скатерти и очень хорошія шерстяныя ткани (одѣяла и платки), изъ которыхъ многія были пріобрѣтены Ихъ Высочествами, занимали очень видныя мѣста. Много виднѣлось земледѣльческихъ орудій, машинъ, моделей; модель водяной мельницы, сдѣланная находившимся тутъ же крестьяниномъ Рушевымъ, 14 лѣтъ, куплена Великимъ Княземъ. Первенствовалъ на выставкѣ, конечно, ленъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ предметовъ вывоза которому мы, на европейскомъ рынкѣ, конкурента не имѣемъ. Значеніе льноводства для псковской губерніи и Россіи вообще, равно какъ и его исторія, очень хорошо изображены въ особой книжечкѣ, отпечатанной во вниманіе къ пріѣзду Его Высочества по почину псковскаго общества сельскаго хозяйства. Изъ книжечки ясно значеніе льна для Россіи: мы производимъ въ годъ до 15.000,000 пудовъ и изъ этого числа $^1/_3$—$^1/_4$ псковская губернія, тогда какъ ближайшею нашею конкуренткой является Германія, производящая только 4.500,000 пудовъ. Этихъ двухъ цифръ достаточно для опредѣленія важности льна. Кромѣ льна, составлявшаго центръ выставки, привлекли на себя вниманіе предметы, касающіеся исконнаго промысла Псковскаго озера — ловли снѣтковъ: сѣти, „лодка мутница“, печи для сушки снѣтковъ, сани-водовики для перевозки неводовъ зимой и проч. Тутъ же имѣлись на виду два живые лосося, пойманные въ Великой въ текущемъ году, несомнѣнное доказательство пользы Никольскаго рыборазводнаго завода, посѣщеннаго Великимъ Княземъ прош-

лымъ лѣтомъ. Полное одѣяніе ловца, треухъ (шапка), шуба, передникъ, редень, рукавицы и сапоги совершенно тѣ же, что у нашихъ сѣверныхъ поморовъ. О любопытномъ и важномъ для мѣстныхъ жителей снѣтковомъ промыслѣ скажемъ мы подробнѣе при описаніи пути по Псковскому—Талабскому озеру. Слѣдуетъ упомянуть о томъ, что въ саду имѣлись на-лицо нѣсколько представителей мѣстныхъ полувѣрокъ и полувѣрцевъ печерской волости, псковскаго уѣзда; очень характерны на женщинахъ громадныя круглыя серебрянныя бляхи такой величины, что одна подобная бляха покрываетъ почти всю грудь; кресты и монеты составляютъ тоже замѣтную часть украшенія. Нельзя обойти молчаніемъ, говоря о выставкѣ, и того факта, что существуетъ тутъ недалеко табачная, махорочная фабрика, получающая табачный листъ изъ черниговской губерніи. Извѣстно, что массы нашего табаку провозятся въ листахъ за-границу и привозятся къ намъ обратно въ видѣ гаванскихъ сигаръ? лучше производить ихъ на своихъ фабрикахъ.

Очень близко къ мѣсту расположенія выставки кустарной устроена была выставка крестьянскихъ лошадей, приплода отъ находящагося въ Псковѣ пункта государственнаго коннозаводства. Хотя лошадей было только одиннадцать, но слѣдуетъ замѣтить, что въ прошломъ году на такой же выставкѣ было ихъ 113, и только спѣшность полевыхъ работъ помѣшала крестьянамъ принять въ ней большее участіе: четыре лошади, уже представленныя на выставку, были взяты крестьянами обратно наканунѣ. Пунктъ существуетъ 11 лѣтъ, польза его несомнѣнна и особенно хороши лошади, происшедшія отъ битюгскаго производителя. Уменьшеніе цѣны за пользованіе пунктами, состоявшееся со времени вступленія въ управленіе коннозаводствомъ графа Воронцова, много повліяло на увеличеніе спроса со стороны крестьянъ.

Послѣ осмотра обѣихъ выставокъ Ихъ Высочества направились въ рисовальную школу, учрежденную городомъ, существующую около двухъ лѣтъ и находящуюся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія; она помѣщается въ казенномъ зданіи, учениковъ 30 человѣкъ; отъ города дается въ годъ 350 рублей. Осмотрѣны были рисунки, выставленные въ школѣ, и находившійся тутъ же представитель купечества, уже имѣвшій

счастіе читать Его Высочеству, въ виду открывавшагося памятника Александру II, адресъ купечества, Хмѣлинскій, по случаю пріѣзда Ихъ Высочествъ, пожертвовалъ на школу 5.000 рублей, за что и удостоился милостивой благодарности за добрую поддержку добраго дѣла, такъ какъ значеніе рисованія для успѣховъ ремесла давно и вездѣ признано. Ихъ Высочества изъявили также предварительное согласіе, вполнѣ зависящее отъ Высочайшаго соизволенія, на наименованіе школы Владиміро-Маріинскою.

Черезъ плотовой мостъ на рѣкѣ Великой Августѣйшіе Гости Пскова направились къ послѣднему изъ предстоявшихъ посѣщеній, къ кадетскому лагерю. Принявъ рапортъ директора и поздоровавшись съ кадетами, Его Высочество обошелъ лагерное помѣщеніе и нашелъ все въ совершенномъ порядкѣ. Полный оркестръ, составленный изъ кадетъ, и хоръ пѣсенниковъ очень хорошо играли и пѣли въ это время передъ Великою Княгиней. Число воспитанниковъ 430, изъ нихъ 30 экстерновъ, такъ, что составленіе хорошаго хора духовой музыки изъ этого невеликаго числа кадетъ, свидѣтельствовало и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, о несомнѣнныхъ музыкальныхъ способностяхъ въ русскомъ человѣкѣ и о томъ умѣніи, съ которымъ наши военные педагоги пользуются имъ въ дѣлѣ воспитанія. Когда Ихъ Высочества, простясь съ кадетами, прошли къ колескѣ, ихъ ожидавшей, оказалось, что все сидѣніе убрано розами: очень милая и искусно исполненная собственная выдумка кадетъ.

Долго, при кликахъ „ура!“ сопровождали кадеты удалявшуюся изъ лагеря, покрытую розами, Великокняжескую коляску. Но надо было отдать полную справедливость прыткости ногъ ихъ и крѣпости легкихъ, когда, на пристани парохода, съ которой предстояло Ихъ Высочествамъ спуститься по Великой къ Псковскому озеру, пристани вовсе не близкой къ лагерю, очутились они снова, и молодое, дружное „ура!“ ихъ примѣшалось къ болѣе мужественному „ура!“ псковичей, обрамлявшихъ пристань и размѣстившихся повсюду, по домамъ и древнимъ стѣнамъ укрѣпленій. День стоялъ великолѣпный. Небольшой пароходъ „Dorpat“, одинъ изъ трехъ содержащихъ постоянное сообщеніе между Дерптомъ и Псковомъ, ожидалъ насъ подъ па-

рами. На немъ предстояло намъ проѣхать къ Талабскимъ островамъ, Гдову и, перерѣзавъ Псковское и Чудское озера вдоль и поперекъ, проѣхать рѣкой Эмбахомъ къ Дерпту. Было около двухъ часовъ дня, когда „Dorpat“ тронулся съ мѣста, и передъ нами скользнула красивая декорація низовьевъ рѣки Великой, а Псковъ. со своими храмами, быстро задвинулся извилинами и холмами береговъ.

Псковское озеро. Талабскіе острова.

Устье Великой. Снѣтогорскій монастырь. Водяныя деревни. Характеристика обѣихъ озеръ. Ихъ несходства. Сходство съ Мурманомъ. Снѣтокъ. Его особенности. Ловъ и приготовленіе въ прокъ. Ихъ особенности. Значеніе снѣтка. Талабскіе острова. Посадъ. Картинность прибытія. Крестный ходъ по водѣ. Посѣщеніе храма. Дальнѣйшій путь къ Гдову.

ъ двумъ часамъ дня, 28-го іюня, при полнѣйшемъ штилѣ, казавшемся еще глубже, еще нерушимѣе, благодаря самому яркому блеску солнца и безоблачности неба, въ которомъ, казалось, не было мѣста ничему, кромѣ глубочайшаго спокойствія и свѣта, маленькій пароходъ „Dorpat“, одинъ изъ трехъ содержащихъ постоянные рейсы между Псковомъ и Дерптомъ, отваливалъ отъ пристани на Великой, въ виду древнихъ стѣнъ псковскихъ. По бѣлизнѣ ихъ вывѣтривающихся известняковъ, огромная толпа народа, провожавшая Ихъ Высочества, пестрѣла всѣми красками одѣяній, причемъ яркокрасные колера мужскихъ рубахъ и женскихъ косынокъ и сарафановъ, какъ цвѣты полевыхъ маковъ, горѣли повсюду. Глядѣлъ съ дѣтинца соборъ, глядѣли съ Запсковья и Завеличья другія церкви, и, совершенно какъ въ глубокой вѣчевой древности, звучалъ съ нѣмецкаго судна,

насъ увозившаго, подъ самыми стѣнами Пскова, нѣмецкій языкъ пароходнаго персонала. Существенная разница была въ томъ, что мы двигались при посредствѣ пара, а не веселъ или парусовъ, и что, направляясь въ Ливонію, русскій Великій Князь и русская Великая Княгиня отправлялись не въ чужую, враждебную намъ страну, а въ одинъ изъ собственныхъ уголковъ, собственной земли нашей. Громогласно и радушно было прощаніе псковичей, мелькали руки, осѣнявшія людей крестнымъ знаменіемъ, и не знали эти люди того, что не далѣе какъ черезъ сутки гирлянды зелени, развѣшанныя по пароходу, истреплются въ клочки сильнѣйшею бурей, такою бурей, какой не помнилъ капитанъ нашего утлаго пароходика въ теченіе цѣлыхъ 43 лѣтъ рейсовъ, имъ сдѣланныхъ по Псковскому и Чудскому озерамъ.

Едва отошелъ пароходъ отъ пристани и отодвинулась святыня кремля, какъ открылось вправо отъ насъ устье рѣки Псковы: древнія стѣны, сбѣгая къ ней съ обѣихъ сторонъ по кручамъ, раздались, чтобы дать рѣкѣ мѣсто; теперь рѣка эта открыта, а во время оно преграждался входъ въ нее могучими рѣшетками. Влѣво отъ парохода, при самомъ выѣздѣ изъ города, виднѣлся Ивановскій монастырь, а скоро вслѣдъ затѣмъ на правомъ высокомъ берегу Великой, въ бѣлыхъ стѣнахъ своихъ, съ маленькими куполами, часовеньками, очень высокою колокольней и многими, не вполнѣ симметричными, окнами, глянулъ монастырь Снѣтогорскій, лѣтнее мѣстопребываніе, дача архіерея. Въ этомъ монастырѣ, гласитъ псковская лѣтопись подъ 1299 годомъ, убиты нѣмецкими рыцарями игуменъ Іоасафъ съ 17 братьями; тутъ-же, въ 1472 году, слушала молебень и переодѣвалась для торжественнаго вступленія въ Псковъ, Софья Ѳоминична Палеологъ. Это самое красивое мѣсто на протяженіи тѣхъ 12 верстъ, которыя отдѣляютъ Псковъ отъ одноименнаго съ нимъ озера. На кругломъ изгибѣ рѣки, вѣнчая гнилыя, вывѣтривающіяся наслоенія известняковъ древними соснами, просовывая изъ-за стѣнъ вершины деревьевъ своихъ уютныхъ садиковъ, монастырь царитъ надъ поверхностью изгибающейся рѣки. Лѣвый берегъ тутъ не ниже праваго, тоже тѣнистъ и зеленъ, и изъ листвы его проглядываютъ очертанія мызы Пріютино. Если оглянуться на пройденный пароходомъ путь отсюда, то еще видны очертанія псковскаго собора, но затѣмъ они скрываются совершенно, задвинутыя изво-

ротами и стѣнообразными боками Великой. По береговой зелени, по щебню побережья, словно раскинутые букеты, виднѣлись повсюду кучки людей, привѣтствовавшихъ Высокихъ Путешественниковъ, подкатывались на веслахъ, возможно близко къ пароходу, лодочки, развѣвались флаги и сыпались цвѣты.

Далѣе къ устью берега Великой становятся совершенно безлѣсными; наслоенія известняковъ уступаютъ мѣсто обнаженіямъ крупнаго щебня, затѣмъ проступаютъ опять наслоенія, но уже не такія высокія и, наконецъ, принижаются совсѣмъ, чтобы дать мѣсто безконечнымъ лугамъ разстилающимся подъ лицо съ поверхностью озера. Въ нижнихъ частяхъ теченія Великая шириной почти-что съ Неву близъ Дворцоваго моста; вышина береговъ, близъ Снѣтогорскаго монастыря, близка къ вышинѣ Воробьевыхъ горъ подъ Москвой.

Тѣмъ площе, тѣмъ низменнѣе казались берега Псковскаго или Талабскаго озера, открывавшагося передъ нами безконечнымъ зеркаломъ, по которому поблескивали маленькія волны, поднимаемыя пароходомъ, и чернѣли тоненькими силуэтами лодки рыбаковъ, разбросанныя тамъ и сямъ, иногда не въ одиночку. Берега такъ низки, что, кажется, будто торчатъ надъ водой только острія бархатистой травы. Деревня Муромицы, находящаяся справа, подлѣ самаго устья, и слѣдующая за нею Горка, въ 34 крестьянскихъ двора, на 1.000 квадратныхъ сажень, удивительно типичны. Онѣ поднимаются какимъ-то конгломератами деревянныхъ построекъ, жмущихся вплотную одна къ другой, чуть не на сваяхъ, и, кажется, да оно такъ и есть, не имѣютъ улицъ; между домами оставлены, какъ намъ сообщили, промежутки, въ которыхъ можетъ пройти только корова; оборони Богъ отъ пожара эту сѣрую, скомканную, высящуюся надъ зеленью пожней массу строеній. Можно представить себѣ положеніе этихъ людей при ледоходѣ; коровы, говорятъ, спасаются въ такихъ случаяхъ на крышахъ, а сосѣди сообщаются другъ съ дружкой по жердямъ, просунутымъ въ окна. Глыбы льда окружаютъ ихъ тогда, замѣчаетъ изслѣдователь, и они отрѣзываются отъ всего свѣта. Вотъ, дѣйствительно, уголокъ своеобразной русской жизни, достойный художника и описателя! обыкновенно пасхальный звонъ церквей, во время ледохода и распутицы, доносится къ нимъ только издалека, и, по недостатку дома молитвы, люди устроили у себя часовню и творятъ молитвословія сами, „причемъ для чтеній

избирается грамотный начетчикъ, но хорошихъ чтецовъ нѣтъ, и трудно передать какая выходитъ безсмыслица, когда чтецъ не понимаетъ значенія ударенiй и останавливается на полмысли, и дробитъ предложенія". Это не мѣшаетъ, однако, глубокой вѣрѣ и сильному развитію молитвословій по всему побережью. Камня въ мѣстныхъ постройкахъ не видно вовсе, кромѣ фундаментовъ снѣткосушильныхъ печей, выразителей того снѣтковаго промысла, которымъ живетъ все населеніе обѣихъ озеръ-близнецовъ, Псковскаго и Чудскаго, ютящееся вдоль громадной береговой линіи, обрамляющей 3.087 квадратныхъ верстъ того воднаго пространства, на которое мы выѣзжали. Подлѣ устья Великой много острововъ, какъ выразился одинъ изъ мѣстныхъ людей — „штукъ двѣнадцать"; эти штуки — сплошныя, богатѣйшія пожни, принадлежатъ Горкамъ, и нѣсколько лодокъ, попавшихся намъ на встрѣчу, опускали края бортовъ своихъ чуть не до воды, будучи нагружены изумрудною зеленью только-что скошенной роскошнѣйшей травы.

Умѣстны нѣсколько данныхъ объ озерѣ или озерахъ, имѣющихъ слишкомъ 3,000 квадратныхъ верстъ пространства, изъ которыхъ 750 приходятся на долю маленькаго, южнаго, Псковскаго озера (40 верстъ длины), соединеннаго съ Чудскимъ (80 верстъ длины) проливомъ въ 15 верстъ длины и 5 ширины. Несмотря на полную, вѣчную связь обѣихъ озеръ, характеры ихъ совершенно различны. Тогда какъ Чудское озеро имѣетъ дно каменистое, неровное, достигающее почтенной глубины въ 20 сажень и болѣе, озеро Псковское глубиной своею не превышаетъ 4—5 сажень, глубина эта почти вездѣ одинакова, кромѣ побережья, и дно озера вездѣ ровное, илистое, обильно покрыто водорослями. На сколько, по словамъ изслѣдователя здѣшней озерной жизни, вода въ Чудскомъ озерѣ чиста, прозрачна, на столько же мутна она въ Псковскомъ и, вѣроятно, эти особенности обусловливаютъ то, что въ первомъ изъ нихъ имѣется крупная рямушка, а во второмъ безусловно царитъ мелкій снѣтокъ; эти физіологическія особенности такъ вѣски, что псковскій снѣтокъ, попавъ въ Чудское озеро, достигаетъ гораздо большей величины, но за то утрачиваетъ, почему-то, многія хорошія качества вкуса; ему повидимому нужна незначительная глубина, горизонтальность дна и водоросли, съ ихъ обильнымъ цвѣтеніемъ и развитіемъ моллюсковой жизни. Богатство снѣтковъ, которымъ, ко-

торый уже вѣкъ, живетъ населеніе псковскаго побережья, огромно; не въ связи-ли съ ними и самое названіе Снѣтогорскаго монастыря? Нѣтъ снѣтка вкуснѣе псковскаго, объ этомъ скажутъ вамъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и это совершенно справедливо и это можетъ подтвердить всякій, кому удалось испробовать на мѣстѣ, хотя бы при закускѣ, свѣжихъ, фритированныхъ снѣтковъ, вовсе не обладающихъ тѣмъ непріятнымъ запахомъ, который, главнымъ образомъ, зависитъ отъ первобытности способовъ, какими снѣтки заготовляются въ прокъ. За послѣдніе годы мѣстные рыбаки жалуются на уменьшеніе снѣтка, но и тутъ, какъ относительно запаха, виноватъ не снѣтокъ, а люди. Снѣтокъ такъ плодовитъ, что, если-бы не уничтоженіе выбрасываемой имъ и оплодотворенной икры, если бы не люди, съ ихъ убійственно мелкими сѣтями, не щука и не окунь, то, не болѣе какъ въ теченіе двухъ лѣтъ, все Псковское озеро могло бы быть запружено снѣткомъ. Изъ числа многоразличныхъ мѣръ, принимавшихся и принимаемыхъ противъ хищническаго способа ловли снѣтковъ, одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ и довольно крутыхъ слѣдуетъ считать запечатываніе, на время нереста, снѣткосушильныхъ печей по всему побережью. Особенное зло заключается въ томъ, что рыбаки пользуются при ловлѣ сѣтями до такой степени мелкими, что сквозь нихъ не проходитъ даже икра и этимъ уничтожается рыба, еще не вылупившаяся.

Значительную часть свѣдѣній объ озерахъ и любопытномъ снѣтковомъ промыслѣ беремъ мы изъ изслѣдованій гг. Василева и Князева; если бы монографіи, сходныя съ ихъ трудами, появлялись чаще, то знакомство наше съ различными своеобразными уголками русской земли было бы и основательно, и поучительно.

Удивительно сходны у насъ судьбы рыбныхъ промысловъ на далекомъ Мурманѣ и на ближнемъ Псковскомъ озерѣ, съ тою только разницей, что тамъ не хотятъ умѣть обращаться съ сельдью и треской, а здѣсь со снѣткомъ. Богатство, тамъ и тутъ, одинаково, народонаселеніе прирождено къ промысламъ, одѣваетъ на голову тотъ же треухъ, такъ же беззавѣтно смѣло и выносливо, трехлѣтній мальчикъ уже орудуетъ весломъ, сбытъ обезпеченъ, продуктъ хорошъ, но приготовленіе плохо и первобытная лопата движется въ кучахъ живаго матеріала, доставленнаго на берегъ тамъ — океаномъ, здѣсь — озеромъ. Какъ тамъ,

на Мурманѣ, на тороскомъ промыслѣ зимою, оторветъ, порою, льдину и уноситъ, часто безвозвратно, промышленниковъ, такъ и тутъ весенній вѣтеръ „падара“ также рветъ льдины и уноситъ ихъ отъ берега съ людьми, иногда тоже безвозвратно. Конечно бѣднѣе Мурмана Псковское озеро, но не одного только снѣтка и ряпушку производятъ здѣшнія воды; не говоря уже о толстомъ и неуклюжемъ сомѣ, встрѣчаемомъ, впрочемъ, довольно рѣдко и отличающемся самымъ невкуснымъ мясомъ, здѣсь имѣются очень вкусный лещь и судакъ, направляющіеся для сбыта, главнымъ образомъ, къ Петербургу, щука идущая къ евреямъ въ Варшаву, окунь, ершъ и язи, расходящіеся на мѣстѣ. Но главный продуктъ — снѣтокъ.

Хорошенькій, маленькій снѣтокъ ходитъ обыкновенно необозримыми стаями, подлѣ которыхъ шмыгаютъ окуни, ихъ заклятые враги, а въ воздухѣ носятся чайки; сырой снѣтокъ имѣетъ непріятный запахъ, которымъ пропитаны всѣ прибрежныя деревни, но, при хорошей сушкѣ, теряетъ его совершенно; цвѣтомъ онъ синеватъ, но, по мѣрѣ замиранія, бѣлѣетъ; снѣтокъ мечетъ икру въ мартѣ и апрѣлѣ, но всегда вслѣдъ за вскрытіемъ льда; если онъ заходитъ для этого въ устья мѣстныхъ рѣкъ и рѣчекъ, то буквально запружаетъ ихъ, и тогда снѣтки могутъ быть черпаемы ковшами. Ловятъ снѣтокъ круглый годъ; самый хитростный и трудный, а по продолжительности самый долгій — это зимній ловъ, отъ замерзанія до вскрытія. Тутъ пускается въ ходъ большой неводъ, состоящій изъ матки и двухъ крыльевъ, каждое въ 150 саж. длины и 8—10 ширины, матка въ 10 саж. длины и 7 ширины; этотъ неводъ со всѣми нужными приспособленіями или то, что называется „большимъ запасомъ“, стоитъ около 800 рублей и служитъ одинъ только годъ. При подобномъ неводѣ необходимы 16 рабочихъ и 8 лошадей, имѣется на лицо хозяинъ запаса и управляющій ловлею или „жерникъ“; лошадь и два рабочіе составляютъ „гнѣздо“; всѣ, вмѣстѣ взятые, называются „дружиной“.

Зимній ловъ съ большимъ запасомъ очень труденъ и хитеръ. Когда ледъ окрѣпнетъ, то дѣлается гдѣ-либо прорубь, ловецъ ложится на ледъ и смотритъ въ нея, причемъ, для того чтобъ яснѣе видѣтъ, накрываетъ голову. Зоркость этихъ людей, говорятъ, удивительна и они усматриваютъ снѣтка на глу-

бинѣ трехъ сажень. Если снѣтокъ усмотрѣнъ, то тутъ вбивается въ ледъ „пѣшня“, и это мѣсто свято принадлежитъ нашедшему. Для того чтобъ опустить подъ ледъ и протянуть подъ нимъ громадный неводъ въ 300 саж. длины, дѣлаются около 60 прорубей, расположенныхъ правильнымъ четыреугольникомъ имѣющимъ около $^1/_2$ версты въ поперечникѣ. Вдоль двухъ боковъ этого четыреугольника протягиваютъ подо льдомъ два наружные конца невода, а между нихъ посединѣ пойдетъ мѣшокъ матки, тоже подъ цѣлымъ рядомъ прорубей. Двѣ проруби особенно велики: та, въ которую неводъ будетъ опущенъ, „подвальное корыто“, и та, въ которую его поднимутъ „подъемное корыто“.

Когда неводъ привезенъ на мѣсто на квадратныхъ, въ $2^1/_2$ сажени длины, саняхъ, называемыхъ „водовикомъ“, и опускается, тогда, во время лова, очень характерны три дѣйствія. Одно—это тяга невода подо льдомъ, что исполняется тѣмъ способомъ, что къ обоимъ наружнымъ концамъ его, опущеннымъ въ „подвальное корыто“, привязываютъ жерди, снабженныя на наружныхъ концахъ желѣзными кольцами; жерди эти, длиною саженъ въ 15, опускаются въ воду, причемъ концы ихъ, снабженные кольцами, подводятся подъ ближайшія двѣ проруби, сквозь которыя подхватываются они деревянными крюками, и лошади, или люди, тянутъ неводъ отъ проруби къ проруби. Передвиженіе этой жерди отъ проруби къ проруби можно, пожалуй, сравнить со шнуровкою дамской обуви, когда шелковый шнурокъ протягивается сквозь отверстія, вслѣдъ за мѣднымъ наконечникомъ. Второе характерное дѣйствіе лова состоитъ въ глядѣніи подъ ледъ сквозь тѣ проруби, подъ которыми идетъ матка невода и которыя называются „глядѣльницами“; ложась на животъ и накрывъ чѣмъ-либо голову, одинъ изъ рыбаковъ смотритъ въ воду, и если замѣчаетъ, что рыбы достаточно, то машетъ ногою. чѣмъ даетъ знать, чтобы неводъ тянули дальше. Третье любопытное дѣйствіе имѣетъ мѣсто при вытаскиваніи невода и оно установлено обычаемъ и держится такъ же свято, какъ и значеніе „пешни“ на мѣстѣ, найденномъ кѣмъ-либо для лова. Когда неводъ подтянутъ и матка находится подлѣ послѣдней проруби, тогда подбѣгаютъ къ ней дѣти, бабы, старики съ ковшами въ рукахъ. такъ-называемые „коповники“, и ловятъ снѣтокъ сколько кому удастся. Несмотря на то, что ковши доставляютъ иногда больше

добычи, чѣмъ остается самому хозяину. никому и въ голову не приходитъ посягнуть на обычай. Что-то подобное, только не со снѣтками, имѣется и на Мурманѣ и, если тамъ, на Ледовитомъ морѣ, каждый вѣтеръ имѣетъ свое прозваніе, то и тутъ они есть: сѣверный зовется „сѣверикъ“, западный — „мокрикъ“, южный — „тепликъ“, а юго-восточный, дующій отъ Пскова — „вахтица“.

Снѣтокъ продается обыкновенно на мѣстѣ, на глазомѣръ, огуломъ, причемъ составляется нѣчто въ родѣ аукціона. Рыбакъ выкликаетъ свою цѣну присутствующимъ тутъ купцамъ и владѣльцамъ снѣткосушильныхъ печей; если цѣна высока, послѣдніе молчатъ, если они согласны, то произносятъ слово „данотамъ“— и купля совершена. Половину всего улова натурою получаетъ хозяинъ, половину ловцы; но случаются и видоизмѣненія этого основнаго правила. Снѣтокъ поступаетъ непосредственно въ снѣткосушильныя печи, которыхъ на здѣшнихъ заводахъ имѣется по 4—16, а въ каждую печь помѣщается до 4 четвериковъ сыраго снѣтка; всѣхъ заводовъ по берегамъ и островамъ около 90. Послѣ всякой топки печь выметается и подъ ея посыпается тѣмъ бѣлымъ пескомъ, который такъ непріятно похрустываетъ съ зубахъ при употребленіи снѣтка въ пищу и который необходимъ противъ прижариванія снѣтка. Набрасывается снѣтокъ въ печь, солится и переворачивается просто-на-просто лопатой.

Среднимъ числомъ вывозится въ годъ псковскаго снѣтка около 200.000 пудовъ, что, при цѣнѣ 3 р. пудъ, даетъ валоваго дохода до 600.000 р., изъ которыхъ на долю промышленниковъ приходится около 440.000 р. Такъ какъ всѣхъ дворовъ, занимающихся рыбнымъ промысломъ около 1.500, то на долю двора приходится 150 р., чего для покрытія всѣхъ домашнихъ потребностей мало и пріозерные крестьяне занимаются еще перевозкой тяжестей и торговлей глиняною посудой, приготовляемою въ Псковѣ.

Снѣтокъ составляетъ многолюбимую нашимъ народомъ пищу, и этому есть великое основаніе: одного фунта снѣтковъ достаточно, чтобы приготовить супъ на десять человѣкъ, и въ этомъ смыслѣ онъ могъ бы представлять превосходный консервъ для войскъ. Но, какъ сказано, приготовленіе его въ прокъ плохо: экономія въ дровахъ и соли вызываетъ то, что его не сушатъ, а только провяливаютъ, и снѣтокъ доходитъ къ рынкамъ въ видѣ какого-то мусора; этою же сыростью пользуются для увеличенія вѣса, чего

достигаютъ также и тѣмъ безобразнымъ пріемомъ, что, не довольствуясь примѣсью песка, захваченнаго снѣткомъ изъ печи, его прибавляютъ еще нарочно. Какое удивительное сходство съ приготовленіемъ мурманской трески, въ которой для увеличенія вѣса оставляютъ хребетный столбъ, обусловливающій ея гніеніе и убійственный запахъ?

Участвуютъ въ снѣтковой ловлѣ всѣ 51 селеніе, расположенныя по берегамъ Псковскаго озера, да, кромѣ того, столько же такихъ, что расположены отъ него подальше. Центромъ этого промысла, его рынкомъ и биржей является посадъ Александровскій, на островахъ Талабскѣ и Верхнемъ, къ которымъ и направлялся пароходъ Ихъ Высочествъ, въ полнѣйшемъ блескѣ роскошнѣйшаго дня. Замѣтимъ, что недалеко отсюда, близъ западнаго берега, лежитъ небольшой островъ Варанье, — Вороній камень, гдѣ имѣла мѣсто знаменитая побѣда Александра Невскаго въ 1241 году; бой произошелъ на льду и возвратилъ псковичамъ, захваченный ливонцами ихъ родной городъ. Тутъ же разбили псковичи ливонцевъ и въ 1463 году.

Талабскіе острова: Талабскъ, Верхній и Талавенецъ, расположены въ южной части Псковскаго озера, ближе къ западному берегу, и имѣютъ около 3.600 человѣкъ народа. Видъ на нихъ съ парохода, при полной тишинѣ воды, при ослѣпительномъ блескѣ полуденнаго солнца, былъ изъ ряду вонъ хорошъ и типиченъ. На зеркальной поверхности озера высились одинъ подлѣ другаго всѣ три острова, раздѣленные небольшими проливчиками. Основаніемъ всѣмъ имъ служатъ громадные валуны, слѣдъ доисторическаго ледянаго періода, отчасти вѣчно обнаженные, отчасти открывающіеся при малой водѣ. Только на Верхнемъ островѣ имѣется роскошный сосновый боръ, два другіе совершенно лишены растительности; розовые пески ихъ, лежащіе на валунныхъ основаніяхъ, служатъ опорою жилыхъ строеній Александровскаго посада на островахъ Талабскѣ и Верхнемъ; населеніе ближняго, бокъ-о-бокъ лежащаго, Талавенца, почему-то причислено къ береговой остенской волости. Нельзя было не любоваться чудеснѣйшею картиной, которая развертывалась передъ нами. Никогда, никогда съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Русь, не было на этихъ, исконно русскихъ островахъ, никого изъ лицъ Царствующаго Дома, а теперь ѣхалъ къ нимъ старшій братъ

Государевъ, да еще со своею Великою Княгиней, — чѣмъ не сказка, совершавшаяся воочію въ полномъ блескѣ полуденнаго горячаго солнца? берегъ погрузалъ подъ живою лентой народа, и уже задолго до того, что предстояла возможность различить лица, несся къ намъ на встрѣчу глухой гулъ „ура“ Пристать къ берегу, за мелководьемъ, оказалось невозможно, и саженяхъ въ ста отъ него качался на якоряхъ помостъ, весь въ цвѣтахъ, флагахъ и гирляндахъ, сойдя на который Ихъ Высочества должны были пересѣсть, для слѣдованія къ берегу, въ лодку. Тутъ, на помостѣ, привѣтствовали Ихъ Высочества съ хлѣбомъ-солью представители посада и волостей, подъѣзжали дѣвочки на лодченкахъ, сыпались цвѣты и Великой Княгинѣ поднесенъ букетъ изъ розъ, за которымъ наканунѣ ходила въ Псковъ особая лодка.

Такое совершенно исключительное появленіе Высокихъ Гостей въ Талабскѣ было бы не вполнѣ русскимъ, если бы его не привести въ связь съ чѣмъ-либо религіознымъ. Предстояло, конечно, посѣщеніе мѣстной церкви, но для великаго празднества этого было недостаточно, и вотъ, словно нарочно, блескъ и самостоятельность картины подняты были до крайнихъ предѣловъ великолѣпія крестнымъ ходомъ по водѣ иконъ Елеазаровскаго прибрежнаго монастыря. При сходѣ на помостъ, за множествомъ тѣснившихся лодокъ, мы не замѣчали приближенія своеобразной флотиліи направлявшейся къ берегу, но когда приняты были депутаціи и Ихъ Высочества уже сѣли въ лодку для переѣзда къ берегу, флотилія эта не могла не обратить на себя Ихъ вниманія. Шесть большихъ лодокъ, одна за другою, медленно шли на веслахъ полныя народомъ до невозможности; всѣ эти люди, кромѣ гребцовъ, конечно, стояли въ лодкахъ и надъ ними высились хоругви и кресты, и сіяли обложенныя золотомъ и серебромъ иконы; Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе, слышались слова исполнявшагося пѣнія.

— Шапки долой! сказалъ великій Князь, замѣтивъ что многіе изъ мѣстныхъ людей, да и изъ пріѣзжихъ, увлеченные прелестью картины, не исполнили своевременно этого заповѣднаго долга.

Его Высочество, видя, что процессія направилась къ берегу, между помостомъ и пристанью, и шла на перерѣзъ Великокняжеской лодкѣ, приказалъ остановиться, пропустилъ процессію и

сошелъ съ Великою Княгиней на берегъ, обождавъ нѣкоторое время, чтобы дать процессіи время вытянуться и идти въ церковь вслѣдъ за нею. Намъ объяснили, что это процессія ежегодная, что монастырь находится на берегу, въ восьми верстахъ разстоянія, что для крестнаго хода поднятъ съ мѣста весь иконный монастырскій составъ, что прибыла вся братія, съ игумномъ Палладіемъ во главѣ.

Насколько тихи и податливы были воды Псковскаго озера, настолько же плотна и упруга была живая стѣна людская, къ самой толщѣ которой пристала Великокняжеская лодка. Надо было слѣдовать за Ихъ Высочествами — но какъ? возможно ли, при дружномъ натискѣ толпы которой нельзя же было отказать въ желаніи видѣть Высокихъ Гостей поближе, если можно, прикоснуться къ нимъ? волей-неволей надо было двигаться, неожиданно покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону и мы съ трудомъ уносились толпою. Намъ предшествовали хоругви, иконы, неслось духовное пѣніе и стояла пыль столбомъ. Вѣрные обычаю, Ихъ Высочества поклонились въ землю старѣйшей изъ иконъ монастырскихъ и приложились къ ней. Надобно было видѣть впечатлѣніе этихъ земныхъ поклоновъ и наблюдать за выраженіемъ тѣхъ тысячъ глазъ людскихъ, которые непосредственно восприняли его.

Медленно, очень медленно двигались Ихъ Высочества къ церкви и наконецъ вошли въ нее; входъ отѣненъ дикимъ каштаномъ и липой; четырехпарусный сводъ не высокъ; на четырехъярусномъ иконостасѣ и по стѣнамъ церковнымъ много иконъ въ цѣнныхъ окладахъ — даръ часто нуждающихся въ помощи Божіей островитянъ; надъ алтаремъ красуется висящая сѣнь и престолъ въ серебряномъ одѣяніи. По совершеніи молитвословія и окропленіи св. водой, Ихъ Высочества направились обратно въ той же неописуемо густой, ликовавшей толпѣ.

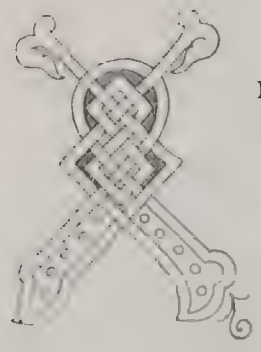
Высокіе, большею частію двухъ-этажные деревянные дома посада поднимаются плотною стѣной. Проплыли Ихъ Высочества вдоль вытянутыхъ по берегу неводовъ, осмотрѣли колоссальныя сани „водовикъ“, о которыхъ мы говорили выше, и, снизойдя на просьбу мѣстныхъ людей, посадили на пути своемъ, невдали отъ церкви, два дерева, причемъ Великій Князь воспользовался не тою изящною лопатой которая была ему предложена, а взялъ у стояв-

шаго подлѣ парня настоящую, какъ слѣдуетъ, и осыпалъ землей корни деревца. Намъ сообщали, что, будто, по указанію начальника губерніи, эти деревца войдутъ въ составъ болѣе широкаго насажденія предположеннаго старѣйшими посадскими людьми, для отѣненія тѣхъ мѣстъ по которымъ шли Ихъ Высочества, отѣненія не существующаго до сегодня на розовыхъ пескахъ и по валунамъ побережья. Эта тѣнь будетъ со временемъ наглядным воспоминаніемъ посѣщенія, но будетъ и другая болѣе прочная память: еще до схода на берегъ, на помостѣ былъ прочтенъ мѣстными людьми адресъ гласившій, что ими рѣшено отдѣлять ежегодно нѣкоторую сумму денегъ на устройство спеціальной школы сѣткоплетенія, школы, нужда въ которой сознавалась давно и только ожидала счастливаго повода основать школу, какимъ и явилось Великокняжеское посѣщеніе. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Талабскѣ имѣются два начальныя народныя училища, но, въ противуположность другимъ заведеніямъ, классныя занятія въ нихъ имѣютъ мѣсто въ лѣтнее время, а каникулы—зимой.

Около двухъ часовъ пополудни Августѣйшіе Путешественники находились уже на пароходѣ для дальнѣйшаго слѣдованія на Гдовъ. Озеро блестѣло и лучилось по прежнему. Виднѣлись тамъ и сямъ по зеркальной поверхности, воспользовавшіяся пробуждавшимся слабымъ вѣтромъ, такъ-называемыя „будары“, большія мелкосидящія крылатыя лодки съ однимъ прямымъ парусомъ, поднимающія до 15.000 пудовъ; виднѣлись и мелкія рыбачьи. Встрѣчались суда, нагруженныя бочками со снѣтками; буксирный пароходъ лѣсопромышленника Зиновьева „Софія“ задержалъ насъ на нѣкоторое время, чтобы передать хлѣбъ-соль и сердечныя пожеланія. Мы не замедлили пройти проливомъ изъ Псковскаго въ Чудское озеро и взяли курсъ къ Гдову на сѣверо-востокъ. Чудское озеро встрѣчало насъ менѣе привѣтливо: опускалась какая-то мгла. Къ вечеру, когда значительно стемнѣло и мы бросили якорь саженяхъ въ 200 отъ гдовскаго берега, чтобы съѣхать на него, небо стало пасмурно и предвидѣлся скорый дождь.

Гдовъ. Отъ Гдова къ Дерпту. Чудское озеро.

Древнее обличіе Гдова. Мнѣніе о немъ Екатерины II. Замѣчательный соборъ. Историческое. Легенда о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Крестьянскіе мемуары. Николаевская церковь. Отъѣздъ изъ Гдова. Буря на озерѣ. Проекты пониженія его уровня. Рѣка Амовжа. О русскихъ семьяхъ матрикулованныхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Видъ на Дерптъ.



муро и холодно глядѣло кругомъ вечеромъ, 28-го іюня, когда Ихъ Высочества, съѣхавъ съ парохода на берегъ и принявъ на пристани начальника петербургской губерніи Лутковскаго и другихъ представителей властей, прослѣдовали въ экипажѣ въ Гдовъ, отстоящій отъ берега озера версты на три. Всегда ли былъ онъ такъ далекъ отъ озера? не сдѣлало ли тутъ время именно то. что предполагаютъ сдѣлать прибалтійскіе помѣщики: не понизило ли оно уровня Чудскаго озера? хотя исторія и гласитъ, что городъ построенъ въ 1422 году псковскими посадниками и они заложили тутъ, на пятой недѣлѣ по Пасхѣ, крѣпость на рѣкѣ Гдовѣ, въ двухъ верстахъ отъ озера, что ее строили триста человѣкъ и уже къ 1-му ноября окончили и освятили, но, тоже свѣдѣніе утверждаетъ, что здѣсь, до того, былъ и старый посадъ; затѣмъ, въ настоящую минуту, путь, по которому мы ѣхали, несомнѣнно длиннѣе двухъ верстъ, слѣдовательно нѣкоторое удаленіе отъ воды все-таки совершилось. Путь этотъ шелъ по тундровавой мѣстности и былъ исправленъ только передъ са-

мымъ прибытіемъ Ихъ Высочествъ, такъ какъ фашинникъ торчалъ повсюду изъ-подъ обильно присыпаннаго песку.

Гдовъ лежитъ на невысокихъ холмахъ и кое-гдѣ выползъ своими очень невзрачными домиками и немощеными улицами изъ-за старыхъ, разрушающихся, бѣлѣющихъ въ своей смертной блѣдности, который уже вѣкъ, стѣнъ древней крѣпости; рѣченка Гдова тоже обрастаетъ по тихимъ берегамъ ряской и стрѣльникомъ, и трудно отличить—что именно блеститъ подъ водой, замѣтною тамъ и сямъ: древній ли ровъ или сама собою образовавшаяся лужа. Унылъ видъ Гдова вообще, но въ пасмурную погоду онъ и того хуже. А вѣдь рѣка Гдова была, когда-то, глубокою и омывала неприступныя твердыни, первое нападеніе на которыя, со стороны нѣмецкихъ рыцарей, совершилось сорокъ лѣтъ спустя послѣ ихъ построенія. Унылость Гдова была присуща ему и раньше, потому, что когда Екатерина II прибыла въ Гдовъ и немного въ немъ отдохнула, то оставаться ей дольше помѣшали эти „скуку наводящія мѣста“. И дѣйствительно, только служебныя обязанности могутъ занести кого-либо въ Гдовъ, лежащій совершенно въ сторонѣ отъ какихъ бы то ни было торговыхъ или военныхъ путей.

Городской соборъ, въ который прибыли Ихъ Высочества въ девятомъ часу вечера, не великъ, но очень характеренъ. При входѣ въ него прежде всего бросаются въ глаза два грузные столба, изъ числа четырехъ, поддерживающихъ невысокій съ горшечными сводами куполъ и круглыя, темныя отверстія многихъ „голосниковъ“, вдѣланныхъ въ стѣны и обусловливающихъ чрезвычайную звучность, отзывчивость невеликаго храма, построеннаго въ 1540 году во имя св. Димитрія. Эти столбы, эти голосники, совсѣмъ не симметрично разбросанныя окошечки — подъ куполомъ ихъ шесть — и круглые сводики, тоже достаточно не симметричные, придаютъ храму удивительно типичный, для исторіи нашей архитектуры, важный характеръ. Нѣкоторые колокола отъ времени Іоанна Грознаго. Мало у насъ такихъ, вполнѣ сохранившихся въ древнемъ обличіи, церквей. Иконостасъ пятиярусный, по коричневому фону, когда-то малиновому, старъ и увѣшанъ вплотную цѣнными въ окладахъ иконами, такъ, что представляется раскрытою книгой, обращенною страницами своими къ молящемуся, и приглашающею его читать по нимъ.

Въ исторіи иностраннаго, романскаго и готическаго искусствъ хорошо извѣстны такъ-называемыя „Библіи въ лицахъ“; наши иконостасы, наши циклическія фресковыя изображенія вполнѣ замѣняютъ ихъ, и еслибы только мы хорошо знали бытописанія нашихъ святыхъ, хотя бы по Четьи-Минеямъ, еслибы мы дали себѣ трудъ (чего мы въ большинствѣ, къ несчастію, не дѣлаемъ) знать исторію дѣятелей церковныхъ (народъ знаетъ это), то наши иконостасы заговорили бы передъ нами звучнымъ, любопытнымъ, поучительнымъ языкомъ. Здѣсь не мѣсто, конечно, приводить примѣры того глубокаго разнообразія, той типичности нашихъ святыхъ, которыя дѣйствительно существуютъ и о которыхъ вспомнилось такъ хорошо при взглядѣ на гдовскій иконостасъ, раскрытый громадною книгой въ лицахъ. Мы любимъ біографіи свѣтскихъ дѣятелей и поучаемся на нихъ, но мы совершенно незнакомы съ жизнеописаніями дѣятелей церкви, въ которыхъ, если отбросить нѣкоторыя нарощенія и прикрасы, добавленныя временемъ, всегда имѣется на лицо глубоко знаменательное и не умирающее во времени зерно. Лики святыхъ на здѣшнемъ иконостасѣ всѣ обращены лицомъ къ царскимъ дверямъ и будто слушаютъ богослуженіе; надъ дверями — Спаситель, выше — Богоматерь, еще выше — Распятіе подъ небольшимъ куполомъ въ алтарѣ три части.

Гдовскій соборъ далеко не такъ богатъ въ своей обстановкѣ, какъ находящійся на далекомъ сѣверовостокѣ, на рѣкѣ Вычегдѣ, соборъ сольвычегодскій, посѣщенный Его Высочествомъ въ прошломъ году и дышащій въ своей святынѣ памятью именитыхъ, богатыхъ людей Строгановыхъ, но по характерности, по цѣльности впечатлѣнія XVI вѣка, онъ ему не уступаетъ. Жаль, что до него добраться трудно и путешественники въ Гдовѣ — рѣдкость, а то эта живая иллюстрація церковной обстановки временъ Іоанна Грознаго посѣщалась бы чаще. Преданіе гласитъ, что, шествуя въ Ливонію, проходилъ чрезъ Гдовъ самъ царь; бывали тутъ шведы, поляки, литовцы, первые даже владѣли Гдовомъ до 1622 года и дважды бралъ городъ приступомъ Густавъ-Адольфъ; въ числѣ городовъ, приставшихъ въ 1611 году къ ивангородскому Лжедимитрію, названы лѣтописью и гдовяне; въ 1705, Петръ Великій, прибывъ сюда изъ Нарвы, отправился въ Псковъ изъ Гдова на полоненныхъ шведскихъ судахъ. Для

пребыванія здѣсь Екатерины II, въ 1780 году, былъ устроенъ временный деревянный дворецъ, а путь ея до Пскова освѣщался пылающими кострами. Въ 1818, со своими уланами, шелъ здѣсь цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Очень любопытенъ тотъ фактъ, что память объ этомъ послѣднемъ пребываніи сохраняется между крестьянами въ весьма оригинальномъ обличіи. Въ Гдовѣ, говоритъ легенда, всѣ служащіе, почему-то, разбѣжались и Великій Князь, очень недовольный этимъ, оставилъ городъ; въ деревняхъ, по пути, народъ встрѣчалъ его толпами; мѣстами цесаревичъ шелъ съ ними пѣшкомъ; на одной изъ станцій побранилъ за неисправность въ лошадяхъ; въ свитѣ, говоритъ легенда, находилась и польская графиня Радзивиллъ.

Свѣдѣнія объ этомъ сохранены между прочимъ въ запискахъ крестьянина села Выскатки, Ефима Андреева, составляющихъ одинъ изъ немногихъ документовъ, подлежащихъ, конечно, выправкѣ, по исторіи Гдова и составленныхъ въ 1865 году. Этотъ Ефимъ Андреевъ, стремящійся свято сохранить память о старинѣ, явленіе далеко не единственное въ Россіи. Можно было бы привести нѣсколько примѣровъ подобной, въ высшей степени своеобразной мемуарной литературы, изъ которой назовемъ хотя бы еще одинъ: воспоминанія крестьянина села Угодичъ, ростовскаго уѣзда, ярославской губерніи, Александра Артынова, котораго въ дѣлѣ писанія записокъ поощрялъ покойный Погодинъ; они отпечатаны въ 1883 году.

Прежде чѣмъ прибыть къ дому, назначенному на ночлегъ, Ихъ Высочества, по выходѣ изъ собора, прошли пѣшкомъ въ очень маленькую и древнюю, величиною съ комнату, съ однимъ куполочкомъ, находящуюся подлѣ самаго собора—церковь Успенскую. Нѣкоторые считаютъ ее, и повидимому не безъ основанія, за древнѣйшую: колоннъ въ ней нѣтъ, изгибаются двѣ небольшія арки, окна тоже не симметричны, а въ наружномъ очертаніи она не лишена сходства съ соборомъ и могла служить ему прототипомъ; преданіе говоритъ, что она построена одновременно съ крѣпостью, и это очень вѣроятно. Говорятъ также, будто съ одной стороны колокольни, восьмиугольной, въ 22 сажени вышины, построенной позже, подлѣ которой она гнѣздится, до 1822 года примыкала точно такая же другая церковь, во имя св. Михаила, но она „по ветхости или своеволію“ сломана какимъ-то

охочимъ нѣмцемъ Крейгеромъ и пережжена на известь для постройки тюрьмы и присутственнаго дома, находящихся бокъ-о-бокъ. Любопытно было бы узнать причины помянутаго „своеволія“? но мы не злобливы и, должно быть, тогда же предали дѣло суду Божію и заносимъ только совершившійся фактъ. Но имя нѣмца все-таки сохранилось въ памяти народной.

Тюрьма, на постройку которой нѣмецъ взялъ готовую известь древняго храма, расположена подлѣ церквей, и Ихъ Высочества, несмотря на дождь и грязь, уже совершенно въ сумеркахъ, прошли въ нее. Арестантовъ оказалось очень мало, освѣщеніе очень бѣдно, воздухъ въ корридорахъ очень не хорошъ, и самое зданіе, хотя и не древнее, съ 1822 года, но тѣмъ не менѣе на особенно долгую службу не способно. При этомъ вспомнились хорошія тюрьмы прибалтійскаго края, хотя бы митавская. По прибытіи къ дому городскаго головы, назначенному для Ихъ Высочествъ, Великій Князь принялъ почетный караулъ отъ 3-й роты 8 баталіона и пропустилъ его церемоніальнымъ маршемъ. Дождь усилился настолько, что войти въ сухое помѣщеніе было пріятно. Ихъ Высочества приняли хлѣбъ-соль отъ крестьянъ деревни Луневщины, блюдо и солонка къ которому, мѣстное произведеніе, сдѣланы были изъ сосновыхъ корней. Передъ окнами дома, въ грязи и подъ дождемъ, стояла толпа народа; это были, конечно, тѣ же самые люди что толпились при въѣздѣ Августѣйшихъ Путешественниковъ въ городъ, окружали соборъ, потому, что всѣхъ жителей въ Гдовѣ, мущинъ и женщинъ, 2.287 человѣкъ, а толпа была постоянно гораздо большая, усиленная массами народа, прибывшими отовсюду для того, чтобы взглянуть на Великаго Князя и Великую Княгиню. Домовъ каменныхъ въ городѣ только 7, деревянныхъ 785, и все это, большею частью, невзрачныя клѣтушки, съ гусями, курами и поросятами на улицѣ. Въ уѣздѣ жителей 122.951. Въ самомъ Гдовѣ всего только три городовыхъ.

Утро 29 іюня, Петровъ день, пасмурное, сырое, дождливое дѣлало эти „скуку наводящія мѣста“ еще менѣе привѣтливыми; также какъ вчера паслись по улицамъ, обросшимъ густыми лентами травы гуси; также какъ вчера струились потоки дождевой воды, добираясь, такъ или иначе, до канавокъ, кое гдѣ покрытыхъ досками, сквозь щели и дырья которыхъ просовывалась

крапива; безконечную сѣризну пейзажа рѣзко нарушали пестрыя краски праздничныхъ одѣяній толпы, ея звучные голоса и оживленныя лица. Раннимъ утромъ, когда Великая Княгиня еще почивала, направился Великій Князь въ казармы. Рота была выстроена на казарменномъ плацу, но, за упорнымъ ливнемъ и разрыхленіемъ почвы, смотра произведено не было. Великій Князь обошелъ солдатиковъ и познакомился съ ними ближе въ казармахъ. Пока рота размѣщалась по нимъ, посѣщено было управленіе гдовскаго уѣзднаго воинскаго начальника и провѣрено состояніе мобилизаціонной части. Зданіе казармы было когда-то училищнымъ домомъ въ частномъ имѣніи, куплено городомъ и перенесено сюда; помѣщеніе свѣтло, вентиляція хороша, но зимой холодно. Благодаря городскаго голову за устройство казармы, Великій Князь высказалъ ему свое непремѣнное желаніе, чтобы домъ былъ настолько хорошо оконопаченъ, чтобы квартиранты не страдали зимой отъ стужи.

Отъ военнаго осмотра Великій Князь перешелъ къ осмотру городскаго двухкласснаго училища, гдѣ мальчики и дѣвочки, имѣя во главѣ начальствующихъ лицъ, привѣтствовали Августѣйшаго Посѣтителя пѣніемъ. Училищъ въ Гдовѣ два, мужское и женское, всѣхъ учащихся 111 человѣкъ, причемъ въ текущемъ году кончили курсъ 10. Все содержаніе обѣихъ обходится 2.920 р. (министерство народнаго просвѣщенія — 1.326, городъ — 764, земство — 500 и сборъ за ученіе — 330), помѣщенія училищъ собственныя. Отъ училища путь Его Высочества лежалъ къ земской больницѣ, устроенной на 20 человѣкъ; больныхъ налицо имѣлось только 10. То и другое учрежденія найдены въ хорошемъ порядкѣ и заслужили слово одобренія.

Вслѣдъ затѣмъ Великій Князь посѣтилъ одну изъ древностей Гдова — Николаевскую церковь. Тутъ стоялъ, когда-то, до упраздненія въ 1764 году, одноименный съ нею монастырь, основанный однимъ изъ псковскихъ посадниковъ въ 1424 году; заросшіе пруды и старые дубы еще видѣли его, доживавшаго четвертый вѣкъ своего существованія, послѣ 20 игумновъ и двухъ архимандритовъ; при копаніи могилъ, говорятъ здѣшніе люди, въ нихъ находили многія волосяныя мантіи, таинственнымъ образомъ сохранившіяся послѣ неизвѣстныхъ по именамъ постриженниковъ. Говорятъ также, будто стоящая памятью мо-

настыря церковь перенесена сюда изъ села Вейна, около 1750 года, а просуществовала она на прежнемъ мѣстѣ пятнадцать лѣтъ, такъ, что ей въ настоящую минуту около 150 лѣтъ вѣку. Она—деревянная, съ двумя преддверіями; шестигранный куполъ высится на высокой неуклюжей шестигранной шеѣ. подъ колокольчикообразною шапкой и поддерживается четырьмя деревянными подпорами. Иконостасъ шестиярусный, древній, обставленный иконами, украшавшими, когда-то, несуществующій нынѣ монастырь. Иконы безконечно старѣе церкви и явились на свѣтъ въ древнемъ Псковѣ; то же самое видѣли мы не разъ на дальнемъ сѣверѣ, на Мурманѣ и Бѣломъ Морѣ, гдѣ въ церквахъ, сравнительно молодыхъ, хранятся святыя изображенія изъ мастерскихъ вѣчеваго Новгорода и его монастырей.

По осмотрѣ вольной пожарной команды, существующей лѣтъ двѣнадцать и состоящей изъ 240 человѣкъ, Великій Князь, заѣхавъ въ домъ городскаго головы за Великою Княгиней, направился въ соборъ, для присутствованія при литургіи. Несмотря на то, что церковь мала и была полна народа, мы убѣдились въ томъ, какъ звучна она, благодаря устройству голосниковъ; несомнѣнно, что предки наши болѣе насъ обращали вниманія на звучность церкви, чтобы не пропадало въ ней ни единаго слова. и слышалось оно одинаково хорошо всѣми, даже стоящими по самымъ далекимъ угламъ.

По окончаніи обѣдни состоялся небольшой завтракъ и затѣмъ, во второмъ часу дня, отъѣздъ къ берегу озера, тѣмъ же путемъ которымъ прибыли въ Гдовъ вчера. Несмотря на вѣтеръ и дождь, толпы народа бѣжали далеко за городъ. Только по выѣздѣ изъ-за крѣпостныхъ стѣнъ въ поле, можно было убѣдиться въ силѣ вѣтра; поверхность озера глянула намъ въ глаза совсѣмъ не привѣтливо. Мутныя воды его, взбаломучивая неглубокое дно, набѣгали неправильными рядами на плоскій, пустынный берегъ и словно складывали, сбрасывали на него взъерошенные гребни пѣны. Нашъ пароходъ „Dorpat", саженяхъ во ста отъ берега, на томъ мѣстѣ на которомъ мы оставили его вчера вечеромъ, покачивался изъ стороны въ сторону самымъ неистовымъ образомъ. Погода была такая, что если бы въ пути Ихъ Высочествъ допускалось хотя малѣйшее обыкновеніе измѣнять однажды установленный маршрутъ, то на этотъ разъ при-

чина отложить отъѣздъ была бы совершенно достаточная. Но объ этомъ не могло быть и рѣчи. Мы отвалили отъ небольшой, нарочно устроенной, пристани въ тяжелой лодкѣ, настолько грузной, что рѣзко постукивали килемъ о дно озера, въ промежуткахъ между двухъ волнъ, пробѣжавшей подъ нами и той что набѣгала. Взойти на палубу было очень трудно, потому, что маленькій пароходъ не имѣлъ такого удобнаго трапа какъ „Олафъ“, состоявшаго изъ наклонной лѣстницы и горизонтальной подъ нею площадки, съ двумя ловкими матросами по сторонамъ, изъ которыхъ каждый держалъ къ услугамъ всходившаго конецъ обшитаго краснымъ сукномъ каната, замѣнявшаго перила; здѣсь — трапъ состоялъ изъ лѣстницы скромно висѣвшей отвѣсно, по отвѣсному борту; своеобразными перилами служили руки людей уже находившихся на пароходѣ, протянутыя къ прибывшимъ; пріятное разнообразіе вносили волны перебивавшія одна другую, вихри мѣнявшіе румбы ежеминутно и обильный дождь окатывавшій съ головы до ногъ.

Едва только поднятъ былъ якорь, что, благодаря близости дна, произошло быстро, и пароходъ двинулся какъ разъ поперекъ сѣверо-восточнаго вѣтра, наваливавшаго на насъ справа, какъ почувствовали мы размѣры той качки, которая предстояла, но мы готовились только на крѣпкій вѣтеръ, а не на штормъ. Озерная вода была такъ мутна, что напоминала очень близко невозможную муть Мезенскаго залива, обусловливаемую неустанными приливами и отливами, муть, которая даетъ осадка на цѣлую треть высоты ведра. Ясно было, что покинутое нами побережье очень мелководно, и хотя, при той непогодѣ которая ополчалась, трудно было соображать различныя данныя о мѣстности, которая насъ окружала, но одинъ изъ проектовъ все-таки припомнился. Дѣло въ томъ, что уже съ Олеарія, съ XVII вѣка, со временъ Екатерины II, существовало и отъ поры до времени всплывало намѣреніе понизить уровень Чудскаго озера фута на четыре. Этимъ, согласно разсчету академика Гельмерсена, было бы осушено, оздоровлено и предоставлено сельскому хозяйству до 113.000 дес. совершенно не пригодной болотной почвы (если прибавить къ этому цѣлую систему моховыхъ болотъ и озеръ по лифляндскому побережью, оставленную Гельмерсеномъ безъ вниманія, то почтенная цифра увеличится еще на 30.000 дес.); счи-

тая доходность десятины въ 6 руб., получилось бы, такимъ образомъ, отъ пониженія уровня, чистой прибыли 679.000 руб. ежегодно, или капиталъ въ 13.600.000 руб. Стоимость работъ по пониженію уровня, по приблизительному разсчету, составляла бы только одинъ милліонъ рублей. Проектъ этотъ не умеръ и въ настоящее время и года четыре тому назадъ подвергался, кажется, обсужденію на лифляндскомъ сельско-хозяйственномъ „конгрессѣ". Судить о достоинствѣ проекта безъ подробнаго ознакомленія, конечно, нельзя; но нельзя не обратить вниманія на то, какъ посмотрятъ на это пониженіе чудскаго уровня крестьяне на рѣкахъ Великой и Наровѣ, что скажетъ снѣтокъ — заповѣдный кормилецъ мѣстнаго населенія, что скажутъ въ деревняхъ, схожихъ съ Горками, привыкшихъ жить на водѣ и поставленныхъ сразу на сушу? кромѣ того, въ обсуждавшемся на „конгрессѣ" проектѣ непостижимо: почему-же сельскіе хозяева лифляндской и эстляндской губерній, которыхъ это дѣло интересуетъ болѣе всѣхъ, не положили на него требуемаго милліона, а ищутъ правительственной затраты? если посчитать, сколько новыхъ коровъ будетъ прокармливаться на осушенныхъ мѣстностяхъ (по приблизительному разсчету до 18.000 головъ, изображающихъ капиталъ въ 720.000 руб.), сколько масла и сыровъ будетъ понадѣлано и продано, то, право, нельзя не согласиться съ правильностью затраты и надобно только удивляться тому, почему она не сдѣлана до сихъ поръ. Если не ошибаемся, лѣтъ около двадцати пяти назадъ, полковнику Тимоѳѣеву было поручено произвести изслѣдованіе о соединеніи Чудскаго озера посредствомъ канала съ Балтійскимъ моремъ; дѣло тоже не новое. Кажется, по почину дерптскаго купечества, производились лѣтъ 12 назадъ развѣдки судоходности Наровы, причемъ доходили пароходомъ почти до самаго водопада, но устройство правильныхъ рейсовъ признано опаснымъ.

Маленькій „Dorpat", на которомъ мы качались, всего въ 60 лошадиныхъ силъ, имѣетъ 110 футовъ длины и только 23 ширины — скорлупка очень небольшая для того, чтобы бороться съ настоящею бурей; не великъ долженъ былъ быть и переѣздъ поперекъ озера къ устью мирной рѣки Эмбахъ, бывшей Амовжи, всего только три часа времени, а между тѣмъ пришлось пережить минуты не особенно пріятныя. Буря разыгралась настоя-

щая, могучая. Не разъ можно было наблюдать, какъ пошлепывало колесо праваго кожуха по воздуху, потому, что лѣвое шло слишкомъ глубоко въ водѣ; клочьями болтались со всѣхъ сторонъ палубы гирлянды, назначенныя украшать пароходъ, препровождавшій Высокихъ Путешественниковъ; многократно перекатывались волны поверхъ палубы, сваливая съ ногъ людей, сбивая ихъ даже съ сидѣній, проникая въ каюты сквозь закрытыя двери и доказывая совершенную непригодность людскихъ одѣяній, назначенныхъ защищать отъ воды только сверху и съ боковъ, а не снизу; съ быстротой изумительною высыхали на горячей поверхности котла и трубы капли озерной и дождевой воды, щедро осыпавшія ихъ со всѣхъ сторонъ, а отъ новенькихъ флаговъ, развѣвавшихся по канатамъ, остались скоро одни только клочья. Ни малѣйшаго порядка, никакой системы нельзя было доискаться въ движеніи мутныхъ, безпорядочныхъ волнъ; хотя вѣтеръ напиралъ несомнѣнно съ одной только стороны и неуклонно кренилъ пароходъ лѣвымъ бортомъ, хотя свистѣло и дуло только справа, но озеро щетинилось не правильными, болѣе или менѣе параллельными грядами, а бурлило, кипѣло, ерошилось всею своею поверхностью, и мы двигались по какой-то неописуемой, безумной толчеѣ. Кто бывалъ въ сталактитовыхъ пещерахъ, хотя бы на нашемъ Чатырдагѣ, тотъ легко представитъ себѣ поверхность Чудскаго озера въ бурю, съ двумя существенными разницами, конечно: сталактиты опускаются остріями книзу и неподвижны, волны же поднимали острія кверху и двигались безумно, безустанно.

И такъ продолжалось ровно три часа. Въ исходѣ пятаго, капитанъ, типичнѣйшій и почтеннѣйшій изъ всѣхъ капитановъ свѣта, весь въ кожѣ, съ нахлобученнымъ капюшономъ, изъ-подъ котораго рѣзко бѣлѣла сѣдая борода, выступая по-американски только снизу подбородка, объявилъ, указывая на какія-то двѣ точки, что это берегъ, что это входъ въ Эмбахъ. Сообщеніе было весьма пріятно. Точки расли, расширялись; это темнѣли какія-то сосны на берегу, и невольно вспомнилось, глядя на нихъ, какъ важна должна быть для мѣстныхъ рыбаковъ та красивая сосновая роща Верхняго острова, которою мы любовались вчера на высокомъ песчаномъ гребнѣ его, роща, видная отовсюду не за одинъ десятокъ верстъ, и этимъ самымъ, по истинѣ, заповѣдная.

Къ темнѣвшимъ передъ нами надъ мутью воды точкамъ, начали мало-по-малу прирастать снизу какія-то темныя черточки; онѣ становились шире, удлинялись; это обозначались тѣ низменные, болотистые берега, которые предназначены, при пониженіи озернаго уровня, къ осушкѣ; глянули какіе-то два рыбачьи домика, подлѣ нихъ два парохода, какъ намъ сказали — „Peipus“ и „Maria“, и цѣлая флотилія дерптскаго гребнаго клуба, явившаяся сюда для встрѣчи Августѣйшихъ Гостей. Еще нѣсколько поворотовъ колесъ, и мы вошли сразу въ полнѣйшій штиль рѣки Эмбахъ и услыхали, вмѣсто рева вѣтра, стройное пѣніе хоровъ съ палубъ обоихъ пароходовъ, стоявшихъ у самаго устья рѣки. Для принятія привѣтствія Его Высочество приказалъ остановиться, и Великой Княгинѣ поднесенъ роскошный букетъ, родоначальникъ тѣхъ неисчислимыхъ букетовъ, которымъ предстояло появиться, одному за другимъ, въ Дерптѣ. Мы подтянули, насколько было возможно, наши истрепанные флаги и вошли въ рѣку. До Дерпта оставалось около $2^1/_2$ часовъ пути.

Ширина Эмбаха, по старому Амовжи, подлѣ устья около 20 сажень, глубина 8 сажень; тростники, болота, луга роднятся одни съ другими непосредственно, и зелени, зелени не оглядѣть. Что за роскошная охота должна быть въ этихъ мѣстахъ! хорошъ и многочисленъ скотъ. По берегу то и дѣло скакали на коняхъ, съ флагами въ рукахъ, въ шляпахъ съ широкими полями, словно жители Пампасовъ, мѣстные крестьяне; въ имѣніи Кастера, однимъ изъ лучшихъ по устройству сельскаго хозяйства, Высокихъ Гостей привѣтствовалъ съ берега оркестръ духовой музыки, составленный изъ мѣстныхъ крестьянъ. Берега Эмбаха густо населены; намъ указали на Лунью, служащую цѣлью лѣтнихъ поѣздокъ изъ Дерпта, указали на Хавелау, имѣніе графа Шереметева. Фамилія графовъ Шереметевыхъ, одна изъ многихъ русскихъ фамилій, вошедшая въ составъ матрикулованнаго мѣстнаго дворянства, то-есть такого, которое, какъ мы это сообщали, пользуется въ прибалтійскомъ краѣ особыми правами, превышающими права русскаго дворянина вообще и составляющими аномалію въ томъ смыслѣ, что эти особенныя права получаются, не по иниціативѣ Высочайшей власти, а по выбору мѣстныхъ матрикулованныхъ дворянъ; это тѣ права существованіе которыхъ лишаетъ русскаго дворянина, ступающа-

го на землю трехъ прибалтійскихъ губерній, сразу, мгновенно— множества правъ и, такъ сказать, низводящихъ его. Если взять въ руки списки матрикулованныхъ мѣстныхъ дворянъ, то нельзя не замѣтить, что въ ряды ихъ вступали тѣ русскіе люди, которые, въ свое время, играли болѣе или менѣе значительныя роли; въ числѣ титулованныхъ значатся, напримѣръ, въ эстляндской губеніи: Аракчеевъ, Блудовъ, Дибичъ, Горчаковъ, Меншиковъ, Мордвиновъ, Гурьевъ, Долгорукій, Голицынъ, Шереметевъ, Шуваловъ, Сперанскій, Орловъ, Панинъ, Зубовъ, Суворовъ, Куракинъ, Левашевъ, Олсуфьевъ, Шаховской-Глѣбовъ-Стрѣшневъ, Вязмитиновъ, Валуевъ, Волконскій, Васильчиковъ; есть и не титулованные: Бибиковъ, Демидовъ, Козодавлевъ, Голубцовъ, Антроповъ, Колтовской, Олсуфьевъ, Молчановъ, Муравьевъ, Жеребцовъ, Спиридовъ, Трощинскій, Чичеринъ. Это въ одной только губерніи эстляндской, но есть свои контингенты русскихъ фамилій и въ обѣихъ другихъ, и нельзя не признать того, что въ спискахъ этихъ имѣется, такъ-сказать, добрый кусокъ нашего административнаго житья-бытья за цѣлый рядъ царствованій, въ лицахъ его сильнѣйшихъ представителей, пріобщавшихся къ дворянству нѣмецкому, матрикулованному.

Вершинки дерптскихъ церквей, города основаннаго княземъ Ярославомъ болѣе чѣмъ 800 лѣтъ тому назадъ и названнаго Юрьевымъ, увидѣли мы часу въ седьмомъ вечера довольно ясно, благодаря тому, что въ воздухѣ окончательно просвѣтлѣло. Церкви эстонская и лютеранская намѣчались особенно четко. По мѣрѣ приближенія къ городу, слѣдуя извилинами Эмбаха, нельзя было не замѣтить очень короткихъ и широкихъ лодокъ, нагруженныхъ лѣсомъ. Лѣсовъ по пути видѣли мы очень немного, но должно-быть много ихъ было, когда внизъ по теченію Эмбаха, древней Амовжи, плыли пущенные подъ ледъ въ 1472 году мученики православной церкви, со священникомъ Исидоромъ во главѣ, числомъ 70, принявшіе здѣсь, на порубежьи своей церкви, славную кончину; не дальше какъ вчера приходилось плыть у Снѣтогорскаго монастыря и вспомнить о другихъ мученикахъ. Находясь уже подлѣ самаго города, увидѣли мы и хорошенькую, но небольшую православную церковь съ ея зелеными куполами; намъ указали и на развалины замка, на обсерваторію. Го-

родокъ, раскинутый на невысокихъ холмахъ, весь потонулъ въ зелени садовъ и глядитъ удивительно опрятно. А вѣдь когда-то по улицамъ его „жили гады и хищные звѣри“, такъ какъ Петръ I, за симпатіи къ шведамъ, нисколько не стѣсняясь, отправилъ весь магистратъ и бюргеровъ въ Вологду. Главныя части его расположены на правомъ берегу рѣки, то-есть влѣво отъ парохода, подходящаго съ озера. Вплотную съ обѣихъ сторонъ Амовжи тѣснились городскіе дома, и намъ пришлось подходить къ пристани очень медленно, чтобы не задѣть какого-нибудь суденышка, барки, лодки. Все и вся высыпало на берегъ, недавно орошенный дождемъ и пестрѣвшій флагами; повсюду слышалось и „ура“! и „hoch“!

ДЕРПТЪ.

Прибытіе и посѣщеніе собора. Вечернее факельное шествіе и прогулка на Вышгородѣ. Тяготѣніе къ западу. Эстонскія общества. Храмы. Посѣщеніе университета. Его былое. Три періода существованія. Благодѣянія Александра I и позднѣйшихъ царствованій. Характеристика всѣхъ попечителей дерптскаго учебнаго округа. Значеніе теологическаго и юридическаго факультетовъ. Ширренъ и его характеристика. Исчезновеніе русскаго языка. Богатства университета. Посѣщеніе коллекцій и библіотеки. Ея богатства. Посѣщеніе развалины. Культурно-балтійское значеніе университета. Своеобразность устава. Корпораціи. Рѣчь Великаго Князя. Рѣчь въ Бозѣ почивающаго Александра II. Ихъ сопоставленіе. Отъѣздъ изъ Дерпта.

На пристани, на берегу Амовжи, вечеромъ 29 іюня, Ихъ Высочества были привѣтствованы начальникомъ губерніи, Зиновьевымъ, прочими властями, дворянствомъ, представителями университета, города, сословій и дамами. По красному сукну, устилавшему помость и ступени пристани, виднѣлись темными подтеками слѣды недавняго дождя. Были сказаны привѣтственныя рѣчи, между прочимъ, отъ депутаціи эстонцевъ, дѣвушкою эстонкою, на русскомъ языкѣ, поднесшею Ея Высочеству букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ. Великій Князь обошелъ почетный караулъ отъ 4-й роты расположеннаго здѣсь 15-го резервнаго баталіона, и, вслѣдъ затѣмъ, Августѣйшіе Гости Дерпта направились въ экипажахъ въ православную церковь, расположенную отъ пристани довольно далеко. Она о трехъ придѣлахъ подъ восьмиграннымъ куполомъ, иконостасъ бѣлый съ золотомъ, совершенно новенькій, а въ открытыя царскія

двери виднѣлся запрестольный образъ Христа Спасителя писанный на стеклѣ. Дерптская церковь была первою православною церковью по пути Ихъ Высочествъ, въ которую, вслѣдъ за ними, явился мѣстный городской голова Этингенъ, единственный изъ городскихъ головъ, какъ помнится, исполнившій, въ этомъ отношеніи, прямую и простую свою обязанность. Прослушавъ молитвословіе и приложившись ко кресту, Ихъ Высочества, уже въ сумеркахъ, прибыли въ домъ графа Мантейфеля, стоящій на городской площади, подлѣ старой ратуши, украшенной башенкой обитою жестью. Видъ съ балкона этого дома на небольшую площадь, залитую народомъ и обставленную знаменами студенческихъ корпорацій и цеховъ, на старые дома съ обычными, типическими для архитектуры нѣмецкихъ городовъ, фасадами и узкими улицами, на нее выходящими и тоже полными, какъ полная чаша, народомъ — былъ очень хорошъ.

Значительная темень окутала городъ, когда, послѣ ужина, передъ балкономъ, на который Ихъ Высочества вышли, состоялось студенческое пѣніе и факельное шествіе. За все время пути, какъ пѣнія, такъ и факельныхъ шествій, довелось намъ слышать и видѣть много, но эти два были лучше, полнѣе другихъ, потому, что въ нихъ сказалось больше порядка, больше школы, больше дисциплины въ студентахъ, чѣмъ въ процессіяхъ цеховъ, собирающихся рѣдко и не имѣющихъ такого единенія. Еще не совсѣмъ и не вездѣ, по улицѣ въ которую ушло факельное шествіе, смолкло пѣніе и погасли горѣвшіе клочки смолы, оброненные съ факеловъ, когда Ихъ Высочества направились въ экипажѣ на Вышгородъ, Домбергъ, къ развалинамъ древняго замка, чтобы видѣть освѣщеніе его разноцвѣтными огнями.

Невозможно было, при всемъ желаніи, дать себѣ какой-либо ясный отчетъ о характерѣ развалинъ и ихъ расположеніи, благодаря безконечнымъ вереницамъ огней, затеплившихся въ густомъ насажденіи деревьевъ, обрамляющихъ развалины, и той массѣ людей, которая, гдѣ стояла, гдѣ двигалась, и рѣшительно не давала зрѣнію возможности успокоиться. Отъ всего объѣзда глубже другихъ врѣзались три впечатлѣнія; во-первыхъ, центральной части развалины, длиннаго нефа церковнаго на легкихъ столбахъ подъ острыми арками, освѣщеннаго изнутри заревомъ краснаго бенгальскаго огня; во-вторыхъ, еще краснѣе, еще

болѣе пылая, глядѣлъ недалекій отъ развалины памятникъ Барклаю-де-Толли: громадный бронзовый бюстъ по плечи, величиной много разъ болѣе натуры, чрезвычайно вѣрно передающій знакомыя намъ черты почтеннаго фельдмаршала; бронза казалась въ тотъ вечеръ насквозь розовою и колосальныя очертанія, какъ бы вызывая на сравненіе, оживали; наконецъ, кромѣ этихъ двухъ яркихъ свѣтовыхъ впечатлѣній, вспоминается и еще одно, но полутемное, освѣщенное только отблескомъ тѣхъ огней, которые ему не назначались, это расположенный подъ деревьями у дороги небольшой памятникъ, поставленный, безъ различія національностей. всѣмъ покойникамъ: русскимъ, нѣмцамъ и шведамъ, кости которыхъ потревожены и снесены сюда въ одно мѣсто при какой-то изъ земляныхъ работъ.

Хотя завершившійся объѣздомъ вечеръ и нельзя было назвать особенно привѣтливымъ, и атмосфера, такъ сказать, еще не отдѣлалась вполнѣ отъ слѣдовъ бури, испытанной нами на Чудскомъ озерѣ, тѣмъ не менѣе гулянье удалось и радушіе жителей Дерпта было полное. Большинство свиты Ихъ Высочествъ, за неимѣніемъ мѣста въ домѣ графа Мантейфеля, помѣстилось за рѣкой въ гостинницѣ.

Старый мостъ на Эмбахѣ очень типиченъ: высокъ, узокъ и гранитными очертаніями своими, высящимися надъ каменными устоями, отчасти напоминаетъ тѣ два моста на Фонтанкѣ, которые еще не замѣнены новыми. Въ гостинницѣ, въ нумерахъ, красовались со стѣнъ портреты Бисмарка. Это вниманіе къ западу. а не къ востоку, составляетъ здѣсь удивительно яркую черту. Несомнѣнно странно видѣть, что въ этомъ исконно русскомъ краѣ, снова безусловно и всецѣло принадлежащемъ Россіи, протягиваются и натягиваются къ западу всевозможныя нити, даже самыя тончайшія, лишь-бы онѣ доказывали и поддерживали связь, имѣвшую когда-то мѣсто въ далекомъ быломъ и совершенно непризнается какого-бы то ни было, кромѣ административнаго, общенія съ Россіею, общенія, которое, казалось-бы, не могло подвергаться сомнѣнію въ настоящемъ. Въ исторіи здѣшней, мѣстной нѣмецкой жизни и литературы выискиваются всякія мелочи, лишь-бы они гласили о связи съ Германіею. Такъ, здѣсь извѣстно, напримѣръ, всякому нѣмецкому гимназисту, что первый экземпляръ шиллеровскаго „Донъ-Карлоса“, писанный

прозою. былъ проданъ Шиллеромъ рижскому издателю; что кантовская „Критика чистаго разума“ тоже издана впервые въ Ригѣ; что знаменитый Гердеръ служилъ нѣкогда тоже въ Ригѣ, а было ему тогда только 25 лѣтъ отъ роду и провелъ онъ здѣсь всего 4 года; что, наконецъ, самъ великій Гёте, когда онъ былъ „фуксомъ“, раненъ на студенческой дуэли никѣмъ инымъ какъ — лифляндцемъ. Это-ли не прочныя связи? царапина на массивномъ тѣлѣ Гёте здѣсь на счету, тогда какъ развитіе русскаго самосознанія, во всей его цѣлостности и значеніи — администрацію мы оговорили — вся самостоятельная литература Россіи, хотя-бы въ крупнѣйшихъ дѣятеляхъ, не худшихъ чѣмъ Гёте и Шиллеръ, для людей руководимыхъ литературными воззрѣніями дерптскаго университета, вдоль и поперекъ — ничто. Это не обвиненіе, это — фактъ.

Утромъ слѣдовавшаго дня, 30-го іюня, съ балкона дома. Ихъ Высочества слушали эстонскія пѣсни и глядѣли на шествіе эстонскихъ обществъ. Числомъ пять, эти общества, съ пятью знаменами, вытягивались длинными вереницами попарно и выстроились полукругомъ по площади; двѣ вещи бросались въ глаза: полное отсутствіе на головахъ эстонцевъ ихъ классическихъ длинныхъ свѣтлыхъ волосъ, съ которыми вступили они въ исторію, продѣлали ее и продолжали носить до нынѣшняго столѣтія, и совершенное исчезновеніе характерныхъ женскихъ головныхъ уборовъ, такъ какъ въ большой толпѣ женщинъ только пять изъ нихъ имѣли на головахъ нешірокія свѣтлыя кольца. Здѣсь, слѣдовательно, съ полною наглядностью сказалась, относительно эстонцевъ, та же черта обезличенія, которая была замѣчена въ латышахъ; какъ тамъ, въ курляндской губерніи, на берегу Аа, такъ и тутъ, въ Дерптѣ, на Эмбахѣ, въ лифляндской губерніи, аборигены вычищены, обриты, обстрижены и облицованы по одному безтипичному образцу, и, если видѣть въ этомъ достоинство культуры, то достоинство это несомѣнно. Эстонцевъ въ самомъ Дерптѣ 16.526 человѣкъ: нѣмцевъ 10.486, собственно русскихъ 1.818, прочихъ 1.144, всего около 30.000 человѣкъ; замѣтимъ, что эти данныя, если считать по языку, вѣрны, но по національностямъ было-бы иначе: нѣмцевъ оказалось-бы меньше, эстонцевъ, говорящихъ по нѣмецки, больше. Кромѣ того, на ярмарку, совпавшую съ пріѣздомъ Ихъ Высочествъ, прибыло въ Дерптъ еще около 10.000 человѣкъ. Дневной полиціи здѣсь 31,

ночной — 25 человѣкъ. Крестьянскія лошадки на ярмаркѣ видѣлись маленькія, невзрачныя, ничуть не породистѣе тѣхъ, что водятся и у насъ, такъ, что выставка крестьянскихъ лошадей, видѣнная нами въ Ревелѣ, показала, слѣдовательно, товаръ лицомъ, здѣсь довелось увидѣть изнанку.

Милостиво простившись съ эстонскими обществами, Великій Князь прослѣдовалъ немедлено въ казармы мѣстной резервной роты. Рота ожидала Августѣйшаго Главнокомандующаго на внутреннемъ казарменномъ плацу и продѣлала, дружно и отчетливо, уставное ученіе; вслѣдъ затѣмъ она распущена по казармамъ, которыя Его Высочество обошелъ; зданія довольно удобны и всѣ хозяйственныя заведенія подъ рукой.

Совмѣстно съ Ея Высочествомъ посѣщена эстонская лютеранская церковь, еще не достроенная, не имѣющая башни; единственный широкій нефъ крытъ деревяннымъ потолкомъ и обведенъ хорами на колонкахъ, такъ, что въ общемъ, напоминаетъ Петропавловскую церковь на Невскомъ; осмотрѣнъ былъ также нѣмецкій лютеранскій соборъ, о трехъ кораблях, раздѣленныхъ столбами, на которыхъ покоятся острые своды, съ трехстворчатою картиной Распятія надъ алтаремъ. Въ обоихъ храмахъ Ихъ Высочества привѣтствовало духовенство и играли хорошіе органы.

Наибольшій и вполнѣ самостоятельный интересъ представляло, конечно, посѣщеніе дерптскаго университета и его учрежденій, и будетъ вполнѣ умѣстно сказать болѣе подробно объ этомъ умственномъ средоточіи всего прибалтійскаго края, составляющемъ аорту его организма, не лишенную нѣкоторыхъ хорошихъ сторонъ, но имѣющую въ себѣ много такихъ особенностей, которыя, съ точки зрѣнія общерусскихъ государственныхъ интересовъ, подлежали бы, повидимому, существеннымъ преобразованіямъ. Ихъ Высочества были привѣтствованы у входа въ университетъ русскою рѣчью ректора, доктора Шмидта, въ мундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, при нашихъ орденахъ, и мы будемъ говорить, слѣдовательно, о „русскомъ университетѣ“. Этимъ самымъ уголъ зрѣнія нашего опредѣленъ и опредѣлено также наше отношеніе къ такъ-называемому служенію общеевропейской или общечеловѣческой наукѣ — на русскія деньги.

Прежде всего, и на первыхъ строкахъ, насколько возможно, опроверженіе двухъ общепринятыхъ мнѣній. Во первыхъ, хотя

университетъ основанъ въ 1632 году Густавомъ Адольфомъ, но ему нѣтъ еще 254 лѣтъ отъ роду, потому, что надо вычесть 34 года его несуществованія, вслѣдъ за взятіемъ Дерпта русскими въ 1656 году, да еще тѣ годы въ которые существовалъ онъ еле-еле въ городѣ Перновѣ въ теченіе 20 лѣтъ, до 1710 года, да еще почти цѣлое столѣтіе тѣневаго существованія, пока въ 1705 году окончательно поднятъ былъ вопросъ: гдѣ-же быть университету — въ Митавѣ, Перновѣ или Дерптѣ—вопросъ рѣшенный въ 1802 году Императоромъ Александромъ I въ пользу послѣдняго. Во-вторыхъ, несмотря на то, что мѣстные люди утверждаютъ, что дерптскій университетъ „muss vor allem deutsch sein“, то-есть долженъ быть прежде всего нѣмецкимъ, онъ, за все время властвованія шведовъ былъ скорѣе шведскимъ, чѣмъ нѣмецкимъ; если взять 25-лѣтній періодъ его бытія при шведахъ и столько же при русскомъ владычествѣ, то окажется, что тогда училось въ немъ 425 нѣмцевъ и 553 шведа, а за первую четверть вѣка третичнаго бытія, подъ русскимъ главенствомъ, колесо моментально перевернулось и оказалось въ немъ нѣмцевъ 2.250, а другихъ національностей только 150.

Итакъ, дерптскій университетъ гораздо моложе, чѣмъ кажетъ, и былъ онъ, а слѣдовательно можетъ быть и въ будущемъ, не нѣмецкимъ.

Если согласиться съ тѣмъ, что̀ невозможно, то-есть, что университетъ существуетъ 254 года, то время это дѣлится очень рѣзко на три періода.

1) Съ 1632 по 1656 годъ. Въ лагерѣ подъ Нюрнбергомъ, въ самый разгаръ тридцатилѣтней войны, подписалъ Густавъ-Адольфъ шведскій, незадолго до смерти, грамоту объ основаніи университета. Характерно, что говорившій именемъ короля при открытіи университета генералъ-губернаторъ Скитте, объяснилъ причину его возникновенія тѣмъ, чтобы „воинственная Лифляндія была приведена на путь добродѣтели и нравственности“. Балтійскіе нѣмцы хвалятъ Густава-Адольфа за то, что онъ создалъ университетъ „для Лифляндіи“, не для Швеціи, такъ-сказать, для сохраненія обособленности края и его узкой индивидуальности, и, что преемники его на шведскомъ престолѣ, сдѣлавъ университетъ шведскимъ, „не поняли того, что пользующаяся всѣми своими правами, прочно развивающаяся

нѣмецкая Лифляндія важнѣе для нихъ, чѣмъ несвободная, насильственно шведизованная". Можно, конечно, вволю спорить о томъ, хорошо или дурно поняли шведскіе властители „значеніе" обособленнаго университета, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мысль о ненужности исключительно нѣмецкаго университета въ не нѣмецкомъ государствѣ — вовсе не нова. Этотъ первый дерптскій университетъ, такъ-называемая „Gustaviana", существовалъ до 1656 года, до взятія Дерпта русскими. Нѣтъ спора, что грубы и круты были русскіе тѣхъ дней, и понятно, почему профессора со студентами разбѣжались тогда на цѣлые 34 года. Пробовали устроить университетъ въ Ревелѣ, но неудачно. Въ этомъ первичномъ періодѣ. разбѣжавшагося подъ конецъ университета, имѣлось 17 профессоровъ-нѣмцевъ и только 7 шведовъ, слѣдовательно, въ профессурѣ несомнѣнно преобладалъ элементъ нѣмецкій.

2) Въ 1690 году университетъ дѣйствуетъ въ Дерптѣ, снова потерянномъ для Россіи; онъ вполнѣ возсозданъ; это такъ-называемая „Gustaviana-Carolina". Уже въ 1699 году, при самомъ началѣ сѣверной войны, перенесенъ онъ временно въ Перновъ, но скоро вслѣдъ затѣмъ возвращенъ въ Дерптъ и, въ противность указаніямъ Густава-Адольфа, становится шведскимъ: большинство студентовъ — шведы, шведскихъ профессоровъ 24, нѣмцевъ только 4. Прибалтійцы тѣхъ дней, говорятъ мѣстные источники, не долюбливали этого шведизованнаго университета и предпочитали. для окончанія образованія, ѣздить въ „настоящую" Германію. Сохранились свѣдѣнія о дурномъ положеніи учебнаго дѣла за это время: существуютъ протоколы о полнѣйшемъ нерадѣніи профессоровъ и студентовъ, въ которыхъ обѣ стороны обвиняютъ другъ друга въ томъ, что онѣ аудиторій не посѣщаютъ; имѣются свѣдѣнія о томъ, какъ грязенъ и безпорядоченъ былъ университетъ, „а кухарки уродливы, нечистоплотны и бьютъ студентовъ"; былъ такой фактъ, что студенты, основываясь „на своихъ привилегіяхъ", ходатайствовали о разрѣшеніи имъ варить собственное пиво, но съ этимъ не согласился мѣстный акцизный чиновникъ, и т. д. Къ этому же времени, гласятъ факты, въ студентахъ, не любившихъ вообще заниматься, развилась невозможная вражда между нѣмцами и шведами, и дракамъ, даже въ церквахъ, даже между студентами и военными не было конца.

Болѣе чѣмъ цѣлое столѣтіе „Gustaviana-Carolina“, собственно говоря, только прозябала. Въ капитуляціяхъ лифляндскаго дворянства Петру I, отъ 4-го іюля 1710 года, существуетъ пунктъ 4-й, касающійся университета, согласно которому ему обѣщано „скорѣе увеличеніе, чѣмъ уменьшеніе его привилегій“ (ihre Beneficia und Privilegia mehr zu augmentiren als zu diminuiren), но сказано, чтобы, „лютеранскіе профессора были хороши“. Тутъ, какъ и въ привилегіяхъ дворянству, Императорское согласіе на status quo совершенно условно и свобода дѣйствія власти отнюдь не исключена: надо, чтобы профессора были хороши, а судить о нихъ правительству. Миновало время Петра I, прошло еще нѣсколько царствованій, университетъ все-таки прозябалъ, несмотря на то, что сталъ онъ совершенно нѣмецкимъ и отъ шведскихъ элементовъ освободился вполнѣ. Только при Павлѣ I, во 1798 году, поручено было всѣмъ тремъ прибалтійскимъ дворянствамъ пересмотрѣть и разработать проектъ университета, и послѣднему, Высочайшею властью, дано крупное пожертвованіе „100 Haken“ земли. Курляндское дворянство въ тѣ дни отъ непосредственнаго участія въ этомъ дѣлѣ отказалось, и, вѣроятно, въ этомъ причина того, что въ университетскомъ гербѣ фигурируютъ только дворянства эстляндское и лифляндское. Лифляндія брала на свою долю 44.781 рубль расходовъ, Эстляндія 22.383 руб., Курляндія только 2.447 руб. 30 коп. Императоръ Павелъ I, возстановившій въ прибалтійскомъ краѣ старые нѣмецкіе порядки и отмѣнившій почти всѣ распоряженія Екатерины II, какъ извѣстно, до разработки университетскаго проекта не дожилъ. Спорнымъ былъ въ тѣ дни даже вопросъ о томъ, гдѣ долженъ быть открытъ „новый“ университетъ: въ Перновѣ, Митавѣ или Дерптѣ? слѣдовательно и второй періодъ существованія университета какъ бы расплылся въ тѣняхъ.

3) Указомъ Императора Александра I, отъ 5 января 1802 года, университетъ открытъ, наконецъ, въ Дерптѣ, и этимъ вступилъ онъ, благодаря русскимъ Самодержцамъ въ третій, блестящій, до того не бывалый по роскоши, періодъ своего существованія. Тѣ два былые періода, какъ мы сказали, носятъ латинскія названія „Gustaviana“ и „Gustaviana-Carolina“, отъ королей, положившихъ имъ основы; если не ошибаемся, подобнаго же производнаго, отъ имени Императора Александра, латинскаго на-

званія дерптскому университету, не смотря на возникнувшій блескъ, не дано. Это небольшая забывчивость, не болѣе того. 1 мая 1802 года начались лекціи, и, не далѣе какъ осенью того же года, проректоръ Лоренцъ и профессоръ Парротъ ѣздили въ Петербургъ, чтобъ исходатайствовать у юнаго въ тѣ дни Императора для университета, якобы, полную автономію и независимое положеніе относительно дворянства, и дѣйствительно указъ 12 ноября 1802 года подчинилъ университетъ непосредственно министерству народнаго просвѣщенія. Скоро вслѣдъ за открытіемъ университета прибылъ Александръ I въ Дерптъ самолично, а въ 1806 году, вмѣсто дарованной университету земли, опредѣлено выдавать ему ежегодно изъ государственнаго казначейства по 126.000 руб., то-есть даны русскія народныя деньги взамѣнъ прежнихъ нѣмецкихъ дворянскихъ, въ чемъ и сказалась своего рода автономія.

Императоръ Александръ сохранилъ къ профессору Парроту благорасположеніе на долгіе годы, что̀ явствуетъ изъ ихъ переписки. Насколько историческая критика могла взять на себя смѣлость коснуться характеристики взглядовъ Императора Александра I въ тѣ годы, она уяснила, что взгляды эти были далеко не такими, какъ впослѣдствіи. Молодой, цвѣтущій красотой и здоровьемъ Императоръ еще недавно вышелъ изъ воспитательства республиканца Лагарпа; тѣ дни были временемъ дружбы его съ Чарторыйскимъ, Новосильцевымъ, Кочубеемъ, Строгановымъ, этими первыми, неопытными, хотя и воодушевленными лучшими стремленіями, молодыми людьми; теоретически увлекали Императора, объясненные ему Лагарпомъ — Руссо, Гиббонъ, Монтескье; Онъ положительно мыслилъ о томъ, чтобы, облагодѣтельствовавъ Россію и человѣчество, отказаться отъ престола и жить гражданиномъ гдѣ-либо на Рейнѣ. При подобныхъ воззрѣніяхъ удивительно не то, что Императоръ Александръ I видѣлъ кусочекъ Рейна въ Эмбахѣ, что Онъ создалъ и такъ богато снабдилъ нѣмецкій, дерптскій университетъ, а то, что, несмотря на этотъ молодой порывъ великодушія, Императоръ въ указѣ объ учрежденіи университета упомянулъ о томъ, что онъ создается „для Русскаго государства“ и „на службу отечеству“.

За время болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтняго существованія на новыхъ условіяхъ университетъ переживалъ самыя разнообразныя эпохи бытія; взгляды и вѣянія мѣнялись, мѣнялись генералъ-губернаторы, мѣнялось непосредственное начальство — попечители дерптскаго округа.

Первымъ по времени, до 1817 года, попечителемъ былъ Клингеръ, проводившій большую часть времени въ Петербургѣ, поэтъ и другъ юности знаменитаго Гёте; мѣстные источники не даютъ о немъ прямыхъ указаній, но приписываютъ первое утвержденіе самостоятельности университета профессору Парроту, о которомъ мы упоминали.

Съ 1817 года попечителемъ назначенъ князь Ливенъ, дѣйствовавшій въ полномъ единеніи съ ректоромъ Эверсомъ, на утвержденіе обособленности въ чисто нѣмецкомъ духѣ; этому много способствовало назначеніе его впослѣдствіи, въ 1828 году, министромъ народнаго просвѣщенія. За время князя Ливена ежегодная смѣтная трата казны на университетъ возвышена съ 126.000 руб. на 337.000, да кромѣ того выхлопотано: на клиники 15.000 р., на ботаническій садъ 31.000 р., на библіотеку 55.000 р., на анатомическій театръ 57.000 р., на обсерваторію 71.000 р., на хозяйство 65.000 р., на научныя путешествія 52.000 р., и пр. и пр., всего на 1.002.166 р.; все это, конечно, на ассигнаціи. Крупны эти цифры, но князь Ливенъ, будучи въ послѣдствіи министромъ самъ, объясняетъ въ письмѣ 1830 года, что „дерптскій округъ, и въ особенности университетъ, это моя слабая сторона, и я испытываю относительно него нѣкоторую невѣроятную болѣзненную чувствительность (wunde Reizbarkeit)“. За время Ливена прочно устроились студенческія корпораціи, въ 1822 году лифляндцы и эстляндцы, въ 1823 — рижане, каждая въ своей обособленности.

Преемникомъ его по попечительству, съ 1828 года, назначенъ тайный совѣтникъ, сенаторъ, баронъ Паленъ, уволенный отъ этой должности въ 1835 году, причемъ названъ въ указѣ генералъ-лейтенантомъ. При немъ, хотя и безъ „невѣроятной болѣзненной чувствительности“, исключительное положеніе университета продолжало укрѣпляться и оказалось уже настолько сильно ко времени назначенія третьяго попечителя, Крафштрема, что

когда, съ конца тридцатыхъ годовъ, вслѣдъ за іюльскою революціей и польскимъ возстаніемъ, началось введеніе въ наши университеты значительно большей дисциплины и число студентовъ ограничено 300, дерптскій университетъ продолжалъ сохранять свою особую физіогномію и сдѣлался даже центромъ оппозиціи, какъ напримѣръ по извѣстному въ тѣ дни дѣлу профессора теологіи Ульмана.

Крафптрему наслѣдовалъ въ попечительствѣ, съ 1854 года, Брадке. Помимо основанія университетской церкви, значительнаго увеличенія средствъ и учебныхъ пособій, попечитель достигъ также возстановленія права университета выбирать самостоятельно ректора и проректора, и при немъ „признаны правительствомъ“ студенческія корпораціи.

По смерти его, въ 1862 году, вступаетъ въ попечительство графъ Кейзерлингъ, и замѣчается новое увеличеніе средствъ и окончательное утвержденіе полной независимости въ избраніи профессорскаго персонала. Оба управленія, Брадке и графа Кейзерлинга, были не чужды агитаціоннаго, въ нѣмецкомъ смыслѣ, характера. Въ 1870 году назначенъ Жерве, довольствовавшійся, какъ здѣсь говорятъ, и находятъ это лучшимъ въ „русскомъ чиновникѣ“, тѣмъ, что предоставилъ все университетскому самоуправленію. Надо замѣтить, однако, что онъ счелъ за нужное переѣхать изъ Дерпта въ Ригу и, такъ-сказать, механически, хотя отчасти освободиться отъ угнетавшей его мѣропріятія университетской среды. Это было хорошо, и поэтому не продолжалось. Ему наслѣдовалъ Сабуровъ, которому, какъ когда-то князю Ливену, путь отсюда лежалъ къ министерскому посту.

Въ книжкѣ „Die deutsche Universität Dorpat“ (имя автора скрыто, но „Neue Dörptsche Zeitung“ сдѣлала какъ-то заявленіе изъ котораго явствуетъ что авторъ русскій подданный), изъ которой мы многое изъ сказаннаго нами заимствовали, тайный совѣтникъ Сабуровъ названъ „опаснѣйшимъ“ (gefährlichste) попечителемъ округа. Онъ началъ съ того, говорится въ книжкѣ, что вернулся изъ Риги въ Дерптъ. „Въ нѣсколько недѣль. замѣчаетъ авторъ, достигъ онъ такой популярности, какою не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ... барскій домъ его былъ открытъ всѣмъ и каждому... образовалось нѣчто въ

родѣ придворнаго кружка, служившаго роскошною оправою перлу этого двора — хозяйкѣ дома... блестящіе праздники, маскарады, катанья, балы, пикники слѣдовали одни за другими... Весь Дерптъ со своими профессорами и студентами, дворянами и гражданами лежали у ногъ попечителя...“ Вотъ что значило попечителю вернуться въ Дерптъ! картинка эта, за правду которой мы, конечно, отвѣчать не можемъ, поставлена авторомъ съ тою цѣлью, чтобы доказать, что этимъ путемъ тайный совѣтникъ Сабуровъ достигалъ со стороны дворянъ и университета уступокъ quasi-невѣроятныхъ: ему не противорѣчили, напримѣръ, когда „онъ говорилъ открыто, что хочетъ руссифицировать прибалтійскій край“, и онъ достигъ образованія учительской семинаріи, то-есть, такого учрежденія, которое, будто бы, „опасно для нѣмецкаго характера края“. „Пятнадцать лѣтъ управленія такого попечителя, сказано въ книжечкѣ, и всѣ прибалтійскія провинціи потеряли бы свое нѣмецкое сознаніе и всю силу сопротивленія“. Въ Петербургѣ „не поняли“, однако, этой единственно правильной системы обрусѣнія, и назначенъ былъ, немногимъ чѣмъ отличавшійся отъ своего предшественника во взглядахъ на русское дѣло въ краѣ, новый попечитель — баронъ Штакельбергъ, уступившій наконецъ мѣсто тайному совѣтнику Капустину, о которомъ мы уже много разъ говорили тамъ, гдѣ приходилось говорить о чемъ-либо хорошемъ, и который не замедлилъ переселить управленіе попечителя въ Ригу и этимъ лишилъ Дерптъ, хотя отчасти, характера маленькой умственной столицы Высочайше ввѣреннаго ему дерптскаго учебнаго округа.

Совершенно правъ Эккартъ, когда говоритъ, что „только съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ юридическій факультетъ университета, можно быть увѣреннымъ въ пользованіи старымъ правомъ, которое одно служитъ залогомъ ихъ самостоятельнаго существованія“. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что именно въ дерптскомъ университетѣ сходятся и сплетаются всѣ обособленности края, потому, что еще очень недавно, вплоть до мѣропріятій самыхъ послѣднихъ дней, всѣ три губерніи получали всѣхъ своихъ дѣятелей и получаютъ ихъ въ большинствѣ до сихъ поръ, изъ дерптскаго университета, начиная отъ становыхъ (гакенрихтеровъ) до предводителей дво-

рянства и всего обширнаго, сплоченнаго персонала лютеранскаго духовенства.

Петръ I, даруя нѣмцамъ право возобновить ступевавшійся въ 1710 году университетъ, положилъ непремѣннымъ условіемъ существованіе въ немъ особой каѳедры славянскаго языка. Александръ I открылъ его „на пользу всего Россійскаго государства". 19 декабря 1836 года, при Уваровѣ, университету предписано, чтобы онъ не давалъ ученыхъ званій безъ испытанія въ русскомъ языкѣ; позже, чрезъ 5 лѣтъ, объяснено, чтобы, безъ строгаго экзамена въ русскомъ языкѣ, студентовъ на курсы не принимали; въ 1842 году учреждена каѳедра по русскому праву, и Высочайшее повелѣніе гласило о чтеніяхъ на обѣихъ каѳедрахъ на русскомъ языкѣ; въ 1846 году состоялось уваровское предписаніе, что-бы, кромѣ курса русской словесности, въ каждомъ факультетѣ было введено еще одно чтеніе на русскомъ языкѣ. Эти Высочайшія повелѣнія и министерскія распоряженія безусловно не соблюдались: въ русскомъ языкѣ не испытывали, чтенія не введены, объ обязательности посѣщенія студентами курса русскаго языка не было и помину, а одна изъ каѳедръ по русскому праву закрыта и очень ловко преобразилась въ странную каѳедру юридической практики, обратившуюся въ каѳедру балтійскаго права, съ чтеніемъ его на нѣмецкомъ языкѣ.

Дерптскій университетъ, въ своемъ особничествѣ, никогда не былъ подчиненъ дѣйствію общаго устава 1863 года; въ 1865 году выработалъ онъ свой особый уставъ, и, замѣчательно, что какъ разъ вслѣдъ за этимъ настаетъ одинъ изъ характернѣйшихъ эпизодовъ здѣшней университетской жизни и ея направленія, а именно время дѣятельности, при попечительствѣ графа Кейзерлинга, въ 1867, 1868 и 1869 годахъ, профессора Ширрена, въ свое время слишкомъ мало обращавшая на себя вниманіе слишкомъ снисходительныхъ властей. Профессоръ Ширренъ читалъ русскую исторію, а въ какомъ духѣ читалъ онъ ее видно изъ изданной имъ въ 1869 году „Livländische Antwort", вызвавшей отповѣдь покойнаго Погодина и цѣлую литературу въ нашей газетной и журнальной печати. Памятенъ также и тотъ фактъ, что названная книжка сочиненія профес-

сора русскаго университета, Ширрена, полная хулы по адресу Россіи, для пропуска въ обращеніе была цензирована тѣмъ же профессоромъ и пропущена имъ самимъ? здѣсь, конечно, не мѣсто дѣлать научную оцѣнку трудовъ Ширрена, но для того, чтобы судить о справедливости хулительныхъ отзывовъ его, можно вспомнить только объ одномъ, о взглядѣ его на Карла XI шведскаго, создателя знаменитыхъ „редукцій“, вслѣдствіе которыхъ балтійское дворянство на короткое время обнищало. Руководимый ненавистью къ Карлу XI, но не историческою правдою, Ширренъ говоритъ, между прочимъ, что „королевское тупоуміе Карла XI оставило Швецію, въ концѣ его царствованія, безъ денегъ, кредита, флота и арміи“ и что самъ король „умеръ болѣзнью Ирода—редукціей внутренностей“. На самомъ дѣлѣ, согласно шведскимъ источникамъ, которымъ ближе знать дѣло, а именно по Однеру, Фрюкселю, Эклунду и Карлсону, — Карлъ XI, всѣмъ историческимъ обликомъ своимъ, если „не самый лучшій“, то одинъ изъ „замѣчательнѣйшихъ властителей Швеціи, когда либо ею управлявшихъ“. Гдѣ-же здѣсь — королевское тупоуміе, гдѣ историческая правда, и на какія же средства, наконецъ, велъ съ Петромъ I войну сынъ его Карлъ XII, если покойный отецъ не оставилъ ему ни денегъ, ни флота, ни арміи? ширреновскіе отзывы о Россіи — всѣ такого-же пошиба.

Оставаясь вѣрнымъ своимъ традиціямъ, отъ крупнаго до мелочей, университетъ не исполнялъ долгіе годы важный законъ 31 октября 1869 года о необходимости вести переписку въ краѣ на русскомъ языкѣ и до самаго послѣдняго времени, до послѣднихъ дней, словно держась въ цитадели, довольствовался писаніемъ по-нѣмецки, но на русскихъ бланкахъ. За долгіе годы преслѣдованія одной и той же цѣли въ немъ вошло, мало-помалу, въ обыкновеніе принимать воспитанниковъ иностранныхъ гимназій безъ всякихъ дополнительныхъ испытаній въ русскомъ языкѣ и отъ университета выдавались русскіе учительскіе дипломы людямъ, не знающимъ вовсе русскаго языка. Въ разгаръ культурной борьбы въ Германіи, дерптскій университетъ, будто участвуя въ ней, ни къ селу, ни къ городу для Россіи, устроилъ у себя лекціи объ отношеніяхъ церкви къ государству? когда разрабатывались у насъ общія для Имперіи законоположенія, дерптскій юридическій факультетъ занимался разработ-

кой балтійскаго уголовнаго судопроизводства и образовывалъ въ своихъ студентахъ невольныхъ защитниковъ мѣстныхъ, отжившихъ установленій?

Въ настоящее время дерптскій университетъ обставленъ съ роскошью невѣдомою, въ такой полнотѣ, нашимъ остальнымъ университетамъ. Вотъ, для наглядности, перечень составныхъ частей или учрежденій университета, его кабинетовъ, собраній и проч.: 1) музей изящныхъ искусствъ, 2) обсерваторія, 3) фармацевтическій институтъ, 4) химическій кабинетъ, 5) физическій кабинетъ, 6) математическій кабинетъ, 7) экономическій кабинетъ и лабораторія сельско-хозяйственной химіи, 8) минералогическій кабинетъ, 9) зоологическій музей, 10) ботаническій садъ, 11) метеорологическая обсерваторія, 12) рисовальное заведеніе, 13) анатомическій институтъ, 14) институтъ сравнительной анатоміи, 15) физіологическій институтъ, 16) фармакологическій институтъ, 17) собраніе по библейской и церковной археологіи и 18) статистическій кабинетъ.

Этотъ длинный перечень, поражающій своею полнотой, долженъ быть увеличенъ еще слѣдующимъ перечнемъ исключительно клиническихъ учрежденій: 1) терапевтичесская клиника, 2) поликлиника, 3) хирургическая клиника, 4) офтальмологическая клиника, 5) родовспомогательная и гинекологическая клиника, 6) клиника нервныхъ и душевныхъ болѣзней и 7) отдѣленіе окружнаго госпиталя.

Можетъ-быть, и даже навѣрное, то или другое отдѣленіе, собраніе или учрежденіе полнѣе, богаче, въ другомъ какомъ-либо изъ нашихъ университетовъ, но такой полноты, такого цѣльнаго букета университетской флоры нѣтъ ни у одного. Въ немъ есть даже представители танцованія, верховой ѣзды и плаванія? педеля получаютъ чинъ XIV класса?

Университетъ управляется совѣтомъ и директоріей и имѣетъ свои собственные университетскій и апелляціонный суды. Совершенною особенностью его является теологическій факультетъ, лютеранскій (5 профессоровъ и 186 студентовъ), который, если позволено высказать мнѣніе, повидимому, долженъ быть закрытъ и взамѣнъ его открыта евангелическо-лютеранская семинарія въ Петербургѣ или Москвѣ. Всѣхъ евангелическихъ приходовъ во всей Россіи 529. изъ нихъ только 294 въ прибалтійскомъ краѣ,

но всѣ они получаютъ своихъ пасторовъ, съ малыми исключеніями, изъ Дерпта. Зачѣмъ же помѣщать разсадникъ пасторовъ на всю Россію именно въ прибалтійскій край, тѣмъ болѣе, что нѣкоторое нормированіе взглядовъ духовныхъ лицъ этого вѣроисповѣданія у насъ — было бы едва-ли не вполнѣ необходимо.

Мы уже сказали о встрѣчѣ Ихъ Высочествъ у входа въ центральное зданіе университета. Великій Князь, если судить по тѣмъ книгамъ и другимъ матеріаламъ, которые можно было замѣтить, въ свободные часы, въ рукахъ его, какъ во время путешествія, такъ и до того, вступалъ въ университетъ, конечно достаточно знакомый съ фактическою стороной его исторіи и значенія. Длинными фалангами, со знаменами, шлегерами и пестрыми шелковыми шарфами черезъ плечо, точь-въ-точь какъ въ политехническомъ училищѣ въ Ригѣ, стояли по бокамъ лѣстницы студенты, радостно привѣтствуя Августѣйшихъ Гостей. Въ актовой залѣ, очень роскошной, въ два свѣта, съ хорами и четырьмя портретами Императоровъ нашихъ, послѣдовало общее представленіе городскихъ властей, представителей города и всего персонала университетскаго начальства и профессуры. Затѣмъ состоялся осмотръ нѣкоторыхъ кабинетовъ и коллекцій, причемъ объясненія давали представители той или другой отрасли знанія.

Долѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было оставались Ихъ Высочества въ библіотекѣ, заслуживающей полнѣйшаго вниманія и дѣлающей великую честь людямъ, потрудившимся надъ нею. Помѣщается она въ реставрированной части развалины съ 1806 года и общимъ расположеніемъ своимъ, галлерейками и лѣстничками, напоминаетъ нашу петербургскую публичную библіотеку. Въ глубокой полутѣни помѣщается на стѣнѣ, писанный во весь ростъ Кюгельхеномъ, портретъ Августѣйшаго Основателя университета Александра I, какимъ былъ онъ въ тѣ самые молодые годы, когда подписалъ указъ объ основаніи университета и посѣтилъ Дерптъ. Имя художника хорошо извѣстно и обезпечиваетъ сходство; колоритъ времени рѣзко обозначился въ томъ, что Государь, въ видѣ совершеннаго исключенія, представленъ въ греческомъ, бѣлое съ розовымъ, одѣяніи бога музъ Аполлона, съ аттрибутами его. Передъ портретомъ этимъ лежали разложенными на

столахъ библіотечныя сокровища, которымъ, право, не грѣшно было позавидовать. Отдѣлы рукописей (старѣйшая — армянскія духовныя пѣсни 1099 года; всѣхъ рукописей 746), произведеній печати (старѣйшая—Библія 1489 года), автографовъ (Гёте, Шиллера, Канта, цѣлый томикъ писемъ Густава Адольфа и другихъ властителей), рисунковъ, инкунаблей и плановъ, потребовали бы очень много времени для достаточнаго ознакомленія съ ними; многія изъ весьма цѣнныхъ вещей принадлежатъ состоящему при университетѣ ученому эстонскому обществу. Курьезенъ прострѣленный экземпляръ Метафизики Баумгартена, съ цѣлою массой собственноручныхъ помѣтокъ Канта; имѣется и Плутархъ, взятый какимъ-то казакомъ изъ экипажа Наполеона, при бѣгствѣ его изъ Россіи. Очень богатъ отдѣлъ монетъ и медалей, причемъ имѣется серебряная монета Владиміра Святаго, которую, въ свое время, предъявляли графу Толстому и академику Кунику, двумъ авторитетамъ. Замѣтимъ, что при университетѣ имѣются, собственно говоря, два собранія монетъ и медалей: въ музеѣ искусствъ 7.000 штукъ и въ ученомъ эстонскомъ обществѣ и центральномъ музеѣ отечественныхъ древностей 10.000. Цифровыя данныя, касающіяся собственно библіотеки, слѣдующія: всего томовъ 231.329, въ томъ числѣ: сочиненій (въ 137.165 книгахъ) 88.958. повременныхъ изданій 15.082, диссертацій 79.182.

Внимательно осмотрѣли Ихъ Высочества модель реставраціи развалины замковой церкви, сдѣланную профессоромъ Краузе, дававшимъ при этомъ объясненія. Модель казалась тѣмъ любопытнѣе, что предстояло посѣтить, вслѣдъ за библіотекой, самую развалину, настолько къ ней близкую, что центральный столбъ алтарной части церкви (рѣдкій образчикъ средневѣковой архитектуры) вошелъ въ помѣщеніе самой библіотеки.

При томъ развитіи корпоративнаго духа, который имѣется въ Дерптѣ налицо; при томъ условіи, что прибалтійское юношество, нигдѣ лучше какъ тутъ, не можетъ кончать своего образованія и дѣйствительно кончаетъ его; при томъ условіи, что здѣсь, и только здѣсь, сходятся на товарищеской ногѣ дворяне и не дворяне, нѣмцы, эсты и латыши, и идутъ отсюда, воспитанные въ одномъ духѣ, въ одномъ направленіи, подчиняясь одному паролю, по всей балтійской окраинѣ и по всей Россіи, и, такъ-сказать, одѣваютъ ее всю, какъ бы сѣтью, или броней, такъ что Рига

или Митава, Венденъ или Белленгофъ, Аренсбургъ или Рингенъ. это все одно и то же,—та же выправка, тѣ же пріемы; принимая. наконецъ, во вниманіе, что самыя цѣпкія звенья этой брони составляются изъ студентовъ теологическаго факультета, идущихъ къ городскому и сельскому алтарю, — университетъ подлежалъ бы преобразованію. О пользѣ, которая представлялась бы упраздненіемъ теологическаго факультета и образованіемъ, вмѣсто него, въ одной изъ столицъ, евангелическо-лютеранской семинаріи. мы уже вспоминали. Но необходимы, кажется, и общія мѣры. Первою. и главною, являлось бы: полное примѣненіе университетскаго устава 1884 года, а затѣмъ — введеніе штатной, отъ правительства, доцентуры, введеніе чтеній на русскомъ языкѣ, обусловленное болѣе или менѣе долгимъ льготнымъ временемъ, что нисколько не помѣшало бы нѣмецкому языку оставаться со всѣми правами его на культурность и значеніе, и, наконецъ, существенный пересмотръ и измѣненіе правилъ 1855 года о студенческихъ корпораціяхъ. Можетъ быть, что. пользуясь существованіемъ правительственныхъ стипендій въ большинствѣ нашихъ университетовъ, полезнымъ представлялось бы перевести нѣкоторыхъ дерптскихъ студентовъ въ великороссійскіе университеты, и, наоборотъ, русскихъ послать сюда, возстановивъ и развивъ то правило, которое дѣйствовало съ 1827 по 1838 годъ, когда, въ силу Высочайшаго повелѣнія, въ Дерптъ присылались на три года студенты петербургскаго, московскаго, казанскаго и харьковскаго университетовъ, и между ними былъ, напримѣръ, Пироговъ, занимавшій въ Дерптѣ даже каѳедру.

Когда въ 1873 году совѣтъ университета поручилъ юридическому факультету изложить свое мнѣніе, „представить реляцію“. по вопросу о распространеніи на дерптскій университетъ предположенныхъ въ тѣ дни для введенія въ прибалтійскомъ краѣ правилъ о мировыхъ судахъ, факультетъ не намѣревался и считалъ „опаснымъ“ отказаться отъ правъ, предоставленныхъ университету указомъ Александра I въ 1802 году. 6-я статья учредительнаго акта гласитъ: „Университетъ имѣетъ свою внутреннюю расправу и полное начальство надо всѣми членами, своими подчиненными, равно и надъ ихъ семействами“... „Аппелляція по приговорамъ университетскаго совѣта идетъ также въ правительствующій сенатъ“. Мы можемъ сказать

утвердительно, что еще 22 февраля 1886 года, такъ сказать на-дняхъ, юридическій факультетъ, по вопросу о распространеніи на прибалтійскія губерніи судебныхъ уставовъ Императора Александра II, остался при своемъ прежнемъ, въ 1873 году изложенномъ, мнѣніи, считая, повидимому, особничество университета основною фиброй его существованія.

Переходъ отъ библіотеки къ развалинѣ, какъ мы сказали, очень близокъ. Сама развалина, сіявшая вчера вечеромъ бенгальскими огнями, очертанія которой въ ихъ трепетѣ казались совершенно неуловимы, предстала теперь при яркомъ солнечномъ освѣщеніи во всемъ своемъ блескѣ. Эта Вышгородская, дерптская развалина, благодаря той тщательности съ которою она поддерживается, безспорно лучшая изъ всѣхъ видимыхъ въ краѣ. Чистѣйшая готическая музыкальность горизонтальныхъ и вертикальныхъ линій древней церкви, ея стройные восьмигранные съ вульстами столбы, раздѣляющіе три нефа, ея острые арки и окна въ два свѣта составляютъ нѣчто вполнѣ цѣльное; эмпоріи задѣланы; тщательно и внимательно поддерживаются разстилающіеся подлѣ развалины газоны и древесныя насажденія, и красные бока кирпичей обрамляются листвой вполнѣ красиво. На томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось поставить памятникъ знаменитому Беру *), Ихъ Высочества посадили два деревца.

Послѣ перечисленныхъ осмотровъ и посѣщеній предстоялъ завтракъ, данный отъ города. Но, до того, въ домѣ, занимаемомъ Августѣйшими Гостями Дерпта, собрались, согласно приказанію Его Высочества, представители дворянства, университета и горожанъ, и Великій Князь, выйдя къ нимъ, въ сопровожденіи начальника губерніи и свиты, произнесъ слѣдующія многознаменательныя слова:

„По Высочайшему повелѣнію хотя я посѣщаю Балтійское „побережье исключительно для цѣлей военныхъ, но это не по„мѣшало мнѣ замѣтить, что среди мѣстной интеллигенціи суще„ствуютъ сомнѣнія въ устойчивости мѣръ къ объединенію при„балтійской окраины съ нашимъ общимъ дорогимъ отечествомъ. „Могу вамъ объявить, что всѣ такія мѣры, по непреклонной „волѣ Самодержавнаго нашего Государя, примѣняются и будутъ

*) Памятникъ открытъ.

„примѣняться твердо и безповоротно. Въ болѣе тѣсномъ сбли-
„женіи вашемъ съ русскою семьей Его Императорское Вели-
„чество, мнѣ хорошо извѣстно, видитъ для здѣшняго края
„вѣрный залогъ къ его преуспѣянію. Сохраняя къ вамъ неизмѣн-
„ное и полное довѣріе, которое закрѣплено въ Государѣ завѣ-
„щаніемъ отца, Его Величество ожидаетъ отъ васъ, оказываю-
„щихъ на край такое всестороннее, повсюду проникающее
„вліяніе, безусловно сердечнаго содѣйствія мѣстнымъ труже-
„камъ правительства къ утвержденію здѣсь русскаго дѣла. На-
„поминаю вамъ слово въ Бозѣ почивающаго незабвеннаго моего
„Родителя, въ которомъ Императоръ Александръ II. 14-го іюня
„1867 года, сказалъ представлявшимся ему въ Ригѣ, чтобъ
„они не забывали принадлежности къ единой русской семьѣ, не-
„раздѣльную часть которой составляютъ, и чтобы содѣйствовали
„успѣху осуществленія предположенныхъ тогда мѣръ. Государь
„Императоръ, зная вашу преданность и цѣня чувство долга,
„преисполненъ тѣмъ же желаніемъ и, повторяю, безграничнымъ
„къ вамъ довѣріемъ. Такое желаніе Его Величество съ Божіею
„помощью приведетъ въ несомнѣнное на самомъ дѣлѣ исполне-
„ніе. Дай Богъ вамъ скорѣй и прочнѣй сплотиться съ великою
„русскою семьей. Въ заключеніе, пользуясь вашимъ настоящимъ
„собраніемъ, въ лицѣ вашемъ, отъ имени Великой Княгини и
„лично отъ себя, сердечно благодарю васъ за радушный пріемъ
„какъ здѣсь, такъ и въ остальчыхъ городахъ прибалтійскихъ
„губерній, о чемъ и прошу передать отсутствующимъ“.

Въ словахъ этихъ Великій Князь упомянулъ о рѣчи, сказанной въ Ригѣ 14-го іюня 1867 года въ Бозѣ почивающимъ родителемъ его, Императоромъ Александромъ II. Вотъ эта рѣчь дословно:

„Господа! вы знаете, съ какою радостью Я бываю каждый
„разъ въ вашихъ провинціяхъ. Я умѣю цѣнить чувство нели-
„цемѣрной преданности вашей, — чувство, которое снова такъ
„сильно обнаружилось послѣ того, какъ Богъ вторично спасъ меня
„отъ руки убійцы. Я знаю, что это чувство у васъ искреннее и

„наслѣдованное вами. То же могу сказать и о Моемъ довѣріи къ „вамъ. Оно перешло ко Мнѣ преемственно, и Я ручаюсь, что „передамъ его Моимъ дѣтямъ. (Всеобщее „ура“.) Но Я желаю, „господа, чтобы вы не забывали, что и вы принадлежите къ „единой русской семьѣ и составляете нераздѣльную часть Рос„сіи, за которую ваши отцы и братья и даже многіе изъ васъ „самихъ проливали свою кровь. Вотъ почему Я въ правѣ надѣяться, „что и въ мирное время Я найду у васъ содѣйствіе Мнѣ и пред„ставителю Моей верховной власти, вашему генералъ-губернатору, „который пользуется Моимъ полнымъ довѣріемъ, содѣйствіе „нужное для исполненія мѣръ и реформъ, признаваемыхъ Мною „необходимыми и полезными въ вашихъ провинціяхъ. Я убѣж„денъ, господа, что и въ этомъ отношеніи Мое довѣріе къ вамъ „не будетъ обмануто, и что вы оправдаете его на дѣлѣ. Остается „Мнѣ только поблагодарить васъ за радушный пріемъ, глубоко „тронувшій Меня“.

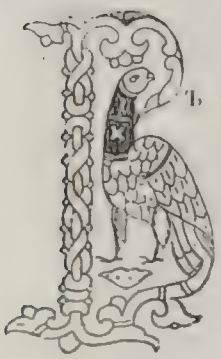
Безмолвно и глубоко почтительно прослушали представители мѣстной интеллигенціи вѣскія слова Великаго Князя, Августѣйшаго своего Гостя, отличавшіяся мощью и прямотой. Безконечное довѣріе къ слушавшимъ, завѣщанное Императоромъ Александромъ II „его дѣтямъ“, было подчеркнуто, равно какъ и устойчивость правительственныхъ мѣръ предпринимаемыхъ къ объединенію прибалтійской окраины съ великою русскою семьей. Никому, конечно, какъ лицамъ, имѣвшимъ счастіе постоянно сопровождать Его Высочество въ совершавшемся путешествіи, не могло быть такъ ясно, почему именно въ Дерптѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, сказана была рѣчь, почему и въ силу какого именно наблюденія, какого факта произнесено было Великимъ Княземъ то или другое слово? каждому изъ словъ была своя внушительная причина, и вотъ почему слова эти, переданныя непосредственно вслѣдъ затѣмъ по телеграфу въ Петербургъ и Москву, облетѣли всю Россію и вызвали самую глубокую, неподдѣльную радость.

Отъѣздъ изъ Дерпта по желѣзной дорогѣ состоялся около четырехъ часовъ пополудни, но до того произведенъ смотръ воль-

ной пожарной командѣ (активныхъ 620 человѣкъ, пассивныхъ 700), съ обычными командными словами, раздѣленіемъ на взводы и прохожденіемъ церемоніальнымъ маршемъ. Не особенно большой вокзалъ былъ полонъ людьми и красивымъ бордюромъ стояли вдоль перрона студенты университета со своими нарфами черезъ плечо и шлегерами въ рукахъ. Неслось „hoch“! неслось „ура“! бѣжали люди вдоль полотна, провожая поѣздъ, и дальше всѣхъ, упорнѣе всѣхъ, бѣжали, конечно, солдатики. Августѣйшимъ Путешественникамъ предстояло около трехъ часовъ желѣзнодорожнаго пути.

ВЕЙСЕНШТЕЙНЪ.

Мыза Аррокюль. Мызная полиція. Отъѣздъ въ Вейсенштейнъ. Пейзажъ. Преобладаніе деревянныхъ построекъ. Историческое о православіи въ 1849, 1865 и 1883 гг. Дѣйствія администраціи. Мартирологія православія. Шестимѣсячные сроки и предбрачныя росписки. Проповѣди пасторовъ. Генералъ-губернаторъ Суворовъ и другіе. Пророчество Императора Николая I. Характеръ новѣйшихъ обращеній къ православію. Якобсонъ. Свѣтскій характеръ лютеранской консисторіи. Служебныя посѣщенія въ городѣ. Развалины. Историческое. Еще русскія деньги. Церкви. Картина Ге. Параллель между русскимъ священникомъ и лютеранскимъ пасторомъ. Что нужно-бы сдѣлать? Возвращеніе въ Аррокюль.



В 4 часа пополудни, 30 іюня, покинувъ Дерптъ, Ихъ Высочества прибыли въ 6 часовъ 40 минутъ на станцію Ракке, отстоящую отъ Дерпта на 74 версты. Ровно черезъ часъ находились они въ Аррокюлѣ. имѣніи принадлежащемъ высокорадушной и гостепріимной графинѣ Толь, урожденной Игнатьевой, съ тѣмъ разсчетомъ. чтобы Великому Князю одному, безъ Ея Высочества, проѣхать въ городъ Вейсенштейнъ и вернуться за Великою Княгиней обратно, для слѣдованія далѣе, въ городъ Везенбергъ. Вейсенштейнъ, Везенбергъ — два невеликія городка эстляндской губерніи, мало кому извѣстные у насъ по имени, представляли тотъ интересъ, что могли дать образчикъ самыхъ маленькихъ, нами еще не посѣщенныхъ центровъ балтійскаго края. Начальникъ лифляндской губерніи. Зиновьевъ, откланялся Ихъ Высочествамъ на станціи Ракке, здѣсь же представился вторично начальникъ эстляндской губерніи, князь Шаховской.

Мѣстность подлѣ Аррокюля ровная, безлѣсная. Господскій домъ массивный, каменный, окруженный экономическими постройками, отѣненъ почтенными деревьями стараго сада, къ которому, почти вплотную, прилегаетъ роскошный, большой паркъ, и въ одномъ мѣстѣ его виднѣется красивая часовня — усыпальница семьи хозяевъ. Графиня Толь встрѣтила Ихъ Высочества на вокзалѣ желѣзной дороги; долѣе чѣмъ гдѣ-либо, во вниманіе къ поѣздкѣ Великаго Князя въ Вейсенштейнъ, намѣревалась гостить у нея Ея Высочество, а именно почти двое сутокъ. Домъ, и безъ того роскошный, былъ прибранъ съ особенною тщательностью, съ особеннымъ вниманіемъ.

Нельзя было не обратить вниманія на тотъ порядокъ, который здѣсь, какъ и въ другихъ усадьбахъ, посѣщенныхъ Ихъ Высочествами, бросался въ глаза. Чувствовалась умѣлая, опытная, очень строгая рука хозяина и сами собою напрашивались сравненія съ нѣкоторыми особенностями нашего, отходящаго въ былое, строя сельской полиціи, отходящаго, какъ слышно, потому, что министерство внутреннихъ дѣлъ уже внесло въ государственный совѣтъ проектъ преобразованія этой части нашихъ распорядковъ, требующихъ значительнаго измѣненія. Конечно, не въ одной сельской полиціи дѣло, но почти полное отсутствіе ея во всякомъ случаѣ не достоинство. Если въ чемъ, такъ именно въ этомъ надо отдать прибалтійскимъ нѣмцамъ полную справедливость, и нѣкоторыя позаимствованія будутъ вовсе не вредны, хотя заимствовать надо очень осторожно, потому, что и тѣ работы Императрицы Екатерины II, съ графомъ Сиверсомъ, въ Москвѣ, въ 1775 году, слѣдствіемъ которыхъ явились учрежденія намѣстничествъ, имѣли, благодаря, именно Сиверсу, первообразомъ балтійскія учрежденія и существовали въ Россіи около 90 лѣтъ.

Организація прибалтійской полиціи, насколько она еще не тронута мѣропріятіями новѣйшаго времени, представляется весьма оригинальною. Собственно говоря, тутъ двѣ полиціи: одна, имѣющая нѣкоторое, но только по внѣшности, сходство съ нашею городскою и сельскою полиціей, и другая, совершенно своеобразная, административной власти не подчиненная, „мызная“ полиція, становящаяся, по самому существу своему, и очень нерѣдко, не только во враждебныя, но даже и въ коми-

ческія отношенія къ первой, въ особенности къ нижней ея инстанціи — полиціи волостной, давая сама себѣ преднисанія? злоупотребленія мызной и выборной полиціи достаточно извѣстны: иллюстраціи можно достать у прокуроровъ, но видимый порядокъ зависитъ отъ системы, которая основана на самыхъ дѣйствительныхъ средствахъ: денежныхъ штрафахъ, взимаемыхъ строго и даже безъ всякаго сожалѣнія.

На слѣдующій день по прибытіи въ Аррокюль, 1-го іюля, Его Высочество, около 9-ти часовъ утра, выѣхалъ въ экипажѣ въ Вейсенштейнъ — городокъ, отстоящій отсюда на 32 версты. Отчасти знакомый намъ характерный пейзажъ, имѣющій не много деревень, снова развернулся въ блѣдномъ освѣщеніи солнца, по временамъ заволакиваемаго облаками. Дорога, тщательно размѣренная столбиками и камнями, свидѣтельствовавшими о хозяйственномъ распредѣленіи ея между тѣми, кому надлежитъ чинить, шла по мѣстности довольно ровной, только изрѣдка сбѣгая въ пологія котловины едва замѣтныхъ холмовъ. Крестьянскіе дома, попадавшіеся въ пути, были далеко не роскошны, попадались попросту хаты съ накрененными пристройками, жердяные заборы; телѣги и лошади напоминали, какъ двѣ капли воды, тѣхъ, что мы видѣли на ярмаркѣ въ Дерптѣ, то-есть плохенькія, утлыя. Все это въ глаза не бросалось, но поражало нѣчто совсѣмъ оригинальное. Въ Великой Россіи и днемъ и ночью высыпали на встрѣчу Августѣйшаго Путешественника мѣстные жители и становились подлѣ самой дороги, чтобы только поближе видѣть Его; здѣсь этого не было. Безчисленны бывали въ Великой Россіи пестрыя вереницеобразныя толпы, которыя всегда окаймляли дорогу и не разъ пугали Великокняжескихъ лошадей, неоднократно подхватывавшихъ въ сторону; тутъ, подлѣ избъ и фермъ, виднѣлись только немногочисленные члены семьи и работники, но какъ виднѣлись? не подлѣ дороги, а гдѣ-нибудь за воротами, за заборчиками. Оттуда, издали, глядѣли круглыя мютцы женщинъ, свѣтлыя одѣянія мущинъ; видѣть этимъ людямъ Великаго Князя, несомнѣнно, хотѣлось, но выйти на дорогу они, какъ будто, не отваживались.

Другой фактъ — это подтвержденіе статистическихъ выводовъ оффиціальной статистики ландратской коллегіи, касающихся,

такъ-сказать, пейзажа балтійскихъ мѣстностей. Мы сказали, что крестьянскіе дома далеко не роскошны и во многомъ напоминаютъ наши, тѣ — что побѣднѣе. Въ здѣшнихъ четырехъ уѣздахъ эстляндской губерніи: ревельскомъ, везенбергскомъ, вейсенштейнскомъ и гапсальскомъ или, какъ ихъ тутъ называютъ, въ провинціяхъ Гарріи, Вирландѣ, Іервенѣ и Викѣ, число всѣхъ домовъ, крытыхъ тѣмъ или другимъ матеріаломъ, за 1885 годъ, представляется въ слѣдующихъ, очень краснорѣчивыхъ для пейзажа и другихъ соображеній, цифрахъ:

Тесомъ	690	домовъ.
Черепицей	1,135	„
Лубкомъ	4,626	„
Соломой	33,891	„

Въ лифляндской губерніи соотношеніе остается почти тѣмъ же для всѣхъ восьми уѣздовъ:

Тесомъ	1,184	дома.
Лубкомъ	10,174	„
Соломой	56,769	„

Изъ этихъ цифръ явствуетъ, что нѣкоторая романтичность въ прибалтійскомъ пейзажѣ, несомнѣнно, существуетъ и, съ этой точки зрѣнія, еще не утратила той художественности, которая, по словамъ извѣстнаго германскаго эстетика Фридриха Фишера, сглаживается и исчезаетъ съ развитіемъ культуры, телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ. Противъ цифръ спорить трудно.

Направляясь въ Вейсенштейнъ, Его Высочество подвигался на западъ, къ тѣмъ мѣстамъ западной части эстляндской губерніи, гдѣ началось, или лучше сказать многократно начиналось, движеніе эстовъ въ православіе. Изъ разговоровъ мѣстныхъ людей выяснилась одна, до такой степени своеобразная, особенность Вейсенштейна, что она не могла не навести на цѣлый рядъ мыслей по вопросу объ отношеніяхъ православія къ лютеранству въ здѣшнемъ краѣ. Изъ разговоровъ этихъ можно было заключить, что здѣшній православный священникъ, или его предшественникъ, и лютеранскій пасторъ, или его предшественникъ, жили постоянно, не только въ мирѣ, но даже въ дружбѣ, и что только смерть пастора прекратила ее. Мы передаемъ это, какъ нѣчто совершенно исключительное, единственное и какъ примѣръ разрѣшенія одного изъ жгучихъ мѣстныхъ вопросовъ, крайне

желательнаго. Этой дружбы, этого единенія между духовенствомъ православнымъ и лютеранскимъ нѣтъ здѣсь нигдѣ. Отчего? что говоритъ прошедшее? что говоритъ настоящее?

Говоря о Ригѣ мы упомянули вкратцѣ о первомъ движеніи въ православіе въ сороковыхъ годахъ, обусловленномъ неурожайнымъ временемъ, тяготой тогдашняго безвыходнаго положенія крестьянъ и, главное, запрещеніемъ имъ вступать въ гернгутерскія братства, въ 1839 году. Мы упомянули о страшно тяжелыхъ годахъ православной церкви въ краѣ. Все что можно было сдѣлать противъ православія, было сдѣлано: преосвященному Иринарху возбранено записывать желавшихъ обратиться въ православіе и сказано не принимать никакихъ по этому предмету просьбъ; въ Петербургъ, шефу жандармовъ Бенкендорфу, написано отъ генералъ-губернатора Палена, что это движеніе въ православіе — „возмущеніе“ и потребованы войска; оберъ-прокуроръ Св. Синода рекомендовалъ Иринарху „не вмѣшиваться въ это чисто гражданское дѣло“ и, наконецъ, въ 1841 году самъ преосвященный, подъ присмотромъ особаго чиновника, увезенъ, чрезъ Митаву, въ Псковъ. Такимъ образомъ было „усмирено“ представленное „возмущеніемъ“ и признано „гражданскимъ дѣломъ“ стремленіе чисто духовнаго свойства. Вѣдь не проявилось же оно раньше, пока существовали гернгутерскія общины и доступъ къ нимъ народу не запрещался; общинъ этихъ, еще въ концѣ прошлаго вѣка, имѣлось въ краѣ 144, и шли къ нимъ бѣдные люди потому, что проповѣдники гернгутерскіе не были тѣмъ, чѣмъ были всегда лютеранскіе пасторы—„церковными помѣщиками“—„Kirchen-Herrn“; потому—что гернгутерскій домъ молитвы не былъ домомъ страха, не стояли подлѣ него позорные столбы, не объявлялись тутъ распоряженія помѣщиковъ, объясняемыя и подкрѣпляемыя текстами Св. Писанія съ церковной каѳедры и покорность не была единственною темой гернгутерскихъ проповѣдей. Не подтасованъ же, въ самомъ дѣлѣ, исторіей тотъ фактъ что, какъ только запретили гернгутерство въ 1839 году, такъ тотчасъ же, словно по знаку, въ сороковомъ году, пошло движеніе въ православіе? что гернгутерство успокоивало, удовлетворяло людей бѣдныхъ, видно уже изъ числа общинъ,—числа которое, ко времени ихъ закрытія, было гораздо болѣе 144. Отчего же въ самомъ дѣлѣ не сказывалось стремленіе въ пра-

вославіе раньше? отчего же не обвиняли тогда, безсильное теперь, гернгутерство въ томъ, въ чемъ обвиняютъ православную церковь: въ обѣщаніи, для привлеченія къ себѣ, всякихъ земныхъ благъ? удивительно ли, что крестьяне бросились тогда къ православію, потому, что очень хорошо испытывали на себѣ практику того, что доказывали на ландтагѣ 1841 года Гиммельстіернъ и Фелькерзамъ словами, а именно: что дворяне, освободивъ крестьянъ безъ земли, совершили вовсе не подвигъ, а „барышное дѣло“, „ein gutes Geschäft“.

Какъ бы то ни было, но первое движеніе въ православіе, мало-по-малу, прекращено и пламя направлено подъ пепелъ. Глубоко справедливо мнѣніе, что православная церковь въ тѣ дни, „благодаря умиряющему отношенію своему, охранила край отъ болѣе важныхъ замѣшательствъ“. Но развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не достаточною причиной перехода въ православіе послужило закрытіе двухсотъ религіозныхъ гернгутерскихъ общинъ, удовлетворявшихъ тѣ потребности духа, которыя не удовлетворялись „церковными помѣщиками“, объяснявшими распоряженія свѣтскихъ помѣщиковъ въ духовныхъ проповѣдяхъ? развѣ нужно непремѣнно доказывать то, чего не было, а именно: что православіе подкупало обѣщаніемъ денегъ, земли и пр., когда дѣйствительная причина такъ хрустально-ясна?

Какъ бы то ни было, но живое движеніе сороковыхъ годовъ было ослаблено, оно ушло въ глубь, и тутъ встрѣчаемъ мы въ 1845—1846 годахъ достаточно оригинальную, только совсѣмъ особыми условіями объяснимую, борьбу правительственныхъ мѣропріятій и мѣстныхъ распоряженій. Съ одной стороны Императоръ Николай I, по донесенію шефа жандармовъ, графа Орлова, поставляетъ балтійскаго генералъ-губернатора въ извѣстность, „что отказывать въ присоединеніи къ нашей церкви противно нашимъ установленіямъ и чтобы просители были немедленно присоединяемы и божественное богослуженіе совершалось на ихъ языкѣ“, что „не слѣдуетъ допускать подстрекательствъ къ переходу въ православіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранять всякое тому противодѣйствіе“. Съ другой стороны, рижское городское управленіе объявляетъ латышамъ, что, съ переходомъ ихъ въ православіе, они лишаются права быть вощиками и всѣ желавшіе присоединиться высланы изъ города; православнымъ священникамъ за-

прещено посѣщать жилища православныхъ на помѣщичьихъ земляхъ; запрещено хоронить перешедшихъ въ православіе на лютеранскихъ кладбищахъ и т. д. Тюрьмы оказались полными, а обращеніе все шло, да шло, и въ православіе обратилось около 100.000 народа. Нѣкоторыя правительственныя уступки, напримѣръ: запрещеніе православнымъ священникамъ, даже въ предѣлахъ своего прихода, исполнять требы иначе, какъ въ сопровожденіи благонадежнаго чиновника; распоряженіе о томъ, чтобы записыванія на присоединеніе къ православію дѣлались тоже въ присутствіи полицейскаго чиновника, и. въ особенности, установленіе въ декабрѣ 1845 года, шестимѣсячнаго срока со времени заявленія желанія присоединиться къ православію (за это шестимѣсячное время „отступникъ“ могъ въ волю убѣждаться въ томъ, что будетъ ожидать его: онъ становился „внѣ закона“), не умиротворяли людей метавшихъ громъ и молнію въ православіе; все ярче раздавались проповѣди Вальтера, Бергхольца, Кельбранта, Мазинга, предававшія русскихъ анаѳемѣ. Тяжело, безвыходно тяжело, было для крестьянъ это время, и все-таки генералъ-губернаторъ Головинъ свидѣтельствовалъ „о безпримѣрной кротости народа“, а особые суды, установленные для дѣлъ „о разглашателяхъ“ православія, несмотря на все свое желаніе, не могли постановить ни одного приговора.

Хотя въ 1865 году рижскому архіепископу Платону, нынѣ митрополиту кіевскому, и удалось исходатайствовать отмѣну 6-тимѣсячнаго срока наставленія, но, одновременно съ этимъ, въ томъ же году, послѣдовала совершенно сходная съ этою по значенію своему другая правительственная мѣра, а именно отмѣна, для прибалтійскихъ губерній, такъ-называемыхъ „предбрачныхъ подписокъ“, которыми, при смѣшанныхъ бракахъ, брачущіеся обязывались крестить дѣтей въ православную вѣру. Объ этой отмѣнѣ упорно ходатайствовало мѣстное дворянство; не довольствуясь антиправославною пропагандой и тѣмъ, что начались отпаденія отъ православія, совершавшіяся благодаря попустительству властей, оно желало обезпечить лютеранству будущія, нарождающіяся поколѣнія. Томъ X, часть I, зак. гражд., глава II, ст. 67, гласитъ, что: если женихъ или невѣста принадлежатъ къ православному исповѣданію, то, въ этомъ случаѣ, вездѣ, кромѣ Финляндіи, требуется, чтобы лица другихъ исповѣданій,

вступая въ бракъ съ лицомъ православнаго исповѣданія, давали подписку о томъ, что дѣти ихъ будутъ крещены въ православіе. 15 марта 1865 года послѣдовало секретное Высочайшее повѣленіе отмѣнявшее для балтійскаго края обязательность этихъ подписокъ и только благополучно царствующій Государь Императоръ, 26 іюля 1885 года, соизволилъ „немедленно принять мѣры“ къ возстановленію въ полной силѣ существующаго закона, относительно отобранія, при смѣшанныхъ бракахъ, подписокъ. Возстановленію общаго для Государства Русскаго закона, съ которымъ оно выросло и окрѣпло, окончательно уничтожитъ ту несообразность, что мы, русскіе, завоевавшіе прибалтійскій край, явились въ качествѣ побѣжденныхъ, поступившись однимъ изъ своихъ основныхъ, существенныхъ законовъ. Ближайшему будущему назначено только слѣдить за точнымъ исполненіемъ его. Прямымъ слѣдствіемъ долговременной уступчивости и непослѣдовательности административныхъ властей и безусловной неуступчивости и послѣдовательности мѣстнаго дворянства, случилось то, что съ конца шестидесятыхъ годовъ, въ прибалтійскомъ краѣ, усилилось въ народѣ обратное, только что помянутое, движеніе изъ православія въ лютеранство. Много способствовалъ этому занявшій съ 1855 года мѣсто генералъ-суперъ-интенданта Вальтеръ, и съ каѳедръ церковныхъ стали громко доказывать на всѣ лады, что крестьяне обращались въ православіе путемъ обманнымъ. Характерно, что въ 1857 году генералъ-губернаторъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, ходатайствовалъ о пересмотрѣ „всѣхъ законоположеній лютеранской церкви“, то-есть о такой именно мѣрѣ, о какой ходатайствовали въ 1861 году, во время возмущенія, епископы въ Варшавѣ относительно церкви католической? 9-го марта 1864 г. Вальтеръ, при открытіи лифляндскаго ландтага, произнесъ рѣчь, въ которой доказывалось, что въ балтійскихъ губерніяхъ „господствующею церковью должна быть протестантская, а господствующею народностью—нѣмецкая“? Хотя послѣднее изъ упомянутыхъ ходатайствъ было отклонено комитетомъ министровъ, хотя Вальтеръ былъ высланъ, но за то въ край командировано особо довѣренное лицо, немедленно, яко-бы, убѣдившееся въ томъ, что движеніе въ православіе въ 1845 и въ 1846 годахъ было „оффиціальнымъ обманомъ“ и что изъ 140.000 православныхъ только $^1/_{16}$ часть къ 1864 году исповѣдуетъ эту вѣру?

Было такое время, что цензура православныхъ изданій находилась въ рукахъ лютеранъ; что не вѣдомство святѣйшаго синода, а министерство внутреннихъ дѣлъ изготовляло и представляло всеподданнѣйшіе доклады о вопросахъ чисто догматическихъ по дѣламъ церковнымъ въ балтійскомъ краѣ; что генералъ-губернаторъ графъ Барановъ „на основаніи инструкціи считалъ себя не вправѣ запрещать пасторамъ подобныя дѣйствія“, а генералъ-губернаторъ Альбединскій, по жалобамъ пасторовъ, 4-го февраля 1867 года, погрозилъ даже православному духовенству судомъ. Было время, что писанія Сиверса, Бока, Экардта и Ширрена ставили насъ на непрошенный судъ Европы, и въ 1870 году, въ Женевѣ, Ени читалъ публичныя лекціи объ угнетеніи лютеранства въ прибалтійскихъ губерніяхъ и члены евангелическаго союза возъимѣли дерзкую мысль испросить, по этому поводу, аудіенцію у Императора Александра II за границей!

И несмотря на все это, православіе находило людей, искавшихъ его, жертвовавшихъ всѣмъ своимъ имуществомъ, потому, что, по мѣстному воззрѣнію, пользованіе усадьбами являлось привиллегіей лютеранъ, и человѣкъ, становившійся православнымъ, лишался права на него. Какъ не вспомнить при этомъ случаѣ двухъ пророчествъ. Одно принадлежитъ преосвященному Иринарху, писавшему въ 1841 году въ синодъ: „Посѣянное въ Лифляндіи сѣмя православія прозябнетъ и возрастетъ“. Другое— это слова Императора Николая I. Онъ повелѣлъ составить проектъ „духовно-лютеранской академіи“, проектъ не понравившійся прибалтійскому дворянству, предпочитавшему, чтобы духовенство оставалось его слѣпымъ орудіемъ, и 23-го марта 1843 года Государь, на докладѣ объ этомъ графа Уварова, начерталъ: „Когда изъ непонятныхъ видовъ сами они (дворяне) противодѣйствуютъ, то остается предоставить волѣ Божіей дальнѣйшій ходъ сего дѣла. Кто знаетъ, можетъ-быть неисповѣдимый Промыслъ направляетъ невидимою рукой сію церковь къ разрушенію, и тогда ни какая сила не остановитъ стремленія народа къ православію. Должно только все такъ подготовить, чтобы церковь наша была готова принять новыхъ чадъ. Для того уже всѣ духовныя книги и служебники переводятся на мѣстные языки“. Правъ былъ преосвященный Иринархъ — сѣмя „прозябло“ и дало ростки; правъ былъ Императоръ, сказавъ, что „никакая

сила“ не удержитъ людей отъ стремленія къ православію. Стремленіе это продолжало сказываться постоянно, несмотря на то, что люди съ достаточною наглядностью могли убѣдиться въ томъ, что всякая надежда на поддержку ихъ въ законодательныхъ и административныхъ сферахъ потеряна, и все-таки они шли, и шли не всегда въ одиночку, а даже скопомъ. Такъ, скромное посланіе преосвященнаго Филарета, переведенное на эстонскій и латышскій языки, обусловило, въ 1866 году, переходъ въ православіе большей части Тукума, хотя полиція и отбирала эти листки, „не пропущенные лютеранскою цензурой“, и въ мартѣ 1867 года самъ преосвященный перемѣщенъ. Вся мрачность картины положенія православія въ краѣ отразилась вполнѣ въ одномъ литературномъ произведеніи, въ Запискахъ священника Лійца, подъ псевдонимомъ Индриха Страумита; это „эпопея наболѣвшей души народа, мартирологія православія, и когда можно будетъ ихъ напечатать, то они сдѣлаются любимѣйшимъ чтеніемъ для народа“. Лійцъ кончилъ курсъ въ рижской семинаріи въ 1857 году.

Въ 1876 году уничтожено прибалтійское генералъ-губернаторство и притупились мѣстные балтійскіе интересы, въ виду другихъ, гораздо болѣе крупныхъ историческихъ событій. Замолкъ, на ряду съ другими, и вопросъ религіозный. Къ этому времени, или немного ранѣе его, правительственная уступчивость достигла своего апогея: въ 1874 году, 22-го іюля, предписано прекратить всѣ дѣла, возбужденныя противъ лютеранскихъ пасторовъ за совершеніе требъ надъ уклоняющимися отъ православія, а въ 1880 году министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ, увѣдомленный лифляндскимъ губернаторомъ о томъ, что пасторъ Гассельблатъ совратилъ въ лютеранство 36 человѣкъ, не принялъ противъ него никакихъ мѣръ „въ виду того, что онъ въ первый разъ сдѣлалъ это преступленіе?!“ Отпаденія отъ православія, подъ всевозможными давленіями, принесли свой плодъ: съ 1857 по 1863 отпало отъ 7 до 9.000 человѣкъ, въ 1864—11.000, въ 1880—до 40.000. По отчету преосвященнаго Филарета, изъ общаго числа православныхъ въ краѣ (194.787 человѣкъ) не уклонившихся только 117.238. Проповѣди пасторовъ, шестимѣсячные сроки, уничтоженіе предбрачныхъ подписокъ и, главное, взгляды дворянства, поддержанные нерѣдко и высшими административными властями—своихъ цѣлей достигали.

Мѣстные люди приглашались, какъ это видно изъ рѣшенія статсъ-секретаря Макова, на „вторичныя“ преступленія. Смутно и безтолково было положеніе религіозныхъ дѣлъ въ краѣ, о которомъ можно бы было привести, въ случаѣ надобности. множество поразительнѣйшихъ фактовъ, съ именами собственными и самыми прочными датами, но, избѣгая особенно мрачныхъ красокъ, надо обойтись безъ нихъ. Вдругъ, уже очень недавно и опять-таки не по почину православной церкви, а по почину лютеранской, усилились вторичныя обращенія въ православіе, которыя совершаются и до сихъ поръ. Какъ тогда, въ сороковыхъ годахъ, главнымъ поводомъ, послѣднею каплей въ чашѣ, было уничтоженіе гернгутерскихъ общинъ, такъ тутъ явилось собираніе пожертвованій на 400-лѣтній юбилей Лютера, начавшееся въ октябрѣ 1883 года. Первообращенный явился въ Леалѣ затѣмъ пошли обращенія въ вердерскомъ и паденормскомъ приходахъ, протянулись они на прибалтійскіе острова, на Даго, и нашли себѣ дорогу дальше чѣмъ прежде, въ курляндскую губернію — въ Сисмакенъ, Домеснесъ и Тальсенъ; переходятъ не только эсты и латыши, но даже малые остатки, какимъ-то чудомъ сохранившихся — ливовъ. Нѣтъ въ этихъ обращеніяхъ той количественности, которая сказывалась раньше, но въ нихъ гораздо болѣе прочности. Если въ сороковыхъ годахъ главною причиной было закрытіе гернгутерскихъ общинъ и неясное исканіе „духа жива“, то теперь стремленіе это получило больше прочности, благодаря тому, что съ нимъ слился, ставшій яснымъ, вопросъ о національности. Эсты и латыши не хотятъ умирать какъ племя, они взываютъ о своемъ желаніи быть въ единствѣ съ русскимъ Царемъ и русскимъ народомъ; возникло вновь понятіе и терминъ „Царской вѣры“, долженствующей быть господствующею въ краѣ, терминъ, бывшій въ ходу по 1845 годъ, и, наконецъ, иначе смотритъ на этотъ вопросъ наше правительство, во многомъ уже возстановившее весьма старательно подпиленныя и подточенныя святыя права православія.

Эти вторичныя обращенія съ 1883 года начались прежде всего съ сектантовъ, которыхъ въ балтійскомъ краѣ много. Тогда только что умеръ Якобсонъ, редакторъ эстонской „Саккалы“.

человѣкъ, ставшій во главѣ движенія по вопросу о единеніи съ Россіей; насколько его не любило мѣстное дворянство, видно изъ того, что оно выхлопотало 8-ми-мѣсячное запрещеніе „Сакалы“; насколько онъ былъ дорогъ другимъ, выказалось на его похоронахъ въ 1882 году, въ Феннернѣ, очень недалекомъ отсюда: многія тысячи проводили его въ могилу. Онъ не дожилъ до развитія обращеній въ православіе, но на нихъ смотрятъ десятки тысячъ отпавшихъ отъ православія, смотритъ лютеранское крестьянство, связанное съ киркой, въ большинствѣ случаевъ, отъ временъ историческихъ, только внѣшними узами. О томъ, насколько вообще эсты и латыши склонны къ измѣненію вѣроисповѣданій, что обусловлено, какъ насильственнымъ введеніемъ католичества въ XIII вѣкѣ, такъ и безпримѣрно легкимъ, такъ-сказать, административнымъ обращеніемъ страны въ лютеранство въ XVI вѣкѣ, даетъ многія любопытныя указанія Трусманъ, въ своемъ трудѣ „Введеніе христіанства въ Лифляндіи“.

Перебирая и сопоставляя самые разнообразные источники по этому вопросу, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ любопытныхъ замѣчаніямъ. Такъ, одинъ изъ доводовъ множества нѣмецкихъ памфлетовъ, направленныхъ на православіе, это тотъ, что Императоръ Всероссійскій, воплощеніе власти свѣтской, есть, въ то же время, и глава церкви, и что это, будто бы, лютеранамъ непригодно. Мы не имѣемъ никакой причины обсуждать здѣсь суть этого вопроса, но странно, что и въ маленькомъ прибалтійскомъ краѣ и его маленькой самостоятельной лютеранской церкви, отношеніе свѣтской власти къ духовной представляется именно такимъ, противъ какого возражаютъ памфлеты. Пасторы выбираются здѣсь исключительно дворянствомъ, въ силу патронатства; суперъ-интендентовъ выбираетъ ландтагъ; хозяйствомъ завѣдуютъ въ лифляндской губерніи ландраты, въ курляндской— матрикулованные дворянѣ и, наконецъ, мѣстныя евангелическо-лютеранскія консисторіи, составляющія высшія губернскія инстанціи по дѣламъ духовно-судебно-административнымъ, состоятъ изъ: свѣтскаго президента, духовнаго вице-президента, двухъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ засѣдателей, и всѣ они избираются никѣмъ инымъ, какъ дворянствомъ — несомнѣнно свѣтскимъ. Не представляетъ ли такая консисторія, высшая духов-

ная инстанція, доказательство того, что мѣстная свѣтская власть въ прибалтійскомъ краѣ есть, въ то же самое время, и высшее воплощеніе власти духовной? не такъ уже это непригодно, какъ объясняютъ различные памфлеты относительно церкви православной.

Городокъ Вейсенштейнъ, имѣющій около 3.000 человѣкъ жителей (эстовъ 1,970, нѣмцевъ 1.030, русскихъ 340), опрятенъ и миловиденъ, какъ и большинство городковъ въ здѣшнемъ краѣ. Красиво поднимается надъ нимъ расположенная на холмѣ изящная, о пяти куполахъ, русская церковь, а на другомъ холмѣ— восьмигранная башня старой развалины. Улицы всѣ мощены; лютеранская церковь—что совершенная особенность—уступаетъ русской въ благолѣпіи, но старше ея годами и очень почтенна въ своихъ скромныхъ, безъ всякихъ изворотовъ и кривляній, архитектурныхъ линіяхъ. Насколько окидывалъ глазъ весь городокъ, окна и стѣны его были расцвѣчены флагами и гирляндами, а въ толпахъ народа высились на женщинахъ характерныя, пузырчатыя мютцы; если цвѣтные платки на головахъ нашихъ крестьянокъ легко вызываютъ на сравненіе съ лепестками полевыхъ цвѣтовъ, то эти мютцы, несомнѣнно, круглые плоды, самыхъ яркихъ красокъ, часто атласные.

Подъ гармоничный звонъ колоколовъ нашей церкви, разносившійся надъ всѣмъ городомъ, Его Высочество прослѣдовалъ къ площади, гдѣ принялъ почетный караулъ отъ квартирующей здѣсь 2-й роты 4-го резервнаго баталіона; обойдя ряды и пропустивъ роту справа по отдѣленіямъ, Великій Князь отпустилъ караулъ въ казармы и, принявъ депутацію отъ города и хлѣбъ-соль, поднесенные городскимъ головой, направился въ русскую церковь. По извивающейся дорожкѣ, обставленной городскими дѣвочками, одѣтыми въ бѣлыя платьица и усыпавшими путь цвѣтами, поднимался Великій Князь въ церковь, въ гору. Церковь настолько же благообразна внутри, какъ снаружи; иконостасъ новенькій и изящный, даръ Русанова, воздвигнутъ въ 1863 году. Въ приходѣ считается 1.891 человѣкъ. Отъ церкви путь лежалъ въ казармы.

Какъ ни малъ Вейсенштейнъ, но онъ имѣетъ что порассказать, какъ о далекомъ быломъ, такъ и о болѣе близкихъ къ намъ дняхъ. Основанъ онъ ландмейстеромъ Медемомъ въ 1265

или 1266 годахъ, одновременно съ Митавой. Въ XV вѣкѣ умеръ здѣсь комтуръ Гельвигъ фонъ-Гильзенъ, обладавшій почему-то неисчерпаемыми богатствами; по смерти его, ихъ забралъ ландмейстеръ Керсдорфъ и отправилъ въ Пруссію и, несмотря на то, что орденъ протестовалъ, клады Вейсенштейна исчезли. Было здѣсь и другое начальствующее лицо, фохтъ фонъ-Тюленъ, носившій на груди своей золотую цѣпь въ 21 фунтъ вѣса. Съ 1572 по 1581 годъ сидѣлъ здѣсь русскій воевода, послѣ него шведы, затѣмъ поляки. Очень любопытенъ длившійся не одно столѣтіе споръ города съ помѣщиками недалекаго Мекгофа, на землѣ котораго онъ возникъ. Уже въ 1398 году получилъ Вейсенштейнъ свои особыя „привилегіи“. Королева Христина шведская, обильно раздававшая здѣсь въ краѣ своимъ вельможамъ помѣстья, подарила замокъ Мекгофъ фельдмаршалу Торстенсону въ 1636 году; въ 1669 году продано это владѣніе Ферзену и Стразбургеру, и за первымъ изъ нихъ въ 1673 году утверждено Карломъ XI владѣніе. При редукціяхъ Мекгофъ перешелъ къ шведской коронѣ, но вдова, наслѣдница, не убоялась спорить даже съ нею. Когда редукціямъ, по великодушію Русскаго Царя, данъ былъ обратный ходъ, то коммиссія, разсматривавшая права владѣнія, утвердила собственность Мекгофа за барономъ Штакельбергомъ, и городъ Вейсенштейнъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, эксплоатировался новымъ помѣщикомъ не хуже старыхъ. Однимъ почеркомъ пера Екатерины II, послѣ необозримо долгихъ споровъ, Вейсенштейнъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости, сдѣланъ въ 1783 году уѣзднымъ городомъ, а Штакельбергъ вознагражденъ со щедростью, имѣвшею слишкомъ частое примѣненіе въ балтійскомъ краѣ: указъ 1-го декабря 1789 года объясняетъ, что, въ замѣнъ земель, луговъ и строеній, отошедшихъ въ пользу вновь созданнаго города и въ вознагражденіе за перешедшіе къ коронѣ сборы и подати, Штакельбергамъ отданы въ вѣчное владѣніе четыре мызы съ угодьями. Споръ средневѣковаго характера былъ покончень, но заплатила за это опять-таки наша щедрая казна.

Мы отмѣтили нѣкоторыя любопытныя историческія особенности Вейсенштейна, но въ немъ и помимо нихъ есть другія, не менѣе любопытныя. Послѣ посѣщенія казармъ, которыя Великій Князь обошелъ всѣ сполна, произведены уставный смотръ

и гимнастика; вслѣдъ затѣмъ — посѣтивъ мѣстное казначейство и тюрьму—Его Высочество прослѣдовалъ въ лютеранскую церковь. Небольшой храмъ этотъ, сгорѣвшій въ 1845 году, отстроенъ, какъ и многіе лютеранскіе храмы, на русскія деньги, великодушно пожертвованныя Императоромъ Николаемъ I; освященъ онъ въ 1847 г. Одно изъ украшеній его не могло не броситься въ глаза. Какъ-то странно и невѣроятно было очутиться, совершенно неожиданно, лицомъ къ лицу, съ картиной, служащею здѣсь образомъ, болѣе чѣмъ радикально-реальнаго характера, а именно съ копіей, во всю величину, „Тайной Вечери“ — Ге. Кто не помнитъ очень хорошо время возникновенія этой картины, время „Современника“ и „Русскаго Слова“, время радикализма шестидесятыхъ годовъ; въ христіанской церкви, въ домѣ благодати, она совершенно немыслима. И гдѣ же виситъ эта картина? въ Вейсенштейнѣ, тюрьму котораго, какъ говорятъ, можно бы упразднить, потому, что въ ней заключенныхъ не бываетъ и существованіе ея было искусственнымъ образомъ поддержано сторожемъ, такъ толкуютъ по крайней мѣрѣ, посадившимъ въ нее своего сына, чтобы значился по спискамъ хотя какой-нибудь арестантъ; въ Вейсенштейнѣ—этомъ мирномъ городкѣ, гдѣ дружили даже пасторъ со священникомъ и гдѣ, еще въ 30-хъ годахъ, согласно преданію, по счастливой мысли однаго врача, вполнѣ достойной подражанія, была разыграна въ лоттерею семья неимущихъ: на лоттерею брали билеты и выигравшій обязывался—и дѣйствительно исполнилъ обязательство, содержать эту семью.

Въ завершеніе осмотровъ, Великій Князь посѣтилъ городскую больницу, устроенную на 20 человѣкъ, и управленіе уѣзднаго воинскаго начальника, гдѣ ознакомился съ мобилизаціонною частью. Послѣ завтрака состоялась прогулка къ развалинамъ. Очень красиво размѣстились по блѣднѣющимъ во времени останкамъ ея группы народа. Теперь высится только одна восьмиугольная башня съ погребомъ, отъ которой былъ когда-то ходъ къ озеру, но еще въ 1872 году стояла тутъ другая, круглая башня, опрокинутая бурей; хотя отъ стѣнъ замка сохранилось немного, но общій планъ его совершенно ясенъ и имѣется остатокъ церкви. Молодыя деревца поднимаются по зеленѣющимъ газонамъ стараго пепелища, и одинъ дубокъ посаженъ Его Вы-

сочествомъ. Въ павильонѣ, подлѣ развалины, слышалось хорошее пѣніе эстонскаго хора.

Не мало интереснаго замѣчено въ этотъ день. Разсказъ о дружбѣ русскаго священника и лютеранскаго пастора упорно наводилъ мысль на параллель положенія обѣихъ церквей въ балтійскомъ краѣ. Пасторъ здѣсь у себя дома; онъ хорошо обставленъ и пользуется доходами съ пасторатскихъ видмъ; еще въ дерптскомъ университетѣ сходится онъ со своими однолѣтками, занимающими со временемъ въ краѣ болѣе или менѣе видныя мѣста; онъ persona gratissima у ближнихъ помѣщиковъ, гдѣ онъ крститъ, женитъ, хоронитъ. Нашъ священникъ — на чужбинѣ; онъ не получаетъ того-же жалованья, а видмъ не имѣетъ; онъ имѣетъ дѣло только съ самыми бѣднѣйшими людьми, съ „изгоями“ края, и тѣ, кто друзья пастора—его несомнѣнные недоброжелатели. Трудны миссіи православныхъ въ странахъ языческихъ, но, право, гораздо труднѣе имъ въ прибалтійскомъ краѣ. И скромны же эти люди, и робки, и цѣпко стоятъ на своихъ постахъ во главѣ тѣхъ русскихъ „тружениковъ“, о которыхъ въ своей дерптской рѣчи вспоминалъ Великій Князь.

Еслибы позволено было сопоставить нѣкоторыя мѣры, повидимому, желательныя для облегченія судьбы „Царской вѣры“ въ краѣ, то онѣ, казалось бы, представились такъ:

1) упразднить въ дерптскомъ университетѣ теологическій факультетъ, образовавъ взамѣнъ его въ одной изъ столицъ евангелическую семинарію;

2) ограничить лютеранскихъ пасторовъ въ правѣ пользованія населенными имѣніями или раздѣлить это право между ними и православными. и

3) устроить викаріатства для православныхъ эстонской и латышской церквей.

Эти три мѣры нисколько не касались бы значенія лютеранской церкви по существу; онѣ только возстановили бы то равновѣсіе между обѣими церквами въ краѣ, которое несомнѣнно нарушено и недостатокъ котораго чувствуется въ любой пульсаціи мѣстной жизни, по скольку должна бы она отвѣчать и вторить пульсаціи общегосударственной жизни всей остальной Россіи.

Въ 3-мъ часу пополудни, милостиво простившись съ пред-

ставителями города и начальствующими лицами, Великій Князь отбылъ тѣмъ же путемъ, какимъ прибылъ, въ Аррокюль. Влѣво отъ пути, въ имѣніи барона Штакельберга, виднѣется курганъ въ которомъ покоятся ратники царя Іоанна, шедшаго отсюда на Ливонію; владѣлецъ предположилъ *) поставить памятникъ. Подлѣ экипажей, справа и слѣва, потянулся тотъ же пейзажъ, тѣ же глядѣвшіе на проѣздъ Великаго Князя изъ-за воротъ и изгородей молчаливые люди. Такъ какъ полнаго совершенства на свѣтѣ нѣтъ, то въ бричкѣ гакенрихтера, предшествовавшаго Великому Князю сажень на сто, отскочило колесо, и Его Высочество предложилъ представителю мѣстной полицейской власти занять мѣсто въ своей коляскѣ. Не доѣзжая Аррокюля, Великій Князь остановился вблизи хорошо содержанной рощи, въ которой подлѣ раскинутаго шатра, кажется туркменскаго, въ сопровожденіи многихъ гостей графини Толь, Ея Высочества присутствовала на сельскомъ праздникѣ; много пѣли и плясали; особенно удачна была игра съ пляской маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, руководимыхъ наставницей: подъ ладъ длинной пѣсни разсказывавшей о томъ, какъ жнутъ, сѣютъ, косятъ, молотятъ, спятъ послѣ работы,—маленькіе представители подростающаго поколѣнія воспроизводили жестами и позами косьбу, сѣянье, молотьбу, сонъ послѣ работы и пр. Вся эта сценка въ лѣсной чащѣ была очень красива и составляла только малую часть программы, составленной гостепріимною хозяйкой для чествованія Августѣйшихъ Гостей. Слѣдовалъ обѣдъ; вечеромъ, когда стемнѣло, сожженъ фейерверкъ. На утро предстоялъ выѣздъ по желѣзной дорогѣ къ недалекому отсюда Везенбергу.

*) Уже приведено въ исполненіе.

ВЕЗЕНБЕРГЪ.

Общій видъ города. Историческое. Процессы и русскія деньги. Различіе въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ русскихъ и нѣмцевъ. Осмотры. Развалина. Значеніе числа 12. Отсутствіе утвержденій во власти. Гауптманы. Гакенрихтеры. Крестьянство въ прибалтійскихъ губерніяхъ и его судьбы. Что было въ курляндской губерніи? барщина и пользованіе землею. Крестьянскія угодія и арендаторы. Починъ въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Исторія земельнаго вопроса. Упраздненія усадьбъ. Что имѣло мѣсто въ лифляндской и эстляндской губерніяхъ. Положеніе крестьянъ нынѣшнихъ. Исторія послѣднихъ сорока лѣтъ. Отъѣздъ изъ Везенберга и прибытіе въ Нарву.

Ровно въ 9 часовъ утра, 12-го іюля, милостиво простившись съ гостепріимною хозяйкой Аррокюля — графиней Толь, Ихъ Высочества отбыли къ желѣзной дорогѣ, и, около полудня, Великокняжескій поѣздъ подошёлъ къ маленькому вокзалу маленькаго Везенберга. Послѣдовало представленіе мѣстныхъ властей и переѣздъ къ православной церкви, давно уже неумолчно звучавшей своимъ невеликимъ колоколомъ; она очень мала, будто голубая комната, одна изъ стѣнъ которой прорублена аркой, за которою помѣщается алтарь. Въ приходѣ всего около 400 человѣкъ; съ самомъ городѣ не болѣе 3.500 жителей, слѣдовательно, все-таки почти вдвое болѣе Вейсенштейна. Мѣстность ровная, улицы мощеныя, дома опрятные, и повсюду пестрѣли гирлянды и флаги; гораздо замѣтнѣе надъ нимъ, чѣмъ въ Вейсенштейнѣ.

расположенныя на высокомъ холмѣ развалины древняго замка. Начало города — XIII вѣкъ, и, тотчасъ вслѣдъ затѣмъ, уже имѣетъ онъ одинаковыя со своими однолѣтками, Ревелемъ и Нарвой, права и привиллегіи; у Ревеля и Нарвы имѣлись данныя имъ природой привиллегіи — морскія гавани, необходима была такая же привиллегія и сухопутному Везенбергу, и онъ, дѣйствительно, владѣлъ гаванью — Тольсбургомъ.

Вообще Везенбергъ, въ долгихъ судьбахъ его, будто притягивало къ водѣ; когда, въ 1802 году, предполагалось соединить Чудское озеро посредствомъ каналовъ и нѣсколькихъ рѣчекъ съ ревельскою губой, то самый длинный изъ каналовъ, около 40 верстъ длиною, долженъ былъ проходить подлѣ Везенберга. Въ проектѣ этомъ, сильно поддержанномъ ревельскимъ магистратомъ, поминается еще другой проектъ, болѣе древній — о соединеніи Чудскаго озера съ городомъ Перновомъ, и оба они свидѣтельствуютъ о томъ, что попытки торговаго сближенія балтійской окраины со внутренними губерніями Россіи не останавливались даже передъ такими трудностями, чтобы ничтожныя, безводныя рѣчки „углубить и въ иныхъ мѣстахъ сдѣлать шире и сдѣлать плотины и шлюзы“. Юнѣйшій по времени проектъ, вызывавшій русскую казну на огромныя затраты, былъ поданъ министру коммерціи графу Румянцеву, чрезъ котораго доходилъ до свѣдѣнія Александра I; онъ не лишенъ, конечно, самой почтенной отваги и упорно поддерживался изъ Ревеля много лѣтъ. Немного противорѣчитъ, конечно, этому желанію объединенія съ внутренними губерніями Россіи другой современный документъ, а именно бумага, съ надписью „секретно“, отправленная въ 1819 году генералъ-губернаторомъ прибалтійскихъ губерній маркизомъ Паулуччи на имя эстляндскаго губернатора, барона Будберга. Она говоритъ: „совершенное уклоненіе въ образѣ одежды отъ принятаго обычнаго порядка вызвало, наконецъ, полное мое неудовольствіе... Нѣкоторые легкомысленные люди желали, какъ оказалось по слѣдствію, выказать этимъ связь свою съ какимъ-то нѣмецкимъ братствомъ въ Германіи... Вотъ описаніе этой одежды: старонѣмецкій баретъ или шапка съ необыкновенно большими полями, плотно сидящая на головѣ; короткіе, до икръ, сапоги; узкіе брюки; фракъ темнозеленаго сукна, и, въ довершеніе всего, длинные до плечъ волосы“. Вслѣдъ за этими мотивами, доказы-

вавшими еще въ 1819 году, тяготѣніе къ Германіи, идутъ подобающія распоряженія генералъ-губернатора, такъ что объединеніе, сказывавшееся въ проектированіи каналовъ, не распространялось, какъ видно, на шапки съ необыкновенно большими полями и сапогами, означавшими связь съ какимъ-то нѣмецкимъ братствомъ, и вызывало „полное неудовольствіе“ мѣстной власти.

Значительное сходство между Везенбергомъ и Вейсенштейномъ по внѣшности, по привиллегіямъ и правамъ, по послѣдовательному подчиненію рыцарскому ордену, шведамъ и русскимъ, имѣется и въ заключительныхъ страницахъ его, шестисотлѣтняго бытія. Если Вейсенштейнъ принадлежалъ во время оно Торстенсонамъ, Ферзенамъ и Штакельбергамъ и выкупленъ на русскія деньги Императрицей Екатериной II, то Везенбергъ принадлежалъ Бредероде и Тизенгаузенамъ и выкупленъ отъ владѣльцевъ и сдѣланъ самостоятельнымъ опять-таки тѣмъ же правительствомъ и тѣми-же деньгами, то-есть русскими, въ 1783 году. Сколько шло у насъ денегъ на эти примиренія мѣстныхъ интересовъ и на многое другое, право и сказать трудно? русскіе великодушно оставляютъ за собою только очень не великій процентъ или, если угодно, ренту, краснорѣчивыхъ воспоминаній. Мѣстные люди относятся къ своимъ экономическимъ соображеніямъ немного иначе. Кажется, верстахъ въ 80 отсюда, подлѣ самаго Чудскаго озера, есть имѣніе Пюхтицъ, въ которомъ, съ нынѣшняго года, учрежденъ православный приходъ; здѣсь имѣется часовня на мѣстѣ явленія иконы Успенія, тутъ чествуютъ память побѣды Александра Невскаго, тутъ стоятъ нѣмые свидѣтели былаго — холмы надъ прахомъ русскихъ ратниковъ. Изъ недалекаго отъ Пюхтицъ Сиренца движется къ нему 15-го августа крестный ходъ; ему надлежитъ на протяженіи $^1/_2$ версты проходить по пюхтицкой землѣ, и за это молитвенное »движеніе«, взимается мѣстнымъ владѣльцемъ съ православныхъ молельщиковъ нѣкоторая плата, въ качествѣ доходной статьи имѣнія? это, конечно, вполнѣ законно, но совсѣмъ незаконна была постройка въ Пюхтицѣ мѣстной лютеранской церкви съ разрѣшенія евангелической консисторіи? въ августѣ 1885 года пришлось запечатать эту церковь, не потому, конечно, чтобы не строили вообще въ краѣ лютеранскихъ церквей, а потому, что, по закону, евангели-

ческая консисторія никакого права на подобное разрѣшеніе не имѣетъ. Но взиманіе за право движенія крестнаго хода въ Шохтицѣ, какъ сказано, вполнѣ законно, и камни того оврага, по которому онъ движется, приносятъ доходъ.

Изъ православной церкви, послѣ молитвословія, путь Ихъ Высочествъ, по разцвѣченнымъ пестрою толпою улицамъ, лежалъ къ городскому дому, передъ которымъ Великій Князь принялъ почетный караулъ отъ 3-й роты 4-го резервнаго баталіона и пропустилъ его церемоніальнымъ маршемъ; послѣ поднесенія отъ городскаго головы хлѣба-соли, Его Высочество направился въ находящееся тутъ-же управленіе воинскаго начальника, осмотрѣлъ казарму, произвелъ ротѣ смотръ и посѣтилъ тюрьму и цейхгаузъ. Вслѣдъ за завтракомъ, принятымъ отъ города, посѣщена Ихъ Высочествами лютеранская церковь, стѣны которой обильно изукрашены металлическими дощечками съ именами людей, когда-либо напутствованныхъ въ ней къ ихъ послѣднему жилищу.

Развалина была посѣщена послѣднею. На пятнадцать и болѣе верстъ кругомъ можно видѣть съ ея высокаго холма, о прежней профили котораго судить нельзя, потому, что обрушившіяся стѣны, которыхъ было очень много, образовали тоже холмики, поросшіе мохомъ и травой; они, такъ сказать, облипаютъ основаніе, натуральный холмъ. Далеко внизу, между прогалинами въ остаткахъ стѣнъ, виднѣются поля и нивы; остатки эти, сохранившіеся по угламъ, даютъ понятіе о грандіозности размѣровъ того, чѣмъ былъ замокъ, когда вмѣщалъ въ себѣ, какъ говорятъ, кромѣ жилыхъ помѣщеній, не одну церковь, монастырь и госпиталь. Народъ, желавшій видѣть и привѣтствовать Ихъ Высочества, поднимавшіеся въ гору пѣшкомъ, изукрасилъ развалину живымъ ожерельемъ или, лучше сказать, многими ожерельями и гроздьями, потому, что гнѣздился по всѣмъ угламъ, въ полуразрушенныхъ окнахъ и вдоль тропинокъ вьющихся по буграмъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ, вѣроятно, былъ когда-то главный дворъ замка, въ углубленіи, находящемся на самой вершинѣ холма, пѣли эстонскіе хоры; при существованіи рыцарскаго ордена этого не могло, конечно, быть, и эстонцы, когда-то подавленные рыцарями, пѣли теперь на развалинахъ замка своихъ побѣдителей хоровую пѣсню. Историческій про-

цессъ разрѣшенъ, но процессъ между лицомъ, которому принадлежитъ развалина, и городомъ, претендующимъ на нее, находится, какъ сообщали, и по сегодня въ правительствующемъ сенатѣ.

Вообще правительствующій сенатъ не такъ далекъ отсюда какъ кажется, потому, что жалобы на состоящій изъ 12 ландратовъ оберъ-ландгерихтъ, высшее судебное учрежденіе губерніи, приносятся прямо ему. Число 12, повидимому, играетъ особенную роль въ строѣ своеобразной мѣстной администраціи. Дворянскій губернскій комитетъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ предводитель дворянства, состоитъ изъ 12 депутатовъ отъ дворянства, по три съ каждаго изъ четырехъ уѣздовъ; ландтаги избираютъ 12 ландратовъ, составляющихъ по дѣламъ дворянскимъ ландратскую коллегію, входящихъ въ число членовъ дворянскаго комитета и составляющихъ высшее судебное учрежденіе губерніи — оберъ-ландгерихтъ, жаловаться на который можно только въ сенатъ, съ просьбой уничтожить его рѣшеніе. Начальниковъ уѣздной полиціи, гакенрихтеровъ (по три на уѣздъ), тоже 12.

Высшее судебное учрежденіе въ курляндской губерніи — оберъ-гофгерихтъ, который состоитъ изъ предсѣдателя и 4-хъ старшихъ совѣтниковъ: ландгофмейстера, канцлера, оберъ-бургграфа и ландмаршала, и двухъ младшихъ членовъ; судебно-полицейскую власть въ уѣздѣ составляютъ оберъ-гауптманы и гауптманы. Должностныя лица эти получаютъ жалованье отъ правительства, по Высочайше утвержденному штату, и сверхъ того пользуются особенными выгодами и доходами, закономъ имъ предоставленными. Эти доходы и выгоды состоятъ: 1) изъ отпуска отъ казны 40 куб. саженей дровъ каждому оберъ-гауптману и гауптману, на основаніи указа правительствующаго сената отъ 10-го ноября 1837 года за № 77793; 2) изъ поставокъ отъ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣній сѣна въ пользу поименованныхъ должностныхъ лицъ, по особымъ герцогскимъ указамъ, а равно указа правительствующаго сената 11-го января 1818 года, и 3) изъ безплатнаго отпуска строеваго и дровянаго лѣса изъ казенныхъ дачъ, согласно постановленію „лѣсной коммисіи“ 1803 года. Преоригинальнѣйшую повинность представляетъ доходъ, поступающій въ пользу нѣкоторыхъ гауптмановъ отъ тор-

гующаго класса. Такъ, напримѣръ, баускій гауптманъ получаетъ отъ каждаго мясника, занимающагося убоемъ крупнаго скота, по 20 фунтовъ сала и отъ мясника, занимающагося убоемъ мелкаго скота, по 10 фунтовъ сала, и сверхъ того мясники обязаны, въ силу примѣчанія 2 къ инвентарю видмы баускаго гауптмана, отдавать послѣднему по 2 ребра съ крупнаго скота и по „гусаку“ (Herzschlag) съ мелкаго скота; такой-же подати подлежатъ и всѣ другіе мясники, привозящіе въ городъ мясо изъ деревень. Основываясь на такомъ постановленіи своего инвентаря и указѣ курляндскаго губернскаго правленія, отъ 31-го августа 1858 г. за № 2330, баускій гауптманъ обращался въ городской магистратъ съ просьбою о понужденіи мясниковъ къ дополнительному исполненію вышеозначенной повинности или къ уплатѣ взамѣнъ ея по 40 р. въ годъ съ каждаго мясника, занимающагося убоемъ крупнаго скота, и по 10 — съ каждаго мясника, занимающагося убоемъ мелкаго скота, за 1878, 1879 и 1880 года. Относительно исполненія этой повинности было предложено магистратомъ мясникамъ „вступить въ соглашеніе съ гауптманомъ“, вслѣдствіе чего всѣ мясники г. Бауска перестали убивать скотъ, и нѣсколько дней не было въ городѣ въ продажѣ мяса. Для устраненія такого бѣдственнаго состоянія бауская городская управа временно приняла на себя уплату слѣдуемаго гауптману сбора, и такимъ образомъ уговорила мелочныхъ торговцевъ продавать мясо; такое распоряженіе городской управы было одобрено думою единогласно. Сверхъ указанныхъ выше доходовъ, судебно-полицейскія должностныя лица, какъ то: оберъ-гауптманы, гауптманы, секретари и министеріалы (служители) оберъ-гауптмановъ, пользуются доходомъ отъ предоставленныхъ имъ казенныхъ имѣній или, такъ называемыхъ, судейскихъ видмъ. Такихъ видмъ числится 15, онѣ заключаютъ въ себѣ до 9000 десятинъ мызной и крестьянской земли, съ 248 крестьянскими дворами, приносящей до 16000 р. дохода. Историческое происхожденіе этихъ имѣній относится ко времени владычества орденскаго правительства (существованіе его прекратилось во второй половинѣ 16-го столѣтія), которымъ назначены были, вмѣсто жалованья, извѣстныя земельныя помѣстья (видма отъ нѣмецкаго слова — widmen — посвятить) въ пользованіе судебныхъ и полицейскихъ чиновниковъ, а по возложеніи ихъ обязанностей на

вновь учрежденныя должности оберъ-гауптмановъ и гауптмановъ перешло къ послѣднимъ, по особымъ повелѣніямъ бывшихъ курляндскихъ герцоговъ, и право владѣнія судейскими видмами. По присоединеніи Курляндіи къ Россіи, относительно судейскихъ видмъ послѣдовалъ Высочайшій Именной указъ Императора Павла, отъ 5-го февраля 1797 года, о возстановленіи присутственныхъ мѣстъ въ томъ порядкѣ, какой существовалъ во время прежняго курляндскаго правительства. Курляндское дворянство избираетъ изъ своей среды должностныхъ лицъ судебно-полицейскаго вѣдомства и потому принимаетъ участіе въ надзорѣ за видмами, доходъ съ которыхъ составляетъ существенную часть содержанія этихъ лицъ.

Ни одно изъ лицъ, выбираемыхъ дворянствомъ, и то только матрикулованнымъ, никѣмъ не утверждается и нарождается на свѣтъ, облекаемое властью изъ дворянской избирательной урны. Губернскій предводитель дворянства, Ritterschafftshauptmann, не утверждается даже Государемъ Императоромъ? о ландратахъ, членахъ нидерландгерихтовъ, мангерихтовъ, магистратовъ, уѣздныхъ, приходскихъ и фохтейскихъ судовъ нечего и говорить; правительственная власть никого изъ нихъ не утверждаетъ; въ самомъ Ревелѣ, гдѣ разнообразіе въ судахъ еще значительнѣе, гдѣ есть суды: нижній, сиротскій, коммерческій, цеховой, морской, фрахтовый, кемерейный, ветгерихтъ, баугерихтъ и др., тоже нѣтъ и рѣчи о какомъ-либо утвержденіи. Даже гакенрихтеры, то-есть начальники уѣздной полиціи, избираемые на три года и управляющіе частями уѣзда, опредѣляются на мѣста, по выборамъ матрикулованнаго дворянства, безъ представленія объ утвержденіи ихъ губернскому начальству; они обязаны только явиться въ губернское правленіе, чтобъ оставить въ канцеляріи „свой адресъ“? это очень оригинально и вполнѣ объяснимо: гакенрихтеръ можетъ жить гдѣ хочетъ, живетъ большею частію въ своемъ имѣніи, гдѣ находится его канцелярія, архивъ и гдѣ онъ долженъ имѣть помѣщеніе для арестантовъ. Съ перемѣной лица перемѣняется, слѣдовательно, и мѣстожительство одного изъ начальниковъ уѣздной полиціи; какъ же не извѣстить объ этомъ губернское правленіе, какъ не сообщить ему своего адреса. Изъ этихъ подвижныхъ полицейскихъ центровъ гакенрихтеръ вѣдаетъ свой районъ; онъ произ-

водитъ слѣдствія по преступленіямъ и проступкамъ, онъ разбираетъ и рѣшаетъ гражданскіе иски не свыше 15 рублей, онъ рѣшаетъ дѣла по полицейскимъ проступкамъ съ правомъ наложенія полицейскихъ взысканій. Въ качествѣ помѣщика онъ, какъ начальникъ мызной полиціи, можетъ давать себѣ, какъ начальнику уѣздной полиціи, предписанія и, наоборотъ, жаловаться на него можно ему самому. Онъ, гакенрихтеръ, ни по опредѣленію своему на должность, ни по интересу, который для него лично связывается съ этою должностью, ни по служебной карьерѣ, которая вполнѣ зависитъ отъ дворянства, ни по общественному положенію, какъ дворянинъ, вовсе независитъ отъ начальника губерніи, которому, какъ сказано, только сообщаетъ, по вступленіи въ должность, свой адресъ. Начальникъ губерніи можетъ, въ случаѣ надобности, только „отстранить“ его, но удаляется онъ отъ должности исключительно дворянскимъ оберландгерихтомъ по своему, дворянскому, суду. Предводитель дворянства даетъ подобному гакенрихтеру „предписанія“, и это, такъ-сказать, доказываетъ воочію только-что сказанное нами, то-есть полную зависимость начальника уѣздной полиціи не отъ губернскаго начальства, а отъ своихъ собственныхъ матрикулованныхъ дворянъ. Это-ли не парализація административной и правительственной власти? неудивительно, что во всякомъ преобразованіи полиціи мѣстное дворянство видитъ для себя „серіозную опасность“. Но подобныя опасности заявлялись безсчетное число разъ и по введенію въ краѣ русскаго языка, и по устройству крестьянъ, и по дѣламъ православной церкви, и по школамъ, и когда на нихъ не обращали вниманія, они оказывались въ дѣйствительности не существующими.

Кстати о крестьянахъ; во вниманіе къ совершенно исключительнымъ особенностямъ ихъ своеобразнаго быта слѣдуетъ сказать, хотя нѣсколько словъ, и о нихъ.

Описаніе путешествія одна изъ самыхъ удобныхъ литературныхъ формъ для того, чтобы касаться вопросовъ, наиболѣе разнообразныхъ; ничто не мѣшаетъ говорить на одной и той-же страницѣ о молочномъ хозяйствѣ, солнечномъ лучѣ и историческомъ фактѣ. Пользуясь случаемъ, при посѣщеніи послѣдняго изъ городовъ балтійскаго края, надо сказать, хотя нѣсколько словъ, и о крестьянахъ, придерживаясь, главнымъ образомъ, почерпнутыхъ

на мѣстѣ данныхъ и историческаго развитія жизни края, которыя доказываютъ съ ясностію самою полною, насколько правительство наше постоянно и всегда послѣдовательно стояло во главѣ движенія по улучшенію быта мѣстныхъ крестьянъ. Мы будемъ говорить о земельномъ вопросѣ въ краѣ только для полноты, такъ какъ, при существованіи другихъ, болѣе существенныхъ вопросовъ, онъ не долженъ считаться стоящимъ на очереди, онъ — въ тѣни.

Характерность положенія крестьянъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ не можетъ не обратить на себя вниманія всякаго пріѣзжающаго сюда, потому что, съ первыхъ же шаговъ, при первыхъ распросахъ и разговорахъ, пріѣзжему становятся ясными нѣкоторыя замѣчательныя особенности.

Во-первыхъ, крестьяне во всѣхъ трехъ губерніяхъ, но для каждой по своему, съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, освобождены безъ земли.

Во-вторыхъ, когда, съ теченіемъ времени и по примѣру правительства нашего, являющагося самымъ крупнымъ собственникомъ въ краѣ, пришлось мѣстнымъ людямъ, противъ воли, допустить выкупъ крестьянскихъ земель въ ихъ собственность, — (цѣною какихъ условій, скажемъ мы позже), — то случилось нѣчто странное и посторонній наблюдатель не можетъ не быть пораженъ свѣдѣніями, ему сообщаемыми, о томъ, что, если въ Россіи помѣщичьи и крестьянскія земли обложены тяготою равномѣрно, здѣсь вся тягота лежитъ на однѣхъ только крестьянскихъ земляхъ, называемыхъ, поэтому, въ отличіе отъ „мызныхъ“ — „повинностными“; поземельнаго налога крестьяне платятъ въ 5—6 разъ болѣе помѣщика, и земскія повинности (напримѣръ дорожная, достигающая въ одной лифляндской губерніи 600.000 руб. въ годъ?) лежатъ всѣ, цѣликомъ, на крестьянахъ, причемъ раскладка производится все таки помѣщиками.

Въ-третьихъ, если приглядѣться къ такъ называемому здѣсь — выкупу крестьянскихъ земель въ собственность, то нельзя не обратить вниманія опять-таки на замѣчательныя особенности:

а) въ лифляндской губерніи, напримѣръ, когда, въ далекомъ будущемъ, крестьяне дѣйствительно выкупятъ всю свою землю окончательно, они заплатятъ за 1.190,755 десятинъ 87½ милліоновъ рублей; въ нашемъ юго-западномъ краѣ, за 4.000,000 де-

сятинъ выкупная сумма достигла только 81 милліона рублей, т. е. наши юго-западные, хорошо обставленные помѣщики, получили въ 3—4 раза менѣе лифляндскихъ;

б) самый переходъ земли въ собственность крестьянъ, запродажа усадьбъ, напримѣръ въ курляндской губерніи, обставлена здѣсь такими трудностями контрактныхъ условій (стóитъ только просмотрѣть десятокъ контрактовъ), что, до полнаго выкупа, который еще Богъ знаетъ когда послѣдуетъ, крестьянинъ, въ силу контрактныхъ условій, исполненіе которыхъ часто совершенно невозможно, можетъ быть ежеминутно удаленъ съ своей земли, причемъ не только уничтожается самый контрактъ, но и вся „неуплоченная“ сумма считается „просроченною“. Это послѣднее условіе становится особенно важнымъ, во вниманіе къ тому, что судебная власть, разбирающая препирательства, находится тутъ въ рукахъ дворянства;

в) самая собственность крестьянина на землю, даже при окончательномъ выкупѣ ея, самою дорогою цѣною, никогда, во вѣки вѣковъ, не будетъ полною собственностью, такъ какъ, согласно многимъ запродажнымъ условіямъ, крестьянинъ-собственникъ никогда не будетъ имѣть права строить на своей землѣ мельницу. открывать торгово-промышленныя заведенія, охотиться и т. п., тогда какъ за помѣщиками, опять-таки во вѣки вѣковъ, оставляется право, принадлежащее въ остальной Россіи только Верховной власти, отчуждать крестьянскія земли подъ плотины, дороги и т. п.

Уже въ XIV вѣкѣ существовало здѣсь основное дѣленіе земли на „мызную“ — Hofesland, и „крестьянскую“ — Bauerland. Въ далекіе дни владычества ордена, дѣленіе это было отнюдь не юридическимъ, такъ какъ вся земля принадлежала помѣщику, мѣстному представителю ордена, но, въ силу обычая и личной пользы помѣщика, крестьянская земля считалась всегда неприкосновенною и, даже, наслѣдственною. Съ теченіемъ времени началось, однако, перекраиваніе земель, и если въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія количество крестьянскихъ земель составляло $^2/_3$ мызныхъ, то въ настоящее время они составляютъ около $^1/_3$. Это перерожденіе земель имѣетъ свою, чрезвычайно назидательную, исторію, подробное изложеніе которой здѣсь, конечно, неумѣстно, но на двухъ особенностяхъ остановиться можно,

выдвинувъ ихъ изъ множества другихъ. Мы говоримъ о „взрываніи“ (Sprengung) крестьянскихъ усадьбъ и о такъ-называемыхъ: „квотѣ“ и „батрацкихъ земляхъ“.

Когда, милостью правительства нашего, только лѣтъ тридцать тому назадъ, дано было прибалтійскимъ крестьянамъ право свободнаго передвиженія по Имперіи, начали переходить въ собственность крестьянъ первыя усадьбы и барщинная система замѣнялась оброкомъ — мѣстные помѣщики сначала протестовали, но, убѣдясь въ выгодѣ этого, быстро перевели съ барщины на аренду около $^4/_5$ крестьянскихъ усадьбъ. Большая, сравнительно, производительность вольнаго труда, обусловившая возрастаніе цѣнности земли, вызвала, рядомъ съ этимъ, явленіе, продолжавшееся довольно долго, а именно — помянутое выше „взрываніе“ крестьянскихъ усадьбъ. Пока существовала барщина, едва достаточная для обработки мызныхъ полей, помѣщики, какъ сказано, были вынуждены, въ собственныхъ интересахъ, сохранять крестьянскую землю въ прежнихъ, неуменьшенныхъ ея предѣлахъ; но когда, съ появленіемъ труда вольнонаемнаго, гораздо болѣе производительнаго, стало возможнымъ обрабатывать и бо́льшія пространства помѣщичьей, мызной земли, то явилось со стороны помѣщиковъ желаніе увеличить ея предѣлы, что и было возможно на счетъ земли крестьянской. Тогда-то началось „взрываніе“ крестьянскихъ усадьбъ, т. е. ихъ уничтоженіе по тому или другому поводу, причемъ въ контрактахъ и, такъ называемыхъ, „добровольныхъ соглашеніяхъ“, поводовъ имѣлось всегда достаточно. Явился также законъ 1863 года, разрѣшившій измѣненіе границъ, состава и даже уменьшеніе площади крестьянскихъ участковъ „для уничтоженія чрезполосности“, а мѣстная „крестьянская коммиссія“, циркулярно, 13-го августа 1863 года, допустила эти уменьшенія и для „округленія“. Контракты давали помѣщикамъ полную возможность отдѣлываться и отъ нежелательныхъ имъ арендаторовъ вообще, такъ что, напримѣръ, въ иллукстскомъ уѣздѣ курляндской губерніи цѣлая $^1/_3$ арендаторовъ не нѣмецкой народности замѣнена арендаторами нѣмецкими.

Зорко слѣдя за уменьшеніемъ крестьянскихъ земель правительство наше неоднократно желало пріостановить его; но это оставалось только добрымъ пожеланіемъ. Такъ, одинъ изъ отвѣтовъ генералъ-губернатора въ 1851 году гласилъ, что „слухи

о присоединеніяхъ крестьянскихъ угодій лишены всякаго основанія"; въ 1863—Императору Александру II угодно было, черезъ генералъ-губернатора, выразить курляндскому дворянству Свою волю о томъ, чтобы уменьшеніе крестьянской земли прекратилось; въ этомъ же смыслѣ состоялось въ 1867 году распоряженіе „коммиссіи крестьянскихъ дѣлъ"—но упраздненія все-таки не останавливались, и есть свѣдѣнія о томъ, что къ 1883-му году число крестьянскихъ земельныхъ единицъ уменьшилось въ краѣ на 25%.

Если сказаннымъ путемъ „взрыванія" крестьянскихъ усадьбъ количество земель, находящихся въ пользованіи помѣщиковъ возросло, — то не менѣе любопытна исторія „квоты" въ лифляндской губерніи и „земель батрацкихъ" въ эстляндской.

Раздѣленіе земель каждаго имѣнія на мызныя, находящіяся въ неограниченномъ распоряженіи помѣщика, и крестьянскія, состоящія въ пользованіи крестьянъ, установлено было въ лифляндской губерніи на основаніи изданнаго въ 1804 году, перваго „крестьянскаго положенія", которымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражено было и начало неприкосновенности крестьянской земли. Слѣдовавшее „положеніе 1819 года", въ силу котораго крестьянамъ дарована была личная свобода, совершенно нарушило это начало, предоставивъ помѣщику неограниченное право распоряжаться всею помѣстною землею, но впослѣдствіи пришлось вновь возвратиться къ прежнимъ основаніямъ, и при предварительномъ обсужденіи „положенія 1849 года", въ особомъ комитетѣ, единогласно рѣшено, что вся, предоставленная по вакенбухамъ 1804 года и состоящая въ пользованіи крестьянъ земля, должна быть предоставлена въ неотъемлемое пользованіе крестьянскаго общества. Такое рѣшеніе комитета, признанное имъ за обязательное, удостоилось Высочайшаго утвержденія 9-го іюня 1846 года и затѣмъ включено въ „положеніе 1849 года" (ст. 120) съ тѣмъ, однако, что помѣщикамъ разрѣшалось прирѣзать къ мызнымъ угодьямъ извѣстную часть крестьянской земли. Присоединеніе къ мызнымъ землямъ этой части, (въ размѣрѣ 36 лофштелей пашни, съ соотвѣтственнымъ количествомъ луговъ и выгона на каждый гакъ), въ самомъ „положеніи", ни чѣмъ не мотивировано и въ немъ не указано, для чего-же эта

земля отъ крестьянъ отрѣзывается, но причина этой отрѣзки была очень хорошая. Вотъ она:

На основаніи дополнительныхъ статей 1809 года къ первоначальному крестьянскому „положенію 1804 года“ (ст. 39 и 40). въ предѣлахъ крестьянскихъ арендныхъ участковъ образованы были особые участки, долженствовавшіе поступить въ пользованіе безземельныхъ батраковъ. Эти постановленія имѣли цѣлью обезпечить бытъ этихъ батраковъ, печальное положеніе которыхъ обнаружилось вскорѣ и послужило одною изъ причинъ изданія дополнительныхъ статей 1809 года. При обсужденіи въ мѣстномъ комитетѣ основаній разработывавшагося положенія 1849 года, обращено было особое вниманіе также на необходимость постепеннаго перехода отъ барщинной аренды къ денежной — оброчной. Достиженіе этой цѣли признавалось весьма желательнымъ, но вызывало правильное опасеніе, что, при переходѣ на денежную аренду, „крестьяне-хозяева“ пожелаютъ всецѣло воспользоваться своими участками и уничтожатъ участки батрацкіе. Чтобы предотвратить эти послѣдствія, грозившія батракамъ совершеннымъ обезземеленіемъ, комитетъ призналъ необходимымъ предоставить въ распоряженіе каждаго помѣщика часть крестьянской земли, для надѣленія батраковъ, „подобно тому, какъ послѣдніе до того пользовались въ каждомъ крестьянскомъ участкѣ $1^1/_2$ лофами пахатной земли въ каждомъ полѣ съ лугами и сѣнокосами“. Останавливаясь именно на этой мѣрѣ, комитетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлилъ, „что ближайшій ландтагъ имѣетъ установить правила, сообразно съ которыми владѣлецъ долженъ распоряжаться означенными участками, для обезпеченія благосостоянія рабочихъ (батраковъ)“. Постановленіе это, наравнѣ съ упомянутымъ выше постановленіемъ того-же комитета о предоставленіи въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ земли, въ пространствѣ опредѣленномъ вакенбухами 1804 года, признано было за основное начало будущаго „положенія“ и, на равнѣ съ нимъ, удостоилось Высочайшаго утвержденія 9-го іюня 1846 года.

Отсюда ясно, какое именно назначеніе имѣла земля, отрѣзанная отъ крестьянской и присоединенная къ мызнымъ угодьямъ; землю эту называютъ податной мызной землей или квотой. По обнародованіи „положенія 1849 года“ часть крестьянской земли, дѣйствительно, была присоединена къ мызнымъ угодьямъ, но не

получила, однако, того назначенія, которое должна была получить по мысли законодателя. Вопросъ о квотѣ, оказалось, необходимымъ возбудить снова при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ послѣдняго крестьянскаго „положенія 1860 года“. Тогда, т. е. въ 1856 году, рыцарское дворянство объяснило, что ему показалось, будто-бы, недостаточно семилѣтняго опыта, для основательнаго изысканія способовъ къ уничтоженію податнаго свойства батрацкой земли, остзейскій комитетъ согласился съ дворянствомъ, и, вслѣдствіе этого, постановленіе § 21 „положенія 1849 года“ перенесено безъ всякаго измѣненія въ ст. 9 новаго проэкта. Государственный Совѣтъ не встрѣтилъ и со своей стороны препятствія продлить упомянутый „срокъ опыта“, но призналъ, однако, необходимымъ ограничить его опредѣленнымъ временемъ. По мнѣнію Государственнаго Совѣта, для этого достаточно было назначить 5 лѣтъ. Онъ положилъ также: обративъ вниманіе дворянства лифляндской губерніи на мѣры, принимаемыя министерствомъ государственныхъ имуществъ, для обезпеченія работниковъ въ казенныхъ имѣніяхъ, — предложить дворянству ту часть земли, которая прирѣзана отъ податной земли къ мызнымъ, употребить въ теченіе предоставляемаго пятилѣтняго срока, для обезпеченія, по возможности, участи всѣхъ вообще работниковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Это мнѣніе Государственнаго Совѣта удостоено Высочайшаго утвержденія 5-го мая 1860 года. При вторичномъ разсмотрѣніи проэкта „положенія 1860 года“ Государственный Совѣтъ нашелъ, однако, что только-что изложенное постановленіе, по самому содержанію своему, не можетъ быть внесено въ текстъ новаго положенія, но, что оно, по окончательномъ утвержденіи въ общемъ законодательномъ порядкѣ, должно быть сообщено министру внутреннихъ дѣлъ къ исполненію — непосредственно чрезъ генералъ-губернатора.

Согласно этому и съ прямымъ опредѣленіемъ 5-ти лѣтняго срока, для употребленія отрѣзанной земли въ пользу работниковъ, — мнѣніе Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденное 13-го ноября 1860 года, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, сообщено генералъ-губернатору, для зависящихъ распоряженій, 19-го ноября 1860 года. Объ исполненіи этого Высочайшаго повелѣнія „и по сегодня“ не имѣется никакихъ свѣдѣній, изъ чего можно заключить, что въ дѣйствительности оно

и не было исполнено, и что такимъ образомъ квота и по нынѣ не получила опредѣленнаго ей назначенія.

Оно и понятно. Предположеніе о назначеніи податной мызной земли или квоты безземельнымъ батракамъ возникло, какъ-бы для виду, на дѣлѣ же оно имѣло цѣлью увеличить составъ мызныхъ угодій на счетъ крестьянской податной земли. Въ этомъ убѣждаетъ „положеніе 19 февраля 1866 года о волостномъ общественномъ управленіи въ остзейскихъ губерніяхъ“, явившееся въ то самое время когда уже оканчивался опредѣленный въ 1860 году 5-ти лѣтній срокъ, для отвода батракамъ той части земли, которая прирѣзана отъ податной земли къ мызной. По примѣчанію къ § 1 означеннаго положенія. участки повинностной крестьянской земли могутъ быть предоставляемы въ арендное пользованіе и даже продаваемы въ собственность не принадлежащимъ къ крестьянскому сословію лицамъ, съ сохраненіемъ личныхъ сословныхъ правъ своихъ? Въ силу этого постановленія многіе крестьянскіе участки въ частныхъ имѣніяхъ, перепли въ руки мѣстныхъ дворянъ. Есть случаи такого перехода участковъ и въ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣніяхъ; напримѣръ, крестьянскій дворъ Звиргзде, около 100 десятинъ, казеннаго имѣнія Альтъ-Саукенъ находится, какъ говорятъ, въ пользованіи мѣстнаго дворянина.

Нѣчто подобное квотѣ имѣло мѣсто въ губерніи эстляндской; нынѣ дѣйствующее въ ней „положеніе о крестьянахъ 5-го іюля 1856 г.“ составлялось подъ прямымъ вліяніемъ законодательныхъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ для обезпеченія быта крестьянъ въ лифляндской губерніи, и положеніе о нихъ 1849 года служило образцомъ для положенія о крестьянахъ эстляндской. Въ 9 ст. послѣдняго положенія вполнѣ опредѣленно выражено то общее начало, что, для обезпеченія быта крестьянскаго сословія ему предоставлено неотъемлемое право пользованія всею годною къ воздѣлыванію землею, которая находилась во владѣніи крестьянъ 9-го іюня 1846 года. Въ ст. 17 значеніе этого сильно ослабляется тѣмъ, что, по мѣрѣ прекращенія барщины, часть крестьянской арендной земли, а именно до $^1/_6$ доли ея, предоставлено отдѣлять в неограниченное распоряженіе помѣщика, причемъ 18 ст. положенія опредѣляетъ, что землею этою помѣщикъ, хотя и можетъ пользоваться по своему произволу, но

изъяснено, что она можетъ быть употреблена для поселенія на ней господскихъ работниковъ и т. п.

Совокупность этихъ довольно неясныхъ постановленій, и нѣкоторыхъ другихъ, неизбѣжно наводитъ на мысль, что прирѣзка $^1/_6$ части крестьянской земли къ мызнымъ находилась и въ эстляндской губерніи въ непосредственной связи съ вопросомъ объ обезпеченіи быта безземельныхъ работниковъ, на случай отмѣны барщины, т. е. съ тѣмъ самымъ вопросомъ, для разрѣшенія котораго признано было необходимымъ допустить присоединеніе къ вотчинамъ квоты въ лифляндской губерніи, и что такимъ образомъ и самыя условія отрѣзки этой $^1/_6$ части въ эстляндской губерніи однородны съ условіями присоединенія лифляндской квоты. Это подтверждается еще и тѣмъ, что выраженная въ 9 ст. положенія неотъемлемость правъ крестьянъ на арендную землю въ принципѣ установлена была самимъ дворянствомъ, еще на ландтагѣ 1842 года, вслѣдствіе чего Высочайше учрежденные въ 1846 году „приготовительный и главный комитеты объ эстляндскихъ крестьянахъ“, тогда-же ходатайствовали о Высочайшемъ утвержденіи этой мѣры. Высочайшее соизволеніе, дѣйствительно, послѣдовало, и въ рескриптѣ на имя дворянства, отъ 9-го іюня 1846 года, ему изъявлено за это Всемилостивѣйшее одобреніе. Вслѣдъ за тѣмъ на ландтагѣ 1847 года дворянство постановило, что $^1/_6$ часть крестьянской земли должна быть отграничиваема для поселенія на ней при отмѣнѣ барщины помѣщичьихъ рабочихъ. Но изъ представленнаго дворянствомъ проэкта положенія, оказалось, что, въ прямое отступленіе отъ упомянутыхъ постановленій ландтага 1847 года, дворянству должно быть предоставлено право произвольнаго распоряженія всею землею какъ крестьянскою, такъ и мызною. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что помянутая $^1/_6$ доля крестьянской земли, въ эстляндской губерніи, подобно лифляндской квотѣ, имѣетъ вполнѣ опредѣленное назначеніе: служить для надѣленія безземельныхъ работниковъ и, до сихъ поръ, цѣли своей не достигаетъ.

Что касается до количества крестьянскихъ земель не получившихъ назначенія опредѣленнаго имъ Высочайшими повелѣніями, то оно очень значительно:

въ лифляндской губерніи всей мызной земли 2.114.462 дес., крестьянской—1.490.785 дес., а часть крестьянской земли, ожи-

дающей назначенія, опредѣленнаго ей Высочайшимъ повелѣніемъ 13-го ноября 1860 года, составляетъ около 243.648 десятинъ;

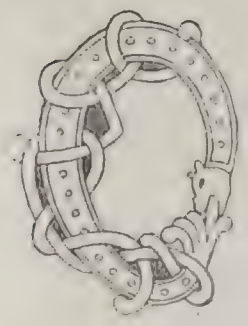
въ эстляндской губерніи всей мызной земли 1.039.890 дес., крестьянской — 675.815 дес., а крестьянской земли, не получившей назначенія Всемилостивѣйше одобреннаго 9-го іюня 1846 года — около 104.250 десятинъ.

Повторяемъ то, что уже выше сказали: въ балтійскихъ губерніяхъ очень много того или другаго, подлежащаго, какъ это видно изъ новѣйшихъ законодательныхъ мѣропріятій, непосредственнымъ измѣненіямъ и земельный вопросъ надо оставить болѣе или менѣе далекому будущему. Нельзя, однако, не упомянуть здѣсь что когда Императоръ Николай I, въ 1836 году, задумалъ улучшить бытъ крестьянъ и поручилъ это дѣло П. Д. Киселеву, впослѣдствіи графу, то тогдашній министръ финансовъ графъ Канкринъ явился тоже со своимъ проэктомъ. По его мнѣнію, освобожденіе крестьянъ должно было идти „тремя ступенями“ и третьею, лучшею, послѣднею ступенью — было обращеніе ихъ въ положеніе крестьянъ остзейскихъ, т.-е. графъ предполагалъ освободить ихъ безъ земли и обязать обработывать помѣщичьи земли на основаніи договоровъ. Графъ Канкринъ, какъ извѣстно, былъ совершенно отстраненъ Императоромъ Николаемъ I отъ участія въ этомъ дѣлѣ первостепенной государственой важности, и правильное направленіе его принадлежало всецѣло Императорамъ Николаю I и Александру II.

Отъѣздъ Ихъ Высочествъ изъ Везенберга въ Нарву по желѣзной дорогѣ послѣдовалъ въ $3^1/_2$ часа. Проводы были также глубоко почтительны какъ и встрѣча, и маленькій вокзалъ едва вмѣщалъ въ себѣ людей, пожелавшихъ видѣть еще разъ Августѣйшихъ Путешественниковъ. Къ 7 часамъ вечера глянули вершины древнихъ башенъ Нарвы, одного изъ красивѣйшихъ городовъ всей неоглядной Россіи. Нарва — пограничный городъ балтійскаго края къ сторонѣ Петербурга, и въ ней сегодня, какъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, встрѣча тѣхъ-же двухъ элементовъ русскаго и нѣмецкаго; но тогда, при Іоаннѣ, это было далеко отъ столицы, отъ Москвы, гдѣ-то на окраинѣ, а теперь — въ шести часахъ желѣзнодорожнаго пути отъ Петербурга.

НАРВА.

Красивый видъ города. Соборъ Спасо-Преображенія. Историческое о Нарвѣ. Двѣ башни. Осада 1700 и 1704 года. Двѣ собственноручныя расправы Петра I. Анна Крамеръ. Рѣка Нарова. Штиглицовская мануфактура. Водопадъ. Служебныя посѣщенія. Осмотръ Иванъ-городской крѣпости и Гермейстерскаго замка. Историческое. Дворецъ Петра Великаго и ратуша. Ихъ замѣчательности. Осмотръ Кренгольмской мануфактуры. Отъѣздъ къ Усть-Нарвѣ.



чень хорошъ былъ вечеръ въ день пріѣзда Ихъ Высочествъ въ Нарву, 2 іюля, и древнія очертанія города, въ которыхъ чередовались высокія башни замковъ, купола и шпили, многихъ старыхъ и далеко не старыхъ церквей, проступали очень четко по блѣдноголубому небу. При началѣ путешествія Ихъ Высочествъ красивою декораціей, высоко надъ моремъ, располагаясь по Вышгородской горѣ, поднимались шпили церквей Ревеля и рыцарская башня Длиннаго Германа; здѣсь, въ Нарвѣ, основныя черты декораціи, кромѣ моря, тѣ же, имѣется тоже башня Длинный Германъ, а, вмѣсто моря, въ скалистыхъ берегахъ шумитъ и пѣнится глубокосиняя Нарова. Надо быть совершенно несправедливымъ, чтобы не признать, что Нарва, въ своей совокупности, не исключая, конечно, водопада и мануфактуръ, одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ нашихъ, и нельзя, поистинѣ, не удивляться тому, какъ это ее, Нарву, находящуюся всего въ шести часахъ желѣзнодорожнаго пути отъ Петербурга, посѣщаютъ такъ мало. Въ ней есть что посмотрѣть, есть о чемъ вспомнить, есть чему поучиться. Къ пріѣзду Ихъ Высочествъ городъ разукрасился цвѣтами и фла-

гами, и пестрѣли толпы, узорчато разбросанныя по волнистой мѣстности. На вокзалѣ Августѣйшіе Путешественники встрѣчены представителями властей и депутатами отъ города, поднесшими обычную хлѣбъ-соль. Здѣсь же представился Ихъ Высочествамъ вторично начальникъ петербургской губерніи Лутковскій, уже представлявшійся въ Гдовѣ, но не откланялся еще и начальникъ эстляндской губерніи, князь Шаховской, такъ какъ Нарва, въ придачу ко всѣмъ своимъ характерностямъ, имѣетъ еще и ту особенность, что она находится въ вѣдѣніи двухъ губернаторовъ: Кренгольмская мануфактура и съ полсотни городскихъ домовъ расположены въ эстляндской губерніи, а остальное — въ петербургской, такъ, что тутъ имѣлись налицо и уѣздный исправникъ, и уѣздный гакенрихтеръ. Только съ 1-го минувшаго іюня, по дѣламъ судебнымъ, Нарва подчинена вполнѣ эстляндскому губернскому прокурору.

Съ вокзала Ихъ Высочества направились въ городской соборъ, гдѣ были встрѣчены духовенствомъ и прослушали молитвословіе. Соборъ Спасо-Преображенія, съ 1708 года православный, былъ, какъ это доказываетъ историкъ Нарвы—Ганзенъ, еще въ самомъ началѣ XVI вѣка, въ 1502 году, единственною, за время рыцарскаго ордена, и древнѣйшею церковью города; можетъ-быть, онъ существовалъ еще до рыцарей, и такъ какъ цѣлый рядъ пожаровъ и разрушеній, послѣдовательно уничтожавшихъ Нарву, никогда вполнѣ церкви этой не коснулся, то и представляетъ она, хотя и не совсѣмъ въ древнемъ обличіи, свидѣтеля временъ самыхъ далекихъ. Была она, въ свое время, католическою, сдѣлалась лютеранскою и стала, наконецъ, въ присутствіи самаго Петра и Его Августѣйшаго Семейства, православною. Соборъ о трехъ корабляхъ, трехъ придѣлахъ; десять готическихъ шестигранныхъ столбовъ, острые парусные своды, канцель крашеный въ голубое съ золотомъ, черепа надъ входною дверью, — напоминаютъ о его неправославномъ кладбищенскомъ происхожденіи; имѣется царское мѣсто; запрестольный образъ изображаетъ Тайную Вечерю. Въ соборѣ есть и посегодня надгробныя плиты 1314 года, но онѣ покрыты деревяннымъ поломъ; стѣны имѣютъ до сажени толщины. Вся алтарная часть пристроена позже и отдѣляется отъ храма стѣной съ царскими вратами и двумя дверями. Колокольня — круглый

столбъ въ 24 сажени вышины — построена въ 1642 году и строилась цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ.

Изъ собора Ихъ Высочества прослѣдовали въ отведенный для Ихъ помѣщенія домъ, гдѣ состоялось представленіе властей, и уже позже направились на фабрики барона Штиглица, составляющія часть грандіозныхъ мануфактуръ, расположенныхъ на самомъ водопадѣ и, такъ-сказать, старающихся заслонить его. Здѣсь, опять-таки, посѣщена прежде всего лежащая въ паркѣ православная церковь, совершенно новая, красивая, освященная въ 1875 году, построенная по плану архитектора Кракау, съ шатровою колокольней, подъ которою входъ въ церковь, съ пятью луковичными куполами надъ цѣлою системой плоскихъ кокошниковъ. Внутри церкви, надъ невысокимъ двухъяруснымъ иконостасомъ, бросается въ глаза и царитъ надъ всѣмъ храмомъ громадный фрескъ, работы Плѣшанова, съ картона Бруни, изображающій одинъ изъ моментовъ Откровенія Іоаннова, глава IV. Это — совершенно исключительно-видное расположеніе фреска; онъ преобладаетъ надъ всею церковью и внушительно смотритъ на моляшихся своими громадными апокалипсическими изображеніями — чрезвычайно благодарный архитектурный мотивъ. Справа отъ алтаря сходъ по бѣлой мраморной лѣстницѣ въ склепъ церкви, гдѣ покоятся баронъ Штиглицъ и его жена; надъ могилами ихъ бѣлыя мраморныя гробницы; множество посохшихъ цвѣтовъ и вѣнковъ съ различными надписями прислонились къ бѣлымъ мраморнымъ стѣнамъ склепа, на память о днѣ погребенія.

Отслушавъ въ храмѣ краткое молитвословіе и посѣтивъ склепъ, Ихъ Высочества направились въ экипажѣ къ недалекимъ отсюда фабрикамъ; путь шелъ по хорошенькимъ аллеямъ, и зданія фабрикъ, возвышающіяся надъ пучиной Нарвскаго водопада, не замедлили подняться передъ нами. Несмотря на свое большое историческое прошедшее, полное самыхъ долгихъ и спорныхъ войнъ, при встрѣчѣ двухъ міровоззрѣній — славянскаго и германскаго, Нарва въ настоящую минуту питается, если можно такъ выразиться, своими мануфактурами, колоссальнѣйшими созданіями современности, какъ бы сдавившими водопадъ, одно изъ роскошнѣйшихъ явленій нашей сѣверной природы. Право, трудно разобраться въ тѣхъ впечатлѣніяхъ

которыя невольно одолѣваютъ посѣтителя: жалѣть ли о дикой, пустынной красотѣ водопада, навсегда утраченной? удивляться ли или радоваться могуществу мысли человѣка, одолѣвающей неизмѣримыя силы природы и загораживающей своею торговою предпріимчивостью эту чудесную красоту? сто тысячъ лошадиныхъ силъ шумитъ въ водопадѣ налицо, такъ какъ онъ низвергаетъ по 60.000 куб. футовъ въ секунду, а на 1.000 силъ нужны 600 куб. футовъ; всѣми мануфактурами, стоящимъ надъ нимъ, взято въ работу только около 10.000 силъ (7.000 Кренгольмскою и 3.000 барона Штиглица), слѣдовательно $^{9}/_{10}$ могущества водопада еще и сегодня потрачиваются на безумный ревъ и гроходъ, на безполезное подтачиваніе несокрушимыхъ скалъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти силы долгое время гуляющими не будутъ.

Здѣсь, въ Нарвѣ, на шумной и быстрой рѣкѣ Наровѣ, уже съ 1223 года толпились датчане, затѣмъ нѣмцы, затѣмъ шведы, но еще раньше были тутъ русскіе, и мѣсто называлось Ругодивъ. Нѣмецкіе рыцари, эти крестоносные банкиры и ростовщики балтійскаго побережья, купили городокъ у датчанъ въ 1347 году. XVI и XVII столѣтія — это длинный рядъ войнъ, и самыхъ кровавыхъ, за обладаніе этимъ мѣстомъ. Іоаннъ III, въ 1492 году, ставитъ противъ нѣмецкаго замка, высившагося на лѣвомъ берегу Наровы, свой замокъ Иванъ-Городъ, на правомъ; оба они держатся и по сегодня въ своихъ могущественныхъ сухихъ очертаніяхъ; въ 1700 году осаждалъ Нарву, отъ сентября до ноября Петръ I, но неудачно, и только въ 1704 году, послѣ четырехмѣсячной осады и десятидневнаго бомбардированія, взялъ и городъ и крѣпость, въ августѣ мѣсяцѣ. Различны были дни боя въ 1700 и 1704 годахъ; въ 1700 году вѣяла въ лицо русскимъ могучая ноябрьская снѣжная буря, и остатки отступившей арміи были спасены стойкостью новосозданныхъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго; въ день окончательнаго покоренія Нарвы, въ 1704 году, напротивъ того, стояла ясная августовская погода. Но различіе погоды и исхода боя вполнѣ покрывались однообразіемъ послѣдствій: груды убитыхъ сваливались въ Нарову, и долгое время жители города не могли употреблять въ пищу мѣстныхъ угрей откармливавшихся этими трупами. „Не чужая эта кровь, а русская!“ воскликнулъ Петръ, бросая по взятіи

города свой мечъ на столъ, мечъ которымъ, въѣзжая въ городъ бокъ-о-бокъ съ фельдмаршаломъ-лейтенантомъ Огильви, собственноручно закололъ онъ одного изъ грабившихъ солдатъ своихъ, и доказалъ этою расправой къ какимъ средствамъ надо было прибѣгать чтобъ удержать остервенѣніе давнишней, столѣтіями вскормленной ненависти. Еще и доселѣ слышится въ Нарвѣ та могучая пощечина — о ней разказываетъ біографъ Карла XII. Адлерфельдъ, — которую далъ Петръ Великій шведскому коменданту Горну, передъ тѣмъ чтобы запереть его въ казематъ и заставить испытать на себѣ тѣ сладости крѣпостнаго заключенія которыя заставлялъ онъ такъ старательно испытывать русскихъ плѣнныхъ.

Свидѣтелей обоихъ послѣднихъ фактовъ было въ свое время много: одна изъ разскащицъ — это Анна Крамеръ, дочь нарвскаго нотаріуса. Она, вмѣстѣ съ тысячами другихъ, была, нѣкогда, сослана Петромъ I въ Россію, именно въ Вологду, въ то время, когда въ Царѣ явилось сомнѣніе въ вѣрности жителей Нарвы и Дерпта; жители ихъ въ 1708 году отправлены были гуртомъ въ мѣста болѣе отдаленныя, и оба города въ конецъ запустѣли. Анна Крамеръ поступила служить въ домъ генерала Апраксина, въ Казани, отъ него перешла въ Петербургъ къ генералу Балку, а отъ него къ извѣстной Гамильтонъ, послѣ казни которой поступила на должность камерфрау къ императрицѣ Екатеринѣ I; она сопровождала Ихъ Величества въ 1716 году въ Голландію, и когда царевичъ Алексѣй Петровичъ неожиданно скончался въ Петропавловской крѣпости, Петръ I взялъ Крамеръ съ собою въ крѣпость, гдѣ она прибрала и одѣла останки скончавшагося. Позже Крамеръ состояла при принцессѣ Наталіи, по смерти которой удалилась подъ Нарву и умерла въ глубокой старости въ 1770 году, въ имѣніи, подаренномъ ей Императрицей. Слѣдуетъ вспомнить, что императрица Екатерина I, имѣвшая своею камерфрау Крамеръ, была пріемною дочерью пробста Глюка въ недалекомъ отсюда Маріенбургѣ и взята въ плѣнъ войсками Шереметева въ 1702 году.

Мало городовъ, сохранившихъ до такой степени четко планировку далекихъ дней, какъ Нарва. При небольшомъ усиліи воображенія можно составить себѣ полную картину ея средневѣковой физіогноміи, хотя бы такъ, какъ изображена она въ

рисункахъ Олеарія, бывшаго тутъ въ 1636 году въ теченіе однихъ только сутокъ; нѣкоторые рисунки, помѣщенные въ его изданіи, доставлены ему, вѣроятно, позже, но — какъ не узнать въ томъ, что видно сегодня, того, что было 250 лѣтъ назадъ? этому главная причина въ самой мѣстности: рѣки Наровы изъ ея отвѣсныхъ, скалистыхъ береговъ отвести нельзя, и оба центральные, стародавніе замка, Иванъ-городъ на одной и Длинный Германъ на другой сторонѣ, тоже не поддаются уничтоженію. Какъ стояли они другъ передъ другомъ, на двухъ противоположныхъ берегахъ, заглядывая одинъ другому во внутренніе дворы и имѣя возможность пристрѣливать въ нихъ изъ самопаловъ кого угодно, такъ стоятъ они и сегодня, не разрушенные, а, напротивъ, поддержанные и подчищенные, и служатъ жилымъ помѣщеніемъ и мѣстомъ складовъ для нашихъ войскъ. И чѣмъ полнѣе впечатлѣніе исторической жизни, тѣмъ рѣзче контрастъ, который противополагается ей тутъ, въ одной верстѣ отъ города, на самомъ водопадѣ, двумя колоссальными мануфактурами, послѣднимъ словомъ заводской техники и науки, расположенными, какъ и два старые городскіе замка, другъ противъ друга; не болѣе какъ привѣскою къ нимъ является, если можно такъ выразиться, самъ, ветхій деньми и исторіей, городъ. Къ одной изъ мануфактуръ, Штиглицовской, направились, Ихъ Высочества прямо отъ церкви, въ склепѣ которой покоится самъ баронъ.

Мѣсторасположеніе Кренгольмской и Штиглицовскихъ мануфактуръ очень красиво. На продолговатомъ островѣ Наровы, Кренгольмѣ, раздѣляющемъ рѣку, а, слѣдовательно, и водопадъ ея, ровно на двое, расположена Кренгольмская мануфактура, перерабатывающая хлопокъ; ее предстояло посѣтить Ихъ Высочествамъ на завтра; на правомъ берегу рѣки, противъ острова, помѣщаются бывшія льнопрядильная и суконная фабрики барона Штиглица, называемыя теперь „Нарвскою суконною и льнопрядильною мануфактурой“. Для того, чтобы посѣтить Кренгольмскую, направляются изъ Нарвы лѣвымъ берегомъ Наровы и переѣзжаютъ на островъ ниже водопада черезъ мостъ многораскосной системы на двухъ каменныхъ быкахъ, поднятый надъ стремниной на 35 футовъ; чтобы проѣхать на Штиглицовскую — Нарову переѣзжаютъ въ самомъ городѣ, по старому мосту, рас-

положенному какъ разъ между укрѣпленіями Иванъ-города и старонѣмецкимъ замкомъ, и направляются правымъ берегомъ.

Красивыя насажденія, раскидывающіяся подлѣ Штиглицовскихъ мануфактуръ, были изукрашены вензелями, флагами и гирляндами; болѣе чѣмъ 2500 человѣкъ рабочихъ, съ ихъ женами и дѣтьми, всѣ въ праздничныхъ одѣяніяхъ, вытянутыя шпалерами, привѣтствовали Великихъ Гостей тѣми задушевными кликами „ура!“ которые всегда такъ звучно раскатываются по нашимъ безконечнымъ пространствамъ. Что работать эти люди умѣютъ видно изъ произведеній мануфактуры, что они умѣютъ пѣть и плясать доказано было хороводами и пѣснями, раздавшимися вслѣдъ за обѣдомъ, милостиво принятымъ Ихъ Высочествами и состоявшимся на сосѣдней съ мануфактурою дачѣ Н. М. Половцевой. Тутъ же на дачѣ была устроена выставка матеріаловъ шерстяной пряжи, причемъ нужныя объясненія давалъ заслуженный директоръ суконной фабрики Пельтцеръ. Эти объясненія отчасти восполнили то, что предстояло видѣть завтра, когда замолчавшіе сегодня за позднимъ временемъ механизмы снова придутъ въ движеніе. Штиглицовскихъ мануфактуръ, стоящихъ рядомъ, какъ сказано, двѣ: суконная и льнопрядильная. Маленькая суконная фабрика возникла на этомъ мѣстѣ еще въ 1834 году; въ 1838 ею владѣла компанія на акціяхъ, и въ числѣ пайщиковъ значились сильные въ тѣ дни графы Бенкендорфъ и Нессельроде; въ 1845 дѣла компаніи ликвидированы, и фабрика куплена съ торговъ барономъ А. Л. Штиглицемъ, чѣмъ обусловилось ея роскошное возрожденіе, подъ прямымъ завѣдываніемъ отца и двухъ сыновей Пельтцеръ. Развитіе суконной фабрики видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Въ 1850 году.	Въ 1885 году.
Сдѣлано сукна	4.000 куск.	12.380 куск.
Рабочихъ	600 чел.	1.006 чел.
На сумму	275.000 руб.	1.480.000 руб.

Льнопрядильная мануфактура, стоящая подлѣ, основана самимъ барономъ Штиглицемъ въ 1851 году и ввѣрена управленію директора Киннеля, находящагося во главѣ дѣла и сегодня; ея развитіе выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ 1860 году.		Въ 1885 году.
Сдѣлано парусины . . .	38.000 куск.	100.000 куск.
Рабочихъ	525 чел.	1.300 чел.
На сумму	610.000 руб.	1.600.000 руб.

Сходны и хороши въ обѣихъ мануфактурахъ училища, больницы, библіотеки, сберегательныя кассы; въ обѣихъ есть нѣмческія общества, русское и эстонское; русскіе поютъ въ той церкви, въ склепѣ которой похороненъ Штиглицъ. Насколько умѣлъ покойный баронъ выбирать людей видно изъ того, что директора, поставленные имъ во главѣ дѣла, начальствуютъ и до сегодня, а производительность мануфактуръ за двадцать пять лѣтъ увеличилась въ нѣсколько разъ.

Значительно стемнѣло, когда Ихъ Высочества, обойдя пѣшкомъ часть мануфактуры, прослѣдовали къ самому водопаду или, лучше сказать, къ восточной половинѣ его. Крайнія струи волнъ, низвергающіяся по гранитамъ, лижутъ самыя зданія фабрики; берегъ укрѣпленъ такъ прочно, что ревъ и гулъ, пѣна и брызги только потѣшаютъ идущаго надъ ними; главная линія паденія идетъ наискось Наровы. Отъ водопада Ихъ Высочества прошли въ недалекій отсюда садъ директора, расположенный надъ стремнинами рѣки, какъ разъ противъ водопада. По водопаду спускали бревна, корзины и плоты съ пылавшимъ хворостомъ, и они поглощались съ тою же ловкостью и послѣдовательностью, какъ на Кивачѣ и Иматрѣ. Разница была только въ томъ, что вода въ Кивачѣ желтовата, въ Иматрѣ темна, а въ Наровѣ она темносиняя, и бѣлизна струй на ней выдѣляется особенно ярко и отчетливо. Въ довершеніе роскошной картины вечера, поверхъ водянаго чудовища всплыла полная луна и залила своимъ серебрянымъ свѣтомъ и глубокомолчавшія, требовавшія отдыха, безконечныя зданія мануфактуръ, и ненуждающіеся въ отдыхѣ, потому что отдыхъ былъ бы смертью, гремящіе потоки водопада. Милостиво поблагодаривъ хозяевъ фабрикъ, Ихъ Высочества прослѣдовали въ городъ, освѣщенный множествомъ иллюминаціонныхъ огней. Половина Нарвскаго водопада и половина мануфактуръ были посѣщены.

Утромъ, 3 іюля, Его Высочество направился въ казарму 92-го Печорскаго полка, расположеннаго въ древне-нѣмецкомъ гермей-

стерскомъ замкѣ, изъ котораго когда-то многократно летали на русскую сторону каменныя ядра, которыхъ много было найдено въ 1835 году и съ ними болѣе 2.000 штукъ рыцарскихъ латъ и шлемовъ. При взятіи Нарвы Петромъ, нами захвачено 500 всякихъ орудій, свыше 11.000 ружей, 1.600 пистолетовъ, 8.000 пушечныхъ снарядовъ, 35.000 ручныхъ гранатъ, 2.500 центнеровъ пороху, 1.200 кирасъ и проч., что свидѣтельствуетъ о томъ, какъ прочно была вооружена крѣпость и какую важность ей придавали. Гермейстерскій замокъ, нынѣ казарма, расположенъ на небольшой возвышенности и входитъ въ общую черту укрѣпленій, въ цѣлую систему стѣнъ, дворовъ, переходовъ; собственно замокъ занимаетъ 100 квадратныхъ саженъ, и надъ нимъ высится четырехъугольная башня — Длинный Германъ — несущая свое имя отъ гермейстера, построившаго ее въ срединѣ XVI вѣка; въ башнѣ 6 ярусовъ, и съ вершины ея можно очень хорошо видѣть, что дѣлается за рѣкой внутри Ивангородской крѣпости. Она и построена для этой цѣли и высится надъ водой на 34, а надъ поверхностью холма на 24 сажени, при толщинѣ стѣнъ, въ нижней части до 2 саженъ, сохранилась хорошо, но углы реставрированы. Теска этой башни, Длинный Германъ, есть и въ Ревелѣ; тутъ, какъ и тамъ, кладка такъ хороша, что желѣзо не беретъ цемента. Изъ прежнихъ дозорныхъ вышекъ крѣпости сохранилась только одна, и, если судить по слѣдамъ арокъ, то до насъ дошли далеко не всѣ постройки; мѣстами стѣны поддержаны контрфорсами; подваловъ и казематовъ много, и лежащіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ капуста и картофель мало напоминаютъ о вздохахъ русскихъ людей, которые томились здѣсь, привожденные на цѣпь. Сохранилась цистерна въ 12 саженъ глубины, до уровня Наровы. Его Высочество обошелъ казармы и выслушивалъ подробныя объясненія.

Отъ гермейстерскаго замка черезъ Нарову Великій Князь прослѣдовалъ въ Ивангородскую крѣпость, лежащую напротивъ. Сколько разъ съ обоихъ враждебныхъ береговъ стрѣляли здѣсь на выборъ въ того или другаго человѣка, наши и въ нашихъ! но теперь существуетъ нѣкоторое единеніе. Почти 400 лѣтъ тому назадъ Іоаннъ III основалъ Ивангородскую крѣпость; въ „формулярѣ“ крѣпости Нарвы обозначенъ день ея построенія, а гора, на которой она построена, названа „Дѣвичьею“; построена

крѣпость во время перемирія съ ливонскимъ орденомъ, иначе ее никогда не позволили бы выстроить. Много разъ переходили какъ Иванъ-городъ, такъ и Нарва, изъ рукъ въ руки, отъ русскихъ къ шведамъ и обратно. Насколько готовыми ежеминутно къ бою жили тутъ люди, видно изъ того, что однажды, въ 1558 году, когда въ городѣ вспыхнулъ страшный пожаръ, русскіе неожиданно перешли рѣку и взяли Нарву. Когда въ 1590 году, царь Ѳедоръ Ивановичъ, какъ побѣдитель, въѣзжалъ въ Иванъ-городъ, то въѣзжалъ онъ въ очень любопытной каретѣ, имѣвшей печь съ трубой, и везли карету люди; въ 1611 году былъ здѣсь свой Лжедимитрій, дьяконъ Исидоръ. Двое изъ лицъ, получившихъ здѣсь историческое имя, отправились отсюда на вѣчный покой въ ревельскія церкви: одинъ изъ нихъ Понтусъ-де-ла-Гарди, шведскій полководецъ, утонувшій въ Наровѣ, потому что отъ рева пушекъ Ивангородской крѣпости старое судно, на которомъ онъ находился, разсѣлось, а другой — герцогъ де-Кроа, пришлый къ намъ герцогъ, начальствовавшій надъ нашими войсками подъ Нарвой въ 1700 году, во время ихъ пораженія, и лежавшій въ Ревелѣ не одинъ десятокъ лѣтъ несхороненнымъ.

И здѣсь, какъ въ гермейстерскомъ замкѣ, Великій Князь подробно осматривалъ старыя тройныя стѣны, трехъ и четырехъярусныя башни: ихъ было десять; посѣщена была Успенская церковь, почти прислонившаяся къ крѣпостной стѣнѣ; прослушавъ краткое молитвословіе, Его Высочество поклонился чудотворной иконѣ Тихвинской Божіей Матери, ликъ которой послѣ пожара остался „въ попелѣ цѣлъ“, какъ говоритъ псковская лѣтопись; имѣется въ крѣпости и обыденная церковь или часовня, времени Іоанна IV, но древняго въ ней, кажется, одни только воспоминанія. Вслѣдъ за крѣпостью посѣщены: больница ямбургскаго земства на пятнадцать кроватей и богадѣльня почетнаго гражданина Орлова на двадцать человѣкъ женщинъ и мужчинъ.

Отъ богадѣльни Орлова Великій Князь продолжалъ осмотры и посѣщенія вмѣстѣ съ Ея Высочествомъ; они начаты съ дворца Петра Великаго. Это небольшое зданіе, съ балкона котораго прелестный видъ на Нарову, Ивангородскую крѣпость и форштаты, замѣчательно по цѣльности впечатлѣнія, имъ производимаго; зданіе, въ особенности относительно внутренняго убранства,

должно быть отнесено къ образчикамъ самымъ характернымъ, дающимъ полную картинку дома довольно богатаго человѣка конца XVII, начала XVIII вѣка. Зданіе пріобрѣтено въ собственность короны отъ одного изъ нарвскихъ бюргеровъ въ 1726 году, принадлежитъ съ 1865 года нарвскому археологическому обществу, и, если не считать кое-какихъ мебелей новѣйшаго издѣлія, внесенныхъ въ него сравнительно недавно, сохранило свою типичность вполнѣ. Оно двухъэтажное съ подъѣздомъ на четырехъ колонкахъ, и весь интересъ сосредоточивается въ верхнемъ этажѣ, къ которому приходится подняться изъ сѣней по невысокой лѣстницѣ. Здѣсь имѣются—прихожая, зала и семь комнатъ. Плафонъ прихожей снабженъ изображеніями и надписями, ихъ сопровождающими: изображенъ руль и при немъ дано объясненіе „надъ водами власть имѣетъ“, горящая бомба — „горе кому достанется“, якорь — „ничто сего не страшитъ“, пила, на одномъ концѣ ея мечь, на другомъ медаль или деньга, подпись: „что сіе можетъ“; менѣе понятны слѣдующія два изображенія: двухъэтажная башня съ надписью: — „непостоянство мнѣ порочно“, и купидонъ, парящій на орлѣ, — „высокі іщетъ“. Художественнаго достоинства въ изображеніяхъ нѣтъ никакого, что можетъ быть сказано и относительно громаднаго парусиннаго плафона, съ изображеніями Минервы и другихъ фигуръ, покрывающаго залу, но характерности очень много. Въ залѣ замѣчательны: массивный шкапъ 1647 года, хранящій дубинку Петра, бокалы и т. п., и прочая мебель; вѣроятно современны, но плохи, портреты Петра I, Екатерины II, Карла XII и князя Меншикова; очень жестки и неудобна кровать Петра I, подъ завѣсью; любопытны голландскіе ландшафты съ видомъ Нарвскаго водопада до постройки на немъ мануфактуръ, угломѣрные инструменты, бюро Петра I, 1702 года, восьмиугольный столъ съ изображеніемъ на немъ Балтійскаго моря масляною краской, гробъ какого-то шведскаго полковника, тоже относящійся почему-то къ мебели и пр. Въ одной изъ комнатъ помѣщена коллекція древностей нарвскаго археологическаго общества; Его Высочество особенно долго останавливался надъ собраніемъ монетъ.

Еще типичнѣе общее впечатлѣніе городской ратуши, къ которой Ихъ Высочества прослѣдовали изъ дворца. Передъ нею,

какъ и подобаетъ, площадь съ памятникомъ; лѣстничка съ крутыми ступенями, крыша съ крутыми скатами, башенка съ фонарикомъ надъ срединой фасада, и много, много воспоминаній. Въ большой залѣ подобающіе портреты, звѣздное небо, зодіакъ, опять-таки парусинный, раскрашенный аллегоріями, плафонъ; тутъ, въ этой залѣ, согласно одному изъ преданій, далъ Петръ I знаменитую пощечину коменданту Горну. Совершенно переноситъ васъ въ былое время зала магистрата со всею старинною обстановкой, съ массивными сѣдалищами, обитыми краснымъ сукномъ; подлѣ стола три сѣдалища: на среднемъ сидѣлъ бургграфъ, сбоку бургомистръ юстиціи, съ другаго бургомистръ полиціи, на десяти боковыхъ мѣстахъ сидѣли ратманы. Кто-то будетъ сидѣть на этихъ стульяхъ въ скоромъ времени памятью магистрата и фохтейскаго суда? Нарва — петербургской губерніи, но только еще недавно получилъ въ ней подобающее значеніе русскій элементъ: въ здѣшней думѣ, кажется, 42 человѣка, изъ нихъ голова и 30 гласныхъ — русскіе; но что скажутъ слѣдующіе выборы? тяготѣніе многихъ, даже въ Нарвѣ, близехонько къ Петербургу, вовсе не на востокъ.

Около полудня Ихъ Высочества покинули ратушу и, осмотрѣвъ вольную пожарную команду, прослѣдовали въ Кренгольмскую мануфактуру. Опять открылся водопадъ, только другая, западная половина его, и массивныя, сплоченныя зданія другой мануфактуры; всѣ безсчетныя механизмы ея находились въ дѣйствіи, и осмотръ представлялъ большой интересъ. Островокъ Кренгольмъ, лежащій между двухъ водопадовъ-близнецовъ, еще по геніальному соображенію Петра I, представлялъ всѣ удобства для устройства на немъ фабрики; до пятидесятыхъ годовъ тутъ стояли только два первобытные лѣсопильные завода, а въ 1856 году устроена компаніей бумаго-прядильная и ткацкая мануфактура. Въ настоящую минуту, это легко сказать, въ ней шумитъ 350.000 веретенъ, ткацкихъ станковъ 2.200, вырабатывается 480.000 пудовъ пряжи, изображающей изъ себя 30.000.000 аршинъ, которые могли бы уложиться между Петербургомъ и Москвой болѣе чѣмъ 33 раза! Водяные двигатели въ 7.000 силъ, рабочихъ 5.000 человѣкъ, и когда все это пущено въ ходъ, стучитъ, гремитъ и свищетъ, вдоль помѣщеній, обходъ которыхъ составляетъ около восьми верстъ, зрѣлище представляется дѣй-

ствительно внушительнымъ. Это одна изъ самыхъ большихъ мануфактуръ свѣта, и по порядкамъ въ ней существующимъ, по устройству помѣщеній для рабочихъ, школы, больницы и проч., не оставляетъ желать ничего лучшаго; въ сберегательной кассѣ положено рабочими около 250.000 р. Островъ Кренгольмъ, а слѣдовательно и мануфактура, входятъ, какъ мы сказали, въ составъ эстляндской губерніи, и здѣсь опять, вмѣсто исправника, имѣется налицо гакенрихтеръ. Ихъ Высочества обошли значительную часть зданій, сопровождаемые начальствующимъ персоналомъ, дававшимъ необходимыя объясненія.

Вслѣдъ за завтракомъ, состоявшимся въ импровизованномъ павильонѣ на скалахъ подлѣ самаго водопада, сквозившаго до глубины своей, до подводныхъ скалъ, яркимъ полуденнымъ освѣщеніемъ, посѣщены, по пути къ городу, новая красивая эстонская церковь, а въ самомъ городѣ — восьмиклассная мужская и семиклассная женская гимназіи, русское городское училище, лютеранская церковь и пріютъ Орлова. Почетный гражданинъ Орловъ — крупный благотворитель Нарвы; имъ устроена также та богадѣльня, которую Великій Князь посѣтилъ утромъ, такъ что милостивое слово, сказанное ему Высокими Посѣтителями, было сказано вполнѣ по заслугамъ. Отъ пріюта путь лежалъ къ православной церкви Знаменья, а оттуда вторично въ Штиглицовскую мануфактуру, работы которой вчера, за позднимъ временемъ, осмотрѣть было невозможно. По осмотрѣ работъ, къ шести часамъ вечера Августѣйшіе Путешественники находились на пароходной пристани, чтобы спуститься по рѣкѣ къ Усть-Наровѣ — Гунгербургу. Погода благопріятствовала вполнѣ, и пароходикъ отчалилъ весело, при кликахъ толпы и сопровождаемый пестрою, разукрашенною флагами флотиліей.

Усть-Нарова. Ямбургъ. Окончаніе путешествія.

Рѣка Нарова. Таможенная флотилія. Мѣновая торговля. Спасательныя станціи. Приморскія купанія. Историческое. Гросгольмъ. Памятникъ русскимъ воинамъ. Отъѣздъ въ Ямбургъ. Служебныя посѣщенія. Конецъ путешествія. Приказъ.

Берега Наровы, между городомъ Нарвою и устьемъ рѣки, довольно низки; правый берегъ—петербургская губернія, немного выше и лѣсистъ, лѣвый — эстляндская, оголенъ значительно болѣе и сосновый лѣсъ проступаетъ только подлѣ самаго моря. Ихъ Высочества слѣдовали на паровомъ баркасѣ нашей таможенной крейсерской флотиліи—„Кречетъ“; другой баркасъ „Ласточка“ сопровождалъ. Это было уже далеко не въ первый разъ, что, слѣдя за путемъ Высокихъ Путешественниковъ, паровые суда этой флотиліи — ихъ всего пять — быстрые, юркіе и дѣятельные, появлялись повсюду именно тогда, когда ихъ было нужно — при приближеніи къ морю; изучивъ до тонкости характеръ балтійскаго побережья они, не смотря на погоду, съ точностью хорошихъ часовыхъ стрѣлокъ, стояли всегда на назначенныхъ имъ мѣстахъ къ сроку и сослужили Ихъ Высочествамъ далеко не одну службу. То же было съ таможенною службою вообще при слѣдованіи Великаго Князя, въ прошломъ году по Бѣлому морю и Мурману. Здѣсь, на балтійскомъ побережьи, гдѣ многое такъ исключительно, на долю пограничной стражи вы-

нало слѣдить за однимъ изъ античнѣйшихъ видовъ торговли, за торговлею мѣновою, между Финляндіею и эстляндскою губерніею, сохранившеюся отъ далекой древности до нашихъ дней. Мѣновые торги эти, преимущественно сырыми продуктами, имѣютъ мѣсто осенью и весною и продолжаются отъ 2 до 4 недѣль въ Пурцѣ, Магольмѣ, Тольсбургѣ, Вайнопѣ, Верки, Каспервикѣ, Везо, Гаррѣ, Эзо и Фалѣ; такъ какъ, что совершенно объяснимо, они возникли въ мѣстахъ болѣе удобныхъ, то и совпали съ мѣстами расположенія пограничной стражи, подъ надзоромъ и контролемъ которой и производятся.

Отъ Нарвы до Усть-Наровы не совсѣмъ часъ пути и съ невысокой палубы „Кречета“ скоро замѣтны стали прибрежныя дюны: вправо открывалось низменное устье рѣки Россони, влѣво виднѣлись невысокія зданія Усть-Наровы, или Гунгербурга, и лѣсопильные заводы. Рѣка Россонь, въ которую завернулъ „Кречетъ“, впадаетъ въ Нарову, подлѣ самаго ея устья, а беретъ начало въ рѣкѣ Лугѣ, верстахъ въ 20-ти отъ ея впаденія въ море; глубина ея 6—8′ и только въ трехъ мѣстахъ имѣются 2—3′ мели, такъ что водное сообщеніе съ Лугою можетъ быть сдѣлано не особенно затруднительнымъ. „Кречетъ“, войдя въ Россонь, уменьшилъ ходъ, и Его Высочество ознакомился съ характеромъ береговъ небольшой рѣки этой, имѣющей, повидимому, нѣкоторое стратегическое значеніе. Пройдя осторожно между отмелями, вдоль таможенныхъ баркасовъ и спасательныхъ лодокъ, съ которыхъ отдана была Ихъ Высочествамъ честь поднятіемъ веселъ, едва не касаясь бортами своими густыхъ зарослей осоки и тростниковъ, „Кречетъ“ вышелъ снова на Нарову и, пересѣкши ее поперекъ полнымъ ходомъ, подошелъ къ пристани Гунгербурга, разукрашенной флагами, гирляндами, вензелями и цвѣтами. Все, что было постояннаго населенія и населенія пришлаго, сезонныхъ купальщиковъ и купальщицъ, большинство изъ Петербурга, имѣлось на пристани налицо и привѣтствовало Августѣйшихъ Путешественниковъ. Ихъ Высочества, сѣвъ въ экипажъ, прослѣдовали прямо къ нарядному центру Усть-Наровы — къ курзалу.

Мы упомянули только что о спасательной лодкѣ, съ которой отдана была честь Августѣйшимъ Путешественникамъ. Въ Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ находится только 5 казен-

ныхъ спасательныхъ станцій: Домеснесская, при входѣ въ Рижскій заливъ, Церрельская, на южной оконечности острова Эзеля, Филизандская, на островку съ югозападной стороны Эзеля, Гогландская, несущая имя отъ острова и, наконецъ, Нарвская, близъ самаго устья Наровы, на которомъ мы находились. Эти станціи подчинены морскому министерству и находятся въ завѣдываніи смотрителей маяковъ; остальныя спасательныя станціи учреждены обществомъ спасанія на водахъ и вѣдаются своими окружными управленіями; на каждой изъ послѣднихъ имѣется атаманъ, нанимающій, для выѣзда въ море, потребное число рулевыхъ, съ платою 3—5 рублей за выѣздъ; рулевые на казенныхъ станціяхъ получаютъ по 12 р. въ мѣсяцъ. Кромѣ станцій общество имѣетъ, кажется, 5 большихъ спасательныхъ ботовъ, которые, чередуясь по недѣлямъ, непрерывно плаваютъ въ морѣ, около двухъ самыхъ опасныхъ рифовъ Вульчеръ и Некмангрундъ, къ западу отъ острововъ Эзель и Даго. Если не ошибаемся, спасательныя станціи въ женевскую конвенцію почему-то не включены.

Усть-Наровою или Гунгербургомъ начинается длинный рядъ приморскихъ купаній финскаго и балтійскаго побережья, съ самыми типичными представителями которыхъ — Дуббельномъ и Майоренгофомъ — Ихъ Высочества ознакомились десять дней тому назадъ. Таже безконечно унылая, длинная, песчаная plage и вдоль нея, тянущійся на пять верстъ узкій рядъ строеній, дачъ, съ болѣе или менѣе простою или вычурною внѣшностью, поставленныхъ на грани сосноваго лѣса и совершенно голыхъ приморскихъ песковъ; дачи эти оживляются лѣтомъ многотысячнымъ населеніемъ, довольствующимся самымъ слабымъ разсоломъ морской воды для купанья, небольшими цвѣтничками, въ которыхъ каждая горсть земли наносная, и довольно роскошнымъ вокзаломъ, въ которомъ находятъ мѣсто обычная музыка, балы и проч. Раннею осенью, съ выѣздомъ гостей, всѣ эти дачи запираются, заколачиваются, и жизнь держится только въ остроносомъ уголку собственно Усть-Наровы, при сліяніи рѣки съ моремъ; въ этомъ настоящемъ, зимнемъ Гунгербургѣ всего 1500 жителей и вся дѣятельность сосредоточивается подлѣ лѣсопильныхъ заводовъ Кочнева и Зиновьева; къ осени уѣзжаютъ купальщики; къ зимѣ бездѣйствуютъ лоцманскія станціи, таможенная застава, спасательная станція и погасаютъ маяки.

Ничего похожаго на эту зимнюю спячку не представляла Усть-Нарова, когда, вслѣдъ Великокняжескому экипажу, къ мѣстному вокзалу, одинъ за другимъ, подкатывали другіе экипажи и собирались приглашенные къ обѣду, даваемому нарвскимъ городскимъ обществомъ. Самый обѣдъ не приводилъ, конечно, къ мысли о какой нибудь филологической связи съ именемъ Гунгербурга или лежащаго противъ него, на противоположномъ берегу Наровы, — Магербурга, несущихъ свои нѣмецкія производныя имена отъ: „голодъ“ и „худоба“. Отъ обоихъ бурговъ этихъ не осталось сегодня и слѣда, въ чемъ можно было убѣдиться при объѣздѣ Ихъ Высочествъ, до и послѣ обѣда; виднѣются кое-гдѣ по берегу рѣки Наровы сваи, вбитыя при графѣ Минихѣ въ 1764—1765 годахъ, когда, по повелѣнію Екатерины II, онъ производилъ здѣсь работы для урегулированія Наровы; гораздо замѣтнѣе ихъ очертанія брустверовъ и батарей 1855 года, построенныхъ къ началу войны; 6 іюня этого года Усть-Нарову, въ теченіе шести часовъ, бомбардировала, но безъ особаго вреда, англійская эскадра. Екатерининскихъ работъ по регулированію Наровы не возобновляли, но кое-что для порта все-таки сдѣлано: съ восьмидесятыхъ годовъ дѣйствуетъ тутъ багерная машина, и глубина фарватера съ 7 футовъ опущена до 14. Есть въ устьѣ рѣки и рыбныя ловли; довольно обильны лососки; Ихъ Высочествамъ поднесенъ $3^1/_2$ пудовой, живой осетръ. Въ 1885 году морскихъ судовъ прибыло сюда 96; импортъ составлялъ 283.000 рублей, экспортъ — 487.000.

Почти совсѣмъ стемнѣло, когда, передъ отъѣздомъ къ „Кречету“, Ихъ Высочества осчастливили своимъ посѣщеніемъ самую красивую изъ усть-наровскихъ дачъ, принадлежащую г. Гану, которому, какъ морское купанье, Усть-Нарова обязана больше другихъ; дача прелестна, напоминаетъ дворецъ въ Лазенкахъ, а павильонъ надъ моремъ повторяетъ мотивы павильона Бальбіанелло надъ Комскимъ озеромъ. „Кречетъ“ отвалилъ отъ берега уже въ совершенной темнотѣ ночи, при громкихъ кликахъ толпы, пѣньи и музыкѣ. Вдоль всего пути къ Нарвѣ, по мѣрѣ движенія „Кречета“ впередъ, вспыхивали бенгальскіе огни и зажигались громадные костры на обоихъ берегахъ Наровы и отраженія ихъ ломались безконечными зигзагами въ темныхъ струяхъ бы-

строй рѣки. Когда Ихъ Высочества проходили мимо островка Гросгольма, на которомъ къ 200-лѣтію Петра I ему поставленъ небольшой памятникъ, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ, по преданію, онъ сидѣлъ передъ взятіемъ Нарвы, на островку послѣдовали залпы, взвились безсчетныя ракеты и разсыпались огненнымъ дождемъ надъ маленькимъ памятникомъ, ярко тлѣвшимъ своими скромными очертаніями въ безконечности темной ночи и такой же, только свѣтлой, безконечности воспоминаній о Петрѣ.

Въ девять часовъ утра 4 іюля, Ихъ Высочества, до отправленія изъ Нарвы, въ дальнѣйшій путь, въ Ямбургъ, послѣдній изъ городовъ, предстоявшій посѣщенію, прослѣдовали къ недалекому отъ дома памятнику на могилѣ нашихъ воиновъ, павшихъ при взятіи Нарвы 9 августа 1704 года. Памятникъ этотъ, желѣзный крестъ, поставленъ очень красиво на древнемъ валу „Викторія“, съ котораго начался штурмъ. Къ памятнику подходятъ по саду, составляющему одно изъ украшеній Нарвы и раскинутому вдоль высокой терассы, тянущейся надъ Наровою. Видъ изъ этого сада на рѣку, на Иванъ-городъ, на длиннаго Германа, на самый городъ—замѣчательно хорошъ. Терасса упирается въ небольшой павильонъ и подлѣ него стоитъ самый памятникъ. Очертаніе стараго вала замѣтно очень хорошо; тутъ была сдѣлана брешь, сюда подносили каторжники, за этотъ подвигъ прощенные, штурмовыя лѣстницы; отсюда очень хорошо видна вся мѣстность атаки, брешь-батареи противоположнаго берега и мѣсто переправы. Великому Князю была представлена карта 1705 года и демонстрировано по ней самое взятіе крѣпости. Ясный солнечный день и удивительная прозрачность воздуха обусловливали возможность видѣть всѣ детали мѣстности; извѣстная картина Коцебу „Взятіе Нарвы“ передаетъ ее очень хорошо. Самый памятникъ очень простъ и перенесенъ на это мѣсто только въ 1882 году; разсказывали, будто прежде на немъ была другая надпись; нынѣшняя гласитъ о „храбрыхъ воинахъ“, прежняя говорила о „русскихъ воинахъ“. Начальникъ губерніи, сопровождавшій Ихъ Высочества, немедленно сдѣлалъ распоряженіе о возстановленіи прежней редакціи.

Съ вокзала желѣзной дороги, куда Ихъ Высочества прибыли прямо отъ памятника, Великокняжескій поѣздъ, при кликахъ

народа и пожеланіяхъ счастливаго пути, оставилъ Нарву въ 10 час. утра и, находился въ Ямбургѣ чрезъ 45 минутъ, гдѣ встрѣченъ новыми кликами ура! новыми толпами и другими начальствующими лицами.

Ямбургъ — это самый восточный пунктъ, до котораго по балтійскому побережью доходили когда-то нѣмецкіе рыцари, да и то не въ качествѣ настоящихъ, чистокровныхъ, строевыхъ, а въ лицѣ авантюриста Финка, въ 1444 году, дважды напали на русскихъ и оба раза были отбиты. Ямбургъ совершенно также невзраченъ, какъ и Гдовъ; тамъ незначительная рѣка Гдова и очень видные остатки древнихъ укрѣпленій, тутъ раздѣляющая городокъ на двѣ части Луга, древнѣйшій путь новгородцевъ къ Финскому заливу, и очень мало слѣдовъ древнихъ рвовъ и валовъ; тамъ сосѣдство непривѣтливаго Чудскаго озера и совершенная удаленность отъ всякихъ пугей, — тутъ балтійская желѣзная дорога, пять часовъ пути отъ Петербурга и, все-таки, глубочайшая непричастность къ жизни, какое-то странное отшельничество на торномъ и довольно бойкомъ пути. И не смотря на это Ямбургъ не лишенъ своеобразной типичности и, даже, исключительности. Здѣсь, въ Ямбургѣ, центръ приземистыхъ городскихъ построекъ, составляетъ огромная шестигранная площадь обставленная со всѣхъ сторонъ внушительнымъ каменнымъ сооруженіемъ—казармою. Когда-то зданіе это принадлежало бумагопрядильной фабрикѣ Реша и взято въ казну за неустойку; это — монументальный центръ невеликаго городка. Ямбургъ и Копорье, какъ извѣстно, были подарены въ 1710 году князю Меншикову. Большимъ подспорьемъ бѣдныхъ жителей ямбургскаго уѣзда въ наши дни является кормленіе дѣтей Воспитательнаго дома, число которыхъ достигаетъ тутъ до 5000.

Путь Ихъ Высочествъ отъ вокзала лежалъ, мимо казармы, прямо въ городской соборъ, съ 5 куполами и довольно вычурною колокольнею; онъ построенъ при Екатеринѣ II и освященъ въ 1782 году; иконостасъ въ 3 яруса, надъ престоломъ сѣнь, покоящаяся на темныхъ мраморныхъ колоннахъ; иконъ въ соборѣ немного и впечатлѣніе довольно пусто. Легенда гласитъ, что тутъ думали поставить лютеранскую церковь, и одновременно съ этимъ православный храмъ въ Лугѣ, но случилось нѣчто странное: планы обмѣнили и православная соборная цер-

ковъ недалекой отсюда Луги имѣетъ видъ лютеранской, — а ямбургскій соборъ — несомнѣнно православныхъ очертаній.

Послѣ краткаго молитвословія состоялись служебныя посѣщенія Его Высочества: осмотрѣна 2-я рота 8-го резервнаго баталіона, управленіе воинскаго начальника, тюрьма и обойдена громадная казарма, въ которой въ зимнее время помѣщается весь 91-й Двинскій полкъ. Совмѣстно съ Ея Высочествомъ посѣщены: городское училище и земская больница на 40 кроватей, безусловно одна изъ лучшихъ земскихъ больницъ Россіи, недавно отстроенная.

Въ 2 часа пополудни Августѣйшіе Путешественники, при кликахъ всего населенія Ямбурга, столпившагося близъ вокзала, направились къ Петербургу. Оставалось немного часовъ безостановочнаго пути; день былъ чрезвычайно жаркій и къ 6 часамъ пополудни Ихъ Высочества сошли съ поѣзда на станціи Александровской, въ Царскомъ-Селѣ.

9-го Іюля, по войскамъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа былъ отданъ слѣдующій приказъ:

Посѣтивъ войска и военныя учрежденія, расположенныя въ Прибалтійскомъ краѣ, Я произвелъ смотры: пяти ротамъ 3-го, пятой ротѣ 4-го и второй и третьей ротамъ 8-го резервныхъ пѣхотныхъ баталіоновъ, повѣрилъ дѣлопроизводство управленій уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ въ Ревелѣ, Псковѣ, Гдовѣ, Гапсалѣ, Вейсенштейнѣ, Везенбергѣ и Ямбургѣ и, сверхъ того, обошелъ офицерскія собранія и казармы полковъ 23-й пѣхотной дивизіи, а также и Ревельскій мѣстный лазаретъ.

Всѣ резервныя роты отличаются бодрымъ видомъ людей, молодцоватою выправкою, вниманіемъ и тишиною во фронтѣ, вѣрнымъ исполненіемъ строевыхъ уставныхъ ученій и ловкостью въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Обмундированіе, снаряженіе и санитарное состояніе ротъ не оставляютъ желать лучшаго. Занимаемыя ротами казармы, съ хозяйственными при нихъ заведеніями, содержатся въ полномъ порядкѣ и обставлены для квартирующихъ возможными удобствами. Мнѣ было пріятно видѣть со стороны городскихъ обществъ, въ особенности въ Вейсенштейнѣ и Везенбергѣ, готовность къ обезпеченію ротъ въ квартирномъ отношеніи, указывающую на существованіе между ними и начальниками войскъ того взаимнаго довѣрія, при которомъ съ большимъ успѣхомъ можетъ примѣняться и похвальная о нижнихъ чинахъ заботливость. Пища въ дни смотровъ была вкусна, соотвѣтствовала утвержденнымъ раскладкамъ и отпускаемымъ на продовольствіе средствамъ. Хлѣбъ былъ вполнѣ удовлетворительно выпеченъ изъ доброкачественной муки и вездѣ Я нашелъ хорошій квасъ. Выводы изъ данныхъ таблицы о числѣ преданныхъ суду и подвергшихся дисциплинарнымъ взысканіямъ показы-

ваютъ, что нравственность нижнихъ чиновъ въ осмотрѣнныхъ частяхъ весьма хороша. При подробномъ изученіи обстановки поименованныхъ ротъ на мѣстѣ, Я не могъ, къ истинному удовольствію, не вынести самаго отраднаго впечатлѣнія о всестороннемъ ихъ благоустройствѣ. Желаю лишь такого зоркаго исполненія нижними чинами обязанностей караульной и конвойной службы, чтобы, несмотря на неудовлетворительное состояніе многихъ тюремъ и этапныхъ домовъ, побѣги арестантовъ изъ мѣстъ заключенія и въ пути были-бы немыслимы.

Состояніе управленій уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ въ вышепоименованныхъ городахъ Я нашелъ, за исключеніемъ на мѣстѣ сдѣланныхъ частныхъ указаній, вообще въ совершенной исправности. Всѣ управленія удобно помѣщены въ хорошо содержимыхъ зданіяхъ и должнымъ образомъ обставлены. Произведенная Мною повѣрка мобилизаціонной отчетности, почти вездѣ уже введенной согласно вновь утвержденныхъ для нея правилъ, показала не только въ этомъ отношеніи исправность управленій, но, въ особенности, обнаружила и сравнительно высокую степень личной, столь необходимой для успѣха дѣла, подготовки уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

Хотя въ Ревелѣ Я и засталъ полки 1-й бригады 23-й пѣхотной дивизіи, но, въ виду участія ихъ въ Красносельскомъ лагерѣ. Мои смотры имъ въ мѣстахъ ихъ постояннаго квартированія ограничились лишь ознакомленіемъ съ тѣми сторонами войсковаго быта, изученіе которыхъ затруднительно въ лагерѣ. Офицерскія собранія и полковыя канцеляріи 89-го пѣхотнаго Бѣломорскаго и 90-го пѣхотнаго Онежскаго полковъ Я нашелъ въ образцовомъ состояніи. На Меня произвело самое отрадное впечатлѣніе то попечительное отношеніе начальства къ положенію офицеровъ, которое, проявляясь на каждомъ шагу въ направленіи ихъ умственныхъ занятій, устройствѣ столовыхъ, библіотекъ, шваленъ и разнообразіи самой жизни, столь необходимо при квартированіи въ краѣ, гдѣ всѣ интересы офицерскихъ обществъ еще исключительно сосредоточиваются въ нихъ самихъ. Не менѣе доволенъ Я состояніемъ Мною просмотрѣннаго мобилизаціоннаго плана 90-го Онежскаго полка, предусматривающаго самыя незначительныя, но въ дѣйствительности не лишенныя важнаго значенія распоряженія, а также ходомъ испытанія въ 89-мъ Бѣломорскомъ полку вновь проектированной по хозяйству отчетности-о чемъ Я выслушалъ и личный, весьма обстоятельный, докладъ завѣдывающаго въ полку хозяйствомъ. Посѣщеніе бригадной церкви, манежа, пріемнаго покоя, полковыхъ прачешныхъ, батарейныхъ и новыхъ городскихъ казармъ доставило Мнѣ истинное удовольствіе. Не смотря на сравнительно малую вмѣстимость казармъ, люди въ нихъ размѣщены съ возможными удобствами, благодаря умѣнью каждому углу дать должное употребленіе и введенію въ батарейныхъ казармахъ общаго хлѣбопеченія и болѣе сосредоточенной варки пищи, при которыхъ представилась возможность достигнуть сокращенія въ хозяйственныхъ помѣщеніяхъ для возможнаго увеличенія числа солдатскихъ камеръ. При обходѣ казармъ, Я убѣдился въ здоровомъ и веселомъ видѣ нижнихъ чиновъ, отличномъ ихъ обмундированіи, доволь-

ствіи вполнѣ доброкачественною пищею, поддержаніи тщательной чистоты и укорененіи по всюду примѣрнаго порядка. При такомъ правильномъ и сердечномъ отношеніи ближайшаго начальства къ возможно полному и всестороннему улучшенію солдатскаго быта, въ существованіи котораго убѣждаютъ и условія Мнѣ извѣстнаго веденія въ 23-й дивизіи ротнаго хозяйства, свято ограждающія благосостояніе ротъ, не можетъ быть сомнѣнія, что и строевая подготовка полковъ должна удовлетворять современнымъ отъ нея требованіямъ. Вслѣдствіе пріѣзда Моего въ Ямбургъ и Нарву уже по выходѣ пѣхотныхъ полковъ 91-го Двинскаго и 92-го Печерскаго въ Красное-Село, Я ограничился осмотромъ лишь казармъ этихъ двухъ полковъ и не встрѣтилъ въ нихъ никакихъ упущеній.

Состояніе лазаретовъ: своднаго 2-й бригады 23-й пѣхотной дивизіи въ Ямбургѣ, 146-го пѣхотнаго Царицинскаго полка въ Псковѣ и Ревельскаго мѣстнаго — Я нашелъ вполнѣ удовлетворительнымъ; содержаніе больныхъ хорошее, и въ ихъ отвѣтахъ на Мои вопросы можно было замѣтить выраженіе признательности за оказываемое къ нимъ участіе и попечительный уходъ. Необходимо принять лишь мѣры къ улучшенію зимняго помѣщенія Ревельскаго мѣстнаго лазарета. Призрѣніе больныхъ воинскихъ чиновъ въ Мною посѣщенныхъ городскихъ и земскихъ больницахъ обставлено сравнительно менѣе благопріятно, хотя стоимость ихъ содержанія много превышаетъ соотвѣтствующій расходъ войсковыхъ лазаретовъ.

Ознакомясь съ положеніемъ Высочайше ввѣренныхъ Мнѣ войскъ и управленій въ вышепоименованныхъ городахъ, Я долженъ удостовѣрить ихъ полную исправность и отмѣтить повсюду проявляющуюся примѣрную преданность г.г. офицеровъ своему долгу, заслуживающую полной похвалы.

Подписалъ:

Главнокомандующій войсками, Генералъ-Адъютантъ *ВЛАДИМІРЪ.*

Оглавленіе.

1886 годъ.

стр.

ОЧЕРКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ. 1

ТРАНЗУНДЪ. ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. ИМАТРА. Портретъ „Олафа“. Посѣщеніе Бьерке. Транзундскій архипелагъ и рейдъ. Двѣ Чичаговскія побѣды. Практическая эскадра. Путь къ Вильманстранду. Сайменское озеро. Харрака. Истокъ Вуоксы. Рыбная ловля. Путь къ Иматрѣ. Сравненіе ея съ другими водопадами. Фантазія финляндскаго поэта Топеліуса. Отъѣздъ въ Выборгъ. 14

ВЫБОРГЪ. Древность Выборга. Взятіе его Петромъ I. Нынѣшнее его торговое значеніе. Паркъ Монрепо и его исторія. Поэтическія арабески. Казармы 8-го финскаго баталіона. Осмотръ крѣпостныхъ верковъ. Древній Шлоссъ. Отъѣздъ въ Ревель. 25

РЕВЕЛЬ. Красивая панорама Ревеля. Прибытіе и посѣщеніе Преображенскаго собора и эстонской церкви. Вышгородскій замокъ. Выставка лошадей. Историческое. Орденъ Данеборга Возстанія эстовъ. Встрѣча русскаго и нѣмецкаго вліяній. Зависимость отъ датчанъ и шведовъ. Покупка дворянскихъ привиллегій. Борьба рыцарей и бюргеровъ. Монастырь Св. Бригитты. Его особенности. Взятіе Ревеля русскими. Позднѣйшая судьба. Типичность Ревеля. Посѣщеніе Домкирхе. Екатеринентальскій дворецъ. Его исторія. Различныя народности. Обѣдъ въ риттергаузѣ. Что такое матрикулованное дворянство? Факельное шествіе. Служебныя посѣщенія. Представленіе эстонскихъ обществъ. „Лотусъ“ и „Гусли“. Училища. Церкви Олая и Николая и ихъ замѣчательности. Дюкъ-де Кроа. Гильдія Св. Канута. Странности присяги. Черноголовые и ихъ особенности. Что такое городскія гвардіи? Храмъ Св. Николая. Скачка на Лаксбергѣ. Нахтвехтеры. Цифровыя данныя. 34

стр.

БАЛТІЙСКІЙ ПОРТЪ. ГАПСАЛЬ. Пакеропгскій маякъ. Апельсинный портъ и апельсинная желѣзная дорога. Обрусѣніе этихъ мѣстъ. Попытки устройства порта. Петровскія укрѣпленія. Проливы Монзунда. Прибытіе въ Гапсаль. Историческое. Грабежъ по довѣренности. Крещеніе страны съ двухъ сторонъ. Древній замокъ. Легенды. Петръ I, дворянинъ Раммъ, баронесса Унгернъ-Штернбергъ. Русская церковь. Общее о купаньи. 60

ПЕРНОВЪ. Общій видъ города. Шествіе обществъ. Исторія вражды Стараго и Новаго Пернова. Нынѣшнее значеніе магистратовъ и гильдій. Граница между эстами и латышами; возможность раздѣленія епархіи. 70

АРЕНСБУРГЪ. Островъ Эзель. Убранство города. Риттергаузъ. Грязелѣчебныя заведенія. Нѣчто объ островахъ. Исторія, легенды, геологія. Замокъ. Крестьянскія горы. Замѣчательныя женскія одѣянія. Пѣсни эстовъ. Легенды о лѣнивомъ Яковѣ и виѳлеемской звѣздѣ. Подвижность земельной мѣры. Газетныя мнѣнія. 77

ВИНДАВА. Островъ Руно. Видъ на Виндаву. Неудобство балтійскихъ гаваней. Ливень. Молы. Неточность нѣмецкихъ мѣстныхъ газетъ. Православная церковь. Ознакомленіе съ рѣкою Виндавою. О возможности значенія Виндавы, какъ порта, по сравненію съ Либавою. Мнѣнія нашихъ министерствъ. Цифровыя данныя. 85

ЛИБАВА. Прибытіе въ Либаву. Прощаніе съ „Олафомъ“ и практическою эскадрою. Входъ въ гавань. Газетная вѣсть объ усиленіи прокурорскаго надзора. Нѣкоторыя особенности мѣстной юрисдикціи. Либава какъ гавань. Историческое. Курляндскіе пироги. Посѣщенія и осмотры. Цифровыя данныя. Либава какъ мѣсто купанія. Отношеніе городской думы къ русскому училищу. 93

ОТЪ ЛИБАВЫ ДО МИТАВЫ. РИНГЕНЪ. Особенности курляндскаго пейзажа. Воспоминаніе о знаменитомъ Дурбенскомъ сраженіи. Станція Рингенъ. Депутація отъ училища. Значеніе этого дѣла. Особенности школъ въ губерніи. Гривка. Исключительность нѣмецкаго вліянія. Передача лютеранскихъ школъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Противорѣчіе въ ландратской коллегіи. Невниманіе къ русскому языку. Пріѣздъ въ Митаву. 101

МИТАВА. Видъ на Митаву. Захудалость православной церкви. Пріемъ въ замкѣ. Обѣдъ въ риттергаузѣ. Предводители дворянства. Историческое. Евреи. Замокъ. Кто жилъ въ немъ? Герцогскій склепъ. Тѣло Бирона Борьба двухъ претендентовъ Морица Саксонскаго и Меншикова. Ночная свалка. Опереточный конецъ. Различныя посѣщенія. Діаконіссы. Митавская гимназія. Тюрьма. Катерининскій пріютъ благородныхъ дѣвицъ и вдовъ. Латышское общество. Отсутствіе нѣмцевъ. Выставка и ея замѣчательности. Граматы. Исторія

стр.

дворянскихъ привиллегій. Грамата Петра I и ея подтвержденія. Поѣздка въ Тетельмюнде Обезличеніе латышей. Праздникъ. Враждебныя русскимъ брошюрки. Отъѣздъ въ Ригу 108

РИГА. Прибытіе. Соборъ. Кѣмъ и какъ онъ посѣщается. Служебные осмотры. О вольной пожарной командѣ. Посѣщеніе преосвященнаго Доната. Портреты его предшественниковъ. Печальная судьба преосвященнаго Иринарха. Первое движеніе въ православіе въ 40-хъ годахъ. Историческія его причины. Обѣдъ и тосты въ домѣ Стрѣлковаго общества. Вечерняя прогулка по Двинѣ Нѣсколько историческихъ картинокъ нѣсколькихъ вѣковъ. Воспоминаніе о „редукціяхъ“. Кирхгольмскій лагерь. Обликъ Риги по сравненію съ Ревелемъ. Домкирхе и Петрикирхе. Обѣдъ въ риттергаузѣ. Домъ Черноголовыхъ. Городская ратуша. Замокъ и его исторія. Зданія большой и малой гильдій. „Литераты“ и ихъ значеніе. Петровская и нѣмецкая элементарныя школы. Александровская и Ломоносовская гимназіи. Политехническое училище, его особенности, права и корпораціи. Рижско-русскія общественныя учрежденія. Садовниковская богадѣльня. Маріинскій пріютъ и Александровское училище. Общества „Баянъ“ и „Ладо“. „Улей“. Общество отставныхъ воинскихъ чиновъ. Латышское общество. Домъ моряковъ 130

УСТЬЕ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ. ДИНАМИНДЪ. ДУББЕЛЬНЪ. Сравненіе Западной Двины съ Сѣверною. Гидротехническія работы. Шаланда. Видъ Больдераа и Динаминда. Историческое. Покупка и битва. Развитіе нашего торговаго флота. Значеніе въ немъ эстовъ и латышей. Морскія школы. Остатки ливовъ. Стрѣльба изъ пушекъ и вооруженіе верка. Открытіе новаго русскаго училища. Поѣздка въ Дуббельнъ. Балтійскія морскія купанія. Ихъ общій характеръ. Дуббельнскій вокзалъ. Возвращеніе въ Ригу 157

ИКСКЮЛЬ. ШТОКМАНСГОФЪ. Древнѣйшія пажити нѣмецкаго водворенія на прежней русской землѣ. Несостоятельность Полоцкаго княжества. Икскюль. Кокенхузенъ. Рѣчь протоіерея. Штокмансгофъ. Развалины Зельбурга. Дворянскія имѣнія — особый видъ собственности. Временныя уничтоженія ландратовъ. Положеніе, въ какое можетъ быть поставлено правительство. Прибытіе въ Якобштадтъ . . 169

ЯКОБШТАДТЪ. КРЕЙЦБУРГЪ. Возникающая церковь. Особенности края. Дальнѣйшіе форпосты нѣмцевъ. Они отодвинуты. Герцогъ Іаковъ и его мировая политика. Ополяченіе края. Судьба Иллукста. Возстанія 1831 и 1863 годовъ. Іезуиты и унія и что они дѣлали? недавнее положеніе православія. Прибалтійское братство. Пожаръ церкви въ 1884 году. Посѣщеніе храма и школы. Крейцбургъ. . . 180

ДИНАБУРГЪ. Общее впечатлѣніе города. Исторія города при полякахъ. Воспоминанія о 1812 годѣ. Улановъ и Кульневъ. Соборъ.

стр.

Оффиціальныя посѣщенія. Николаевская дамба. Раскольники. Крѣпость. Ея соборъ и его католическое былое. Видъ на Гривку. Обѣдъ въ Погулянкѣ 190

ПСКОВЪ. Общій видъ Пскова. Два историческихъ женскихъ облика. Начало Пскова. Несходства съ Новгородомъ. Каменныя стѣны. Тяготѣніе къ Москвѣ. Кремль. Дѣтинецъ. Основаніе собора. Св. Довмонтъ и Гавріилъ. Ризница. Гробницы. Открытіе памятника Александру II. Служебныя посѣщенія. Довмонтова стѣна. Выставки. Значеніе льна. Полувѣры. Рисовальная школа. Кадетскій лагерь. Отъѣздъ. 200

ПСКОВСКОЕ ОЗЕРО. ТАЛАБСКІЕ ОСТРОВА. Устье Великой. Снѣтогорскій монастырь. Водяныя деревни. Характеристика обѣихъ озеръ. Ихъ несходства. Сходство съ Мурманомъ. Снѣтокъ. Его особенности. Ловъ и приготовленіе въ прокъ. Ихъ особенности. Значеніе снѣтка. Талабскіе острова. Посадъ. Картинность прибытія. Крестный ходъ по водѣ. Посѣщеніе храма. Дальнѣйшій путь къ Гдову 216

ГДОВЪ. ОТЪ ГДОВА КЪ ДЕРПТУ. ЧУДСКОЕ ОЗЕРО. Древнее обличіе Гдова. Мнѣніе о немъ Екатерины II. Замѣчательный соборъ. Историческое. Легенда о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Крестьянскіе мемуары. Николаевская церковь. Отъѣздъ изъ Гдова. Буря на озерѣ. Проекты пониженія его уровня. Рѣка Амовжа. О русскихъ семьяхъ матрикулованныхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Видъ на Дерптъ. 228

ДЕРПТЪ. Прибытіе и посѣщеніе собора. Вечернее факельное шествіе и прогулка на Вышгородѣ. Тяготѣніе къ западу. Эстонскія общества. Храмы. Посѣщеніе университета. Его былое. Три періода существованія. Благодѣянія Александра I и позднѣйшихъ царствованій. Характеристика всѣхъ попечителей дерптскаго учебнаго округа. Значеніе теологическаго и юридическаго факультетовъ. Ширренъ и его характеристика. Исчезновеніе русскаго языка. Богатства университета. Посѣщеніе коллекцій и библіотеки. Ея богатства. Посѣщеніе развалины. Культурно-балтійское значеніе университета. Своеобразность устава. Корпораціи. Рѣчь Великаго Князя. Рѣчь въ Бозѣ почивающаго Александра II. Ихъ сопоставленіе. Отъѣздъ изъ Дерпта . 241

ВЕЙСЕНШТЕЙНЪ. Мыза Аррокюль. Мызная полиція. Отъѣздъ въ Вейсенштейнъ. Пейзажъ. Преобладаніе деревянныхъ построекъ. Историческое о православіи въ 1849, 1865 и 1883 гг. Дѣйствія администраціи. Мартирологія православія. Шестимѣсячные сроки и предбрачныя росписки. Проповѣди пасторовъ. Генералъ-губернаторъ Суворовъ и другіе. Пророчество Императора Николая I. Характеръ новѣйшихъ обращеній къ православію. Якобсонъ. Свѣтскій характеръ лютеранской консисторіи. Служебныя посѣщенія въ городѣ. Раз-

стр.

валины. Историческое. Еще русскія деньги. Церкви. Картина Ге. Параллель между русскимъ священникомъ и лютеранскимъ пасторомъ. Что нужно-бы сдѣлать? Возвращеніе въ Аррокюль 263

ВЕЗЕНБЕРГЪ Общій видъ города. Историческое. Процессы и русскія деньги. Различіе въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ русскихъ и нѣмцевъ. Осмотры. Развалина. Значеніе числа 12. Отсутствіе утвержденій во власти. Гауптманы. Гакенрихтеры. Крестьянство въ прибалтійскихъ губерніяхъ и его судьбы. Что было въ курляндской губерніи? барщина и пользованіе землею. Крестьянскія угодія и арендаторы. Починъ въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Исторія земельнаго вопроса. Взрыванія усадьбъ. Квота. Батрацкія земли. Что имѣло мѣсто въ лифляндской и эстляндской губерніяхъ. Положеніе крестьянъ нынѣшнихъ Исторія послѣднихъ сорока лѣтъ. Отъѣздъ изъ Везенберга и прибытіе въ Нарву. 280

НАРВА. Красивый видъ города. Соборъ Спасо-Преображенія. Историческое о Нарвѣ. Двѣ башни. Осада 1700 и 1704 года. Двѣ собственноручныя расправы Петра I. Анна Крамеръ. Рѣка Нарова. Штиглицовская мануфактура. Водопадъ. Служебныя посѣщенія. Осмотръ Иванъ-городской крѣпости и Гермейстерскаго замка Историческое. Дворецъ Петра Великаго и ратуша. Ихъ замѣчательности. Осмотръ Кренгольмской мануфактуры. Отъѣздъ къ Усть-Нарвѣ. 297

УСТЬ-НАРОВА. ЯМБУРГЪ. ОКОНЧАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ. Рѣка Нарова. Таможенная флотилія. Мѣновая торговля. Спасательныя станціи. Приморскія купанія. Историческое. Гросгольмъ. Памятникъ русскимъ воинамъ. Отъѣздъ въ Ямбургъ. Служебныя посѣщенія. Конецъ путешествія. Приказъ 310

1887

ОЧЕРКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.

Путь Великаго Князя Владиміра Александровича въ 1887 году направлялся на Лугу, Порховъ, Опочку, Невель, Великія Луки, Торопецъ, Старую Руссу, Крестцы, Грузино, Тихвинъ и Новую Ладогу. Отсюда, по встрѣчѣ Великой Княгини Маріи Павловны, Ихъ Высочества предполагали посѣтить Олонецъ и Валаамъ совмѣстно.

Въ путешествіяхъ 1884, 1885 и 1886 годовъ Великій Князь обозрѣлъ большую часть военнаго округа, ему ввѣреннаго, отъ Ледовитаго Океана и Бѣлаго Моря до Балтійскаго побережья; въ предстоявшемъ путешествіи слѣдовало посѣтить тѣ мѣста которыя въ прежніе маршруты войти не могли, и обозрѣніемъ которыхъ окончательно завершалась общая программа, составленная еще четыре года тому назадъ.

Какъ въ первое путешествіе, въ 1884 году, такъ и въ предстоявшее въ 1887 году, Его Высочество находился постоянно на старѣйшихъ пажитяхъ Россіи, подлѣ ея колыбели, на прямой линіи озеръ Чудскаго, Ильмени и Бѣлоозера, подлѣ которыхъ эта колыбель стояла. Тутъ, въ этихъ мѣстахъ, гнѣздится старый миѳъ, давно отвѣянный исторіей, о старикѣ Ильмерѣ, утопившемъ свою жену Шелонь, изъ-за любви къ замужней красавицѣ Ловати; трудно не догадаться, что рѣчь идетъ объ озерѣ Ильмени и двухъ ближнихъ рѣкахъ. Недалеко отъ этихъ мѣстъ показываютъ могилу Трувора, высится Синеусовъ курганъ, изъ

котораго народная фантазія поднимаетъ порою таинственнаго солдата на конѣ и обращаетъ рыбьи чешуи въ деньги; немного дальше — Рюрикова крѣпость; это уже не легенда, а нѣчто болѣе прочное.

Характерно, что судьбѣ угодно было въ послѣднемъ военно-административномъ дѣленіи Россіи соединить въ петербургскомъ военномъ округѣ самые древнѣйшіе стогны возникавшей Россіи; что Новгородъ и Псковъ, съ густымъ ожерельемъ ихъ прежнихъ крѣпостей и пригородовъ, со всѣми безбрежными пятинами, шедшими по Заволочью, находятся теперь именно въ этомъ округѣ, подчинены Великому Князю, и всѣ безъ исключенія посѣщены имъ.

Ближайшими мѣстами предстоявшаго путешествія ярлялись Луга и Порховъ; послѣдній отпраздновалъ въ минувшемъ Маѣ 500-лѣтіе своихъ крѣпостныхъ стѣнъ. За ними слѣдуетъ Опочка, не менѣе древняя, съ чудотворною иконой, прострѣленною литовскою пулей,—городъ тоже захилѣвшій сравнительно съ своимъ былымъ; неизвѣстно здѣсь или въ Псковѣ устроена была оригинальная защита отъ Витовта Литовскаго въ 1426 году: мостъ на веревкахъ, которыя въ рѣшительную минуту нападенія подрѣзаны, и тьмы отъ темъ столпившихся на немъ враговъ попадали на заостренные колья.

По пути къ Невелю и оттуда на Великія Луки возникали воспоминанія о побѣдителѣ Пугачева-Михельсонѣ, которому, милостью Екатерины II. даровано здѣсь населенное имѣніе и сынъ котораго, недоросль Григорій, производилъ, въ качествѣ мѣстнаго помѣщика, настоящіе набѣги на Великія Луки, причемъ купцы запирали свои лавки, а женщины пугливо прятались. Здѣсь же придется вспомнить о 1812 годѣ, о графѣ Виттенштейнѣ, Кульневѣ и знаменитомъ Клястицкомъ боѣ, прекратившемъ попытки Наполеоновскихъ маршаловъ двигаться на Ригу и Петербургъ.

Великія Луки отличались когда-то очень сердитыми помѣщиками, въ родѣ названнаго Григорія Михельсона; они были, вѣроятно, преемниками основателя города „разбойнаго человѣка Луки“. Въ числѣ древне-новгородскихъ крѣпостей Великія Луки являются пунктомъ избраннымъ, прочнымъ, богатымъ, „ключомъ его южныхъ владѣній“, по словамъ Карамзина. Геройская за-

щита города отъ поляковъ въ 1580 году—одна изъ внушительнѣйшихъ страницъ въ исторіи нашей многострадальной западной окраины, выдающаяся особенно ярко при одновременномъ съ защитою города малодушіи Іоанна Грознаго, готовившагося уступить Польшѣ цѣлыхъ 56 городовъ. Подлѣ Великихъ Лукъ, въ Сеньковѣ, заключенъ въ 1812 году напъ союзъ съ Испаніей.

Недалекій отсюда Торопецъ еще древнѣе; одинъ изъ иноковъ поминаемый Несторомъ, былъ торопчаниномъ; здѣсь „чинилъ кашу“ Александръ Невскій на свадьбѣ своей съ Параскевою, дочерью Брячеслава Полоцкаго. Изстари веселые, юркіе, торговые торопчане составили себѣ славу „чертовыхъ головъ“, „фаоровитянъ“ и т. п., и торговали не только съ Ганзою, но и съ Китаемъ. Богатство одѣяній торопчанокъ было общеизвѣстно и жемчугъ отмѣрялся ими не счетомъ, а пригоршнями. Цѣлыя четыре характернѣйшія преданія, изъ которыхъ древнѣйшее совершается не далѣе и не ближе какъ на глазахъ Самого Христа Спасителя, свидѣтельствуютъ о прирожденномъ сутяжничествѣ прежнихъ торопчанъ. Существующія еще и сегодня „субботки“ и „посидѣлки“ говорятъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ нравовъ, которыхъ мѣстные историки Торопца—Находкинъ, Иродіоновъ и Семевскій, не отрицаютъ.

Очень много характерныхъ воспоминаній вызвала Старая Русса. Здѣшніе люди утверждаютъ что Русса древнѣе Новгорода, потому что послѣдній названъ „Новымъ“, во вниманіе къ существовавшему „Старому“, именно ихъ городу. Исторія солянаго дѣла въ Руссѣ почти однолѣтокъ съ исторіей Россіи, но лѣчебное значеніе города гораздо моложе, такъ какъ оно началось съ посѣщенія его въ 1828 году лейбъ-медикомъ Раухомъ, а развитіе его до нынѣшняго хорошаго положенія—дѣло послѣднихъ лѣтъ. Въ Старой Руссѣ, въ 11 часовъ вечера, 11 іюля 1831 года, ударили всполохъ и этимъ начался бунтъ военныхъ поселянъ, это страшное явленіе въ безобразномъ учрежденіи, возникшемъ по мысли графа Аракчеева; небольшія воспоминанія объ этомъ будутъ у мѣста. Одинъ изъ Августѣйшихъ дядей Его Высочества, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій родился въ тотъ самый день, когда Императоръ Николай I возвратился изъ быстро усмиренной имъ Старой Руссы, и въ городѣ говорили, что новорожденнаго назовутъ Княземъ Новгородскимъ; этого не случи-

лось, но крещенъ Великій Князь во имя новгородскаго угодника Николая Качанова. Помимо поселенческаго бунта тутъ приходилось вспомнить о двухъ литературныхъ дѣятеляхъ: Посошковѣ и Достоевскомъ. Посошковъ, жившій въ 20 верстахъ отъ Руссы, когда-то противникъ реформъ Петра I, побывавшій даже въ Преображенскомъ приказѣ, но вышедшій изъ него цѣлымъ, а въ послѣдствіи беззавѣтный почитатель „строгостей“ Царя — это самородокъ удивительный; въ знаменитой книгѣ его „О скудости и богатствѣ“ цѣлая картина Петровской Россіи, и Погодинъ правъ, говоря, что Посошковъ—это политико-экономъ, родившійся на свѣтъ за 50 лѣтъ до появленіи политической экономіи; можно было бы прибавить, что Посошковъ за 120 лѣтъ до графа Киселева имѣлъ мысль о созданіи учрежденія схожаго съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, что онъ мечталъ объ учрежденіи въ Москвѣ академіи „великой, всѣхъ наукъ исполненной“ и искалъ суда „единаго“ для всѣхъ. Что касается Достоевскаго, то онъ близокъ къ Старой Руссѣ тѣмъ, что часто жилъ тутъ въ послѣдніе годы жизни и писалъ „Братьевъ Карамазовыхъ; церковно-приходская школа его имени остается живымъ его воспоминаніемъ. Критическая оцѣнка могучаго таланта его еще не наступила, такъ какъ покойный находился въ „боевой“ линіи того направленія, котораго держался, и всякая оцѣнка будетъ болѣе или менѣе субъективна, но что въ немъ сказалось пророческое ясновидѣніе путемъ художественнаго творчества—это несомнѣнно; стоитъ вспомнить „Бѣсовъ“ и „Идіота“ и то что совершилось въ нашемъ развитіи потомъ, вслѣдъ за ихъ написаніемъ, чтобы убѣдиться въ этомъ и въ той горячей любви его къ „милой больной“, въ тѣ дни очень больной,—Россіи, садящейся послѣ изгнанія бѣсовъ къ ногамъ Христа.

Отъ Старой Руссы путь лежалъ на Крестцы—мѣсто глухое, тихое, не лишенное однако высокаго историческаго значенія, потому, что недалеко отсюда поворотный пунктъ движенія Батыевыхъ полчищъ: влѣво отъ пути та малая часть Русской земли которая татарамъ не подчинилась, вправо вся остальная Русь, которая похолодѣла и помертвѣла на много, много лѣтъ.

Три мѣста въ пути—Холмъ, Грузино и Новую Ладогу посѣщалъ Его Высочество вторично, потому что при составленіи маршрутовъ для четырехъ разновременныхъ объѣздовъ нельзя

было миновать этихъ повтореній, и нѣкоторыя мѣстности пришлось въ полномъ смыслѣ слова исколесить. Въ нынѣшнемъ году, по примѣру прошлыхъ, слѣдуя многими грунтовыми дорогами, Великій Князь былъ во многихъ захолустьяхъ, къ числу которыхъ должно быть отнесено недалекое отъ Тихвина—Столбово, знаменитое миромъ заключеннымъ между нами и шведами въ 1617 году, при извѣстномъ посредствѣ англичанина Мерика, выторговавшаго за это разныя права въ пользу Англіи, которыхъ, однако, она не получила.

Тѣмъ внушительнѣе проступили во второй половинѣ пути двѣ монастырскія святыни—Тихвинъ и Валаамъ. Трудно представить себѣ такія безконечно разнообразныя возникновенія и развитія, какъ тѣ, которыя пришлось испытать той и другой, оставаясь въ то же время въ безконечно глубокомъ единеніи православія и всего того, что съ нимъ связано.

Тихвинскій мужской монастырь возникаетъ сравнительно съ другими поздно, въ половинѣ XVI вѣка, но явленная икона, и надъ нею храмъ, имѣлись на мѣстѣ уже въ XIV вѣкѣ; подлѣ этой святыни, находившейся въ завѣдываніи бѣлаго духовенства, успѣли обстроиться богатыя села-пригороды, шелъ шумный торговый путь и приходило сюда много паломниковъ, но монастыря все еще не существовало. Только когда паломниками стали являться цари, Іоаннъ Васильевичъ въ 1547 году повелѣваетъ основать обитель, которая дѣйствительно и возникаетъ вдругъ, всецѣло, въ богатой обстановкѣ, съ готовымъ уставомъ, выработаннымъ, по сравненію съ другими уставами, нѣсколькими архимандритами. Не отъ малой келійки первоучителя, не отъ братіи, мало-по-малу окружавшей его и къ нему прислушивавшейся, съ лопатою въ рукѣ и молитвою на устахъ, не въ своеобразіи своей особой жизни возникаетъ Тихвинская обитель, а по велѣнію царскому и по былымъ образцамъ. Составленная изъ иноковъ другихъ обителей и вѣрная ихъ преданіямъ, она не замедливаетъ выдержать долгую, убійственную осаду шведовъ въ лихолѣтье и становится подъ знамена молодаго царя Михаила Ѳедоровича. Въ настоящее время высится она надъ одною изъ трехъ водныхъ системъ, соединяющихъ Волгу съ Невою, и явленнымъ иконамъ ея поклоняются во множествѣ люди, проплывающіе здѣсь со всѣхъ концовъ Россіи. Сюда же пришла,

къ женскому Введенскому монастырю, находящемуся рядомъ съ мужскимъ Тихвинскимъ, пришла не по доброй волѣ, четвертая супруга Іоанна Грознаго изъ рода Колтовскихъ и, ставъ инокиней Дарьей, всецѣло посвятила себя обители, пережила съ нею шведскіе погромы, отстроила ея на-ново и мирно почиваетъ въ ней, окруженная своимъ твореніемъ. Пріѣздъ Великаго Князя въ Тихвинъ послѣдовалъ 26 іюня, къ дню празднованія Божіей Матери Тихвинской, одному изъ народныхъ праздниковъ, самыхъ людныхъ и внушительныхъ.

Иначе, совсѣмъ иначе, съ монастыремъ Валаамскимъ. Обитель эта, равно какъ и лежащій невдали отъ берега Ладожскаго озера городъ Олонецъ, посѣщены Великимъ Княземъ съ Великою Княгиней Маріей Павловной совмѣстно. Маршрутъ могъ бы быть составленъ иначе и Августѣйшіе Путешественники могли бы быть на Валаамѣ раньше, ко дню Петра и Павла, но принято было во вниманіе желаніе Великаго Князя завершить четырехлѣтніе объѣзды не посѣщеніемъ незначительнаго города Олонца, а поклоненіемъ великой святынѣ Валаамскаго монастыря.

Нѣтъ у насъ обители болѣе древней, потому, что въ XI вѣкѣ она уже разорена шведами; она находилась въ цвѣтущемъ состояніи въ XII, XIII и XIV вѣкахъ, затѣмъ уничтожена шведами до тла: обители нѣтъ, братія въ скитаніи, погибла обильная разсада православія по финляндскому берегу озера, и только въ каменной толщѣ гранитныхъ глыбъ валаамскихъ, глубоко отъ взоровъ людскихъ и руки вражеской, почивали спрятанные предусмотрительностью иноковъ мощи Св. Сергія и Германа. Съ ними держалось воспоминаніе и теплилась мысль, и отъ нихъ-то, по волѣ Петра I, возникаетъ обитель снова и по настоящій день процвѣтаетъ.

Древнѣйшая исторія Валаама — потемки; вѣроятно такими останутся они на всегда. Но тѣмъ не менѣе извѣстно что если въ обители Тихвинской, возросшей не изъ уединенія пустыни, не изъ созерцательной жизни пустынника, а на торжищѣ жизни и повелѣніемъ царскимъ, не было выдающихся дѣятелей монастырскихъ, то Валаамъ весь исхоженъ, вдоль и поперекъ, стопами людей важнаго значенія, справедливо считающимися свѣтилами монашества и причтенными нашею церковью къ лику

святыхъ. Если должно признать „сочиненною“ могилу короля шведскаго Магнуса, находящуюся здѣсь на братскомъ кладбищѣ, такъ какъ настоящій Магнусъ утонулъ въ Готландіи, близъ Вломесгольма, то не сочинены громкія имена просвѣтителей духовныхъ, вышедшихъ отсюда, отъ усыпальницы Св. Сергія и Германа. Таковы святые: Александръ Свирскій, Корнилій Палеостровскій, Арсеній Коневскій, Савватій Соловецкій, Аѳанасій Сяндемскій, Авраамій Ростовскій, Адріанъ Ондрусовскій. Подобнаго сонма свѣтилъ монашества, кромѣ, можетъ быть, Лавры Кіево-Печерской, нѣтъ нигдѣ, и вотъ почему Валаамъ такъ назидателенъ, такъ внушителенъ памятью своихъ безчисленныхъ схимниковъ, въ своей дикой и пустынной красотѣ.

Эти существенныя отличія Валаама,—его древность и количество преподобныхъ, — приводятъ невольно на мысль иронію судьбы: обитель эта, столько разъ ограбленная чрезъ Финляндію шведами, будучи подчинена въ епархіальномъ отношеніи митрополиту петербургскому, въ отношеніи административномъ входитъ въ составъ губерніи выборгской, составляющей часть Финляндіи?

По пути отъ Новой Ладоги на Валаамъ и отъ Валаама на Шлиссельбургъ, Ихъ Высочества, въ который уже разъ, направлялись по Ладожскому озеру; оно и въ нынѣшнемъ году оказалось такъ же спокойно, какъ бывало, и не подарило, такою бурей, какою встрѣтило Августѣйшихъ Путешественниковъ въ прошломъ году, на переѣздѣ изъ Гдова въ Дерптъ, озеро Чудское; эта буря была тѣмъ свирѣпѣе и опаснѣе, что ея пришлось выдержать на далеко не безупречномъ дерптскомъ компанейскомъ нѣмецкомъ пароходѣ.

Л У Г А.

Характеристика Луги. Соборъ. Легенда о планѣ. Служебныя и другія посѣщенія.

Великій Князь выѣхалъ 16 іюня, въ 8 часовъ утра, со станціи Александровской, варшавской желѣзной дороги и прибылъ на станцію Луга въ половинѣ одиннадцатаго. Здѣсь представились Его Высочеству: начальникъ петербургской губерніи Лутковскій, мѣстныя власти, волостные старшины и поднесена хлѣбъ-соль, послѣ чего Великій Князь прослѣдовалъ прямо въ городской соборъ.

Невеликая Луга, юнѣйшій городъ губерніи, сдѣлала все возможное для того, чтобы предстать болѣе красивою и нарядною. Все, что можно было придумать для того, чтобъ изукрасить ея 250 домовъ, изъ которыхъ только 3 каменные, все было сдѣлано; жителей, народа, оказалось въ ней на этотъ день гораздо болѣе обычныхъ 2.000; улицъ проѣздныхъ въ ней, собственно говоря, одно только петербургское шоссе, всѣ остальныя, равно какъ и многіе пустыри, зеленѣли свѣженькою травкой.

Единственная церковь Луги — соборъ — звонила во всѣ свои колокола. Соборъ, какъ и городъ, Екатерининскаго времени, очень малъ и робко жмется подлѣ большаго, новаго собора, уже совершенно готоваго, освященіе котораго совершится, вѣроятно, скоро; постройка начата въ 1872 году, длилась до 1874, затѣмъ до 1883 пріостановлена, по недостатку средствъ, и приводится къ

концу только теперь. Какъ могутъ помѣщаться жители Луги, желающіе помолиться, въ старомъ соборѣ, какъ помѣстятся они даже въ новомъ, это совершенно не постижимо; остается предполагать что они молятся дома, или ѣздятъ по деревенскимъ приходамъ. Внѣшность стараго храма, уступающаго мѣсто новому, напоминаетъ отчасти лютеранскую кирку, и для объясненія этого имѣется легенда о томъ будто при постройкѣ перемѣшаны планы: тотъ, который назначался для Луги, воспроизведенъ въ Ямбургѣ. а кирка, долженствовавшая стоять въ Ямбургѣ, явилась православнымъ соборомъ въ Лугѣ. Несомнѣнно вѣрно въ этомъ разсказѣ то, что его разказываютъ и сегодня.

Въ соборѣ Его Высочество отслушалъ молитвословіе, приложился ко кресту и принялъ икону отъ прибывшаго сюда для привѣтствія игумена недалекаго стараго монастыря Черменецкаго; затѣмъ послѣдовали служебныя и другія посѣщенія.

Луга относится въ числу городовъ нашихъ, сложившихся не исторически, но по Высочайшему повелѣнію 1777 года, гласившему: „на рѣкѣ Лугѣ учредить новый городъ, близъ урочища. гдѣ рѣка Вревка въ Лугу впадаетъ, наименовавъ новый городъ Луга“. Такъ и исполнено. Какихъ-либо историческихъ воспоминаній ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ не найти, и одинъ изъ видныхъ представителей мѣстныхъ интересовъ, спрошенный объ этомъ, отвѣчаетъ, что, кромѣ древняго монастыря святаго Іоанна Богослова, на полуостровѣ Черменецкаго озера, „другихъ памятниковъ или пунктовъ историческаго значенія не имѣется“. Желѣзная дорога проходитъ подлѣ; до Петербурга всего 132 версты, а между тѣмъ здѣсь такъ безконечно тихо, скромно, безпритязательно. Завидно это, или удивительно? Въ послѣдніе годы окрестности Луги стали населяться петербургскими дачниками. но лѣтнее время проходитъ скоро, и удѣлъ Луги — полная тишина и совершенное отсутствіе какихъ-либо общихъ интересовъ.

Его Высочествомъ посѣщены: тюрьма, одно изъ тѣхъ зданій существенный ремонтъ которыхъ необходимъ, и Великій Князь, ознакомившись съ нимъ, пришелъ къ заключенію, что побѣги, изъ него совершавшіеся, никакъ не могутъ быть поставлены въ вину караульной службы; городское училище, въ которомъ были собраны также ученицы женской прогимназіи, основанное въ

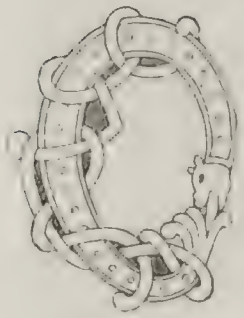
1868 году въ память спасенія отъ крушенія Великаго Князя Алексѣя Александровича на Балтійскомъ морѣ, и — земская больница, устроенная на 25 человѣкъ.

4-й ротѣ 8-го резерваго кадроваго пѣхотнаго баталіона произведенъ смотръ, посѣщены казармы, изъ которыхъ Великій Князь направился въ управленіе мѣстнаго уѣзднаго воинскаго начальника, гдѣ была собрана конвойная команда; Его Высочество ознакомился съ состояніемъ мобилизаціонной отчетности. Служебные обходы завершились посѣщеніемъ продовольственнаго пункта, недавно устроеннаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи желѣзной дороги; этотъ пунктъ состоитъ изъ обширнаго навѣса, съ нѣсколькими отдѣлами для храненія продуктовъ, изъ печей системы Васмунта о большихъ кухонныхъ котлахъ. Пользуясь этими пунктами проѣзжающія по варшавской желѣзной дорогѣ войска, во время мобилизаціи, вполнѣ обезпечены полученіемъ хлѣба и горячей пищи; одновременно могутъ продовольствоваться свыше 500 человѣкъ. Устройство подобныхъ пунктовъ одно изъ самоновѣйшихъ мѣропріятій для обезпеченія правильнаго и быстраго перехода къ военному времени.

Въ 12 часовъ 45 минутъ Его Высочество находился снова на станціи желѣзной дороги, и поѣздъ, сопровождаемый сердечными напутствіями лужанъ, двинулся въ дальнѣйшій путь немедленно.

ПОРХОВЪ.

Путь къ Порхову. Грива. Легенда Судомы-горы. Историческое. Значеніе рубленыхъ городовъ. Военныя судьбы и переходъ къ Москвѣ. Старинная опись. Соборъ. Церковь Св. Николая. Древнія стѣны. Учрежденія табачнаго фабриканта Жукова. Служебные осмотры. Лопухинская богадѣльня. Хиловскія минеральныя воды. Балавинскія собаки. Отъѣздъ въ Опочку.



тъ станціи Луга до станціи Новоселье ровно два часа пути по желѣзной дорогѣ, и Великій Князь, по прибытіи на послѣднюю, направился въ дальнѣйшій, грунтовой путь немедленно. До Порхова предстояло сдѣлать три перегона, ровно 60 верстъ. Первыя двѣ станціи—Жабенецъ и Ямкино — лѣсисты, холмисты, порою виднѣются поля; послѣдняя станція въ значительной степени безлюдна. Повсюду вдоль пути: изукрашенныя цвѣтами, полотенцами, лентами и флагами избы, хлѣбъ-соль и иконы на столахъ передъ ними, вѣнки на головахъ дѣвушекъ и колокольный звонъ церквей. Подлѣ одной изъ нихъ, въ селѣ Подоклиньѣ, Великій Князь остановился и посѣтилъ храмъ; старенькая деревянная церковь, уже заколоченная, виднѣется подлѣ, уступивъ мѣсто своей каменной, довольно пестрой преемницѣ. Весьма любо-

нытна на ближайшемъ къ Порхову переѣздѣ такъ-называемая „Грива“; дорога идетъ по гребню чрезвычайно высокой насыпи версты въ $1^1/_2$ длиной, причемъ рѣшительно нельзя объяснить себѣ: природа ли устроила здѣсь эту насыпь, такъ она характерна, или потрудились здѣсь въ колоссальной работѣ руки какихъ-то невѣдомыхъ намъ людей и неизвѣстно для какой цѣли? направо и налѣво отъ нея, далеко внизу, разстилается болото, и замѣтны многія „мочилы“, ямы съ водой, назначенныя для мочки льна, продукта, добыча котораго растетъ здѣсь изъ году въ годъ; тянется „Грива“ не по прямой линіи и не всегда той же высоты; она обставлена для безопасности съ обѣихъ сторонъ перилами, и видъ съ нея на далекую даль очень хорошъ. Говорятъ, что есть совершенно подобныя возвышенія, имѣющія видъ насыпей, близъ погоста Вышгорода и Судомы-горы; всѣ они совершенно необъяснимы и при раскопкахъ обнаруживали чистѣйшій гравій; это какая-то шутка природы. Судома-гора, находящаяся въ уѣздѣ, извѣстна характерною легендой: когда мѣстные люди спорили между собой, то для того чтобы знать, кто правъ, кто виноватъ, отправлялись на ея вершину, и тотъ за кѣмъ была правда доставалъ рукой до цѣпи спускавшейся съ неба; цѣпь эта не спускается больше, потому что одному изъ воровъ удалось обмануть самого Господа-Бога.

Порховъ, къ которому Великій Князь подъѣзжалъ часамъ къ восьми вечера, залитый вечернимъ солнцемъ, окруженный колосившимися полями, подлѣ излучинъ рѣки Шелони, лежитъ какъ бы въ котловинѣ. Съ пологаго спуска ясно виднѣлись всѣ его очертанія, и тысячи народа, чисто русскаго, плотнаго, радушнаго, не знавшаго какъ и чѣмъ выразить Августѣйшему Гостю свою радость, еще у пригородной слободы столпились такими массами, что экипажи могли двигаться только шагомъ, и то съ трудомъ. Рады были люди этому движенію шагомъ, потому что могли вволю наглядѣться на Великаго Князя, но не менѣе рады были и лошади утомленныя волнистымъ путемъ и часто очень глубокими, въ особенности передъ городомъ, песками.

Слѣдуя къ собору, Великій Князь остановился и, выйдя изъ экипажа, обошелъ почетный караулъ отъ 1-й роты 3-го резервнаго пѣхотнаго кадроваго баталіона; пропустить его мимо себя онъ не могъ за совершеннымъ наводненіемъ улицы людьми. Въ

соборѣ послѣдовало молитвословіе, затѣмъ пріѣздъ въ домъ отведенный Его Высочеству, гдѣ состоялось представленіе властей, дворянства и горожанъ, и непосредственно вслѣдъ за этимъ различныя посѣщенія.

Порховъ расположенъ надъ рѣкой Шелонью, которая не что́ иное какъ жена Ильмера (озеро Ильмень) утопленная имъ вслѣдствіе того, что онъ прельстился женою своего сосѣда, Ловатью; говорятъ что плачъ и воздыханія утопленницы бываютъ слышны и по-сегодня. Это легенда, а вотъ исторія.

Какъ разъ въ то время, когда кончались крестовые походы въ Палестину, папская власть, создавшая ихъ, сконфуженная неуспѣхами, пришла къ мысли продолжать крестовые походы, направивъ ихъ не на Исламъ, на югѣ, а на сѣверо-востокъ, къ нынѣшней Россіи. Тамъ, совершенно самостоятельно, въ сторонѣ отъ торныхъ историческихъ путей начиналась въ то время своеобразная жизнь славянскихъ народностей, группировались Литва и Польша, высились уже Новгородъ и Псковъ, и они молились Богу по-православному. Эта окраина Руси въ полномъ смыслѣ слова истоптана людьми и конями и полита кровью за долгое время цѣлыхъ пяти столѣтій, съ двѣнадцатаго начиная. Тутъ бились не на животъ а на смерть вліянія русское, шведское, литовское, польское, балтійское и все, что зарождалось на свѣтъ въ качествѣ города, являлось непремѣнно, одновременно съ этимъ, и крѣпостью и тогда же поливалось кровью. Было замѣчено кѣмъ-то, что кровь чрезвычайно плодородна, и нельзя не удивляться тому, что возникновеніе большинства нашихъ городовъ относится именно къ XII и XIII вѣку. Какъ бываютъ грибные года, такъ были эти столѣтія временемъ нарожденія „рубленыхъ“ городовъ, возникавшихъ на крови. Десятками насчитываютъ ихъ наши лѣтописи, имена многихъ заглохли, другія измѣнились, третьи сохранились, но всѣ въ свое время сослужили землѣ русской нѣкоторую службу. Знаменитая глинковская пѣсня Руслана „О поле, поле, кто тебя“... оттого-то именно и западаетъ въ русское сердце такъ глубоко, что кто бы ни отправился у насъ на поиски добраго меча, тотъ вспоминаетъ пѣсню эту повсюду, гдѣ угодно: вездѣ тлѣютъ родныя кости, и мало гдѣ не поросли онѣ травой забвенья.

Вотъ хоть бы и Порховъ. одинъ изъ самыхъ невидныхъ про-

винціальныхъ центровъ нашихъ, только-что отпраздновалъ 3 мая пятисотлѣтіе своихъ стѣнъ. Въ немъ теперь 6.749 человѣкъ жителей, 9 церквей, домовъ каменныхъ 53 и деревянныхъ 645. Онъ возникъ должно быть въ 1239 году, когда Александръ Невскій, празднуя свою свадьбу, „вѣнчася въ Торопчи, ту кашу чини, а въ Новѣ городѣ другую“ и вслѣдъ затѣмъ срубилъ „городцы“ по Шелони. Въ числѣ этихъ городцовъ, возникшихъ послѣ двухъ свадебныхъ кашъ, значился вѣроятно и Порховъ. Первое лѣтописное упоминаніе о немъ имѣется подъ 1346 годомъ, но дань, взятая съ него Ольгердомъ литовскимъ въ „300 рублевъ и 60 Новгородскихъ“, сумма весьма значительная по тому времени, свидѣтельствуетъ о томъ, что возникъ онъ несомнѣнно раньше и входилъ въ число укрѣпленныхъ пунктовъ, окружавшихъ Новгородъ со стороны Литвы и Пскова. Позже, въ 1428 г., заплатилъ онъ Витовту литовскому 5.000 рублей. Литва или. лучше сказать, нѣмецкій мастеръ Микола стрѣлялъ тогда по городу изъ пушки „Галки“, настолько большой что ее возили съ утра до обѣда на сорока коняхъ, съ обѣда до полудня на другихъ сорока, съ полудня до вечера на третьихъ; мастеръ Микола похвалялся сбить каменную колокольню церкви Св. Николая; сбить не сбилъ, но самъ погибъ отъ ядра, обратившагося на него вспять отъ алтаря церковнаго.

Возникнувъ на ряду съ другими укрѣпленными пунктами, окружавшими Великій Новгородъ кольцомъ, поставленный оплотомъ противъ Литвы и младшаго брата его Пскова, Порховъ пережилъ и всѣ судьбы Новгорода и съ подчиненіемъ его вошелъ въ составъ Московскаго государства; въ завѣщаніи Іоанна III названъ онъ Великокняжескою отчиной; при Іоаннѣ Грозномъ, по словамъ Карамзина, считался онъ въ числѣ двѣнадцати каменныхъ крѣпостей земли Русской; замѣтимъ что счетъ Карамзина не вѣренъ, такъ какъ были и другія, напримѣръ Островъ.

Если, въ свое время, побывали въ Порховѣ Ольгердъ и Витовтъ, то позднѣе на смѣну имъ явились со своими полчищами Стефанъ Баторій и де-ла-Гарди; историческимъ куріозомъ представляется то, что въ 1616 году въ Порховѣ имѣлось два градоначальника: съ русской стороны сидѣлъ князь Мещерскій, со шведской-баронъ Грассъ; что они дѣлали оба, какъ дѣлили власть, что за сцены обусловливались этимъ двойственнымъ на-

чальствомъ? нѣчто подобное было тогда и въ Тихвинѣ. По Столбовскому миру въ 1617 году, Порховъ возвращенъ Россіи вполнѣ.

Такъ какъ, до проведенія варшавско-петербургскаго шоссе, Порховъ лежалъ на трактовой дорогѣ, то въ немъ побывали въ XVI вѣкѣ іезуитъ Поссевинъ и Герберштейнъ, а въ 1787 году императрица Екатерина II гостила здѣсь почти трое сутокъ; посѣщали Порховъ Александръ I и Николай I, причемъ Александръ Павловичъ останавливался въ недалекой отсюда усадьбѣ, принадлежавшей Мягковой. Въ семнадцатомъ вѣкѣ край этотъ былъ, повидимому, гораздо населеннѣе, чѣмъ сегодня, потому что по свѣдѣніямъ, доставленнымъ шедшему на него войной Стефану Баторію, „около Руссы, за Порховомъ, деревни были такъ густы, что въ каждой можетъ найти кровъ не одна тысяча солдатъ, а скирды ржи, ячменя и овса такъ велики, что человѣкъ едва способенъ перебросить чрезъ нихъ камень“.

Вѣрно или нѣтъ показана высота скирдъ, неизвѣстно, но несомнѣнно, что послѣ подчиненія этихъ мѣстъ Москвѣ, когда обозначились другіе политическіе и стратегическіе центры, а граница отодвинута къ западу, Порховъ захилѣлъ, а въ 1699 году, согласно очень характерной смѣтной описи, дошедшей до насъ, находился въ полномъ разрушеніи. Опись эта гласитъ, что хотя въ это время еще и высились ветхія башни восьмисаженной вышины, при семи саженяхъ ширины, и толстыя стѣны сплошь унизывались бойницами и зубцами, но это была только декорація, такъ какъ всѣ соединительные мосты и лѣстницы сгорѣли и „на башни ни на одну никоторыми дѣлы взойтить невозможно“; пушки на двухъ башняхъ лежали „на захабѣхъ“, а третья валялась безъ станковъ и колесъ; свинцу оказалось немного: „двѣ свиньи цѣлыхъ, да въ кусу больше свиньи, да еще четверть свиньи“, а царская пороховая казна при составленіи описи не перевѣшана „потому что тое казны перевѣшивать не на чѣмъ“.

Такъ, или приблизительно такъ, должны были смотрѣть укрѣпленія всѣхъ вообще крѣпкихъ мѣстъ, окружавшихъ когда-то Псковъ и Новгородъ въ концѣ XVII вѣка по окончательномъ переходѣ ихъ къ Москвѣ; до насъ дошли во множествѣ мелкихъ городовъ остатки стѣнъ и башень разсыпающихся подъ дѣйствіемъ ливней и вѣтровъ, истаптываемые, тамъ гдѣ они по-

росли зеленью, какъ напримѣръ въ Гдовѣ, копытами коровъ и козъ, на нихъ гуляющихъ; всѣ эти развалины свидѣтели долгаго былаго и огромной перемѣнчивости судебъ.

Въ Порховѣ, надъ самою Шелонью, каменныя стѣны древней крѣпости высятся еще въ полной ясности очень красиво; выше ихъ источеннаго временемъ гребня поднимается одна изъ башень, а изъ нея шпиль колокольни церкви Святителя Николая, по которой стрѣлялъ когда-то нѣмецъ Микола.

Въ длинной исторіи нашихъ порубежныхъ городовъ перемѣнялись не только судьбы, но даже мѣста ихъ перваго возникновенія, и Порховъ, какъ и многіе изъ городовъ, какъ самъ Петербургъ, стоитъ сегодня не на томъ именно мѣстѣ на которомъ возникъ; очень вѣроятно, что древнѣйшій „рубленый“ городъ находился въ одной верстѣ дальше, тамъ, гдѣ сегодня на берегу Шелони виднѣется старое городище; несомнѣнно также, что лѣвый берегъ рѣки, то-есть нынѣшняя торговая сторона, стала заселяться только съ конца прошлаго вѣка, когда Порховъ сдѣлали уѣзднымъ городомъ, и старожилы помнятъ еще на этомъ мѣстѣ густой лѣсъ, а тамъ, гдѣ стоятъ соборы и присутственныя мѣста, разстилалось топкое болото.

Соборъ Спасо-Преображенья, посѣщенный Великимъ Княземъ, говорятъ, древнѣйшая церковь Порхова, такъ какъ о ней упоминается въ 1399 году по поводу убіенія на Шелони князя Романа Юрьевича; при церкви существовалъ до 1764 года мужской монастырь, а построена она „на кострѣхъ“, то-есть на курганѣ, на которомъ производилось сжиганіе труповъ; убитый князь Романъ покоится въ ней. Соборъ очень невеликъ и невысокъ, подъ однимъ плоскимъ куполомъ, на четырехъ столбахъ, и темносиняя окраска его стѣнъ и купола придаетъ внутренности, не смотря на яркое золото невысокаго иконостаса, задумчивый, сосредоточенный видъ. Стоящая внутри древней крѣпости церковь Св. Николая, словно вросшая въ стѣны, кажется еще древнѣе, еще задумчивѣе, хотя она выше и иконостасъ въ четыре яруса. Оба храма посѣщены Великимъ Княземъ—соборъ при въѣздѣ въ городъ, храмъ Николая въ поздній часъ вечера, когда темень залегшая въ крѣпостную стѣну, деревца, выросшія на стѣнѣ на высотѣ колоколовъ колокольни, и массы народа вездѣ и повсюду освѣщались трепетнымъ блескомъ бенгальскихъ

огней и тысячами шкаликовъ; въ огняхъ очерчивались берега Шелони, плавучій мостъ черезъ нее къ крѣпости и самыя стѣны, бѣловатыя и продырявленныя, совсѣмъ сродни псковскимъ.

Въ самый вечеръ пріѣзда Великій Князь посѣтилъ два учрежденія, сохраняющія здѣсь память извѣстнаго табачнаго фабриканта В. Жукова, а именно: пріютъ сиротъ на 18 человѣкъ и богадѣльню на 42 человѣка. Третье жуковское учрежденіе, основанное, какъ и богадѣльня, въ 1843 году, городской банкъ, если не ошибаемся, одинъ изъ старѣйшихъ въ Россіи; едва ли иронизировалъ покойный устраивая банкъ и богадѣльню одновременно? Жуковъ умеръ, кажется въ 1881 году, и добрыя дѣла его на пользу Порхова заслуживаютъ вниманія; здѣшній уроженецъ, мѣщанинъ, не имѣвшій ни гроша денегъ, онъ съумѣлъ составить себѣ и хорошую фирму, и большое состояніе, и добрую память; жуковскій табакъ, какъ извѣстно, убитъ на рынкѣ жизни явившимися въ публику достоевскими папиросами, но вызываетъ и до сихъ поръ сожалѣніе любителей, помнящихъ на склонѣ лѣтъ всѣ его достоинства. Не вдали отъ жуковскихъ учрежденій находится земская больница на 25 человѣкъ, тоже посѣщенная Его Высочествомъ.

Только на утро слѣдующаго дня, 17 іюня, при полномъ свѣтѣ, можно было хорошо ознакомиться какъ съ общимъ очертаніемъ крѣпости, такъ и съ рѣкою Шелонью, протекающею у самыхъ стѣнъ ея подъ плотовымъ мостомъ. На Шелони, какъ говорятъ, цѣлыхъ 80 мельницъ, изъ нихъ три въ самомъ Порховѣ; можно представить себѣ, на сколько трудолюбивы волны этой кроткой исторической рѣки. Общій видъ на нея и на крѣпость одинъ изъ очень характерныхъ, вполнѣ достойныхъ художника.

Раннимъ утромъ состоялись служебныя посѣщенія Его Высочества: смотръ 1-й ротѣ 3-го резервнаго пѣхотнаго кадроваго баталіона, обходъ кухни, пекарни, цейхауза и неприкосновеннаго запаса. Въ управленіи уѣзднаго воинскаго начальника обойдено помѣщеніе и начальнику предложенъ рядъ относящихся до порядка учета чиновъ запаса вопросовъ. Предъ отъѣздомъ изъ Порхова, послѣдовавшемъ въ десятомъ часу утра, Его Высочеству представились богадѣльщики Лопухинской богадѣльни, находящейся въ семи верстахъ отсюда, при погостѣ Карачуницы, а затѣмъ осмотрѣна вольная пожарная команда. При отъѣздѣ виднѣлись тѣ

же ликующія толпы, клики, движеніе. День устанавливался довольно пасмурный, а переѣздъ къ Опочкѣ предстоялъ большой, частью по желѣзной дорогѣ, частью въ экипажахъ. По выѣздѣ за черту города, при подъемѣ въ гору, опять обозначились поля, принадлежащія городу и составляющія его крупную доходную статью. Сильно возрастаютъ здѣсь посѣвы льна, причемъ торговля имъ почти вполнѣ перешла изъ рукъ купцовъ къ крестьянамъ.

Недалеко отъ Порхова, въ селѣ Хиловѣ, существуютъ сѣрныя Хиловскія воды, принадлежащія г. Балавинскому; тамъ три источника, сходные по составу съ Кеммернскими въ лифляндской и Сергіевскими самарской губерніи; неудобство ихъ—это шестидесятиверстное разстояніе отъ желѣзной дороги. Г. Балавинскій пользуется также извѣстностью какъ любитель собакъ; любопытна волчья порода, имъ разводимая, одинъ изъ экземпляровъ которой поднесенъ имъ Великому Князю; это третье поколѣніе отъ волчицы, овчаровъ и бульдога; родственники первыхъ двухъ поколѣній оказались ни къ чему не годными: они выли, не лаяли и бросались на людей и животныхъ, но третье поколѣніе очень хорошія караульныя собаки и отличны для отысканія медвѣдей. Опыты разведенія породы начаты въ 1867 году.

ОПОЧКА.

Посѣщеніе Острова. Лукаши. Пріѣздъ въ Опочку. Соборъ. Историческое. Вопросъ о подрѣзанномъ мостѣ. Двѣ чудотворныя иконы. Крестные ходы. Мѣстные историки Травинъ, Замыцкій и Бутырскій. Поплѣшныя пошлины. Исчезнувшій водный путь. Служебныя посѣщенія. Видъ на городъ съ вала. Отъѣздъ.

Ровно въ 10 часовъ утра, 17 іюня, покинувъ Порховъ, Великій Князь проѣхалъ къ станціи варшавской желѣзной дороги Новоселье тѣмъ же путемъ, какимъ направлялся въ Порховъ вчера. Та же довольно пустынная мѣстность, тѣ же лѣсистыя, болотистыя трущобы, та же „Грива“; эти мѣста, въ двойномъ смыслѣ слова, „на охотника“, и не удивительно, что именно изъ порховскаго уѣзда, изъ такъ-называемыхъ Острововъ, идутъ знаменитые лукаши, получающіе подъ Петербургомъ до 100 руб. въ мѣсяцъ жалованья, а лѣтомъ проживающіе здѣсь на покоѣ, въ ожиданіи новой зимы. Когда-то уѣздъ былъ богатъ помѣщиками, число которыхъ доходило, говорятъ, до 350 семействъ; теперь ихъ около 200; между ними есть и богатые люди, и у нихъ хорошія усадьбы; есть, правда, и семьи совсѣмъ захудалыя, таковы князья Костровы: это крестьяне пашущіе землю и даже не носящіе не подходящаго имъ по положенію титула.

На станцію Новоселье Его Высочество прибылъ въ исходѣ втораго часа пополудни, а къ пяти часамъ Великокняжескій поѣздъ остановился въ городѣ Островѣ. Здѣсь Великаго Князя

привѣтствовали: начальникъ губерніи баронъ Икскюль, представители властей, дворянства, города; затѣмъ посѣщенъ соборъ, и въ шестомъ часу коляска Его Высочества уже покидала Островъ, учрежденія котораго были осмотрѣны Августѣйшимъ Путешественникомъ два года тому назадъ. Теперь предстояла длиннѣйшая почтовая дорога, такъ какъ приходилось перерѣзать вдоль и поперекъ губерніи псковскую, новгородскую и восточную часть петербургской, и это все въ коляскахъ.

Отъ Острова до Опочки ровно 70 верстъ пути по хорошо содержимому, отличающемуся совершенно новыми мостами, шоссе. Значитъ, надавно мосты были совсѣмъ старыми. На станціи Новгородка, съ которой два года тому назадъ Великій Князь повернулъ на Святогорскій монастырь къ могилѣ Пушкина, ему представились крестьянская депутація съ хлѣбомъ-солью и пожарная дружина. Становившаяся очень дурною погода дѣлала унылый пейзажъ дороги еще болѣе унылымъ, и тянувшееся прямою струной шоссе вторило погодѣ и пейзажу своимъ однообразіемъ. Въ 10 часовъ вечера замелькали издали, словно порванныя огневыя нити, огоньки иллюминаціи Опочки; удивительно какъ не погасли они въ конецъ: ливень, ополоснувшій забрызганные грязью экипажи, былъ изъ самыхъ внушительныхъ. Густыя толпы народа чернѣли по сторонамъ и стояли сплошною массой передъ соборомъ, къ которому Великій Князь направился.

Опочецкій соборъ отличается, по сравненію съ другими соборами уѣздныхъ городовъ, своимъ высокимъ, просторнымъ куполомъ. Внутренность храма вся бѣлая, и потому съ особенною рѣзкостью выдаются темныя иконы въ рамахъ, расположенныя въ барабанѣ купола тремя горизонтальными кольцами; иконостасъ — бѣлое съ золотомъ, съ обиліемъ фигурчатыхъ украшеній. Направо и налѣво отъ входа въ церковь, въ особыхъ божницахъ, поставленныхъ посреди церкви, помѣщаются наиболѣе чтимыя иконы: въ правой божницѣ чудотворная икона Спасителя, прострѣленная въ 1426 году, въ лѣвой — чудотворная икона Богоматери Себежской, перенесенная сюда стрѣльцами въ 1634 году. Прослушавъ молитвословіе и приложившись ко святымъ иконамъ, Великій Князь направился въ отведенный ему домъ, гдѣ не замедлилъ принять представителей властей, дворянъ и сословій.

Вечеръ предполагалось заключить сельскимъ праздникомъ на валу, но, къ полному отчаянію горожанъ, вмѣсто гулянья, со всѣми сдѣланными къ празднику приготовленіями, лилъ дождь, дождь и дождь. Тѣмъ не менѣе Великій Князь былъ на валу и замѣтилъ эти приготовленія.

Опочка — это тоже одинъ изъ невеликихъ, сиротныхъ городовъ нашихъ, съ 4.500 человѣкъ жителей, составлявшій въ былое время одно изъ воинственныхъ звеньевъ тѣхъ боевыхъ ожерелій, которыми окружали себя господинъ Великій Новгородъ и Псковъ въ защиту отъ всякихъ враговъ, нѣмецкихъ, польскихъ, шведскихъ и литовскихъ. Опочка принадлежала къ псковскому ожерелью; земляной валъ ея, величественныя очертанія котораго видны и теперь, насыпанъ псковичами въ 1412 или 1414 году, затѣмъ подняты деревянныя стѣны и башни. Крѣпостца опиралась на двѣ горы: Безыменную и Выползавую; на постройку ея употреблено всего двѣ недѣли, и псковская лѣтопись, сообщая объ этомъ, говоритъ, что такимъ образомъ возникъ не новый городъ, а возобновленъ и передвинутъ на двѣнадцать верстъ старый городъ Коложо, разоренный Литовцами за шесть лѣтъ до того. Это передвиженіе нашихъ старыхъ городовъ—отличительная черта ихъ возникновенія; всѣ они будто испытывали мѣста, пріурочивались, и, если придержаться только имени, а не мѣста, то правъ будетъ митрополитъ Евгеній, историкъ княжества Псковскаго, утверждающій, что Опочка существовала еще до 1341 года.

Опочки касается одинъ изъ любопытныхъ историческихъ фактовъ, вызвавшихъ множество противоположныхъ мнѣній и окончательно не разъясненныхъ. Вопросъ идетъ объ очень хитроумномъ способѣ самозащиты, имѣвшемъ мѣсто при нападеніи Витовта литовскаго въ 1442 году. На помощь опочанамъ Псковъ прислалъ только 50 человѣкъ; главная помощь заключалась въ ехидствѣ осаждаемыхъ. Еще до прихода непріятеля, передъ входомъ въ крѣпость, повѣшенъ былъ ими на веревкахъ тонкій мостъ; когда осаждающіе взбѣжали на него, осаждаемые подрѣзали веревки, мостъ рухнулъ, и видимо-невидимо враговъ попадало на острые колья и добито изъ крѣпости каменьями и бревнами; послѣ этого разразилась великая буря, такъ, что самъ Витовтъ, будто бы обхвативъ руками шатерный столбъ, въ ужасѣ

вопилъ: „Господи, помилуй!“ и испуганный отступилъ. Карамзинъ, Татищевъ, Щербатовъ, Погодинъ, Соловьевъ придерживаются разныхъ мнѣній: одни признаютъ мѣстомъ крушенія моста Опочку, другіе Псковъ, и вѣроятно, тутъ всегда будетъ нѣкоторое сомнѣніе. Насколько витовтовскія нашествія были безпощадны, видно, между прочимъ, изъ расправы его съ недалекими отсюда Коложо и Воронечемъ: „Витольдъ овыхъ изсѣче, а иныхъ поведе въ свою область. А всего въ полонъ взято 11 тысячъ мужей и женъ, и дѣтей. А подъ Воронечемъ городомъ наметаша рать мертвыхъ дѣтей двѣ ладьи. Не бывало пакости таковой, какъ и Псковъ сталъ“. Эти „двѣ ладьи“ мертвыхъ дѣтей — какая картина! и зачѣмъ они понадобились Витовту?

Какъ лежала Опочка на пути Витовта, такъ лежала она и по пути войскъ Константина Острожскаго и Стефана Баторія, но вообще отдѣлывалась довольно дешево, хотя слѣдъ литовскаго простѣливанія имѣется налицо на чудотворной иконѣ Спасителя, причемъ остается неразрѣшеннымъ, въ которое именно нападеніе Литвы совершено чужеземцами это святотатственное дѣяніе? много чтимыхъ образовъ на Руси, начиная отъ Соловокъ, несутъ на себѣ слѣды участія ихъ въ бояхъ, и раны эти всегда вызывали бодрость и стойкость въ защитникахъ земли русской. Относительно времени пораненія опочецкой иконы высказано опредѣленное мнѣніе очень любопытнымъ мѣстнымъ человѣкомъ и лѣтописцемъ—Леонтіемъ Травинымъ. Этотъ Травинъ родился въ 1732 году отъ дворовaго человѣка графа Ягужинскаго и написалъ собственноручную автобіографію, начинающуюся 1741 и кончающуюся 1808 годомъ; писана она, говоритъ Травинъ, имъ, „уроженцемъ изъ бѣднаго состоянія родителей произшедшаго въ достоинство благородства“, — онъ умеръ провинціальнымъ секретаремъ, — „писана для свѣдѣнія и пользы потомкамъ ево“ и касается различныхъ обстоятельствъ и приключеній его самого и жены. Какъ автобіографія, такъ и историческія свѣдѣнія объ Опочкѣ, собранныя Травинымъ, не лишены интереса; по его мнѣнію, икона простѣлена Константиномъ Острожскимъ въ 1426 году.

Эта чудотворная простѣленная икона, хранящаяся въ Спасопреображенскомъ соборѣ, въ особой божницѣ направо отъ

входа, одна изъ святынь города; другая—это чудотворная икона Опочецкой Божіей Матери, называемая въ просторѣчіи Себежскою, принесенная или возвращенная изъ Себежа, вѣроятно въ 1634 году, и находящаяся въ томъ же соборѣ; въ сказаніяхъ о чудесахъ этого образа много разъ поминается объ исхожденіи слезъ изъ обѣихъ очей Богородицы.

Обѣ иконы совмѣстно совершаютъ ежегодно крестный ходъ ко Святымъ Горамъ, для чего выступаютъ изъ Опочки въ восьмую пятницу по Пасхѣ и возвращаются на одиннадцатый день. Этому крестному ходу теперь уже двѣсти лѣтъ; причина его возникновенія неизвѣстна. Ровно два года тому назадъ, Его Высочество находился въ Святыхъ Горахъ при выступленіи другаго мѣстнаго хода, тоже стариннаго; эти странствія иконъ переживаютъ у насъ города и тѣ городища въ которыхъ зародились; напримѣръ, въ Ярославлѣ обходятъ крестнымъ ходомъ до нынѣ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда стояли несуществующія болѣе стѣны, то-есть, фактическій крестный ходъ совершается, если можно такъ выразиться, по очертаніямъ призрака.

Хотя исторія Опочки особеннаго интереса не представляетъ, но Травину, котораго мы только-что назвали, предшествовалъ въ описаніи Опочки и ея уѣзда нѣкто Замыцкій, въ 1562 году, а въ 1849 окончилъ свой трудъ собранія документовъ о городѣ, до начала XVIII вѣка, Иванъ Бутырскій. „Я сдѣлалъ, что могъ, пусть сдѣлаютъ лучше люди, опытнѣйшіе и искуснѣйшіе меня“, писалъ послѣдній въ концѣ своей работы, и нельзя не признать, что это вниманіе скромныхъ мѣстныхъ людей къ своей старинѣ, какъ бы незначительна она ни была, достойно уваженія и могло бы служить примѣромъ очень многимъ, гораздо болѣе значительнымъ городамъ. Любопытно свѣдѣніе, сообщенное Бутырскимъ о томъ, что въ Опочкѣ имѣлись свои посадники; ни въ псковской лѣтописи, ни въ исторіи княжества Псковскаго, объ этомъ фактѣ не говорится, но еще недавно на здѣшней иконѣ Спасителя имѣлась дощечка, свидѣтельствовавшая о существованіи таковыхъ и называла, даже, нѣсколькихъ по именамъ.

Въ длинномъ ряду всякихъ сообщеній старинной хроники Опочки Бутырскаго, подъ 1606 годомъ, есть сообщеніе о томъ, что въ городъ пріѣзжалъ епископъ, боярскій сынъ Иванъ Надмихинъ для сбора „поплѣшныхъ пошлинъ“, причемъ изъ Нико-

лаевскаго монастыря дано ему 23 алтына и 2 деньги. Бутырскій приводитъ нѣсколько царскихъ грамотъ, въ которыхъ упоминаются и „поплѣшныя“, и объясняетъ это слово тѣмъ, что, какъ онъ слыхалъ въ дѣтствѣ, въ старину наши священники и діаконы не допускали заростать волосами то мѣсто на головѣ, на которомъ совершалось іерархическое постриженіе, и что самъ онъ видалъ священниковъ, у которыхъ небольшое мѣсто на маковкѣ головы, называвшееся „гуменецъ“, было выстрижено. Не за разрѣшеніе ли остригать ежегодно это мѣсто взималась въ пользу епископа или архіепископа поплѣшная пошлина? Жаль что хроника умалчиваетъ о томъ, какой именно существовалъ въ 1684 году водный путь отъ Пскова къ Опочкѣ, по которому присланы были тогдашнему опочецкому начальнику отъ псковскаго воеводы, князя Щербатова, 165 тюковъ фитиля. Чего, чего у насъ не исчезало. Нѣтъ въ хроникѣ сообщенія и о томъ, что когда въ 1780 году Императрица Екатерина II совершала свое путешествіе, то сдѣлано было распоряженіе, дабы „ученые“ протопопы или священники встрѣчали Государыню въ церквахъ „короткою“ рѣчью. Подобнаго „ученаго“ духовнаго лица въ тогдашней Опочкѣ не нашлось, и надо было довольствоваться командированнымъ изъ псковской семинаріи.

Въ Опочкѣ шесть церквей, одна лютеранская кирка и одинъ еврейскій молитвенный домъ; отсюда къ югу и западу евреевъ много; главный предметъ торговли ленъ, съ годовымъ оборотомъ въ одинъ милліонъ рублей. Обороты городскаго общественнаго банка достигаютъ 3.766.000 руб., а Гребеневскаго ссудо-сберегательнаго товарищества 1.246.000 руб.; цифры крупныя, не по внѣшности города. Ближайшій пунктъ желѣзной дороги — городъ Островъ, лежащій отсюда въ 70 верстахъ. Путь, сдѣланный Великимъ Княземъ — роскошное шоссе времени императора Николая, съ широкими обочинами и станціями, отнюдь не худшими многихъ вокзаловъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

Утромъ слѣдовавшаго за прибытіемъ Великаго Князя въ Опочку дня, 18 іюня, служебныя посѣщенія начались съ манежа, гдѣ произведено ученіе 4-ой ротѣ 3-го резервнаго пѣхотнаго кадроваго баталіона; затѣмъ посѣщено управленіе уѣзднаго воинскаго начальника и провѣрена степень подготовки начальника по исполненію возложенныхъ на него обязанностей.

Вслѣдъ затѣмъ обойдены прекрасныя для уѣзднаго города, не виданныя по красотѣ и удобствамъ, каменныя трехъэтажныя казармы, расположенныя на лучшемъ мѣстѣ, противъ собора. Испробовавъ въ кухнѣ пищу, Великій Князь присутствовалъ при упражненіяхъ вольной пожарной команды, причемъ дѣйствіе трубъ было направлено на казармы, и изъ оконъ верхняго этажа скатывались сквозь холщевые рукава люди исполнявшіе должность погибавшихъ. Служебныя посѣщенія окончились осмотромъ острога и земской больницы; острогъ найденъ тѣснымъ, а больница въ крайне неудовлетворительномъ видѣ, и мѣстная администрація уже заботится о постройкѣ для нея новаго дома.

Въ числѣ лицъ, обязанныхъ сопровождать Его Высочество при нѣкоторыхъ осмотрахъ и посѣщеніяхъ, долженъ былъ быть и городской голова; замѣтивъ еще вчера его отсутствіе, узнавъ, что причина, удержавшая его у себя дома, заключалась въ тяжкой болѣзни, и имѣя удостовѣреніе губернатора, что всѣ распоряженія по пріему въ городѣ исходили исключительно отъ него, Великій Князь поручилъ начальнику губерніи и начальнику своего штаба посѣтить городскаго голову и лично передать ему Великокняжеское соболѣзнованіе и сердечную признательность за его труды, что и было исполнено, къ великому утѣшенію больнаго.

Передъ самымъ отъѣздомъ Великаго Князя изъ города, погода, прояснившаяся еще съ утра, была настолько хороша, что предстояла возможность полюбоваться съ вала древней крѣпости очень хорошимъ видомъ. Рѣка Великая, расплываясь въ этомъ мѣстѣ двумя рукавами, очень мелка и образуетъ островъ. На самой вершинѣ древней насыпи устроенъ былъ хорошенькій павильонъ, и подлѣ лѣстницы его торчали изъ земли найденныя на мѣстѣ двѣ пушки. Въ самой рѣкѣ виднѣлся огромный вензель имени Великаго Князя, подъ Императорскою короной, который долженъ былъ горѣть вчера въ самой водѣ, такъ-сказать, на струяхъ ея и который относился къ числу тѣхъ чествованій, исполненію которыхъ помѣшала невозможная погода. Съ вершины вала открывается кругозоръ верстъ на пятнадцать — такъ высока насыпь; церкви Успенская, Николаевская, Лукинская, соборъ ясно выдѣляются своими куполами на синѣющей дали, а Великая уходитъ отъ крѣпости довольно широкими излучинами. Чуть-чуть пониже поставленъ на муравѣ крѣпостнаго вала крестъ,

обозначающій мѣсто алтаря церкви, сгорѣвшей въ 1774 году; икона Спасителя была прострѣлена именно тутъ, сюда и направлялись самыя отчаянныя вражескія нападенія. Соборная церковь выше другихъ, но во внѣшности ея бросается въ глаза одно изъ довольно обычныхъ у насъ архитектурныхъ безобразій: пять куполовъ ея синіе, а шпиль колокольни зеленый; зачѣмъ эта разноголосица красокъ?

Отъѣздъ Великаго Князя послѣдовалъ въ полдень 18-го іюня, на Невель, витебской губерніи. День былъ свѣжій, но совершенно ясный.

НЕВЕЛЬ.

Николаевское шоссе. Особенности витебской губерніи. Отсутствіе земства. Остатки панства. Бѣлоруссы. Радзивилловское имѣніе. Гоненія на православіе. Унія и іезуиты. Жанвильскіе сопки. Панцырные бояре. Воспоминанія о Витгенштейнѣ и Кульневѣ. Видъ Невеля. Соборъ и монастырь. Село Иваново. Какъ усмиренъ Пугачевъ. Могила Михельсона и недоросля Григорія. Сеньково.

Великій Князь выѣхалъ изъ Опочки на Невель при значительно прояснившейся погодѣ, около полудня, 18-го іюня. Предстояло, покинувъ псковскую губернію, входящую въ составъ петербургскаго военнаго округа, проѣхать по двумъ уѣздамъ, себежскому и невельскому, витебской, посѣтить Невель и вернуться въ псковскую губернію для дальнѣйшаго слѣдованія на Великія Луки; иначе было невозможно по недоброкачественности боковыхъ путей; здѣсь же, до самаго Невеля имѣется шоссе, открытое съ 1842 года. Шоссе это, времени Николая I, проложено почти по прямой линіи, безъ малѣйшаго вниманія къ болотамъ и горамъ по которымъ предстояло вести его; верста обошлась около 11.000 рублей, не считая станцій, изъ которыхъ нѣкоторыя стоили отъ 25 до 30 тысячъ рублей. Отъ Опочки до Невеля 110 верстъ, и нельзя было не любоваться этимъ роскошнымъ шоссе, быстро перелетая по могущественнымъ насыпямъ, съ которыхъ болотныя кочки, видимыя съ пути, казались мелкою сыпью. Горы высоки, есть красивыя панорамы, много лѣсу, сосны

и березы, и во многихъ мѣстахъ грустные слѣды лѣсныхъ пожарищъ. Эти молчаливые некрополи растительнаго царства составляли прямое противоположеніе съ богатыми полями и лугами, которые въ нынѣшнемъ году особенно роскошны и волновались подвижными вершинами миріадовъ стеблей, образуя крупныя волны, хорошо замѣтныя во всю ихъ ширину съ высокихъ насыпей прямолинейнаго пути. Чередованію лѣсовъ и полей придавало много красоты, обиліе озерныхъ водъ, синѣвшихъ въ густой зелени, то справа, то слѣва, въ яркомъ блескѣ полуденнаго солнца.

Балашово, первое село витебской губерніи, въ которомъ представились Его Высочеству начальникъ губерніи князь Долгоруковъ, уѣздныя власти и депутаціи отъ крестьянъ, щегольнуло роскошною, одѣтою мохомъ и цвѣтами аркою прелестнаго архитектурнаго рисунка. Всякій прибывающій въ витебскую губернію, миновавъ ея черту, входитъ въ особенный административный міръ: здѣсь нѣтъ земства, и власть губернатора является гораздо болѣе самостоятельною. Быстрота переѣзда Великаго Князя по этой губерніи не дала возможности справиться о томъ, такъ ли, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ имѣется земство, исчезаютъ здѣсь со своихъ мѣстъ на долгіе мѣсяцы предводители дворянства, скитающіеся въ совершенно чуждыхъ имъ палестинахъ и ставящіе въ нѣкоторое затрудненіе лицъ, взявшихъ на себя трудъ отыскать ихъ въ случаѣ надобности; такъ ли беззастѣнчивы мировые судьи въ назначеніи времени разбора дѣлъ?

Помимо административныхъ особенностей, витебская губернія составляетъ грань и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Тутъ имѣются налицо остатки послѣднихъ замковъ рыцарскихъ; досюда, занявъ красивыя и хорошія мѣста, надвинулось католичество западной Европы и оттолкнуло славянъ къ востоку, къ болотамъ; здѣсь исчезаютъ великоруссы, смѣняются бѣлоруссами, и несомнѣннымъ слѣдомъ былаго панства является колѣнопреклоненіе и постукиваніе въ землю лбомъ при встрѣчѣ съ господами; тутъ, между свѣтловолосыми людьми, въ бѣлыхъ кожухахъ, бѣлыхъ рубахахъ и панталонахъ, въ бѣлыхъ „насовахъ“, юбкахъ и платкахъ, чернѣютъ, въ обиліи удивительномъ, рѣзкіе, грязные, темные профили еврейства изъ году въ годъ больше и, во вниманіе къ плодовитости еврейской крови, заставляютъ серьезно опасаться за будущность края.

Къ семи часамъ пополудни, не доѣзжая 25-ти верстъ до Невеля, экипажъ Его Высочества свернулъ съ шоссе въ сторону и, проѣхавъ по грунтовой дорогѣ густымъ сосновымъ боромъ, около 6 верстъ, доставилъ Августѣйшаго Путешественника въ усадьбу генералъ-адъютанта Жуковскаго, Канашево, гдѣ Великій Князь долженъ былъ имѣть ночлегъ. Усадьба расположена на берегу озера, имѣетъ хорошій паркъ, оранжерею, обрамлена воздѣланными полями и недалека отъ селеній. Замѣчателенъ экземпляръ померанцеваго дерева, весь отягченный плодами, красовавшійся въ столовой и свидѣтельствовавшій о вниманіи и достоинствахъ садовода.

Историческія судьбы этихъ мѣстъ очень любопытны и очень стары. Въ пяти верстахъ отсюда есть озеро Озерище съ остатками городища на острову и съ какими-то слѣдами свай, тянущихся по срединѣ озера въ длину его и по этому необъяснимыхъ; недавно, не вдали отсюда, найдено около 500 монетъ Годунова, лже-Димитрія, Алексѣя Михайловича. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ о самомъ Невелѣ не упомянуто, но о находящемся въ 15 верстахъ отъ него селеніи Еменецъ говорится въ новгородской лѣтописи подъ 1185 годомъ. Въ августѣ 1562 года, въ 9 верстахъ отъ Невеля, на перешейкѣ между озерами Чересо и Мелкое, разбитъ поляками князь Андрей Курбскій, что послужило одною изъ причинъ осложненія отношеній между нимъ и царемъ Іоанномъ Грознымъ.

Много разъ переходили эти мѣста отъ русскихъ къ полякамъ и обратно. Въ 1649 году король Іоаннъ-Казиміръ пожаловалъ невельское староство, замокъ и городъ Невель. равно какъ и Себежъ, литовскому гетману Радзивиллу, за его успѣхи въ войнахъ съ Россіей, и этимъ основалъ одно изъ богатѣйшихъ польскихъ состояній. существующее и по сегодня, но только подъ другими кличками и на другихъ мѣстахъ. Это прочное утвержденіе здѣсь кровнаго польскаго магнатства нанесло послѣдній ударъ древнему православію, ударъ, отзывающійся и по сегодня. Еще въ 1436 году учреждена въ литовскомъ княжествѣ инквизиція противъ „еретиковъ и отщепенцевъ“, то-есть противъ православныхъ; въ 1596 году возникла унія и въ ней народилась и созрѣла личность архіепископа полоцкаго, Іосафата Кунцевича, гнавшаго православіе во всю, закрывавшаго православные храмы.

убивавшаго монаховъ, и убитаго наконецъ, когда чаша долготерпѣнія переполнилась, въ Витебскѣ, въ 1623 году. Кунцевичъ, кажется, причтенъ къ лику святыхъ католической церкви.

Невель и Себежъ, владѣнія Радзивилловъ, много испытали за это время религіозныхъ и другихъ гоненій, и не отъ того-ли плакали неоднократно очи Богородицы на себежской иконѣ, находящейся нынѣ въ Опочкѣ? Въ челобитной жителей города Невеля, поданной Петру Великому, значится между прочимъ: „изволь подать намъ бѣдствующимъ совѣтъ и помощь, и защитить насъ отъ льва рыкающаго и денно и нощно поглотить насъ умышляющаго". Но прямой помощи Петръ I оказать этой злополучной окраинѣ не могъ; въ 1707 году, въ войнѣ съ Карломъ XII, войска его заняли Себежъ и окрестности, и только въ 1772 году, при первомъ раздѣлѣ Польши, отошла къ Россіи витебская губернія, и гоненія на православіе, измѣнивъ свою личину, стали изъ явныхъ тайными. Возсоединеніе уніатовъ послѣдовало, какъ извѣстно, 25 марта 1839 года, но отклики давнишнихъ поползновеній католичества имѣются и теперь.

Много могилъ и городищъ разсыпано въ этихъ мѣстахъ, прямымъ слѣдомъ тяжкаго, боеваго прошедшаго. Особенно характерны такъ-называемые Жанвильскіе курганы, или сопки, составляющіе три отдѣльныя группы, двѣ — по сотнѣ кургановъ въ каждой и одна—около семидесяти. Такой группировки слѣдовъ смерти въ количествѣ 300 кургановъ поискать; нѣкоторые изъ кургановъ вскрыты, но большинство остается нетронутыми и сохраняетъ, конечно, для будущихъ людей не одинъ подарокъ. Въ концѣ разрушенъ другой живой слѣдъ прежняго времени, это такъ-называемые „панцырные бояре", вошедшіе теперь въ общую скромную рубрику сельскихъ обывателей. Это было нѣчто въ родѣ польскаго казачества и, отчасти, аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Польскіе короли считали за нужное по окраинѣ московскаго государства поселять мѣщанъ и вольныхъ людей, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они, пользуясь безплатно землей и другими правами, были готовы во всякое время выступить на войну противъ Россіи и имѣли для этого добраго коня, панцырь, шлемъ, мечъ, копье, цвѣтное платье и шпоры. Особая королевская грамота 1547 года точно опредѣлила права ихъ; рядъ королей, включительно до Станислава-Августа въ 1764 году, подтверждалъ

эти права, сходно съ подтвержденіемъ правъ различныхъ прибалтійскихъ сословій, но въ 1772 году, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, панцырные бояре, многимъ изъ которыхъ жаловалось въ свое время дворянство, скромнымъ образомъ записаны въ „крестьяне дворцовой канцеляріи“, такъ что о прежде звенѣвшихъ здѣсь рыцарскихъ шпорахъ, звукъ которыхъ пугалъ бы мѣстныхъ евреевъ, нѣтъ болѣе и помину.

Оставаясь при историческихъ воспоминаніяхъ, нельзя не вспомнить что здѣсь же вслѣдъ за Сѣверною войной и свалками съ Польшею, совершились важныя дѣла въ 1812 году въ іюлѣ и августѣ; здѣсь, прикрывая вторгнувшимся французамъ путь на Ригу, куда направлялся Макдональдъ, и къ Петербургу, куда должны были идти Удино и Сенъ-Сиръ, дѣйствовалъ графъ Витгенштейнъ. Съ нашей стороны имѣлось налицо до 25,000 человѣкъ, со стороны французовъ — 40,000. Воспользовавшись разобщеніемъ Макдональда и Удино, Витгенштейнъ составилъ превосходный планъ: занявъ центральную позицію, выждать переправы французовъ на правый берегъ Двины и напасть всѣми силами на ближайшій къ нему изъ корпусовъ. Планъ этотъ, какъ извѣстно, удался вполнѣ, и бой подъ Клястицами, въ 25-ти верстахъ отъ Невеля, окончился полнымъ пораженіемъ Удино; на слѣдующій день, 20-го іюля, подъ Боярщиной, тоже близко отсюда, палъ генералъ-майоръ Кульневъ, одинъ изъ наиболѣе народныхъ героевъ отечественной войны, нѣчто въ родѣ Скобелева, отважный до самозабвенія, щедрый до беззаботности и любимый солдатами безгранично; самъ онъ называлъ себя „Люцынскимъ Донъ-Кихотомъ“; Люцынъ, мѣсто его рожденія, находится близко къ тому мѣсту, гдѣ ядро оторвало ему обѣ ноги, но между колыбелью и могилой героя, лежащими по сосѣдству, юный тогда генералъ успѣлъ прославиться въ цѣломъ рядѣ походовъ на Дунаѣ, въ Польшѣ, въ Финляндіи. Лихой и настойчивый Кульневъ возымѣлъ, между прочимъ, какъ видно изъ письма его къ брату, писанному въ 1805 году, оригинальную мысль „поймать Бонапарте и принести его голову въ жертву первой красавицѣ, прошу не называть это химерой: заклинаю тебя, это мои чувствія“, писалъ онъ. Характерной для времени и для Кульнева мысли этой не суждено было, однако, осуществиться; Кульневъ былъ похороненъ недалеко отъ Клястицъ, подлѣ Си-

вошина перевоза, но въ 1816 году тѣло его перевезено въ деревню его шурина, а затѣмъ схоронено окончательно въ церкви села Инзельбергъ, принадлежавшемъ его брату.

Отъ Канашева, гдѣ ночевалъ Великій Князь, до Невеля 25 верстъ; въ Невель Его Высочество прибылъ 19-го іюня около $10^1/_2$ часовъ утра. Городъ лежитъ въ мѣстности довольно ровной, совершенно голой, при впаденіи небольшой рѣчки Еменки въ Невельское озеро. На небольшой возвышенности находился замокъ, но отъ него сохранилось только имя и очень небольшіе слѣды. Рѣчка Еменка, пройдя озеро, впадаетъ въ Ловать, и Петръ I, будучи въ Невелѣ въ 1705 году, думалъ соединить ея верховье съ рѣкой Оболью, впадающею въ Западную Двину, то-есть открыть внутренній путь между Ладожскимъ озеромъ и Рижскимъ заливомъ; но затраты не окупались выгодами. и дѣло было оставлено. Характерно, что водораздѣлъ, на которомъ предполагалось рыть каналъ, называется здѣсь въ простонародьи „рабщизной“; рабство, какъ извѣстно, было постояннымъ спутникомъ католичества и панства, въ смыслѣ гораздо худшемъ чѣмъ наше крѣпостничество, и тутъ разцвѣтало оно вполнѣ и еще сказывается многими особенностями.

Видъ на Невель съ шоссе не дуренъ; влѣво высится соборъ, рядомъ съ нимъ костелъ, вправо маковки православнаго монастыря. Населеніе Невеля около 7.500 человѣкъ, изъ нихъ 3.896 евреевъ, со значительнымъ придаткомъ пришлаго люда; къ пріѣзду Его Высочества все поголовно высыпало на узкія улицы. Деревянные дома города (изъ числа 1.400 только 42 каменныхъ). по Великокняжескому пути расцвѣтились флагами и цвѣтами. Передъ соборомъ, къ которому Его Высочество подъѣхалъ, стоялъ почетный караулъ отъ расположенной въ городѣ роты резервнаго баталіона, принявъ который Великій Князь направился къ паперти. Здѣсь послѣдовало представленіе депутаціи и поднесеніе хлѣба-соли, а въ самомъ соборѣ привѣтственное слово, сказанное преосвященнымъ Маркелломъ, епископомъ полоцкимъ и витебскимъ, привѣтствовавшимъ Его Высочество еще въ прошломъ году въ Динабургѣ и нарочно прибывшимъ сюда съ тою же цѣлью.

Соборъ, подъ восьмигранымъ куполомъ на четырехъ столбахъ, далеко не производитъ впечатлѣнія богатаго; образовъ

мало; иконостасъ и старовать, и плохъ, такъ что благолѣпія, къ которому привыкъ нашъ русскій глазъ, здѣсь не имѣется. Храмъ построенъ въ 1809 году, но сгорѣлъ въ 1865 и подновленъ въ 1866 году.

Послѣ собора Великимъ Княземъ посѣщенъ сосѣдній съ нимъ заштатный мужской Преображенскій монастырь. Храмъ его построенъ въ 1732 году, но сгорѣлъ и подновленъ одновременно съ соборомъ; куполъ восьмигранный, иконостасъ трехъярусный, окраска стѣнъ, желтое съ голубымъ, тѣмъ рѣзче и непріятнѣе, что образовъ очень немного, да и тѣ что есть — бѣдны. Монаховъ въ монастырѣ всего три, въ томъ числѣ игуменъ Амвросій; послушниковъ шесть. Сравнительно съ этими данными, доходы монастыря, достигающіе, кромѣ исполненія требъ, 1.200 рублей, кажутся слишкомъ большими, а бѣдность церковной обстановки слишкомъ выразительною; несомнѣнно, что для церковнаго благолѣпія своими средствами могло бы быть сдѣлано несравненно больше. Великій Князь, въ сопровожденіи преосвященнаго Маркелла, заходилъ къ игумену, и около полудня покинулъ Невель. Экипажи были поданы, запряженные шестериками, съ парой въ уносѣ, такъ какъ предстояли по пути къ Великимъ-Лукамъ глубокіе пески, а день былъ чрезвычайно жаркій.

Не далѣе какъ въ семи верстахъ отъ Невеля, когда экипажныя шестерки еще не успѣли умаяться песками, экипажъ Его Высочества остановился въ селѣ Ивановѣ подлѣ церкви, въ склепѣ которой покоится тѣло знаменитаго Михельсона, укротителя Пугачева.

Если въ отмѣткахъ о нашихъ боевыхъ генералахъ 1812 г., составленныхъ въ штабѣ французской арміи до начала похода, Кульневъ характеризованъ такъ: „c'est Lasalle de l'armée russe“, то относительно воинскихъ особенностей генералъ-отъ-инфантеріи Михельсона сказано кѣмъ-то, что онъ напоминаетъ — Блюхера. Село Иваново было подарено ему съ 1.000 душъ крестьянъ Императрицей Екатериной II. Это была одна изъ многихъ наградъ, вызванныхъ совершенно незаурядными, замѣчательно-отважными и настойчивыми дѣйствіями Михельсона по поимкѣ, въ концѣ 1774 года, разбойника Пугачева, державшаго долгое время въ страхѣ всю Россію. Церковь села стоитъ подлѣ самой дороги, масивная, каменная, построенная, какъ говорятъ,

на деньги Михельсона, и въ нее-то, въ 1807 году, привезено было тѣло умершаго строителя, покончившаго жизнь, какъ и подобало солдату, на походѣ, а именно въ Бухарестѣ, въ качествѣ главнокомандующаго нашею дунайскою арміей, при самомъ началѣ наполеоновскихъ войнъ. Михельсонъ полвѣка честно прослужилъ Россіи и долженъ быть причисленъ къ тѣмъ дворянамъ лифляндской губерніи, имена которыхъ не забудутся нами въ доброй къ нимъ памяти. Хотя онъ не былъ лишенъ дарованій, смѣлости и воинскаго развитія вообіце, но едва ли бы многочисленные его походы, многія раны, командованія полками, корпусами, арміей, успѣли сдѣлать для его имени то, что сдѣлалъ пятимѣсячный блестящій походъ противъ Пугачева.

Посланный въ мартѣ 1774 года въ распоряженіе генералъ-аншефа Бибикова, вѣдавшаго все дѣло умиротворенія нашего пылавшаго поволжья, Михельсонъ началъ свои первыя дѣйствія подлѣ Уфы, и уже въ августѣ Пугачевъ, потерпѣвъ отъ Михельсона послѣднее пораженіе на югѣ, при Черномъ Ярѣ, бѣжалъ на луговую сторону Волги, гдѣ немедленно схваченъ и выданъ посланному для его поимки Суворову. Настойчивость, послѣдовательность, отвага Михельсона поистинѣ изумительны; сокрушая толпы за толпами, не давая своимъ войскамъ и часа отдыха, двигаясь безъ дорогъ, безъ мостовъ, безъ боевыхъ, вещевыхъ и пищевыхъ запасовъ, въ странѣ озлобленной, полной всякаго сброда, инородцевъ, казаковъ и освобожденныхъ изъ тюремъ и каторги острожниковъ, въ странѣ, полной пожарищъ и висѣлицъ, на громадномъ пространствѣ отъ Казани до Царицына, Михельсонъ все-таки достигъ своего. Преслѣдуя Пугачева по пятамъ, безостановочно, въ теченіи пяти мѣсяцевъ, онъ понялъ хорошо что только этимъ способомъ неумолчной, безустанной погони возможно его уничтоженіе, такъ какъ дать Пугачеву на роздыхъ хотя одинъ день, значило дать ему достаточное время собрать изо всякой черни и челяди новыя полчища, навербовать новыхъ генераловъ и полковниковъ, исчезнуть на болѣе или менѣе долгій срокъ въ безконечности степей и неистовствовать невыразимо, выжигая города и сокрушая крѣпости. Важность заслугъ Михельсона сказывается въ наградахъ, полученныхъ имъ: чинъ полковника, 1.000 душъ крестьянъ въ витебской губерніи, Георгій 3-й степени, значи-

тельная сумма денегъ и, скоро вслѣдъ за тѣмъ, командованіе лейбъ-кирасирскимъ полкомъ и дальнѣйшая блестящая карьера. Незабыты были и другіе сподвижники; „мое намѣреніе есть“ писала Екатерина II къ генералъ-маіору П. С. Потемкину, завѣдывавшему секретными коммиссіями по отысканію виновныхъ въ мятежѣ, „я отъ васъ не скрою, наградить деревнями всѣхъ тѣхъ, кои во всякой другой войнѣ кресты бы получили“. Такою деревнею, дополнившею, но не замѣнившею Георгіевскій крестъ, относительно Михельсона, было село Иваново, подлѣ церкви котораго Его Высочество остановился.

Еще имѣются на лицо старожилы помнящіе раскинутый здѣсь тѣнистый паркъ, барскій домъ, театръ и другія постройки. Теперь отъ всего этого остались только четыре живые свидѣтеля: Божій храмъ, развалина старой вѣтреной мельницы замѣчательно прочной кладки, нѣкоторые слѣды усадьбы, или замка, на берегу Иванъ-озера, и особый родъ улитокъ разведенныхъ Михельсономъ для борьбы съ червями и насѣкомыми въ несуществующемъ сегодня саду.

Храмъ въ которомъ Великій Князь прослушалъ молитвословіе, построенный въ 1805 году, окруженъ рѣшеткою и отѣненъ старыми липами, покрытъ небольшимъ куполомъ и имѣетъ восемь іонійскихъ колоннъ въ длину храма; въ куполѣ и подъ арками розетки; престолъ стоитъ подъ круглою сѣнью опирающеюся на шесть колоннъ сѣраго мрамора; стѣны церкви почти голы; снаружи имѣетъ она на три стороны три портика подъ фронтонами и входъ въ нее сквозь нартексъ, въ которомъ красуется мраморный бюстъ Михельсона. Въ общемъ постройка церкви прочная, разсчитанная на многіе годы и преуспѣяніе не существующей сегодня усадьбы. Богата была въ свое время и обстановка церкви, если судить по тѣмъ предметамъ, которые были похищены изъ нея въ 1876 году и найдены подлѣ Полоцка: чаша, лжица, дарохранительница, окладъ съ Евангелія и т. п. Воровское дѣло это имѣло въ свое время большую огласку; воры пробрались въ церковь, взломавъ рѣшетку въ склепѣ; они вскрыли гробъ генерала, думая найти въ немъ золотую урну съ внутренностями, но ошиблись, обобрали ризницу, искали денегъ, для чего, какъ разсказываютъ, жгли сургучемъ жену управлявшаго и, наконецъ, бѣжали. Начатые розыски доставили

обратно только часть вещей, которыя и хранятся поломанныя, кучею, въ особомъ ящикѣ. Увидавъ ихъ, Великій Князь нашелъ нужнымъ приказать привести ихъ въ приличный видъ и этимъ принесъ крупную лепту на алтарь забытой михельсоновской церкви.

Самъ генералъ, тѣло котораго было потревожено ворами, покоится подъ алтаремъ въ склепѣ, въ который Его Высочество спустился по гнилымъ, поросшимъ травою ступенькамъ. Своды склепа, треснувшіе глубоко, лежатъ на четырехугольномъ столбѣ, тоже не прочномъ. Дубовый гробъ генерала, съ металлическими на немъ изображеніями херувимчиковъ, помѣщенъ въ деревянный ящикъ и свидѣтельствуетъ воочію о громадности роста Михельсона; подлѣ, въ двухъ меньшихъ гробахъ, лежатъ сынъ и дочь покойнаго. Сынъ Григорій, недоросль, сдѣлавъ все возможное для крушенія благосостоянія оставленнаго отцомъ, помѣщикъ самыхъ дикихъ свойствъ, дѣлалъ отсюда формальные набѣги на Великія Луки и Невель, причемъ пускалъ въ ходъ даже дарованныя отцу пушки; тучею носились по улицамъ городовъ михельсоновцы; купцы запирали лавки, женщины скрывали дѣтей и прятались сами, такъ какъ не было суда и расправы надъ именитымъ баричемъ. Думалъ ли заслуженный генералъ, что въ сынѣ его скажутся многія особенности усмиреннаго отцомъ Пугачева, скажутся именно въ той деревнѣ, которая послужила царственною наградой за это усмиреніе и гдѣ, въ склепѣ забытой церкви, успокоятся они оба рядомъ, другъ подлѣ дружки, въ одинаковомъ молчаніи, отецъ и сынъ?

Дальнѣйшій путь Великаго Князя шелъ богатымъ казеннымъ сосновымъ боромъ; вдоль пути еще виднѣются старыя березы обрамлявшія всю дорогу; пески глубоки, мѣстность волниста, въ открытыхъ мѣстахъ красивыя панорамы на синюю даль, на поля, усадьбы, озера. Почтовыя лошади разукрашенныя ленточками, довольныя тѣмъ что предшествовавшіе холода обезпечивали отъ осъ и шмелей, быстро подхватывали въ горы.

Около четырехъ часовъ дня Великій Князь находится снова на границѣ псковской губерніи, въ Сеньковѣ, извѣстномъ по союзу заключенному нами въ немъ съ Испаніею въ 1812 году.

ВЕЛИКІЯ ЛУКИ.

Характеръ пути. Развитіе въ деревняхъ хороваго пѣнія. Въѣздъ въ городъ. Соборъ. Народный праздникъ. Наплывъ евреевъ. Лука разбойникъ. Новгородское время. Витольдъ литовскій и Стефанъ Баторій. Погромъ 1580 года. Измѣнникъ Валуевъ. Царскія посѣщенія. Дороги. Исчезновеніе женскихъ историческихъ одѣяній. Безобразія помѣщичьяго времени. Вознесенскій монастырь. Видъ съ крѣпостнаго вала. Отъѣздъ.

По пути отъ Сенькова къ Великимъ Лукамъ окрестность не мѣняетъ своего красиваго характера, только роскошный сосновный боръ, принадлежащій казнѣ, могучія сосны котораго, прямыя какъ стрѣлы и звучныя при гуляющемъ въ вершинахъ ихъ вѣтрѣ какъ струны, замѣнился мѣстами болѣе открытыми; тѣ же холмы, пески, озера, усадьбы, — все это быстро мелькало по сторонамъ, потому что дорога стала легче и почтовыя шестерки замѣнились четверками. Ленточки всѣхъ цвѣтовъ, обильно вплетенныя въ гривы и хвосты лошадей, весело развѣвались надъ ними, особенно при подхватываніяхъ въ гору; между ямщиками, собственноручно убиравшими коней, сказывалось значительное соревнованіе.

Въ Купуѣ, на послѣдней станціи передъ Великими Луками, Его Высочеству представились депутаціи отъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ; тутъ же собраны были одѣтыя въ мѣстное одѣяніе женщины, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, съ красными вышивками по плечамъ, такими же кушаками, красными платками на головахъ, завязанными на затылкахъ узломъ, и въ берестовыхъ лаптяхъ; имѣлась небольшая выставка на столахъ мѣстныхъ деревянныхъ издѣлій въ моделяхъ; дѣти Кулибацкаго

училища пѣли пѣсни. Слѣдуетъ обратить вниманіе на развитіе мѣстныхъ пѣсенныхъ хоровъ въ деревняхъ, идущее быстро впередъ и составляющее явленіе очень отрадное. Рѣдко гдѣ не пѣли подобные хоры на встрѣчу Великому Князю, и многіе изъ нихъ очень хороши; починъ въ этомъ полезномъ во многихъ отношеніяхъ дѣлѣ принадлежитъ министерству народнаго просвѣщенія, которое лѣтъ пять тому назадъ обратило особенное вниманіе на развитіе пѣнія въ сельскихъ училищахъ и, если не ошибаемся, озаботилось также, чтобъ имѣлись и регенты подготовляемые на это дѣло въ учительскихъ семинаріяхъ. Какъ всякая мѣра, вѣрно и своевременно обдуманная и приведенная въ исполненіе, это развитіе хороваго пѣнія, при той любви къ пѣснѣ, которая присуща нашему народу, дѣлаетъ огромные успѣхи, въ полномъ смыслѣ слова несомнѣнные: правильное хоровое пѣніе раздается въ мѣстахъ самыхъ глухихъ и поражаетъ случайнаго посѣтителя.

Около 6 часовъ вечера открылся съ дороги видъ на Великія Луки, и депутаціи отъ города съ различными значками на древкахъ встрѣтили Великаго Князя у арки. Народу собралось видимо-невидимо, кликамъ не было счета, и надъ этими подвижными, пестрыми, освѣщенными яркимъ солнцемъ массами людскими, высилось на верху арки большое, неподвижное изображеніе Луки богатыря, легендарнаго основателя города. Пересѣвъ въ городской экипажъ, Великій Князь направился въ соборъ. Видъ на городъ, когда къ нему подъѣзжаешь съ юга, не особенно красивъ: мѣстность открытая, ровная, и только маковки одиннадцати городскихъ церквей, въ томъ числѣ двухъ монастырей, оживляютъ однообразную, значительно раскинутую линію построекъ.

Соборъ Великихъ Лукъ о пяти синихъ куполахъ, съ зеленымъ шпилемъ колокольни, помѣщается между валами старой крѣпости; подлѣ него находятся всѣ воинскія учрежденія. Старѣйшая часть постройки, кубическая, рѣзко выдѣляется отъ позднѣйшихъ пристроекъ. Плоскій куполъ накрываетъ церковь; желѣзныя связи и голосники виднѣются обильно; иконостасъ двухъярусный, довольно плоской профили, золоченный; иконы Спасителя и Богоматери по сторонамъ царскихъ дверей сіяютъ въ богатыхъ ризахъ; надъ иконостасомъ нарисовано синимъ по

бѣлому подобіе шатра, подъ короною. Воскресенскій соборъ заложенъ Петромъ I въ 1682 году и въ немъ имѣются двѣ иконы пожертвованныя царями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами. Оба придѣла 1819 и 1826 годовъ, иконостасъ 1792.

Прослушавъ въ храмѣ молитвословіе, Великій Князь направился въ домъ, ему отведенный, гдѣ принялъ поставленный передъ нимъ караулъ; представленіе служащихъ и представителей сословій послѣдовало въ зданіи реальнаго училища. День завершился смотромъ вольной пожарной команды и народнымъ праздникомъ на Дворцовой площади, гдѣ, въ разноцвѣтныхъ сіяніяхъ фонариковъ, шкаликовъ, бенгальскихъ огней, шли пѣсни и хороводы, и подъ конецъ сожженъ фейерверкъ, а по берегамъ Ловати пылали смоляныя бочки. На этой площади стоялъ когда-то дворецъ Екатерины II, отъ котораго нѣтъ теперь и слѣда; сохранилось только имя.

Хотя жителей въ Великихъ Лукахъ около 7.000 человѣкъ, но къ пріѣзду Великаго Князя ихъ было больше чѣмъ вдвое. Евреевъ здѣсь 88 семействъ, или 505 человѣкъ; ихъ почти не знали здѣсь до 1866 года, до пожара Невеля, когда послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе поселиться здѣсь невельскимъ погорѣльцамъ-ремесленникамъ. Высочайшая милость касалась только ремесленниковъ, но кто же изъ евреевъ не ремесленникъ чего-либо? наплывъ ихъ сюда изъ года въ годъ растетъ, главная торговля направляется на Витебскъ, и прокурорскому надзору даютъ они много работы: въ Великихъ Лукахъ, какъ извѣстно, существуетъ свой окружный судъ, отличіе, которое имѣютъ очень немногіе изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ.

Много было у Великаго Новгорода городовъ и крѣпостей, но „ключомъ южныхъ его владѣній“, какъ говоритъ Карамзинъ, служили Великія Луки. Началось тутъ, по преданію, съ разбойничьяго гнѣзда устроеннаго будто бы на излучинахъ рѣки Ловати, въ 90 верстахъ отъ имѣвшагося города Холма, гнѣзда устроеннаго нѣкіимъ разбойнымъ человѣкомъ „дородным и великимъ“, Лукой по имени, бѣжавшимъ сюда съ товарищами изъ Новгорода. Всѣхъ грабилъ Лука, всѣхъ кто только наваливалъ на страну: кривичей, новгородцевъ, полочанъ, чудь, финновъ, эстовъ и своихъ земляковъ холмитянъ; много ихъ было тогда всякихъ двигавшихся съ мѣста на мѣсто людей, искавшихъ гдѣ

имѣ устроиться, потому что въ этой кашѣ пестрыхъ народовъ, напиравшихъ одни на другіе, трудно было разобраться — кто свой, кто чужой и гдѣ кому окончательно сѣсть. Миоическое изображеніе Луки красовалось на аркѣ, сквозь которую Великій Князь въѣхалъ въ городъ.

Первое лѣтописное свѣдѣніе о Великихъ Лукахъ имѣется подъ 1155 годомъ; онъ названъ „Новгородскимъ, обширнымъ и укрѣпленнымъ“ пунктомъ. Должно-быть крѣпкія стѣны города являлись причиной того что онъ неоднократно принималъ участіе въ междоусобіяхъ удѣльныхъ князей сидѣвшихъ въ немъ, что онъ отражалъ всякихъ враговъ и даже самъ, со своими горожанами, ходилъ въ 1205 году на „поискъ“, и очень удачно въ недалекую Ливонію. Когда вся Русь надолго зачахла подъ монголами, Новгородъ со своими землями и самымъ юго-восточнымъ, обращеннымъ къ татарамъ, „надежнымъ оплотомъ народной державы“, Великими Луками, ихъ власти не подпалъ, хотя и платилъ ордынскія дани.

Первый разъ подчинились Великія Луки чужому человѣку, а именно Витольду литовскому, въ 1405 году; вслѣдъ затѣмъ, подобно тому, какъ они служили разнымъ князьямъ въ междоусобицы опорнымъ пунктомъ, стали Великія Луки предметомъ распрей между Новгородомъ и Псковомъ до тѣхъ поръ, пока не пришелъ конецъ самому Новгороду, и въ 1477 году не взялъ его, призывавшаго къ себѣ на помощь Казиміра литовскаго, Іоаннъ III.

Характерно для Великихъ Лукъ то, что, думая откупиться отъ русскаго царя, новгородцы предлагали ему взять Великія Луки; не будь это пріобрѣтеніе вкладомъ цѣннымъ, новгородцы конечно, не смѣли бы предложить его царю, отклонившему однако это предложеніе, вслѣдствіе простой увѣренности, что если возьметъ онъ Новгородъ, то пригороды, какъ бы они цѣнны ни были, достанутся ему и сами собою. А что Великія Луки были однимъ изъ цѣннѣйшихъ пригородовъ, видно изъ участія его въ торговлѣ Ганзейскаго союза, въ томъ что онъ имѣлъ свое вѣче съ колоколомъ, имѣлъ намѣстниковъ и князей, присылавшихся изъ Новгорода, что онъ правилъ свой судъ и что разъ въ годъ, въ Петровъ день, наѣзжали къ нему изъ Новгорода „именитые граждане“ для выслушанія жалобъ на намѣстниковъ и рѣшенія важнѣйшихъ мѣстныхъ дѣлъ.

Если ограничиться воспоминаніемъ только самыхъ крупныхъ фактовъ въ исторіи Великихъ Лукъ, слѣдуетъ вспомнить 1580 годъ, время нашествія на Россію Стефана Баторія. Польскій лѣтописецъ Стрыйковскій описываетъ изъ какихъ именно конныхъ и пѣшихъ гетмановъ, воеводъ и старостъ, изъ какихъ поляковъ, венгерцевъ и рыцарей составлена была 44.000 рать Баторіева, шедшая на Луки, имѣвшія только 6.000 гарнизонъ. „Многолюднѣйшимъ, обширнѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ послѣ Москвы и Пскова“, говоритъ историкъ псковскаго княжества, были тогдашнія Великія Луки; они имѣли замокъ и были хорошо укрѣплены, и въ то время, какъ царь Іоаннъ IV испрашивалъ у короля польскаго чрезъ пословъ своихъ, Сицкаго и Пивова, пощады, великолучане стойко отстаивали свой городъ, продаваемый царемъ и громимый большою артиллеріей. 5-го сентября удалось полякамъ подвести мину подъ большой пороховой погребъ и одновременно со страшнымъ взрывомъ устремились они на приступъ. Семь тысячъ русскихъ головъ, говоритъ Стрыйковскій, меньше чѣмъ въ одинъ часъ времени слетѣло съ плечъ, и продолжительная бойня кончилась тѣмъ, замѣчаетъ Карамзинъ, что Баторій взялъ „пепелище облитое кровью, покрытое истерзанными тѣлами и членами“.

Утвердившись на Ловати, Баторій, имѣя центръ зимнихъ квартиръ въ Великихъ Лукахъ, пошелъ далѣе къ Торопцу, Холму, на Старую Руссу. Мольбу о милости, неудавшуюся Сицкому и Пивову, Іоаннъ IV поручилъ іезуиту Поссевину, уступая врагамъ 56 городовъ, въ томъ числѣ и Великія Луки. Въ сказкахъ русскаго народа, Сахарова, имѣется пѣсня о томъ, какъ шелъ польскій король:

На первый-то городъ на Полотскій,
На другой-то городъ на Велики Луки,
На третій-то городъ на батюшку Опсковъ-градъ,
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики Луки онъ насквозь прошелъ.

Въ пѣснѣ этой говорится также, какъ защищалъ Псковъ воевода Иванъ Петровичъ князь Шуйскій и какъ, наконецъ, „насилу король самъ-третей убѣжалъ“.

Не лучше были времена самозванцевъ; весь сѣверъ Россіи оказался размежеваннымъ между шведами, поляками и самозван-

цами, много вредили и свои воровскіе люди. Въ ночь на Рождество 1610 года нѣкій измѣнникъ Валуевъ святотатственно ворвался въ Великія Луки и напалъ на гражданъ молившихся въ церквахъ, перерѣзалъ кого могъ, награбилъ что удалось и предалъ городъ пламени. 12 недѣль послѣ этого валуевскаго погрома оставался городъ пустымъ и представлялъ изъ себя великое пепелище. Съ 1668 года, послѣ нападенія польскихъ жолнеровъ на предмѣстья, Великія Луки, опустошенныя, разграбленныя, захилѣвшія, не видѣли болѣе подъ стѣнами своими непріятеля, но не пришлось имъ и до настоящаго времени приблизиться, хотя отчасти, къ блеску своего былаго. Временно думали великолучане, послѣ Петра I, поправить свои дѣла торговлей контрабандой, пользуясь близостью къ западной границѣ и только отнесеніе границы, при Екатеринѣ II. болѣе на западъ прекратило это временное, незаконное средство наживы. Печальныя, но славныя судьбы города разсказаны и изданы однимъ изъ великолучанъ, редакторомъ „Русской Старины“ М. Семевскимъ.

За время позднѣйшаго мирнаго существованія города слѣдуетъ упомянуть, что здѣсь дважды пребывалъ Петръ I и, готовясь къ войнѣ съ Карломъ XII, повелѣлъ строить крѣпость, состоявшую изъ бастіоновъ съ равелинами и валомъ въ 10 сажень вышины, нынѣ на половину осыпавшимся; еще въ 1852 году валы эти были такъ высоки что изъ-за нихъ виднѣлся только крестъ соборной церкви, теперь видны и купола; на узкихъ каменныхъ воротахъ значится 1704 годъ. Въ награду за всѣ тягости понесенныя мѣстнымъ народомъ въ Сѣверную войну, царь Петръ далъ псковичамъ и великолучанамъ льготу исключительнаго права торговли въ Нарвскомъ портѣ, но Екатерина I уничтожила это право; Великія Луки посѣщали: Екатерина II, Александръ I и Николай I.

Что Великія Луки были нѣкогда городомъ богатымъ, видно, между прочимъ, изъ количества различныхъ кладовъ разновременно подлѣ него найденныхъ. Въ 1802—1803 найдено до 9 пудовъ серебряныхъ монетъ IX—XI вѣковъ; что Луки были велики, ясно изъ преданій, будто городъ имѣлъ протяженія до 20 верстъ: теперь въ его окружности только девять. Однимъ изъ доказательствъ давнишняго захилѣнія всего уѣзда служатъ любо-

пытныя свѣдѣнія о состояніи дорогъ въ 1838 году, помѣщенныя въ Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, изъ которыхъ видно, что мѣстныя дороги „болѣе похожи на извилистыя, подъ прямымъ угломъ, подобныя зигзагамъ змѣеобразныя, широкія тропины, самимъ временемъ отъ вѣковой ходьбы и ѣзды образовавшіяся, но рукъ человѣческихъ тамъ не бываетъ, грѣхъ смертный назвать ихъ дорогами". Дорога по которой слѣдовалъ Великій Князь, блистала новенькими мостами, освѣженными канавками, не имѣла выбоинъ и заставляла сомнѣваться въ справедливости показаній 1838 года.

Много отняло отъ города всепожирающее время, но красиваго расположенія надъ Ловатью оно отнять все-таки не могло; древнія укрѣпленія виднѣются очень ясно, хотя о множествѣ воротъ, о башняхъ, числомъ двѣнадцать, изъ которыхъ двѣ шести и двѣ четырехъугольныя имѣли до 16 саженъ ширины. о кремлѣ, имѣвшемъ въ окружности цѣлую версту, нѣтъ болѣе и помину. Воинственныя воспоминанія сохранились въ гербѣ данномъ городу Петромъ Великимъ: рука вооруженная мечомъ, разящая чернаго змія, и въ гербѣ, данномъ Екатериною II съ изображеніемъ трехъ натянутыхъ луковъ. Есть свѣдѣнія о городскихъ знаменахъ, „вѣчаныхъ", можетъ быть данныхъ съ согласія вѣча, но „ихъ нѣтъ теперь; — гдѣ?" спрашиваетъ коротко и выразительно мѣстный исторіографъ 1838 года и не даетъ отвѣта.

Какъ исчезали, словно дымъ, тотъ или другой историческій очеркъ города, такъ исчезло безслѣдно и прелестное женское одѣяніе: „ряски" съ жемчугомъ въ видѣ плоскодонной круглой шляпы съ полями — „заборами", тоже унизанными жемчугомъ, исчезли широкіе, откидные, вышитые воротники рубашки и штофныя юбки, обшитыя глазетомъ.

Мы говорили уже о свирѣпости и безшабашности здѣшнихъ помѣщиковъ въ концѣ прошлаго вѣка, образчикомъ которыхъ былъ Григорій Михельсонъ; такихъ людей здѣсь было много и архивныя дѣла хранятъ множество дѣлъ возмутительнѣйшаго свойства. Стоитъ вспомнить Алексѣя Орлова, грабившаго въ теченіи 10-ти лѣтъ сосѣда своего Василевскаго; случайно сошлись они на молитвѣ въ церкви Св. Троицы; „не молись Троицѣ", говорилъ Орловъ гордо сидѣвшій на стулѣ у лѣваго клироса, стоявшему на колѣняхъ и молившемуся Василев-

скому, „не молись иконѣ, а помолись мнѣ: захочу-помилую, захочу-сгублю“, и народъ, слышалъ эти слова, и Орловъ убитъ громомъ небеснымъ при выходѣ изъ церкви.

Слѣдующій по прибытіи Его Высочества въ Великія Луки день, 20 іюня, былъ посвященъ прежде всего исполненію служебнаго долга. Съ утра Его Высочество направился въ управленіе уѣзднаго воинскаго начальника, но ограничился только обходомъ его, такъ какъ начальникъ, до котораго относилась бы повѣрка, находился по болѣзни на старорусскихъ минеральныхъ водахъ. Въ казармахъ Великій Князь обошелъ всѣ помѣщенія, осмотрѣлъ команды и послѣ того присутствовалъ при ихъ обѣдѣ, который былъ предложенъ воинскимъ чинамъ отъ города въ честь прибытія Августѣйшаго Главнокомандующаго и состоялся въ войсковомъ манежѣ. Первая чарка была поднята Его Высочествомъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора и вызвала несмолкаемое ура! вторая — начальникомъ мѣстной бригады за Великаго Князя и дружный кликъ солдатъ послѣдовалъ и за этимъ тостомъ. Городскому головѣ, въ особый знакъ вниманія за его постоянно радушное и доброе отношеніе къ войскамъ, Его Высочество подалъ руку.

При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ Великаго Князя, приходилось нѣсколько разъ переѣзжать Ловать по довольно длинному мосту. Извилистая Ловать, берега которой пологи, образуетъ тутъ островки; на одномъ изъ нихъ стоитъ Преображенская церковь, противъ нея на берегу церковь Покрова, называемая въ простонародьи „Егорья“, въ память когда-то бывшаго здѣсь монастыря: это еще одинъ примѣръ того, какъ слово переживаетъ камни. Изъ существующихъ здѣсь двухъ монастырей,—прежде ихъ было еще три,—Вознесенскій дѣвичій монастырь, посѣщенный Великимъ Княземъ, имѣетъ 16 инокинь и 90 послушницъ, съ игуменьей Палладіей во главѣ; общежитія въ немъ нѣтъ, такъ какъ всѣ живущія въ немъ существуютъ на свои средства, хотя есть и такія которыя присылаются сюда на житье и содержатся изъ общихъ доходовъ. Въ храмѣ Его Высочество прослушалъ молитвословіе. Пятиярусный иконостасъ лѣтней церкви высится подъ восьмигранымъ куполомъ; проходъ въ нее сквозь нартексъ и зимнюю церковь, о двухъ престолахъ, не высокую, подъ цилиндрическими сводами; въ одной изъ нихъ, въ особомъ помѣ-

щеніи. крупный, рѣзной, крашеный обликъ Спасителя; всѣ стѣны всѣхъ храмовъ покрыты фресками въ свѣтломъ тонѣ. На мѣстѣ этого дѣвичьяго монастыря находился мужской Ильинскій, сожженный въ 1610 году въ разбойничій набѣгъ одного изъ названныхъ нами уже раньше, сообщниковъ поляка Лисовскаго, Валуева; граждане, послѣ пожара, воздвигли въ 1685 женскій Вознесенскій монастырь, деревянный, обращенный въ каменный въ 1751 году. Великій Князь заходилъ въ помѣщеніе игуменьи.

Слѣдовали посѣщенія: городскаго училища съ ремесленными классами, очень хорошо устроеннаго; земской больницы, отличающейся порядкомъ, причемъ комнаты такъ просторны что на больнаго, не считая широкихъ корридоровъ, приходится воздуха по 5½ метровъ; посѣщены: отдѣленіе сестеръ Краснаго Креста, тюрьма и домъ призрѣнія бѣдныхъ, существующій съ 1780 года; кромѣ 16 стариковъ, 49 старухъ и 27 дѣтей, мѣстное благотворительное общество содержитъ еще въ частныхъ домахъ 57 человѣкъ, давая каждому по 2 р. въ мѣсяцъ и по 1 пуду муки. Въ длинномъ рядѣ городовъ посѣщенныхъ Великимъ Княземъ, въ теченіи четырехлѣтнихъ путешествій, Великія Луки, какъ по воспитательной части, такъ и въ дѣлѣ благотворенія, занимаютъ очень видное мѣсто и могутъ послужить примѣромъ многимъ другимъ.

До отъѣзда Его Высочества въ Торопецъ, послѣдовавшаго въ часъ пополудни, посѣщена была бесѣдка поставленная на старомъ крѣпостномъ валу, какъ это было сдѣлано и въ Опочкѣ; при роскошномъ полуденномъ освѣщеніи здѣсь рѣка Ловать, какъ тамъ Великая, блестѣла по голубому фону подвижною сѣтью чешуйчатыхъ волнъ, и городскіе домики и храмы Божьи обрамляли ее очень красиво. Если, какъ сказано, крѣпостные валы лѣтъ тридцать назадъ были такъ высоки что закрывали куполы собора, то и сама Ловать измѣнила свое русло, потому что, когда то, обмывала подножье крѣпостныхъ валовъ, съ одного изъ которыхъ любовался, передъ отъѣздомъ изъ города, Великій Князь общимъ видомъ одного изъ древнѣйшихъ и когда-то очень важныхъ поселеній нашихъ.

---

*

ТОРОПЕЦЪ.

Характеръ пути. Классическія березы. Прибытіе въ городъ. Историческія одѣянія торопчанокъ. Соборъ Корсунская икона. Свадьба Александра Невскаго. Іоаннъ IV. Мѣстные историки: Паходкинъ, Иродіоновъ, Семевскій. Посидѣлки. Петръ I и комендантъ Алексѣевъ. Общій видъ церквей. Четыре характерныя легенды.

Великій Князь выѣхалъ изъ Великихъ Лукъ 20-го іюня, въ часъ пополудни. До Торопца всего девяносто съ небольшимъ верстъ; ночлегъ предполагался, не доѣзжая до города десяти верстъ, въ усадьбѣ мѣстнаго предводителя дворянства, съ тѣмъ, чтобы быть въ Торопцѣ въ воскресенье къ обѣднѣ. День стоялъ необычайно жаркій; нѣкоторыя части пути, какъ говорили, особенно тяжелы. и дѣйствительно на второмъ переѣздѣ пришлось взобраться на гору Собачью, на четвертомъ—перевалить гору Воробью, и добрымъ конямъ предстояла очень трудная работа. При началѣ дороги мѣстность довольно ровная, безлѣсная; затѣмъ опять начинаются холмы и горы; деревни часты, но не велики, рѣдко больше 20-ти дворовъ, такъ что трудно устроить между крестьянами круговую поруку, требующую, какъ извѣстно, 40 дворовъ. И тутъ, какъ до Великихъ Лукъ, почти вдоль всей дороги виднѣются съ обѣихъ сторонъ древнія березы, насаженныя когда-то добрыми людьми, для доставленія прохожимъ тѣни. Березъ этихъ теперь болѣе не подсаживаютъ; время уничтожаетъ ихъ, а люди обращаются съ ними самымъ безжалостнымъ образомъ; то и дѣло встрѣчаете вы столѣтняго великана съ прожженнымъ дупломъ:

нужно было прохожему развести костеръ, какъ же не воспользоваться живымъ березовымъ матеріаломъ, пустивъ по немъ пламя съ подвѣтренной стороны? Печальны эти пораненые на смерть старики растительнаго царства; много видѣли они бурь, ихъ щадила небесная молнія, но не пощадила сѣрная спичка прохожаго, отъ котораго и слѣдъ простылъ. Если пейзажисты правы, говоря, что каждое дерево имѣетъ свою совершенно особенную физіогномію, то здѣшнія березы источникъ богатѣйшій; никакая фантазія не создастъ этихъ чудовищныхъ изворотовъ вѣтвей и стволовъ, этихъ грибообразныхъ наростовъ, этихъ крючьевъ и дупелъ. Много березъ уже валяется по придорожнымъ канавкамъ и обростаетъ султанами зеленыхъ папоротниковъ и нитями павилики и другихъ вьюновъ.

На станціи Красная Вешня Его Высочеству представилась депутація отъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ; на станціи Пятницкой — отъ дворянъ и сельскихъ обществъ. Во второй половинѣ пути опять проглядывали по сторонамъ синія озера. Великій Князь, оберегая лошадей, иногда, при въѣздѣ на гору, сходилъ съ экипажа; такъ случилось и подлѣ озера Жижицкаго или, попросту, Жижи; здѣсь, подлѣ дороги, имѣлись налицо мѣстные рыбаки; старѣйшій изъ нихъ, удостоившійся разспросовъ Его Высочества, сообщилъ о томъ, что родное ихъ озеро даетъ иногда тоню въ 1.000 пудовъ, и попадаются судаки до одного пуда вѣсомъ.

Къ 8-ми часамъ вечера Великій Князь находился въ усадьбѣ Михайловское, на берегу Заликовскаго озера, гдѣ и имѣлъ ночлегъ. Согласно предположенію, въ Торопецъ слѣдовало ѣхать слѣдующимъ утромъ, въ лодкахъ; но, какъ оказалось послѣ точной справки, мелководье помѣшало исполненію этого предположенія, и переѣздъ совершился на лошадяхъ утромъ 21-го іюня. Великій Князь приказалъ остановиться у старой церкви погоста Рѣчань, стоящей при дорогѣ; священникъ, встрѣтившій Августѣйшаго путника со крестомъ и святою водой, провелъ Великаго Князя по храму; старѣйшая часть его, кубическая основа, существуетъ съ 1606 года, имѣетъ три купола и голосники, остальныя части позднѣйшей пристройки.

Торопецъ, со множествомъ маковокъ церковныхъ, обильно сіяющій озерными водами, глянулъ очень красиво и типично.

Въѣзжая въ него, видишь могучія очертанія старыхъ валовъ, поросшихъ зеленью, которые имѣютъ много что поразсказать. Великокняжескій экипажъ прослѣдовалъ почти поперекъ всего города, убраннаго празднично, по воскресному, прямо къ пристани, устроенной на берегу озера, къ которой назначено было подъѣхать не съ суши, а съ воды. Здѣсь, принявъ депутацію отъ города, Его Высочество стоялъ лицомъ къ лицу къ группѣ мѣстныхъ женщинъ и дѣвушекъ, числомъ 36, сіявшихъ золотомъ, въ роскошныхъ историческихъ одѣяніяхъ торопчанокъ, при яркомъ, ослѣпительномъ блескѣ солнца, на берегу синѣвшаго озера. посреди безсчетной толпы. Тутъ впервые довелось увидѣть всю типичность этихъ одѣяній, благодаря счастливой случайности или заслугѣ мѣстныхъ женщинъ, одѣяній, сохранившихся въ такомъ большомъ количествѣ только въ Торопцѣ. Такъ было это во время Императора Александра I и позже, такъ и теперь. Между женщинами были дворянки, купчихи, мѣщанки, замужнія и незамужнія, отличавшіяся одна отъ другой большимъ или меньшимъ количествомъ жемчуга на кокошникѣ, но съ классическимъ бѣлымъ шелковымъ платкомъ, идущимъ остріемъ кверху надъ головой и широко раскидывающимъ свой плоскій золотой рисунокъ по спинѣ между плечъ; сарафаны, кажется, называются здѣсь ферезями. Отличіе женщинъ отъ дѣвушекъ сказывается въ томъ, что кокошники, или вѣрнѣе, нижніе пояса ихъ, унизанные жемчугомъ, у дѣвушекъ совершенно гладки, тогда какъ у женщинъ они оторочены цѣлымъ рядомъ невысокихъ, остренькихъ, также унизанныхъ жемчугомъ, характерныхъ рожковъ.

Отъ пристани къ собору, находящемуся не вдали, Великій Князь прошелъ пѣшкомъ, сопровождаемый торопчанками, золотая стѣна которыхъ, при помощи полиціи, сдерживала довольно прочно натискъ толпы и свидѣтельствовала объ устойчивости ногъ и плечъ торопчанокъ, не желавшихъ уступить мѣста подлѣ Августѣйшаго Гостя, на котораго можно было глядѣть вволю и долго. Войдя въ соборъ вслѣдъ за Великимъ Княземъ, торопчанки размѣстились за нимъ роскошною декораціей, остававшеюся неподвижною во все время обѣдни, за исключеніемъ правыхъ рукъ, то-и-дѣло клавшихъ крестныя знаменія, и, подобавшаго ходу служенія, наклоненію головъ.

Соборъ чрезвычайно свѣтелъ: въ немъ 30 большихъ оконъ,

въ три свѣта; четырехгранный куполъ также въ два свѣта; вправо божница съ иконой Богоматери Эфесской, или Корсунской, писанной Св. Лукой, и передъ нею семь красивыхъ лампадъ. Вся алтарная часть храма находится какъ бы подъ особымъ павильономъ, имѣющимъ восемь золоченыхъ коринѳскихъ столбовъ. Надъ круглою аркой, поднимающеюся надъ алтаремъ, изображено снятіе со Креста, въ медальонѣ Господь Саваоѳъ; сбоку изображенъ пѣтухъ, возгласившій трижды, во исполненіе Христова предсказанія. На стѣнахъ живопись масляными красками. Пѣвчіе помѣщаются сзади на хорахъ, лицомъ къ алтарю. Въ главный храмъ проходятъ сквозь теплую церковь съ двумя придѣлами. Надъ соборомъ пять куполовъ съ золочеными маковками; колокольня стоитъ отдѣльно, по другую сторону улицы. Благолѣпіе храма — полное. Изъ числа древностей хранящихся въ соборѣ Его Высочеству показаны: панагія и крестъ изъ привѣсовъ XIV вѣка, крестъ пожертвованный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Евангеліе изданное въ Вильнѣ въ 1600 году и пр.

Что Торопецъ очень старъ, видно изъ того, что Несторъ, описывая черноризца Исаакія, называетъ его торопчаниномъ. Болѣе положительное упоминаніе имѣется о городѣ подъ 1168 годомъ: онъ сожженъ княземъ Романомъ Новгородскимъ. Древнѣйшій, первоначальный Торопецъ стоялъ тамъ, гдѣ виднѣется теперь городище; онъ назывался тогда Кривитъ. Въ Торопцѣ, какъ въ удѣлѣ Смоленскаго княжества, имѣли мѣсто многія битвы споривщихъ между собою князей. Весьма длинны повѣсти о нападеніяхъ литовцевъ, и городъ, вѣроятно, имѣлъ уже тогда укрѣпленія; сидѣлъ въ Торопцѣ свой князь, было свое народоправство и шумѣло свое вѣче. Здѣсь Александръ Невскій, пріятный голосъ котораго „гремѣлъ какъ труба на вѣчахъ“, вѣнчался съ Параскевой, дочерью Брячеслава Полоцкаго, и „ту кашу чини, а въ Новѣ городѣ другую“. Памятью этого бракосочетанія является чудотворная икона Богородицы Эфесской, подаренная молодою женой князя и помѣщающаяся нынѣ въ Корсунско-Богородицкомъ соборѣ. Въ XIV вѣкѣ уничтоженъ Торопецъ-Кривитъ Ольгердомъ.

Въ Торопцѣ имѣло мѣсто проявленіе добраго чувства Іоанна IV. въ хорошее его время: въ 1553 году, былъ „остановленъ и

допрошенъ“ и уличенъ въ измѣнѣ направлявшійся въ Литву, по порученію князя Симеона Ростовскаго, князь Лобановъ-Ростовскій; когда боярская дума опредѣлила послѣднему смертную казнь, то Іоаннъ IV ограничился тѣмъ, что поставилъ его на позоръ, а затѣмъ заточилъ въ Бѣлоозерѣ. Позже Іоаннъ IV пролилъ въ Торопцѣ много крови, потому что въ синодикахъ на поминовеніе убитыхъ имъ, которые онъ разсылалъ подъ конецъ жизни въ разные монастыри, напримѣръ, на Валаамъ, въ Кирилловъ и другіе, значатся и торопчане. Вокругъ и около Торопца совершались многія сраженія съ войсками Баторія; когда имъ взяты были Великія Луки, то, чтобы побороть сидѣвшаго въ Торопцѣ князя Хилкова, польскому королю, въ 1580 году, пришлось сдѣлать особое на него нападеніе; хотя Хилковъ былъ разбитъ королемъ, но уже въ слѣдующемъ году поляки не могли взять города; въ 1611 году устоялъ онъ, въ числѣ немногихъ другихъ городовъ, противъ Сапѣги. Дальнѣйшія судьбы города обозначаются довольно ясно въ переговорахъ объ уступкахъ и переуступкахъ Польшѣ и Польшей тѣхъ или другихъ областей этой многострадальной западной окраины нашей. Полное успокоеніе наступило только, когда западная граница отодвинулась и укрѣпилась окончательно, и только въ короткій срокъ Отечественной войны имя Торопца, лежавшаго близко къ главной военной дорогѣ, не разъ встрѣчается вновь въ сказаніяхъ о пути Наполеоновскихъ полчищъ къ Москвѣ и обратно. Въ августѣ 1812 года привезенъ сюда плѣнный французъ генералъ Жюно, герцогъ Абрантесскій, лѣчившійся здѣсь отъ ранъ.

Мы не разъ замѣчали, при описаніи путешествій Великаго Князя, что мелкіе центры нашей провинціальной жизни: Опочка, Холмъ, Гдовъ, Островъ и многіе другіе, въ свое время, особенно въ концѣ прошлаго вѣка, имѣли мѣстныхъ историковъ-лѣтописцевъ, которые, съ бо́льшими или меньшими свѣдѣніями и умѣньемъ, передали потомству сказанія о прошедшихъ дняхъ своихъ маленькихъ городовъ. Надо признаться, что былое время въ этомъ отношеніи заявляло о себѣ лучше, чѣмъ наше.

Древнѣе другихъ неизвѣстный историкъ Торопца, кажется XVII вѣка, лицо духовнаго чина, описавшій „чудодѣйственную благодать“ образа Корсунской Богородицы, съ сообщеніемъ по этому поводу историческихъ событій; копія съ этого труда хра-

нится, кажется, въ соборѣ. Большой трудъ (сто листовъ мелкаго письма), Исторія Торопца Находкина, въ которомъ, въ числѣ замѣчательныхъ торопецкихъ дворянъ, названъ фельдмаршалъ князь Голенищевъ-Кутузовъ, составленъ, кажется, въ первой четверти нынѣшняго вѣка; послѣдній разсказъ въ немъ о смерти Императора Александра I. Въ 1788 году отпечатана книга, теперь очень рѣдкая: Историческія, географическія и политическія извѣстія до города Торопца касающіяся, собранныя священникомъ Покровской церкви Петромъ Иродіоновымъ и посвященныя „славному имени“ Сиверса, генералъ-поручика, намѣстника тверскаго, новгородскаго и псковскаго. Иродіоновъ доказываетъ что Торопецъ существовалъ въ дохристіанскія времена; объ этомъ свидѣтельствуютъ де, между прочимъ, сохранившіяся въ огромномъ количествѣ въ народныхъ пѣсняхъ, прибауткахъ и причитаніяхъ имена славянскихъ языческихъ божествъ, равно какъ обычаи, не имѣющіе съ христіанскимъ воззрѣніемъ ничего общаго, какъ-то: скаканіе черезъ краниву и огонь, подслушиваніе у замка церковнаго и т. п. Во время Иродіонова существовалъ здѣсь странный обычай вести невѣсту къ вѣнчанію въ большой бобровой шапкѣ, „треухомъ“ называвшейся, и въ красныхъ сапогахъ, зимой и лѣтомъ; были тутъ въ большомъ ходу отъ Рождества до Крещенія „субботки“, причемъ въ красный уголъ ставился фонаръ, а иконы выносились; отъ Крещенія до поста устраивались „посидѣлки“, куда сходились и разговаривали „безо всякаго зазору“ парни и дѣвушки; подобныя же сборища, имѣвшія мѣсто со Святой начиная, лѣтомъ назывались „танцами“. Повидимому, „посидѣльщицы“, „миляхи“ и „камедчики“ существуютъ и по-сегодня.

Въ 1706 году совершилось нѣчто необычайное въ мирной жизни горожанъ, а именно: посѣтилъ Торопецъ, и къ тому же, по словамъ священника Иродіонова, „нечаянно“, Петръ I. Онъ осматривалъ городъ и „примѣчалъ удобство къ новому укрѣпленію онаго“; то же дѣлалъ онъ въ Великихъ Лукахъ, въ ожиданіи боя съ Карломъ XII, только тамъ его осмотры вызвали къ жизни дѣйствительную крѣпость, а здѣсь — нѣтъ. Въ городѣ былъ тогда комендантомъ Алексѣевъ, доложившій, между прочимъ, Государю, что наряженые отъ города для подставы ямщики, не желая ѣхать, укрылись съ лошадьми въ Стрѣлецкую слободу,

идти въ которую онъ, комендантъ, опасается, такъ какъ стрѣльцы, „нерѣдко причиняющіе городу многія наглости, ихъ защищаютъ“. Царь приказалъ послать на ямщиковъ команду, и они „тотчасъ сысканы и къ своей должности доставлены“. Повидимому, были и другія причины, по которымъ комендантъ Алексѣевъ не отважился идти къ стрѣльцамъ; такъ, уже по выѣздѣ изъ города въ Великія Луки, царь послалъ въ Торопецъ обратно Плещеева для выраженія гражданамъ своего царскаго благоволенія и для привода „къ себѣ“ коменданта, на котораго подано много жалобъ. Будучи арестованъ и находясь по пути къ царю, недалеко отъ своей отчины, Алексѣевъ „упросилъ завезти себя въ оную и тамъ скоропостижно умеръ“. Видно, царскія очи Петровы были страшнѣе смерти. Это, по словамъ Иродіонова, было при второмъ посѣщеніи Торопца Петромъ I; первое имѣло мѣсто въ 1698 году. Тотъ же Иродіоновъ сообщаетъ о тогдашнихъ мѣстныхъ дворянахъ что они „мало упражняются въ экономіи, а больше въ обращеніи съ сосѣдними фамиліями“; что „ни въ которомъ мѣстѣ не находится въ такомъ пренебреженіи воспитаніе дѣтей, какъ въ семъ городѣ“; что въ деревняхъ распорядки худы; что горожане „любятъ праздность и всякія веселости“, а дѣвицы ихъ, выходя изъ дому, всегда закрываютъ лицо покрывалами „и никогда безъ нужды не ходятъ въ церковь“.

Красиво мѣстоположеніе Торопца надъ озеромъ Соломино и рѣчкой Торопой, вблизи озеръ Спасское и Бабкино, въ сосѣдствѣ древнихъ, большаго и малаго, городищъ, подлѣ невысокихъ „Поклонныхъ“ горъ, на которыхъ совершались когда-то языческія поклоненія; въ немъ двадцать церквей — всѣ каменныя, и много старыхъ домовъ; словомъ, мѣстоположеніе города одно изъ лучшихъ. Внѣшнее обличье его, вторя лѣтописямъ, свидѣтельствуетъ о лучшихъ прежнихъ временахъ. Самое цвѣтущее время его было въ XVIII вѣкѣ, когда льготы, данныя Петромъ Великимъ купечеству, развили торговлю. Насколько быстро послѣдовало паденіе города, видно изъ того что въ 1806 году въ городѣ было 431 купеческое семейство, а тридцать лѣтъ спустя только 76. Торговля давно отошла въ другіе города, между прочимъ, въ Бердичевъ.

Въ Запискахъ Географическаго Общества переданы М. Семевскимъ, въ 1864 году, нѣкоторыя характерныя преданія.

Одно, такъ сказать, чисто легендарное. Шелъ по землѣ Свѣтъ-Христосъ съ апостоломъ Петромъ и, увидѣвъ дерущихся, послалъ апостола мирить ихъ; дрались чортъ съ торопчаниномъ; не достигнувъ цѣли, апостолъ предпочелъ снять имъ обоимъ головы, о чемъ и повѣдалъ Христу, повелѣвшему немедленно приставить ихъ, что и было исполнено, но съ ошибкой: голова чорта была приставлена къ тѣлу торопчанина, и съ тѣхъ поръ имъ кличка „чортовы люди“, „наставныя головы“ и т. п. Разныхъ варіантовъ этого разсказа много, и не одинъ только торопецкій уѣздъ является мѣстомъ ихъ дѣйствія.

Хитрость мѣстныхъ людей выразилась и въ томъ что когда Іоаннъ IV шелъ на Псковскую и Новгородскую область и ему предшествовала вѣсть объ ужасахъ которые онъ готовитъ, торопчане, чтобы спасти свою чудотворную икону, Корсунскую, спрятали ее, а на мѣсто настоящей иконы поставили другую, копію разсчитывая что если царь задумаетъ взять съ собою святыню, то возьметъ копію. Царь въ городъ не заглянулъ, и хитрость оказалась излишнею. Въ этомъ же духѣ поступили торопчане подаривъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ церковь чудотворной Богородицы Корсунской значительное количество земли и потомъ многіе годы оттягивали ее.

Четвертое преданіе также свидѣтельствуетъ о плутоватости горожанъ. Не получая уплаты за забранные торопчанами товары, нѣмцы жаловались Екатеринѣ II, не замедлившей прислать изъ Петербурга чиновниковъ, которые „показали“ всѣхъ плутоватыхъ купцовъ покойниками. Императрица, продолжаетъ преданіе, заплатила иноземцамъ 90 пудовъ серебра, а торопчанамъ прислала на память чугунную медаль во столько же пудовъ вѣсу. Гдѣ эта медаль? но пословица: „не хочешь ли чугунной медали?“ существуетъ. Монографія г. Семевскаго, изъ которой мы взяли эти преданія, самая полная изъ всѣхъ работъ перечисленныхъ нами выше и касающихся Торопца, и по этнографіи края представляетъ богатый матеріалъ.

Главнѣйшій предметъ торговли — кожи, съ годовымъ оборотомъ въ 90.000 рублей. Гавное занятіе въ уѣздѣ хлѣбопашество и начинающее развиваться льноводство. По проѣзжимъ дорогамъ большое разнообразіе въ винныхъ лавочкахъ и питейныхъ домахъ, принадлежащихъ или заѣзжимъ мѣщанамъ, или мѣстнымъ

землевладѣльцамъ. Указъ Петра I, 1696 года, предоставлялъ торопчанамъ платить пошлины наравнѣ съ иностранными купцами. Въ древнія времена городъ былъ такъ богатъ что женское одѣяніе свѣтилось жемчугомъ, который разбирался не на вѣсъ, а пригоршнями; воспоминаніемъ объ этомъ является то что̀ довелось увидѣть сегодня. Торопчанки имѣютъ нѣсколько одѣяній: „доброе“, „поддоброе“, „третье“ и т. д. Самое лучшее одѣваютъ онѣ въ торжественные дни, какимъ былъ день пріѣзда Великаго Князя, и придаютъ этимъ древнему Торопцу характерное, въ высшей степени замѣчательное обличіе. Такое обличье могли бы имѣть у насъ и многіе другіе города.

По окончаніи въ соборѣ литургіи, Великій Князь посѣтилъ расположенныя въ одномъ зданіи управленіе воинскаго начальника, мѣстную и конвойную команды. Обходу казармъ предшествовало ученье произведенное мѣстной командѣ на казарменномъ дворѣ. Въ управленіи произведена инспекція. Вслѣдъ затѣмъ осмотрѣны тюрьма, богадѣльня и пріютъ, гдѣ состоялось представленіе властей и сословій; Великому Князю представилась также и вольная пожарная команда.

Въ Торопцѣ немного меньше 7.000 жителей; каменныхъ домовъ 89, деревянныхъ 1.148. Церквей въ немъ 20, всѣ онѣ каменныя, но священниковъ только 7; нѣкоторыя изъ церквей, напримѣръ, Воскресенская, вся зеленая, обложенная каоелями, и древняя Троицкая, въ предшественницѣ которой, по преданію подлежащему сомнѣнію, вѣнчался Александръ Невскій, не говоря о соборѣ, очень типичны и придаютъ городу своеобразный, картинный видъ. Согласно преданію городская управа помѣщается въ томъ домѣ, въ которомъ останавливался Петръ I и училъ коменданта своею классическою дубинкой.

Его Высочество простился съ Торопцемъ во второмъ часу дня. Предстояло сдѣлать около 90 верстъ грунтовою дорогой и къ вечеру быть въ Холмѣ, уже посѣщенномъ Великимъ Княземъ въ 1885 году.

Отъ Торопца на Холмъ къ Старой Руссѣ.

Пожни. Замѣчательный иконостасъ. Разрушаемая усадьба. Буря. Пріѣздъ въ Холмъ. Вечеръ на берегу Ловати. Поддорье. Поднятіе креста. Постройки въ двухъ смежныхъ губерніяхъ. Прибытіе въ Старую Руссу.

Отъ Торопца до Холма 70 верстъ грунтовой дороги. Ко времени выѣзда Великаго Князя, 21 іюня, около часа дня, солнце палило немилосердно. Такъ какъ ученые говорятъ что самое жаркое время дня два часа пополудни, то это научное свѣдѣніе вовсе не служило отрадой при предстоявшемъ пыльномъ пути, и опять-таки по грунтовой дорогѣ. Ни разу во время четырехлѣтнихъ путешествій Его Высочества не приходилось ѣздить такъ много и такъ долго по этимъ ужаснымъ дорогамъ; хотя все возможное было сдѣлано со стороны подлежащихъ начальствъ, подобная ѣзда во всякомъ случаѣ трудъ, и трудъ большой. Поговаривали люди что тамъ и сямъ въ окрестностяхъ проходили сильныя грозы, выпадалъ градъ, были ливни.

Въ погостѣ Пожни Великому Князю представилась депутація отъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ; очень теплымъ, шедшимъ отъ сердца словомъ привѣтствовалъ Его Высочество старый священникъ церкви села Богородицкаго.

Дорога шла извилинами, съ горки на горку; болѣе выдающіяся изъ возвышенностей именуются: Мѣшковецкая и Конопли-

щенская. Классическія старинныя березы, съ выжженными дуплами и корявыми отъ старости вѣтвями, имѣлись налицо и здѣсь.

Всякое путешествіе имѣетъ многія неожиданности, и въ Пожняхъ довелось увидѣть нѣчто очень характерное. Если въ теченіе 80 лѣтъ совершенно свѣяна съ лица земли усадьба генерала Михельсона, церковь которой посѣщена Великимъ Княземъ 19 іюня, то здѣсь можно было наблюдать воочію грустную картину разрушающейся или разрушаемой почтенной старой усадьбы.

Слѣдуя за Его Высочествомъ пѣшкомъ въ старую церковь села, нельзя было не придти къ заключенію что тѣ помѣщики которые воздвигали ее думали воздвигнуть не на одинъ день. Церковь эта каменная, подъ восьмигранным куполомъ, построена въ 1714 году; надъ алтаремъ навѣсъ на четырехъ витыхъ колонкахъ; если не ошибаемся, имѣніе принадлежало въ тѣ дни Челищевымъ. Вся церковь очень хороша и прочна, но иконостасъ ея, многоярусный, рѣзной, липовый, 1716 года, въ полномъ смыслѣ слова чудо искусства. Увѣнчиваемый на высотѣ шести ярусовъ изображеніемъ Распятія и подлѣ него Богоматери и Іоанна Предтечи, обильно увѣшенный образами и медальонами, онъ можетъ поспорить съ лучшими рѣзными иконостасами нашихъ богатѣйшихъ монастырей и лавръ. Кто его дѣлалъ? Преданіе говоритъ, что какіе-то иностранцы, можетъ быть плѣнные. Липовое дерево, изъ котораго вырѣзаны всѣ эти безчисленные гроздья, листья, желуди, цвѣты, оставлено натуральнымъ, и рисунка не сбиваетъ ни позолота, ни окраска. Работа была такъ велика и трудна, что напоминаетъ извѣстные китайскіе образцики токарнаго и рѣзнаго искусствъ, гдѣ въ кубикѣ имѣется кубикъ, а въ этомъ послѣднемъ еще третій, самый маленькій; во многихъ мѣстахъ иконостаса приходилось видѣть вѣтку или стебелекъ вырѣзанный полнымъ рельефомъ, съ тѣмъ чтобы подъ ними виднѣлся другой какой нибудь цвѣтокъ, въ свою очередь весь, до деталей, отдѣланный. Сколько такихъ и тому подобныхъ замѣчательныхъ работъ хранится по закоулкамъ святой Руси, а добраться къ нимъ можно только по непроѣзднымъ грунтовымъ дорогамъ. Если на далекомъ сѣверѣ, въ Сольвычегодскѣ, Великій Князь не могъ не поразиться художественнымъ великолѣпіемъ всей обстановки собора, дремлющей въ ненарушенномъ по-сегодня

обличіи XVI вѣка, то здѣсь, въ глухой Ижнѣ, предстояло увидѣть неожиданно одно изъ замѣчательнѣйшихъ созданій начала XVIII вѣка — этотъ иконостасъ.

Близехонько отъ церкви находится мыза, принадлежавшая когда-то Челищевымъ, а въ прошломъ царствованіи одному изъ нынѣ умершихъ генералъ-адъютантовъ, имя котораго въ концѣ царствованія Императора Александра II повторялось довольно часто. Въ настоящее время 4.000 десятинъ этого имѣнія арендуетъ какой-то латышъ изъ прибалтійскаго края, за 2.000 рублей. Говорятъ, что нынѣшнему собственнику усадьба эта не нужна, такъ какъ онъ владѣетъ какою-то другою усадьбой на югѣ Россіи; это дѣло частное и обсужденію не подлежащее, но фактъ совершающагося исчезновенія усадьбы въ псковской губерніи налицо; вѣроятно имѣется налицо фактъ возникновенія за счетъ ея усадьбы въ одной изъ южныхъ губерній? Но вѣрно то, что гибнетъ старое, насиженное мѣсто. Эти полуразрушенные шкафы безъ книгъ, столы renaissance, съ которыхъ увезены мраморныя доски, множество гравюръ, литографій и портретовъ, отчасти на стѣнахъ съ разбитыми рамами и стеклами, отчасти на полу, по стульямъ; это обиліе поломанныхъ бра и другихъ вещей могло бы дать обильную пищу для любопытнаго литературнаго описанія. Ясно что домъ былъ устроенъ на долго и прочно; на лѣстницѣ стоятъ молча, какъ привидѣніе, длинные, старинные часы; въ кабинетѣ пустуетъ и трескается билліардъ; тутъ же бюстъ одного изъ прежнихъ владѣльцевъ и изображенія другихъ болѣе или менѣе видныхъ дѣятелей цѣлыхъ трехъ царствованій. Ихъ кто-то, когда-то собиралъ, устанавливалъ и развѣшивалъ; тутъ цѣлая книга несомнѣнно дорогихъ воспоминаній. Окна на половину заколочены досками; вѣтеръ прорывающійся въ щели шелеститъ шелковыми лохмотьями мебели и лоскутками множества ширмъ и ширмочекъ назначавшихся въ свое время на то чтобы сдѣлать уголки теплыми, уютными. Разрушается также и входная въ двухъэтажный домъ лѣстница, съ широкимъ портикомъ на четырехъ колоннахъ, заростаетъ садъ.

По выходѣ Великаго Князя изъ усадьбы, зданіе которой было обойдено Его Высочествомъ, въ предшествіи латыша разводящаго свое гнѣздо въ этой полуразвалинѣ, и осмотрѣно въ

подробности, слѣдовало возвращеніе на недалекую станцію и отъѣздъ. Палило попрежнему немилосердно; набѣгавшія тучки и легкіе порывы вѣтра давали знать о приближеніи дождя, а можетъ быть и бури. И буря, дѣйствительно, не заставила ожидать себя; ударилъ громъ, хлынулъ ливень, и какой! Что могло быть видимо по пути до ближайшей станціи Билово, сказать нельзя, потому что окрестность мгновенно затянуло такою густою голубою завѣсой дождя съ градомъ, величиной въ каленый орѣхъ, что даже ближайшія къ дорогѣ деревья едва виднѣлись. Ямщикамъ сидѣвшимъ на козлахъ пришлось поднять свои руки и прикрывать ими, какъ козырьками, лица обжигаемыя градинами, которыя, щелкая по лошадямъ, отскакивали на дорогу, превратившуюся, не болѣе какъ въ двѣ минуты, въ быстро текущую рѣку; края дороги, которые должны бы были быть ниже, для пропуска воды въ канавки, выходили наружу, въ видѣ береговъ. Буря эта нанесла, какъ сообщено намъ было послѣ, много вреда и прошла отъ Петербурга къ Москвѣ въ 8 часовъ времени.

Какъ быстро налетѣла буря, такъ же быстро и прошла она. Съ переѣздомъ черезъ рѣку Сережу, подлѣ Тяполова, открылась одна изъ самыхъ красивыхъ по пути мѣстностей: только-что орошенная ливнемъ долина, въ вечернемъ освѣщеніи. Не болѣе какъ за пять минутъ до пріѣзда сюда Его Высочества, молнія ударила въ одинъ изъ столбовъ; стоявшая подлѣ, приготовленная подъ поѣздъ тройка разбѣжалась, и коней пришлось ловить.

Дальнѣйшій путь до Холма носитъ тотъ же характеръ мѣстности довольно пересѣченной; лѣса и поля, возвышенія и долины чередуются быстро. Въ Биловѣ состоялось представленіе дворянства и депутацій отъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ. При дальнѣйшемъ пути коляска двигалась опять въ облакахъ пыли. такъ какъ здѣсь не выпало ни капли дождя. Передъ самымъ Холмомъ разстилается совершенно оголенная равнина. Ровно два года назадъ Великій Князь подъѣзжалъ къ Холму съ западной стороны, со стороны Ловати, и древній Холмъ, съ высокихъ береговъ ея, глянулъ тогда очень красиво; при въѣздѣ въ городъ съ юга, Ловати не видать, и мѣстность является ровною, однообразною. Такъ какъ Его Высочество уже осматривалъ мѣстныя войска и другія учрежденія города въ 1885 году, то на этотъ

разъ никакихъ служебныхъ осмотровъ не предполагалось и вечеръ передъ ночлегомъ назначался на отдыхъ.

Хотя при въѣздѣ было около 10 часовъ вечера, но, послѣ пронесшейся бури, стало опять свѣтло. Пестрыя толпы народа, разряженныя по праздничному, унизывали дорогу, окна и крыши. Заѣхавъ въ домъ, назначенный для ночлега, Его Высочество не замедлилъ направиться къ тому бульвару, идущему высоко надъ Ловатью, который въ память перваго посѣщенія Холма Великимъ Княземъ, съ соизволенія Государя, названъ Владимірскимъ. Какъ тогда, такъ и теперь густая толпа шла плотнымъ кольцомъ подлѣ Его Высочества; какъ тогда, такъ и теперь горѣла иллюминація, раздавались пѣсни и сіяло огнями далекое „городище", свидѣтель древнѣйшихъ, славныхъ дней Холма, начавшихся со временъ новгородскихъ. Для полноты параллели, слѣдуетъ припомнить, что во время перваго посѣщенія Великимъ Княземъ Холма здѣсь тоже была буря, помѣшавшая тогда иллюминаціи.

Дворяне встрѣтили Его Высочество еще далеко до Холма; но въ истинно русскомъ радушіи не хотѣло отстать и городское общество. Устроилась прогулка по Ловати въ лодкахъ, къ недалекой отъ города пристани Микляева. Луна сіяла полнымъ блескомъ; тысячи огней, горѣвшихъ надъ Ловатью, золотили ея тихо бѣгущія, неглубокія струи. Подъѣхавъ къ назначенному мѣсту на берегу рѣки, Великій Князь поднялся по крутой лѣстницѣ къ палаткѣ, устроенной высоко надъ Ловатью, подъ громаднымъ парусомъ, укрѣпленіе котораго, въ виду сильнаго вѣтра, свирѣпствовавшаго тутъ днемъ, представлялось очень затруднительнымъ. Да и во время пребыванія здѣсь Его Высочества, при бесѣдѣ Его съ мѣстными представителями городскихъ и торговыхъ интересовъ, громадный парусъ трепеталъ и вздрагивалъ, такъ что приходилось то и дѣло крѣпить его. Возвратился Великій Князь въ городъ тоже на лодкѣ; догоравшія по высокимъ берегамъ смоляныя бочки, свергаемыя внизъ чьими-то невидимыми руками, катились къ освѣщаемой луною Ловати, какъ огненные шары.

На утро слѣдующаго дня, 22-го іюня, часу въ восьмомъ, Его Высочество посѣтилъ соборъ, а затѣмъ прибылъ въ казармы 2-й роты 3-го резервнаго пѣхотнаго кадроваго баталіона и, по

производствѣ ей ученія, посѣтилъ казармы роты и конвойной команды; затѣмъ Великій Князь обошелъ богадѣльню, которую обѣщалъ посѣтить еще два года назадъ, и въ началѣ десятаго часа выѣхалъ въ дальнѣйшій путь на Старую Руссу.

По псковской губерніи приходилось сдѣлать только одну послѣднюю станцію, до Каменки; дворяне откланялись Его Высочеству внѣ города, въ лѣсу; на станціи Поддорье Великому Князю представился новгородскій губернаторъ Мосоловъ, съ мѣстнымъ предводителемъ дворянства, и откланялся псковскій губернаторъ баронъ Икскюль. Отъ Холма до Старой Руссы 89 верстъ пути. Каменка и Поддорье — села большія; въ первомъ изъ нихъ только-что появилась сибирская язва, такъ что по дорогѣ уже виднѣлись наскоро устроенныя сторожки. Въ обоихъ селахъ Великій Князь посѣтилъ сельскія церкви. Въ Поддорьѣ въ настоящее время двѣ церкви: старенькая деревянная 1782 года, со множествомъ древнихъ иконъ, и новая, каменная, строящаяся съ 1881 года, имѣющая быть освященною въ текущемъ году, очень красивая, о пяти шатровыхъ куполахъ; она обойдется, сравнительно, очень не дорого — 17.000 рублей, собранныхъ, главнымъ образомъ, благодаря усердію прихожанъ. Ожидая пріѣзда Его Высочества, строители сдѣлали всѣ нужныя приготовленія къ поднятію креста, въ присутствіи Августѣйшаго Гостя. При безоблачномъ голубомъ небѣ, поверхъ многочисленной толпы пришлыхъ и мѣстныхъ людей, по наклонному канату, завернутый въ пелены, медленно двигался массивный крестъ съ поверхности земной къ мѣсту своей будущей долгой стоянки; когда онъ достигъ его и былъ поставленъ въ гнѣздо тремя человѣками, лѣпившимися на высотѣ, на какихъ-то, словно соломенныхъ, маленькихъ подмосткахъ, такъ что глядѣть на нихъ было страшно, — пелены одна за другою были сброшены и трепетно слетѣли на землю, а новенькій крестъ засіялъ въ лазури небесной лучезарнымъ блескомъ на многіе дни.

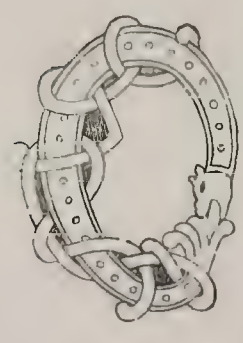
Дальнѣйшій путь къ Старой Руссѣ, по сравненію съ тѣмъ, который былъ сдѣланъ, ровенъ и однообразенъ. Въ общемъ, села гораздо богаче, чѣмъ въ псковской губерніи, даже въ самыхъ лѣсныхъ частяхъ ея. Эти странныя, необъяснимыя, рѣзкія отличія не только губерній и уѣздовъ, но даже волостей, бросаются въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи. Вѣро-

ятно, въ этихъ внѣшнихъ отличіяхъ ихъ, при совершенномъ тождествѣ условій жизни, сказывается, просто-на-просто, попеченіе или примѣръ какого-либо давно забытаго человѣка, показавшаго людямъ нѣчто лучшее, послѣ чего они къ худшему вернуться не хотѣли. Правда, что старорусскій уѣздъ житница новгородской губерніи, такъ что жителей псковской называютъ здѣсь „мякинниками“, но лѣсу гораздо больше у послѣднихъ, а постройки, безъ всякаго сравненія, все таки и мельче, и бѣднѣй.

Къ Старой Руссѣ Его Высочество приблизился къ вечеру, около шести часовъ.

СТАРАЯ РУССА.

Въѣздъ въ городъ. Спасопреображенскій монастырь. Соборъ. Старорусская икона. Дворецъ. Древность города. Казнь новгородцевъ. Солевареніе. Характеристика военныхъ поселеній и поселенческаго бунта. Исторія минеральныхъ водъ. Буреніе источника. Завѣдываніе водами. Нынѣшнее ихъ положеніе. Два литературныя воспоминанія: Посошковъ и Достоевскій. Ихъ характеристики. Великокняжескія посѣщенія и смотры. Санитарная станція. Школы: Святодуховская и Достоевскаго. Посѣщеніе дома Достоевскаго. Церковь Св. Георгія. Цифровыя данныя. Филологическая замѣтка. Отъѣздъ изъ Старой Руссы.



коло 6 часовъ вечера, 22-го іюня, безчисленныя толпы народа переполняли улицы Старой Руссы. Вслѣдъ за экипажемъ Его Высочества, ловко подбирая лошадей, ухарски посвистывая и сидя на козлахъ бочкомъ, ямщики длинной вереницы другихъ экипажей старались не отставать. Здѣсь толпы не были преимущественно крестьянскими, съ небольшою только примѣсью лицъ высшихъ классовъ общества, какъ было въ другихъ городахъ, здѣсь, наоборотъ, примѣсь составляла главный элементъ. При проѣздѣ по улицамъ къ Спасопреображенскому монастырю, расположенному на противоположной сторонѣ города, въѣзжавшимъ не могли не броситься въ глаза многія знакомыя по Петербургу лица, нарядныя платья дамъ, кружевные зонтики, безконечно длинныя перчатки и преобладаніе красноватыхъ цвѣтовъ, отъ „crevette“ до „cerises écrasées“. Улицы были разукрашены, гудѣло „*ура!*“ При самомъ въѣздѣ въ городъ вытянуты были шпалерами сначала больные солдаты всѣхъ родовъ оружія, многіе съ подвязанными

щеками и шеями, присланные сюда на лѣченіе, а затѣмъ баталіоны 86-го пѣхотнаго Вильманстрандскаго полка: народъ здоровый, прочный, молодой, готовившійся на завтра къ Великокняжескому смотру.

Согласно утвержденной программѣ, слѣдовало ѣхать не въ соборъ, какъ это дѣлалось вездѣ, а въ монастырь; причина этому— въ традиціонномъ, древнемъ значеніи монастыря. Основанъ монастырь въ самомъ концѣ XII вѣка Св. Мартиріемъ; въ началѣ XVII вѣка онъ былъ сожженъ шведами, сидѣвшими въ Руссѣ, и возобновленъ въ 1628 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Въ этомъ почти видѣ существуетъ онъ и нынѣ; каменная ограда съ башенками, оцѣпляющая три монастырскія церкви, начата строеніемъ въ 1808 году и окончена только въ 1881, при архимандритѣ Мардаріѣ, встрѣтившемъ Его Высочество съ братіей, хоругвями и иконами у монастырскихъ воротъ. Монастырь этотъ второклассный; въ немъ по штату 12 монаховъ; онъ владѣлъ прежде 2.000 крестьянъ, теперь получаетъ съ оброчныхъ статей и капитала дохода около 7.000 рублей. Храмъ, въ которомъ Великій Князь отслушалъ краткое молитвословіе, на шести столбахъ, накрытъ круглымъ узенькимъ одинокимъ куполомъ, въ два свѣта, съ пятияруснымъ иконостасомъ, снабженнымъ множествомъ древнихъ, потемнѣвшихъ иконъ; стѣны, окрашенныя въ свѣтло-голубую краску, напротивъ, почти лишены образовъ и слишкомъ пусты для монастыря, далеко не бѣднаго. Подлѣ царскихъ вратъ иконы Спасителя и Богоматери поясныя, очень большаго размѣра.

Отъ монастыря, въ томъ же почтовомъ экипажѣ, Великій Князь направился немедленно въ соборъ; здѣсь опять встрѣча съ крестомъ и святою водой, и краткое молитвословіе. Первоначальная постройка, измѣненная временемъ и людьми, относится къ началу XIII вѣка; нынѣшній каменный соборъ оконченъ въ 1696 году, но существенно перестроенъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, при графѣ Аракчеевѣ. Соборъ въ два свѣта, подъ круглымъ куполомъ съ изображеніемъ Деисуса, на четырехъ столбахъ, съ пятияруснымъ иконостасомъ, иконы котораго обрамлены витыми золотыми колонками; по стѣнамъ новыя, выдержанныя въ темномъ тонѣ, живописныя изображенія. На одномъ изъ столбовъ копія съ громадной поясной иконы Старорусской Божіей

Матери (вышина 3 арш. 14 верш., ширины 2 арш. 14 вершковъ), подъ готическимъ балдахиномъ съ драпировкой изъ малиноваго бархата и многими привѣсками и искусственными цвѣтами, пожертвованіями набожныхъ людей. Отчего эта громадность старорусскихъ иконъ, какія причины этого? Оригиналъ иконы находится въ Тихвинѣ и служитъ предметомъ двухсотлѣтняго спора между обоими городами; справедливость, кажется, на сторонѣ Старой Руссы, и мы скажемъ объ этомъ спорѣ подробнѣе при предстоящемъ описаніи Тихвинской обители. Пять синихъ куполовъ собора со звѣздами; вокругъ основнаго куба длинный рядъ нашихъ типическихъ кокошниковъ; окрашенъ соборъ сѣрою краской.

Послѣ посѣщенія двухъ храмовъ, Его Высочество направился въ назначенный для ночлега дворецъ, расположенный на самой дальней отъ минеральныхъ водъ окраинѣ города, на берегу рѣки Полисти, довольно глубокой, если судить по типу судовъ, стоявшихъ вдоль ея береговъ, съ различными грузами. Передъ дворцомъ Великій Князь принялъ почетный караулъ отъ роты 86-го Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка, а въ самомъ зданіи состоялись пріемъ властей и поднесеніе хлѣба-соли городомъ и ремесленнымъ обществомъ. Дворецъ очень невеликъ; онъ передѣланъ въ 1830 году, по повелѣнію Императора Николая I, изъ дома, пріобрѣтеннаго у частнаго лица, а затѣмъ расширенъ; хорошій тѣнистый садъ окружаетъ его. Купленъ и отдѣланъ дворецъ на капиталъ военныхъ поселеній, памятью которыхъ такъ полна Старая Русса, и неоднократно служилъ мѣстомъ остановки многихъ лицъ Царствующаго Дома нашего; Великій Князь посѣщалъ Руссу въ 1865 и 1883 годахъ; причемъ въ послѣднее посѣщеніе съ Августѣйшею своею супругой. По берегу рѣки Полисти тянется хорошо содержимый тѣнистый бульваръ.

Вечеръ перваго дня проведенъ Его Высочествомъ въ театрѣ и въ зданіи минеральныхъ водъ, на ближайшихъ площадкахъ и дорожкахъ котораго сіяла иллюминація, озарявшая многотысячную толпу.

Въ историческо-статистическомъ „очеркѣ“ Старой Руссы Полянскаго, хорошо знакомомъ многочисленнымъ посѣтителямъ старорусскихъ водъ, на первой страницѣ говорится, что Старая Русса древнѣйшій въ Россіи городъ; что если, согласно лѣтописи,

приводимой Карамзинымъ, миѳическій Словенъ основалъ Новгородъ, то не менѣе миѳическій братъ его, Русъ, основалъ въ 3113 году по сотвореніи міра городъ Руссу; что если древній Новгородъ названъ Новгородомъ, то потому только, что до него существовалъ другой, старѣйшій чѣмъ онъ городъ, а именно Старая Русса. Далѣе приводится нѣсколько свидѣтельствъ арабскихъ писателей, описанія которыхъ несомнѣнно якобы подтверждаются настоящимъ мѣстоположеніемъ какъ города Старой Руссы, такъ и новгородской губерніи.

Не отваживаясь подтверждать сказанное, замѣтимъ, однако. что Карамзинъ относитъ свѣдѣнія о томъ, что: „братъ Словеновъ, Русъ, основалъ городъ Руссу и назвалъ тамъ одну рѣку Порусьею, а другую Полистою; такъ именовались жена и дочь его“, къ лѣтописнымъ сказаніямъ XVII вѣка. Тѣмъ не менѣе, первое упоминаніе о Руссѣ, по словамъ Карамзина, относится къ 1167 году, когда новгородцы заставили удалиться отъ нея князя Святослава Ростиславовича. Несомнѣнно и то, что въ 1192 году здѣсь основанъ Св. Мартиріемъ Спасопреображенскій монастырь. Уже въ 1370 году здѣсь производилась расчистка колодца для добыванія солянаго разсола. Это начало разработки старорусской соли совпало съ тѣмъ замѣчательнымъ годомъ, когда на солнцѣ, по словамъ преданія, были такія пятна, что отъ мглы нельзя было видѣть что-либо въ разстояніи одной сажени, люди сталкивались лбами и птицы падали имъ на головы; зима стояла въ тотъ годъ такая теплая что хлѣбъ былъ де сжатъ въ Великомъ Посту.

Очень длиненъ рядъ событій, пронесшихся надъ Старою Руссой. Послѣ битвы близь Коростыня, 23 іюля 1471 года, прибылъ побѣдителемъ въ Руссу Іоаннъ III Васильевичъ и расположился на площади въ богато убранной парчей и коврами палаткѣ; сюда привелъ къ нему князь Даніилъ Холмскій, въ числѣ 1.700 новгородскихъ плѣнниковъ, тѣхъ четырехъ новгородскихъ воеводъ, смерть которыхъ была предсказана преподобнымъ Зосимой Соловецкимъ, когда онъ находился въ Новгородѣ и, приглашенный Марѳой Борецкою на пиръ, увидѣлъ ихъ сидящими безъ головъ. Это были: Борецкій, Арзубьевъ, Селезневъ-Губа и Сухощокъ; они обезглавлены по повелѣнію царя тутъ же, на площади, татариномъ Ахметкой Хабибулинымъ.

О соляныхъ источникахъ Старой Руссы упоминаетъ въ XVI вѣкѣ Герберштейнъ. Флетчеръ, посолъ англійскій, сообщаетъ что при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ торговыхъ пошлинъ со Старой Руссы поступало въ казну по 18.000 рублей, тогда какъ Москва давала только около 12.000 р. Главнымъ предметомъ обогащенія города была соль, пудъ которой стоилъ въ тѣ времена около $6^2/_3$ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей. Насколько городъ былъ обширенъ, видно изъ того что въ 1346 году отъ черной смерти умерло въ немъ однихъ монаховъ 1.300 человѣкъ; въ 1471 году, когда бѣжавшіе отъ войскъ Іоанна III жители, по замиреніи, возвращались домой, то на озерѣ Ильмени въ бурю ихъ погибло 9.000 человѣкъ; когда, послѣ возвращенія Старой Руссы Москвѣ по Столбовскому договору, было составлено въ 1625 году, по повелѣнію царя Михаила Ѳедоровича, бояриномъ Чеглоковымъ описаніе города, то улицъ въ немъ значилось тридцать пять, и стояло въ нихъ множество церквей, около 300, хотя въ населеніи оказался, сравнительно съ прежнимъ, большой недочетъ; существовала, напримѣръ, улица Богородицкая, въ которой имѣлся налицо только одинъ „дворъ живущій“. Главная причина этого обезлюденія города заключалась въ хозяйничаньи поляковъ, шведовъ и въ междуцарствіи; на смѣну имъ явились, какъ видно изъ лѣтописи, долгіе ряды всякихъ повѣтрій, моровъ и голодовъ; моръ 1655 года, длившійся пять мѣсяцевъ, такъ опустошилъ городъ, что на призывъ колоколовъ многочисленныхъ церквей старорусскихъ некому было идти молиться.

Правительственное вниманіе на солевареніе обратилъ въ 1693 году, какъ и на все, Петръ Великій, проѣздомъ въ Архангельскъ. По возвращеніи въ 1724 году съ олонецкихъ заводовъ, онъ осматривалъ устроенныя по его указанію солеварни и работы по старорусскому каналу, по которому царь думалъ подвозить къ солеварнямъ лѣсъ; слѣды канала имѣются еще и донынѣ. Въ настоящее время, кажется съ 1865 года, солевареніе въ Старой Руссѣ нѣтъ вовсе; бывшія заводскія постройки распроданы; въ продолженіе пяти вѣковъ просуществовало оно и должно было окончиться, вслѣдствіе дороговизны топлива, отмѣны акциза и конкурренціи каменной соли. На землѣ, принадлежавшей солеваренному заводу, съ 1885 года стоитъ тюрьма. Есть еще и градирни. Солено-минеральныя воды существуютъ въ Руссѣ только

полвѣка; можно пожелать имъ долговѣчности прекратившагося солеваренія.

Особенно тяжелъ былъ ударъ, нанесенный городу пожаромъ 1763 года; Екатерина II выдала тогда погорѣльцамъ на 10 лѣтъ безъ процентовъ 100.000 р. и на 3 года освободила ихъ отъ взноса подушной подати; описаніе пожара сдѣлано посѣтившимъ городъ вслѣдъ за пожаромъ знаменитымъ новгородскимъ губернаторомъ Сиверсомъ, отыскавшимъ воеводскую канцелярію въ избѣ, въ нижнемъ помѣщеніи которой по срединѣ хранилась казна, по одну сторону содержались колодники, а по другую архивъ, многія дѣла котораго сгнили, разсыпавшись въ прахъ.

Но это не помѣшало городу быстро оправиться, что́ видно изъ двухъ крупныхъ его пожертвованій: въ 1806 году городское общество пожертвовало на войну со Швеціей 10.000 р. и сформировало изъ своихъ гражданъ Нѣжинскій драгунскій полкъ, въ дополненіе къ квартировавшему здѣсь кадру его, а въ 1812 году оно внесло 72.319 руб. Почти всѣ властители земли Русской, послѣ Екатерины II, посѣтили городъ; нѣкоторые изъ членовъ Августѣйшей Семьи пользовались водами.

Безмятежное существованіе Старой Руссы было круто потрясено въ 1831 году; 11 іюля, въ 11 часовъ ночи, загудѣлъ съ церковныхъ колоколенъ всполохъ, и вспыхнуло возмущеніе военныхъ поселянъ и мѣщанъ. Это безспорно одна изъ мрачнѣйшихъ страницъ нашей исторіи за все XIX столѣтіе. До насъ дошло нѣсколько разсказовъ и воспоминаній очевидцевъ: капитана Заикина, подполковника Панаева, священника Воинова, чиновника Соколова, купца Красильникова; вѣроятно, въ архивахъ хранятся цѣлые вороха дѣлъ; полной исторіи нѣтъ, да едва ли дождется этотъ печальный фактъ спеціальной разработки: такъ онъ тяжелъ, мраченъ, а главное исключителенъ.

5 марта 1820 года прибыли въ Старую Руссу лица назначенныя Аракчеевымъ для преобразованія города въ военный и устройства военныхъ поселеній; въ 1824 году состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ города въ военное вѣдомство.

Два уѣзда, новгородскій и старорусскій, заключали въ себѣ военныя поселенія, состоявшія изъ 14 округовъ, въ каждомъ по одному трехротному полку. Къ поселеніямъ приписано было 34.000 мужчинъ и 39.000 женщинъ.

Поселенія тянулись вдоль рѣки Волхова и начинались въ пяти верстахъ отъ Новгорода. Каждому округу принадлежали свои поля и луга; каждая рота жила отдѣльно, имѣя свою ротную площадь, гауптвахту, общія риги и гумно. Всѣ хозяйственныя работы совершались подъ надзоромъ офицеровъ; для рубки лѣса, содержанія избъ и пр. имѣлись установленныя правила, такъ что и простоквашу готовили чуть ли не по артикулу. Офицеръ былъ и помѣщикомъ, и командиромъ, а шпицрутены составляли одно изъ существенныхъ орудій хозяйства. Обращеніе крестьянъ въ военныхъ поселянъ, постановка подъ одинъ уровень хозяина зажиточнаго и лѣнтяя, передѣлъ полей, удаленіе полей и сѣнокосовъ отъ жилищъ и введеніе казарменныхъ порядковъ въ житье-бытье мирнаго хлѣбопашца, причемъ дѣти дѣлались кантонистами, все это возбудило множество неудовольствій. Затѣя Аракчеева пережила своего изобрѣтателя не долго, произведя чудовищный бунтъ 1831 года.

Внѣшнею причиной, каплей, переполнившею чашу, была холера 1831 года, начавшая распространяться изъ Петербурга и появившаяся въ военныхъ поселеніяхъ около 10-го іюля; уже въ началѣ іюля знали въ округахъ военныхъ поселеній о происшествіи на Сѣнной площади. Нелѣпый слухъ о томъ, будто холеру распространяютъ начальники, что ее разсылаютъ въ порошкахъ и отравляютъ ею рѣки, слухъ, упавшій на почву озлобленія и недовольства, вызвалъ цѣлый рядъ убійствъ, истязаній и, наконецъ, открытое возстаніе. Рука объ руку съ этими проявленіями тупаго звѣрства были, какъ это всегда бываетъ, и героическіе подвиги самоотверженія, перечислять которые здѣсь не мѣсто. Великимъ счастіемъ было то, что въ поселеніяхъ оставалась къ тому времени только третья часть людей, потому что по два баталіона изъ каждаго полка находились въ Польшѣ и сражались противъ возставшихъ поляковъ.

Собственно мятежъ начался въ Старой Руссѣ 11-го іюля, въ 11 часовъ ночи; убійства продолжались до 12-го іюля, съ меньшею силой повторились они 23-го іюля; отсюда мятежъ разошелся по всѣмъ округамъ. 20-го числа уже находился на мѣстѣ посланный сюда Государемъ графъ Орловъ, а 26-го явился самъ Императоръ. Мятежъ немедленно прекратился, особая судная коммиссія опредѣлила степень виновности участниковъ; на-

казанія были суровы, хотя и не достигали степени истязаній, которымъ подверглись замученные бунтовщиками. Изъ послѣднихъ многіе пошли въ Сибирь и въ арестантскія роты; въ первыхъ четырехъ округахъ осталась на мѣстѣ только треть коренныхъ жителей, а въ 1832 году послѣдовало совершенное преобразованіе округовъ, и военные поселяне переименованы въ пахотныхъ солдатъ.

Въ 1859 году городъ Старая Русса обратно переданъ изъ военнаго въ гражданское вѣдомство, и только многія массивныя каменныя сооруженія, какъ фурштадтъ, заведеніе минеральныхъ водъ, шоссе отъ Старой Руссы до Новгорода, напоминаютъ о времени военнаго управленія. Въ общемъ, новгородское военное поселеніе существовало около сорока лѣтъ.

Старая Русса давно уже извѣстна минеральными водами. Первое изслѣдованіе водъ произведено въ 1815 году докторомъ Газомъ. Ко времени обращенія города въ центръ военныхъ поселеній, здѣсь проживалъ генералъ Самсоновъ, страдавшій ревматизмомъ и получившій исцѣленіе, благодаря отысканному имъ заброшенному соляному источнику; Самсоновъ умеръ въ свое время, но мѣстные люди продолжали пользоваться самсоновскимъ источникомъ и купались въ немъ; когда въ 1828 году лейбъ-медикъ Раухъ, въ одну изъ ревизій госпиталей, случайно натолкнулся, гуляя въ рощѣ, на купавшихся въ самсоновской ваннѣ, онъ обратилъ на источникъ вниманіе и у него явилась мысль устроить здѣсь постоянное лѣчебное заведеніе для военныхъ. Тогдашній военный министръ князь Чернышевъ встрѣтилъ эту мысль сочувственно, и въ 1834 году явилось первое маленькое зданіе близъ Директорскаго источника, всего на восемь ваннъ, назначенное исключительно для солдатъ; въ 1839 году построено другое зданіе для кадетъ; въ 1854 послѣдовали значительныя увеличенія, а нѣсколько позже приступили къ рытью артезіанскаго колодца, названнаго въ честь тогдашняго министра государственныхъ имуществъ Муравьевскимъ.

Исторія этого буренія очень поучительна. Работы начаты въ сентябрѣ 1858 года, потому что Директорскій источникъ началъ убывать; въ іюнѣ 1859 достигли могучаго минеральнаго ключа въ $1^{1}/_{8}\%$ густоты, при количествѣ 744 ведеръ въ сутки; по мнѣнію многихъ врачей, между прочимъ и профессора Здекауера,

слѣдовало тогда же дальнѣйшее буреніе прекратить, что̀ и было приказано сдѣлать, но по „какимъ-то обстоятельствамъ“ оно продолжалось какъ бы само собою, и въ сентябрѣ 1859, въ ожиданіи лучшаго, достигли источника совершенно сходнаго съ Директорскимъ. Этимъ сдѣлали то, что Старая Русса лишилась, вѣроятно навсегда, минеральнаго ключа величайшихъ достоинствъ, который совершенно подходилъ бы къ знаменитому киссингенскому Ракоци.

Старорусскими водами послѣдовательно завѣдывали: военное вѣдомство, удѣлы и медицинскій департаментъ, вѣдающій ихъ и теперь. Замѣчательно, что, когда въ 1865 году, вслѣдствіе удачнаго лѣченія Великихъ Князей Владиміра и Алексія Александровичей, покойная Императрица Марія Александровна, въ знакъ особаго своего благоволенія, изъявила желаніе передать воды въ собственность города, тогдашніе представители городскихъ интересовъ отказались отъ этой милости изъ боязни „трудности управлять сложнымъ заведеніемъ“. Замѣчательно также и то, что, когда, почти одновременно съ этимъ, образовывалась компанія съ полумилліоннымъ капиталомъ, для снятія въ аренду водъ, медицинскій департаментъ предпочелъ сдать ее одному единоличному арендатору — доктору Рохелю.

Мѣстные люди говорятъ, что контрактъ, въ силу котораго воды управляются, былъ заключенъ въ 1868 году на 24 года, къ выгодѣ арендатора, въ ущербъ казнѣ, публикѣ и городу; что, въ виду истеченія срока контракта черезъ четыре года, на ремонтъ и улучшеніе обращено теперь очень мало вниманія и это оказываетъ дурное вліяніе на состояніе водъ. Люди, заявляющіе подобное мнѣніе, желали бы только одного: назначенія правительственной инспекціи для наблюденія за водами, дабы дальнѣйшая судьба ихъ была болѣе обезпечена. Не касаясь сущности приведенныхъ упрековъ, нельзя не найти справедливымъ, что еслибъ упреки эти и не были вполнѣ основательны, то желаніе имѣть правительственную инспекцію вполнѣ умѣстно и совершенно скромно, такъ какъ на старорусскія воды нельзя смотрѣть какъ на собственность частную — онѣ принадлежность государства. Никто, конечно, не можетъ предполагать, чтобъ арендаторъ не имѣлъ права или не желалъ имѣть прибыли, но несомнѣнно, что вмѣсто какихъ-нибудь 18—20.000 дохода, при болѣе широкомъ

взглядѣ на задачу водъ, при несомнѣнно хорошихъ качествахъ ихъ, дохода могло бы быть вдвое.

Минеральныя воды и все, что подлѣ нихъ возникло, расположены въ юго-восточномъ и юго-западномъ углахъ города. Въ юго-западномъ углу, подлѣ солянаго пруда, посрединѣ котораго не высоко бьетъ соляной источникъ „Самородокъ“, если не ошибаемся, старѣйшій изо всѣхъ, подлѣ двухъ соляныхъ озеръ, имѣются налицо: довольно красивый вокзалъ съ хозяйственными строеніями и жилыми помѣщеніями, недалеко отъ него театръ, вплотную окруженный очень хорошимъ паркомъ и цвѣтниками, и полный комплектъ всякихъ ваннъ, бассейновъ, душъ и другихъ купаній, расположенныхъ вдоль солянаго пруда и по прямой линіи между источниками Муравьевскимъ и Директорскимъ; тутъ же виднѣются нѣсколько галлерей для прогулокъ. Красивѣе другихъ бьетъ Муравьевскій источникъ въ особомъ павильонѣ. изъ мраморной чаши; но, по словамъ доктора Вебера, онъ служитъ только украшеніемъ, уступая мѣсто при лѣченіи своему старѣйшему собрату — Директорскому. Всѣхъ ваннъ соляныхъ, грязевыхъ и хвойныхъ 200, изъ нихъ въ солдатскомъ отдѣленіи 31; устройство нумеровъ недурно; маточный разсолъ получаютъ въ градирняхъ расположенныхъ въ юго-западномъ углу города, подлѣ источниковъ Царицынскаго и Екатерининскаго; грязи добываются во 150—200° саженяхъ отъ ваннъ, изъ озера, и подвозятся къ нимъ съ плотовъ въ тачкахъ, совершенно патріархальнымъ образомъ.

Химическій анализъ источниковъ Директорскаго и Муравьевскаго свидѣтельствуетъ, что въ обоихъ на 1.000 частей воды 20 частей твердыхъ остатковъ и въ послѣднихъ около 13 хлористаго натра; въ минеральныхъ грязяхъ особенно велико содержаніе углекислой извести и сѣрнистаго желѣза.

Старорусскія минеральныя воды имѣютъ дѣло со всякими золотухами, малокровіями, истощеніями, ревматизмами, опухолями, болѣзнями женскими и многими другими. Существующая здѣсь съ 1882 года санитарная станція общества охраненія народнаго здравія для золотушныхъ и рахитическихъ дѣтей — первая, по времени основанія.

Сообщивъ, что можно, изъ исторіи Старой Руссы и относительно минеральныхъ водъ, нельзя умолчать о томъ, что съ горо-

домъ связаны два литературныя воспоминанія, и о нихъ слѣдуетъ упомянуть подробнѣе въ виду особеннаго интереса обѣихъ.

Недалеко отсюда, въ двадцати верстахъ, обиталъ и писалъ въ концѣ предпрошлаго и началѣ прошлаго вѣка извѣстный Посошковъ, а въ послѣдніе годы своей жизни жилъ неоднократно и писалъ здѣсь Карамазовыхъ, Подростка и Дневникъ Писателя за 1876 годъ Достоевскій.

Крестьянинъ Посошковъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ и талантливѣйшихъ личностей, самородокъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка были извѣстны нѣкоторыя изъ его сочиненій: О ратномъ поведеніи, О духовныхъ дѣлахъ и Наставленіе сыну; въ Словарѣ Русскихъ Писателей 1783 года Новиковъ сообщалъ, что имъ написана цѣлая книга О скудости и богатствѣ, но она оставалась неизвѣстною, и только въ 1840 году попала въ руки М. П. Погодина и напечатана вмѣстѣ съ другими своеобразными трудами Посошкова. Въ предисловіи къ этому изданію сказано, что въ книгѣ О скудости нѣтъ ни одного государственнаго вопроса до котораго бы Посошковъ не коснулся, о которомъ не думалъ и не дошелъ до положительнаго мнѣнія; что въ ней цѣлое изслѣдованіе о состояніи Россіи во время Петра I и что въ этомъ смыслѣ Посошковъ родился на цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ раньше, чѣмъ родилась въ Европѣ политическая экономія. Все это совершенно справедливо и дѣлаетъ изъ Посошкова личность вполнѣ самостоятельную и выходящую изъ ряда множества другихъ. Онъ былъ не одинъ въ средѣ народа, оцѣнившій Петра I, и покойный историкъ Соловьевъ писалъ даже о цѣлой „школѣ Посошкова“. Точныхъ свѣдѣній о времени его рожденія и смерти нѣтъ, но умеръ онъ во всякомъ случаѣ послѣ 1724 года, такъ какъ этимъ годомъ помѣчено его главное сочиненіе, заканчивающееся въ подписи такъ: „Всенижайшій и мизирнѣйшій рабичищь, правды же всеусердный желатель, Иванъ Посошковъ, утаенно отъ зрѣнія людскаго трилѣтнемъ трудомъ восписавъ твоему царскому величеству предлагаю“. Читалъ ли его Петръ I? Оно закончено въ февралѣ, то-есть за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Государя, но Посошковъ былъ ему извѣстенъ лично, такъ какъ принялъ въ 1700 году заказъ на огнестрѣльныя рогатки. Жилъ онъ, какъ видно опять-таки изъ книги, въ двадцати верстахъ отъ Старой

Руссы, подлѣ посада Устрики, гдѣ имѣлъ какой-то свой заводъ; вообще, должно полагать, Посошковъ былъ не бѣденъ, потому что могъ давать сыну, отправленному за границу, по 1.000 рублей въ годъ. Любопытно, что Посошковъ былъ вначалѣ противъ реформъ Петра I и даже подлежалъ разбору въ тайномъ Преображенскомъ приказѣ, затѣмъ сталъ горячимъ поклонникомъ царя, который: „на гору ище самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ“. Посошковъ выпущенъ изъ приказа ненаказаннымъ.

Книга О скудости – работа замѣчательная и, какъ бытовая картина, неоцѣненна. „Лучше ми каковую-либо пакость на себя понести, пишетъ онъ, нежели видѣть, что не полезно умолчати“. Чего, чего не коснулся авторъ въ книгѣ, часто съ великимъ сарказмомъ, излагая какимъ-то своеобразнымъ языкомъ, не то народнымъ, не то церковнымъ, но удивительно яснымъ; характеристики, проекты, толкованія перемѣшиваются у него съ цѣлымъ рядомъ наблюденій, взятыхъ съ натуры, съ обозначеніемъ именъ собственныхъ и мѣста дѣйствія. Преобладаютъ у Посошкова краски темныя, но все это выражено такъ наивно, съ такимъ добрымъ расположеніемъ, что оставляетъ впечатлѣніе не мрачное. Вотъ нѣсколько замѣчаній на выдержку: „при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что исчислить не можно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ то и того горше чинятъ“; онъ находитъ стрѣльбу залпами не пригодною для боя, потому что „такая стрѣльба угодна при потѣхѣ и при банкетѣ веселостномъ“; относительно духовенства говоритъ онъ что зналъ одного пресвитера въ богатомъ домѣ, который и „Татаркѣ противъ ея заданія отвѣта здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рѣщи сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана не вѣдаетъ“. Есть, говоритъ онъ, старыя церкви съ тремя попами, которые „такъ лѣнивы, что на Святой недѣлѣ только два дня литургію служатъ“, „ни вечерень, ни обѣдень, ни утреннихъ“, причемъ, идя къ алтарю, священникъ „возложитъ на ся одежду златотканную, а на ногахъ лапти растоптанныя, а кафтанъ нижній весь гнусенъ“. Былъ и такой діаконъ что на литургіи „не могъ единыя страницы въ Евангеліи прочести, ежебы разовъ пяти, шести не помѣшатися“; относительно иконописанія Посошковъ замѣчаетъ что оно такъ дурно, „что ище бы

таковымъ размѣреніемъ былъ кто живой человѣкъ, то бы онъ былъ страшилищемъ"; „надлежитъ сдѣлать азбуку русскую и написать ея русскимъ манеромъ, а не нѣмецкимъ", а грамматики печатать не на плохой бумагѣ, какъ календари, потому что послѣдніе „на одинъ только годъ печатаются, а грамматика дѣло высокое и прочное". Характерны отзывы Посошкова о купечествѣ, которое у насъ „чинится весьма не право: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрапиваютъ добрыми и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ не прямую, другъ друга ѣдятъ, и такъ всѣ погибаютъ". Много толкуетъ Посошковъ о судѣ и желаетъ, чтобы Государь устроилъ „судъ единъ, какъ земледѣльцу, такъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, такожь и солдату, такожь и офицеру, ни чѣмъ же отмѣненъ и полковнику, и генералу"; желаетъ, чтобы судьи „каждый день колодниковъ пересматривали и чтобы не былъ кто напрасно посаженъ"... „я истинно удивляюсь что у судей за нравъ, что, въ тюрьму посадя, держатъ лѣтъ по пяти, шти и больше!" При допросахъ совѣтуетъ „всячески на словахъ челобитчика пораздробить, и что ни скажетъ записать, и кто умно будетъ разговаривать, то на тонкостныхъ словахъ можно познать, правду-ль сперва сказалъ или неправду"; разбойниковъ „больше трехъ пытокъ не для чего пытать". Подробно говоритъ Посошковъ о необходимости разведенія табаку на югѣ Россіи и какая отъ того прибыль будетъ; очень заботится о сохраненіи въ лѣсахъ орѣховъ, также о томъ, чтобы мелкую рыбешку не вылавливали и, находя, что помѣщики „не вѣковые владѣльцы" крестьянъ, а только временные, что вѣковой владѣлецъ ихъ царь, какъ бы замышляетъ, болѣе чѣмъ за сто лѣтъ впередъ, объ образованіи министерства государственныхъ имуществъ: „и ради таковаго великаго земнаго дѣла надлежитъ, чаю, особенная и канцелярія учинить и сборъ въ ней будетъ милліонный и самый основательный". Онъ же предлагалъ устроить въ Москвѣ „великую академію всѣхъ наукъ исполненную". „Нынѣ у насъ, пишетъ Посошковъ,—за непорядочное гражданство гніетъ добра много. Русскаго человѣка ни во что не ставятъ"... Несмотря на то что если „много Нѣмцы насъ умнѣе науками, а наши остротою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно"; послѣднее замѣчаніе имѣется не въ

книгѣ О скудости, а въ одномъ изъ другихъ писаній Посошкова.

Другое гораздо крупнѣйшее литературное воспоминаніе Старой Руссы это Ѳ. М. Достоевскій, въ память котораго учреждена здѣсь вдовой его, А. Г. Достоевскою, церковно-приходская школа, обезпеченная очень прочно. Въ первый разъ пріѣхалъ Достоевскій въ Старую Руссу въ 1872 году и затѣмъ посѣщалъ ее ежегодно, кромѣ 1877 года, до самой смерти; имъ пріобрѣтенъ здѣсь небольшой домикъ за 1150 р.; школа его имени занимаетъ домъ, стоящій болѣе 8000 р., изъ которыхъ большую половину заплатила вдова покойнаго,—не считая многихъ другихъ ея взносовъ и пожертвованій, изъ тѣхъ средствъ, которыя имѣетъ семья ея по милости въ Бозѣ почившаго Императора Александра II и отъ продажи сочиненій покойнаго, достигшей послѣ смерти Достоевскаго, что чрезвычайно отрадно, очень крупныхъ размѣровъ. Учрежденію школы предшествовало здѣсь открытіе Православнаго Старорусскаго Братства Св. Ѳеодора Тирона, съ цѣлію распространенія грамотности и религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ народѣ, основаннаго, опять-таки, по мысли вдовы Достоевскаго. Теперь и Братство и школа находятся въ полномъ развитіи; школа открыта въ 1883 году.

Литературно-образовательное значеніе Достоевскаго очень велико. Крупными, совершенно самостоятельными чертами обрисовывается его литературная личность и дастъ, на долгое, долгое время, не только предметъ для чтенія, для критическихъ оцѣнокъ всякаго рода, но и для изслѣдованій болѣзней души вообще. Въ этомъ онъ раздѣлитъ участь съ Шекспиромъ и объ этомъ свидѣтельствуютъ уже какъ самыя названія статей, написанныхъ о немъ во множествѣ: „Мистико-аскетическій романъ“, „Жестокій талантъ“ и т. д. такъ и необходимость придавать всякой оцѣнкѣ его сочиненій научную, психопатологическую окраску; настоящимъ, правдивымъ критикомъ Достоевскаго будетъ только врачъ психически больныхъ, обладающій въ то же время и крупнымъ критическимъ талантомъ.

Творчество Достоевскаго, какъ извѣстно, обрѣтается вполнѣ въ своей сферѣ въ необозримой массѣ всякихъ преступниковъ, идіотовъ, негодяевъ, эпилептиковъ, нравственно и умственно потрясенныхъ, и поэтому всегда, такъ сказать, на волосъ отъ

самоубійствъ, убійствъ и всякихъ истязаній. Читая Достоевскаго вы какъ бы окружены всегда смраднымъ запахомъ близкаго анатомическаго театра, въ который авторъ, наконецъ, и вводитъ васъ. Разбросанныя повсюду въ его сочиненіяхъ темныя краски жизни больнаго человѣка, сосредоточиваются полнѣе всего въ двухъ колоссальныхъ обликахъ: Свидригайлова въ Преступленіи и Наказаніи и Смердякова въ Братьяхъ Карамазовыхъ; и тотъ и другой, не смотря на всю разницу между ними, должны были кончить самоубійствомъ, не могли кончить иначе.

Но на этомъ темномъ фонѣ скорбныхъ „скитаній“ духа человѣческаго вырисовываются у Достоевскаго другія, свѣтлыя очертанія людскія, иногда мимолетно, какъ зарницы, иногда съ неподвижною мощностью электрическаго свѣта; зачастую темный профиль человѣка, сразу, по одному слову, наливается свѣтомъ, и тамъ, гдѣ были черныя черты, искрится яркій блескъ и преображенная до неузнаваемости фигура грѣетъ васъ и любовью, и свѣтомъ и всею силою глубокой, истинной вѣры въ Бога, въ Россію, и въ ея людей. Кто не помнитъ эту безсмертную сцену когда убійца Раскольниковъ заставляетъ Соню прочесть главу о воскресеніи Лазаря; кто не чувствовалъ себя поднятымъ высоко, высоко, когда Дмитрія Карамазова, въ день счастливой любви его къ Грушенькѣ, арестовываютъ, полагая что онъ отцеубійца, и Дмитрій, готовясь страдать безвинно, думаетъ искупить этимъ наказаніемъ за несовершенное имъ убійство свои прежніе грѣхи! Какъ ни мрачны люди Мертваго Дома, но сколько въ этихъ колодникахъ и каторжникахъ искръ добра и свѣта? Сколько бы ни нагромождалось передъ вами тѣней и ужасовъ жизни, въ концѣ концовъ вы испытываете то что испытывалъ Алеша Карамазовъ, когда онъ вышелъ изъ скита, въ которомъ совершалось чтеніе Евангелія надъ тѣломъ усопшаго іеросхимонаха Зосимы: Алеша сталъ лицомъ къ лицу со звѣзднымъ небомъ, взглянулъ на него, повергся, какъ подкошенный, на землю и „почему такъ неудержимо хотѣлось ему цѣловать ее, цѣловать ее всю“ эту родную землю! „облей землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои“... Алеша чувствовалъ тогда что „какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала... простить хотѣлось ему всѣхъ и за все и просить прощенія“... Палъ онъ на землю

слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ. Приливъ подобной силы чувствуется всякимъ человѣкомъ по прочтеніи Достоевскаго; возможною и необходимою становится глубокая вѣра въ Бога и памятна и ощутима горячая неугасающая любовь въ родной землѣ. И все это достигнуто путемъ описанія негодяевъ, идіотовъ, эпилептиковъ, сумасшедшихъ, юродствующихъ, униженныхъ и оскорбленныхъ! Изъ-за черныхъ, мрачныхъ, зловѣщихъ, траурныхъ штриховъ ихъ очертаній проблескиваютъ электрически свѣтозарныя видѣнія другихъ, лучшихъ людей, и въ твореніяхъ Достоевскаго дѣлается то что говоритъ Верховенскій въ Бѣсахъ: „Это бѣсы, выходящіе изъ больнаго и входящіе въ свиней, это всѣ язвы, всѣ міазмы, всѣ нечистоты, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи за вѣка, за вѣка!“... „Это мы, говоритъ Верховенскій, мы и тѣ... и я, можетъ быть, первый во главѣ, и мы бросимся безумные, взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ... но больной исцѣлится и сядетъ у ногъ Христовыхъ“. Достоевскій всегда особенно сильно любилъ дѣтей, онъ какъ и Алеша Карамазовъ „чтобы было очевиднѣе“ насколько вся земля отъ „коры до центра“ пропитана слезами, часто обращается къ дѣтямъ; въ нихъ его надежда, въ нихъ будущія лучшія времена, и поэтому мысль образовать здѣсь, въ Старой Руссѣ, школу Достоевскаго, и именно „церковно-приходскую“, чрезвычайно вѣрна.

Второй день пребыванія Великаго Князя въ Старой Руссѣ, 23 іюня, былъ посвященъ длинному ряду осмотровъ. Первымъ было посѣщено управленіе уѣзднаго воинскаго начальника, гдѣ произведена обычная повѣрка состоянія мобилизаціонной отчетности и обойдено помѣщеніе; затѣмъ посѣщена казарма 4-й роты 2-го резервнаго пѣхотнаго кадроваго баталіона, а до того сдѣлано ротѣ уставное ученіе; при обходѣ казармъ Его Высочество заходилъ и въ помѣщеніе конвойной команды, большая часть людей которой находилась въ нарядѣ. Для Великокняжескаго смотра 86-й пѣхотный Вильманстрандскій полкъ былъ выстроенъ на казарменномъ плацу въ одну линію четырехвзводныхъ баталіонныхъ колоннъ. Обойдя баталіоны, Его Высочество пропустилъ полкъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ по-ротно и по-баталіонно. Вслѣдъ затѣмъ произведено уставное ученіе.

Всѣ эти смотры производились на глазахъ великой массы старорусскихъ обитателей, окружавшихъ плацъ живымъ кольцомъ. Оставшись вполнѣ довольнымъ и поблагодаривъ людей и начальство, Великій Князь прошелъ въ полковую церковь, примыкающую къ большому каменному манежу, обставленную съ подобающимъ благоустройствомъ. Въ казармахъ обойдены заботливо устроенныя офицерское и унтеръ-офицерское собранія, мастерскія, столовыя и кухни, гдѣ Его Высочество пробовалъ пищу, хлѣбъ и квасъ.

Проѣздомъ на санитарную станцію въ Коломцы, Великій Князь присутствовалъ при упражненіяхъ мѣстной пожарной команды, лихо исполнившей рядъ эволюцій. Служебныя посѣщенія, къ числу которыхъ должно быть отнесено и посѣщеніе тюрьмы, закончены обходомъ санитарной станціи, расположенной очень удобно; огромный персоналъ военныхъ врачей сопровождалъ Его Высочество при обходѣ больныхъ воинскихъ чиновъ, самыхъ разнообразныхъ частей, кавалеріи, пѣхоты, гвардіи и арміи и не менѣе, если не болѣе, разнообразныхъ болѣзней; подробно разспрашивая о томъ или другомъ изъ больныхъ, Августѣйшій Главнокомандующій пробовалъ пищу и осматривалъ мѣсто купанія; улучшенія въ здоровьѣ многихъ больныхъ совершаются быстро. Въ рапортѣ, поданномъ Великому Князю въ день осмотра, значилось больныхъ петербургскаго, московскаго и финляндскаго военныхъ округовъ—офицерскихъ чиновъ 43 и нижнихъ 515.

Двѣ школы, занимающія видное мѣсто въ Старой Руссѣ, посѣщены Великимъ Княземъ.

Святодуховская церковно-приходская городская школа существуетъ пять лѣтъ; домъ для нея построенъ въ прошломъ году на средства уѣзднаго предводителя дворянства князя Б. А. Васильчикова, и въ текущемъ году въ ней обучалось 176 мальчиковъ и дѣвочекъ; опытное руководство и денежная помощь со стороны князя Васильчикова и другихъ лицъ, равно какъ участіе въ послѣдней со стороны города и земства, обѣщаютъ ей хорошую будущность.

Церковно-приходская школа имени Ѳ. М. Достоевскаго открыта въ 1883 году, одновременно съ братствомъ Св. Ѳедора Тирона, и главною вкладчицей была вдова знаменитаго писателя

нашего — Анна Григорьевна. 4.200 р., оставшіеся въ излишкѣ послѣ постановки Достоевскому памятника, поступили, согласно предложенію г-жи Достоевской. въ пользу школы, но домъ съ принадлежностями, обошедшійся около 10.000 р., поставленъ исключительно на ея средства; внимательно отнеслись къ школѣ и другіе добрые люди, и непосредственное, прямое участіе принялъ Св. Синодъ. Очень хорошій, просторный домъ построенъ недалеко отъ небольшаго дома, принадлежавшаго покойному Достоевскому, бокъ-о-бокъ съ древнѣйшею церковью Старой Руссы — Св. Георгія, устоявшею какимъ-то чудомъ въ 1612 году отъ шведовъ и построенной въ 1410 не изъ одного только кирпича, а изъ какой-то помѣси булыжника и плитъ; куполъ ея снабженъ голосниками; за престоломъ образъ Спасителя, писанный на стеклѣ; въ храмѣ много старыхъ иконъ и пятиярусный иконостасъ. Зданіе школы находится рядомъ съ церковью, и Великій Князь передъ посѣщеніемъ школы зашелъ въ древній храмъ.

Въ павильонѣ, построенномъ въ недавно разведенномъ садикѣ школы, собрано было множество дѣтей: школы Достоевскаго, во главѣ которыхъ находилась учредительница, и дѣтей лѣтней дѣтской колоніи, помѣщающейся на лѣто въ зданіи школы, устроенной обществомъ охраненія народнаго здравія, съ директоромъ его во главѣ. Хоръ школы Достоевскаго, состоявшій изъ 30 дѣтей (всего въ школѣ, обоего пола — 90), спѣлъ на встрѣчу Его Высочеству пѣсню, нарочно къ пріѣзду его написанную; вотъ она:

Какъ подъ рядъ четыре года,
По путямъ и безъ путей,
Объѣзжаетъ Князь Владиміръ
Сѣверъ родины своей

Гдѣ одинъ, а гдѣ съ Княгиней
Виденъ всюду братъ Царя,
И вездѣ-то начиналъ онъ
Со святыни алтаря.

Зазвонили въ дальней Колѣ,
Затрезвонила Мезень,
Князь повсюду поспѣваетъ,
Гдѣ съ приливомъ, гдѣ въ межѣнь.

Поклонился онъ святынѣ
Ярославля, Соловковъ,
Посѣтилъ Владиміръ, Сію,
Псковъ, Кирилловъ и Ростовъ.

Въ скромной Тотьмѣ, въ гордой Ригѣ,
Православью гдѣ пріютъ,
Всюду „Господи помилуй“
И на тотъ же ладъ поютъ.

Тѣ же все у насъ солдаты,
Надъ Онегой, надъ Двиной,
Та же выправка и служба,
Тѣ же всюду: „маршъ“ да „стой“.

Много видѣлъ Князь народовъ:
Корелы и лопарей,
Самоѣдовъ, нѣмцевъ, эстовъ,
Поляковъ и латышей.

Врознь идти они не могутъ,
Потому что всѣ они,
Всѣ сплотились русской кровью
Воедино исконй.

Видѣлъ Князь, что всѣ дѣянья
Приснонамятныхъ годовъ
На Руси не умираютъ
Въ пѣсняхъ внуковъ и сыновъ,

Видѣлъ князь, Царю повѣдалъ,
И сказалъ Державный Братъ
Брату младшему спасибо
За объѣздъ и за докладъ.

Вотъ зачѣмъ четыре года,
По путямъ и безъ путей,
Объѣзжаетъ Князь Владиміръ
Сѣверъ родины своей.

Вотъ и къ намъ теперь приспѣла
Необычная пора
Съ древнихъ стогновъ, древней Руссы
Возгласитъ ему ура!

Послѣднее ура! было подхвачено по сторонамъ и разнеслось далеко. Прослушавъ пѣсню и присутствовавъ въ саду при гимнастическихъ упражненіяхъ больныхъ дѣтей лѣтней колоніи, Великій Князь обошелъ помѣщеніе школы. Не ограничиваясь этимъ, онъ соблаговолилъ осчастливить А. Г. Достоевскую посѣщеніемъ дома, въ которомъ жилъ и трудился покойный мужъ ея. Въ отвѣтъ на привѣтствіе хозяйки, встрѣтившей Его Высочество у порога, Великій Князь, въ небольшомъ рабочемъ кабинетѣ покойнаго ея мужа, высказалъ, что зналъ Достоевскаго еще при проѣздѣ своемъ въ Сибири, что всегда относился сочувственно къ его литературному таланту, высказалъ глубокое сожалѣніе о томъ, что нещадная смерть такъ безвременно унесла его въ могилу, сожалѣніе тѣмъ болѣе вѣское что направленіе усвоенное покойнымъ, особенно въ послѣдніе годы, не могло не быть высоко поучительнымъ. Видя такую милость Великаго Князя къ памяти мужа и вниманіе къ только-что посѣщенной школѣ, г-жа Достоевская взяла на себя смѣлость ходатайствовать предъ Великимъ Княземъ о принятіи школы подъ высокое покровительство Его Высочества. Великій Князь отвѣтилъ милостивымъ согласіемъ, предупредивъ что исполненіе въ данномъ случаѣ ея просьбы принадлежитъ всецѣло Государю Императору.

Отъѣздъ Великаго Князя изъ Старой Руссы состоялся около двухъ часовъ пополудни. Масса провожавшихъ образовывала цѣ-

лыя стѣны; солдатики были вытянуты шпалерами, и хорошая погода обѣщала хорошій путь.

Въ заключеніе нѣсколько цифръ. Городъ Старая Русса относится къ числу богатыхъ и получаетъ съ 9.777 десят. пожней, расположенныхъ на многихъ рѣчкахъ, дохода до 70.000 р.; въ этомъ, конечно, главная причина той исключительной пріятности, что жители его не уплачиваютъ никакихъ городскихъ налоговъ. Центръ богатаго хлѣбомъ уѣзда, Старая Русса, соединенъ съ Петербургомъ и рельсами, и водой. Жителей въ ней 13.648 человѣкъ; пріѣзжихъ на воды въ нынѣшнемъ году 1.659, при нихъ прислуги 147, и, надо замѣтить, что количество гостей за послѣднее время уменьшается, чему, несомнѣнно, имѣются достаточныя причины. Домовъ въ Старой Руссѣ 1.600, изъ нихъ каменныхъ 250; самые красивые расположены вблизи минеральныхъ водъ, но особенныхъ удобствъ они, по отзывамъ больныхъ, не представляютъ; для дѣтей сдѣлано очень мало, и нельзя было не вспомнить о вокзалахъ заграничныхъ водъ, гдѣ для дѣтскихъ игръ отведены особыя мѣста и вѣчно заняты ими и каруселя и качели. Неужели объ этомъ нельзя было подумать и здѣсь? Для любителей филологическихъ изслѣдованій можно замѣтить еще что мѣстное старорусское нарѣчіе отличается многими особенностями, и если взять на выдержку хотя нѣсколько изъ тѣхъ своеобразныхъ словъ, которыя приводитъ въ своей книгѣ г. Полянскій, то можно, пожалуй, составить слѣдующую куріозную фразу: „Сѣлъ въ межень на мостецъ подлѣ досчана, а самъ изгиляется. калитку, хряпу и другое слѣтье ѣстъ, кокоркой прикусываетъ; дьянки на дѣдовникъ на опуко повѣсилъ, у юдка ярыги купилъ, а на что ему тыи, шишко его знаетъ; вухи у него длинныя, бухтится; эко вылюдье!“ на общепринятомъ языкѣ это значило бы: „сѣлъ въ свободное время на ларь, а самъ кривляется, брюкву. капусту и другія огородныя овощи ѣстъ, ватрушкой прикусываетъ, рукавицы на репейникъ на выворотъ повѣсилъ; у жида-пьяницы купилъ, а на что они ему чортъ его знаетъ; экая красота!“ подобныя фразы можно бы пожалуй составить и для другихъ районовъ великой матушки Россіи, но въ Старой Руссѣ, почти на грани древне-московскаго и древне-новгородскаго вліяній, при скукѣ лѣченія, составленіе ихъ могло бы успѣшно замѣнить раскладку всякихъ пасьянсовъ и игру въ

винтъ, не лишенныхъ и здѣсь своей полной всероссійской гражданственности.

Ко времени выѣзда Его Высочества изъ Старой Руссы погода стояла прекрасная. До Крестцовъ предстояло сдѣлать 106 верстъ.

КРЕСТЦЫ.

Отличія крестецкаго уѣзда. Характерность мѣстныхъ ямщиковъ. Прежній булыжный путь. Историческое: поворотный пунктъ Батыева нашествія и важное мѣропріятіе Скопина-Шуйскаго. Соборъ. Служебныя посѣщенія. Дѣятельность бывшаго губернатора Э. В. Лерхе. Добрыя отношенія сословій. Выѣздъ въ Грузино.

уть Великаго Князя отъ Старой Руссы къ Крестцамъ и далѣе, до станціи николаевской желѣзной дороги „Торбино“ проходилъ поперекъ крестецкаго уѣзда, по дорогамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя на картахъ даже черточкой не обозначены, слѣдовательно, по настоящимъ грунтовымъ. Много встрѣчалось моховыхъ пространствъ, называемыхъ здѣсь „Невьи“, отъ которыхъ только мало-по-малу совершался нашъ подъемъ на Валдайскую возвышенность.

Сначала мѣстность шла ровная; послѣдовали двѣ переправы на паромахъ черезъ Ловать и очень близкую къ ней и въ этихъ мѣстахъ почти параллельную Полу; затѣмъ начались холмы, доказывавшіе воочію, что насколько ровенъ старорусскій уѣздъ, настолько холмистъ смежный съ нимъ крестецкій, особенно въ юго-восточной части. Тутъ ѣзда на почтовыхъ дѣйствительно любопытна, потому что съ извилинами дороги, съ подъемами и спусками виды мѣняются ежеминутно. Тутъ, въ этихъ мѣстахъ, еще сохранился типъ настоящихъ ямщиковъ, имѣвшихъ когда-то центръ въ извѣстномъ Зимогорьѣ — недалеко отъ Валдая, потому что гдѣ же было имъ и образовываться какъ не на самомъ торномъ въ былые дни трактѣ отъ Петербурга на Москву, по ко-

торому въ свое время проѣхали, и не одинъ разъ, всѣ большіе люди временъ Петра, Екатерины, Александра и Николая; по Валдайской возвышенности проходили самыя гористыя части этого тракта, и школа для ямщиковъ была великолѣпная; она чувствуется и до сихъ поръ.

Страна населена довольно густо, села очень велики и построены такъ, что, въ случаѣ пожара, должны служить разсадниками погорѣльцевъ; фабричной и заводской промышленности здѣсь нѣтъ совсѣмъ, все мѣстное дѣло сосредоточивается на хлѣбопашествѣ и сплавѣ дровъ по мелкимъ рѣченкамъ въ Мсту, а оттуда въ озеро Ильмень. Очень вѣроятно, что озеро это заливало когда-то своими водами тѣ низменныя пространства которыя опушены въ настоящее время мхами и обильно поростаютъ клюквой, голубикой и брусникой. Вѣроятно что многочисленныя рѣченки, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ Маять, ведутъ свое имя отъ глагола „маяться“, такъ сильно утомляется она одолѣвая безсчетныя излучины, что эти рѣченки когда-то образовывали только теченія въ озерѣ бывшемъ тогда гораздо большимъ.

Крестецкій уѣздъ расположенъ очень счастливо. Когда-то перерѣзывалъ его поперекъ широкій трактъ отъ Петербурга на Москву; теперь по немъ тянется въ длину николаевская желѣзная дорога и семь станцій, изъ нихъ двѣ первоклассныя — Вишерская на сѣверѣ и Окуловская на югѣ, расположены въ этомъ уѣздѣ; кромѣ того, поперекъ его протекаетъ Мста; надо сознаться, что подобной удачи въ географическомъ положеніи поискать. Уѣздъ всею своею производительностью тянетъ къ Петербургу, торгуетъ сѣномъ и молочными продуктами, и торгуетъ хорошо; здѣшнее земство имѣетъ 60.000 рублей запаснаго капитала, ничего не должно губернскому, и на немъ числится очень мало недоимокъ казнѣ; травосѣяніе здѣсь существенная статья хозяйства, и клеверъ даетъ до 400 пудовъ съ десятины.

Историческихъ воспоминаній за этими мѣстами немного; есть преданіе, что деревня Княжій Боръ зовется такъ потому, что здѣсь стоялъ съ войскомъ Іоаннъ Грозный по пути къ Новгороду и принялъ пословъ новгородскихъ; говорятъ, что деревня Вины зовется такъ потому, что здѣсь собирались когда-то, какіе-то „боярчики“ и угощались разными винами; показываютъ близь

села Зайцева придорожный крестъ, подъ которымъ покоится Божій человѣкъ, юродивый Симеонъ, ходившій здѣсь болѣе 40 лѣтъ тому назадъ и пользовавшійся значеніемъ.

Лихо шла Великокняжеская ѣзда по холмамъ Валдайскимъ; пыль въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи, развѣваемая вѣтромъ, кудрилась по сторонамъ; коляски при заворотахъ круто повертывались на пворняхъ, а въ песчаныхъ мѣстахъ, при подъемахъ, вслѣдъ затѣмъ какъ раздавался возгласъ „у—ухъ! родимые!“ надо было закрывать ротъ и глаза. Приблизительно на полдорогѣ къ Крестцамъ грунтовая дорога уступила мѣсто шоссе; въ селѣ Зайцевѣ представились Великому Князю губернскій и крестецкій уѣздный предводители дворянства съ дворянами. Передъ самымъ выѣздомъ на шоссе пришлось проѣхать по очень оригинальной древности, а именно, съ грунтовой дороги перебраться, на очень короткое время, на сохранившійся какимъ-то чудомъ кусочекъ стараго московскаго булыжнаго тракта. Эти три представителя путей сообщенія, а именно, дороги грунтовая, булыжная и шоссе, могли быть оцѣнены по достоинству, на протяженіи какихъ-нибудь десяти минутъ времени; до желѣзной дороги, т. е. послѣдняго, новѣйшаго типа сообщеній. отсюда 45 верстъ.

Въ Крестцы Его Высочество въѣзжалъ около часу ночи. Совсѣмъ стемнѣло, и ярко горѣли иллюминаціонные огни вдоль прямаго шоссе, прорѣзавшаго городъ, когда-то опоясанный валомъ и переименованный изъ ямщичьяго яма въ городъ, въ 1776 году; въ 1779 году сталъ онъ снова ямщичьимъ ямомъ, въ 1802 произведенъ вторично въ уѣздные города, какимъ остается и посегодня. Не смотря на ночное время, все населеніе наводняло улицы и привѣтствовало Великаго Князя радостными кликами; сквозь городскую слободу, населенную старообрядцами, подлѣ ихъ стройной каменной церкви, мимо собора, посѣтить который предстояло завтра, и зданія присутственныхъ мѣстъ, когда-то путеваго дворца Екатерины II, экипажъ Его Высочества прослѣдовалъ прямо къ дому, назначенному для ночлега; самый длинный переѣздъ за все путешествіе, выпавшій на этотъ день, былъ завершенъ.

Не смотря на замѣчательную скудость историческихъ воспоминаній, касающихся Крестцовъ и ихъ окрестностей, слѣдуетъ, однако упомянуть о двухъ.

Есть полное основаніе полагать, что Батый, полонивъ Русь и направляясь на сѣверо-западъ къ Новгороду, доходилъ только до здѣшнихъ мѣстъ. Новгородская лѣтопись сообщаетъ, что въ 1238 году, Батый, „гоняшися отъ Торжку оли до Игнача креста, за 100 верстъ отъ Новагорода“, не пошелъ далѣе, а повернулъ вспять; Карамзинъ замѣчаетъ, что тогдашнія версты были вдвое длиннѣе сегодняшнихъ, такъ что указанное лѣтописью разстояніе до Новгорода вѣрно, а болота и лѣса представлялись, дѣйствительно, непроходимыми. Въ 1327 году Крестцы вспоминаются въ числѣ мѣстностей, опустошенныхъ крымцами. Какъ поворотный пунктъ Батыева похода на Русь, скромные Крестцы не лишены, слѣдовательно, самаго выдающагося значенія, и еслибы ставить памятники не только людямъ, не только сраженіямъ, но и другимъ фактамъ высокаго значенія, то сгинувшій „Игначъ крестъ“ несомнѣнно подлежалъ бы возстановленію.

Другое историческое воспоминаніе несетъ на себѣ сходный съ этимъ характеръ. Оно касается 1609 года и сохранено въ Никоновской лѣтописи. Когда, побѣдивъ поляковъ подъ Калязиномъ, Михаилъ Скопинъ-Шуйскій сносился оттуда съ городами сѣвера, собирая великую защиту, онъ, желая дѣйствовать попрежнему въ союзѣ съ шведами, послалъ Одадурова съ дворянами во догонку за Делагарди, уходившимъ къ границѣ, вслѣдствіе недовольства своихъ войскъ; эти дворяне нагнали шведовъ въ Крестцахъ и отъ имени Скопина обѣщали имъ 6.000 руб. деньгами, 5.000 рублей соболями и уступку города Кексгольма за помощь нашимъ войскамъ, долженствовавшимъ идти на выручку Сергіевской Лавры. Шведы согласились и пошли назадъ къ Калязину, чѣмъ и обусловились послѣдующія, очень важныя событія.

Годъ спустя, двадцатитрехлѣтній Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, освободившій Лавру, взявшій Москву, „еще не спасшій, но спасавшій отечество“, весь окруженный славой и поклоненіемъ народнымъ, юный и скромный въ своемъ величіи, былъ отравленъ на пиру женой Дмитрія Шуйскаго, дочерью Малюты Скуратова; Делагарди, бывшій другомъ Скопина, предупреждалъ его объ опасности. Насколько проклятое имя Малюты Скуратова является въ то время воплощеніемъ духа злобы, крови и тьмы, настолько яркою утреннею звѣздой свѣтитъ нетлѣнная память

Михаила Скопина-Шуйскаго. Онъ, двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, въ дружбѣ съ двадцатисемилѣтнимъ Делагарди, на темномъ фонѣ лихолѣтія, съ его пожарищами и измѣнами, являетъ такой свѣтовой блескъ въ нашей исторіи, который еще ожидаетъ своего художника; едва ли подыщется нѣчто подобное Михаилу Скопину-Шуйскому въ другихъ исторіяхъ; въ немъ вся прелесть и свѣжесть Іоанны д'Аркъ и величественное очертаніе миѳическихъ героевъ, вдохновлявшихъ Гомера.

Крестцы несутъ свое имя, вѣроятно, отъ того, что здѣсь скрещивались пути Новгородъ-Валдай и Боровичи-Демянскъ; жителей въ городѣ немного менѣе 3.000 человѣкъ; слѣды пожара 1886 года исчезли еще не совсѣмъ. Центръ гористаго уѣзда-городъ расположенъ въ мѣстности довольно ровной, и въ ясный солнечный день не лишенъ миловидности, въ которой главную роль играютъ, конечно, церкви съ ихъ высокими маковками и сіяніями православныхъ крестовъ.

Утромъ слѣдующаго по прибытіи въ Крестцы дня, 24 іюня, Великій Князь, принявъ властей, горожанъ и старшинъ, направился прежде всего въ соборъ, гдѣ и прослушалъ молитвословіе. Соборъ Екатерининскаго времени 1777 года; на восьми граняхъ купола, лежащаго не на барабанѣ, а на стѣнахъ, изображенія святителей; надъ люстрой — Саваоѳъ; по стѣнамъ въ рисованныхъ рамахъ тоже изображенія святыхъ бытописаній; вся эта живопись не старѣе пятнадцати-двадцати лѣтъ. Въ зимней церкви три престола, въ лѣтней два; выкрашенъ соборъ снаружи въ голубую краску. Подлѣ него расположены почти всѣ учрежденія, посѣщенныя Великимъ Княземъ, помѣщающіяся въ зданіяхъ того же Екатерининскаго времени, что и соборъ: острогъ, больница, казарма, управленіе уѣзднаго воинскаго начальника. Въ казармахъ 1-й ротѣ 2-го резервнаго пѣхотнаго кадроваго баталіона произведено уставное ученіе; посѣщено также помѣщеніе конвойной команды. Въ тюрьмѣ нельзя было не обратить вниманія на хорошо устроенную церковь и не припомнить при этомъ дѣятельность бывшаго новгородскаго губернатора Э. В. Лерхе. У насъ вообще легко забываютъ видныхъ административныхъ дѣятелей, и это совершенно неправильно, потому что слѣды ихъ честной, хорошей и долговременной заботливости, — въ данномъ случаѣ немного менѣе двадцати лѣтъ, — переживаютъ не одно десяти-

лѣтіе; память названнаго губернатора, по всей новгородской губерніи, сохраняется повсюду, и множество благотворительныхъ учрежденій и прекрасно устроенный въ Новгородѣ музей древностей, археологіи и этнографіи съ богатою библіотекой, не говоря о многомъ другомъ, живо напоминаютъ эту дѣятельность. Записывая впечатлѣнія пути, слѣдовало вспомнить и о ней.

Вѣроятно, не чуждо этой дѣятельности и другое отрадное впечатлѣніе, вынесенное изъ крестецкаго уѣзда, а именно, тотъ миръ и покой, то соревнованіе на пользу общую, которые сказываются здѣсь въ дворянствѣ, земствѣ и горожанахъ. Къ несчастью, это далеко не такъ въ другихъ уѣздахъ и губерніяхъ: даже въ чествованіяхъ Высокаго Гостя можно было замѣтить отсутствіе семейнаго единства въ томъ, что сословія желали каждое быть въ отдѣльности и не смѣшиваться съ другими. Это та же нехорошая черта, которая сказалась, но только гораздо болѣе рельефно, въ прибалтійскомъ краѣ, гдѣ къ явной разноголосицѣ сословной присоединилась еще и разноголосица вѣроисповѣданій и народностей и полное особничество однихъ только нѣмцевъ. Какъ сказано, общее чувство радости сказывавшееся вездѣ при проѣздахъ Великаго Князя, радушіе пріема, наружныя украшенія городовъ, дорогъ, мостовъ и проч. значительно нарушались этою разноголосицей. Въ этомъ нельзя было не усмотрѣть необходимости усовершенствованія мѣстнаго управленія; оно настоятельно требуетъ значительно большаго объединенія и связанности разныхъ элементовъ мѣстнаго самоуправленія и властей. Только такое объединеніе, только такая направляющая сила, могли бы послужить тѣмъ важнымъ, многообразнымъ интересамъ, которые обезпечиваются единодушіемъ и взаимною поддержкой дѣйствующихъ въ своемъ мѣстѣ и имѣющихъ каждый свои обязанности людей.

Отъѣздъ Великаго Князя изъ Крестцовъ состоялся около полудня. Далекій путь лежалъ на Тихвинъ, черезъ Грузино, гдѣ предполагался ночлегъ; отъ Крестцовъ до Грузино предстояло сдѣлать 55 верстъ грунтовою дорогой, затѣмъ $2^1/_3$ часа пути николаевскою желѣзною и еще 12 верстъ, до Грузино, по Аракчеевскому шоссе.

Грузино. Путь къ Тихвину. Тихвинская система.

Пріѣздъ въ Грузино. Замѣчательное разрушеніе воли Аракчеева. Допущенныя отступленія отъ законовъ. Исторія завѣщанія. Нынѣшнія предположенія. Послѣднія извѣстія о Шумскомъ. Исторія яхты »Голубка«. Отъѣздъ изъ Грузина. Путь тихвинскихъ богомольцевъ. Рѣка Сясь. Тихвинская водная система. Ея исторія и новѣйшія распоряженія. Пріѣздъ въ Тихвинъ.

Покинувъ Крестцы около полудня, 24 іюня, Великій Князь направился грунтовымъ путемъ къ николаевской желѣзной дорогѣ, станціи Торбино. Мѣста гористыя, красивыя; отъ церкви Высокій Островъ кругозоръ, при ясной погодѣ, охватываетъ 80 верстъ; усадьбъ много; села Ермолино и Хмельники—зажиточныя, прочныя, раскольничьи; много рѣчекъ и озеръ; передъ отъѣздомъ по желѣзной дорогѣ до станціи Чудово, Его Высочество осчастливилъ управляющаго министерствомъ финансовъ И. А. Вышнеградскаго краткимъ посѣщеніемъ въ недалекой его усадьбѣ, лежащей на берегу озера Торбино. По возвращеніи на станцію Торбино послѣдовало поднесеніе хлѣба-соли шестью волостными старшинами; такимъ образомъ одни послѣ другихъ, имѣли счастіе видѣть Великаго Князя всѣ 15 старшинъ крестецкаго уѣзда.

Послѣ недолгой остановки для обѣда на станціи Чудово, предложеннаго В. А. Кокоревымъ, собственникомъ недалекихъ отсюда Ушаковъ, Великій Князь, къ 11 часамъ вечера, сдѣлавъ

перегонъ въ 12 верстъ по шоссе, сошелъ съ коляски, установленной на паромъ для переправы въ Грузино черезъ Волховъ Ночь опустилась непривѣтливая. На противоположномъ берегу. виднѣлись иллюминаціонные огни историческаго Грузина, на половину погашенные дождемъ, и темныя тучи носились надъ сумрачною обителью графа Аракчеева. Отъ парома въ гору экипажъ Великаго Князя направился прямо къ собору, гдѣ Его Высочество прослушалъ молитвословіе. Храмъ, украшенный бронзами, эмблемами, мраморами и множествомъ иконъ, блестѣлъ полнымъ освѣщеніемъ, и темень могильныхъ памятниковъ проступала тѣмъ внушительнѣе. Еще ярче блисталъ въ огняхъ молчаливый дворецъ графа Аракчеева, находящійся подлѣ собора и назначенный къ ночлегу Его Высочества, дворецъ, которому выпадаетъ на долю такъ рѣдко сіять въ огняхъ.

Грузино теперь и Грузино въ 1834 году, въ годъ смерти графа Аракчеева, это двѣ величины въ полномъ смыслѣ слова несравнимыя; тогда богатое помѣстье это раскидывалось на 50.000 десятинъ и состояло изъ густо населенной грузинской волости съ прилегавшими къ ней деревнями, съ богатымъ движимымъ имуществомъ и крупными капиталами, завѣщанными графомъ на разные предметы по управленію, капиталами, достигавшими 506.900 р.; оно составляло одно вѣчно-нераздѣльное имѣніе, принадлежавшее новгородскому графа Аракчеева корпусу; имъ завѣдывалъ особый управляющій, надъ которымъ стоялъ хозяйственный комитетъ кадетскаго корпуса, а главное управленіе сосредоточивалось въ несуществующемъ сегодня департаментѣ военныхъ поселеній. Теперь, за надѣломъ крестьянъ, за отдѣленіемъ земель и лѣсовъ, Грузинское имѣніе уменьшилось почти въ двѣ тысячи разъ, такъ какъ занимаетъ всего только 31 дес. 500 кв. саж., изъ которыхъ 21 десятина занята памятниками, строеніями, прудами, цвѣтниками, парками; всѣ завѣщанные капиталы спеціализированы по разнымъ вѣдомствамъ, а завѣдываніе мызой и ея памятниками поручено отъ министерства государственныхъ имуществъ особому чиновнику; Грузино не принадлежитъ болѣе Аракчеевскому корпусу, такъ какъ еще въ 1845 году, при передачѣ его министерству и согласно исчисленному имъ доходу, Высочайше повелѣно было, чтобъ Аракчеевскій кадетскій корпусъ въ теченіе десяти лѣтъ получалъ уже не съ

имѣнія, а прямо изъ государственнаго казначейства 18.000 руб. ежегодно, съ прибавкой половины того, что будетъ выручено сверхъ этого дохода; въ 1868 году состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы всѣ вообще учрежденія, которымъ были въ свое время пожертвованы крестьяне (Кадетскіе корпуса: новгородскій Аракчеева, орловскій Бахтина, воронежскій Михайловскій, орловскій Александровскій институтъ, ярославскій Демидовскій лицей и главный московскій архивъ), получали впредь соотвѣтствующія суммы доходовъ съ этихъ имѣній прямо изъ государственнаго казначейства и, кромѣ того, имъ выданы, на правахъ помѣщиковъ, на состоявшія въ надѣлѣ крестьянскія земли владѣнныя записи.

Какъ сказано, почти въ двѣ тысячи разъ уменьшилось Грузино противъ того, чѣмъ оно было, и заботливость объ его цѣльности и вѣчности, занимавшая графа Аракчеева во всю жизнь, разлетѣлась прахомъ. Грузино, какъ извѣстно, было подарено графу Императоромъ Павломъ въ 1796 году. Духовное завѣщаніе Аракчеева, утвержденное Императоромъ Александромъ I въ 1816 году и никому неизвѣстное, хранилось въ Сенатѣ, въ запечатанномъ конвертѣ; Высочайшій указъ объ этомъ храненіи предоставлялъ завѣщателю право внести отъ себя въ Сенатъ другой запечатанный пакетъ съ означеніемъ имени избраннаго имъ наслѣдника, но этого втораго пакета графъ Аракчеевъ Сенату никогда не предъявлялъ. Въ 1824 году Высочайше утверждены нѣкоторыя распоряженія графа на предметъ вѣчнаго поминовенія въ грузинскомъ соборѣ Императора Павла I; прося объ этомъ утвержденіи, Аракчеевъ писалъ Государю, что Грузино »единственное мое утѣшеніе, доставляющее мнѣ покой пріятный послѣ трудовъ дѣятельныхъ и несказанное удовольствіе заниматься благосостояніемъ крестьянъ ввѣренныхъ моему попеченію“. Слишкомъ четко и ярко начертаны въ исторіи какъ „труды дѣятельные“, такъ и то, что разумѣлъ графъ Аракчеевъ подъ именемъ „удовольствіе заниматься благосостояніемъ крестьянъ“ для того, чтобы приводить ихъ на память снова, и мы о нихъ умалчиваемъ.

Когда по смерти Аракчеева, въ 1834 году, хранившійся въ Сенатѣ пакетъ былъ вскрытъ въ присутствіи Правительствующаго Сената, то оказалось, что графомъ сдѣлано распоряженіе

о нераздѣльномъ владѣніи и наслѣдованіи грузинской волости, и что завѣщатель, въ случаѣ неизбранія имъ достойнаго наслѣдника, предоставляетъ это право Государю. Такъ какъ втораго пакета съ именемъ наслѣдника представлено не было, то Николай I, а не графъ Аракчеевъ, призналъ наслѣдникомъ его новгородскій кадетскій корпусъ. Тогда же, въ знакъ особенной милости къ покойному, Государь повелѣлъ утвердить въ полной силѣ всѣ распоряженія его, изложенныя въ черновой собственноручно писанной тетради, „хотя они не были облечены установленными закономъ формами“, и такое же значеніе, опять-таки по Высочайшему повелѣнію, придано „особому словесному завѣщанію“ относительно денежныхъ награжденій, удостовѣренныхъ лицами, находившимися при смерти графа.

Послѣднія распоряженія Аракчеева, миновавшія обычныя формы воплощенія въ законъ, обязательныя для всякаго смертнаго, какъ и вся жизнь графа, являлись совсѣмъ исключительными и вѣроятно, именно въ силу этого не могли жить, и не живутъ. Грузино, равно какъ и его капиталы, то и дѣло расщеплялось, тормошилось и точно перебрасывалось изъ рукъ въ руки, на зло той вѣчной устойчивости, которую думалъ создать графъ. Въ 1834 году поступило оно въ военное вѣдомство, въ 1845 г. перешло въ министерство государственныхъ имуществъ, въ 1857 г. въ удѣльное, въ 1859 году часть его, мыза и паркъ, переданы духовному вѣдомству для учрежденія тамъ миссіонерскаго училища и, за неосуществленіемъ этого, поступило въ министерство государственныхъ имуществъ въ 1866 году, которое и завѣдуетъ имъ сегодня, уменьшеннымъ въ объемѣ почти въ двѣ тысячи разъ. Даже юридическое лицо, унаслѣдовавшее Грузино, корпусъ, и то не осталось на мѣстѣ и находится теперь въ Нижнемъ Новгородѣ. Но и этого успокоенія Грузина наступающія времена, повидимому, не хотятъ признать, не хотятъ умиротворенія памяти Аракчеева. Собственно на поддержаніе мызы покойный ассигновалъ капиталъ въ 84.350 рублей, проценты съ котораго составляютъ 3.683 руб.; недостаточность этой суммы, при общемъ вздорожаніи, неоднократно обусловливала возникновеніе различныхъ предположеній для увеличенія доходности Грузина; такъ предполагалось устройство въ немъ хозяйственныхъ школъ, ремесленныхъ училищъ, садоваго заведенія,

образцовой пасѣки; теперь рѣшено возвратить Грузино военному вѣдомству, съ удержаніемъ за министерствомъ только одного зданія, а именно аракчеевскаго дворца. Любопытно подглядѣть будущее: судьба такъ неумолимо разрушавшая послѣднюю волю Аракчеева, для сохраненія которой онъ сдѣлалъ рѣшительно все, пощадитъ ли она, удержитъ ли что-либо отъ этого дѣйствительно замѣчательнаго историческаго памятника, послѣдній слѣдъ графа, предававшаго проклятію всѣхъ тѣхъ кто посягнетъ на него. Люди не убоялись, однако, и посягнули.

Неумолимое преслѣдованіе судьбой послѣдней воли Аракчеева, сломившее и раздробившее ее окончательно, довело до полнаго ничтожества и того единственнаго человѣка который могъ бы быть еще и сегодня живымъ его воспоминаніемъ.

Сомнительныя данныя о печальныхъ судьбахъ сына графа Аракчеева, флигель-адъютанта Шумскаго, окончательно разсѣяны только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ опубликованіемъ одного изъ архивныхъ дѣлъ Соловецкаго монастыря, за № 756. Оказывается, что этотъ достойный сынъ своего отца — когда-то офицеръ гвардіи, флигель-адъютантъ съ 1824 года, былъ за неприличные поступки въ 1826 году переведенъ во владикавказскій гарнизонъ, съ лишеніемъ званія флигель-адъютанта; что онъ находился въ многочисленныхъ схваткахъ и сраженіяхъ до 1829 г. и уволенъ отъ службы въ 1830 году. Послѣ различныхъ странствованій, Шумскій временно, хотя и насильственно, успокоивается въ Юрьевомъ монастырѣ, новгородской губерніи, изъ котораго, по Высочайшему повелѣнію и согласно собственной просьбѣ, переведенъ въ Соловки въ 1836 году. Въ Соловкахъ содержался онъ не какъ арестантъ, а жилъ свободно, только безъ права выѣзда, очень много безобразничалъ, дебоширствовалъ, пьянствовалъ, но былъ не глупъ, и въ ноябрѣ 1836 года просилъ архимандрита о принятіи его въ штатъ послушниковъ. Согласно Высочайшему соизволенію, это было ему разрѣшено. Въ 1838 году, опять-таки съ Высочайшаго разрѣшенія и по просьбѣ Шумскаго, ему дозволено покинуть монастырь, а въ 1839, въ отвѣтъ на всеподданнѣйшую его просьбу, Государь повелѣлъ производить ему по 1.200 рублей пенсіи. Заручившись этими деньгами, Шумскій, противъ ожиданія, остается въ Соловкахъ; новая попытка его стать отшельникомъ кончается „пьян-

ственнымъ питіемъ", и когда, снисходя на новую просьбу его о дозволеніи переселиться на родину, въ одну изъ пустыней новгородской губерніи, послѣдовало соизволеніе Государя, Шумскій, прибывъ, по пути туда, въ Архангельскъ, заболѣлъ и умеръ въ больницѣ въ 1851 году, 48 лѣтъ отъ роду. Судьбѣ, какъ видно, не угодно было осчастливить новгородскую губернію вторично ближайшимъ и единственнымъ потомкомъ погасшей навсегда аракчеевской крови, но память Шумскаго, живетъ въ Грузинѣ и до сихъ поръ въ качествѣ инвентарныхъ наименованій двухъ недалекихъ одно отъ другаго и получившихъ совсѣмъ другое назначеніе зданій.

Грузино было посѣщено Его Высочествомъ въ 1884 году. Главный домъ и другія зданія, окруженныя тѣнистымъ паркомъ во всей ихъ совокупности, включительно до собора, памятниковъ св. апостолу Андрею и Императору Александру, обѣихъ каменныхъ башень, возвышающихся надъ Волховомъ, еще не чувствуютъ предстоящаго имъ расчлененія. Хорошо, что бронзовыя изображенія не способны мѣнять даннаго имъ разъ навсегда выраженія лица, а то, вѣроятно, тотъ римскій воинъ, который сидитъ подлѣ памятника Александру I и которому, согласно письму графа, художникъ Гальбергъ придалъ черты лица Аракчеева, непремѣнно насупился бы. Долго ли сохранятся въ грузинскомъ соборѣ, при несомнѣнной склонности судьбы къ разрушенію всего того, что создалъ грузинскій вотчинникъ, эта характерная металлическая доска на иконостасѣ на которой вписанъ день производства графа въ генералы отъ инфантеріи, и это напрестольное Евангеліе съ аракчеевскимъ гербомъ? Паркъ такъ же тѣнистъ и хорошъ, какъ былъ; прудовъ много и всѣ они обложены гранитомъ, только мѣстами сквозящимъ изъ-подъ обрастающей его травы. До отъѣзда, послѣдовавшаго утромъ 25 іюня въ 9 часовъ, Великій Князь гулялъ по парку.

Утро было прекрасное; до Тихвина предстояло сдѣлать тяжелою грунтовою дорогой 118 верстъ въ десять часовъ времени; подлѣ самаго Грузина путь шелъ по шоссе, на проведеніе которыхъ Аракчеевъ не скупился. Отъ прежняго обличья деревянныхъ, по артикулу построенныхъ крестьянскихъ избъ сохранились очень немногія части; мѣстами высятся еще памятники и часовни разныхъ фасоновъ, поставленные на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ

останавливался Императоръ Александръ I, во время своихъ многочисленныхъ прогулокъ; видны еще остатки многихъ заставъ, которыми перегораживалъ Аракчеевъ всѣ дороги. Не далеко на рѣкѣ Волховѣ указываютъ то мѣсто, гдѣ совершилась нѣкогда замѣчательная доставка яхты „Голубка“, подаренной Аракчееву Императоромъ Александромъ I. Яхта, по значительности осадки, не могла быть доставлена черезъ волховскіе пороги, но Аракчеевъ хотѣлъ, чтобъ она явилась въ Грузино во что бы то ни стало; проектовъ составлено нѣсколько, принятъ проектъ моряка Миницкаго, и яхта, исполосованная по всѣмъ своимъ бортамъ брусьями, на которыхъ ее тащили по берегу, была наконецъ доставлена въ Грузино и снова вооружена. Говорятъ, что во время поселенческаго бунта картечь этой яхточки задержала поселянъ, шедшихъ для поимки Аракчеева въ самомъ его дворцѣ, и дала графу время удалиться. Говорятъ также, что доставка яхты обусловила карьеру Миницкаго; не онъ ли былъ назначенъ сѣвернымъ генералъ-губернаторомъ?

Мѣстность подлѣ Грузина ровная и вся въ богатѣйшихъ заливныхъ лугахъ; весной, во время наводненія, она покрывается водой, и только Грузино держится поверхъ ея. Здѣшнее сѣно идетъ въ Петербургъ; идутъ отсюда и дрова; доставка легка и недорога. Здѣсь же, подлѣ Грузина, есть нѣсколько спичечныхъ заводовъ. Едва кончаются заливные луга, какъ мѣстность совершенно преображается и становится глубоко песчаною и для лошадей трудною; это путь тихвинскихъ богомольцевъ; можжевельникъ, обыкновенно кустящійся, вытягивается здѣсь въ могучіе, высокіе штамбы, и такъ какъ зелень его очень похожа на зелень туи, то лѣсной пейзажъ не лишенъ красоты и своеобразности. Красивы мѣста подлѣ Кукуя, подлѣ станціи Липногорской, гдѣ представились Великому Князю дворяне тихвинскаго уѣзда; особенно красиво послѣднее мѣсто на берегу рѣки Сяси. На послѣднемъ перегонѣ къ Тихвину указывали на усадьбу Кулотино, въ которой поселилъ графъ Аракчеевъ свою супругу. Тутъ опять глубокіе пески; чернолѣсье чередуется съ голыми мѣстами.

Такъ какъ при посѣщеніи Тихвина предстоитъ къ описанію многое, то умѣстно будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о тихвинской водной системѣ, надъ одною изъ важнѣйшихъ рѣкъ которой Сясью, Его Высочество проѣзжалъ.

Въ предшествовавшія путешествія свои по сѣверу Россіи, Великій Князь ознакомился съ системами вышневолоцкою и маріинскою, причемъ послѣднюю, въ значительной ея части, лично обозрѣлъ всю. Въ нынѣшнемъ году предстояло ознакомленіе съ третьею, съ тихвинскою системой.

Три названныя системы водныхъ путей соединяютъ Петербургъ съ Волгой. Всѣ три системы возникли по мысли Петра I, но окончены разновременно, послѣ многихъ колебаній и опытовъ, причемъ движеніе по тихвинской открыто только въ 1811 году. На службѣ народному богатству судьбы всѣхъ трехъ системъ были не одинаковы; развилась и достигла хорошаго, прочнаго положенія только система маріинская, тогда какъ обѣ другія зачахли въ полномъ смыслѣ этого слова; по маріинской системѣ идетъ грузовъ въ четыре раза болѣе, чѣмъ по обѣимъ другимъ, вмѣстѣ взятымъ. Убійцами этихъ системъ были сначала желѣзныя дороги: николаевская, московско-нижегородская и рыбинско-бологовская, а затѣмъ счастливый ростъ и преуспѣяніе системы маріинской, въ прямой ущербъ другимъ. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробныя обсужденія того, почему оказалась такою счастливицей одна изъ системъ — маріинская; этому имѣлось много важныхъ причинъ, и милліонныя затраты, сдѣланныя на нее, имѣли свои вѣскія основанія и принесли, и приносятъ многоцѣнные плоды.

На тихвинской системѣ конкуренція отразилась менѣе гибельно, чѣмъ на системѣ вышневолоцкой, лежащей сегодня въ деревянныхъ и каменныхъ одѣяніяхъ шлюзовъ своихъ почти совершеннымъ мертвецомъ. На тихвинской еще есть кое-какая жизнь, хотя безъ всякаго сравненія укороченная, трудная, жаждущая обновленія. Вмѣсто прежнихъ 7.000 судовъ, ходившихъ по ней вверхъ и обратно съ товарами на 15 милліоновъ рублей, теперь проходитъ только нѣсколько сотенъ, и цѣлый рядъ ходатайствъ самыхъ настоятельныхъ со стороны новгородскаго губернатора, новгородскаго губернскаго, тихвинскаго и устюженскаго уѣздныхъ земствъ и тихвинскаго городскаго общества, свидѣтельствуютъ единогласно о томъ, что погасаніе дѣятельности этой системы отразилось и отражается чрезвычайно невыгодно на благосостояніи всего населенія смежныхъ съ нею губерній и уѣздовъ. А между тѣмъ, когда-то, купцы древняго

Новгорода ѣздили на ярмарку въ Холопій Городокъ, сегодняшнюю Мологу, при впаденіи Мологи въ Волгу, и эта ярмарка считалась первою въ Россіи, и однѣхъ пошлинъ съ нея собиралось около 180 пудовъ серебра.

Тихвинская система имѣетъ всего протяженія отъ Волги къ Петербургу 659 верстъ, то-есть она на цѣлыхъ 250 верстъ короче маріинской и на 550 короче вышневолоцкой; говорятъ также, будто продолжительностъ навигаціи по ней на полтора мѣсяца болѣе, чѣмъ на маріинской; казалось бы, вслѣдствіе этого система могла бы дать очень большую экономію какъ во времени, нужномъ на перевозку, такъ и въ стоимости ея. Но та и другая только кажущіяся выгоды, вслѣдствіе многихъ существенныхъ причинъ, изъ которыхъ главныя: мелководье рѣкъ Сяси и Чагодощи и неустройство Мологи, обусловливающія необходимость перегрузки во время пути цѣлыхъ пять разъ. Можно представить себѣ потерю времени и возрастаніе путевыхъ расходовъ?

Нельзя сказать, чтобы правительство не сознавало печалей тихвинской системы и не помогало насколько могло. Уже семь лѣтъ спустя по ея открытіи, въ 1818 году, утверждались различные на этотъ предметъ проекты и отчасти приводились въ исполненіе; то же самое имѣло мѣсто въ 1833, 1847, 1853, 1861, 1876 и 1882 годахъ. Въ 1874 году разсматривались предложенія Башмакова по улучшенію всей системы и правила для основанія съ этою цѣлью товарищества, съ капиталомъ въ 16.400.000 р., съ правомъ сбора съ проходящихъ судовъ въ теченіе 45 лѣтъ.

До 1880 года проектъ этотъ разсмотрѣнъ не былъ; затѣмъ предположено произвести изысканія, но въ 1886 году само министерство приступило къ составленію полнаго проекта. Министерство, разсмотрѣвъ вопросъ и найдя, что осуществленіе полнаго проекта кореннаго улучшенія тихвинской системы, для обезпеченія перехода судовъ съ 7.000 пудовъ груза отъ Рыбинска къ Петербургу, безъ перегрузки, въ 12 дней потребовало бы до $3^1/_2$ милліоновъ рублей расхода, что не своевременно, ограничилось разработкой части проекта, а именно улучшеніемъ самаго больнаго мѣста системы — рѣки Сяси. Этотъ послѣдній проектъ обошелся бы своимъ исполненіемъ только 343.000 рублей, сократилъ бы продолжительность пути на пять сутокъ, стоимость перевозки на 3—4 копѣйки съ пуда и далъ бы возможность

устройства правильнаго пароходства между Тихвиномъ и Петербургомъ. Съ осуществленіемъ этого проекта было бы также удалено одно изъ разрушительныхъ условій нынѣшней системы: дрова, которыя въ настоящее время, по мелководью Сяси, сплавляются розсыпью и недопущеніе сплава которыхъ было бы равносильно полному запрещенію эксплоатаціи мѣстныхъ лѣсовъ, что невозможно, — пойдутъ тогда на судахъ и не будутъ засорять и разрушать береговъ и русла. Проектъ предлагалъ канализовать Сясь устойствомъ двухъ каменныхъ и шести деревянныхъ шлюзовъ, устроить кромѣ того въ Рождественскихъ порогахъ, а также привести въ систему и улучшить, для уменьшенія скорости теченія Сяси, расположеніе нынѣ дѣйствующихъ „Кулевыхъ запрудъ“. Пока что, въ виду многихъ существенныхъ причинъ, проекту этому движенія не дано, но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что тихвинская система и ходатайства земства забыты; есть нужды для государственнаго казначейства болѣе настоятельныя.

Къ Тихвину Великій Князь подъѣзжалъ поздно вечеромъ; по безлѣсной окрестности виднѣлись массы народа; еще издали поблескивали ракеты и бенгальскіе огни. Въ самомъ городѣ путь лежалъ прежде всего къ собору, гдѣ Его Высочество прослушалъ молитвословіе и приложился ко кресту. Остановился Великій Князь въ домѣ начальника шоссейной дистанціи, изъ котораго очень хорошъ видъ на монастырь, и тотчасъ же принялъ хлѣбъ-соль отъ городскаго и ремесленнаго головъ. На утро предстояло празднованіе Божіей Матери Тихвинской и ознакомленіе съ одною изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ святынь.

ТИХВИНЪ.

Наплывъ богомольцевъ къ празднику. Торжественная литургія въ большомъ монастырѣ. Тихвинскіе монастыри. Явленіе иконы. Особенности возникновенія монастыря. Построеніе храма. Цари Василій Іоанновичъ и Іоаннъ Васильевичъ. Начало обители. Славная защита въ лихолѣтіе. Чудеса. Описаніе соборнаго храма Успенія. Икона Тихвинской Божіей Матери. Икона Старорусской Божіей Матери. Кому принадлежитъ она? Вѣковыя ходатайства. Другія иконы. Историческая картина Истомина. Ризница и ея богатства. Другіе храмы монастырскіе. Изцѣленіе Боровскаго. Крылечко и его иконы. О Реконской обители. Странникъ Шапошниковъ. Легенда о могилѣ Іоанна Антоновича Ульриха. Введенскій женскій монастырь и его былое. Усыпальница царицы Дарьи Алексѣевны. Закладка памятника Петру Великому. Прогулка по рѣкѣ Тихвинкѣ. Служебныя посѣщенія. Выѣздъ въ Горки.

День праздника Тихвинской Божіей Матери въ городѣ Тихвинѣ, 26-го іюня, занялся хорошій, и задолго до выхода Великаго Князя изъ дому огромныя толпы народа размѣстились по берегамъ Тихвинки, по направленію къ монастырю, ясныя очертанія котораго, высившіяся на лѣвомъ берегу рѣки, въ стѣнахъ и башняхъ, съ остріями куполовъ и колоколенъ, видны были очень хорошо изъ оконъ Великокняжескаго помѣщенія, находившагося на правомъ берегу, въ домѣ начальника шоссейной дистанціи, построенномъ на довольно высокомъ, песчаномъ холму побережья и окруженномъ деревьями. Обѣдня назначена была

въ Богородицкомъ мужскомъ большомъ монастырѣ; передъ тѣмъ, чтобы прослѣдовать въ храмъ, Великій Князь принялъ властей и другихъ представителей города и уѣзда.

Въ высшей степени типичны толпы богомольцевъ въ дни большихъ монастырскихъ праздниковъ, толпы, состоящія изъ множества представителей дальнѣйшихъ окраинъ русскихъ, со всѣми отличіями свойственными ихъ очертаніямъ и одѣяніямъ. Большинство—сѣрый людъ и люди возрастные; затѣмъ слѣдуетъ значительное количество мелкаго купечества, на яркихъ одѣяніяхъ женщинъ котораго играютъ всѣ семь основныхъ цвѣтовъ радуги и вполнѣ отсутствуютъ тѣ смѣшанныя краски, которыми отличаются одежды дамъ, слѣдующихъ модньмъ журналамъ. Велико также количество старухъ и стариковъ, вся жизнь которыхъ распредѣлена исключительно между посѣщеніями различныхъ обителей; въ нихъ преобладаніе темныхъ и сѣрыхъ одѣяній, классическіе посохи, котомки и лица, опаленныя всѣми вьюгами сѣвера, всѣми горячими полднями нашего юга, лица — рѣзкія черты которыхъ могутъ доставить художнику по экспрессіи богатѣйшую пищу. Еще вчера, по пути Его Высочества сюда, вдоль песчаной, трудной дороги встрѣчались подобные странники и страннички, направлявшіеся въ Тихвинъ; другой главный путь, водяной, ведетъ сюда отъ Петербурга—Невою, озеромъ и каналами и совершается въ пять дней. На праздникъ прибыло народу болѣе 10.000 человѣкъ; въ самомъ Тихвинѣ жителей 6.554; каменныхъ домовъ 35, деревянныхъ 1.088, но въ уѣздѣ изъ числа 18.571 дома—каменныхъ только 2.

Живописно и неподвижно стояли толпы народныя, когда при звонѣ всѣхъ колоколовъ монастырскихъ, а ихъ очень много, коляска Великаго Князя остановилась у святыхъ воротъ. Настоятель, архимандритъ Иннокентій, окруженный братіею, частью въ богатыхъ златотканныхъ ризахъ, частью въ черныхъ рясахъ, осѣненные хоругвями, ожидали прибытія въ самыхъ вратахъ, изъ которыхъ на встрѣчу Его Высочества неслось духовное пѣніе, сохранявшее свою музыкальную самостоятельность въ дружномъ гулѣ колоколовъ, стоявшемъ въ воздухѣ непрерывно и во всю мощь. Приложившись ко кресту и окропленный святою водой, Великій Князь прослѣдовалъ внутрь монастыря. Въ воротахъ, надъ которыми помѣщается небольшая церковь

Вознесенія, времени царя Ѳедора Іоанновича, на входившихъ смотрѣли во множествѣ лики угодниковъ Божіихъ, а изъ глубины двора монастырскаго, въ концѣ густо отѣненной аллеи, стояли открытыми, ожидая Высокаго посѣтителя, врата главнаго храма Успенія. Справа и слѣва, изъ-за заборчика высились памятники богатаго кладбища и, гдѣ только можно было людямъ вскарабкаться повыше, чтобы лучше разсмотрѣть, вездѣ виднѣлись непокрытыя головы и творились крестныя знаменія. Сквозь паперть церковную, огибающую храмъ Успенія съ западной и южной стороны, украшенную потемнѣвшими изображеніями изъ Апокалипсиса и другими, Его Высочество прослѣдовалъ въ соборъ. Вправо отъ входа, подлѣ массивнаго столба виднѣлась главная святыня монастырская — ликъ Богоматери Тихвинской, озаренный солнечнымъ свѣтомъ и множествомъ огней; къ празднику этой иконы, чтимой по всей Руси, и къ поклоненію ей, именно въ этотъ день прибылъ сюда Великій Князь. Чтобы напомнить значеніе Тихвинской святыни, прежде описанія посѣщеній и осмотровъ, слѣдуетъ обратиться къ давно прошедшему времени и возстановить, хотя вкратцѣ, основныя черты ея возникновенія и исторіи, тѣсно связанныя съ бытіемъ русской державы, отъ далекихъ и мрачныхъ дней. Только вслѣдъ за такимъ напоминаніемъ одухотворятся въ полномъ значеніи твердыни монастырскія и понятно станетъ всероссійское ея почитаніе.

Не вдали отъ Ладожскаго озера, тамъ, гдѣ кончается водное сообщеніе съ Волгой, называемое Тихвинскимъ, расположены по сосѣдству одинъ отъ другаго четыре монастыря. Главная обитель это Тихвинскій-Богородицкій, въ двухъ стахъ саженяхъ отъ него Введенскій дѣвичій, въ четырехъ верстахъ Бесѣдный Николаевскій и въ пятнадцати Дымскій Антоніевъ. Если принять въ разсчетъ многія часовни и кресты, поставленные набожностію людскою и разбросанные далеко кругомъ, по лѣсамъ, дебрямъ и дорогамъ, то весь этотъ уголокъ земли русской является святымъ мѣстомъ, изстари пользующимся извѣстностью, въ особенности въ простомъ народѣ, далеко кругомъ, даже „далѣе морей бушующихъ“. Въ Дымскомъ Антоніевскомъ монастырѣ почиваютъ мощи преподобнаго Антонія, во Введенскомъ дѣвичьемъ покоится благовѣрная царица Дарья Алексѣевна, четвертая

супруга Іоанна Грознаго; въ большомъ Богородицкомъ посѣтитель не встрѣчаетъ обычной святыни-мощей, или какой-либо замѣчательной могилы, и этому есть свои причины, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Дѣвичій Введенскій монастырь расположенъ въ двухстахъ саженяхъ отъ мужскаго Богородицкаго. По древнему обычаю православной церкви, какъ это видно изъ житія преподобнаго Пахомія, а также Іуліана и Василисы и нѣкоторыхъ другихъ, обители мужскія и женскія устраивались иногда однѣ подлѣ другихъ, причемъ общее руководство духовное поручалось въ такихъ случаяхъ игумну. Таковы были въ Москвѣ монастыри Чудовъ и Вознесенскій, въ Новгородѣ, Владимірѣ, Ростовѣ; настоятель Тихвинскаго Богородицкаго монастыря въ то же время благочинный Введенскаго дѣвичьяго, и въ этомъ смыслѣ оба они составляютъ какъ бы одну обитель. Въ католическомъ мірѣ бывали монастыри двуполые, въ одной оградѣ; они носили имя монастырей Св. Бригитты, и развалины ближайшаго къ намъ, къ Россіи, находятся подлѣ самаго Ревеля.

Одинъ изъ множества тихвинскихъ поломниковъ, подъѣзжая къ стѣнамъ монастырскимъ въ 1854 году, нашелъ ихъ „благородной полувоенной архитектуры“ опредѣленіе, рѣшительно неподдающееся критической оцѣнкѣ; этотъ паломникъ обратилъ также вниманіе на то, что въѣздныя ворота „стройныя, нѣсколько вогнутыя, съ четырьмя іонійскими колоннами, съ огромными, рѣшетчатыми, прекраснаго рисунка створами, въ которыхъ болѣе 600 пудовъ вѣса“; опредѣленіе воротъ „нѣсколько вогнутыя“ это относительно точности сродни „благородной полувоенной“ архитектурѣ; преданіе гласитъ, что ворота эти подарены императоромъ Павломъ I и украшали когда-то въѣздъ въ Аничковъ Дворецъ.

Возникновеніе Тихвинской обители значительно отличается отъ большинства возникновеній другихъ на русской землѣ. Обыкновенно начиналось съ пустынножительства того или другаго отшельника, подлѣ котораго собирались другіе люди, искавшіе уединенія и молитвы, возникали келійки, созидалось монастырское общеніе, затѣмъ составлялся уставъ. Очень часто избранное богобоязненными людьми мѣсто не замедливало стать цѣлью странствій къ нему паломниковъ, шли къ нему нищіе,

шли князья, и слава о чудесахъ и исцѣленіяхъ души и тѣла расходилась съ ними обратно, обусловливая притокъ другихъ людей, нуждавшихся въ укрѣпленіи вѣры, въ добромъ совѣтѣ, въ утѣшеніи. Видимымъ доказательствомъ, крѣпкимъ мѣсту или ставшему угоднымъ Богу, являются чудотворныя и явленныя иконы и въ большинствѣ случаевъ святыя мощи тѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей церкви, отъ которыхъ начинался монастырь: совершивъ все земное, прикрытые большею частью въ „образѣ ангельскомъ“ схимою, они отходили на вѣчный покой, и тогда начиналась ихъ вторая дѣятельность—предстательство за всѣхъ прибѣгающихъ къ нимъ. Не признавать воздѣйствія монастырской жизни на историческое развитіе наше — значитъ отрицать фактъ прошедшаго, настоящаго и будущаго; и сильно ошибается тотъ, кто видитъ только обрядовое значеніе монастырскаго житія и считаетъ, что только темныя, необразованныя массы людскія подчиняются его вліянію. Такъ можетъ говорить человѣкъ, не читавшій отцовъ церкви или, если и читавшій, то испугавшійся синтаксическаго строя ихъ изложенія, ихъ цитатъ и текстовъ и, изъ-за внѣшности, проглядѣвшій смыслъ; но кто взялъ на себя трудъ,—а такихъ изъ числа людей свѣтскихъ безконечно мало,— дѣйствительно вникнуть въ писанное, тотъ непремѣнно измѣнитъ свое мнѣніе до основанія. Наши монастыри составляютъ одну изъ живоносныхъ артерій народной жизни. Были таковыми когда-то для своихъ странъ и монастыри католическіе, но теперь они не болѣе, какъ окаменѣлости нѣкогда живыхъ артерій и въ дѣйствительной жизни, подобно нашимъ, не участвуютъ.

Тихвинская обитель началась, сложилась и дѣйствовала несходно съ большинствомъ другихъ. Въ концѣ XIV вѣка, при великомъ князѣ Дмитріи Іоанновичѣ Донскомъ, мѣсто, на которомъ теперь высится монастырь, было, по словамъ лѣтописца, совсѣмъ пустынно и этого мѣста „никто же знаеше и никимъ же именовано бысть, не точію человѣкомъ, но и звѣремъ земнымъ въ жилище тогда не обрѣташеся, понеже блатно бѣ и равностію не одержимо и не како же отнюдь стройно“. И въ этой-то дремотной дебри, неизвѣстно кѣмъ и какъ, построенъ храмъ для помѣщенія явленной иконы, пришедшей сюда по воздуху изъ Царьграда. Икона эта шла по воздуху, останавливалась надъ нѣсколькими мѣстами и, наконецъ, напла,

избрала свое мѣсто здѣсь; она снизошла съ воздуха, говоритъ преданіе, на глазахъ многочисленной толпы, умолявшей икону сойти къ ней. Объ исчезновеніи въ это время одной изъ иконъ цареградскихъ имѣется свидѣтельство тогдашняго константинопольскаго патріарха. Относительно того, которая именно изъ иконъ прибыла къ Тихвину, можно повторить слова Св. Дмитрія Ростовскаго и успокоиться на томъ что: „неизвѣстныхъ намъ вещей тщетнымъ любопытствомъ не истязующе“. Кому явилась икона, кому явилась именно на этомъ мѣстѣ Матерь Божія со Св. Николаемъ, кто построилъ храмъ? все это, въ прямую противоположность другимъ нашимъ обителямъ, остается относительно Тихвина въ туманѣ. Ни къ какому имени, ни къ какому событію не пріурочивается ея возникновеніе: это дѣйствительно въ полномъ смыслѣ слова историческая дебрь, которой „ни кто же знаяше и ни кѣмъ же именована бысть“ и въ которой появилась икона.

Немного позже эти историческія сумерки освѣщаются двумя послѣдовательными пожарами. Семь лѣтъ спустя послѣ построенія церкви и часовни обѣ сгораютъ отъ непогашенной свѣчи; отстроенныя вновь, онѣ, ровно чрезъ пять лѣтъ, въ соотвѣтствующую ночь, снова сгораютъ; въ обоихъ случаяхъ икона спасена: въ первый разъ она найдена невредимою на можжевеловомъ кустѣ, во второй—въ самомъ пеплѣ пожарища; спасенъ и крестъ часовни. Третій по счету, гораздо обширнѣйшій храмъ и часовня, воздвигнутые на этомъ мѣстѣ, простояли болѣе ста лѣтъ, когда, великій князь Василій Іоанновичъ, прослышавъ о явленной иконѣ Тихвинской, велитъ на счетъ казны своей построить церковь каменную съ папертьми и, нѣсколько лѣтъ спустя, лично посѣщаетъ ее въ сопровожденіи преосвященнаго Макарія Новгородскаго, впослѣдствіи митрополита.

Это Великокняжеское посѣщеніе фактъ уже совсѣмъ историческій, но большаго Богородицкаго монастыря все-таки еще нѣтъ, а возникаетъ въ пустынѣ, по волѣ Великокняжеской, малый монастырь Николаевскій Бесѣдный, вѣроятно не задолго предшествовавшій большому Тихвинскому Богородицкому и только 177 лѣтъ спустя послѣ явленія иконы, при посѣщеніи церкви въ 1547 году царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, онъ, видя что икона управляется мірскимъ священствомъ и что вокругъ церкви

расположено множество селеній, повелѣваетъ основать мужскую обитель.

Несходны съ судьбами другихъ монастырей, даже совсѣмъ противоположны имъ первые годы, слѣдовавніе за царскимъ повелѣніемъ. Тогда какъ въ Соловкахъ, въ Кирилловѣ, въ Кіевѣ, на Валаамѣ пустынножительство устраивалось подлѣ первоучителя, подлѣ его келійки, и основанія устава монастырскаго преподавались и завѣщались имъ, здѣсь, въ Тихвинѣ возникло монастырское братство подлѣ богатаго каменнаго храма, извѣстнаго уже на всю Россію, и дѣло постройки зданій, составленіе устава и обычаевъ монастырскихъ поручено царемъ цѣлой группѣ архимандритовъ и игумновъ другихъ обителей, нарочно собранныхъ для этого и поставленныхъ подъ главенство архіепископа новгородскаго Пимена. Если въ другихъ обителяхъ отъ малаго начала, отъ одной келійки плодились другія, шло распространеніе не вдругъ, а общежитіе, трапеза и стѣны являлись только послѣ вѣковаго существованія, здѣсь сооружено сразу 44 келіи. поставлена обширная трапезная, прорыта канава, воздвигнуты стѣны, а деревянныя церкви замѣнены каменными. При возникновеніи другихъ обителей, подлѣ нихъ и опять-таки мало-по-малу, возникали поселки, деревушки, обращавшіеся иногда, со временемъ, въ города, въ Тихвинѣ наоборотъ: ко времени устройства монастыря, на мѣстѣ этомъ расположено было множество селеній, и для освобожденія мѣста существовавшій старый посадъ отнесенъ версты за три въ сторону. Характерною особенностью является. наконецъ, и то, что царское повелѣніе, послѣдовавшее въ 1547 году, воплотилось только 11 февраля 1560 года, съ назначеніемъ, вслѣдъ за окончаніемъ работъ и по составленіи устава, первымъ игумномъ Кирилла.

Не пропило и полувѣка со времени возникновенія обители, иноки которой сошлись къ ней изъ разныхъ другихъ монастырей и, слѣдовательно, какъ и уставъ монастырскій, не возникли на мѣстѣ, а были собраны съ разныхъ мѣстъ,—какъ уже пришлось имъ постоять за себя, за святыню, за отечество и показать, что въ этомъ они то же, что остальные ихъ собратья. Наступило лихолѣтье. Самозванецъ „воста бо паки инъ нѣкій звѣрь, нарицая себя царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ“, появились другіе самозванцы, а за спинами ихъ всякіе люди, „польстіи и литовстіи“;

призванные нами на помощь Шведы, предводимые Делагарди, вмѣсто защиты „взяли на копье“ всю великую область новгородскую, и вмѣстѣ съ нею и Тихвинскую обитель.

Удрученная до глубины душевной, занятая врагами, страна тихвинская и ея монастырь не переставали молиться за судьбы раздираемой междуусобицей родины, какъ вдругъ къ нимъ, къ плѣненнымъ и окруженнымъ кольцомъ войскъ непріятельскихъ, доходитъ вѣсть о воцареніи царя Михаила и о томъ, что ко Пскову двигаются за рѣкой Усть воеводы царскіе, и что надо послать просить ихъ принять обитель и вручить ее царю православному. Предстояла двойная трудность: сговориться людямъ тихвинской стороны съ людьми въ обители, а затѣмъ, принявъ общее рѣшеніе, оповѣстить сквозь ряды непріятельскіе дружины наши, шедшія на Псковъ подъ начальствомъ князя Симеона Прозоровскаго. И то, и другое исполнили Воейковъ и Арцыбашевъ и возвратились въ обитель. Скоро увидѣли со стѣнъ монастырскихъ приближеніе русскаго воинства; произошла стычка на Усть рѣкѣ, и шведы разбиты; игуменъ Онуфрій и сидѣвшій въ занятой шведами обители воевода Трусовъ порѣшили кончить со шведами и внутри обители ударили на нихъ, и перебили.

Извѣщенный о двойномъ пораженіи, Делагарди, стоявшій въ 100 верстахъ отъ Тихвина, двинулся къ нему; 13 іюня 1613 г. вырѣзалъ онъ въ посадѣ тихвинскомъ всѣхъ, не успѣвшихъ скрыться за стѣнами обители, и тогда начался длинный рядъ усилій шведскихъ одолѣть единственный русскій оплотъ, оставшійся или, лучше сказать, вышедшій изъ-подъ ихъ власти въ сторонѣ новгородской. Лѣтопись подробно сообщаетъ о всѣхъ судьбахъ упорной борьбы: нашелся въ обители измѣнникъ Гаврилко, родомъ изъ Смоленска, явились въ ней раздоры, и все это подъ грохотъ „огненнаго стрѣлянія изъ великихъ бранныхъ сосудъ“. Пока въ осажденной обители пришли къ рѣшенію оповѣстить царя и просить о присылкѣ помощи и къ нему отправлены послы, царь уже зналъ о судьбахъ Тихвина и направилъ къ нему отъ себя рать подъ начальствомъ Сумбулова. Монастырскіе послы встрѣтили ее, но неосторожность воеводы и измѣна переяславца Ѳедора были причиною пораженія этой рати. и осада обители возобновилась съ большею противъ прежней ожесточенностью; игуменъ Онуфрій взятъ въ полонъ.

Краснорѣчиво описаніе лѣтописца о томъ, что происходило въ обители въ это время; какъ въ значительномъ сборищѣ всѣхъ возрастовъ и половъ, въ виду ярости осаждавшихъ, возникло „самонадѣяніе и нечистоты грѣховныя“ и какъ Пречистая Дѣва, явившись старцу Мартиніану, пришедшему сюда изъ Соловокъ, повелѣла изгнать „развратниковъ и сквернодѣлателей“, что и исполнено. Одновременно съ этимъ работали шведы въ подкопахъ, противъ которыхъ наши повели подземные „слухи“; опять имѣла мѣсто измѣна: бѣжали казакъ Тяпка и помѣщикъ Пересвѣтовъ изъ предѣловъ ростовскихъ и оповѣстили шведовъ объ оскуденіи и неурядицахъ въ обители. Тогда рѣшенъ былъ приступъ. Понесли шведы лѣстницы и огонь для поджога, но вышедшіе на стѣны крѣпостныя, старъ и младъ, лили на нихъ кипящую воду, смолу, кидали бревна, а 14 сентября 1614 года, послѣ вторичнаго явленія двумъ старцамъ, Богородица совершила чудо: показалось шведамъ, что идутъ отъ Москвы несмѣтныя русскія полчища и они „возмятошася. всколебашася и яшася бѣгства, со студомъ, другъ друга со зади біюще“. Во слѣдъ бѣгущимъ вышли защитники изъ крѣпости и гнали шведовъ „сѣкуще аки стебліе“.

Только временно отдохнулъ монастырь: не прошло года какъ состоялось второе нападеніе; думали тихвинскіе, захвативъ икону, бѣжать въ Москву, но икона не поддавалась, не могли ее снять съ мѣста, и тогда рѣшено было умереть, не сдавая обители. Только въ полднѣ ходьбы находились шведскія войска, и опять совершилось то же чудо: появилось передъ глазами шведовъ несмѣтное воинство, и они отъ рѣки Сяси бѣжали. Вѣсть о бѣгствѣ враговъ, принесенная въ монастырь, возбудила недовѣріе, но груды оружія, брошеннаго шведами, поломанные кустарники и множество людей, втоптанныхъ въ болота, подтвердили не только о бѣгствѣ, но и о его невѣроятной стремительности.

Вслѣдъ за появленіемъ двухъ призраковъ спасательныхъ ратей и бѣгствомъ шведовъ отъ Тихвина не замедлила освободиться и вся новгородская страна. Миръ, заключенный со шведами въ 1617 году, состоялся въ пятидесяти пяти верстахъ отъ Тихвина, на рѣкѣ Сяси, въ Столбовѣ, предъ копіей, снятою съ чудотворной иконы Тихвинской, и монастырская жизнь пошла на встрѣчу временамъ болѣе мирнымъ.

Соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, въ которой Его Высочество слушалъ литургію, какъ и все въ монастырѣ, сгорѣла почти до основанія въ великій пожаръ 1626 г., но, при возобновленіи, старались возсоздать ея былой обликъ. Она имѣетъ пять луковицеобразныхъ главъ на высокихъ шейкахъ, съуживающихся подъ самыми куполами. Внутри соборъ очень свѣтелъ; круглый куполъ покоится на барабанѣ, въ которомъ прорѣзано десять очень узкихъ оконъ; внизу барабана изображенія праотцевъ — Ноя, Авеля, выше — въ два ряда — ангелы Господни, еще выше — силы небесныя, надъ ними, уже въ самомъ куполѣ, херувимы и серафимы и, наконецъ, вѣнцомъ этого живописнаго одухотворенія, на высшей вышинѣ — изображеніе Св. Троицы. Своды храма крутые, цилиндрическіе; четыре массивные столба, обставленные понизу иконами, несутъ куполъ; бѣлыя стѣны въ два свѣта; обильная стѣнопись, трудовъ ярославскихъ людей, подъ надзоромъ Логина Шустова, окончена при Императорѣ Павлѣ I. Стѣны, арки, откосы, своды, алтарь, діаконникъ, паперть населены вплотную изображеніями сценъ изъ Библіи и Евангелія, важными обликами отцовъ церкви, пророковъ, святителей, мучениковъ и ихъ дѣяній; на горнемъ мѣстѣ есть изображеніе Спасителя въ видѣ архіерея; въ другомъ мѣстѣ Онъ изображенъ въ видѣ младенца; въ алтарѣ „Отче нашъ“ въ шести картинахъ; сцены изъ Ветхаго Завѣта идутъ по стѣнамъ по верхнему поясу, каждое въ отдѣльной рамочкѣ и небольшой величины. Характерны изображенія страшнаго суда, темницы изъ книги Лѣствичника, Нифонта съ чудесами и видѣніями. образъ, именуемый „отрыгну сердце мое благо“, и многія другія. Всѣмъ имъ далеко до художественности, но для людей простыхъ и глубоко вѣрующихъ они и ясны, и краснорѣчивы, и хороши. и это еще вопросъ: правы ли будутъ тѣ, которые предложатъ для поклоненія простому народу изображенія академически правильныя и колоритныя. но ничего не говорящія тому сердцу и тому пониманію, для котораго они, главнымъ образомъ, назначены. Шестиярусный иконостасъ, увѣнчанный Распятіемъ, это цѣлая книга въ лицахъ, цѣлая хартія иконъ; верхній ярусъ — страсти Господни; художество не поскупилось на лѣпныя украшенія колоннъ, карнизовъ, кронштейновъ, и въ нихъ царятъ гроздья. листья, лозы. витыя колонки; чудотворная икона Богоматери

Тихвинской поставлена, какъ сказано, на первомъ, правомъ отъ входа столпѣ; на лѣвомъ столпѣ помѣщена другая святыня — икона Богоматери Старорусской.

Первая изъ нихъ виднѣется подъ дробною, богатою сѣнью, не подходящею стилемъ своимъ къ иконостасу и остальной лѣпной и рѣзной работѣ, и драпируется занавѣсками, пеленами, подзорами, которыхъ имѣется въ ризницѣ нѣсколько; на наружныхъ сторонахъ створовъ ея изображены Богоматерь и Св. Николай, на внутренникѣ — архангелы Михаилъ и Гавріилъ; вся она украшена каменьями, имѣющими значительную цѣнность. Противъ иконы, въ западной стѣнкѣ, пробито широкое окно, такъ что икона видна и при запертыхъ дверяхъ церкви, и тутъ вѣчное присутствіе молящихся, собирающихся со всѣхъ далекихъ странъ земли русской. Икона Тихвинской Божіей Матери одна изъ самыхъ богатыхъ по цѣнности украшеній, превосходящей 100.000 руб.; замѣчателенъ изумрудъ — пожертвованіе императрицы Анны Іоанновны въ 1734 году, на немъ вырѣзано Распятіе съ предстоящими; сапфиръ Великой Княгини Екатерины Павловны и др.; лампада передъ нею вся золотая, въ каменьяхъ, стоитъ свыше 42.000 руб. и принесена въ даръ графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ въ 1803, по смерти жены и рожденіи сына Дмитрія, который, въ свою очередь, поднесъ иконѣ громадный серебряный подсвѣчникъ, въ три слишкомъ пуда вѣсомъ. Съ 1886 года икона переносится ежегодно въ маѣ и сентябрѣ изъ холоднаго собора въ церковь Рождества Богородицы, и обратно; передъ нею постоянно теплятся 10 свѣтильниковъ въ серебряныхъ лампадахъ. Съ иконы Тихвинской Богоматери снято нѣсколько копій, и многія изъ нихъ чудотворны. Такъ имѣется копія подъ Москвою въ Драгомиловѣ и въ Малыхъ Лужицахъ, въ Кирсановской женской обители тамбовской губерніи, въ пензенской губерніи въ Керенскомъ женскомъ монастырѣ и въ городѣ Чембарахъ; съ послѣднею сопряжено воспоминаніе о чудесномъ спасеніи города отъ холеры въ 1848 году. Темное изображеніе лика Богоматери Тихвинской съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ хорошо извѣстно всей Россіи; въ многоцѣнной золотой ризѣ кажетъ она яснѣе, чѣмъ при снятіи ризы, потому что долгіе, долгіе годы погасили, почти совершенно, глубокою теменью черты,

когда-то положенныя кистью; одно изъ преданій приписываетъ ее Св. Лукѣ.

Вторая святыня храма. это икона Богоматери Старорусской. находящаяся на лѣвомъ. отъ входа въ храмъ, столбѣ. Поясной ликъ громадныхъ размѣровъ, почти 4 аршина безъ двухъ вершковъ вышины. при 3 аршинахъ ширины. сохраняетъ черты гораздо явственнѣе, чѣмъ ликъ Тихвинской, на которомъ, кромѣ темени, видно очень немногое. Судьбы этой иконы таинственны: въ Старую Руссу доставлена она, какъ говоритъ печатный источникъ 1609 года, „когда-то“ изъ Греціи; преданіе гласитъ также, что въ 1370 году перенесена она въ Тихвинъ для избавленія города отъ повѣтрія, гдѣ и пребываетъ въ настоящее время. Уже въ 1787 году ходатайствовали граждане Старой Руссы о возвращеніи своей дорогой иконы. Но имъ прислали въ утѣшеніе только копію; съ 1805 года идутъ многія усиленныя, упорныя ходатайства о возвращеніи святыни на ея древнее мѣсто, но всѣ они остаются безслѣдны, не смотря на то, что правъ Старой Руссы на икону не отрицаетъ никто; на ходатайство 1850 года Св. Синодъ положилъ опредѣленіе, въ которомъ, „не отвергая принадлежности образа Руссѣ“, предложено „оставить оный въ Тихвинѣ до времени“ и предоставлено гражданамъ Старой Руссы „просить у Тихвинцевъ свой образъ“. Какъ и почему рѣшилъ тогда Св. Синодъ такъ, а не иначе, сказать трудно, но, во всякомъ случаѣ, если бы гдѣ предстояло возстановленіе справедливости, несомнѣнно нарушенной и никѣмъ не отрицаемой, такъ это именно въ данномъ случаѣ: болѣе 500 лѣтъ тому назадъ отбыла икона со своего древняго мѣста: 100 лѣтъ слишкомъ ходатайствовали люди о возвращеніи имъ ихъ многочтимой собственности, и все-таки не достигли своей цѣли. И это тѣмъ непостижимѣе, что, во-первыхъ. Тихвинъ и Старая Русса принадлежатъ къ той же епархіи; что, во-вторыхъ, Тихвинъ богатъ и безъ того своею собственною, прибывшею къ нему иконой; что недавно тамъ прославлена еще и другая икона. а Старая Русса, гораздо древнѣйшая Тихвина, несравненно болѣе чѣмъ Тихвинъ посѣщаемая изъ недалекой отъ нея столицы. — не имѣетъ ни одной подобной святыни и должна довольствоваться копіей съ нея и ничѣмъ неизгладимымъ воспоминаніемъ. Мы не знаемъ слѣдовали ли за ходатайствомъ 1850 года другія

ходатайства и не можемъ, конечно, предъугадать рѣшенія, которое послѣдовало бы на новое, еслибы таковое появилось, но вышеупомянутое опредѣленіе Св. Синода 1850 года какъ бы вызываетъ старорусскевъ на него, и собственникомъ святой иконы признается не Тихвинъ.

Перечисленіе другихъ иконъ храма Успенія заняло бы слишкомъ много мѣста, но нельзя не обратить вниманія еще на одинъ небольшой ликъ Пресвятыя Богородицы Іерусалимской, называемой „всѣмъ скорбящимъ утѣшеніе“, писанный по штукатуркѣ, съ которымъ повторилось чудо, имѣвшее нѣкогда мѣсто въ Лидѣ. гдѣ не могло быть исполнено распоряженіе Юліана Отступника, повелѣвшаго „сѣчивами и оскордами“ выбить изъ стѣны краски подобнаго же образа, краски, по мѣрѣ ударовъ, только углублялись въ стѣну, тамъ какъ и тутъ, при работахъ по счисткѣ для возобновленія перетлѣвшей живописи; волей-неволей пришлось только подновить очертанія; въ настоящее время изображеніе это обведено позолоченною рамой и представляется не фрескомъ, а иконой, висящею на стѣнѣ, какъ разъ напротивъ иконы Старорусской.

Литургія въ главномъ храмѣ монастырскомъ, въ день годоваго праздника, на которой присутствовалъ Его Высочество, совершалась особенно торжественно. Здѣсь, какъ и въ Соловецкомъ монастырѣ, посѣщенномъ Великимъ Княземъ два года тому назадъ, только въ меньшей степени, имѣются отличія въ богослуженіи, дарованныя монастырю въ разное время: рипиды, коверъ, изображенія на мантіяхъ архимандритовъ, священнослуженіе съ отверстыми царскими вратами, съ посохомъ, и многое другое. Церковное пѣніе безупречно хорошо, и замѣчательно выдавался теноровый голосъ одного изъ мантійныхъ монаховъ, управлявшаго хоромъ. Существенною частью въ богослуженіи являлось также кажденіе Тихвинской иконѣ, для котораго, такъ какъ она расположена недалеко отъ входа въ церковь, священнослужащіе каждый разъ проходили вдоль всей церкви, и толпа народа, безмолвно разступаясь, давала имъ открытый путь. По окончаніи литургіи Его Высочество приложился ко святынѣ и обошелъ храмъ, выслушивая даваемыя объясненія.

Въ одномъ изъ угловъ паперти церковной замѣчается картина, не лишенная значительнаго историческаго интереса, а

именно: перенесеніе Императоромъ Павломъ иконы Тихвинской Божіей Матери изъ одного монастырскаго храма въ другой, писанная въ 1801 году Василіемъ Истоминымъ. На картинѣ— портретныя изображенія Императора и Императрицы Маріи, Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей, въ очень юные годы и множество придворныхъ кавалеровъ и дамъ въ соотвѣтствующихъ времени одѣяніяхъ, а также духовенства; вѣроятно, большинство—портреты; нельзя, напримѣръ, не узнать Безбородко и нѣкоторыхъ другихъ.

Изъ главнаго храма Его Высочество прослѣдовалъ въ сосѣднюю ризницу. Ризница эта чрезвычайно богата вкладами, одѣяніями, сосудами, ковчегами, крестами, панагіями, пеленами на чудотворную икону. Большинство царей и царицъ нашихъ снабжали обитель своими дарами, о чемъ свидѣтельствуютъ многія сохранившіяся грамоты, большею частью въ копіяхъ; въ оригиналахъ, кажется, только три; много жертвовали разные вельможи и купцы; имѣется митра въ 10.000 руб., трудъ и даръ игуменьи новгородскаго Духова монастыря Максимиллы (Шишкиной); имѣется покровъ 1662 года, даръ князей Прозоровскихъ, на гробницу отца ихъ, въ схимникахъ Сергія, того самаго, который защищалъ обитель Тихвинскую, видѣлъ своими глазами чудеса Богоматери и притекъ къ ней, что вѣроятно, и разсказано вышитою вязью по борту покрова, прочесть которую надобно, какъ говорятъ, очень много времени. Замѣчательны нѣкоторыя старыя Евангелія, такъ, напримѣръ, одно 1552 года, даръ богатаго новгородца, съ характерными заставками, орнаментами, писанное крупнымъ уставомъ и начинающееся съ Іоанна; въ числѣ рукописей замѣчательны „Хронографъ“ XVI вѣка, „Повѣсть чюдна и зѣло полезна, сложена отъ древняго списанія о иконномъ изображеніи и о написаніи иконы“ Богородицы Одигитріи; малая продолговатая книга Псалтырь царя и пророка Давида, писанная, что очень характерно, съ печатной, въ 1680 году, повелѣніемъ царя Ѳеодора въ Москвѣ, въ типографіи Верхней; стихотворилъ ее Симеонъ Полоцкій, а ноты по риѳмѣ положены, повелѣніемъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, „чрезъ композицыю, сирѣчь, чрезъ твореніе Дьякомъ Василіемъ Титовымъ“; книга Іоанна Златоустаго „Маргаритъ“, писанная въ 1562 году, и 532-лѣтній календарь „кругъ миротворный“, писанный въ 1540 г.,

съ таблицами и чертежами, съ прорѣзями для круговъ лунnаго обращенія. Вообще библіотека монастырская не лишена, если судить по каталогу, значенія и подобрана хорошо и богато, относительно твореній отцовъ церкви, патериковъ и духовно философскихъ сочиненій.

Отъ соборнаго храма путь Великаго Князя лежалъ къ другому храму монастырскому, расположенному въ одномъ изъ угловъ ограды, ближе ко святымъ воротамъ, къ храму Покрова Пресвятой Богородицы, именовавшемуся до 1871 г. храмомъ Рождества Пресвятой Богородицы. Здѣсь многое ново, многое передѣлано, и, блистая позолотой, вовсе не говоритъ о древности; образа только-что изъ-подъ кисти; обрамленія иконостасовъ и иконъ новѣйшихъ рисунковъ. То же, но только въ большей степени, слѣдуетъ сказать и о церкви Воздвиженія, сооруженной 13 лѣтъ тому назадъ, увѣнчанной 9 главами и большимъ куполомъ; тутъ о древности нѣтъ и помину, что не мѣшаетъ, конечно, достоинствамъ произведенныхъ работъ. Зато въ обличіи древности поднимается по сосѣдству не высокая звонница, продолговатая, съ 5 пролетами, напоминающая своихъ родныхъ сестеръ Ростова Великаго и Великаго Новгорода.

Надѣлавшее въ 1856 году много шума мгновенное исцѣленіе тихвинскаго мѣщанина Боровскаго произошло не передъ главною иконой Тихвинской Божіей Матери, а передъ ликомъ Ея, писаннымъ al fresco, въ подобіе Ей, на наружной стѣнѣ Тихвинской церкви, надъ западными св. вратами. Чудо состояло въ томъ, что юноша, ползавшій на колѣняхъ два года за невозможностію ходить, болѣзнь котораго была изслѣдована и пользована докторами, сразу исцѣлился въ молитвѣ передъ этою иконой. Настоятель монастыря просилъ тогдашняго митрополита Никанора произвести формальное изслѣдованіе. Въ общемъ присутствіи командированныхъ съ этою цѣлью лицъ духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ, уѣзднаго предводителя дворянства, городничаго и врачей, спрошено подъ присягой множество свидѣтелей и несомнѣнность факта подтверждена. Теперь, послѣ признаннаго чуда, этого мѣста не узнать: Святая икона, когда-то открытая на монастырской стѣнѣ всѣмъ непогодамъ, виднѣвшаяся высоко надъ землей, къ которой поднимались по деревянной лѣстницѣ, составляетъ теперь центръ особой, очень обширной.

каменной часовни подъ куполомъ съ 5 главами, и къ ней поднимаются по двумъ широкимъ каменнымъ, идущимъ дугами лѣстницамъ. Сама икона обставлена и обвѣшана богатыми дарами вѣрующихъ, освѣщается яркимъ свѣтомъ просторной часовни и многими лампадами. До совершенія чуда это мѣсто называлось „крылечкомъ“, такъ зовется оно и теперь, и будетъ, конечно, называться безконечно долгіе годы. На наружной стѣнѣ часовни, между оконъ, писаны во весь ростъ великіе подвижники Египта и Палестины. Предъ этою иконой „на крылечкѣ“, какъ и на церковной паперти, подлѣ окна, продѣланнаго противъ иконы Тихвинской, постоянно находятся молящіеся.

Обойдя монастырскую святыню и подробно ознакомившись съ общимъ расположеніемъ храмовъ, стѣнъ и башень, Его Высочество направился въ помѣщеніе архимандрита, гдѣ бесѣдовалъ какъ съ нимъ, такъ и съ прибывшими привѣтствовать Великаго Князя представителями ближайшихъ къ Тихвину монастырей: Николы Бесѣднаго, Антонія Дымскаго и Троице-Реконскаго. Послѣдній возникъ только въ 1860 году, вслѣдствіе удивительной настойчивости странника Андрея Иванова Шапошникова, умершаго въ 1865 году схимонахомъ Амфилохіемъ, на 128 году отъ роду; нищій и вѣчно больной, съ изъязвленною до кости ногой, онъ длиннымъ рядомъ прошеній, восходившихъ неоднократно до Императоровъ Николая I и Александра II, и не разъ сидя за свою настойчивость въ тюрьмѣ, достигъ, наконецъ, того что неправильно отнятая отъ пустыни въ казну земля была ей возвращена, и пустынь возросла въ монастырскую обитель еще на глазахъ покойнаго Амфилохія.

Милостиво простившись съ отцомъ архимандритомъ и братіей, Великій Князь покинулъ монастырь и мимо отѣненнаго густыми деревьями кладбища вышелъ изъ святыхъ воротъ, и при звонѣ церковномъ прослѣдовалъ немедленно въ очень близкій дѣвичій Введенскій монастырь. Тутъ тоже звонили, только другіе колокола.

Для полноты свѣдѣній объ осмотрѣнномъ Его Высочествомъ мужскомъ монастырѣ слѣдуетъ сказать еще немногое. Въ свое время монастырь былъ богатъ, такъ что въ 1764 году, при переписленіи его во II классъ, онъ владѣлъ 4.312 крестьянами, 4.481 десятиною земли и четырьмя приписными монастырями.

Въ I классъ возведенъ въ 1853 году, но съ тѣмъ, чтобы дополнительное число братіи оставалось на содержаніи обители, безъ расходовъ отъ казны; общежительный уставъ принятъ съ 1798 года.

Хотя между настоятелями и тихвинскими дѣятелями монастырскими много именъ почтенныхъ, но выдающихся все-таки нѣтъ, какъ нѣтъ и особыхъ, исторически сложившихся, подлѣ того или другаго подвижника, ярко и самостоятельно очерченныхъ преданій и ученій. Одна изъ причинъ этого кроется въ самомъ характерѣ возникновенія монастыря по царскому повелѣнію, а другая въ томъ, что Тихвинъ лежитъ на торной путинѣ нашихъ водяныхъ сообщеній; путина эта существовала въ очень далекой древности и подвижничеству не способствовала; она сдѣлалась особенно людною со времени канализаціи, предпринятой Петромъ I.

Въ заключеніе еще одно очень любопытное свѣдѣніе сообщенное на мѣстѣ и хранящееся въ видѣ несомнѣннаго преданія. Толкуютъ, будто на монастырскомъ кладбищѣ похороненъ привезенный изъ Шлиссельбурга въ 1764 году Іоаннъ Антоновичъ Ульрихъ; говорятъ, что подъ страхомъ смертной казни запрещалось сообщать объ этомъ кому-либо, что онъ похороненъ ночью, что памятника нѣтъ, но мѣсто показываютъ: оно находится недалеко отъ собора, вправо, если идти къ нему отъ святыхъ воротъ.

Преобладающее значеніе Тихвинской святыни, пребывающей въ мужскомъ монастырѣ, и постоянное движеніе паломниковъ и поклонниковъ къ ней, обусловило то, что въ двухстахъ саженяхъ отъ него, словно въ отѣненіи, можетъ-быть еще до возникновенія монастыря мужскаго держался и устроился Введенскій дѣвичій монастырь, къ которому прибылъ Великій Князь послѣ посѣщенія архимандрита. Игуменія Рафаила, во главѣ длинной вереницы монахинь и послушницъ, встрѣтила Его Высочество у вратъ монастырскихъ и сопровождала въ главный храмъ, гдѣ и совершено молитвословіе.

Исторія этого дѣвичьяго монастыря, полнѣйшій однолѣтокъ исторіи мужскаго. Изъ него велъ свою атаку на главный монастырь Делагарди и, въ отмщеніе за неудачи, сжегъ его 14 сентября 1613 года до основанія. Одинъ симпатичный женскій обликъ со-

храняется и понынѣ и какъ бы присущъ этому монастырю: это невольная постриженница, четвертая супруга Царя Іоанна Васильевича Грознаго Анна Алексѣевна, изъ рода Колтовскихъ, находившаяся въ обители именно во время разгрома ея Делагарди.

Въ пестрой лѣтописи семи браковъ Іоанновыхъ, заключенныхъ послѣдовательно съ Юрьевою, Темрюковою, Сабакиною, Колтовскою, Васильчиковою, Василисою Мелентьевной и Маріею Нагихъ, четвертый бракъ съ будущею постриженицей Тихвинскою, стоялъ, такъ сказать, на рубежѣ беззаконностей Іоанновыхъ. Анна Алексѣевна была „дѣвицею весьма незнатной“, и Царь женился на ней „безъ требованія святительскаго благословенія“ и уже потомъ созвалъ епископовъ, которые, „проливая слезы“, все-таки признали этотъ бракъ и часть наложенныхъ на царя епитимій приняли на себя; но, „дабы беззаконія царя не были соблазнительны для народа, епископы грозили ужасною церковною клятвой тому, кто дерзнетъ взять четвертую жену“. Это совершилось въ 1572 году, а уже въ 1577 году царица пострижена, вѣроятно насильно, въ Тихвинской обители и уступила мѣсто свое Аннѣ Васильчиковой; называлась ли эта пятая жена Іоаннова царицей, совершилось ли бракосочетаніе — неизвѣстно, но съ ея преемницею „прекрасною вдовой“ Василисою Мелентьевой царь положительно не вѣнчался, а взялъ только молитву на сожитіе съ нею, съ „женищемъ“; отъ послѣдней, седьмой супруги Іоанновой, отъ Маріи Нагихъ, родился царевичъ Димитрій, и этимъ обусловилось все, что сопряжено съ именемъ Годунова.

Инокиня Дарья, бывшая царица, во время хозяйничанія въ монастырѣ нвѣдовъ и литовцевъ, съ двумя племянницами своими, княжнами Леонидой и Александрой Гагариными, скиталась по лѣсамъ какъ и другія монахини, и, тайно (?), говоритъ преданіе, собирались онѣ въ обитель на служеніе литургіи; жила она въ это время близъ одного озера, называемаго Царицынымъ, гдѣ теперь поставлена часовня и еще въ 1851 году виднѣлись остатки какого-то деревяннаго жилья. Послѣ Столбовскаго мира Введенская обитель возстановлена вполнѣ и лучше прежняго инокиней-царицей, управлявшею ею. Въ монастырѣ хранится ея духовная, въ которой объяснено, что все въ храмахъ и монастырѣ устроено ею, и подробно указано, кому что наслѣдовать, причемъ не забыты и распредѣлены различные розданные ею крестьянамъ

„для ихъ скудости“ денежные займы и приказано взять: съ Ивашки пятьдесятъ рублевъ, съ Макарки двадцать рублевъ, съ Оедьки десять, Михалки два рубли и т. п. Главнымъ наслѣдникомъ оказался монастырь, ею возсозданный.

Согласно новѣйшимъ изысканіямъ Токмакова, противорѣчащимъ тому, что извѣстно было до сего дня, Введенскій монастырь основанъ въ 1560 году, т. е. позднѣе Богородицкаго, задуманнаго царемъ Іоанномъ въ 1547 году и воплотившагося въ 1560; это мнѣніе о возникновеніи обѣихъ обителей одновременно едва ли справедливо, и дѣвичью Введенскую надо, кажется, признать за древнѣйшую. Возобновленіе ея въ XVI вѣкѣ опредѣляетъ характеръ монастырской архитектуры, но въ послѣднее время зданія сильно подновлены. Надъ широкими дверями монастыря, каменными и невысокими стѣнами съ башнями, обсаженными деревьями, имѣющими нѣсколько садовъ и содержимыми въ порядкѣ, высится колокольня, выстроенная недавно въ „простомъ и пріятномъ стилѣ“; это одно изъ ничего не говорящихъ опредѣленій, часто встрѣчающихся въ любительскихъ описаніяхъ нашего зодчества, и по характеру своему близко напоминаетъ „благородную полувоенную архитектуру“ большаго монастыря. Монахинь и послушницъ 200, но въ полное монашеское одѣяніе пострижено только 26, въ томъ числѣ одна схимонахиня. Всѣ доходы монастыря 8.400 рублей, изъ которыхъ отъ правительства на ладонъ, просфоры и штатной суммы полагается 311 руб, 70 коп.; до 1764 года за обителью считалось 1.338 душъ, съ 380 десятинами и угодьями.

Монастырь окруженъ стѣной, и внутренній дворъ его отѣненъ вѣковыми деревьями. Въ немъ два храма: холодный о трехъ куполахъ и лѣтній о двухъ. Въ первомъ изъ нихъ шестиярусный иконостасъ и обиліе иконъ очень древнихъ; влѣво отъ входа покоится инокиня Дарья, супруга Іоаннова, и нѣчто вродѣ раки, съ неугасимою лампадой, обозначаетъ мѣсто ея послѣдняго упокоенія. Въ монастырѣ поютъ замѣчательно хорошо, въ чемъ можно было убѣдиться при посѣщеніи Его Высочествомъ келіи игумени: здѣсь, какъ и въ жилищѣ архимандрита мужскаго монастыря, спѣто было нѣсколько духовныхъ пѣсенъ, и звучали голоса замѣчательные, свидѣтельствовавшіе о томъ, что монастырское пѣніе въ Тихвинѣ стоитъ на высокой степени

совершенства и дѣлаетъ честь тѣмъ кто завѣдуетъ и наблюдаетъ за нимъ.

Весьма продолжительный осмотръ многоцѣнныхъ предметовъ Тихвинской святыни окончился часамъ къ двумъ пополудни, и Великій Князь прослѣдовалъ въ свое помѣщеніе для кратковременнаго отдыха, такъ какъ къ 3 часамъ назначена была закладка памятника Петру Великому, которая, въ назначенный срокъ, въ присутствіи Его Высочества и состоялась. Памятникъ этотъ, когда онъ будетъ оконченъ, будетъ имѣть видъ хорошенькой, маленькой каменной часовни на правомъ берегу Тихвинки, противъ монастыря; нельзя не замѣтить, что сколько бы памятниковъ ни поставили Великому Царю надъ нашими водными системами, всѣ они будутъ у мѣста, потому что глухая дебрь пробуждена имъ и, въ значительной степени, исхожена его собственными царскими стопами.

Вечеръ 26-го іюня, свѣжій и дождливый, вовсе не соотвѣтствовалъ ясности утра и роскоши дня. Тѣмъ не менѣе, Его Высочество, никогда не отступающій отъ исполненія однажды утвержденнаго имъ распредѣленія времени и желая ознакомиться съ общимъ характеромъ рѣки Тихвинки, совершилъ предположенную по ней прогулку. Паровой катеръ министерства путей сообщенія, „Мелководный“, не замедлилъ, поднимаясь противъ теченія, оставить за собою городскія зданія, толпившіяся вплотную одно къ другому по довольно возвышенному берегу рѣки. Излучины рѣки замѣчательно круты, и суда болѣе длинныя чѣмъ „тихвинки“, являющіяся на свѣтъ именно въ этихъ мѣстахъ, положительно не могли бы двигаться безъ существеннаго кореннаго выпрямленія русла. Осадка „Мелководнаго“ 8 вершковъ, равно какъ и самое его наименованіе, ясно свидѣтельствовали о томъ, что и дно рѣки не менѣе волнисто и что тутъ приходится зачастую имѣть дѣло съ перекатами самыхъ неудобныхъ свойствъ.

Верстахъ въ семи, восьми отъ города, въ совершенной темнотѣ, катеръ привалилъ къ берегу, на которомъ въ блескѣ смоляныхъ бочекъ и другихъ огней, виднѣлись большія толпы народа, ожидавшія прибытія Его Высочества; на берегу развѣвались флаги, гудѣло „ура“, неслись на встрѣчу хоровыя пѣсни. Сойдя на пристань, Великій Князь прошелъ къ павильону

устроенному на этотъ случай изъ мелкихъ, чрезвычайно искусно и красиво составленныхъ стволовъ березы. Къ огнямъ и пѣснямъ незамедлили пристроиться хороводы, присядка, трепакъ, не смотря на то, что ночь глядѣла крайне, непривѣтно и сквозь густыя, низко нависшія тучи небо проглядывало только клочками. Въ этихъ мѣстахъ много могильныхъ кургановъ, и одинъ или два замѣтны были своими острыми профилями, не смотря на темноту; неподалеку отсюда производились не разъ многія раскопки подъ наблюденіемъ членовъ археологической коммиссіи и давали результаты. При возвращеніи Великаго Князя въ городъ тѣмъ же путемъ, на встрѣчу паровому катеру горѣли иллюминаціонные и бенгальскіе огни, завершившіе годовой праздникъ многочтимой и славной на всю Русь иконы.

Утро слѣдовавшаго дня, 27-го іюня, Его Высочество посвятилъ служебнымъ осмотрамъ. Мѣстная команда ждала въ развернутомъ строѣ на казарменномъ плацу; послѣ провѣрки строеваго образованія, Великій Князь обошелъ находящіяся тутъ же казармы, не отличающіяся необходимыми достоинствами, что̀ и видно было изъ заготовленнаго, по постановленію думы, для постановки новыхъ казармъ лѣса. Изъ казармъ Его Высочество прослѣдовалъ въ управленіе уѣзднаго воинскаго начальника, гдѣ обошелъ все помѣщеніе и ознакомился съ подготовкой начальника по запасной и мобилизаціонной частямъ.

Слѣдовали посѣщенія тюремнаго замка, городской богадѣльни и земской больницы. Выѣздъ изъ Тихвина въ усадьбу Горки, послѣдовалъ въ 11 часовъ утра.

Отъ Тихвина къ Новой Ладогѣ. Столбово. Ладожскіе каналы.

Тихвинская страна. Часовни и церкви. Столбово. Историческія воспоминанія о мирѣ. Усадьба Горки. Встрѣча Великой Княгини. Отъѣздъ въ Новую Ладогу. Рѣка Сясь и ея дровяники. Кулачество. Новая Ладога. Отъѣздъ. Опасность, предстоящая нашимъ каналамъ. Встрѣча на Каномскомъ перевозѣ.

Великій Князь покинулъ Тихвинъ 27-го іюня, въ 11 часовъ утра, съ тѣмъ разсчетомъ времени, чтобы прибыть къ семи часамъ пополудни къ усадьбѣ Горки, принадлежащей предводителю дворянства новоладожскаго уѣзда Леману, гдѣ предстояло встрѣтить Августѣйшую супругу Его Высочества, Великую Княгиню Марію Павловну. Путь лежалъ вдоль рѣки Тихвинки до впаденія ея въ Сясь, затѣмъ по берегу Сяси до усадьбы, а далѣе на Новую Ладогу. Тихвинъ и Новая Ладога играли очень важную роль въ 1617 году, когда послѣ долгихъ и хитрыхъ переговоровъ заключенъ былъ наконецъ миръ въ Столбовѣ; шведскіе послы за все время переговоровъ жили въ Новой Ладогѣ, а московскіе въ Тихвинѣ. Столбово лежало на Великокняжескомъ пути и въ немъ предполагалась остановка.

По выѣздѣ изъ Тихвина — мѣсто голое, ровное, пески; затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ Сяси, попадаются холмы, одѣтые сосной, поля, села, усадьбы. Вдоль обѣихъ рѣкъ, Тихвинки и Сяси, населеніе довольно скученное, какъ и по всѣмъ воднымъ системамъ; обращаютъ на себя вниманіе большія деревянныя часовни, стоящія по деревнямъ, часовни, на стѣнахъ которыхъ рисованы весьма отчетливо, некрасиво и пестро различныя изо-

браженія духовнаго содержанія, причемъ чаще другихъ видны́ются Илія Пророкъ въ колесницѣ, катающійся по пламени, и Георгій на конѣ; не менѣе рѣзки изображенія Распятія и большіе кресты съ очень мелкими надписями, разставленные вдоль пути, свидѣтельствующіе о томъ, что этотъ уголъ земли русской особенно знакомъ богомольцамъ. Попадаются большія каменныя церкви новѣйшей постройки, возникшія рядомъ со старенькими, маленькими деревянными, какъ, напримѣръ Ильинская, Воскресенская; подлѣ далеко не академическихъ самодѣльныхъ изображеній на старыхъ часовняхъ встрѣчаются въ новыхъ церквахъ, въ видѣ иконъ, очень незнаменитыя копіи съ извѣстнѣйшихъ картинъ итальянскихъ художниковъ, и почему-то только однихъ итальянскихъ, безъ примѣси другихъ; здѣсь нельзя не удивиться тому, что рядомъ съ древними, насупившимися во времени, церковками, въ которыхъ еще сохраняются такъ-называемыя „деревянныя“ ризы съ позолотой, отъ времени давно почившаго духовенства, проѣзжающій замѣчаетъ вдругъ дикое наименованіе одной изъ усадьбъ — Периколою! Перикола въ Тихвинской странѣ! Откуда тутъ, на древней путинѣ, имя опереточной пѣвицы? какимъ своеобразнымъ умствованіемъ, въ какихъ соображеніяхъ занесено оно сюда и нѣкоторымъ образомъ увѣковѣчено? Толкуютъ, что это прозвище усадьбы не отъ оперетки, а какое-то производное отъ умершаго слова умершей народности? Пріятно думать, что это такъ. Впрочемъ, водныя системы и ихъ окрестности всегда несутъ на себѣ слѣды всякой пестроты человѣческой, и нѣтъ причины быть тутъ иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Около четырехъ часовъ пополудни Великій Князь находился на границѣ петербургской и новгородской губерній, подлѣ, совсѣмъ подлѣ, извѣстнаго по миру, заключенному въ 1617 году, Столбова. Здѣсь, какъ сказано, назначена была временная остановка; начальника новгородской губерніи Мосолова, сопровождавшаго Великаго Князя, смѣнилъ начальникъ петербургской — Лутковскій, и представился также предсѣдатель земской управы, а волостными старшинами поднесена хлѣбъ-соль.

Деревня Столбово, имя которой извѣстно каждому маломальски образованному русскому, лежитъ на правомъ берегу Сяси, песчаномъ и довольно возвышенномъ, и относится къ числу

совершенно заурядныхъ, даже по внѣшности своей; деревянныя постройки скучены, неказисты, и суда, идущія Сясью, предпочитаютъ паузиться въ другихъ, болѣе людныхъ мѣстахъ.

Насколько важенъ былъ Столбовскій миръ для Россіи, исхоженной въ тѣ дни вдоль и поперекъ разбойничьими шайками всякихъ народностей и вѣроисповѣданій, видно изъ многаго. Когда къ намъ въ то время ѣхали голландскіе послы, то, по миновании Старой Руссы, для того, чтобы ночевать въ опустошенныхъ деревняхъ, приходилось имъ, прежде всего, вытаскивать изъ избъ трупы, но отвратительный запахъ все-таки выгонялъ путниковъ изъ избъ на морозъ; селеній почти не существовало; кое-гдѣ попадались полуразрушенные монастыри. Молодому царю Михаилу Ѳеодоровичу приходилось объединять снова то, что было когда-то сплочено могучею десницей Іоанна III. Единовременно разосланы были послы наши къ австрійскому двору, въ Константинополь, въ Персію, въ Крымъ, въ Англію и Голландію для того, чтобы заручиться, если не дружбой и помощью, то по крайней мѣрѣ отдѣлаться отъ вражды. Польша только-что сидѣла на Москвѣ, а Швеція отрѣзала отъ насъ всю сѣверо-западную окраину вплоть до Пскова и Тихвина, имѣла свой гарнизонъ въ Великомъ Новгородѣ, и мы попятились отъ моря. Еще держалась въ полной силѣ кандидатура на новгородскій престолъ шведскаго принца; еще зарились императоры и короли посадить на святой престолъ московскій своихъ неправославныхъ родичей; еще живо было воспоминаніе о только-что умершихъ царствахъ Казанскомъ и Астраханскомъ; изъ Константинополя требовали ихъ уступки, а крымскому хану платились отъ насъ ежегодныя поминки. Трудны, невообразимо трудны были при этихъ условіяхъ первые шаги молодаго царя для объединенія Россіи, воинскія силы которой полегли во множествѣ на поляхъ сраженій, а казна стояла пуста.

Въ маленькомъ Столбовѣ, теперь совершенно забытомъ, удалось царю, хотя и съ уступками, отдѣлаться отъ врага самаго непосредственнаго, глубоко врѣзавшагося въ землю русскую, врага, обладавшаго боевою арміей и казной, — отъ шведовъ. Главнымъ помощникомъ, не даромъ, конечно, былъ посолъ англійскаго короля Джонъ Мерикъ — купецъ, названный въ королевской грамотѣ для пущей важности „княземъ, рыцаремъ и

дворянином тайной комнаты". Мерикъ разсчитывалъ, главнымъ образомъ, на вознагражденіе для англичанъ за ихъ посредничество въ торговомъ отношеніи, искалъ свободнаго пути по Волгѣ въ Персію, по рѣкѣ Оби въ Индію и многихъ другихъ льготъ и правъ. Хитеръ былъ Мерикъ, но не плошалъ и переговаривавшій съ нимъ князь Куракинъ, и, если принять въ разсчетъ печальное внутреннее состояніе тогдашней Россіи и политическое созвѣздіе всѣхъ державъ, такъ или иначе искавшихъ заполонить насъ, то уступки, сдѣланныя въ Столбовѣ, кажутся невѣроятно малыми: мы отказались отъ лифляндской земли и Карелiи, но мы получили обратно новгородскую землю, и царская грамота, присланная въ Новгородъ съ извѣстіемъ о заключеніи мира, гласила важную вѣсть что: „отторженную искони вѣчную нашу отчину Великій Новгородъ со всѣми вами православными христіанами опять намъ великому природному христіанскому государю въ руки Богъ далъ". Это было началомъ длиннаго ряда возвращеній того, что̀ отторгнуто отъ насъ многими путями, и трудное начало это положено въ Столбовѣ и принесло великіе плоды.

За Столбовымъ берега Сяси становятся люднѣе. Однимъ изъ бойкихъ пунктовъ является пристань Колчаны, съ массивнымъ каменнымъ храмомъ. Не далеко отъ нея пришлось переправляться черезъ Сясь на паромѣ, въ виду усадьбы Горки, стоящей на очень высокомъ, красивомъ, крутомъ берегу. Было около шести часовъ вечера. Едва только прибылъ Его Высочество въ усадьбу, какъ со стороны рѣки послышалась музыка, возвѣщавшая еще издали о прибытіи Августѣйшей супруги Его Высочества. Великій Князь направился немедленно навстрѣчу; съ высокаго береговаго откоса можно было видѣть далеко внизу приближеніе Великой Княгини: „Тихвинку", разукрашенную флагами и гирляндами, тянули противъ теченія восемь лошадей; онѣ шли полною рысью, и красныя рубахи погонщиковъ ярко мелькали по песчаному побережью блестѣвшей рѣки. Массы народа бѣжали „Тихвинкѣ" во слѣдъ, и привычная рука рулеваго направила ее къ пристани, на которой стоялъ Великій Князь, такъ ловко, что она тихо прильнула къ ней и остановилась подлѣ будто давнымъ-давно прилаженная, не покачнувшись и не дрогнувъ. Флаги на „Тихвинкѣ", на пристани, на обоихъ берегахъ рѣки, вдоль

всей усадьбы, ея садовъ и откосовъ берега, пестрыя одѣянія пришлаго народа, береговая высь и низменность рѣки сіяли яркимъ свѣтомъ опускавшагося солнца, и не вѣрилось фактическому сообщенію о томъ, что на недалекомъ ладожскомъ побережьѣ штормовые конусы подняты.

Ея Высочество, въ сопровожденіи свиты, выѣхала изъ Петербурга 26 іюня, въ 8 часовъ вечера, вверхъ по Невѣ, на пароходѣ „Онега“, и прибыла въ Сяськіе Рядки, лежащіе на Сяси и отстоящіе отъ Горокъ на два часа пути, 28 іюня, около 4 часовъ пополудни; здѣсь, во вниманіе къ мелководью, Августѣйшей Путешественницѣ пришлось пересѣсть на пароход „Озерной“, который, въ свою очередь, и по той же причинѣ, остановился не доходя до Горокъ трехъ съ половиною верстъ, и долженъ былъ уступить мѣсто разукрашенной флагами и гирляндами „Тихвинкѣ“. Отъ пристани на берегу, къ высоко лежащей усадьбѣ, Ихъ Высочества поднялись въ экипажѣ по крутому спуску. Въ усадьбѣ назначенъ былъ обѣдъ и ночлегъ; истинно русское гостепріимство хозяина было почтено милостивою благодарностью Августѣйшихъ Гостей.

На слѣдующее утро, въ 9 часовъ, состоялся отъѣздъ Ихъ Высочествъ къ Новой Ладогѣ; сначала разукрашенную „Тихвинку“ тянуло шесть лошадей, — вчера. противъ теченія, тянуло восемь, — затѣмъ взялъ ее на буксиръ пароходъ „Пожарный“ и доставилъ къ ожидавшему подъ парами „Озерному“, который и не замедлилъ отойти внизъ по Сяси; отъ Колчанова до Новой Ладоги, Сясью и Сяськими каналами, безъ малаго два часа пути.

Въ этихъ мѣстахъ Сясь, — больное мѣсто Тихвинской системы, — представляется рѣкой широкою, гораздо красивѣе, чѣмъ та слава, которая о ней идетъ. Снизу, отъ Ладожскаго озера до Колчанова, могутъ ходить барки, но выше только тихвинки или соминки, являющіяся на свѣтъ въ Тихвинѣ и Соминѣ, отстоящемъ отъ послѣдняго въ глубь страны на сто верстъ. Оба берега Сяси нагорные, достигающіе мѣстами вышины 10—12 саженъ, и отовсюду виднѣлись цѣлыя формаціи дровъ, предназначаемыхъ Петербургу: дрова на судахъ, на берегу, по скатамъ, на краю береговаго обрыва, дрова на водѣ въ запоняхъ, лежащія такъ плотно, что по нимъ можно ходить. Торговое время,

время горячее, и работа кипѣла по обоимъ берегамъ, а подлѣ главныхъ пристаней народа, привѣтствовавшаго Ихъ Высочества, виднѣлось очень много; между барокъ и тихвинокъ, сквозь цѣлыя сотни причальныхъ канатовъ, проскальзывали лодочки и подходили къ пароходу насколько возможно ближе. Разсказываютъ, что по веснѣ, когда идетъ разборка дровъ, прибывшихъ съ верху, картинность и оживленность береговъ Сяси дала бы не одинъ сюжетъ художнику; не одну жертву смерти даетъ это время, потому что люди, большинство бабы и подростки, работаютъ тогда по поясъ въ холодной водѣ.

Береговые откосы Сяси по большей части песчаные, но мѣстами попадаются известковыя обнаженія, и видны старыя обжигательныя печи; отсюда, въ началѣ существованія Петербурга, брали этотъ существенный элементъ построекъ; его везли тогда озеромъ, что было и опасно, и дорого, но его все-таки везли и только значительно позже передвинулись для добычи къ Шельдихѣ, на Ладожскомъ каналѣ, что не мѣшаетъ, однако, продолженію старой добычи и здѣсь.

Столицей здѣшнихъ дровяниковъ считаютъ Рыжково; лучшіе изъ домовъ въ селахъ принадлежатъ дровяникамъ, изъ которыхъ многіе быстро богатѣютъ, соединяя торговлю лѣсомъ съ содержаніемъ всякихъ лавочекъ на потребленіе судорабочихъ и съ выдачей подъ крупнѣйшіе проценты, если принять въ разсчетъ способъ уплаты этимъ же людямъ денегъ и припасовъ въ кредитъ въ молчаливое время заработковъ и торговли. Но кулакъ не ростовщикъ, его къ отвѣтственности притянуть невозможно; какъ формулировать, напримѣръ, въ обвинительномъ актѣ тотъ фактъ что онъ, кулакъ, отпускаетъ рабочему въ кредитъ сахаръ по 25 к., а керосинъ по 15 к. за фунтъ, то-есть болѣе чѣмъ на 10 к. съ каждаго фунта дороже, если судить по петербургскимъ цѣнамъ? И подобное „продовольствіе“ длится цѣлыя три четверти года и даетъ 10 к. съ каждаго фунта барыша; какъ не богатѣть? Деньгами снабжаютъ кулаки только на подати, все остальное идетъ припасами и харчами, что, конечно, для нихъ несравненно льготнѣе: сколько чаю и водки должно выпиваться здѣсь, хотя бы только по веснѣ, при разборкѣ дровяныхъ запоней, при работахъ по поясъ въ холодной, апрѣльской водѣ?

На нѣкоторые изъ домовъ самыхъ крупныхъ воротилъ указы-

ваютъ путешественнику и называютъ фамиліи ихъ владѣльцевъ. Самоувѣренность этихъ людей очень велика; такъ, напримѣръ, здѣсь и въ крестецкомъ уѣздѣ двое ихъ мѣстныхъ воротилъ такого рода считали себя въ правѣ ходатайствовать о пріемѣ у себя Великаго Князя.

Въ Сясьскій каналъ, соединяющій устье Сяси съ устьемъ Волхова подлѣ Новой Ладоги, Ихъ Высочества вошли не на „Озерномъ", а на „Онегѣ". Погода хмурилась, и съ сѣвера, отъ Ладожскаго озера, дулъ сильный, холодный вѣтеръ; при движеніи парохода по каналу вѣтеръ слышался только поверхъ насыпей, но ничего хорошаго не обѣщалъ для дальнѣйшаго пути, предстоявшаго по самому озеру: штормовые конусы, поднятые еще вчера, не солгали.

Въ 11 часовъ утра, 28-го іюня, въ воскресенье, „Онега", выйдя изъ Сясьскаго канала и перерѣзавъ поперекъ широкій, бурлившій непогодой Волховъ, подошла къ перевозной пристани Новой Ладоги; нордъ-остъ, наваливавшій съ полною силой отъ Ладожскаго озера, покрытаго волной, и сильно накренившій „Онегу" при поворотѣ, не помѣшалъ стеченію на пристань огромнаго количества народа, желавшаго привѣтствовать Августѣйшихъ Путешественниковъ въ воскресный день. На пристани представились власти и представители города, посѣщеннаго Ихъ Высочествами еще въ 1884 году, и принятъ Великимъ Княземъ почетный караулъ отъ 1-й роты 1-го резервнаго баталіона. Дальнѣйшій путь лежалъ въ соборъ, гдѣ Ихъ Высочества прослушали литургію. Затѣмъ посѣщены: земская больница, острогъ и казарма роты, представившейся въ почетномъ караулѣ у пристани. При обходѣ всѣхъ этихъ учрежденій Великому Князю сопутствовала и его супруга, не смотря на непогоду. Въ два часа пополудни, подъ сильнымъ дождемъ и рѣзкимъ вѣтромъ Августѣйшіе Путешественники сѣли на „Онегу" и отбыли изъ Новой Ладоги; „Онега", перерѣзавъ Волховъ, въ виду Ладожскаго озера, смотрѣвшаго очень мрачно, снова вошла въ Сясьскій каналъ, и высокія насыпи снова защитили ея палубу отъ постоянно крѣпчавшаго нордъ-оста. Предстояло идти каналами, затѣмъ озеромъ въ рѣку Свирь до Каномскаго перевоза, откуда ѣхать грунтовою дорогой въ Александро-Свирскій монастырь и Олонецъ.

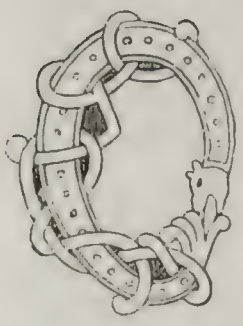
Плаваніе на пароходѣ каналами, въ особенности въ бурю, чрезвычайно пріятно и тепло, но оно не могло не привести на память одного изъ горючихъ вопросовъ, весьма существенно затрогивающихъ интересы нашей внутренней торговли. Вопросъ этотъ не могъ не возникать при видѣ того, какъ, набѣгая на берега канала, пароходная волна то и дѣло обваливала куски берега и это продолжалось и днемъ, и ночью, и во все время пути. Совершенно понятно, что для рѣдкихъ случаевъ путешествій Особъ Царствующаго Дома, путешествій, оставляющихъ за собою множество добрыхъ слѣдовъ, куски, отвалившіеся отъ берега, ничего не значатъ; не могутъ они приниматься въ разсчетъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ военныя надобности потребуютъ движенія пароходовъ по каналамъ, — но въ остальныхъ? Говорятъ, напримѣръ, что каналъ Императора Александра II въ значительной степени уже попорченъ разрѣшеніемъ движенія по немъ пассажирскихъ пароходовъ. Судопромышленники и купечество, если не ошибаемся, неоднократно указывали на неминуемыя, гибельныя для каналовъ послѣдствія такихъ разрѣшеній; постоянное оползаніе береговъ, вслѣдъ за разводимымъ пароходомъ волненіемъ, обусловливаетъ заплываніе канала и образованіе мелей, требующихъ распаузки судовъ, что сопряжено съ громадными расходами времени и денегъ. Убытки судопромышленниковъ, вздорожаніе для потребителей идутъ рука объ руку съ убытками казны, которой придется, въ концѣ концовъ, чистить каналы. Каналъ Александра II, до открытія пароходнаго движенія, считался образцовымъ и симптомовъ быстраго обмелѣнія не давалъ; новые Свирскій и Сясьскій каналы были испорчены въ самомъ началѣ допущеніемъ буксирныхъ пароходовъ глубокой осадки; недавно дано разрѣшеніе открыть пассажирское движеніе по старому Онежскому каналу, требующему и безъ того значительнаго подновленія, и этимъ нанесется существенный вредъ нашей главной Маріинской системѣ. Если не ошибаемся, товарищество „Первенецъ“, содержащее сообщеніе между Шлиссельбургомъ и Колчановскою пристанью, существуетъ болѣе 10 лѣтъ и имѣетъ 6 пароходовъ, бѣгающихъ по различнымъ Ладожскимъ каналамъ. Сколько обсыпано ими земли и насколько затронуты торговые интересы? Конечно, пріятно мелькнуть на пароходѣ вдоль по каналу, въ особенности

при сознаніи того, что въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ васъ гудитъ буря и разбиваются волны, конечно, это пріятнѣе, чѣмъ медленное движеніе на допотопномъ трешкотѣ, но не затрагиваетъ ли это пріятное чувство интересовъ гораздо болѣе существенныхъ и несомнѣнно болѣе дорогихъ?

Водяной путь до Каномскаго перевоза совершенъ былъ благополучно, и тѣ, кто проснулся на пароходѣ, стоявшемъ на якорѣ, ранѣе прочихъ, утромъ 29-го іюня, могли видѣть только ближайшія части рѣки Свири, потому что густой туманъ и мелкій, частый дождикъ одѣвали окрестность; блестѣли только на пристани орденскіе знаки и шитые воротники начальника олонецкой губерніи Григорьева и лицъ, его сопровождавшихъ, въ ожиданіи представленія Ихъ Высочествамъ. Множество экипажей, назначенныхъ для дальнѣйшаго пути на Олонецъ, стояли на на берегу, правильно разставленные, каждый подъ своимъ нумеромъ. Ихъ Высочества сошли на берегъ въ 8 часовъ утра и, принявъ представлявшихся, направились немедленно въ сильнѣйшую непогоду къ Александро-Свирскому монастырю.

Александро-Свирскій Монастырь.

Олонецкій пейзажъ. Прежнее значеніе монастыря. Его обличіе. Храмы. Рака святыхъ мощей. Историческія судьбы. Архіерейская каоедра. Ризница. Замѣчательный крестъ, даръ Іоанна Грознаго. Личность архимандрита Александра и его казнь. Отъѣздъ въ Олонецъ.



тъ Каномскаго перевоза на Свири до Александро-Свирскаго монастыря около 15 верстъ дороги. Олонецкій пейзажъ, — хвойный лѣсъ, холмы, валуны, подсѣчное хозяйство и скудость поселеній, проступили немедленно, сквозь дождь и туманъ. Вчера, на южномъ берегу Ладожскаго озера, Ихъ Высочества находились на пажитяхъ доисторическаго племени Веси; здѣсь, отъ юго-восточнаго берега, на необозримыхъ пространствахъ къ Бѣлому Морю, толкались когда-то одни о другихъ племена Кореловъ, Сумь и Ямь; два послѣднія исчезли совершенно, но первое, почему-то избранное судьбою, сохранилось и сидитъ теперь; въ глухихъ мѣстахъ олонецкаго края Корелы до сихъ поръ не говорятъ по-русски ни слова.

Если эти Корелы — христіане, то они обязаны этимъ въ значительной степени тому древнему монастырю, къ которому Ихъ Высочества приближались и который возникъ здѣсь въ концѣ XV вѣка, т. е. къ концу монгольскаго ига, возникъ на встрѣчу тяжелыхъ годовъ XVI и XVII столѣтій. Центральнымъ очагомъ православія въ олонецкомъ краѣ былъ, несомнѣнно,

Валаамъ, который посѣтятъ Ихъ Высочества завтра, но главнымъ отпрыскомъ этого монастыря, въ числѣ многихъ другихъ, цѣлымъ ожерельемъ одѣвшихъ озера Онежское и Ладожское, отпрыскомъ который, было такое время, какъ бы переросъ своего родоначальника, стоялъ даже во главѣ олонецкой епархіи, имѣлъ консисторію и семинарію,—является монастырь Александро-Свирскій. Обитель эта находится въ частомъ общеніи съ Петербургомъ. За десять дней до Троицына дня, отъ Калашниковской пристани отходитъ пароходъ, буксирующій одну или двѣ соймы съ богомольцами; къ Троицыну дню люди эти уже въ Свирскомъ монастырѣ и многіе изъ нихъ направляются далѣе въ Соловки. Въ Свирскомъ монастырѣ совершается въ это время установленное въ началѣ нынѣшняго вѣка ежегодное перенесеніе мощей св. Александра изъ Преображенскаго собора въ Троицкій; это одно изъ внушительнѣйшихъ шествій, установленныхъ нашею церковью, полное благоговѣнія и великолѣпія, и массы богомольцевъ стараются присутствовать именно при немъ.

Расположенный въ мѣстности ровной, открытой, подлѣ двухъ озеръ, безъ которыхъ не существуетъ олонецкаго пейзажа, въ широкомъ кольцѣ старыхъ лѣсовъ, монастырь, если подъѣзжать къ нему съ юга, возникаетъ урывками изъ-за зелени мѣстной хвои и, по первому впечатлѣнію, которое не измѣняется, впрочемъ, и впослѣдствіи, кажетъ меньше, чѣмъ обѣщала его извѣстность: массивная каменная ограда имѣетъ всего только 252 сажени протяженія, храмовъ не много, они невелики, и дворы монастырскіе кажутся какъ бы пустыми, и по нимъ виднѣются разбросанныя въ одиночку, въ зеленой травѣ, могильныя плиты. Обитель состоитъ какъ-бы изъ двухъ частей: Троицкой и Преображенской, обнесенныхъ каждая оградою, саженяхъ въ полутораста разстоянія.

Ихъ Высочества около 9 час. утра встрѣчены у святыхъ воротъ архимандритомъ Макаріемъ съ братіей, приняли благословеніе, приложились ко кресту и, въ предшествіи духовнаго пѣнія, направились въ Преображенскій соборъ. Празднованіе дня Свв. Петра и Павла давало богослуженію въ этотъ день особенное значеніе. Невысокимъ кажетъ соборъ снаружи, со своими пятью луковичными, одѣтыми жестью главами, подъ зеленою крышей, въ стѣнахъ окрашенныхъ голубою крас-

кой, причемъ обрамленія оконъ, для довершенія пестроты, обведены бѣлымъ; колокольня при немъ шатровая. Внутри соборъ еще приземистѣе, еще скромнѣе; своды крестовые, столбовъ шесть, круглый куполъ подъ невысокимъ барабаномъ, окраска тоже чрезвычайно пестра, и фресковая живопись, въ которой очень много мотивовъ изъ Апокалипсиса, вовсе не уменьшаетъ этой непріятной пестроты.

Мощи Преподобнаго, въ серебряной ракѣ, пожертвованной царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и привезенной изъ Москвы на 11 коняхъ подъ особымъ конвоемъ, покоятся влѣво отъ входа; собственно говоря, это помѣщеніе избрано противъ воли Преподобнаго, говорившаго передъ смертью братіи: „Свяжите тѣло мое по ногу ужемъ и вовлеците его въ дебрь блата и, покопавше во мху, потопчите ногами“. — „Ни, отче!“ отвѣчала братія и опустила останки его подлѣ церкви Преображенія. Мощи обрѣтены въ 1641 году и положены въ серебряную раку въ 1644.

Преподобный Александръ Свирскій скончался въ 1533 году, 85 лѣтъ отъ роду, и имѣлъ счастіе видѣть воздвигнутою обитель, обѣщанную ему въ юности, въ сновидѣніи, самимъ Богомъ. Бѣжавъ изъ дома родителей своихъ, не поощрявшихъ въ сынѣ аскетическихъ наклонностей, Александръ постригся на Валаамѣ, и только въ 1485 году, послѣ многихъ лѣтъ жизни на Валаамѣ, возвратился на рѣку Свирь, къ тому мѣсту, гдѣ имѣлъ видѣніе, и построилъ себѣ хижину. Отъ нея зародилась обитель. Строгости Валаамскаго монастыря, перенесенныя въ Свирскій его основателемъ, были причиною того, что Іоаннъ Грозный не разъ упрекалъ своихъ бояръ за то что они, постригаясь въ монашество, избѣгали постриженія въ Свирской обители именно по причинѣ строгости ея жизни. Это же благочиніе монастырское, вѣроятно, было причиной того, что слава обители возрастала быстро; что уже три ближайшіе ученика преподобнаго Александра основали три самостоятельныя обители; что всѣ цари русскіе, начиная съ Іоанна Грознаго, особенно благоволили ей, одѣляли, посылали богатые вклады, обогащали угодьями; что въ концѣ XVII вѣка, воскреснувъ послѣ литовскаго погрома, при которомъ замучено въ немъ 27 братьевъ и 32 работника, онъ сталъ во главѣ церковнаго управленія всего олонецкаго края, владѣлъ 34 дерев-

нями и 24 пустошами, а въ XVIII къ нему было приписано 27 самостоятельныхъ обителей, учредилась архіерейская каѳедра, консисторія, а въ 1799 году духовная семинарія. Въ семинаріи этой имѣлось пять классовъ, носившихъ характерныя названія: фары, инфимы, синтаксіи, піитики и риторики; желавшіе изучать высшій курсъ — философію, посылались въ архангельскую семинарію.

Какъ-то не вѣрится, глядя на сегодняшнюю довольно бѣдную обстановку монастыря, на пустоту его двора и одинокія могилки разсыпанныя въ травѣ, что тутъ былъ когда-то центръ духовнаго управленія громадной области. А между тѣмъ несомнѣнно, что изъ Свирскаго монастыря много разъ шли деньги въ государеву казну и ратнымъ людямъ на жалованье, на работы въ Новгородѣ, въ возникшемъ въ 1647 году Олонцѣ, на устройство недалекой Лодейнопольской верфи и, наконецъ, „для государевыхъ дѣлъ въ Петербургѣ“; что монастырь не уступалъ великолѣпіемъ лучшимъ обителямъ русскимъ и, благодаря Троицкой ярмаркѣ, искони въ немъ существовавшей, составлялъ центръ и въ торговомъ отношеніи, и что, наконецъ, во время развитія олонецкаго раскола, онъ служилъ прочнымъ и сильнымъ оплотомъ православію въ краѣ. Чѣмъ объяснить причину того, что эта обитель, холенная длиннымъ рядомъ Царей и Императоровъ, стоявшая, когда-то, въ особенно близкомъ общеніи съ сильными боярами московскими, напримѣръ, съ Годуновыми, такъ замѣчательно съузилась, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ была? Отмѣна монастырскихъ привилегій и взятіе многихъ оброчныхъ статей и вотчинъ въ казну, ознаменовавшія начало единодержавія Петра, были испытаны Свирскимъ монастыремъ наравнѣ съ другими, и достаточнаго объясненія этому явленію не даютъ. Не искать ли причины въ неладномъ внутреннемъ хозяйствѣ, въ экономической сторонѣ дѣла, которая во всѣхъ нашихъ монастыряхъ играетъ такую рѣшающую, выдающуюся роль? Нѣкоторыя изъ личностей настоятелей, какъ, напримѣръ, Александръ и Пахомій, съ ихъ самоуправствомъ, почти неслыханнымъ, даютъ право думать именно такъ, а не иначе.

По окончаніи богослуженія Ихъ Высочества осмотрѣли ризницу и библіотеку монастырскую. И та, и другая невелики, но хра-

нять многія замѣчательно цѣнныя вещи. Очень богатъ архивъ. Совершенно исключительнымъ является въ ризницѣ серебряный съ ковчежцами крестъ — даръ Іоанна Грознаго; на футлярѣ, въ которомъ онъ хранится, засвидѣтельствовано надписью, что въ крестъ вложены: „части самыя Спасителя нашего Бога пречистыя Его крове и иныя святыя вещи: камень гроба Господня, плащаница Христова, бумага, что потирали кровь въ Іерусалимѣ, камень того мѣста, гдѣ Христосъ съ апостолы молитву молвилъ: „Отче нашъ“, древо Тиверитскаго моря, гдѣ Христосъ съ апостолы рыбы ловилъ; камень, какъ Христосъ крестился во Іорданѣ рѣкѣ и на немъ сидѣлъ, персть Іордана рѣки, гдѣ Христосъ крестился; камень горы Синайскія, гдѣ Моисей видѣлъ Пречистую въ купинѣ; камень дому Іоанна Богослова; камень того мѣста, гдѣ Іуда Христа предалъ“. Подобныхъ реликвій не много въ другихъ обителяхъ нашихъ, да едва-ли и есть онѣ. Въ ризницѣ же сохраняется долбленый гробъ, въ которомъ нѣкоторое время почивали мощи основателя монастыря, старая рака, замѣчательное изображеніе лика Спасителя на шелку, столбики и створы прежнихъ царскихъ вратъ, очень характерныхъ детальныхъ очертаній, цѣлыя груды воздуховъ, многія ризы, фелони, панагіи. Архивъ, какъ мы сказали, очень богатъ; между прочимъ, въ немъ имѣются акты Никоновскаго времени, и въ числѣ ихъ наказъ, данный монастырямъ въ 1649 году о томъ, чтобы „женскаго полу въ бѣлилахъ въ церковь не пущали“, а во время божественнаго пѣнія „никакихъ шептъ и басень не говорили и не глумиться и не садиться“.

Подробно ознакомившись съ почтенными древностями, Ихъ Высочества направились поперекъ двора, въ жилище архимандрита. Въ небольшомъ количествѣ разсѣянныхъ по двору монастырскому могильныхъ плитъ, нѣкоторыя покрываютъ останки прежнихъ настоятелей. Нѣтъ и не можетъ быть, одной могилы вышеназваннаго архимандрита Александра, возведеннаго въ этотъ санъ въ 1717 году. Корыстолюбивый и жестокій, говоритъ о немъ изслѣдователь монастырскаго архива Ивановскій, онъ тайно сочувствовалъ расколу и даже оказывалъ явно непочтеніе къ государю Петру I за его нововведенія. Въ одно изъ путешествій къ Марціальнымъ водамъ Петръ I заболѣлъ и пробылъ въ монастырѣ три дня, слѣдствіемъ чего была раздача монастырю де-

негъ; едва уѣхалъ Царь, какъ архимандритъ данныя больничнымъ деньги отнялъ, пожертвованныя братіи не роздалъ, многихъ билъ и истязалъ, такъ что братія составила на него прошеніе, въ которомъ, объясняя дѣло, докладывала, что архимандритъ „царскимъ ангеламъ не празднуетъ и молебнаго пѣнія въ тѣ царскіе ангелы не совершаетъ и по царскимъ родителямъ и память о преставленіи ихъ божественной службы соборно не служитъ и панихидъ не поетъ". Это опасное прошеніе было подано монахами царицѣ Парасковіи Ѳеодоровнѣ, вдовѣ покойнаго брата государева, на обратномъ пути ея изъ Марціальныхъ водъ. По отъѣздѣ царицы, Александръ немедленно расправился съ братіей по своему палками и плетьми. Потребованный въ Петербургъ, онъ „вступилъ было въ пренія съ самимъ Государемъ, но, уличенный въ своихъ винахъ, лишенъ священства и колесованъ, какъ оскорбитель и противникъ Царскаго величества". Вотъ по какимъ причинамъ, какъ сказано, могилы его не искать на широкомъ поростающемъ травою монастырскомъ дворѣ, и кто знаетъ, насколько зловредная личность подобнаго архимандрита могла повліять и повліяла на монастырское оскудѣніе вообще. Лицъ, подобныхъ ему, въ другихъ монастыряхъ кажется не было.

Существенно полезна монастырю, при его скромныхъ доходахъ — прежде часовня, нынѣ церковь, находящаяся въ Петербургѣ, у Мяснаго рынка, возникновенію которой помогъ тогдашній генералъ-губернаторъ Петербурга князь Суворовъ, такъ много порадѣвшій балтійскому краю; закладка ея происходила въ 1865 году; монастырскія ярмарки, дважды въ годъ, когда-то были очень людны, теперь обороты ихъ обоихъ не превышаютъ 12.000 рублей. Памятны въ монастырѣ неоднократныя посѣщенія Петра I, Александра 1, а въ 1858 году Александра II со всею Августѣйшею семьей; Великому Князю шелъ тогда одиннадцатый годъ, и нынѣшнее посѣщеніе обители не могло, конечно, не вызвать въ немъ самыхъ теплыхъ воспоминаній.

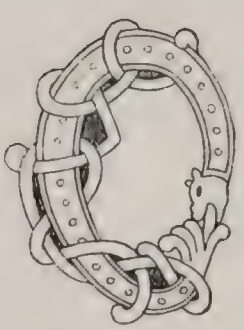
Въ настоящее время въ монастырѣ 1 архимандритъ, 8 іеромонаховъ, 3 іеродіакона и 5 послушниковъ.

Около полудня, при значительно прояснѣвшей погодѣ, Ихъ Высочества, милостиво простившись съ архимандритомъ и братіей, направились почтовымъ трактомъ въ дальнѣйшій путь на

Олонецъ, до котораго отъ монастыря 37 верстъ. Олонецъ одинъ изъ характернѣйшихъ по древнему обличію своему и древнимъ деревяннымъ храмамъ, обусловливающимъ это обличіе, городовъ— останется, вѣроятно, стоять въ этомъ видѣ недолго, потому что время въ концѣ концовъ дѣлаетъ все-таки свое.

ОЛОНЕЦЪ.

Путь вдоль Мегреги. Древнія обличія церквей. Видъ Олонца. Женскія одѣянія. Соборъ и древнѣйшіе храмы. Исторія Олонца. Судьбы нашихъ древнѣйшихъ городовъ. Посѣщеніе Александромъ I и разсказы о немъ. Сказатели былинъ. Писецъ Панинъ. Посѣщеніе Петра Великаго и разсказы о немъ. Память стрѣльцовъ. Выѣздъ изъ Олонца. Рѣка Олонка. Прибытіе въ Валаамъ.



тъ Александро-Свирскаго монастыря до Олонца 37 верстъ. Мѣстность ровная и не проявляетъ еще тѣхъ гранитныхъ холмовъ, которые покрываютъ сплошь всю сѣверную часть Олонецкой губерніи. На первыхъ 25 верстахъ всего только двѣ деревни и въ каждой по три дома. Приблизительно на полпути почтовая дорога подходитъ къ рѣкѣ Мегрегѣ и не покидаетъ ея болѣе, слѣдуя многообразнымъ извилинамъ вплоть до сліянія ея съ Олонкой, то-есть до того именно мѣста, гдѣ построенъ Олонецъ. Старыя церковки уже появляются на глаза; села лѣпятся вдоль обоихъ береговъ Мегреги, и сообщеніе между берегами поддерживается небольшими паромчиками, въ родѣ тѣхъ, которые имѣются у насъ въ паркахъ, для переѣзда черезъ пруды и на островки. При селеніи Мегрега — кладбищенская церковь, въ рощѣ, въ одной верстѣ отъ жилья, — переживя уже два столѣтія дастъ Богъ переживетъ и третье, не смотря на то что она деревянная. Вѣроятно дольше, чѣмъ она будутъ жить сосѣдніе могильные курганы, безъименныя усыпальницы православныхъ корелловъ, павшихъ въ какихъ-то давнишнихъ бояхъ. Мѣстность подлѣ Олонца ровная; дома города разбросаны, улицы благополучно

поростаютъ травою и служатъ пастбищемъ для домашнихъ птицъ и четвероногихъ.

Особенность общаго вида Олонца это его старые деревянные храмы съ ихъ шатровыми и луковичными куполами, крытыми чешуйчатымъ гонтомъ, или позеленѣвшею отъ времени жестью, съ колоколенками, обведенными по верху галерейками, неправильно разбросанными по стѣнамъ мелкими, чуть не косящатыми окнами и пестрою окраской. Гостиный дворъ, типъ исчезающихъ, деревянный, двухъ-ярусный, покосившійся, обведенный галереей на жиденькихъ столбикахъ, съ большими проѣздными воротами; мостъ на рѣкѣ, высокій, крутой; почти полное отсутствіе тротуаровъ, даже деревянныхъ, и невозможность съ точностью опредѣлить, гдѣ улица, гдѣ площадь, — все это чрезвычайно типично и встрѣчается очень рѣдко даже на нашемъ сѣверѣ.

Ихъ Высочества прибыли въ городъ въ часъ пополудни и направились въ почтовомъ экипажѣ въ соборъ. Яркія одѣянія женщинъ рѣзко выдѣлялись по глубокой грязи, лежавшей повсюду, вслѣдствіе долгаго дождя. Эти одѣянія, въ самыхъ лучшихъ образчикахъ, во всей ихъ исторической особенности, съ подзорями, кокошниками, снабженными чѣмъ-то въ родѣ козырьковъ, изогнутыхъ поперечными волнистыми складками и отороченными жемчугомъ, имѣлись на лицо въ соборѣ на семнадцати дѣвушкахъ; здѣсь, какъ и въ Торопцѣ, эти одѣянія не пропадаютъ, держатся, и въ торжественные дни являются на свѣтъ Божій, дѣлая честь мѣстному женскому персоналу.

Соборъ во имя Смоленской Божіей Матери стоитъ на островку, при сліяніи Мегреги и Олонки, каменный, не старый; онъ подъ круглымъ куполомъ, покоящимся на четырехъ столбахъ, съ пятиярусымъ иконостасомъ; нельзя не замѣтить древности иконъ, украшающихъ храмъ во множествѣ: онѣ вообще довольно мелки, несомнѣнно принадлежали когда-то другому, несуществующему храму, и для любителя древней живописи нашей представляютъ обильное поле для изслѣдованій.

Всѣхъ храмовъ въ городѣ шесть. Древнѣе другихъ, видѣвшій съ 1630 года не одно столѣтіе, храмъ Николая Угодника на Мегрегѣ, съ его пятью куполами и отдѣльно стоящею, снабженною галереей, колокольней, съ очень длиннымъ центральнымъ нефомъ и алтаремъ въ кубической пристройкѣ. Это несомнѣнно

одна изъ типичнѣйшихъ церквей. Нѣсколько моложе ея, тоже въ почтенныхъ, древнихъ очертаніяхъ, виднѣется храмъ Тихвинской Божіей Матери, 1719 года, подлѣ моста. Оба эти храма простоятъ едва ли долго и приходятъ въ ветхость не по днямъ, а по часамъ.

Несмотря на непогоду, вслѣдъ за отъѣздомъ изъ собора состоялись служебныя посѣщенія; осмотрѣны городскія училища, больница и острогъ. На казарменномъ дворѣ олонецкой мѣстной и конвойной командъ, команда, къ прибытію Великаго Князя, стояла развернутымъ фронтомъ, и ей произведено уставное ученіе. По окончаніи его, Его Высочество направился въ отведенное ему помѣщеніе, куда прибыла до того и Великая Княгиня, сопровождавшая Августѣйшаго супруга только при посѣщеніяхъ учрежденій благотворительныхъ, несмотря на сильнѣйшій дождь. Домъ, въ которомъ Ихъ Высочества остановились, принадлежитъ купцу Куттуеву; на этомъ же мѣстѣ стояло зданіе, въ которомъ останавливались Императоры Петръ I и Александръ Благословенный.

Древнѣйшее упоминаніе объ Олонцѣ, расположенномъ въ 16 верстахъ отъ Ладожскаго озера и въ 52 отъ рѣки Свири, имѣется подъ 1137 годомъ, въ уставной грамотѣ Святополка Олеговича, подъ именемъ Олоньсъ. Собственно городомъ названъ Олонецъ впервые въ 1634 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда повелѣно было: „посадскихъ людей изо всѣхъ погостовъ взяти, съ женами и дѣтьми, и со всѣми ихъ животы на житье въ Олонецъ“. Въ 1651 году Олонцемъ управляли воеводы; въ 1670 сгорѣла окружавшая его деревянная крѣпость.

Всѣ древнѣйшія поселенія древнѣйшей Руси, колыбель государства нашего, ютились когда-то въ неприглядной мѣстности вдоль трехъ озеръ: Чудскаго, Ильмени и Бѣлоозера. Только Псковъ и Новгородъ достигли выдающагося историческаго значенія, прочіе города, городки и городища возникали, и нерѣдко исчезали, какъ сны. Въ этомъ сказывается съ наглядностію удивительною „святая святыхъ“ русской исторіи; всѣ эти поселенія древни, какъ и сама Россія, всѣ они своевременно создавались какъ бы для исполненія той или другой задачи, главнымъ образомъ для обороны имѣвшей сложиться русской земли; всѣ они кровью запечатлѣли свою службу, и когда наконецъ настало

время, отошли, вошли въ тѣнь, даже исчезли; сказались другіе центры, другія цѣли, другія задачи государственнаго бытія. При именахъ ихъ осталась только почтенная древность, и всѣ они словно нашептываютъ путнику, ихъ посѣщающему, тѣ вѣщія слова, которыя были когда-то, въ рѣшительную минуту, сказаны живымъ олицетвореніемъ русской силы: „а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, лишь бы жила Россія!“ и они дѣйствительно почти не живутъ, эти города, но живетъ Россія.

Вотъ хоть бы и Олонецъ, съ его безъ малаго тысячелѣтнею давностію и 1.500 человѣкъ жителей, съ двумя ярмарками, Крещенскою и Рождественскою, торговые обороты которыхъ за послѣднее трехлѣтіе едва ли превышаютъ 8.000 р.

Со времени учрежденія губерній, войдя въ 1708 году въ составъ ингерманландской, Олонецъ до 1801 года перебывалъ поочередно въ губерніяхъ петербургской, олонецкой и новгородской, бывалъ и уѣзднымъ, и областнымъ городомъ, находился одно время подъ вѣдѣніемъ адмиралтейства и, перемѣнивъ за 100 лѣтъ десять назначеній, окончательно успокоился въ 1801 году, въ скромномъ званіи уѣзднаго города олонецкой губерніи. Столица губерніи Петрозаводскъ, отстоящая отъ него на 148 верстъ, юнецъ въ сравненіи съ нимъ, и не онъ, а Олонецъ даетъ губерніи свое имя. Всякое значеніе его убито учрежденіемъ пароходства по Свири и Онежскому озеру и путь торговаго движенія на Петрозаводскъ и далѣе — заглохъ.

Торговли въ городѣ нѣтъ никакой, кромѣ бакалейной и суровской, удовлетворяющей невеликимъ мѣстнымъ потребностямъ; немногіе занимаются сплавомъ лѣса въ Петербургъ, другіе извозомъ по тому же тракту, доставлявшимъ когда-то, до открытія пароходства, значительные заработки.

12 іюля 1819 года управлявшій министерствомъ полиціи графъ Вязмитиновъ препроводилъ къ олонецкому губернатору доставленный ему генералъ-адъютантомъ княземъ Волконскимъ, маршрутъ путешествія Императора Александра I отъ Петербурга до Архангельска, а оттуда чрезъ Вытегру, Петрозаводскъ, Олонецъ, Валаамъ, Куопіо въ Улеаборгъ. Государь выѣхалъ изъ Петербурга въ ночь на 23-е іюля, въ сопровожденіи князя Волконскаго, статсъ-секретаря Муравьева, полковника Соломки и лейбъ-медика Вилье. 8-го августа въ 7 часовъ вечера прибылъ Го-

сударь въ Олонецъ. За четыре версты отъ города встрѣтили его четыре ратника бывшаго ополченія олонецкихъ стрѣлковъ 1812 года, побывавшіе подъ Парижемъ, и получили отъ Государя по 25 рублей. Радость о пріѣздѣ Царя была настолько велика что горожане забыли даже хлѣбъ-соль назначенные къ поднесенію. Государь остановился въ домѣ Серебряковыхъ и не замедлилъ объявить народу съ балкона о рожденіи племянницы своей великой княгини Маріи Николаевны; манифестъ объ этомъ рожденіи подписанъ въ этотъ же вечеръ. Утромъ 9-го августа Государь прошелъ пѣшкомъ къ литургіи въ церковь Смоленской Божіей Матери и вернулся домой пѣшкомъ же, обѣщавъ на исправленіе церкви 20.000 руб., которые и отпущены десять лѣтъ спустя. Около 2 часовъ по полудни Александръ I покинулъ Олонецъ. Объ этомъ сѣверномъ путешествіи Александра I сохранилось много разсказовъ. Такъ, когда близь деревни Педаселыга, у царскаго экипажа ослабли ремни, царь, выйдя изъ экипажа, самъ помогалъ перетягивать ихъ, и когда при этомъ одинъ изъ мужиковъ наступилъ ему на ногу, онъ, отдернувъ ея, сказалъ: „Ахъ, мужичекъ, какой у тебя жесткій сапогъ!“ Въ церкви Святозерскаго прихода государь пѣлъ на клиросѣ съ дьячкомъ; послѣдній пѣлъ неправильно, испуганный близостью царя, и когда государь, слегка ударивъ его по плечу, сказалъ: „вмѣстѣ, старикъ, вмѣстѣ, не розноглась!“ дьячекъ растерялся и упалъ на колѣни.

Вообще память у жителей олонецкой губерніи развита замѣчательно. Стоитъ вспомнить о сказателяхъ былинъ Щеголенкѣ, Рябининѣ и другихъ, еще недавно очень занимавшихъ петербургское общество, чтобы убѣдиться въ этомъ; былины и сказки свили себѣ въ олонецкой губерніи прочное гнѣздо, и былое, даже мелкое, не забывается. Такъ мѣстные люди помнятъ нѣкоего писца Панина, который въ 1628 году, „по слову мірскому“ избранъ былъ налагать въ Заонежьи имена и прозвища на села; села эти чисто по-русски, съ Божіею помощью, выросли и жили безыменными, но нельзя же было оставаться имъ некрещенными всю жизнь. Пошелъ писецъ Панинъ по странѣ: видитъ мужчина и женщина надъ водою сѣно кучатъ—быть этой волости „Сѣнною Губою“; встрѣтилъ въ другомъ мѣстѣ дѣвушку: какъ зовутъ, спрашиваетъ?—Таней! — быть деревнѣ „Потановщиной“;

выходитъ въ третьемъ мѣстѣ изъ деревни писцу на встрѣчу старикъ, сѣдиной изукрашенъ, быть деревнѣ „Морозовою“; идетъ на встрѣчу другой человѣкъ, окликаетъ его Панинъ, нѣтъ отвѣта, пущай же это „Пустой Берегъ“ будетъ и т. д. Понятно что если народный сказъ сохранилъ память о писцѣ Панинѣ, то о Петрѣ Великомъ говоритъ весь сѣверъ. Одинъ изъ разсказовъ касается Олонца. Прибылъ царь „нечаянно“ и войдя въ воеводскую канцелярію засталъ въ ней стараго воеводу: „Какія есть въ канцеляріи челобитныя дѣла?“ спросилъ онъ. Воевода упалъ въ ноги и отвѣчаетъ: „Виноватъ, государь никакихъ нѣтъ“. „Какъ никакихъ?“ „Я, отвѣчаетъ воевода, никакихъ челобитенъ не допускаю, всѣхъ челобитчиковъ мирю, а слѣдовъ ссоры въ канцеляріи не оставляю“. Царь остался доволенъ. Чрезъ нѣсколько времени, замѣтивъ несогласія въ адмиралтействъ-коллегіи между господами Чернышевымъ и Крейцомъ, онъ вызвалъ олонецкаго воеводу указомъ въ Петербургъ. „Старикъ, сказалъ ему царь, я хочу, чтобы ты и здѣсь столько же былъ виноватъ, какъ въ Олонцѣ, и, не принимая объясненій, мирилъ ихъ“. Имени этого воеводы въ сказѣ, къ несчастію, нѣтъ, да и воеводъ такихъ было немного.

Есть и другое преданіе о священникѣ съ ружьемъ, котораго Петръ встрѣтилъ по пути изъ Олонца въ Петербургъ, въ Мегрегѣ. Царь остановилъ его и спросилъ, куда онъ идетъ; священникъ, не зная царя, отвѣтилъ что идетъ съ запасными Святыми Дарами къ больному. „Зачѣмъ же ты взялъ ружье?“ спросилъ Петръ. „Здѣсь не смирно: грабятъ, убиваютъ“, отвѣтилъ священнослужитель. „Но вѣдь если ты кого застрѣлишь, возразилъ царь, то не будешь болѣе попомъ?“ „Не буду, отвѣтилъ священникъ, но если меня убьютъ, то я не буду ужь и человѣкомъ, а теперь куда-нибудь да гожусь“.

Царь записалъ имя священника и пожелалъ ему, чтобъ онъ разбойниковъ не встрѣчалъ.

Преданія эти, передаваемыя устнымъ и письменнымъ словомъ, живутъ уже почти два вѣка, но въ маленькомъ Олонцѣ есть вещественные памятники болѣе древніе.

Такъ высится до сихъ поръ, но по ветхости не служитъ болѣе тому, для чего назначена, построенная стрѣльцами въ 1674 году деревянная церковь Св. Бориса и Глѣба: тѣ же

стрѣльцы въ 1619 году поставили часовню во имя Животворящаго Креста, перестроенную въ 1769 году; въ ней хранится современный основанію, съ приличествующею надписью, раскрашенный крестъ въ пять аршинъ вышины; третья память стрѣльцовъ, колоколъ 1684 года, звонитъ и по сегодня съ Тихвинской церкви, примѣшивая свой старый голосъ къ голосамъ болѣе молодымъ.

Ихъ Высочества покинули Олонецъ въ три часа пополудни. Предстояло сдѣлать почтовою дорогой, вдоль рѣки Олонки, 15 верстъ, до селенія Гоммалы, къ которому, за это время, спустившись по Свири, пройдя Ладожскимъ озеромъ и втянувшись въ рѣку Олонку, должны были подойти пароходы. Путь до Гоммалы очень оживленъ; села слѣдуютъ вплотную, составляя какъ бы продолженіе Олонца, избы не знамениты; для переправъ черезъ рѣку тѣ же плотики, что́ и на Мегрегѣ. Ихъ Высочества не замедлили, сѣвъ на пароходъ въ Гоммалѣ, спуститься внизъ по Олонкѣ. Рѣка извилиста и глубока, берега покрыты лѣсомъ, и чайки и кулики, то и дѣло шмыгали подъ кормой и предъ носомъ, испуганные неожиданнымъ посѣщеніемъ пароходовъ. Вечеръ наступилъ превосходный, съ чистымъ небомъ и полною тишью. Особенно красиво выдавались вдоль береговъ широкіе, яркозеленые листья лопуха, и султаны папоротниковъ, растущіе здѣсь по волѣ, надъ самою водой, никѣмъ и никогда не притаптываемые.

Недалеко отъ устья Олонки стоитъ небольшая часовенька Андрусовской, близкой отсюда, пустыни; монахъ въ бѣлой ризѣ и черномъ клобукѣ благословилъ крестомъ съ берега выходившихъ въ открытое озеро Августѣйшихъ путешественниковъ. Длинная песчаная коса вдается въ озеро подлѣ устья и сильно затрудняетъ входъ въ Олонку. Пароходы вышли въ озеро около 8 часовъ вечера, при полнѣйшемъ штилѣ на водѣ и въ воздухѣ. Замѣчательно, что почти такъ же тихо, какъ сегодня, было здѣсь и вчера, тогда какъ въ устьѣ Волхова, къ Новой Ладогѣ, наваливалъ, казалось отсюда, сильный сѣверный вѣтеръ. Чѣмъ объяснить эту капризность Ладожскаго озера и во имя чего проходитъ здѣсь, та или другая, демаркаціонная линія между бурей и тишиной, на самыхъ близкихъ разстояніяхъ? Выходить изъ рѣки, несмотря на тишину, приходилось все-таки съ лоцманами. Не-

вдали обозначился островъ Гачъ, имѣющій спасательную станцію; при дальнѣйшемъ пути, уже въ вечернихъ зоревыхъ огняхъ, глянула издали, слѣва, Андрусовская обитель.

Ночь на 30-е іюня прошла совершенно тихо. Онега вошла въ Валаамскую пристань къ пяти часамъ утра. Древняя обитель эта была послѣднимъ пунктомъ предстоявшимъ посѣщенію Ихъ Высочествъ, и прямой путь отъ нея, уже безъ всякихъ остановокъ, лежалъ на Петербургъ.

ВАЛААМЪ.

Общій видъ Валаамскаго монастырскаго залива. Торжество встрѣчи. Литургія въ Успенской церкви. Схимонахи. Смыслъ нашихъ монастырей. Ихъ двоякое значеніе. Два главныя отличія Валаама: древность и количество святыхъ. Неправильность его административной зависимости отъ Финляндіи. Характеристика архипелага. Пониженіе уровня Ладожскаго озера. Мѣсто упокоенія Св. Сергія и Германа. Начало исторіи. Многократныя уничтоженія и возникновенія. Странствія монаховъ. Возрожденіе при Петрѣ I. Алеутская миссія. Посѣщенія Александромъ I и Александромъ II. Порядокъ постриженія и прохожденія монастырскаго чина. Схима. Похороны и синодики. Кладбище. Апокрифическая гробница короля Магнуса. Ризница и библіотека. Закладка новаго храма. Прогулка по островамъ. Скиты Св. Николая и Всѣхъ Святыхъ. Чтенія Псалтири. Пустынь Дамаскина. Общія свѣдѣнія. Отъѣздъ и прибытіе въ Петербургъ.

Въ 5 часовъ утра 30 іюня, пароходъ Ихъ Высочествъ „Онега“ и сопровождавшіе его „Озерной“ и маленькій „Посыльный“ стояли у пристаней, внизу главной горы Валаамской, въ такъ-называемомъ монастырскомъ заливѣ, лучшей на всемъ Ладожскомъ озерѣ гавани, приглубой, помѣстительной, продолговатой, совершенно закрытой отъ всѣхъ вѣтровъ, покоящейся въ скалахъ, поросшихъ вѣковымъ лѣсомъ и обставленной храмами, часовнями и крестами. Тутъ же виднѣлись пароходы: монастырскій, таможенный и еще шестой, пассажирскій, готовившійся отойти въ Петербургъ. Много виднѣлось лодокъ изъ числа тѣхъ, что остались со вчерашняго дня, съ праздника Петра и Павла; ихъ наѣхало около сотни и онѣ то и дѣло огибали во всѣхъ

правляясь ко всѣмъ берегамъ Ладожскаго озера, преимущественно къ сѣверному, нагруженныя народомъ вплотную. Сколько было народу, видно изъ того, что вчера состоялись четыре монастырскія трапезы и продано болѣе 5.000 просфоръ.

Заря во всю ночь свѣтлая и безоблачная не переставала свѣтить надъ озеромъ во все время пути нашихъ пароходовъ, но ко времени прибытія ихъ на Валаамъ, солнце, взошедшее въ 3 часа, стояло уже достаточно высоко, чтобъ освѣтить яркимъ боковымъ свѣтомъ красивый Валаамскій архипелагъ, его обильную зелень, не менѣе обильные часовни и скиты и безконечное количество проливовъ и заливовъ. Даже къ 8 часамъ утра, ко времени схода Ихъ Высочествъ на берегъ, подобрался еще не весь туманъ, налегшій ночью, и мѣстами медленно курился и уносился клочьями, будто бѣлый флеръ.

Видъ съ пароходной палубы былъ прелестенъ. Прямо поднималась главная гора съ монастырскою святыней, гостинницы, часовня, колокольня съ 1.000-пудовымъ колоколомъ, который будетъ перемѣщенъ на новый строящійся храмъ; лѣвѣе массивное зданіе водокачки и окруженные рѣшеткой на высокой отвѣсной террасѣ цѣнные монастырскіе сады; для тѣхъ, кто видѣлъ Валаамъ раньше, казалось страннымъ, что, глядя снизу, за монастырскими стѣнами не замѣчалось на вершинѣ горы маковокъ церковныхъ: онѣ были точно срѣзаны, удалены; причина въ томъ, что главный храмъ дѣйствителино снесенъ, и ко времени прибытія Ихъ Высочествъ приготовлено все нужное для закладки величественнаго новаго; будетъ время, и именно черезъ пять лѣтъ, когда опять глянутъ изъ-за стѣны въ глубь монастырскаго залива вновь водруженные въ лучшемъ великолѣпіи православные кресты.

По другую сторону парохода, на противоположной сторонѣ залива, нависали надъ тихою водой бурыя отвѣсныя скалы, изукрашенныя потеками воды, поблескивавшими на солнцѣ, одѣтыя густою порослью деревьевъ и травъ. Къ выходу изъ залива въ озеро, какъ бы преграждая выходъ къ сѣверу, виднѣлся совершенно обновленный, блистая позолотой своего шатроваго верха, скитъ Николая Чудотворца; съ другой противоположной стороны къ югу заливъ замыкался по полукругу берегомъ, отѣненнымъ стройнымъ лѣсомъ; вдоль берега ожерельемъ покачивались при-

чаленныя финляндскія ладьи. Еслибы кому пришло въ голову усомниться въ томъ, что эта чудесная картина Валаамъ, то прямымъ доказательствомъ являлся монастырскій флагъ развѣвавшійся на пристани: два русскіе соединенные флага и между ними темнокрасный монастырскій крестъ; особенный свой флагъ имѣетъ также и Соловецкій монастырь.

Ровно въ 8 часовъ Ихъ Высочества сошли на пристань; здѣсь представился прибывшій изъ Сердоболя, къ административному управленію котораго приписанъ Валаамъ, мѣстный финляндскій фохтъ, лицо, не говорившее ни слова по-русски. На пристани народу сравнительно виднѣлось мало, потому что весь онъ находился на верху горы у входа въ святыя ворота и на монастырскихъ дворахъ, для того чтобы видѣть самое торжество встрѣчи. Ихъ Высочества въѣхали на гору въ экипажѣ и вышли у святыхъ воротъ. Настоятель обители Іонаоанъ, во главѣ длиннаго ряда мантійныхъ монаховъ, братіи и послушниковъ стоявшихъ шпалерами, привѣтствовалъ Августѣйшихъ путниковъ со крестомъ и окропленіемъ святою водой. Подъ звуки характернаго валаамскаго столбоваго пѣнія, въ предшествіи монашества, Ихъ Высочества прошли сквозь ворота во дворъ и направились, ко храму вдоль дорожки, устланной вплотную живымъ ковромъ яркихъ папоротниковыхъ листьевъ.

Для тѣхъ, кто посѣщалъ Валаамъ раньше, внутренность монастырскаго двора показалась поразительно пустою. Древняго храма Преображенія Господня, въ нижней части котораго подъ низкими сводами почивали мощи чудотворцевъ Сергія и Германа, храма составлявшаго всегда главную цѣль и центръ посѣщенія, нѣтъ больше: онъ снесенъ, чтобъ уступить мѣсто другому, лучшему построенію. Далеко кругомъ виднѣлись матеріалы начинаемой работы, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояли когда-то обѣ раки святыхъ, гдѣ глубоко въ землѣ почиваютъ ихъ нетлѣнныя мощи, стоялъ временный деревянный кенотафъ и подлѣ него высился дежурный монахъ. Въ зимней Успенской церкви, въ которую Ихъ Высосества вошли для слушанія литургіи, вправо отъ входа поставлены временно обѣ раки. Два скимонаха, не шевелясь и вдумчиво опустивъ головы, замѣчались подлѣ нихъ. Многія изъ святыхъ иконъ нашихъ имѣютъ внѣшнія очертанія имъ подобныя; эти длинные черные куколи, эти аналафы съ изо-

браженіемъ нѣсколькихъ Распятій, съ многократно повторяемыми молитвенными изреченіями; на этихъ людяхъ, отказавшихся отъ жизни, одни только сіявшія вдоль одѣяній живыми красками головки херувимчиковъ напоминали о жизни и ея цвѣтахъ, все остальное было траурныхъ тоновъ, и тѣни отъ низко опущенныхъ надо лбами куколей опускали этотъ трауръ и на блѣдныя сухія лица. Въ особенности одинъ изъ обоихъ схимонаховъ, съ длинною сѣдою бородой, съ удивительно тонкими и правильными чертами лица, былъ поразительно хорошъ въ своей аскетической, старческой красотѣ. Самый храмъ невеликъ, среди шести столбовъ подъ цилиндрическимъ сводомъ, образующимъ надъ алтаремъ невысокую круглую арку, тянется средній нефъ; надъ боковыми частями его идутъ галерейки, низенькій четырехъярусный иконостасъ отливаетъ золотомъ обрамленій иконъ по темносѣрому фону; за престоломъ виднѣется ликъ Богородицы въ ризѣ; въ общемъ впечатлѣніе храма не особенно богатое.

Прежде чѣмъ слѣдовать за обходомъ монастырской святыни и ея древностей Ихъ Высочествами, необходимо возстановить въ памяти основныя черты какъ исторіи, такъ и характерности природы и обстановки жизни этой замѣчательнѣйшей русской обители, имѣющей много сходства съ обителью Соловецкою, но во многихъ отношеніяхъ стоящею вполнѣ особнякомъ. Валаамъ настолько своеобразенъ, что сколько бы ни дѣлали описаній, всегда будетъ своевременно другое описаніе, потому что художественныхъ, историческихъ и монастырскихъ особенностей здѣсь не сосчитать.

Наши монастыри—характернѣйшія страницы нашей исторіи; въ каменныхъ оградахъ монастырскихъ остаются неподвижными и замкнутыми какъ бы особыя сферы былаго времени, какъ бы островки былаго представительства того или другаго столѣтія; въ этомъ смыслѣ монастыри наши — это лаги, брошенные въ пучину морскую съ двигающагося судна; не трогаясь съ мѣста, они опредѣляютъ быстроту хода судна, съ котораго брошены. Сказанное вовсе не значитъ, конечно, чтобы при быстромъ шествіи державы русской къ тому, что ей назначено въ будущемъ, монастырская жизнь, оставаясь неподвижною въ каменныхъ кольцахъ своихъ стѣнъ, являлась отсталою, чуждою жизни народной,

вѣчно двигающейся впередъ; нѣтъ, тутъ происходитъ нѣчто совершенно своеобразное, исключительное. Не допуская колебаній въ древнихъ уставахъ, придерживаясь неуклонно преданій, въ полной преемственности церкви Христовой, какою была она до роковаго раздробленія на части, монастыри наши всегда откликались на живыя нужды народныя. Эти отклики были двоякаго рода. Въ одномъ случаѣ они, такъ-сказать, постоянны, непрерывны и даютъ себя чувствовать единичному человѣку, богатъ онъ или бѣденъ, въ тяжелую минуту его жизни, ежедневно, неумолчно, повсюду; обращеніе страждущаго духомъ къ бѣлому духовенству, къ священнику, живущему въ мірѣ, вовсе не то, что паломничество въ монастырь, гдѣ сдѣлано все для уединенія, молитвы, для общенія съ Божествомъ, для отчужденія отъ „земляности“; этотъ первый способъ воздѣйствія монастырей на жизнь людскую, какъ сказано, непрерывный, постоянный, будничный. Другой можно назвать, если угодно, праздничнымъ, онъ наступалъ и наступаетъ, и наступитъ тогда, когда какое-нибудь великое общенародное горе ложилось или ляжетъ на землю Русскую, въ такія минуты, когда условія жизненныя сбрасываютъ съ мѣстъ и сбиваютъ съ толку всѣ обычныя основанія государственнаго бытія и наступаютъ тяжкіе годы огненнаго очищенія за ошибки былаго времени — наши монастыри служили всегда оплотами, и по нимъ, какъ зимой по вешкамъ, возстановлялись засыпанные снѣгомъ пути. Для перваго, временнаго способа воздѣйствія монастырей на отдѣльнаго человѣка они открыты всегда, для другаго, для праздничнаго, они распахиваютъ грудь свою только изрѣдка, по мѣрѣ надобности, а именно въ тѣ годины испытаній, горя и страданій, когда, по словамъ отцовъ церкви, наступаетъ „праздникъ очищенія“.

Много, много обителей нашихъ посѣтилъ Великій Князь и ознакомился съ ихъ своеобразнымъ бытіемъ; но Валаамская обитель во многомъ не уступаетъ и даже превосходитъ Соловецкую и Кирилло-Бѣлозерскую. Во-первыхъ, обитель эта несомнѣнно древнѣе прочихъ; во-вторыхъ, нѣтъ другой обители, въ которой бы, въ свое время, жило и дѣйствовало столько святыхъ угодниковъ, какъ на Валаамѣ; скудная скалистая почва острововъ Валаамскихъ вся исхожена стопами множества людей, ставшихъ святыми, мощи которыхъ въ драгоцѣннымъ

окладахъ составляютъ притягательную силу той или другой обители.

Древность Валаамская древнѣе прочихъ на Руси. Въ изданномъ отъ монастыря описаніи обители, въ заключеніи, говорится, что Валаамская обитель основана преподобными Сергіемъ и Германомъ въ X вѣкѣ, и что, по неимѣнію прочныхъ данныхъ, нельзя рѣшить теперь вопроса: началъ-ли монастырь свое существованіе въ доисторическія времена Россіи или нѣтъ? Тѣмъ не менѣе, вѣрно то, что уже въ 960 году, какъ это видно изъ житія Авраамія Ростовскаго, на Валаамѣ существовало, современно Св. Ольгѣ и Св. Владиміру, значительно устроенное монастырское братство, а Вселѣтникъ митрополита Иларіона 1051 года повѣтствуетъ о томъ, что мощи Св. Сергія и Германа должны были быть открыты тоже въ доисторическое время, потому что уже въ 1050 году онѣ переносимы были изъ Валаама въ Новгородъ „утретли разъ“, то-есть въ третій разъ. Такихъ древнихъ цифръ хронологіи, если имъ вѣрить, не представляютъ другія обители наши; не говоря уже о Соловкахъ, о монастыряхъ Кирилло-Бѣлозерскомъ, Тихвинскомъ и Троице-Сергіевомъ, только Кіевъ по плечу Валааму, такъ какъ Св. Антоній пришелъ на берегъ Днѣпра и поселился въ Варяжскихъ пещерахъ въ 1013 г. Во вниманіе къ сказанному, всякій, ступающій на скалы Валаама, топчетъ подъ собою исторически-православную почву почти тысячелѣтняго существованія. Въ названномъ Вселѣтникѣ имѣются также туманныя преданія о томъ, что на Валаамѣ существовало свое вѣче, по образцу новгородскаго, изъ семи истцовъ, что тутъ имѣлись будто бы свои монеты и законы какихъ-то XII князей? Но это только преданіе.

Если велика древность обители, то и количество выдающихся дѣятелей церкви, святыхъ и преподобныхъ, обитавшихъ на Валаамѣ, значительно болѣе, чѣмъ въ другихъ. Опять-таки преданіе гласитъ, что святой апостолъ Андрей Первозванный, просвѣтитель Скиѳовъ и Славянъ, пройдя отъ Кіева къ Смоленску, Новгороду, Друзино (Грузино) и по Волхову, достигъ Валаама; объ этомъ же пути имѣются свѣдѣнія во Вселѣтникѣ митрополита Иларіона; но и помимо этого апостола, непосредственнаго ученика Христова, уже совершенно въ историческое время, Валаамъ изобиловалъ отцами церкви. Первыми должны быть на-

званы, конечно, Св. Сергій и Германъ, затѣмъ слѣдуютъ: Александръ Свирскій, основатель обители, посѣщенной Ихъ Высочествами вчера, Корнилій, создавшій обитель Палеостровскую. Арсеній, основатель Коневскаго монастыря; отсюда пошелъ на Соловки преподобный Савватій, Аоанасій создалъ обитель Сяндемскую, Авраамій Ростовскій — Богоявленскій монастырь и преподобный Адріанъ — обитель Андрусовскую.

Такого сонма свѣтилъ монашества, такой древности происхожденія, какъ Валаамъ, ни одна изъ знаменитѣйшихъ обителей земли русской не представляетъ, и вотъ почему страннымъ кажется, что первоклассная обитель эта, будучи подчиненною въ епархіальномъ отношеніи митрополиту петербургскому, въ отношеніи административномъ входитъ въ составъ губерніи выборгской, составляющей, въ свою очередь, часть Великаго Княжества Финляндскаго. Если вспомнить, сколько натерпѣлась обитель въ свое время, именно отъ шведовъ, чрезъ Финляндію, то нельзя не видѣть въ этомъ нѣкоторой ироніи судьбы, какъ бы отрѣзывающей древній Валаамъ отъ Императорскаго православнаго царства Россійскаго.

Валаамскій архипелагъ состоитъ изъ сорока острововъ очень различной величины, растянутыхъ по параллели на двѣнадцать, а по меридіану на семь верстъ. Онъ находится въ самой сѣверной части Ладожскаго озера, въ 45 верстахъ отъ ближайшаго на берегу города Сердоболя и въ 25 верстахъ отъ берега. Не болѣе пяти острововъ удобны къ поселенію иноковъ, а вся поверхность всѣхъ сорока острововъ едва превышаетъ 3.100 десятинъ, при 30 верстахъ окружности; цѣлыхъ $^3/_4$ этого пространства занимаетъ центральный островъ Валаамъ, служащій нерушимой основной главной обители.

Когда подъѣзжаешь къ монастырскому архипелагу, то онъ въ ясную погоду издали прорѣзывается надъ водной гладью небольшими отдѣльными темными черточками, которыя мало-помалу сливаясь образуютъ какъ бы одну сплошную общую возвышенность, такъ какъ проливчики, тянущіеся синими змѣйками между зеленою порослью скалъ, иногда такъ узки, въ сажень шириной, что устій ихъ, со стороны озера, съ палубы парохода не замѣтно, кажется, что подъѣзжаешь къ одному большому острову.

Основная единственная толща острововъ — это темносѣрый, красноватый гранитъ. Насколько причудливы обнаженія его, навороченныя и изломанныя временемъ вдоль береговъ, настолько же — нѣтъ, еще болѣе, причудливы подводныя очертанія ихъ, скрытыя подъ теменью неспокойной волны: глубина у самаго берега очень рѣдко полога, часто обрывается сразу до четырехъ и даже до пятидесяти сажень; во ста саженяхъ отъ берега она достигаетъ ста сажень. На островахъ множество заливовъ, удобныхъ какъ пристанища, и лучшимъ на всемъ Ладожскомъ озерѣ, кромѣ монастырскаго, въ этомъ отношеніи долженъ быть названъ заливъ Никоновскій: когда на озерѣ буря, волны въ немъ едва колеблются. Высшія точки скалъ острова не выше 170 футовъ, причемъ онѣ нерѣдко, надъ самою водой, совсѣмъ отвѣсны и удивительно живописны. Научное изслѣдованіе говоритъ, что вся группа острововъ обнажается все болѣе и болѣе, потому что вода въ Ладожскомъ озерѣ убываетъ въ столѣтіе слишкомъ на полтора аршина. Скорость громадная! Если это дѣйствительно такъ, то, во вниманіе хотя бы къ Петербургу, слѣдовало бы озаботиться о сохраненіи резервуара нашей невской воды — Ладожскаго озера и пріостановить оголѣніе озерныхъ рѣчекъ, которое обусловливается постоянно возрастающею эксплуатаціей лѣсовъ; рубятъ лѣса быстро, во мгновеніе ока, а растутъ они на каменистой почвѣ, при сѣверныхъ вѣтрахъ и холодномъ солнцѣ, медленнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Въ безмолвной толщѣ красно-сѣраго гранита главнаго острова, въ глубочайшей могилѣ, изсѣченной въ скалѣ, накрытой въ настоящую минуту временнымъ деревяннымъ кенотафомъ, почиваютъ мощи обоихъ угодниковъ монастырскихъ, Св. Сергія и Германа, пришедшихъ туда „изъ восточныхъ сторонъ“ и основавшихъ монастырское „общежительство“. Положены они въ эту недосягаемую темную глубь въ 1180 году, съ тою цѣлію, чтобы дерзкая рука шведовъ или финляндцевъ никогда не смѣла оскорбить святыни, даже владѣя островомъ. Это переложеніе Св. мощей совершилось тогда въ четвертый и въ послѣдній разъ: до того шведскіе набѣги и желаніе уберечь мощи побуждали иноковъ ко многократному перенесенію ихъ въ Новгородъ, древнее общеніе съ которымъ Валаама несомнѣнно.

Не совсѣмъ ясное начало монастыря и первые проблески его

бытія, такъ сказать, доисторическое существованіе его кончаются съ X вѣкомъ. Въ письмахъ профессора русской исторіи Александровскаго университета, въ Гельсингфорсѣ, Соловьева, писанныхъ въ 1839 и 1840 годахъ къ тогдашнему игумену Дамаскину, есть свѣдѣнія о томъ, что въ различныхъ архивахъ Швеціи существуетъ много документовъ, касающихся Валаама, и что свѣдѣнія эти должны пролить совершенно новый свѣтъ на это темное, извѣстное только урывками, время его существованія. Многое, какъ объясняетъ г. Нилъ Поповъ, сдѣлано было этимъ Соловьевымъ въ шведскихъ архивахъ; найдены, между прочимъ, сочиненія дьяка Григорія Котошихина; отысканы и другіе документы, переданные въ археографическую коммиссію и, отчасти, напечатанные,—но старѣйшихъ дней Валаама они все таки не объясняютъ. Остаются-ли еще документы? Вѣрно и то, что искать этихъ документовъ надо не въ самомъ монастырѣ.

Съ 960 по 1715 годъ, то-есть до времени возобновленія обители Петромъ I, судьбы ея были крайне перемѣнчивы. Первое разореніе потерпѣла она отъ шведовъ въ XI вѣкѣ; въ XIII, XIV и XV видимъ мы ее, какъ это сказано въ житіи Св. Александра Свирскаго, цвѣтущею, съ каменными зданіями, хорошими келіями, гостинницей и подъ верховнымъ владычествомъ русскихъ царей, которые неоднократно, какъ-то: Василій Іоанновичъ, Іоаннъ IV, Ѳедоръ Іоанновичъ, холили и дарили ее. Съ XVI вѣка вновь начинаются шведскія нападенія; въ 1578 году перебиты и замучены многіе монахи и послушники; немного позже моровое повѣтріе окончательно обезлюдило келіи, а шведы сожгли и уничтожили рѣшительно все до основанія, такъ что инокамъ пришлось укрыться на материкѣ въ Антоніевомъ Дымскомъ монастырѣ. Въ 1597 году, по донесенію боярина Бориса Ѳедоровича Годунова, царь Ѳедоръ Іоанновичъ возобновилъ обитель изъ своей царской казны, жаловалъ ей разныя угодья, сохранилъ за нею временно вотчины Дымскаго монастыря, а игумену валаамскому предоставилъ оставить въ Дымскомъ монастырѣ только немногихъ.

Этотъ вторичный разцвѣтъ обители продолжался не долго: въ 1611 году шведы снова предали мечу и огню все, созданное дружными усиліями свѣтской власти и монашества, казнили игумена Макарія и многихъ изъ братіи; островъ опустѣлъ,

обезлюдѣлъ, и на мѣстѣ прежней обители воздвигли свои постройки шведы. Тогда началось долговременное странствованіе оставшейся безъ обители валаамской братіи. Большинство ихъ, по указу царскому, тогда же удалилось въ Новую Ладогу и помѣстилось въ несуществующемъ сегодня монастырѣ Св. Николая; оттуда шведы, такъ сказать, нагнавъ и перебивъ многихъ изъ нихъ, принудили остальныхъ бѣжать дальше къ обители Тихвинской, гдѣ предстояло братіямъ испытать осаду польскую. Бездомные валаамцы временно поселились въ монастыряхъ Антоніевомъ Дымскомъ, а потомъ въ не хотѣвшемъ принять ихъ, въ виду „утѣсненія“, Ладожскомъ, Васильевскомъ, у Старой Ладоги, и совершенно преобразили послѣдній, отстроивъ его наново. Спасены были также многія иконы, ризы и другія вещи, увезенныя иноками и стоящія сегодня снова на своихъ мѣстахъ.

Столбовскій миръ 1617 года, заключенный въ той скромной деревенькѣ, которую Великій Князь посѣтилъ три дня тому назадъ, болѣе чѣмъ на сто лѣтъ оставилъ Валаамъ совершенно опустѣвшимъ въ рукахъ шведовъ; иноковъ не имѣлось на немъ вовсе, и все, что успѣли они насадить православія по берегамъ Ладожскаго озера, у Сердоболя и Кексгольма, все это погибло тогда и замѣнено лютеранствомъ. Казалось, что сдѣлано было рѣшительно все, чтобы стереть съ лица земли даже воспоминаніе о Валаамѣ. Не ушли только со своихъ мѣстъ два святые угодника, безмолвно почивавшіе въ глубокихъ камняхъ острова, и надъ ними теплилось воспоминаніе и горѣла мысль, отъ которыхъ и началось новое бытіе. Было такое время, что отъ тихвинскаго архимандрита Макарія поступила къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ челобитная о перенесеніи этихъ мощей въ Тихвинъ, для спасенія ихъ отъ „проклятыхъ лоторовъ“. Совершись это, и о Валаамѣ не осталось бы, вѣроятно, и помину.

Въ 1715 году, вслѣдствіе ходатайства архимандрита Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, Иринарха, переданнаго Царю черезъ Меншикова, повелѣно приступить къ постройкѣ Валаамской обители на-ново. Царь, посѣщая олонецкій край, вѣроятно, бывалъ неоднократно на пустомъ Валаамѣ и зналъ его былое. Въ 1717 году на одиннадцати лошадяхъ присланы изъ Кириллова монастыря церковная утварь, припасы и строительныя орудія. Во вниманіе къ развившемуся за это время, съ 1611 по

1620 годъ. расколу, сдѣлано особое распоряженіе о томъ, чтобы чинъ монастырскій исполнялся по „новоисправленному Требнику“. Въ началѣ возобновленія Валаамъ приписанъ къ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, но съ 1720 года получилъ самостоятельное существованіе.

Отстроенный монастырь еще разъ сгорѣлъ въ 1754 году; на мѣстѣ сгорѣвшихъ поставлены, опять-таки деревянныя, церкви, зданія и стѣна, о которыхъ въ 1785 году тогдашній путешественникъ академикъ Озерецковскій свидѣтельствуетъ, что хотя мѣстоположеніе монастыря красиво и, можно сказать, величественно, но монастырское строеніе ни мало ему не соотвѣтствуетъ, такъ какъ оно обветшало. Въ томъ же году утвержденъ общій планъ построекъ каменныхъ, составленный строителемъ Назаріемъ, впослѣдствіи игуменомъ, вызваннымъ изъ Саровской пустыни по настоятельному требованію митрополита Гавріила, писавшаго о немъ въ Саровскую пустынь: „у меня много своихъ умниковъ, пришлите мнѣ вашего глупца“. Митрополитъ не ошибся въ этомъ „глупцѣ“, и съ 1811 года обитель стояла готовою вся въ новомъ каменномъ одѣяніи. Слѣдуетъ упомянуть, что Императоръ Павелъ I особенно щедро одарилъ ее въ 1797 году доходными статьями рыбныхъ ловлей и покосовъ и мельницей, составляющими и сегодня существенный доходъ монастыря. За время управленія игумена Назарія удаленъ былъ съ острова въ городъ Сердоболь послѣдній слѣдъ свѣтской жизни— ярмарка, бывшая на Валаамѣ много лѣтъ, и весь онъ отдался исключительно духовной жизни и подвижничеству.

Изъ ближайшаго былаго Валаамской обители слѣдуетъ упомянуть о томъ, что когда на Алеутскихъ островахъ образовалась русская торговая компанія, то въ духовную миссію, согласно постановленію Синода, поручено отцу Назарію послать своихъ валаамскихъ монаховъ. Въ 1794 году, по повелѣнію Екатерины II, миссія дѣйствительно отправилась и находилась въ пути девять мѣсяцевъ; іеромонахъ Ювеналій погибъ на полуостровѣ Аляскѣ мученическою смертью, но на островѣ Кадьякѣ дѣло пошло лучше и совершились многія обращенія. Въ 1796 году Екатерина II повелѣла Синоду посвятить начальника Алеутской миссіи, архимандрита Іоасафа, во епископа Кадьякскаго, съ титломъ викарія Иркутской епархіи; хиротонисанный въ

Иркутскѣ, Іоасафъ на обратномъ пути сѣлъ въ Охотскѣ на компанейскій корабль Феникс и погибъ съ нимъ вмѣстѣ безъ вѣсти въ 1799 году. Въ 1804 году путешественникъ, іеромонахъ Александро-Невской лавры Гедеонъ, засталъ на Кадьякѣ четырехъ валаамскихъ братій; покойный митрополитъ московскій Иннокентій подвизался на Алеутскихъ островахъ съ 1823 года; еще живъ епископъ Іоаннъ, бывшій Алеутскій и миссія, по словамъ его, продолжающаяся и теперь — „одна изъ цвѣтущихъ въ ряду всѣхъ прочихъ нашихъ миссій“. Другія событія на Валаамѣ имѣли мѣсто позднѣе. Въ 1819 году игуменомъ Иннокентіемъ получено отъ министра Духовныхъ Дѣлъ, князя Голицына, увѣдомленіе, что на Валаамъ прибудетъ Императоръ Александръ I. Въ непогоду 10 августа, Государь на монастырскомъ суднѣ прибылъ изъ Сольмы, послѣ трехъ часовъ пути, поздно вечеромъ. Уже въ два часа пополуночи Императоръ стоялъ на заутрени и, пробывъ въ монастырѣ болѣе сутокъ, находился рѣшительно на всѣхъ службахъ церковныхъ, днемъ и ночью. Государемъ обойдена вся обитель и посѣщены отшельники. По пути изъ монастыря въ Сердоболь, Государь пожелалъ, чтобы монахи, его сопровождавшіе, пѣли духовныя пѣсни, что и исполнено. По возвращеніи въ Петербургѣ онъ повелѣлъ князю Голицыну, въ знакъ особаго своего расположенія, учредить на Валаамѣ архимандрію, о чемъ говорилъ еще въ самой обители, но снизойдя на просьбу монаховъ, соизволилъ: „архимандріи въ обители не уставлять, а быть игуменству, какъ болѣе приличествующему для общежитія уединеннаго монастыря“; взамѣнъ этого, тогда же, въ 1822 году, обитель сдѣлана „первоклассною“ и постановлено чтобъ игумены ея впредь были избираемы только изъ братій Валаамскаго монастыря.

Въ 1858 году, 28 іюня, около шести часовъ утра, на пароходахъ „Александръ“ и „Стрѣльна“ прибыли къ монастырю Императоръ Александръ II съ Государыней, Цесаревичемъ Николаемъ, Великими Князьями Александромъ, Владиміромъ и Алексіемъ, и Великою Княгиней Ольгой Николаевной съ супругомъ ея наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. Тогдашній генералъ-губернаторъ Финляндіи графъ Бергъ и прочія власти встрѣтили Августѣйшихъ Путешественниковъ. Посѣщенія святыни, скитовъ, пустыней и братскаго кладбища слѣдовали одно за дру-

гимъ; къ $2^1/_2$ часамъ пополудни осчастливленная братія монастырская проводила Высокихъ Гостей въ обратный путь, и пароходы отчалили подъ звуки пѣнія: „Спаси Господи, люди Твоя“.

На многочисленныхъ островахъ Валаамскихъ разсѣяны обильно кресты, часовни, скиты, келійки, храмы, и въ центрѣ всего этого надъ широкимъ проливомъ поднимаются стѣны центральной святыни. Собственно монастырскія зданія—это два каменные четыреугольника, помѣщенные одинъ въ другомъ, входъ къ нимъ сквозь святыя ворота, и надъ ними куполы церкви Петра и Павла; за святыми воротами открываются другія, ведущія во внутренній дворъ, въ которомъ расположенъ храмъ Успенія Богородицы, въ которомъ Ихъ Высочества слушали литургію; здѣсь же на этомъ дворѣ помѣщаются: келья настоятеля, трапеза, ризница, братскія келіи. Во внѣшнемъ четыреугольникѣ расположены: келіи царскія, архивъ, канцелярія, библіотека, больница, при ней церковь Троицы и подъ нею храмъ Живоноснаго Источника Пресвятой Богородицы.

На невеликомъ протяженіи монастырской святыни, вдоль и поперекъ исхоженной стопами цѣлаго сонма выдающихся свѣтилъ монашества, совершаются всѣ главныя священнодѣйствія Валаамской обители. Обитель посѣщается очень большимъ числомъ богомольцевъ, лѣтомъ до 400 человѣкъ въ день, а въ день Петра и Павла количество это достигаетъ 4.000. Въ такіе дни не диво встрѣтить здѣсь, у св. мощей, странниковъ и странницъ, побывавшихъ въ Іерусалимѣ, на Аѳонѣ, въ Соловкахъ, побывавшихъ не разъ; здѣсь же видятся всякіе больные, одержимые, кликуши, чающіе облегченія. Въ такомъ молитвенномъ мѣстѣ, какъ Валаамъ, они несомнѣнно чувствуютъ хотя временное облегченіе, и въ монастырѣ приняты всѣ мѣры къ точному, достовѣрному изложенію особыхъ явленій чудотворной силы Божіей.

Всякій, поступающій въ монастырь съ цѣлью остаться въ немъ отдается подъ руководство старца, чрезъ котораго преемственно и въ полной чистотѣ передаются поступающему всѣ преданія и обычаи монастырскіе. Послѣ испытанія, болѣе или менѣе долгаго, слѣдуетъ постриженіе въ рясу и камилавку. Въ иноческій чинъ постригается братъ въ одной „срачицѣ“, покрытый „мантіями иноковъ“, и произноситъ обѣты: „дѣвства, нестяжанія и

послушанія". Постриженіе въ мантію не можетъ имѣть мѣста ранѣе трехъ лѣтъ послушничества. Высшее — это принятіе схимы, т.-е. полное отшельничество, для котораго на островахъ много удобныхъ мѣстъ; оно здѣсь настолько развито, что бывали примѣры иноковъ, подвизавшихся шестьдесятъ лѣтъ и ни разу не бывавшихъ даже на святомъ островѣ. Множество именъ отошедшихъ въ иной міръ схимниковъ значится въ книгахъ монастырскихъ. Переходъ отъ жизни къ смерти въ такихъ случаяхъ едва ли труденъ: три удара въ большой колоколъ оповѣщаютъ братію о томъ, что одинъ изъ нихъ преставился, всѣ единовременно творятъ молитву и, обвивъ почившаго мантіей, возложивъ на него „клобукъ — шлемъ надежды спасенія", опускаютъ въ могилу на братскомъ кладбищѣ. Имя усопшаго тотчасъ заносится во всѣ синодики для вѣчнаго поминовенія. Братское кладбище изобилуетъ могилами, изъ которыхъ многія уравнены съ землей всепокоряющимъ временемъ; виднѣются на немъ нѣсколько каменныхъ памятниковъ, крестовъ, насыпей, и всѣ они отѣнены густыми, старыми кленами; имѣются тутъ и двѣ мотилы двухъ купчихъ. Одна изъ каменныхъ гробницъ обращаетъ на себя вниманіе: въ ней, по преданію монастырскому, схороненъ бывшій король шведскій Магнусъ, много воевавшій съ Россіей и, наконецъ, прибитый бурей къ Валааму въ 1371 году, постригшійся здѣсь въ монахи и скончавшійся по принятіи схимы. Мѣстное монашество утверждаетъ, что будто нельзя „выдумать могилы"; между тѣмъ историческіе факты доказываютъ возможность этого. Замѣчательно, что Карамзинъ въ своей исторіи только дважды упоминаетъ о Валаамѣ, тогда какъ по общему строю его богатыхъ сказаній, по тому вниманію, съ которымъ онъ пользовался лѣтописями, ему объ этой обители слѣдовало бы сказать больше, чѣмъ сказано. Преданіе о могилѣ Магнуса называетъ онъ прямо „сказкой", имѣющеюся во многихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ приведено и апокрифическое „рукописаніе", а именно завѣщаніе Магнуса своимъ преемникамъ, королямъ шведскимъ, о томъ, чтобъ имъ не воевать съ Россіей; настоящій Магнусъ съ ума не сходилъ, былъ дѣйствительно свергнутъ съ престола, освобожденъ своимъ сыномъ и утонулъ въ Готландіи, близъ Бломесгольма. Во всякомъ случаѣ, любопытно знать: чья могила, уже не первый вѣкъ, называется здѣсь Магнусовою? любопытно знать

также и то, кто написалъ на ней длинную стихотворную надпись, кончающуюся такъ:

Потомъ на мѣсто царскія діадимы,
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы,
Поживъ три дня здѣсь скончался,
Былъ въ коронѣ и схимою увѣнчался.

Послѣ характеристики исторіи и очертаній Валаамской обители слѣдуетъ сообщить о пребываніи въ ней Ихъ Высочествъ. Отслушавъ обѣдню, поклонившись святынѣ храма, Августѣйшіе Путешественники прошли въ ризницу монастырскую и библіотеку, не заключающія въ себѣ особенно древнихъ предметовъ, чѣмъ ясно свидѣтельствуется о тѣхъ тяжелыхъ временахъ, когда братія должна была бѣжать съ острова и унесла съ собой немногое, а остальное погибло. Въ ризницѣ имѣется нѣсколько царскихъ вкладовъ и пожертвованій частныхъ лицъ, между прочимъ, богатые покровы на мощи св. угодниковъ. Въ библіотекѣ, имѣющей болѣе 6.000 томовъ, оригинальныхъ царскихъ грамотъ, данныхъ монастырю, тоже нѣтъ, такъ какъ онѣ были представлены въ 1729 году въ Государственную вотчинную канцелярію, а есть только копіи. Старѣйшія книги 1620 года: Литургія Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и преждеосвященная и Евангеліе учительное, того же года. Рукописныхъ книгъ, писанныхъ разнымъ уставомъ, довольно, но рукописей пергаментныхъ и бумажныхъ, съ изображеніями, тоже почти нѣтъ. Синодикъ, присланный Іоанномъ IV въ 1583 году съ перечисленіемъ именъ убіенныхъ имъ людей, какъ и всѣ его синодики, перечислить всѣхъ не можетъ, такъ ихъ много, и царь проситъ Бога помянуть разомъ всѣхъ, „ихже имена самъ вѣси Владыко“; въ синодикѣ 1718 года имѣются фамиліи многихъ свѣтскихъ лицъ того времени: князья, графы, коменданты и бригадиры; въ синодикѣ 1801 года перечислено 1.486 родовъ благотворителей.

Вслѣдъ за осмотромъ ризницы Ихъ Высочества направились къ недалекому мѣсту предстоявшей закладки храма. Чертежъ храма, первый камень котораго долженъ былъ быть положенъ Августѣйшими Посѣтителями, виднѣлся на одномъ изъ столбовъ церкви Успенія, въ которой совершена литургія: храмъ будетъ имѣть пять куполовъ, довольно странной овальной профили, и трехъ-ярусную шатровую колокольню; онъ будетъ длиной въ 25

сажень, обойдется по смѣтѣ 140.000 рублей, не считая монастырскихъ матеріаловъ, и кончится постройкой чрезъ пять лѣтъ. Соборное служеніе при закладкѣ и въ особенности пѣніе, сопровождавшее его, были очень оригинальны; это пѣніе, столбовымъ, уставнымъ напѣвомъ, не отличается тонкостями хоральнаго, духовнаго пѣнія, которое во многихъ монастыряхъ, какъ напримѣръ, въ Тихвинскихъ, достигаетъ высокаго развитія; оно не лишено, однако, глубокой типичности и, свидѣтельствуя о давно прошедшемъ времени, дѣйствуетъ, съ художественной точки зрѣнія, точно такъже, какъ древніе, почти утратившіе черты ликовъ, образа. Вся братія и множество пришлаго народа стояли на мѣстѣ возникновенія будущаго храма; священнодѣйствовавшіе обходили со святою водой и кадили вдоль намѣченныхъ очертаній цоколя; въ основаніе одного изъ столбовъ, въ будущемъ алтарѣ, вложена въ камень мѣдная доска съ описаніемъ дня и порядка закладки и опущены въ масло, освященное елеемъ, серебряныя монеты съ изображеніемъ благополучно царствующаго Государя Императора. Первые два основные кирпича положены собственноручно Ихъ Высочествами и тотчасъ же накрыты другими кирпичами, положенными лицами, имѣвшими счастіе состоять въ свитѣ, и множествомъ монашествующихъ и служащихъ, такъ что при окончаніи службы нижняя часть этого столба обозначилась довольно внушительно и, благодаря непосредственной помощи каменьщиковъ, имѣвшихся налицо, совершенно правильно.

Вслѣдъ за закладкой храма Ихъ Высочества посѣтили трапезную, полную ликовъ угодниковъ, и завтракали у настоятеля, послѣ чего состоялось посѣщеніе нѣсколькихъ острововъ и скитовъ монастырскихъ. Роскошный ясный день способствовалъ очень много художественной красотѣ и безъ того живописныхъ, старательно сохраняемыхъ путемъ большаго труда пустыней и окружающихъ ихъ садовъ и другихъ насажденій. На десятивесельномъ катерѣ, причемъ на веслахъ и рулѣ сидѣли монахи, Ихъ Высочества, сопровождаемые настоятелемъ Іонафаномъ, дававшимъ всѣ необходимыя разъясненія, направились прежде всего въ скитъ Св. Николая, расположенный въ одной верстѣ отъ монастыря, на острову, у самаго входа въ монастырскій заливъ съ озера. Красивый храмъ и при немъ скитскій домъ, въ

которомъ помѣщается 12 человѣкъ братіи, расположены на голыхъ скалахъ, значительная часть которыхъ уже скрылась подъ тщательно обработанною землей, принесенною сюда чуть не пригоршнями или добытой изъ перегноя путемъ долгихъ стараній; на землѣ этой уже размѣстился огородъ, только-что отцвѣли яблони и еще не отцвѣтала, несмотря на конецъ іюня, сирень. Храмъ совершенно новенькій; иконостасъ въ три яруса весь залитъ золотомъ, куполъ 8-ми гранный шатеръ. Въ скитѣ читается вѣчная псалтирь, причемъ каждому изъ монаховъ здѣсь живущихъ приходится отбывать эту обязанность по четыре часа въ сутки. Какой неизсякающій, постоянно растущій потокъ именъ почившихъ людей въ этомъ чтеніи псалтири! Вообще поминовеніе усопшихъ и молитвы о здравіи живущихъ дѣлятся въ монастырѣ на четыре разряда; тѣ, что записаны въ первомъ, поминаются братіей денно и нощно въ трехъ скитахъ и церкви Живоноснаго Источника, такъ что синодикъ и имена умершихъ повторяются въ теченіе сутокъ не менѣе нѣсколькихъ десятковъ разъ. „Христосъ посреди насъ“ говоритъ на Валаамѣ при встрѣчѣ старшій младшему, „и есть и будетъ“ отвѣчаетъ младшій, и это присутствіе вѣчной молитвы, какъ на словахъ, такъ и въ изображеніяхъ, слышится и видится здѣсь на каждомъ шагу.

Проѣхавъ на катерѣ по заливу обратно и повернувъ въ проливъ, находящійся почти противъ самаго монастыря, Ихъ Высочества сдѣлали прогулку вдоль нѣсколькихъ островковъ и сошли на берегъ на одномъ изъ нихъ на богатый лугъ, весь покрытый парчей роскошнѣйшихъ полевыхъ цвѣтовъ; по ту стороны воды виднѣлся небѣленый. кирпичной кладки, скотный дворъ. Отсюда въ монастырскомъ экипажѣ, по превосходнымъ дорогамъ, черезъ многіе мостики, соединяющіе острова, Августѣйшіе Путешественники проѣхали въ скитъ Всѣхъ Святыхъ. Много встрѣчалось по пути богомольцевъ, пользовавшихся между богослуженіями свободнымъ временемъ для ознакомленія съ островами, ими посѣщенными. День стоялъ роскошный, теплый, и богомольцевъ этихъ разсѣяно было много. Сытыя и бойкія монастырскія лошадки не замедлили доставить Ихъ Высочества къ скиту, расположенному въ глубокой листвѣ древняго лѣса. При входѣ въ храмъ Ихъ Высочествамъ представились тѣ два

схимонаха что стояли подлѣ раки во время литургіи; церковь только отдѣлывается и внутренность ея занята лѣсами; стѣны и куполъ расписываетъ монахъ, бывшій ученикъ фигурнаго класса академіи художествъ, живущій здѣсь съ 1873 года; особенно хорошо удается ему изображеніе всѣхъ небесныхъ силъ безплотныхъ въ куполѣ. Послѣ посѣщенія игуменской келіи, въ которой имѣются хорошія изображенія двухъ выдающихся настоятелей Валаама, Назарія и Дамаскина, Ихъ Высочества посѣтили замѣчательную пустынь послѣдняго изъ нихъ.

Еще очень немного лѣтъ тому назадъ на этомъ мѣстѣ стояла бревенчатая хижина, въ которую уединялся Дамаскинъ и росъ нехоленый дикій лѣсъ; теперь это одинъ изъ роскошнѣйшихъ уголковъ всѣхъ нашихъ монастырскихъ обителей безъ исключенія, тщательно взлелѣянный и украшенный всѣмъ искусствомъ современнаго зодчаго и садовода. Прелестный садъ, въ которомъ давно уже укрѣпились и красиво растутъ кедры съ ихъ острою, мягкою зеленью, окружаетъ новенькую церковь, красивыя ворота, звонницу и могилу настоятеля Дамаскина, умершаго въ 1881 году, на 86 году отъ рожденія. Превосходный гранитъ покрывающій мѣсто его упокоенія, тесанъ братіей и ею же планированъ и разбитъ садъ. Чѣмъ было еще недавно это мѣсто, видно изъ недалекой отъ него, но сохранившейся въ прежнемъ бревенчатомъ видѣ пустыни и деревяннаго при ней памятника— колоды схимонаха Николая. Сравненіе этихъ двухъ мѣстъ свидѣтельствуетъ съ полною наглядностью о томъ, что можетъ сдѣлать искусство въ рукахъ людей опытныхъ и во имя доброй любви.

Этимъ посѣщеніемъ окончилось обозрѣніе Ихъ Высочествами Валаамскихъ острововъ. До отбытія на пароходъ Августѣйшіе Гости осчастливили своимъ посѣщеніемъ помѣщеніе настоятеля.

Въ заключеніе нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній. По штату въ монастырѣ полагается 84 монашествующихъ; на самомъ дѣлѣ іеромонаховъ 15, іеродіаконовъ 10, монаховъ 106, послушниковъ 40 и вольныхъ 180 человѣкъ; схимонаховъ 6, іеросхимонахъ одинъ — отецъ Алексѣй. Въ зданіи для рабочихъ имѣется помѣщеніе на 100 человѣкъ, конюшня на 60 лошадей; доброю памятью нынѣшняго настоятеля Іонафана и предшествовавшаго ему Дамаскина остается красивое зданіе водокачальни

съ двумя баками, доставляющее въ день 2.000 ведеръ и этимъ упразднившее великій трудъ тасканья воды на монастырскую гору; паровикъ въ 10 силъ. Монастырь имѣетъ многія мастерскія: столярную, слесарную, живописную, позолотную, рѣзную, швейную, сапожную, малярную, гончарную. Трапезы для неимущихъ въ лѣтнее время не пустуютъ; женщины обѣдаютъ въ гостиницѣ для бѣдныхъ, расположенной подъ горой, а мужчины въ монастырѣ. Въ огромномъ зданіи, назначенномъ для богомольцевъ другихъ классовъ, болѣе состоятельныхъ, отдѣльныхъ нумеровъ 124, и прибывшихъ на молитву монастырь снабжаетъ пищей и питьемъ съ братской трапезы, не требуя за это никакого вознагражденія; при отъѣздѣ каждый изъ гостей,если пожелаетъ, можетъ положить свою лепту на тарелку, которую держитъ стоящій у выхода монахъ. Великимъ лишеніемъ для многихъ является то, что куреніе табаку на Валаамѣ безусловно запрещено.

Нѣтъ другаго мѣста на Руси, кромѣ Соловокъ, которое, подобно Валааму, было бы создано для монастырской жизни, для уединенія. Можно представить себѣ, чѣмъ было оно до 1843 года, до открытія пароходства. Трудами монаховъ воздѣланы въ обители, изъ обращенныхъ въ землю искрошившихся скалъ, богатые огороды, насажены фруктовые сады, проложены дороги. Не диво встрѣтить въ лѣсу оленя, оставшагося здѣсь съ зимы, который, не слыхавъ выстрѣла, спокойно глядитъ на проходящихъ и обусловливаетъ этимъ прелестную картину; зайцевъ тоже много; говорятъ, что соловьи и горлицы появились здѣсь только въ 1863 году. Рыбная ловля составляетъ тоже одно изъ необходимыхъ подспорій: рыбъ много и особенно вкусенъ сигъ. называемый „валаамка“. Отапливаютъ монастырь въ теченіе 10 мѣсяцевъ въ году и теплую одежду сбрасываютъ рѣдко, а зимній путь къ материку возможенъ не во всякую зиму, такъ какъ озеро слишкомъ бурливо и вѣтры мѣшаютъ сростанію льдовъ. Въ долгую зиму Валаамъ—это обиталище темноты, льдовъ и снѣговъ; это цвѣтникъ самыхъ богатыхъ полевыхъ цвѣтовъ въ короткое лѣтнее время; маленькія лужайки, кое-гдѣ просвѣчивающія между деревьевъ и скалъ, пестрѣютъ колокольчиками, верониками, и между ними нерѣдко возвышается граціозная „чертова лапа“, по имени своему острову Валааму вовсе неприличествующая.

День посѣщенія монастыря Ихъ Высочествами ни на минуту не обволакивался тучами. Утромъ было только 5° тепла, къ пяти часамъ пополудни, ко времени отъѣзда, только 7°. Напутствуемая благословеніями настоятеля и братіи, столпившихся у пристани, „Онега“ отошла съ Ихъ Высочествами первою; ей вслѣдъ, „въ раковину“ пошелъ „Озерной“, а затѣмъ „Посыльный“. На паровомъ катерѣ уѣзжалъ по направленію къ Сердоболю финляндскій, не знающій ни слова по русски, фохтъ, представлявшійся Августѣйшимъ Путешественникамъ утромъ. Странно было вспомнить что древнѣйшая православная святыня, Валаамъ, въ административномъ отношеніи подчинена Финляндіи, которая, какъ извѣстно, знаніемъ русскаго языка не отличается; этимъ вызывается очень много крайне важныхъ многоразличныхъ неудобствъ и Валаамъ, часто чувствуя ихъ, давно хотя и безуспѣшно, но справедливо — ходатайствовалъ о присоединеніи своемъ къ петербургской губерніи.

Спустя недолгое время по отбытіи пароходовъ въ озеро, на высотѣ Коневецкаго монастыря, посреди озера, термометръ показывалъ уже 10° тепла; при приближеніи къ Шлиссельбургу, ночью, было совершенно тепло. Не удивительно при этомъ странномъ климатическомъ условіи, что на Валаамѣ еще цвѣла сирень, а отапливаютъ монастырскія зданія въ теченіе десяти мѣсяцевъ. Окруженная вѣчно холодною волной Ладожскаго озера, почти не знающею, что значитъ полная тишина въ воздухѣ, обитель, даже при полной ясности іюльскихъ дней, не вѣдаетъ ни жары, ни духоты.

Къ девяти часамъ утра 1 іюля Ихъ Высочества находились на пристани въ Петербургѣ, гдѣ встрѣчены начальствующими лицами. Переѣздъ по Ладожскому озеру и на этотъ разъ, несмотря на дурное показаніе барометра и штурмовые конусы, Августѣйшіе Путешественники совершили вполнѣ благополучно, какъ это уже бывало и прежде.

Въ самый день возвращенія Великаго Князя въ Петербургъ по войскамъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа отданъ былъ слѣдующій приказъ:

Посѣтивъ Лугу, Порховъ, Опочку, Великіе Луки, Торопецъ, Холмъ, Старую Руссу, Крестцы, Тихвинъ, Новую Ладогу и Олонецъ, я произвелъ смотры расположеннымъ въ городахъ этихъ полевымъ, резервнымъ и мѣстнымъ вой-

скамъ и обошелъ Старорусскую санитарную станцію. Поименованныя воиска, а въ особенности 86-й пѣхотный Вильманстрандскій полкъ и резервныя роты, отличаются бодрымъ видомъ людей, молодцоватою выправкой, вниманіемъ и тишиной во фронтѣ, вѣрнымъ исполненіемъ строевыхъ уставныхъ ученій, ловкостію въ гимнастическихъ упражненіяхъ и вообще вполнѣ успѣшнымъ обученіемъ.

Обмундированіе и снаряженіе въ осмотрѣнныхъ частяхъ находятся въ примѣрномъ состояніи. Казармы повсюду обставлены для квартирующихъ возможными удобствами и содержатся въ полномъ порядкѣ. Къ размѣщенію войскъ военно-инженерное вѣдомство и городскія общества относятся съ должнымъ вниманіемъ и, по заявленію начальниковъ частей, встрѣчаемыя потребности, въ большинствѣ случаевъ, ими удовлетворяются съ похвальною готовностію и сообразно имѣющимся на это средствамъ. Лучше прочихъ размѣщенъ 86-й пѣхотный Вильманстрандскій полкъ, 1-я рота перваго, 1-я и 4-я роты втораго и 4-я рота третьяго пѣхотныхъ резервныхъ (кадровыхъ) баталіоновъ и Великолуцкая мѣстная команда; сравнительно менѣе удовлетверительны воинскія помѣщенія въ Тихвинѣ, Холмѣ и Порховѣ, гдѣ, впрочемъ, уже приступлено къ предварительнымъ работамъ по сооруженію новыхъ казармъ. Церковь и офицерское собраніе 86-го пѣхотнаго Вильманстрандскаго полка обставлены съ соблюденіемъ въ нихъ примѣрнаго благоустройства, свидѣтельствуя о проявленіи со стороны ближайшаго начальства попечительности объ этихъ крайне важныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ такое существенное значеніе въ удовлетвореніи истинныхъ нуждъ ввѣренныхъ ему частей. Судя по числу больныхъ, санитарное состояніе поименованныхъ войскъ — превосходно. Заболѣвающіе воинскіе чины поступаютъ на излѣченіе: въ Старой Руссѣ—въ лазаретъ 86-го пѣхотнаго Вильманстрандскаго полка и въ прочихъ городахъ—въ мѣстныя городскія или земскія больницы, состояніе которыхъ, при большой за военныхъ больныхъ платѣ, можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ лишь въ городахъ Великіе Луки, Торопцѣ и Порховѣ.

Пища въ дни моихъ смотровъ, въ 1-й мѣстной бригадѣ постная и въ прочихъ частяхъ — скоромная, была вкусна, питательна и соотвѣтствовала утвержденнымъ раскладкамъ. Хлѣбъ вездѣ отлично выпеченъ изъ доброкачественной муки. Во всѣхъ казармахъ кухни хорошо устроены и столовыя заботливо обставлены. При посѣщеніи Старорусской санитарной станціи я засталъ въ ней хорошую пищу и общій во всемъ порядокъ.

Въ мѣстныхъ командахъ я прослѣдилъ движеніе цифровыхъ данныхъ, выясняющихъ состояніе нравственности въ осмотрѣнныхъ частяхъ и ходъ занятій въ нихъ грамотности. Основываясь на числѣ преданныхъ суду и подвергнутыхъ дисциплинарнымъ взысканіямъ за 1886 годъ, нравственность представляется неудовлетворительною въ Великолуцкой и Тихвинской мѣстныхъ командахъ, изъ которыхъ въ каждой однихъ дисциплинарныхъ взысканій было наложено свыше 60, то-есть, въ среднемъ выводѣ, на двѣ трети штатнаго ихъ состава, тогда какъ въ Торопецкой мѣстной командѣ было 30

взысканій и въ Опочецкой конвойной 7, наложенныхъ исключительно самими уѣздными воинскими начальниками, несмотря на то, что въ приказѣ по округу 1885 № 28, я выражалъ требованіе, чтобы начальники изъ нижнихъ чиновъ для поддержанія ихъ авторитета не были лишаемы закономъ предоставленнаго имъ права: налагать въ опредѣленной степени взысканія съ подчиненныхъ имъ чиновъ.

Обученіе грамотѣ ведено съ большимъ успѣхомъ въ Олонецкой, Торопецкой и Тихвинской мѣстныхъ и конвойныхъ командахъ; въ прочихъ командахъ приращеніе въ числѣ грамотныхъ было незначительно.

Изъ вѣдомостей о служебныхъ нарядахъ я усмотрѣлъ, что до сихъ поръ не упразднены караулы при пороховыхъ погребахъ въ Великолуцкой и Олонецкой командахъ, на что обращаю вниманіе начальниковъ 1-й и 2-й мѣстныхъ бригадъ, такъ какъ сокращеніе наряда при настоящихъ штатахъ оказываетъ благотворное вліяніе на состояніе войскъ.

Во всѣхъ городахъ я посѣтилъ остроги и при этомъ убѣдился въ соотвѣтственномъ устройствѣ большинства изъ нихъ. О нѣкоторыхъ частныхъ улучшеніяхъ въ тюрьмахъ, вызываемыхъ стремленіемъ къ устраненію побѣговъ, мною на мѣстѣ даны губернаторамъ соотвѣтствующія указанія. Начальникамъ частей, съ своей стороны, слѣдуетъ заявлять мѣстнымъ тюремнымъ комитетамъ о мѣрахъ, способствующихъ, по ихъ мнѣнію, къ предупрежденію побѣговъ, обращаясь по командѣ при неуспѣхѣ такихъ сношеній и всегда помня, что упускъ изъ тюрьмы арестанта обнаруживаетъ отсутствіе предусмотрительности и заботливости по ея охранѣ, отвѣтственность за которую въ большинствѣ случаевъ не можетъ не падать и на чиновъ караула.

Управленія всѣхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ удобно помѣщены и хорошо устроены. Видъ писарей — солдатскій, веселый и здоровый.

Предоставляя подробную повѣрку дѣлопроизводства въ управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ начальникамъ мѣстныхъ бригадъ, я на этотъ разъ лично ознакомился съ состояніемъ отчетности по учету запаса и призыву лишь настолько, насколько то признавалъ необходимымъ для выясненія степени подготовки уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ къ успѣшному исполненію лежащихъ на нихъ по мобилизаціи обязанностей. Въ этомъ отношеніи всѣхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, за исключеніемъ крестецкаго, нашелъ я знающими дѣло, опытными и усердными.

Личный составъ начальниковъ осмотрѣнныхъ частей и всѣхъ гг. офицеровъ оставилъ во мнѣ наилучшее впечатлѣніе: я не могъ не замѣтить въ чинахъ этихъ преданности долгу и любви къ дѣлу, составляющихъ наиболѣе вѣрныя основы для достиженія прочныхъ успѣховъ въ исполненіи закономъ возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Объявляя о результатахъ настоящаго моего осмотра для руководства Высочайше ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, обращаю особенное вниманіе начальниковъ мѣстныхъ бригадъ на необходимость такого воспитанія нижнихъ чиновъ въ мѣстныхъ и конвойныхъ командахъ, при которомъ побѣги арестан-

товъ изъ тюремъ и въ пути, составляющіе безчестье для караула и конвоя, были бы немыслимы. Отмѣчаю важное значеніе въ этомъ отношеніи поддержанія нравственности и развитія грамотности, дальнѣйшее утвержденіе которыхъ въ мѣстныхъ войскахъ оставляютъ еще многаго желать.

Подписалъ:

Главнокомандующій Генералъ-Адъютантъ *ВЛАДИМІРЪ*.

Съ возвращеніемъ въ Петербургъ изъ своего четвертаго объѣзда петербургскаго военнаго округа (1884, 1885, 1886 и 1887 года), Великій Князь исполнилъ въ точности программу задуманную еще пять лѣтъ назадъ.

Этимъ объѣздомъ завершились напередъ намѣченные смотры частямъ войскъ, всесторонняя мѣстная обстановка которыхъ отнынѣ близко извѣстна ихъ Августѣйшему Главнокомандующему. Слѣдя за благосостояніемъ войскъ петербургскаго военнаго округа, Великій Князь успѣлъ попутно ознакомиться еще и съ многими изъ частей сосѣднихъ, московскаго и виленскаго, военныхъ округовъ, къ несказанной всѣхъ ихъ радости. Посѣщеній Царева Брата, мы знаемъ, съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ также войска и прочихъ округовъ. Осуществленіе такихъ надеждъ въ ближайшемъ будущемъ не невозможно, такъ какъ на очереди, мы слышали, стоитъ осмотръ нѣкоторыхъ изъ нашихъ пограничныхъ крѣпостей и, судя по бывшимъ примѣрамъ, несомнѣнное посѣщеніе войскъ, расположенныхъ по пути предстоящаго объѣзда.

Конечно, результаты поѣздокъ въ военномъ отношеніи очевидны, но и другія послѣдствія ихъ едва-ли не выше. Посѣщеніе балтійской окраины, напримѣръ, имѣло особенно важныя послѣдствія. Отъ прозорливаго вниманія Его Высочества не могла ускользнуть ни одна сколько нибудь существенная исключи-

тельность. Знакомство съ этимъ краемъ воочію показало не только неизбѣжную необходимость въ болѣе дѣйствительныхъ мѣрахъ къ слитію окраины этой съ нашимъ дорогимъ отечествомъ, но и несомнѣнные недостатки въ мѣстныхъ распорядкахъ.

Въ общемъ Великокняжескіе объѣзды подтвердили Царю Брату о той отрадной преемственности вѣрноподданническихъ чувствъ, которая сказывалась всегда и повсюду въ населеніи. Чувства эти соединяли всѣхъ въ одну дружную семью, безгранично преданную и любящую своего Государя, бодро и увѣренно смотрящую впередъ.

Оглавленіе.

1887 годъ.

стр.

ОЧЕРКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ. 321

ЛУГА. Характеристика Луги. Соборъ. Легенда о планѣ. Служебныя и другія посѣщенія. 328

ПОРХОВЪ. Путь къ Порхову. Грива. Легенда Судомы-горы. Историческое. Значеніе рубленыхъ городовъ. Военныя судьбы и переходъ къ Москвѣ. Старинная опись. Соборъ. Церковь Св. Николая. Древнія стѣны. Учрежденія табачнаго фабриканта Жукова. Служебные осмотры. Лопухинская богадѣльня. Хиловскія минеральныя воды. Балавинскія собаки. Отъѣздъ въ Опочку. 331

ОПОЧКА. Посѣщеніе Острова. Лукаши. Пріѣздъ въ Опочку. Соборъ. Историческое. Вопросъ о подрѣзанномъ мостѣ. Двѣ чудотворныя иконы. Крестные ходы. Мѣстные историки: Травинъ, Замыцкій и Бутырскій. Поплѣшныя пошлины. Исчезнувшій водный путь. Служебныя посѣщенія. Видъ на городъ съ вала. Отъѣздъ. 339

НЕВЕЛЬ. Николаевское шоссе. Особенности витебской губерніи. Отсутствіе земства. Остатки панства. Бѣлоруссы. Радзивилловское имѣніе. Гоненія на православіе. Унія и іезуиты. Жанвильскіе сопки. Панцырные бояре. Воспоминанія о Витгенштейнѣ и Кульневѣ. Видъ Невеля. Соборъ и монастырь. Село Иваново. Какъ усмиренъ Пугачевъ. Могила Михельсона и недоросля Григорія. Сеньково. 347

ВЕЛИКІЯ ЛУКИ. Характеръ пути. Развитіе въ деревняхъ хороваго пѣнія. Въѣздъ въ городъ. Соборъ. Народный праздникъ. Наплывъ

стр.

евреевъ. Лука разбойникъ. Новгородское время. Витольдъ литовскій и Стефанъ Баторій. Погромъ 1580 года. Измѣнникъ Валуевъ. Царскія посѣщенія. Дороги. Исчезновеніе женскихъ историческихъ одѣяній. Безобразія помѣщичьяго времени. Вознесенскій монастырь. Видъ съ крѣпостнаго вала. Отъѣздъ 357

ТОРОПЕЦЪ. Характеръ пути. Классическія березы. Прибытіе въ городъ. Историческія одѣянія торопчанокъ. Соборъ Корсунская икона. Свадьба Александра Невскаго. Іоаннъ IV. Мѣстные историки: Находкинъ, Иродіоновъ, Семевскій. Посидѣлки. Петръ I и комендантъ Алексѣевъ. Общій видъ церквей. Четыре характерныя легенды. . . 366

ОТЪ ТОРОПЦА НА ХОЛМЪ КЪ СТАРОЙ РУССѢ. Пожни. Замѣчательный иконостасъ. Разрушаемая усадьба. Буря. Пріѣздъ въ Холмъ. Вечеръ на берегу Ловати. Поддорье. Поднятіе креста. Постройки въ двухъ смежныхъ губерніяхъ. Прибытіе въ Старую Руссу. . . . 375

СТАРАЯ РУССА. Въѣздъ въ городъ. Спасопреображенскій монастырь. Соборъ. Старорусская икона. Дворецъ. Древность города. Казнь новгородцевъ. Солевареніе. Характеристика военныхъ поселеній и поселенческаго бунта. Исторія минеральныхъ водъ. Буреніе источника. Завѣдываніе водами. Нынѣшнее ихъ положеніе. Два литературныя воспоминанія: Посошковъ и Достоевскій. Ихъ характеристики. Великокняжескіе посѣщенія и смотры. Санитарная станція. Школы: Святодуховская и Достоевскаго. Посѣщеніе дома Достоевскаго. Церковь Св. Георгія. Цифровыя данныя. Филологическая замѣтка. Отъѣздъ изъ Старой Руссы. 382

КРЕСТЦЫ. Отличія крестецкаго уѣзда. Характерность мѣстныхъ ямщиковъ. Прежній булыжный путь. Историческое: поворотный пунктъ Батыева нашествія и важное мѣропріятіе Скопина-Шуйскаго. Соборъ. Служебныя посѣщенія. Дѣятельность бывшаго губернатора Э. В. Лерхе. Добрыя отношенія сословій. Выѣздъ въ Грузино 403

ГРУЗИНО. ПУТЬ КЪ ТИХВИНУ. ТИХВИНСКАЯ СИСТЕМА. Пріѣздъ въ Грузино. Замѣчательное разрушеніе воли Аракчеева. Допущенныя отступленія отъ законовъ. Исторія завѣщанія. Нынѣшнія предположенія. Послѣднія извѣстія о Шумскомъ. Исторія яхты »Голубка«. Отъѣздъ изъ Грузина. Путь тихвинскихъ богомольцевъ. Рѣка Сясь. Тихвинская водная система. Ея исторія и новѣйшія распоряженія. Пріѣздъ въ Тихвинъ. 409

ТИХВИНЪ. Наплывъ богомольцевъ къ празднику. Торжественная литургія въ большомъ монастырѣ. Тихвинскіе монастыри. Явленіе иконы. Особенности возникновенія монастыря. Построеніе храма. Цари Василій Іоанновичъ и Іоаннъ Васильевичъ. Начало обители. Славная защита въ лихолѣтье. Чудеса. Описаніе соборнаго храма Успенія. Икона Тихвинской Божіей Матери. Икона Старорусской

стр.

Божіей Матери. Кому принадлежитъ она? Вѣковыя ходатайства. Другія иконы. Историческая картина Истомина. Ризница и ея богатства. Другіе храмы монастырскіе. Изцѣленіе Боровскаго. Крылечко и его иконы. О Реконской обители. Странникъ Шапошниковъ. Легенда о могилѣ Іоанна Антоновича Ульриха. Введенскій женскій монастырь и его былое. Усыпальница царицы Дарьи Алексѣевны. Закладка памятника Петру Великому. Прогулка по рѣкѣ Тихвинкѣ. Служебныя посѣщенія. Выѣздъ въ Горки. 419

ОТЪ ТИХВИНА КЪ НОВОЙ ЛАДОГѢ. СТОЛБОВО. ЛАДОЖСКІЕ КАНАЛЫ. Тихвинская страна. Часовни и церкви. Столбово. Историческія воспоминанія о мирѣ. Усадьба Горки. Встрѣча Великой Княгини. Отъѣздъ въ Новую Ладогу. Рѣка Сясь и ея дровяники. Кулачество. Новая Ладога. Отъѣздъ. Опасность, предстоящая нашимъ каналамъ. Встрѣча на Каномскомъ перевозѣ 440

АЛЕКСАНДРО-СВИРСКІЙ МОНАСТЫРЬ. Олонецкій пейзажъ. Прежнее значеніе монастыря. Его обличіе. Храмы. Рака святыхъ мощей. Историческія судьбы. Архіерейская каѳедра. Ризница. Замѣчательный крестъ, даръ Іоанна Грознаго. Личность архимандрита Александра и его казнь. Отъѣздъ въ Олонецъ 449

ОЛОНЕЦЪ. Путь вдоль Мегреги. Древнія обличія церквей. Видъ Олонца. Женскія одѣянія. Соборъ и древнѣйшіе храмы. Исторія Олонца. Судьбы нашихъ древнѣйшихъ городовъ. Посѣщеніе Александра I и разсказы о немъ. Сказатели былинъ. Писецъ Панинъ. Посѣщеніе Петра Великаго и разсказы о немъ. Память стрѣльцовъ. Выѣздъ изъ Олонца. Рѣка Олонка. Прибытія на Валаамъ 456

ВАЛААМЪ. Общій видъ Валаамскаго залива. Торжество встрѣчи. Литургія въ Успенской церкви. Схимонахи. Смыслъ нашихъ монастырей. Ихъ двоякое значеніе. Два главныя отличія Валаама: древность и количество святыхъ. Неправильность его административной зависимости отъ Финляндіи. Характеристика архипелага. Пониженіе уровня Ладожскаго озера. Мѣсто упокоенія Св. Сергія и Германа. Начало исторіи. Многократныя уничтоженія и возникновенія. Странствія монаховъ. Возрожденіе при Петрѣ I. Алеутская миссія. Посѣщенія Александромъ I и Александромъ II. Порядокъ постриженія и прохожденія монастырскаго чина. Схима. Похороны и синодики. Кладбище. Апокрифическая гробница короля Магнуса. Ризница и библіотека. Закладка новаго храма. Прогулка по островамъ. Скиты Св. Николая и Всѣхъ Святыхъ. Чтенія Псалтири. Пустынь Дамаскина. Общія свѣдѣнія. Отъѣздъ и прибытіе въ Петербургъ. . . . 464

УЧИТЕЛЬСКАЯ БИБЛІОТЕКА
1 УЧАСТКА КУРГАНСКАГО УѢЗДА
Тобольской губерніи
ОТДѢЛЪ_____№_____

2358-88

ЧИТЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА
УЧАСТКА КУРГАНСКАГО УЕЗДА
Тобольской губернии
ОТДѢЛЪ____№_____

076202013
Государственная библиотека Югры